Ч 139/6
Ростиславов.
Духовн. училища.
Т. 2 изд. 2

И 139/6

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ВЪ РОССІИ.

Ростиславов.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф.31-56

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1866.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ВЪ РОССІИ.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1866.

Traduction du titre au revers.

8174
F (1-2)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Стр.

О нравственной и экономической частяхъ въ духовныхъ училищахъ 1

ГЛАВА 1я. Нѣсколько общихъ замѣчаній о нравственномъ воспитаніи въ училищахъ 2

ГЛАВА 2я. О тѣхъ обстоятельствахъ, которыя имѣютъ вліяніе на нравственное развитіе дѣтей духовнаго званія въ домахъ ихъ родителей 12

ГЛАВА 3я. Общее понятіе о происхожденіи казенныхъ школьныхъ добродѣтелей 53

Отдѣленіе 1ое. Объ училищномъ послушаніи 59

Отдѣленіе 2ое. Объ училищномъ смиреніи 75

ГЛАВА 4я. Объ общихъ способахъ, посредствомъ которыхъ стараются развить и укрѣпить нравственность въ ученикахъ 88

Отдѣленіе 1ое. О положительныхъ способахъ развивать и укрѣплять нравственность въ ученикахъ 89

Отдѣленіе 2ое. Объ отрицательныхъ способахъ развивать и укрѣплять нравственность въ ученикахъ 116

ГЛАВА 5я. О нравственно-экономическихъ и экономически-нравственныхъ распоряженіяхъ въ духовныхъ училищахъ 149

Отдѣленіе 1ое. О хозяйственныхъ, ученыхъ и другихъ занятіяхъ учениковъ въ пользу своихъ воспитателей 151

Отдѣленіе 2ое. О взаимной благодарности между воспитателями и отцами дѣтей, воспитывающихся въ училищахъ 170

Отдѣленіе 3ье. О нравственно-экономическихъ распоряженіяхъ касательно найма прислуги, освѣщенія и отопленія комнатъ 184

Отдѣленіе 4ое. Объ экономически-нравственныхъ распоряженіяхъ суммами, назначаемыми казною на содержаніе учениковъ 197

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о нравственномъ воспитаніи въ училищахъ.

Въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ научное образованіе учениковъ не только можетъ, но и должно быть неодинаковымъ по своему содержанію, объему и пр.; основаніемъ различія служитъ возрастъ и тотъ родъ занятій, къ которому ученики предназначаются. Не странно ли напр. было бы требовать, чтобы студентамъ духовной и медицинской академій преподавались совершенно однѣ и тѣже науки, въ томъ же объемѣ, или чтобы уѣздныя училища, гимназіи и факультеты университетскіе доставляли одинаковое образованіе молодымъ людямъ? Потому и мы, говоря объ ученой части въ духовныхъ училищахъ, собирали такіе факты и наблюденія, которые имъ преимущественно свойственны и свои предположенія главнымъ образомъ примѣняли къ нимъ только. Но подобной методы держаться нельзя, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ, когда разсуждаютъ о нравственномъ образованіи воспитанниковъ. Нравственность составляетъ принадлежность всего рода человѣческаго и каждаго его члена. Про умъ еще говорятъ: „зачѣмъ его бѣдному и угнетенному судьбою пролетарію; зачѣмъ ученое образованіе дьячку, солдату, мѣщанину; — даже къ чему слишкомъ научное образованіе священнику?“ Но уже никто, кажется, не скажетъ, что мужикъ можетъ быть без-

нравственнымъ, также какъ *нѣкіи филантропы* желаютъ его оставлять до окончанія міра невѣжественнымъ, — что честность, самоотверженіе, добросовѣстность, любовь къ ближнему составляютъ обязанность высшихъ классовъ, а низшіе могутъ быть и плутами и себялюбцами и человѣконенавистниками. Это мало, — никто не скажетъ, что христіанскія добродѣтели нужны, такъ сказать, въ различныхъ степеняхъ людямъ, смотря по ихъ общественному положенію, что напр. образцемъ правдивости обязанъ быть предсѣдатель Уголовной Палаты, а писцу нужно отпустить небольшую ея пропорцію, и потомъ по мѣрѣ повышенія его въ помощники столоначальника, въ столоначальники увеличивать запасъ честности, — что въ военномъ сословіи любовь къ отечеству и самоотверженіе во время сраженія должны возрастать вмѣстѣ съ чинами, въ солдатѣ быть въ зародышѣ, и въ генералахъ достигать высшаго развитія, — что архипастыри одни обязываются быть образцемъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, а низшее духовенство и и особенно дьячки имѣть изъ нихъ кое-что по малости. Даже съ перваго раза какъ-то странно слышать, что люди, которые будто бы изъ человѣколюбія стараются оставлять въ умственномъ застоѣ низшіе классы, что эти самые филантропы нравственное образованіе считаютъ для тѣхъ классовъ едвали не болѣе необходимымъ, нежели для высшихъ, даже для себя (подивитесь же ихъ самоотверженію и любви къ меньшей братіи!) Нигдѣ такъ щедро не разсыпаются слова: христіанское терпѣніе, безропотное повиновеніе всякой власти, благодушное перенесеніе не-

пріятностей, искреняя преданность Промыслу, какъ когда говорятъ о низшихъ классахъ, особенно о крестьянахъ. На основаніи высказанныхъ нами замѣчаній мы полагаемъ, что правила для нравственнаго образованія должны быть рѣшительно одни и тѣже во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы вовсе никакъ не понимаемъ, почему воспитанники духовной семинаріи должны быть *добродѣтельными* особымъ образомъ отъ воспитанниковъ технологическаго института? Почему, желая ихъ сдѣлать людьми честными, не лгунами, не обманщиками, надобно держаться особыхъ методъ при воспитаніи тѣхъ или другихъ. Вотъ почему мы свои сужденія о нравственомъ образованіи рѣшились прилагать, сколько будетъ возможно, ко всѣмъ вообще училищамъ, и обращать вниманіе на факты, встрѣчающіеся также во всѣхъ школахъ, имѣя впрочемъ въ виду преимущественно духовно-учебныя заведенія.

Изъ всѣхъ существующихъ и существовавшихъ нравственныхъ ученій первое мѣсто отдаютъ христіанской нравственности по причинѣ ея возвышенности, чистоты и сообразности съ человѣческою природою. Она перенесена съ неба Основателемъ христіанской религіи, развита и распространена во всѣхъ концахъ вселенной Его учениками Апостолами, прояснена и облечена въ научную форму богословами всѣхъ вѣковъ, и нынѣ представляетъ такую систему, которой подобнаго образцика не найдемъ во всей древности, во всѣхъ прочихъ религіяхъ. Она, по принятому порядку, входитъ въ общій составъ христіанскаго вѣроученія. Но у насъ, на Руси, многіе

думаютъ, что о предметахъ, относящихся къ этому вѣроученію, могутъ и должны высказывать свои мнѣнія только лица, на то посвященныя, уполномоченныя Церковію и *преизбыточествующія изліянною на нихъ благодатію Божіею;* такъ что считается даже какою-то профанаціею, если лице не духовное начинаетъ разсуждать о христіанской нравственности, хотя бы оно имѣло дипломъ магистра Богословія. Не станемъ спорить, въ какой степени справедливо это мнѣніе, предоставимъ теологическій взглядъ на христіанскую нравственность одному духовенству. Но и оно едва ли съ другой стороны станетъ спорить, что ту же самую нравственность можно разсматривать съ психологической точки зрѣнія. Вѣдь нравственныя правила, сообщаемыя религіею человѣку для руководства въ жизни, не надобно считать чѣмъ-то похожимъ на мебель и обои, которыми украшаютъ комнаты, — на одежду, которую надѣваютъ на человѣка; поставь мебель, дай одежду, человѣкъ уже самъ съумѣетъ ими воспользоваться. Назначать подобное мѣсто нравственнымъ правиламъ въ нашей душѣ есть даже богохульство. Стремленіе къ нравственности надобно считать столь же естественнымъ для людей, какъ и стремленіе ихъ къ образованности. Мы думаемъ, что если нравственныя правила сравнивать съ чѣмъ либо, то ихъ можно назвать самыми нѣжными растеніями. Чтобы растенія эти принялись, разрослись, и принесли плоды, нужно (продолжимъ сравненіе), приготовить почву, удобрить ее, ухаживать за растеніями, имѣть за ними постоянный, бдительный надзоръ особенно въ первое время, да и послѣ когда расте-

ніе станетъ уже деревомъ съ обильными плодами, и тогда не должно забывать, что оно можетъ быть повреждено, сдѣлаться безплоднымъ и даже вовсе засохнуть. Такимъ образомъ является возможность разсматривать нравственную дѣятельность точно также, какъ и умственную, — есть право думать, что каждая изъ нихъ развивается на основаніи психологическихъ законовъ, что развитіе той и другой можно ускорять, ослаблять и вовсе останавливать. Психологическій нашъ взглядъ вовсе не будетъ противорѣчить теологическому, даже не можетъ. Сами богословы говорятъ, что законы психологическіе даны тѣмъ же Творцомъ, Который устами Спасителя и Его Апостоловъ передалъ намъ нравственность христіанскую. Неужели же ясное пониманіе первыхъ можетъ кѣмъ либо быть сочтено притязаніемъ на святость и неприкосновенность послѣдней? Да не будетъ ничего подобнаго!

Но нравственная жизнь каждаго человѣка, будетъ ли она разсматриваться съ психологической или теологической точки зрѣнія, является намъ едвали не постоянною борьбою съ интересами, предразсудками, суевѣріями, прихотями, привычками, ложными мнѣніями, какъ своими собственными, такъ и другихъ людей. Нравственность вамъ, г. судья, предписываетъ быть человѣкомъ честнымъ и безкорыстнымъ, не торговать совѣстію, не продавать правосудія. Но вотъ къ вамъ является покорнѣйшій проситель и ходатай, умоляя о защитѣ мнимоневиннаго, и предлагая за эту защиту полновѣсную благодарность. Вотъ вы получаете письма отъ лицъ, которыя имѣ-

ютъ на васъ вліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ у васъ защиты тому же мимоневинному, а иногда чуть не приказываютъ, напоминая, что вы имъ всѣмъ одолжены и отъ нихъ зависите. А тутъ является къ вамъ жена съ донесеніемъ, что нѣтъ денегъ на завтрашній обѣдъ, или на бурнусъ ей съ дочерьми, кромѣ того вы и сами знаете, что ваша дочь давно уже невѣста и остается *въ дѣвахъ* за неимѣніемъ приданаго. Вы ищете пособія у своихъ пріятелей, знакомыхъ, и вами облагодѣтельствованныхъ и всюду получаете отказъ; задумываетесь, что вамъ дѣлать? А тутъ просьбы о защитѣ и предложеніе благодарности опять являются, развѣ не борьба будетъ, если вы при такой обстановкѣ останетесь честнымъ человѣкомъ? Вы именно будете походить на коменданта полуразрушенной крѣпости съ слабымъ гарнизомъ, съ недостаточными запасами, — который успѣлъ защитить ее противъ многочисленной арміи. Еще нравственность вамъ, г. патріотъ, предписываетъ жертвовать всѣмъ, не исключая жизни, для отечества, въ случаѣ нашествія непріятельскаго. Но вы привыкли къ домашнему комфорту, обзавелись семействомъ, которое безъ васъ должно многовыстрадать, любите жизнь съ ея удовольствіями, не имѣете даже привычки къ военному ремеслу. И если за всѣмъ тѣмъ вы добровольно отправлялись въ Крымъ и Севастополь, грудью удерживали на колебленныхъ твердыняхъ послѣдняго напоръ непріятелей, — что развѣ и это не борьба? Да именно борьба, и почти вездѣ борьба, когда коснется дѣло нравственныхъ обязанностей. Мы выставили рѣзкіе случаи, впрочемъ тоже самое найдемъ

и въ самыхъ скромныхъ добродѣтеляхъ. Но въ этой войнѣ всякій человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ, всѣ, такъ сказать, военныя званія, онъ одинъ и солдатъ и офицеръ, и генералъ и главнокомандующій, даже оберъ-провіантмейстеръ, криге-коммисаръ и пр. ему часто рѣшительно въ себѣ одномъ надобно находить всѣ силы необходимыя въ такой войнѣ, не ожидать ни чьихъ ни совѣтовъ, ни приказаній, не разсчитывать ни на чье пособіе, дѣйствовать своею только головою. И потому, г.г. воспитатели, не обязаны ли вы приготовить своихъ воспитанниковъ къ къ этой борьбѣ и развить въ ихъ душѣ качества, необходимыя для нея? Что же эти за качества? Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Человѣку въ нравственной борьбѣ часто нужно бываетъ не увлекаться собственными интересами, не трогаться пристрастными сужденіями окружающихъ ихъ его людей, забывать мелкіе расчеты корыстолюбія и самолюбія. И потому не нужно ли ему сообщить ту *возвышенность духа*, которая человѣка ставитъ внѣ зависимости отъ всѣхъ мелочей, выше разсчетовъ? Далѣе нравственнымъ требованіямъ часто противодѣйствуютъ сильные авторитеты, мнѣнія людей дорогихъ нашему сердцу, колкія насмѣшки не одпихъ враговъ, а даже и друзей, предразсудки и повѣрья общества и пр. Не нужно ли поэтому съ самаго дѣтства развить въ человѣкѣ *ту самостоятельность*, *ту силу воли*, *тотъ стойкій характеръ*, которые умѣютъ торжествовать надъ всѣми подобными препятствіями? Возвышенность души и самостоятельность, тѣмъ болѣе необходимы для нравственности

что въ побужденіяхъ къ ней должно господство полное безкорыстіе. Нѣкоторые моралисты въ своихъ увѣщаніяхъ быть нравственными указываютъ людямъ, какъ на приманку, на тѣ выгоды, которыя приноситъ нравственность, на тѣ награды, которыя она рано или поздно получаетъ, — пугаютъ простодушныхъ людей тѣми гибельными послѣдствіями и наказаніями, которыя влечетъ за собою безнравственность, эти моралисты поступаютъ, по нашему мнѣнію, несправедливо. Связывать нравственность съ такими приманками и препятствіями значитъ рисковать сдѣлать человѣка безнравственнымъ и притомъ по самому строгому логическому наведенію. Не удайся человѣку нѣсколько, или даже одинъ разъ не получить за свой нравственный поступокъ тѣхъ выгодъ, которыхъ онъ ожидалъ, или удайся избѣгнуть тѣхъ невыгодъ, которыми ему угрожали въ случаѣ безнравственности, не должна ли родиться сама собою и утвердиться въ немъ мысль, что можно быть безнравственнымъ безъ всякой опасности, а иногда даже выгоднѣе, нежели нравственнымъ. Далѣе плоха нравственность, основанная на выгодахъ, это не нравственность, а торговая спекуляція, которая за небольшой капиталъ хочетъ получить огромные проценты въ близкій и отдаленный срокъ. Нѣтъ, нравственныя правила и побужденія должны быть безкорыстны, выше всѣхъ разчетовъ. *Нравственный человѣкъ долженъ поступать нравственно только потому, что такъ должно поступать, что иначе поступать нельзя, не слѣдуетъ.* И потому, г.г. воспитатели, не обязаны ли вы развить въ своихъ воспитан-

никахъ то *благородство души*, которое заставляетъ человѣка исполнять свои обязанности единственно по сознанію долга, по увѣренности, что ему иначе поступать стыдно, неприлично, не должно, не возможно, доведите ихъ до этого сознанія, до этой увѣренности, тогда они будутъ нравственными людьми безъ всякихъ спекуляцій.

Но какъ достигнуть этого? спросите вы. Конечно не легко, но и не слишкомъ трудно, только нужно усердіе, терпѣніе и искреннее желаніе сдѣлать добро. Вы знаете, какъ впечатлительны бываютъ дѣти съ молодыхъ лѣтъ. Что́ бы вы ни сдѣлали въ глазахъ ребенка, что бы вы ни сказали, онъ всячески хлопочетъ подражать вамъ и рѣдко не успѣваетъ, хотя часто не понимаетъ значенія ни вашего поступка, ни вашихъ словъ. Вы крикнули на слугу, выбранили его, или *распекли* подчиненнаго при своемъ сынѣ; посмотрите, онъ уже подражаетъ, иногда вамъ же самимъ повторяетъ ваши распекательныя и бранчивыя слова со всѣми замѣченными въ васъ жестами и тѣлодвиженіями. Вы утѣшаете несчастнаго, отираете его слезы, принимаете въ немъ душевное участіе, жалѣете, помогаете, — посмотрите и вашъ малютка, за неимѣніемъ субъектовъ дѣйствительно несчастныхъ, расточаетъ свои ласковыя слова куклам. Воспользуйтесь вы этою живою впечатлительностію дѣтей, она даетъ вамъ возможность сдѣлать изъ нихъ самихъ нравственныхъ людей безъ всякихъ крутыхъ средствъ, по крайней мѣрѣ, безъ частаго ихъ употребленія. Для успѣха въ своемъ намѣреніи, потрудитесь сами не дѣлать никакихъ безнравственныхъ по-

ступковъ, не унижайте себя подлостію, человѣкоугодничествомъ, не показывайте презрѣнія къ людямъ, избѣгайте всякой несправедливости, ведите себя какъ прилично честному и благородному человѣку, оказывайте добро своимъ ближнимъ; — повѣрьте, — такой образъ жизни будетъ дѣйствовать на вашихъ питомцевъ лучше вашихъ трактатовъ и системъ Нѣмки. Дитя, изъ подражательности постарается перенять ваши дѣйствія. По мѣрѣ умственнаго и нравственнаго его развитія пріучайте его и самаго къ добру, доставляйте ему случаи показать себя добрымъ, справедливымъ, честнымъ *Примѣръ* и, такъ сказать *практика но не механическая, а разумная, — вотъ лучшій учитель нравственности!* Дитя при подобной обстановкѣ вполнѣ свыкнется съ мыслію, что нравственныя правила составляютъ неизбѣжную его обязанность; въ немъ пробудится сознаніе, что поступать безнравственнымъ образомъ даже невозможно; нравственная жизнь сдѣлается для него потребностію, необходимостію. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, для нравственнаго воспитанія дѣтей нужно непремѣнно въ нихъ развить и укрѣпить *возвышенность и благородство души, самостоятельность характера и твердость воли, и*, такъ сказать, *окружать ихъ нравственными примѣрами.* Безъ этихъ условій всѣ усилія развить и укрѣпить нравственныя правила въ дѣтяхъ останутся напрасными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О тѣхъ обстоятельствахъ, которыя имѣютъ вліяніе на нравственное развитіе дѣтей духовнаго званія въ домахъ ихъ родителей.

Въ духовныя училища поступаютъ мальчики лѣтъ 8—10, рѣдко старѣе. Въ такомъ возрастѣ конечно характеръ еще не утвердился, душевныя качества еще не развиты; но между тѣмъ бываетъ пріобрѣтено много привычекъ, наклонностей; много дѣтьми замѣчано въ домашнемъ кругу примѣровъ, которые вліяютъ на дальнѣйшее ихъ нравственное развитіе. Кромѣ того ученики ежегодно три и даже четыре раза въ разныя каникулярныя времена ѣздятъ въ домы своихъ родителей и вновь приходятъ въ соприкосновеніе съ тѣми лицами и обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ находились съ самаго дѣтства. Такимъ образомъ нравственное воспитаніе начинается еще подъ домашнимъ кровомъ родителей и тамъ же послѣ встрѣчаетъ или препятствіе, или пособіе. И потому нужно намъ посмотрѣть способствуютъ ли жизнь учениковъ въ отцовскихъ домахъ и примѣры, тамъ встрѣчающіеся, къ развитію возвышенности и благородства души самостоятельности и твердости характера; — тѣхъ качествъ, которыя, на основаніи нашей теоріи, необходимы для нравственной жизни? Но ни одинъ человѣкъ не можетъ никому сообщить то, чего не имѣетъ; почтенное наше духовенство подчинено тому же условію; и

оно разовьетъ въ своихъ дѣтяхъ перечисленныя нами качества въ томъ только случаѣ, если само владѣетъ ими. Вотъ почему мы здѣсь прежде всего считаемъ нужнымъ разрѣшить вопросъ: такова ли жизнь нашаго бѣлаго духовенства, чтобы оно и само могло себѣ усвоить и въ дѣтяхъ развить возвышенность и благородство души, самостоятельность и твердость характера? Качества эти существенно зависятъ отъ гражданскаго и нравственнаго состоянія родителей! То и другое въ каждомъ сословіи конечно тѣсно связано съ современными условіями его быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названо наслѣдствомъ, полученнымъ отъ предшествующихъ поколѣній; *настоящее поколѣніе только употребляетъ свои наслѣдственныя пріобрѣтенія соотвѣтственно современнымъ потребностямъ.* Вотъ почему мы при описаніи нравственнаго и гражданскаго состоянія бѣлаго духовенства станемъ брать во вниманіе не только настоящую эпоху, но и предшествующія ей.

Бѣлое духовенство поддерживаетъ свое существованіе главнымъ образомъ, или обрабатывая ту землю, которая отводится почти ко всѣмъ сельскимъ и иногда къ городскимъ церквамъ, или пользуясь такъ называемыми доходами, получаемыми съ прихожанъ за исправленіе церковныхъ требъ. Въ старинное время не только причетники, но и священники въ селахъ занимались земледѣліемъ совершенно также, какъ и всякій крестьянинъ. Не помнимъ кто, Кошихинъ или Посошковъ говоритъ: *мужикъ за соху, — и попъ за соху; мужикъ за косу, — и попъ за косу и пр.* Не думайте, что нынѣ

оставленъ этотъ обычай совершенно. Не говоримъ уже о дьячкахъ и дьяконахъ, самъ священникъ, если не за соху и за косу, то за вилы, грабли, цѣпъ, метлу и пр. берется не менѣе, какъ и мужикъ; у всѣхъ ихъ въ рабочую пору лица одинаково загорѣли отъ жару, руки загрубѣли отъ сухихъ мозолей. Конечно земледѣліе вещь почтенная и составляетъ основу государственнаго благостоянія; говорятъ, что имъ занимались старинные государственные люди Рима; но придерживаясь нынѣшнихъ понятій, священникъ и прочее духовенство не слишкомъ высокое будутъ имѣть о себѣ понятіе, когда видятъ, что въ рабочую пору они и ихъ семейства находятся почти въ томъ же положеніи, въ какомъ и крестьяне. Да и послѣдніе, по грубости своихъ понятій, всегда ли станутъ чувствовать уваженіе къ своимъ пастырямъ, замѣтивши, что ихъ жизнь не похожа на жизнь другихъ высшихъ привиллегированныхъ сословій? Тотъ же Кошихинъ или Посошковъ праведливо приведенными выше словами объясняетъ необразованность и грубость тогдашняго духовенства.

Еще было бы хорошо, если бы чрезъ земледѣліе и вообще чрезъ все домажнее хозяйство обезпечивалось духовенство въ содержаніи; но къ несчастію этотъ источникъ не доставляетъ ему удовлетворительныхъ способовъ къ существованію; ему нужно непремѣнно пользоваться такъ называемыми доходами отъ прихожанъ. Въ городахъ большею частію нѣтъ, такъ сказать, опредѣленной таксы въ этомъ отношеніи, каждый благодаритъ церковный причтъ, или одного священника сообразно своему состоянію, свой щедрости,

примѣнительно къ требѣ, празднику и пр.; развѣ только въ какомъ либо мѣщанскомъ домѣ дѣлается напоминовеніе, *что слишкомъ мало.* Но въ селахъ и деревняхъ происходитъ почти вездѣ совсѣмъ другое. Крестьяне наши привыкли къ равенству между собою; каждое тягло платитъ одинъ и тотъ же оброкъ; каждая душа же подушныя, каждый дворъ ставитъ тѣже подводы и пр. На основаніи этой привычки и священники поставлены въ необходимость получать за исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей одинаковое вознагражденіе съ каждаго двора и, такъ сказать, налагать равную подать. И повѣрьте рѣдкій богачъ-мужикъ согласится дать что-либо выше положеннаго оклада, а бѣдный, разумѣется, иногда и зажиточный непрочь отъ желанія уменьшить его сколько возможно, — и даже ничего не давать. Оклады эти вовсе не такъ велики, какъ кричатъ ненавистники духовенства; ими крестьянинъ не разорится. Но между тѣмъ отягощаемый съ другихъ сторонъ, онъ силится иногда освободиться съ той, которая ему кажется менѣе прочихъ грозною. Священникъ — не баринъ, не прикащикъ, не становой, даже не его письмоводитель; почему съ нимъ и не поспорить? Что остается дѣлать священнику? Скажемъ лучше, что дѣлалось, и можетъ быть, и дѣлается, смотря по мѣстностямъ и обстоятельствомъ. Простите насъ отцы; мы жалѣемъ о васъ, принимаемъ въ васъ искреннее участіе, и по этому-то участію желаемъ высказать правду, хотя и не очень пріятную.

Обыкновеннѣйшіе способы у духовенства увели-

чивать свои доходы: покорнѣйшая просьба ко всякому домохозяину, протянутая рука; слова: *прибавь; — какъ да тебѣ не стыдно; — да чѣмъ намъ жить; — де ты человѣкъ достаточный; — да Богъ тебѣ поможетъ* и пр. Вѣдь, Господа, нелегко подобныя слова повторять въ каждомъ дворѣ; — вѣдь, привыкши постоянно ихъ произносить, по неволѣ потеряешь уваженіе къ себѣ и зачерствѣешь. Но просьбы не всегда удаются. Прочему иногда и не погрозить? Почему и самымъ дѣломъ не обнаружить при какомъ либо случаѣ своего вліянія? Вотъ умеръ кто либо; — нельзя его погребать ранѣе трехъ полныхъ сутокъ, а то и четырехъ; потому что послѣ трехъ дней слѣдуетъ высокоторжественный. Вотъ у мужика свадьба; — тутъ явится и родство съ препятствіями, и пропускъ въ метрикахъ и необходимость итти въ губернію и проч.; все есть, все бываетъ. Иногда можно измѣнить методу. Почему немножко и не польстить своему прихожанину? Почему не сдѣлать чего ему пріятнаго, особенно, когда мужикъ говоритъ: *Батюжка! не выпьешь, тебѣ пятакъ, а выпешь — четвертакъ.* А отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ почему канонецъ и самому не привыкнуть къ обстоятельствамъ, предшествующимъ червертаку? Почему въ храмовый праздникъ, не наварить котла три-четыре браги, не купить три-четыре ведра водки и не почивать ити прихожанъ? Убытка не будетъ. Но иногда избираются болѣе кратчайшіе способы. Можно звать и зазывать къ себѣ старостъ, бурмистровъ, прикащиковъ, земскихъ управляющихъ и прочую деревенскую аристократію, угощать ихъ, услуживать имъ,

даже до ..... Ну, а тогда мужикъ уже не посмѣетъ противорѣчить; иначе ..... А то вздумай-ка священникъ поссориться съ аристократіею и особенно съ помѣщикомъ или головою; что говорить — поссорится? даже оказать небольшое невниманіе, напр. вмѣсто десяти часовъ начать не по желанію перваго въ девять, или восемь часовъ обѣдню; ну тогда и отдастся приказъ, чтобы никто не смѣлъ давать за молебенъ болѣе гривны или гривенника, чтобы ничего не давали причту, когда онъ собираетъ *новью* или *петровкою* и пр. Грустно, очень грустно, особенно когда подумаешь, что въ подобное положеніе ставятся люди съ благородною душою, съ образованнымъ умомъ; а дѣлать нечего. Но даже, помимо всѣхъ этихъ непріятностей, какъ должно тяготить иногда благородную душу одни хожденіе по приходу? Если священникъ *приглашенъ* для пріобщенія, крещенія, елеосвященія и пр.; то его положеніе даже величественно; онъ является и самъ себя сознаетъ служителемъ Господа, утѣшителемъ больнаго и родныхъ его, совершителемъ таинственнаго дѣйствія благодати. И тутъ конечно его *благодарятъ;* но благодарность эту можно принять, не краснѣя; *тутъ онъ приглашенъ былъ.* Какая же разница во многихъ другихъ случаяхъ, напр. въ въ святки, въ пасху, въ храмовые праздники? Звали или не звали, имѣетъ ли желаніе хозяинъ принять, или нѣтъ, все равно; — идутъ изъ дома въ домъ, отъ однихъ воротъ къ другимъ. Ворота иногда заперты, надобно постучать, подождать на улицѣ, пока выйдутъ, а иногда даже получается отвѣтъ въ

окно: *дарить нечьмъ;* ступай къ другому двору. Конечно это рѣдко, но бываетъ. Но вотъ и ворота не заперты, даже хозяинъ не спитъ, а встрѣчаетъ; прочитаны молитвы, пропѣты тропари и кондаки, отслуженъ молебенъ; все прекрано; — но потомъ? Протяни руку, получи, а часто попроси и даже погрози. Или напр. въ городѣ; — звонятъ въ дверный колокольчикъ не смѣлою рукою; — отворяется дверь, дьячекъ спрашиваетъ, *можно ли — или съ крестомъ и со святою водою, или даже просто поздравить съ праздникомъ?* а прочій причтъ стоитъ гдѣ либо на улицѣ и ждетъ позволенія. Иногда даже скажутъ: *баринъ* (нерѣдко называемый купцомъ 2 или 3 гильдіи) *почиваетъ, или кушаетъ, или его дома нѣтъ;* ступай къ другой квартирѣ, или дому. Но вотъ и вошли въ комнаты, пропѣли. Не часто ли бываетъ, что кромѣ камердинера, или лакея никто не слушаетъ пѣнія; а камердинеръ беретъ пакетецъ между множествомъ другихъ, вручаетъ; и опять ступай къ слѣдующему дому. Пріятно ли даже что либо получить такимъ образомъ? А если еще откажутъ? А если еще только придется постоять предъ воротами, или проспѣть въ каретѣ какъ это бываетъ въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ? Легко, — полагаете? Облагороживаетъ это душу и возвышаетъ ее? А?!!

Кто же виноватъ, скажете? Зачѣмъ ходить, куда или когда не просятъ? Зачѣмъ просить, когда не даютъ? Довольствуйся малымъ, но не унижайся. Прекрасное правило. Впрочемъ посмотримъ: держатся| ли его прочія сословія? Вы г.г. помѣщики,

первое сословіе въ государствѣ, вы, по своду законовъ, по человѣческому чувству, на основаніи европейскихъ современныхъ понятій, которыхъ представителями въ Русскомъ Царствѣ считаете едва ли не однихъ себя, вы должны быть отцами своихъ крестьянъ. Но, положа руку на сердце, скажете ли, что всѣ ваши собратія дѣйствительно заслуживаютъ это названіе? Нѣтъ ли цѣлыхъ крестьянскихъ вотчинъ доведенныхъ до самой крайней нищеты? Отчего ни одного не проходитъ года, чтобы нѣсколько помѣщиковъ не лишены были права лично управлять своими крестьянами? И по чьему же приговору? По приговору своей братіи. Не случается ли ежегодно по нѣскольку даже трагическихъ происшествій съ помѣщиками? — Вы, г.г. купцы и прочіе торговцы, вѣрно и христіанскій законъ и человѣческая совѣсть запрещаетъ вамъ брать съ покупателей двойные барыши; давать гнилой товаръ вмѣсто хорошаго, поддѣльное ядовитое вино вмѣсто настоящаго, болотныя травы вмѣсто китайскаго чаю и пр. Что? Вы чисты и предъ закономъ и предъ совѣстію? Пропустите ли вы случай поживиться на счетъ довѣрчиваго покупателя? При малѣйшемъ слухѣ о неурожаѣ, разбитомъ или остановленномъ караванѣ и проч. не возвышаете ли цѣнъ на хлѣбные запасы, хотя вы купили ихъ иногда вдвое, втрое дешевле; и чрезъ то не заставляете ли бѣдняка чуть не съ голода умирать? И ты, добрый, честный русскій крестьянинъ, когда тебѣ приходится являться въ санѣ извощика, перевощика, дворника, старосты, сотскаго и пр. не

любишь ли поживиться, на счетъ ближняго? Мы уже не трогаемъ васъ, судіи праведные, услужливые канцелярскіе и болѣе высокіе чины и чиновники. Эхъ, Господа! Господа! вѣдь не много найдется и между вами кто бы свободенъ былъ отъ желанія побольше копѣекъ, или рублей положить въ свой карманъ, хотя бы это было и со вредомъ ближнему!

„Да насъ заставляетъ нужда, скажете, иначе намъ съ семействами своими ѣсть будетъ нечего, не во что приличнымъ образомъ одѣться." — Вѣримъ. Но повѣрьте, что и священникъ съ причтомъ тоже имѣютъ желудки, у нихъ также есть семейства, которыхъ рѣшительно каждый членъ получилъ отъ природы желудокъ. Положимъ, что этому потребителю они съумѣютъ удовлетворить своими трудами, занимаясь земледѣліемъ, посредствомъ мозолей на рукахъ и боли въ поясницѣ. Но сколько есть случаевъ, гдѣ имъ нужны деньги, деньги, — ничего — кромѣ денегъ. Развѣ имъ не нужна приличная одежда? Развѣ они, облекшись въ какія либо лохмотья, обувшись въ лапти, или въ избитые сапоги, прикрывши голову засаленною шляпою, или истертою бараньею шапкою; въ глазахъ всякаго не унизятъ и себя и даже той должности, которую на себя, приняли? Согласитесь ли вы, г. образованный читатель, принять такого священника къ себѣ въ домъ пойти къ нему на исповѣдь и пр.? А епархіальный начальникъ въ такомъ случаѣ по сочтетъ ли его человѣкомъ нетрезвой жизни, и не пошлетъ ли даже въ монастырь для исправленія? Далѣе у него есть дѣти. Вы, вѣроятно, не принадлежите въ тѣмъ, ко-

торые отнимаютъ право и желаніе у священно-церковно служителей воспитывать своихъ сыновей не для податнаго состоянія, но крайней мѣрѣ они, какъ отцы всячески стараются открыть имъ посредствомъ воспитанія дорогу къ свободнымъ неподатнымъ сословіямъ. При нынѣшней доровизнѣ на всякую всячину, содержаніе одного мальчика въ городѣ со всѣми проѣздами, проторями и убытками, акциденціями, и благодарностями не обойдется дешевле двухъ сотъ рублей ассигнаціями. Сколько же нужно рублей, если придется содержать трехъ, четырехъ и болѣе сыновей? Сосчитайте сами, дѣло нетрудное.

Но истинное наказаніе, совершенный разоръ для бѣлаго духовенства есть опредѣленіе сыновей на мѣста и особенно выдача дочерей въ замужество. Мы, говоря о горькомъ положеніи наставниковъ духовныхъ училищъ, замѣтили, что мѣста священниковъ, дьяконовъ и пр. могутъ назваться *наслѣдственными*. Такимъ образомъ совершенно, какъ говорятъ, *свободныхъ мѣстъ* въ духовенствѣ бываетъ весьма мало отчего и кончившіе курсъ ученики, которымъ невыпадетъ какое либо наслѣдственное мѣсто, остаются безъ должностей по нѣсколько лѣтъ; — и великое множество дѣвицъ засиживается въ домѣ своихъ родителей. Почтительные отцы помогаютъ этому горю — такъ по крайней мѣрѣ водится во многихъ епархіяхъ — слѣдующимъ способомъ. Разыскиваютъ въ цѣлой епархіи, не живетъ ли гдѣ либо старикъ священникъ или дьяконъ и пр., у котораго нѣтъ потомства; являются къ нему, уговариваютъ его сдать свое мѣсто и получить за то извѣстную сумму.

Послѣ нѣсколькихъ торговъ съ переторжками, иногда чуть не аукціоннымъ порядкомъ, дѣло улаживается для мѣстъ священническихъ на 3000, 4000 и даже до 7000 руб. ас.; діаконскія и причетническія мѣста оцѣниваются дешевле, но не дешево, сторговавшій мѣсто для своей дочери ищетъ за тѣмъ ученика, который бы согласился взять ее въ замужество, потомъ продавецъ и найденный ученикъ напишутъ обще прошеніе, въ которомъ одинъ изъявляетъ свое желаніе передать мѣсто *дальней родственницы;* а другой *пожелающій сію родственницу себѣ въ жену* въ знакъ благодарности за такое благодѣяніе обязывается покоить старость *дальняго родственника*, или давать ему ежегодное вовсе не малое пособіе. Дѣло почти всегда утверждается; самъ же новый членъ духовенства получаетъ за женою мѣсто и такія деньги и платья, безъ которыхъ родительская любовь не захочетъ выпустить *любимую дщерь* изъ своего дома. Если же мѣсто получается для сына, то онъ является также родственникомъ продавца, обязывается въ случаѣ уступки мѣста прошитывать его; но, получивши мѣсто, начинаетъ высматривать себѣ невѣсту. Тутъ нѣжный папенька-покупатель отыскиваетъ другаго папеньку, которому хочется сбыть съ рукъ свою дочку; они съѣзжаются, сговариваются и дѣло оканчивается тѣмъ, что папаша дочки не только заплатитъ всѣ денежки за купленное мѣсто, но и дастъ еще милому зятю порядочное приданое. Когда-жъ какой либо счастливецъ полу читъ самъ лично своею особою свободное мѣсто, то это есть, такъ такъ сказать, женихъ чуть чуть не цѣлой губерніи;

ѣздить и переѣзжаетъ изъ одного мѣста въ другое, торгуется о приданомъ и какой либо папенька дастъ ему уже очень полновѣсную сумму. Мы знаемъ, что выдача дочерей въ замужество за священника обходилась при такомъ случаѣ въ селахъ до 4000 руб. сер. и болѣе; даже выдать за дьяка обходится часто болѣе 1000 руб. сер. И послѣ этого вы скажте, что духовнымъ лицамъ не нужны деньги, если только они не желаютъ отдавать дочерей въ замужество за мужиковъ?

Списокъ расходовъ еще можно бы увеличить. Сколько напр. нужно бываетъ дѣлать *необходимо-добровольныхъ* пожертвованій по милостивому приглашенію милостивѣйшаго начальства къ принятію участія въ какомъ либо добромъ христіанскомъ подвигѣ? Напр. въ уединенномъ мѣстѣ вблизи какого либо города былъ на дачѣ между тѣнистыми деревьями домикъ съ церковію, въ которомъ въ лѣтнее время важное и высокое лицо могло отдыхать и поправлять свое драгоцѣнное для подчиненныхъ здоровье, разстроенное административными заботами. Домикъ, и вмѣстѣ съ нимъ и церковь Божія разрушились. Какъ не *возсоздать* ихъ, только въ улучшенномъ видѣ? Почему не построить дома комнаты въ 20—55 съ уступкою какой либо частички его на храмъ Божій? Почему къ дому не присоединить одинъ или два флигеля комнатъ въ десять каждый? Почему всѣ зданія не соединить крытыми сверху и стеклянными съ боковъ галлереями? При такомъ устройствѣ храмъ Божій бдительно будетъ охраняться людьми, живущими и вблизи и вдали отъ него. А за деньгами на столь богоугодное дѣло къ кому обратиться

съ приглашеніемъ, какъ *не къ возлюбленной по этому чуть ли не единственному случаю о Христѣ братіи*, къ священникамъ съ ихъ причтами? Пастыри церкви — люди догадливые — не захотятъ обнаружить скупость; а чтобы вразумить недогадливыхъ, почему колекты не поручить ловкому и бойкому человѣку? Повѣрьте, мѣсяца чрезъ два или три явится собранныхъ денегъ тысячъ до десяти и болѣе. Какъ же вы теперь потребуете, чтобы у священниковъ не было денегъ? Кто же станетъ жертвовать на подобныя дѣла по 30 и 50 руб.? Не вы ли любезный читатель? Мы увѣрены, что вы копѣйки не дадите, также станете спрашивать: зачѣмъ при церкви домъ въ 25, да флигели въ 10 комнатъ? Зачѣмъ крытыя и стеклянныя галлереи? Отъ васъ ничего не получатъ. Кромѣ того, сколько у духовенства бываетъ *добровольно-необходимыхъ* разходовъ, когда какой либо почтенный и особенно препочтенный и даже высокопрепочтеннѣйшій гость удостоитъ посѣтить священника, или даже просто проѣдетъ мимо его села? Сколько *дважды необходимо добровольныхъ случаевъ* выразить свою благодарность и преданность предъ лицами, къ которымъ поступаютъ на ревизію отчеты и расходы на церкви, метрическія и духовныя книги и пр.

Что? опять скажете, что не нужны деньги для лица бѣлаго духовенства? Нѣтъ, очень нужны, — едва ли не болѣе другихъ сословій, а между тѣмъ лицамъ духовнаго званія запрещено заниматься торговлею, записываться въ цѣхъ; ходить на заработки, даже наниматься въ работники. И если ты, владѣ-

лецъ 1000 душъ, иногда позволяешь себѣ не совсѣмъ филантропическими средствами выжимать отъ крестьянина свой оброкъ; если ты, купецъ милліонеръ, не прочь гнилой товаръ отдать за хорошій и брать 50 или 100 процентовъ, если и ты, крестьянинъ, хотя и со вздохомъ, хотя съ присовокупленіемъ словъ: *нужда*, *батюшка*, не отказываешься пожиться на счетъ ближняго и дальняго человѣка; то не обвиняйте и духовенство въ томъ, что оно ѣздитъ по вашимъ дворамъ, налагаетъ на васъ свои контрибуціи, проситъ ихъ, иногда умоляетъ, иногда и грозитъ, иногда и прижимаетъ. Не обвиняйте даже и въ томъ, что, не смотря ни запрещеніе, оно беретъ съ собою въ приходъ молодое поколѣніе, дѣлаетъ его свидѣтелемъ своего униженія, или придирчивости, пріучаетъ и его протягивать къ бородатому хозяину ручонку для полученія гроша, или пятака, и притомъ, скажемъ прямо, портитъ его съ самаго дѣтства. Но осуждайте и не обвиняйте. Развѣ ты, помѣщикъ при своихъ дѣтяхъ иногда не кличешь лакея свистомъ, какъ собаку, не обращаешься съ нимъ, какъ съ самымъ презрѣннымъ существомъ? Развѣ не дѣлаешь сына и дочь свидѣтелями своихъ расправъ съ крестьянами, и даже крестьянками, — расправъ, при которыхъ и взрослымъ присутствовать не очень ловко? Развѣ ты, купецъ, не берешь тоже съ дѣтства своего сынишка въ лавку? Развѣ при немъ не обманываешь покупателей? Развѣ прямо не даешь наставленія милому дѣтищу, такъ сказать, не практикуешь его по части надуванія покупателей? Развѣ и ты, крестьянинъ, при сынѣ не бьешь своей жены, не ру-

гаешь старика-отца, не употребляешь въ обиліи непечатныхъ словъ? Эхъ! Господа и не-Господа; — всѣ грѣшны предъ Богомъ, а не одни духовныя лица! А по отношенію къ послѣднимъ всѣ вы виноваты, виновато все общество. Если вы люди точно набожные и религію считаете необходимою, то обезпечьте тѣ лица, на которыхъ вами возложена обязанность учить ей, и вполнѣ обезпечивъ ихъ, требуйте уже, чтобы они были образцомъ нравственности для васъ. *А теперь сами вы виноваты, что духовенство не соотвѣтствуетъ идеалу.*

На развитіе твердости и самостоятельности характера, благородства и возвышенности души въ членахъ какого бы то ни было сословія сильное имѣютъ вліяніе начальники. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы жалко и ничтожно лицо, но когда начальникъ, къ которому оно явится встрѣтитъ его привѣтливо и безъ гордости, посадитъ съ собою, благодушно выслушаетъ его просьбу и какія либо желанія, выкажетъ готовность, если можно, удовлетворить ихъ, снисходительно и кротко объяснитъ причины почему ихъ нельзя исполнить, покажетъ сочувствіе даже къ частной жизни починеннаго, словомъ обойдется съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ, или какъ старшій съ младшимъ братомъ; а болѣе почтеннымъ лицамъ окажетъ не только вниманіе, но и уваженіе; — тогда униженному бѣдняку все еще можетъ прійти въ голову: „*вѣрно* я не ничто, когда меня такъ принимаетъ начальникъ; вѣрно мнѣ можно себя считать чѣмъ-то замѣчательнымъ въ обществѣ, когда со мною такъ обходятся высокія лица; *вѣрно* я еще не

презрѣнное существо, когда такъ внимательны ко мнѣ мои власти.“ Подобныя мысли поддержатъ колеблющуюся самостоятельность, не дадутъ заглохнуть душевной возвышенности и благородству. Съ другой же стороны возьмите человѣка, который не зависитъ отъ окружающихъ его лицъ, ползуется ихъ уваженіемъ и вниманіемъ, даже имѣетъ между ними значеніе магната. Но если онъ, явившись къ своему начальству, встрѣтитъ холодный и гордый пріемъ, презрительную улыбку, невниваніе къ его нуждамъ и просьбамъ; если съ нимъ обойдутся, какъ съ какимъ либо чернорабочимъ или лакеемъ; если за самый ничтожный проступокъ, за неисполненіе какой либо мелочной, по вмѣстѣ унизительной церемоніи, наградятъ его бранчивыми словами, названіемъ дурака и пр.; если даже, когда онъ вполнѣ во всемъ исправенъ, отъ него станутъ держатся на недоступной высотѣ, посылатъ оттуда юпитеровскіе взгляды и пр. и пр.; то *по неволѣ* онъ забудетъ о всякой самостоятельности, *по неволѣ* сочтетъ себя ничтожнымъ и презрѣннымъ существомъ, *по неволѣ* наконецъ и самъ унизится. Вотъ почему, описавши положеніе духовенства между прихожанами, мы хочемъ коснуться его отношеній къ начальникамъ.

Наше православное духовенство управляется лицами, которыя почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ нему же по происхожденію и по должностямъ своимъ. Различіе состоитъ только въ томъ, что одна часть духовенства — начальство называется въ просторѣчіи *черными;* а другая — подчиненные *бѣлымъ духовенствомъ;* первое отреклось не только отъ соблаз-

новъ, но и отъ удовольствій міра, ведетъ жизнь иноческую, которая такъ выразительно называется *ангельскимъ чиномъ;* а другое по своимъ семейнымъ и гражданскимъ отношеніямъ имѣетъ тѣсную связь съ обществомъ и міромъ. Многіе завидуютъ такому административному устройству. И въ самомъ дѣлѣ кому больше заботиться о бѣломъ духовенствѣ, какъ не тѣмъ людямъ, которые между подчиненными имѣютъ родственниковъ, братьевъ, даже родителей; а съ другой стороны по причинѣ безбрачной жизни, по изолированному своему положенію, по обезпеченности во всѣхъ отношеніяхъ, не развлекаются хлопотами объ устройствѣ себѣ дачъ, о выдачѣ въ замужество дочерей, о пристроеніи сыновей и о прочихъ житейскихъ дрязгахъ? Станутъ ли пренебрегать своими обязанностями тѣ лица, которыя власть свою по преемству получили отъ Апостоловъ, имѣютъ превосходные образцы въ безчисленномъ множествѣ своихъ предшественниковъ, — въ Василіяхъ Великихъ, Іоаннахъ Златоустахъ, Григоріяхъ Богословахъ, Амвросіяхъ Медіоланскихъ, Николаяхъ Мирликійскихъ и въ святителяхъ Русскихъ Алексѣѣ, Петрѣ, Іонѣ, Филиппѣ и пр.? Но къ сожалѣнію самыя благія намѣренія отъ случайныхъ причинъ не удаются; самыя прекрасныя средства не ведутъ къ цѣли отъ сторонныхъ обстоятельствъ. По такимъ то причинамъ и обстоятельствамъ настоящее управленіе духовенствомъ не во всѣхъ встрѣчаетъ сочувствіе, не всѣмъ одобряется.

Главные начальники бѣлаго духовенства почти всѣ принадлажатъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ мы въ

3 отд. 2 гл. 1 части назвали *прогрессистами*, а въ 5 отд. тойже главы и части мы уже описали то положеніе, въ которое поставлены *наставники-непрогрессисты и полупрогрессисты*, относительно своихъ ближайшихъ и высшихъ начальниковъ. Сколько ни думайте, но немного придумаете причинъ, которыя бы давали бѣлому духовенству право быть къ своимъ властямъ въ другихъ лучшихъ отношеніяхъ, нежели въ какихъ находятся къ намъ наставники непрогрессисты, напротивъ скоро отыщите не одно обстоятельство, которое менѣе благопріятствуетъ первому, нежели послѣднимъ. Наставники-непрогрессисты семинарій и академій всѣ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, имѣютъ ученыя степени магистра и кандидата, даже въ низшихъ училищахъ они принадлежатъ къ кончившимъ курсъ въ семинаріяхъ. По большинство священниковъ — семинаристы; дьяконы развѣ не многіе кончили курсъ семинаріи, а причетники почти всѣ изъ исключенныхъ учениковъ низшихъ училищъ. Далѣе наставники не лишены возможности въ случаѣ невзоды перейти въ другія сословія безъ потери правъ, принадлежащихъ имъ по воспитанію и рожденію, а членамъ бѣлаго духовенства по разстриженіи остается единственный выходъ въ податныя состоянія. Наставники имѣютъ права гражданскихъ чиновниковъ, магистры принадлежатъ къ IX, а кандидаты къ X классамъ, ну а дьячекъ — чѣмъ онъ отличается отъ мѣщанина? Развѣ тѣмъ, что сынъ послѣдняго съ разрѣшенія общества можетъ поступить въ университетъ, а сынъ перваго не удостоится этой чести, если не принадле-

жить къ перворазряднымъ воспитанникамъ семинаріи. Естественно ли послѣ этого думать, чтобы все вообще бѣлое духовенство пользовалось большею независимостію и самостоятельностію относительно своего начальства, нежели наставники, чтобы обращеніе съ нимъ было лучше и современнѣе, нежели съ послѣдними?

Другое обстоятельство еще болѣе не благопріятно бѣлому духовенству. Наше черное духовенство издавна пользовалось вліяніемъ и занимало почтенное мѣсто въ государствѣ; голосъ епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ рѣшалъ нерѣдко даже политическіе вопросы; тогда какъ въ старое время простые священники почти вовсе не имѣли значенія даже между своими прихожанами; и чѣмъ далѣе отъ настоящаго времени станемъ восходить къ князю Владиміру, тѣмъ положеніе бѣлаго духовенства, политическое его значеніе становится незавиднѣе и ничтожнѣе. Разумѣется, и по образованію черное духовенство, въ которое часто поступали бояре и князья, было въ старое время несравненно выше, нежели бѣлое, набиравшееся нерѣдко изъ простыхъ крестьянъ. Кромѣ того въ старину всякій начальникъ имѣлъ обыкновеніе, чуть не право смотрѣть на себя, какъ на господина, а на подчиненныхъ, какъ на рабовъ своихъ. Послѣ этого, какъ не появиться, не развиться и не утвердиться той мысли, что черное духовенство, особенно архипастыри, безконечно выше бѣлаго духовенства? И какъ на этой мысли, лелѣянной цѣлыми вѣками, не основать соотвѣтственнаго ей управленія? Не излишнее дѣло также припомнить

сказанное нами выше, что черное духовенство руководствуется монастырскими уставами, которыхъ польза, доказываемая подвижниками всѣхъ вѣковъ, *для него* должна быть несомнѣнною. Какъ же людямъ, убѣжденнымъ въ этой пользѣ, обязаннымъ дѣйствовать по упомянутымъ уставамъ, не пожелать распространить, сколько возможно, благодѣтельное ихъ вліяніе и на своихъ подчиненныхъ? Мы находимъ это вполнѣ естественнымъ, даже неестественно былобы иначе дѣйствовать. Если бы по временамъ и появлялись нововводители; то имъ пришлось бы бороться съ обычаями, утвердившимися рядомъ столѣтій, съ преданіями старины, отъ которыхъ отступить не всегда легко. Но эти преданія неблагопріятны бѣлому духовенству въ разсматриваемомъ случаѣ.

Въ допетровскія, даже петровскія времена отъ батоговъ, розогъ, палокъ и прочихъ ихъ собратій никто почти не былъ свободенъ. Записки почтеннаго Желябужскаго такъ обильны извѣстіями о батогахъ, что сосчитавъ всѣ удары, выданные тогдашнимъ стольникамъ, спальникамъ, чашникамъ и пр., невольно себя спросишь: а что? число ударовъ, выдававшихся ежегодно по придворному вѣдомству, не будетъ ли гораздо больше, нежели число всѣхъ солдатъ, составлявшихъ тогдашнія войска? Батоги и палочные удары не были забыты даже и послѣ Петра. Наталья Лопухина, — одна изъ придворныхъ дамъ, принадлежавшая къ знаменитѣйшей фамиліи въ государствѣ, наказана кнутомъ на эшафотѣ въ царствованіе Елисаветы. Миниху во время слѣдствія, надъ нимъ производившагося, грозило то же увѣщаніе,

если онъ не сознается въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ. Румянцевъ въ полковничьемъ чинѣ былъ наказанъ розгами, конечно своимъ отцомъ, но вѣдь въ полковничьемъ чинѣ. Не удивляйтесь же послѣ этого, не браните никого, что въ старинное время употребляли очень чувствительныя исправительныя средства относительно не только причетниковъ, но и другихъ лицъ бѣлаго духовенства. Если Θеофилактъ Лопатинскій безвинно былъ подвергнутъ въ царствованіе Анны наказанію кнутомъ, то посмѣете ли вы кричать, услыхавши, что въ позднѣйшее время какого либо дьячка гдѣ либо немножко посѣкли? Мы помнимъ разсказъ нашего дѣда, относящійся къ семидесятымъ годамъ прошедшаго столѣтія. Дѣдушка былъ свидѣтелемъ, какъ въ пріемной, или, какъ говорятъ, въ *подачѣ* (такъ называется комната, гдѣ Владыки принимаютъ прошенія и просителей), при общемъ собраніи, для назиданія правыхъ и виновныхъ наказывали плетьми, или розгами не однихъ только дьячковъ; самъ дѣдушка едва было не подвергся подобному назиданію за то, что старикъ очень настойчиво доказывалъ свои права на мѣсто, куда онъ просился. Претендентовъ было довольно; и всякій только себя считалъ достойнымъ мѣста. Высокій начальникъ, видя упрямство, рѣшился убѣдить ихъ чѣмъ либо посильнѣе, нежели verba (слова). Мѣра оказалась очень дѣйствительною; двое тотчасъ отказались отъ своего упрямства. Но дѣдъ нашъ, уже приготовляясь къ принятію назиданія, сказалъ. *Владыко! что Вы ни дѣлайте со мною, а я все таки буду просить Васъ объ опредѣленіи меня на мѣсто.* Мудрый архипа-

стырь тотчасъ понялъ дѣло, убѣдился, что этомъ-то именно человѣкъ имѣетъ больше правъ на мѣсто, нежели другіе, и не только не подвергъ его исправительному назиданію, но и предоставилъ ему спорное мѣсто.

Конечно Императоръ Павелъ освободилъ священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія; да и причетника по нынѣшнимъ законамъ можно подвергать ему только за уголовныя преступленія въ слѣдствіе судебнаго приговора. Но и законы развѣ иногда не молчатъ предъ вѣковыми обычаями? Развѣ защитники преданій старины не ставятъ ихъ выше указовъ и предписаній? Развѣ они не присвояютъ себѣ права говорить: „вѣдь законы не всегда полны, вѣдь они не всѣ предвидятъ случаи? А главное дѣло, развѣ начальнику нельзя иногда употреблять отеческія мѣры?“ На этомъ основаніи мы вполнѣ повѣрили слышанному нами не очень давно разсказу, какъ *въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, и въ нѣкоемъ градѣ сего государства нѣкіи виновные причетники изъ подачи* отсылаемы были къ опытному въ кнутовой, а слѣдовательно и розгочной профессіи кучеру Ивану для полученія отъ него достодолжнаго увѣщанія? И если по освидѣтельствованіи оказывалось, что увѣщаніе оставило замѣтные слѣды на проступившемся, то, утѣшивъ наказаннаго приличнымъ назиданіемъ, тотчасъ отсылали его домой. „Вѣдь прекрасно!“ прибавлялъ съ полушуткою и полугоремъ разсказывавшій намъ это протоіерей. „Ну, зачѣмъ человѣка знакомить съ консисторіею, подвергать допросамъ, суду и слѣдствію, посылать куда

либо въ монастырь на исправленіе, запятнать послужный списокъ? Не короче ли описанный нами способъ исправленія? и быстръ, и чувствителенъ и безъ траты времени, утромъ человѣкъ пришелъ въ городъ, въ девятомъ часу повидался съ кучеромъ Иваномъ, а послѣ обѣда отправляется уже домой, находя только, можетъ быть, нѣкоторыя неудобства при движеніи своемъ. Послѣднее впрочемъ пустяки; за то правъ молодецъ и до долго станетъ помнить иваново увѣщаніе."

Но это средство почему-то многимъ не нравится, и, кажется, уже вышло изъ употребленія; даже на счетъ кучера Ивана лѣтъ пять-шесть мы ничего не слыхали. Впрочемъ въ замѣненіи ивановской исправительной мѣры произошло разногласіе. Одни находятъ нужнымъ провинившихся духовныхъ лицъ наказывать такъ называемыми нравственными средствами, напр. строгими выговорами, замѣчаніями, службою въ крестовой церкви, отсылкою въ монастырь для исправленія и пр. По ревнители старинныхъ преданій замѣчаютъ: „во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе касается только души; а едва ли не во всякомъ проступкѣ участвуетъ и тѣло. Зачѣмъ же, по ихъ мнѣнію, душу наказывать, а другаго участника, даже, можетъ быть, зачинщика оставлять безъ наказанія? Надобно, чтобы этотъ зачинщикъ, т. е. грѣшное тѣло, почувствовало свою виновность." Предлагаемыя, а, можетъ быть, гдѣ нибудь употребляемыя средства разнообразны. Если напр. вина очень значительна, то виновника зачѣмъ отсылать куда либо въ отдаленный монастырь? Почему не задерживать

его въ самомъ жилищѣ начальника подъ непосредственнымъ надзоромъ ближайшихъ къ нему лицъ, гдѣ, разумѣется, онъ можетъ быть у божественной службы также, какъ и въ монастырѣ. Но въ мѣстѣ и грѣшное его тѣло не слѣдуетъ забывать, обязавши расчищать дорожки въ саду, набивать щебень для нихъ, возить въ тачкѣ, или носить въ носилкахъ землю, рубить или колоть дрова, переносить ихъ на третій этажъ, качать воду изъ колодезя и разносить ее въ надлежащія мѣста, даже почистить канавки и пр. и пр. Вѣдь, какъ хочете, для тѣла все это ощутительно; вѣдь оно, хотя и матерія, а чувствуетъ, что его за что-то наказываютъ; между тѣмъ и субъектъ, которому принадлежитъ это тѣло, въ выигрышѣ; — его послужный списокъ не замаранъ; кромѣ того и самъ онъ нисколько не отучается отъ хозяйственныхъ работъ, столь необходимыхъ для сельскаго жителя. Но если вина незначительна, то почему, опять на основаніи преданій старины, не употреблять болѣе кроткихъ, или лучше краткихъ мѣръ, но всетаки чувствительныхъ для тѣла? Почему напр. не сдѣлать виновному такого увѣщанія, чтобы онъ, вышедши изъ подачи, нашелъ нужнымъ попричесать свои волосы, поправить свой галстукъ, почесать шею или затылокъ и вообще привести въ порядокъ одежду? Вѣдь и между бѣлымъ духовенствомъ встрѣчаются, Богъ знаетъ, какіе люди. Какъ ихъ не поучить? Напр. одинъ пришедши для поздравленія своего высшаго начальника съ праздникомъ Пасхи, осмѣлился на основаніи прежнихъ примѣровъ сказать первымъ: *Христосъ воскресе!* ну, какъ его прикосновеніемъ руки къ части тѣла.

отдѣляющей голову отъ плечъ, не отодвинуть посильнѣе въ сторону? Вѣдь какое страшное преступленіе! А слова: *простимъ вся воскресеніемъ* нельзя прилагать ко всѣмъ безъ исключенія случаямъ. Но если и этихъ мѣръ нельзя употребить по какимъ либо обстоятельствамъ, то почему не прикрикнуть, не притопнуть на виновнаго такъ, чтобы у него пробѣжала дрожь по всему тѣлу? Почему не назвать его дуракомъ или чѣмъ либо другимъ? Зачѣмъ щадить виновнаго? Да пусть и другіе, *окрестъ стоящіе и имѣющіе очи и уши, увидятъ, услышатъ и поучаются.* Польза подобныхъ увѣщаній очевидна для всякаго безпристрастнаго человѣка; но мы все-таки хочемъ указать на примѣръ. Такое увѣщаніе, сдѣланное будто бы *когда-то и гдѣ-то*, но очень недавно, одному с—у было такъ поразительно и трогательно, что онъ, вышедши въ переднюю, не захотѣлъ ни съ кѣмъ подѣлиться своими чувствованіями, схватилъ подъ плечо галоши и ушелъ. По морозъ скоро доложилъ, что ногамъ его холодно. Почтенный отецъ, занятый воспоминаніемъ полученныхъ увѣщаній, никакъ не могъ замѣтить своихъ галошъ подъ плечомъ, возвратился опять въ подачу и, продолжая ихъ держать на прежнемъ мѣстѣ, началъ у бывшихъ тамъ спрашивать: не видали ли они оставленныхъ имъ галошъ, пока одинъ добрый человѣкъ не указалъ ему на потерянную вещь. Вотъ какъ сильно было впечатлѣніе отъ полученнаго наставленія! Не скоро, должно думать, забудетъ его, да и прочіе, видѣвшіе или слышавшіе это, не захотятъ ставить себя въ

такое положеніе, чтобы галоши вмѣсто надѣванія на ноги братъ подъ плечо.

Но къ начальникамъ не всегда являются только одни виновные; многіе изъ подчиненыхъ приходятъ по своимъ нуждамъ и даже обязанностямъ. Начальники понимаютъ, что съ такими людьми не слѣдуетъ обращаться также, какъ съ провинившимися. Впрочемъ и этимъ просителямъ не надобно давать забываться; нужно ихъ такъ принимать, чтобы они ясно понимали, къ кому явились, необходимо держать ихъ въ почтительномъ разстояніи, *въ дисциплинѣ*, какъ говорятъ, въ *струнѣ;* тѣмъ болѣе, что отъ прикосновенія съ мірскимъ и даже свѣтскимъ людямъ духовныя лица могутъ заражаться неправильными мнѣніями. Что же положитъ въ основаніе дисциплины? Если бы даже не было обычаевъ, дошедшихъ до нынѣшняго поколѣнія по преданію; то начальники всегда найдутъ образцовыя правила для дисциплины въ иноческихъ уставахъ. Чего лучше искать? Тѣмъ болѣе, что священники, дьяконы и проч. тоже духовенство только бѣлое. Но мы уже сказали выше, что въ уставахъ монастырскихъ свято сохраняются тѣ обычаи, тѣ внѣшніе знаки, которыми на востокѣ выражалось и выражается почтеніе къ старшимъ. Тамъ, говоря съ однимъ лицомъ, не любятъ употреблять французское vous, или наше *вы*, или нѣмецкое Sie; зачѣмъ измѣнять этотъ обычай, освященный временемъ? Подчиненный, разумѣется, долженъ сказать начальнику: *вы* и даже *Ваше П—во;* но начальство само такого нововведенія держаться не обязано. И вотъ на этомъ-то историческомъ основаніи началь-

ники (конечно не всѣ; и между ними иные увлекаются нынѣшними обычаями) въ разговорѣ съ подчиненными употребляютъ величественное *ты;* такъ и видишь, что тутъ говоритъ не простой смертный, а начальникъ, да какой еще начальникъ! говоритъ отецъ не чужому кому либо, а сыну. Конечно иногда являются люди не только пожилые, почтенные священники, но и протоіереи, даже архимандриты съ знаками отличія; но почему же имъ не сказать: *ты?* Вѣдь они тоже подчиненные, а архимандриты кромѣ того научаются, какъ и имъ со временемъ, можетъ быть, нужно будетъ обращаться, когда сами сдѣлаются чѣмъ либо повыше. Еще меньше обязаны начальники сажать у себя своихъ подчиненныхъ; это, такъ сказать, панибратство рѣшительно никуда не годится въ духовенствѣ; иной, пожалуй, даже и самъ засядетъ на диванъ; нѣтъ, стойте любезные; ну ректора или каѳедральнаго протоіерея и еще кого нибудь въ знакъ отличія и милости, въ знакъ поощренія почему иногда не посадить? Далѣе иноческій уставъ требуетъ, чтобы инокъ или послушникъ, явившись къ настоятелю, непремѣнно поклонился такъ, какъ нынѣ свѣтскіе люди не умѣютъ кланяться. Почему же всѣхъ этихъ благодѣтельныхъ учрежденій, которыя такъ развиваютъ послушаніе и смиреніе, не распространить и на бѣлое духовенство? По нашему мнѣнію, объ этомъ и говорить нечего. Если ты, священникъ или дьяконъ и проч. являешься ко Владыкѣ, то вспомни: къ кому ты явился; это не простой начальникъ; онъ представляетъ Того, Кому поклоняются всѣ племена зем-

ныя; повергнись къ стопамъ его; если можно, даже облобызай ихъ; этимъ покажешь, что ты понимаешь, къ кому явился. А если предшественникъ Владыки допускалъ отступленіе отъ такой формы (мы уже сказали, что не всѣ держатся старины), то почему не напомнить дерзкому и зазнавшемуся подчиненному, какъ онъ долженъ выражать свою преданность? Почему *десницею или шуйцею не преклонить его гордой выи?* Это дѣлается для его же души.

Въ этотъ отношеніи нельзя не замѣтить, какъ хорошо понимаетъ наше духовенство свои отношенія къ начальству; всѣ почти исполняютъ, что ни прикажуть; не то, что католическіе пасторы. Въ доказательство этого мы разскажемъ случай, бывшій въ одной изъ западныхъ нашихъ губерній, гдѣ православные и католическіе священники имѣютъ возможность такъ часто между собою сходиться. Нашъ православный священникъ сталъ убѣждать католическаго къ принятію православія, разговоры были многочисленные и продолжительные; слова добраго священника производили видимое впечатлѣніе на католика. Наконецъ нашъ священникъ рѣшился прямо повести атаку и спросить католическаго: почему онъ, видя превосходство православія надъ католицизмомъ, не обращается въ первое? Вопросъ этотъ затруднилъ католика, но наконецъ разрѣшенъ былъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ: „Какъ мнѣ обратиться въ православіе? сказалъ ксендзъ, посмотрѣлъ бы ты, какъ насъ всѣхъ принимаетъ нашъ епископъ! Никогда никого, даже виновнаго, *не тыкнетъ;* всякаго встрѣтитъ съ вѣжливостію, предупредительностію, не унижая

своего впрочемъ сана, всякаго посадитъ, поговоритъ съ нимъ съ участіемъ, пожуритъ кротко въ случаѣ проступка, а хорошихъ, заслуженныхъ и почтенныхъ священниковъ приглашаетъ не къ только къ чаю, но и къ столу своему. Скажи, пожалуйста, неужели мнѣ оставить такого отца, искать другаго, который, можетъ быть, станетъ бранить меня, какъ мужика, не посадитъ, пожалуй, даже толкнетъ, заставить дрова и воду носить? — Нѣтъ, покорно благодарю; позволь мнѣ остаться на прежнемъ мѣстѣ.“ Смотрите, что за человѣкъ? Спасеніе своей души, религіозныя вѣрованія все измѣряетъ тѣмъ, какъ его принимаетъ начальникъ. Не такъ поступали и поступаютъ истинные христіане; они готовы все сносить для вѣры. Нашъ священникъ уже не предпочтетъ католичества Православію единственно потому, что епископъ католическій напоитъ его чаемъ, или посадитъ у себя. Какое различіе! и вмѣстѣ какія умилительныя сцены бываютъ, когда наши духовныя лица являются предъ своимъ начальникомъ in corpore, цѣлою массою. Мы разскажемъ вамъ, можетъ быть, почти современное событіе. Въ одной епархіи, когда *Владыка* выходитъ въ свою *подачу* для пріема и выслушанія пособъ, или при объѣздѣ епархіи встрѣчается мѣстнымъ духовенствомъ; то, конечно, изъ благоговѣнія къ нему все въ одно мгновеніе становится на колѣни и стоитъ въ этомъ смиренномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Владыка не оставитъ комнаты собранія. Не умилительная ли эта сцена? Не достойна ли она кисти самаго лучшаго художника? Въ ней, какъ нельзя точнѣе, выражается величіе

сана съ одной, преданность и покорность съ другой стороны. Къ сожалѣнію однажды при подобной сценѣ обнаружился не хорошій характеръ человѣка, который бы долженъ былъ подавать собою примѣръ христіанскихъ добродѣтелей. Когда при осмотрѣ епархіи Владыкою всс стало на колѣни, одинъ протоіерей отступилъ отъ этого обыкновенія и продолжалъ стоять, какъ стоятъ мірскіе люди, сдѣлавши только правда вѣжливый поклонъ. Владыка кротко ему замѣтилъ, почему онъ не послѣдовалъ примѣру прочихъ; тотъ имѣлъ дерзость отвѣчать: я де уволенъ отъ тѣлеснаго наказанія по своему сану, по своему произхожденію, и по своимъ знакамъ отличія (онъ былъ кавалеромъ аннинскаго ордена). Не скрываемъ этого печальнаго событія; и между нашимъ духовенствомъ есть еще люди, не понимающіи достоинства патріархальныхъ обычаевъ. Что дѣлать? Кого въ большой семьѣ не бываетъ?

Что добрый и любезный читатель? Нравятся вамъ отношенія духовенства къ его начальникамъ? Одобряете вы тѣ формы, въ которыхъ оно *вынуждается* выражать свою покорность и почтительность предъ властями? Справедливо ли вамъ кажется та юриспруденція, по которой они должны заглаживать свою виновность? Отвѣта отъ васъ не скоро дождешься! Но и самимъ намъ пока хочется помолчать о столь щекотливомъ предметѣ, а лучше разскажемъ свой разговоръ съ нашимъ пріятелемъ Иваномъ Ивановичемъ. Онъ человѣкъ добрый, только, по несчастію для него же, принадлежитъ къ такъ называемымъ горячимъ головамъ и еще слишкомъ *крѣпокъ*

на языкъ, слишкомъ любитъ выражаться ясно и отчетливо. Эту несчастную для него привычку онъ пріобрѣлъ, много занимаясь въ молодости математикою. Поэтому, о чемъ бы онъ ни началъ говорить, ему такъ и представляется, что надобно свои мысли выражать съ такою же ясностію и отчетливостію, съ которою онъ нѣкогда доказывалъ пиѳагорову теорему, или разрѣшалъ уравненіе первой степени. Но съ другой стороны, не смотря на свою математику, онъ принадлежитъ къ страстнымъ защитникамъ гуманныхъ идей; набравши въ свою голову многое многожество ихъ посредствомъ чтенія Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Вѣстника и пр.; онъ не хуже старинныхъ рыцарей готовъ переломить копье со всякимъ врагомъ этихъ идей. Только одна замѣчается въ немъ странность; ни горячность, ни страсть его все доказывать математически, ни приверженность къ гуманнымъ идеямъ не обнаружатся во всей ихъ силѣ, если соглашатся съ его мнѣніями. Чтобы *расшевелить* его, надобно непремѣнно противорѣчить ему, защищать напр. антигуманныя идеи и пр. Въ такомъ случаѣ онъ похожъ на пушечное ядро, которое при концѣ своего полета, еле еле движется по землѣ, но коснитесь его рукою, тогда и прощайтесь съ нею. И мы, нечего грѣха таить, когда желаемъ узнать задушевныя мысли Ивана Ивановича, поступаемъ не множко махіавелевски, притворяясь противникомъ его убѣжденій. Однажды зазвавши его къ себѣ, мы рѣшились прочитать ему ту самую главу, которую вы, читатель, теперь читаете. „Ну, что Иванъ Ивановичъ спросили-

мы его: нравится ли тебѣ наше описаніе положенія духовенства?“

— „Да я что-то не совсѣмъ тебя понимаю, отвѣчалъ Иванъ Ивановичь; отношенія духовенства къ прихожанамъ описаны тобою ясно. Что же касается до отношеній его ко властямъ, то я даже не понимаю, одобряешь ли ты ихъ, или охуждаешь?“

— „Что, ты Иванъ Ивановичь? Какъ охуждать? Ихъ надобно не только хвалить, а превозносить, сказали мы, желая *порасшевелить* своего друга. Развѣ ты не видишь, что на нихъ надобно смотрѣть, какъ на остатокъ благословенной старины, какъ на . . . . . , ...

— „Стой, стой, почти закричалъ Иванъ Ивановичь. Остатокъ старины! прекрасная причина! Да развѣ все, что было въ старину, безусловно хорошо, потому только, что такъ было въ старину? Вотъ напр. ты мнѣ не отдаешь долга, — не угодно ли отправиться на правежъ? вѣдь это обычай благословенной старины. — Встарину всѣхъ безъ различія наказывали батогами, плетьми, кнутомъ, сажали на колъ, сожигали на кострахъ, подвергали пыткамъ. Не прикажете ли возстановить и эти преданія благословенной старины? — Встарину также смотрѣли на всѣхъ иностранцевъ, какъ на нехристей; военноплѣнныхъ обращали въ рабство; а еще въ болѣе глубокую и, значитъ, болѣе почтенную старину приносили ихъ въ жертву и даже кушали, можетъ быть. Что? Не угодно ли и это все приподнять на ноги? Нѣтъ, любезный другъ, старинные обычаи хороши, когда они не противорѣчатъ современнымъ требова-

ніямъ. Посмотримъ-ка съ этой стороны на нашъ спорный предметъ. Тебѣ извѣстно, что *нынѣ* важнѣйшіе сановники помощнику столоначальника не скажутъ *ты; нынѣ* портнаго, или сапожника особенно нѣмца и француза, не встрѣтятъ словомъ *ты; нынѣ* умные люди даже камердинеру и хорошему лакею говорятъ *вы; нынѣ* тотъ же самый священникъ всякому городскому жителю непремѣнно скажетъ *вы*. Скажи же, Бога ради, за что же священникъ, протоіерей и пр. должны составлять исключеніе изъ общаго правила вѣжливости? Почему ихъ *тыкаютъ?* Вѣдь они не мѣщане, не мужики, а люди почетные. Далѣе ты знаешь, что поклоненіе до земли нынѣ вывѣлось; только подлѣйшіе рабы Персидскаго Шаха лобызаютъ прахъ его Высокопорожія; а у насъ на Руси не вездѣ и мужики *валомъ валятся на землю,* являясь предъ помѣщикомъ и прочимъ начальствомъ. За-что же теперь духовныя лица осуждены еще на этотъ унизительный знакъ выраженія преданности и почтительности? Почему однимъ почти имъ предоставлена честь гнуть спину, и даже получать толчки, копать землю, утрамбовывать дорожки?“

— „Постой, постой, сказали мы, ты далеко заходишь; вѣдь послѣднія вещи случаются съ провинившимися; а я думаю, что нельзя не наказывать тѣхъ, которые живутъ дурно, или нерадиво исполняютъ свои обязанности, мы очень серьезно замѣтили своему словоохотливому пріятелю.

— „Разумѣется, отвѣчалъ нашъ спорщикъ, проступки и упущенія наказываются; но для этого ка-

жется, существуютъ, XV томъ свода законовъ и особыя постановленія. При опредѣленіи наказаній надобно руководствоваться одними этими постановленіями и XV томомъ свода законовъ; а свои наказанія придумывать никто не имѣетъ права. Если же налагаемыя наказанія противорѣчатъ существующимъ узаконеніямъ, то налагающій ихъ самъ долженъ быть наказанъ. Въ Россіи одинъ Царь только издаетъ законы. Между тѣмъ вамъ, какъ любителю старинныхъ обычаевъ должно быть неизвѣстно, что по русскимъ законамъ на черную работу могутъ быть осуждаемы только люди податнаго состоянія, арестанты арестантскихъ ротъ, люди, посаженные въ смирительные дома; а людей свободныхъ, неподатныхъ сословій безъ суда, безъ лишенія правъ состоянія нельзя осуждать, хотя бы на часъ, въ черноработе. Скажи те теперь, почему подъ этотъ законъ не подведены духовныя лица? Какъ мнѣ помнится, они принадлежатъ къ свободнымъ сословіямъ; а священники и дьяконы вмѣстѣ съ почетными гражданами и личными дворянами составляютъ даже второе сословіе въ государствѣ. Не ужели с. петербургскій генералъ-губернаторъ, или даже какой либо министръ за проступки посылаетъ чиновниковъ, или почетныхъ гражданъ утрамбовывать дорожки, носить дрова и воду? Не ужели посылаютъ на увѣщаніе къ кучеру?“

— „Ну, стой, стой, ты уже очень разгорячился; вѣдь чиновникъ, почетный гражданинъ .... ну самъ посуди, какъ можно заставлять ихъ работать? Какое бы уваженіе уѣздные жители имѣли къ стано-

вому приставу, исправнику и пр., увидѣвши ихъ гдѣ либо на черной работѣ? Не ослабилась ли чрезъ это власть?“ Мы замѣтили своему пріятелю.

—„Что же скажутъ, позвольте васъ спросить, и прихожане, когда узнаютъ, что ихъ батюшка гдѣ-то щебень разбивалъ, да землю въ тачкѣ возилъ, а можетъ быть увидятъ при подобномъ занятіи? Небось, будутъ имѣть уваженіе къ нему? Какъ думаешь? Ахъ! да! да! не хочешь ли припомнить, что когда мы съ тобою однажды шли близъ Троицкой Церкви и видѣли, какъ вывозились тачки изъ одного саду за черною землею, какъ эти тачки наполняемы и отвозимы были людьми, которыхъ костюмъ и уборъ головы отличаются отъ всѣхъ сословій, помнишь, какъ мѣщане и мужики смѣялись надъ этими несчастными? Помнишь? Что? Эти мѣщане станутъ уважать сословіе, къ которому принадлежали видѣнные нами работники? И сами работавшіе и ихъ собратія не работавшая, но которая, можетъ быть осуждена на тоже, въ состояніи сами по себѣ послѣ такого униженія дѣйствовать нравственно на другихъ.

— „Да что ты въ самомъ дѣлѣ такъ разораторствовалъ? не выдержали мы. Развѣ не видывалъ ты священниковъ, которые, какъ можно судить по ихъ благороднымъ пріемамъ, не находятся въ унизительномъ положеніи и имѣютъ сильное нравственное вліяніе даже не на однихъ своихъ прихожанъ.

— „Какъ не видать? прервалъ насъ Иванъ Ивановичъ. Видалъ въ Петербургѣ придворное духовенство гвардейскаго корпуса, законоучителей учеб-

ныхъ заведеній, и, признаюсь, не налюбовался ими. А позвольте спросить васъ, любитель старины, отчего они хороши? Вѣдь начальники ихъ или главные священники не заставляютъ ихъ стоять въ передних не требуютъ отъ нихъ земныхъ поклоновъ, но посядятъ у себя и потомъ спросятъ, что̀ угодно? Незамѣчательно ли, что между ними слишкомъ рѣдко даже случаются проступки, что проходятъ цѣлые годы и ни одинъ священникъ даже всего военнаго вѣдомства не бываетъ отданъ подъ судъ? А объ лишеніи сана, о временномъ запрещеніи тамъ, кажется, и не слыхивали. А можно ли сказать тоже самое о сельскомъ и вообще епархіальномъ духовенствѣ? А послушайте, да что я вамъ говорю. Вы сами слыхали, какъ духовенство придворное и военное любитъ своихъ начальниковъ! Какъ оно считаетъ себя счастливымъ, что находится подъ ихъ начальствомъ, а не подъ .....! Даже законоучителей учебныхъ заведеній въ Петербургѣ отчего очень скоро и по виду и по разговору можно отличить отъ приходскихъ священниковъ? Вѣдь правда. Да я еще и забылъ, что есть духовныя лица, живущія уже вовсе безъ надзора, вдали отъ всѣхъ начальниковъ — именно духовенство при посольствахъ. Но между тѣмъ эти безначальственные люди составляютъ гордость нашего духовенства, заслужили уваженіе иностранцевъ, извѣстны короноваинымъ особамъ съ лучшей стороны. Г. Васильевъ, какъ ты самъ знаешь, умѣлъ обратить на себя вниманіе Наполеона III-го. Затѣмъ въ селахъ и въ городахъ много найдется прекрасныхъ священниковъ. Но ты самъ гдѣ-то

сказалъ, что *есть натуры,* которыхъ ничѣмъ не испортишь; — *есть характеры,* которыхъ ничѣмъ не переломишь; *есть здравый русскій смыслъ,* котораго никакъ съ толку не собьешь, — *есть превосходные по крайней мѣрѣ бывали архипастыри,* которые для своей паствы истинные отцы-начальники, ихъ управленіе надолго оставляетъ благодѣтельное вліяніе."

Не правду ли мы сказали, любезный читатель, что нашъ Иванъ Ивановичъ — горячая голова и и крѣпокъ на слово. Дальнѣйшаго разговора съ нимъ мы не станемъ трогать; онъ мало по малу уклонился къ другимъ предметамъ. А лучше воспользовавшись замѣчаніями, высказанными въ этой главѣ, рѣшимъ тотъ вопросъ, который былъ выставленъ нами въ началѣ ей, т. е. въ состояніи ли наше духовенство само имѣть и сообщать своимъ дѣтямъ ту стойкость и самостоятельность характера, ту возвышенность и благородство души, которыя такъ необходимы для нашей нравственности? Для разрѣшенія этого вопроса возьмемъ самый благопріятный случай, положивъ, что у поступающаго на мѣсто, напр. священника, при воспитаніи эти качества если не развиты вполнѣ, то не убиты. Проникнутый важностію своего сана и значеніемъ принятыхъ на себя обязанностей, онъ не хочетъ унижать своего личнаго достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается исполнять свою должность, какъ требуютъ того каноническія правила. Прежде всего у него начинается столкновеніе съ своими сослуживцами. Они ознакомившись съ дѣйствительностію, давно уже погрузились въ житейскія заботы, забывши теоретическій взлядъ на обязан-

ности духовенства, идутъ дорогою, проложенною ихъ предками, — любятъ поговорить о доходахъ, о способахъ увеличить ихъ, о значеніи того или другаго прикащика и бурмистра, побранить помѣщика, — любятъ поддержать свой разговоръ и подкрѣпить себя чѣмъ либо живительнымъ, и вовсе не имѣютъ причинъ любить тѣхъ, которые, будучи другаго образа мыслей, служатъ для нихъ живою уликою. Нельзя же послѣ этого ожидать, чтобы новый сослуживецъ понравился старымъ. Самъ отецъ благочинный, давно уже знакомый съ послѣдними, слышавши отъ нихъ неблагопріятные отзывы о спѣсивомъ новичкѣ и со своей стороны не замѣчая въ немъ обычной угодливости и готовности *уростить на славу*, не находитъ побужденій быть расположеннымъ къ нему. А тутъ является на сцену деревенская аристократія, она привыкла у прежняго батюшки посидѣть, опорожнивать рюмочки, стаканчики, кушать чаекъ съ *прибавленьицемъ*, привыкла, чтобы и у нея батюшка тоже дѣлалъ. Не полюбитъ же она новаго своего пастыря, противъ котораго дьячки и другіе сослуживцы его успѣли кое-что наговорить, и который толкуетъ только о благочестіи, грѣхахъ, добродѣтели, а ни самъ ни пьетъ, ни другихъ не угощаетъ. Отъ аристократіи и причты мнѣніе переходитъ ко всѣмъ прихожанамъ. Но вотъ пришло время ходить по приходу съ молебнами, съ св. водою, и. т. п., новый пастырь не хочетъ притѣснять кого нибудь, ни унижать себя просьбами, довольствуется тѣмъ, что дадутъ, тутъ онъ уже сталкивается съ интересами другихъ и наживаетъ себѣ не просто недоброжелателей

а даже враговъ. Доходы противъ прежнихъ годовъ уменьшились, число причинъ къ неудовольствію увеличилось. Кромѣ того прихожане окрестныхъ селъ, узнавши, что новый попъ въ селѣ N довольствуется только добровольными приношеніями, желаютъ и у себя завести такое выгодное для ихъ кармановъ нововведеніе; чрезъ это окрестное духовенство на нововводителя не будетъ смотрѣть благопріятно. Наконецъ если самъ онъ не догадается, то жена доложитъ, что при такихъ доходахъ имъ нельзя хорошо себя содержать. Воевать со всѣми и переносить нищету не у всякаго достанетъ мужества. И вотъ нашъ нововводитель начинаетъ понемногу отступать отъ первоначальныхъ своихъ правилъ, тамъ пригласитъ къ себѣ бурмистра, польститъ помѣщику; здѣсь и самъ въ угожденіе кому либо выпьетъ, тамъ попроситъ *прибавочки* за исполненіе требы; а здѣсь и погрозится, а иногда легонько поприжметъ. Замѣтивъ, что число недоброжелателей чрезъ то уменьшается, а доходы увеличиваются, онъ незамѣтно для себя вступаетъ въ общую колегію и дѣлается тѣмъ же, чѣмъ былъ его предшественникъ. При такомъ положеніи какъ утвердить самостоятельность и стойкость характера, когда чувствуешь свою зависимость отъ всякаго прихожанина, отъ капризовъ деревенскихъ властей? Сохранишь ли благородныя чувства и возвышенность души, когда приходится грязнить себя тѣми поступками, которыхъ самъ прежде стыдился? Не унизишься ли въ своихъ собственныхъ глазахъ, прибѣгая къ лести, къ заискиванію милости бородатыхъ и бритыхъ деревенскихъ знаменитостей, и употребляя вымога-

тельства и пр. О Господа! Господа! будьте милосерды, не требуйте невозможнаго. Присоедините лучше къ сказанному нами вѣчное начальническое тыканіе, земные поклоны, раболѣпныя преклоненія, опасеніе, какъ бы не поносить гдѣ либо воды на третій или вторый этажъ, не потаскать тачекъ, не утрамбовывать дорожекъ; — тогда поймете многія явленія, которыя теперь вамъ кажутся странными. *Отчего* напр. духовныя лица, не всѣ конечно, по большею частію такъ поклончивы, такъ приторно вѣжливы и услужливы и съ такою готовностію заискиваютъ благосклонность чуть не всякаго человѣка повиднѣе другихъ? *Отчего* они, имѣя нужду войти въ домъ, котораго хозяинъ принадлежитъ къ знати, сначала пойдутъ къ заднему крыльцу? *Отчего* дьячекъ, а иногда кто либо повыше его скинетъ шляпу еще за воротами? *Отчего*, пришедши въ прихожую, онъ съ какою то робостію спрашиваетъ: можно ли видѣть его благородіе? *Отчего* причтъ, приглашенный вами въ гостиную, не всегда скоро сядетъ на стулья, встаетъ при вопросахъ, къ нему обращаемыхъ, пожимаетъ свои руки и пр.? *Отчего* часто кланяется человѣку вовсе незнакомому и нисколько даже не замѣчательному? Съ другой стороны *отчего* любо посмотрѣть на молодаго священника? Онъ такъ веселъ, такъ ясно сознаетъ важность своего сана, такъ смѣло смотритъ вамъ въ глаза, года два, три сохраняетъ еще осанку. А потомъ *отчего* лѣтъ черезъ пять или десять его уже не узнаешь? Разрѣшайте всѣ эти вопросы, какъ угодно; только, Бога ради, не браните духовенство, а пожалѣйте о немъ.

Но мы избрали самый благопріятный случай. А что должно послѣдовать, если новый священникъ и прежде своего посвященія не отличался самостоятельностію и благородствомъ? Что дѣлать дьякону, особенно причетнику? Много бы вамъ мы могли сказать еще; ахъ! *Какъ мы много знаемъ въ этомъ отношеніи?* Но время кончить главу. Скажемъ прямо: только немногія лица изъ духовенства, даже изъ священниковъ отъ всѣхъ выше изложенныхъ причинъ могутъ удержать самостоятельность характера, сохранить возвышенность и благородство души. Какимъ же образомъ они сообщатъ дѣтямъ то, въ чемъ сами нуждаются? Да если бы и рѣшались на такой подвигъ, то успѣха большаго не ожидайте. Вѣдь у всякаго сына есть зрѣніе и слухъ, чтобы видѣть и слышать, какъ отецъ его льститъ и угождаетъ деревенской аристократіи, къ которой по уходѣ высказываетъ презрѣніе. Онъ бываетъ нерѣдко свидѣтелемъ, какъ выпрашиваютъ мольбою, выжимаютъ притѣсненіями прибавку дачи за требы, особенно за свадьбы; иногда при немъ же происходятъ совѣщанія, какимъ образомъ увеличить ту или другую статью дохода. Онъ догадывается, а иногда прямо слышитъ о томъ униженіи, которому отецъ его подвергается предъ губернскими властями. Наконецъ онъ и самъ, такъ сказать, кое въ чемъ *практикуется*, ходя по приходу въ святки или пасху. Ему говорятъ иногда: *попроси прибавочки*, а въ поощреніе обѣщаютъ или всю собранную сумму, или извѣстный процентъ ея отдать въ его распоряженіе. Послѣдствія такой жизни, такихъ поступковъ очевид-

ны. Описывать ихъ не зачѣмъ; всякій и безъ того поймет, съ какимъ настроеніемъ и характеромъ поступаетъ въ училища *большая часть дѣтей* духовнаго званія. Такимъ образомъ воспитателямъ ихъ надобно не только пробудить и укрѣпить самостоятельность и твердость характера, возвышенность и благородство души, но предварительно позаботиться объ уничтоженіи противоположнаго этимъ качествамъ настроенія, которое развивается у домашняго очага. Трудъ вовсе не маловажный! Развѣ легко въ запуганномъ мальчикѣ развить благородную стойкость, а въ попрошайкѣ пробудить сознаніе личнаго достоинства? Но воспитатели люди догадливые, значительнѣйшая часть ихъ не любитъ обращать вниманіе на описанныя нами обстоятельства, а думаютъ образовать нравственную сторону своихъ питомцевъ на основаніи особыхъ правилъ, которыхъ теорію, практическое приложеніе, пользу или вредъ опишемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Общее понятіе о происхожденіи казенныхъ школьныхъ добродѣтелей.

Говоря въ первой части о Реторикѣ, мы сказали, какимъ образомъ ученики имѣя мало положительныхъ свѣдѣній о предметахъ, изобрѣли для себя *казенныя мысли* и расходуютъ ихъ въ сочиненіяхъ

на всѣхъ возможныя предложенія. Теорія очень занимательная! Почему же не рѣшиться на что нибудь подобное и въ другихъ случаяхъ? Почему напр., этимъ же ученикамъ уже въ качествѣ начальниковъ училищъ не подумать о томъ, нѣтъ ли возможности дѣлать учениковъ нравственными существами посредствомъ какихъ либо *казенностей* (извините за слово)? Почему для этого не изобрѣсти *казенныхъ* добродѣтелей, *казенныхъ* способовъ прививать ихъ къ ученикамъ, *казенныхъ* признаковъ, по которымъ бы можно было отличить нравственнаго воспитанника отъ безнравственнаго и пр.? Не безпокойтесь, добрый читатель! Все уже изобрѣтено, все давно прилагается на дѣлѣ и, значитъ, оправдано опытомъ. Намъ остается только описать происхожденіе этой *казенщины* и ея вліяніе на учениковъ.

Выше было замѣчено, что школьные воспитатели чрезвычайно любятъ руководствоваться тѣми же правилами, по которымъ сами воспитались. Только немногіе геніальные люди стараются сбросить съ себя старые предразсудки и обычаи и освѣжить училища новыми распоряженіями. Въ этомъ впрочемъ случаѣ почти всегда нужно, чтобы нововводитель хоть нѣсколько времени былъ въ сношеніи съ лицами другаго воспитанія, или ознакомился съ идеями, выродившимися изъ другихъ началъ, а не изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ самъ выросъ. Если же училища преемственно управляются лицами, получившими воспитаніе въ нихъ же; если при этихъ училищахъ поставлены заставы, чрезъ которыя нѣтъ возможности перешагнуть не только чужимъ людямъ

но и идеямъ; если поступленіе въ нихъ стороннаго не только начальника, но и наставника считается посягательствомъ на ихъ права, вражескимъ нашествіемъ, чуть не осквернёніемъ; если наконецъ родители самихъ воспитанниковъ получили образованіе въ тѣхъ же самыхъ училищахъ; то тутъ долго, долго остается все въ одномъ и томъ же порядкѣ; тутъ даже тщеславятся тѣмъ, что остановились на одномъ мѣстѣ, и не дѣлаютъ, даже не хотятъ дѣлать шага впередъ. Вотъ почему и мы здѣсь напередъ находимъ нужнымъ обратиться *къ временамъ давно минувшихъ лѣтъ къ преданіямъ старины глубокой*, чтобы объяснить происхожденіе тѣхъ школьныхъ добродѣтелей, о которыхъ мы начали говорить.

Въ очень старинное время у насъ училищъ не было; по этому при открытіи ихъ начальнику нужно было устроить свою администрацію, слѣдуя образцамъ начальствъ по другимъ вѣдомствамъ; самому все придумывать трудно, отъ иностранцевъ заимствоваться всѣмъ противно патріотизму и даже *нечестиво*. Что же такое въ старинное время были начальники неученыхъ вѣдомствъ? Мы далеко не спеціалисты по Русской Исторіи; даже не имѣемъ подъ руками лѣтописей, изъ которыхъ могли бы выписывать цитаты для нашего предмета. Но, основываясь на свѣдѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ нами изъ чтенія статей о русской старинѣ, на разсказахъ стариковъ и разныхъ преданіяхъ, пословицахъ, повѣрьяхъ и пр., мы какъ-то по неволѣ дошли до мысли, что многіе старинные начальники считали себя лицами, принадлежащими къ другой рассѣ, нежели подчиненные ихъ

видѣли въ себѣ существа высшаго разряда. Разбирая тогдашнія соціальныя отношенія, невольно думаешь, что начальники: воеводы, дьяки .... даже писари, старосты и пр. были точно какъ Варяги, посланные изъ Изборска, или Новгорода куда либо въ глушь муромскихъ лѣсовъ для усмиренія кичливыхъ славянскихъ или финскихъ племенъ; точно какъ сторонники или дружинники удѣльныхъ князей, отправленные на воеводство поживиться и нажиться; точно какъ баскаки татарскіе, посланные для сбора податей. Приблизимся еще болѣе къ современности. Намъ даже кажется, что конечно не самое крѣпостное право, а формы, которыми оно облеклось послѣ, заимствованы у стариннаго начальства. Если послѣднее вольно было дѣлать все съ подчиненными, что угодно; то зачѣмъ и дворянину быть слишкомъ разборчивымъ по отношенію къ крестьянамъ? Да, начальники за нѣсколько столѣтій, а можетъ быть и поближе къ намъ были грозными существами, великими недоступными особами. Что же удивляться, если при основаніи училищъ въ Россіи новый ихъ начальникъ, понимавшій по тогдашнему обязанности начальства, и даже нерѣдко исполнявшій ихъ, если онъ и въ училища вводилъ тѣже административныя формы, въ которыхъ тогда облечено было всякое начальство? Почему школу не представить воеводствомъ? Почему и въ ней не поставить власти своей выше всего, воли своей не сдѣлать закономъ для подчиненныхъ? Почему не пожелать, даже не счесть необходимымъ, чтобы все предъ нимъ преклонялось, все служило, трепетало и рабски исполняло его желанія? Вѣдь

подчиненные только дѣти, — за ними нуженъ надзоръ? А начальники, не только начальники, но и отцы вмѣстѣ. Неужели ребятенкамъ позволить большую свободу, нежели какою пользуются взрослые? Неужели начальнику училища нужно стать ниже, нежели какъ стоитъ воевода, или староста? Сюда также нужно отнести и то обстоятельство, что училища у насъ сначала устроялись при монастыряхъ, имѣли начальниками иноковъ. Послѣдніе, по религіозному убѣжденію, считая монастырскіе уставы выше всѣхъ учрежденій, пожелали имъ подчинить и учениковъ. А монастырскіе уставы, какъ мы выше сказали, придаютъ важности начальника даже религіозный характеръ. Такимъ образомъ въ старинное время начальники училищъ себя считали чѣмъ-то въ родѣ игумена по отношенію къ ученикамъ; это, можно сказать, было лучшіе, тутъ по крайней мѣрѣ дѣйствовало религіозное убѣжденіе. Но другіе,—какъ бы ихъ покойниковъ не обидѣть? — боимся, люди были грозные; — такъ, другіе очень сбивались если не на баскаковъ татарскихъ или дружинниковъ удѣльныхъ князей, или на воеводъ болѣе новыхъ временъ, то на помѣщиковъ или на ихъ управляющихъ и прикащиковъ.

Конечно нынѣшніе начальники учебныхъ заведеній вовсе не таковы; къ намъ уже такъ много нанесено филантропическихъ и педагогическихъ идей, что старинному зданію устоять не было возможности. Но мы держимся своей мысли: *преданія въ училищахъ не скоро пропадаютъ, формы измѣняются, но духъ остается тотъ же, только обклеенный,* такъ сказать,

новѣйшими обоями; особенно, если училища не подновляются лицами, воспитывавшимися въ другихъ мѣстахъ. И потому, г. читатель, *нѣтъ ли и нынѣ начальниковъ*, которые на такую высоту отдѣляютъ себя отъ воспитанниковъ, что послѣдніе имъ кажутся существами микроскопическими? *Нѣтъ ли и нынѣ начальниковъ*, которые не удивятся, а сочтутъ за сновидѣніе, услыхавши, что они не господа своихъ учениковъ, не безотчетные ихъ повелители? *Нѣтъ ли и нынѣ такихъ*, которые заботятся сдѣлаться начальникомъ учебнаго заведенія, чтобы поживиться, покормиться и запасти копѣйку другую на черный день? Право есть. Естественно уже, что такіе начальники не станутъ слѣдовать той теоріи, которую мы находимъ нужною при нравственномъ воспитаніи. Да и къ чему имъ эта теорія? Зачѣмъ пріучать воспитанника къ твердости характера, независимости и самостоятельности, когда у него есть твердѣйшій, какъ гранитъ, и самостоятельнѣйшій начальникъ? — воспитай мальчика самостоятельнымъ, тогда не уладишь съ нимъ. Зачѣмъ даже возвышенность и благородство души для нравственности? Дѣлай, что приказываютъ, вотъ и все; а то эти оба качества какъ то располагаютъ къ твердости и самостоятельности. Управляй и нынѣ училищами также, какъ они управлялись за 100 и болѣе лѣтъ; только немножко раскрась нынѣшними модными красками.

На обоихъ разъясненныхъ нами въ этой главѣ основаніяхъ, т. е. идеяхъ, которыми руководствовались старинные начальники при управленіи своими подчиненными и еще на монастырскихъ обычаяхъ и

правилахъ, некстати и неудачно приложенныхъ къ училищамъ, — на этихъ-то основаніяхъ, — употребимъ высокопарный реторическій слогъ — *утверждается зданіе школьной Новки*, — родъ кодекса, нигдѣ еще не напечатаннаго, въ которомъ перечислены всѣ *казенныя* училищныя добродѣтели и пороки, всѣ *казенныя* побужденія къ исполненію послѣднихъ, всѣ *казенные* признаки тѣхъ и другихъ. Не надобно думать, чтобы этимъ кодексомъ руководствовались только въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣтъ, имъ пользуются, по крайней мѣрѣ недавно пользовались, во многихъ училищахъ другихъ вѣдомствъ, только съ большимъ или меньшимъ опущеніемъ тѣхъ или другихъ пунктовъ. Съ другой стороны считаемъ нужнымъ сказать, что въ старое время, впрочемъ не очень давнее, въ духовныхъ училищахъ особенно любили держаться этого кодекса; но нынѣ и здѣсь есть начальники, которые отступаютъ отъ него. А потому защитники нынѣшняго состоянія, хоть бы напр. духовныхъ училищъ, могутъ не принимать на свой счетъ того, что мы ниже скажемъ, а относить это къ старымъ временамъ, или училищамъ другихъ вѣдомствъ.

Отдѣленіе первое.

Объ училищномъ послушаніи.

Очень немного найдется людей, которые бы не считали нужнымъ, чтобы воспитанники учебныхъ заведеній оказывали своимъ начальникамъ безпредѣль-

ное повиновеніе, безропотную во всемъ покорность и безусловную готовность исполнять всякія приказанія. И мы съ своей стороны думаемъ, что оставить на произволъ дѣтей всѣ ихъ поступки вовсе не годится, что они еще не способны къ *англосаксонскому* (self-government) *самоуправленію*, что въ школахъ еще не слѣдуетъ составлять парламенты, предъ которыми начальники должны являться въ качествѣ отвѣтственныхъ министровъ англійской королевы. Но думаемъ, что прилагательныя имена: безусловный, безропотный и пр., соединяемыя съ повиновеніемъ, послушаніемъ, вовсе не нужны; добрыя качества не потеряютъ своего значенія и достоинства, если не станутъ опираться на прилагательныя имена. Главное же дѣло, по нашему мнѣнію, состоитъ въ настоящемъ случаѣ въ томъ, какимъ образомъ располагать и пріучать дѣтей къ повиновенію. Но это, кажется, есть очень простой и вѣрный способъ. Именно надобно помнить, что дѣти, хотя они и дѣти, тоже принадлежатъ, какъ и сами начальники, къ разумнымъ существамъ и въ своихъ дѣйствіяхъ должны руководствоваться не инстинктуальными побужденіями животныхъ, не механическимъ настроеніемъ машинъ, а разумными убѣжденіями, сознаніемъ, что всякая обязанность нужна и полезна по чему либо для нихъ. Поэтому нужно отдавать дѣтямъ приказанія благоразумныя, такъ чтобы они могли видѣть пользу и необходимость ихъ. А еслибы это было для нихъ непонятно, то начальникъ обязанъ принять на себя трудъ прояснить, къ какою цѣлію отдается то, или другое приказаніе. Если считается необхо-

димымъ не прежде заставлять мальчика заучивать правило сложенія, какъ напередъ объяснивъ его; и если учитель, объясняющій это хорошо, нисколько не унижаетъ себя; то мы не понимаемъ, почему тѣ или другія правила нравственности дѣти должны исполнять не разсуждая и не понимая ихъ значенія? Отчего унизительно для начальническаго сана войти съ дѣтьми не только въ разсужденіе, но даже и въ преніе о томъ, почему дается имъ то или другое приказаніе? Наконецъ по нашему мнѣнію, вовсе неизлишне устранять всѣ обстоятельства, которыя такъ, или иначе препятствуютъ исполненію отданныхъ приказаній, напр. не смѣшно ли требовать отъ дѣтей, чтобы они внимательно слушали учителя и не смѣялись его присутствіи въ классѣ, если онъ вовсе не умѣетъ говорить, или говоритъ съ смѣшными ужимками, или приходитъ въ классъ навеселѣ и отъ одной точки до другой не можетъ пройти по прямой линіи. При перечисленныхъ нами условіяхъ мальчикъ, побуждаемый раціональными убѣжденіями, не встрѣчая совнѣ никакихъ препятствій, привыкаетъ, пріучается думать, что начальническія приказанія для него и нужны и полезны, что не исполнять ихъ стыдно, и такимъ образомъ правила, внушаемыя ему въ школѣ, напечатлѣвшись въ юной душѣ, сдѣлаются руководствомъ всей его жизни? Вы скажете: *это трудно;* а мы отвѣтимъ вамъ: „за что же вамъ даютъ жалованье, ордена и другія отличія? Вы, конечно, не откажетесь отъ труда посредствомъ должности начальника надъ училищемъ подняться повыше въ общественной лѣстницѣ; такъ не избѣгайте трудовъ, соединенныхъ съ

этою должностію; или откажитесь отъ ней; ваше мѣсто займется людьми болѣе достойными.“

Теперь обратимся къ тому, какъ обыкновенно въ училищахъ, конечно не во всѣхъ, старались и стараются внушить дѣтямъ повиновеніе къ начальникамъ? Изложенные нами сейчасъ способы многими начальниками училищъ не только не одобряются, но считаются едвали не еретическими мыслями, противными всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ. „Какъ? восклицаютъ они въ негодованіи, нужно еще каждому мальчишкѣ объяснять, почему онъ долженъ исполнять то или другое приказаніе, выслушивать и опровергать его возраженія и сомнѣнія? Что вы, Милостивый Государь? Не значитъ ли это съ дѣтскихъ лѣтъ пріучать его къ своеволію? Къ чему съ нимъ разсуждать? Сказалъ ему, чтобы это было сдѣлано, — и довольно съ него. Моя воля — вотъ законъ для него, вотъ доказательство и пользы и особенно необходимости всякой обязанности. А рѣшись какой нибудь дерзновенный спросить, зачѣмъ отдается то или другое приказаніе, или не исполнить его; — у насъ на это есть матеріальныя убѣжденія, которыя тотчасъ заставятъ всякаго повиноваться намъ. Если мужикъ умѣетъ изъ дерева выгибать дуги; то неужели мы ученые люди — не съумѣемъ заставить какого либо десяти или пятнадцатилѣтняго философа преклониться предъ нашею волею?“ Вотъ, г.г. читатели вамъ первый образчикъ *казеннаго способа* пріучать къ нравственности. Но добрые начальники напрасно не спросятъ мужика, какъ онъ гнетъ дуги? Мужикъ въ этомъ случаѣ ни за что

не станетъ слишкомъ сильно налегать на нихъ: онъ дѣлаетъ все постепенно; то помочитъ дерево съ одной стороны, то погрѣетъ его съ ст другой: въ полномъ смыслѣ приноровливаѣтся къ его свойствамъ. *Только одинъ медвѣдь въ лѣсу гнетъ дуги — не парить, переломитъ — не тужитъ.*

Почтенные начальники, которые свою волю ставятъ закономъ, точно доводятъ подчиненныхъ своихъ до того, что они исполняютъ ихъ приказанія. Но какія послѣдствія отъ такого нераціональнаго образа дѣйствія? Прежде всего сколько сучьевъ, досокъ и деревьевъ, не согнувшись, ломаются совершенно? Сколько людей выходитъ изъподъ ихъ отеческаго надзора безъ всякаго характера, безъ всякаго опредѣленнаго образа мыслей и дѣятельности? Раціональныхъ убѣжденій въ пользѣ и необходимости тѣхъ или другихъ распоряженій они не имѣютъ. И потому въ присутствіи своихъ грозныхъ патроновъ исполяютъ все, что имъ ни велятъ; но за то чего не дѣлаютъ за глазами и особенно, когда будутъ людьми совершенно свободными отъ надзора? Въ этомъ случаѣ ихъ можно сравнить съ тѣми твердыми тѣлами, которыя будучи употреблены на пружины, не потеряли своей упругости, не изломались. Такія тѣла, какъ скоро высвободятся изъ-подъ вліянія силы, на нихъ дѣйствовавшей, не только выпрямляются; но и перегибаются на противуположную сторону тѣмъ съ большею скоростію, чѣмъ сильнѣе были сгибаемы; не вдругъ ихъ остановишь въ такомъ случаѣ; много надѣлаютъ иногда они бѣдъ. Не подобнымъ ли образомъ нужно объяснять тѣ дикія

оргіи и вакханаліи, которымъ въ тихомолку предаются часто воспитанники, механически и насильственно пріученные къ повиновенію? Не отъ того ли лучшіе, повидимому, изъ нихъ къ величайшему изумленію своихъ бывшихъ начальниковъ дѣлаются въ общественной жизни отъявленными негодяями? Узда съ нихъ снята, всадника съ шпорами и нагайкою на себѣ они не чувствуютъ; — почему же не показать, что они уже не мальчики, а люди свободные? Жалко, что эти разогнувшіяся пружины отклоняются только въ одну противуположную сторону, и никогда не принимаютъ ни прежняго, ни нормальнаго своего положенія. Кромѣ того видя, какъ мало заботились о раціональномъ ихъ убѣжденіи въ необходимости и пользѣ приказаній, они привыкаютъ съ дѣтства къ мысли, что начальникъ не обязанъ давать отчета въ своихъ поступкахъ предъ подчиненными, что его слова должны быть закономъ для нихъ. И когда такіе люди сдѣлаются начальниками уже не надъ дѣтьми, а надъ взрослыми, развѣ они не послѣдуютъ примѣру своихъ воспитателей? Но и въ нихъ, какъ и во всякомъ изъ насъ грѣшныхъ людей, есть много дурныхъ качествъ, даже дикихъ инстинктовъ. Если бы ихъ пріучили къ очетливому раціональному образу дѣйствій; то они и въ званіи начальниковъ стали бы размышлять хороши ли ихъ отношенія къ подчиненнымъ. Не пріученные же къ этому, а между тѣмъ увлекаемые своими дурными качествами, привычками, выгодами развѣ не станутъ отдавать приказаній также, какъ и получали ихъ нѣкогда? Развѣ сѣдому, и основательному старику

говорятъ: „какъ ты смѣешь еще разсуждать? Начальство тебѣ приказываетъ, твое дѣло исполнять, а не разсуждать. Молчи иначе, я съ тобою раздѣлаюсь.“ По нашему мнѣнію большая часть безотчетныхъ деспотовъ-начальниковъ ведутъ свое начало у насъ отъ школьнаго воспитанія, и отъ управленія ими въ дѣтствѣ и послѣ него такими же начальниками-деспотами.

Можетъ быть, не у всякаго начальника найдется столько времени, чтобы объяснить ученикамъ свои приказанія; можетъ быть не всегда тоже бываетъ столько и ума (чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?) чтобы умѣлъ онъ рельефно выставить пользу и необходимость своихъ распоряженій. И въ такомъ случаѣ есть человѣческій способъ расположить дѣтей къ исполненію приказаній. Для этого нужно только пріобрѣсть любовь и уваженіе ихъ. Извѣстно, что мы охотно всегда исполняемъ желанія тѣхъ людей, которые заслужили нашу любовь и уваженіе; а дѣти нерѣдко почти безгранично отдаютъ себя въ волю тѣхъ, кого любятъ и уважаютъ; тогда даже непонятныя для ихъ ума распоряженія ими охотно приводятся въ исполненіе. Нельзя ни отдать чести въ этомъ отношеніи начальникамъ училищъ. Всѣ они, кажется, безъ исключенія хлопочутъ о томъ, чтобы заставить дѣтей по крайней мѣрѣ уважать ихъ; о любви очень немногіе заботятся; это чувство какъ-то отзывается отвлеченностію, да и внѣшнія формы, которыми оно выражается, довольно неопредѣленны. Только въ способахъ пріобрѣтать уваженіе и любовь учениковъ мы, вѣроятно со многими начальниками

не сойдемся. По нашему мнѣнію, есть тоже очень простой способъ расположить къ себѣ дѣтей. Будьте ласковы въ обращеніи съ ними, заботьтесь съ участіемъ объ удовлетвореніи ихъ нуждъ, не оставляйте ихъ ни голодными, ни холодными, займите для нихъ мѣсто отца и матери. Тогда не заботьтесь; дѣти полюбятъ васъ и станутъ уважать; въ послѣднемъ случаѣ кромѣ того нужно вести себя такъ даже и начальнику, чтобы не дѣлать никакихъ поступковъ, которые заставляютъ терять уваженіе къ ихъ особамъ. Способы, кажется, не мудреные; но они не нравятся очень многимъ начальникамъ. „Вотъ, еще что придумали, говорятъ послѣдніе, ласкать дѣтей, — нѣтъ, извините; въ такомъ случаѣ они рѣшительно зазнаются, и *сядутъ*, какъ говорятъ, *на шею*. Кормить ихъ хорошо, содержать тепло — конечно можно, и иногда и должно, но основывать на мукѣ и дровахъ уваженіе къ своей особѣ вовсе нерасчетливо.“ „Нѣтъ, батюшка, говорилъ намъ однажды такой начальникъ, заставить уважать себя (о любви онъ и не думалъ) можно иначе. *Благодѣтельный, спасительный страхъ, вотъ основаніе всякаго уваженія;* кого боимся, батюшка, того уважаемъ, не раскричимся передъ нимъ, а живо исполнимъ, что намъ прикажетъ.“ И точно не одинъ нашъ бывшій собесѣдникъ, но и другіе начальники особенно хлопочутъ о внушеніи уваженія къ себѣ посредствомъ страха; и какъ люди математическіе выбираютъ чрезвычайно вѣрныя средства. Нѣкоторые изъ нихъ обязываютъ законоучителя, или сами стараются, какъ можно яснѣе, изложить пятую заповѣдь и обратить особенное вни-

маніе на уваженіе къ начальникамъ. Но большая часть считаетъ это средство - теоретическою вещію; они идутъ къ цѣли прямо, избирая для этого вполнѣ *казенныя средства.* Издается и многократно повторяется строжайшій приказъ при встрѣчѣ съ начальникомъ, скидать фурашки, по крайней мѣрѣ за десять саженей, — поравнявшись, поклониться такъ, чтобы туловище съ ногами составило прямой уголъ. Затѣмъ тоже, хотя и не вездѣ, приказывается предъ окнами квартиры почтеннаго начальника обнажать голову, не смотря ни на дождь, ни на мятель и морозъ. Мы знаемъ вовсе не одно училище, гдѣ отдано и исполняется приказаніе, чтобы всякій ученикъ, вступившій съ одного конца въ коридоръ училищнаго дома, непремѣнно скидалъ фурашку, потому-де, что на другомъ концѣ корудора за пятью стѣнами живетъ начальникъ; для исторической вѣрности прибавимъ, что коридоръ въ этихъ училищахъ простирается до 40—50 саженей и зимою никогда не отапливается. Что скажете? Если вы увидите, что ученики исполняютъ всѣ описанныя нами приказанія, то развѣ не подумаете, что они уважаютъ и боятся начальника? Послѣдній по крайней мѣрѣ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ. Кромѣ того многіе начальники стараются такъ себя вести, чтобы ученики въ нихъ видѣли не простыхъ смертныхъ, а существа высшаго разряда, даже какія то языческія божества готовыя принимать только одни поклоненія. И прекрасно! Ученики такое питаютъ благоговѣніе къ ихъ особамъ, чувствуютъ дрожь по всему тѣлу, когда имъ надобно явиться предъ своего владыку; даже *самый языкъ*

ихъ нѣмотствуетъ. Цѣль достигнута, ученики боятся, и слѣдовательно уважаютъ. Мы сами въ дѣтствѣ испытивали такое вліяніе не себѣ; бывало завидѣвши почтеннаго начальника, даже только лошадь его, опрометью бѣжишь въ первый переулокъ, или повертываешь назадъ, чтобы только не попасться на глаза своему владыкѣ, хотя за собою ровно ничего дурнаго не знаешь. Но для доказательства какой бы-то ни было истины ссылаться на собственное свидѣтельство недостаточно; сразу заподозрятъ въ пристрастіи. Поэтому мы здѣсь рѣшаемся указать на одинъ случай, бывшій въ Т—ой губерніи при которомъ уваженіе къ начальству основанное на страхѣ, обнаружилось самымъ блистательнымъ образомъ.

Одинъ мальчикъ-ученикъ былъ посланъ съ полуштофомъ за постнымъ масломъ предъ самымъ обѣдомъ. Возвращаясь назадъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ инспектора и по безотчетному чувству страха, по заведенному, такъ сказать порядку рѣшился какъ нибудь укрыться отъ него. Къ этому была еще и побудительная причина инспекторъ, увидавши полуштофъ въ рукахъ своего подчиненнаго звалъ послѣдняго къ себѣ. Замѣтивъ бѣгство мальчика и предполагая въ полуштофѣ запрещенный напитокъ, начальникъ приказалъ кучеру скорѣе гнать лошадь, чтобы поймать молодаго контрабандиста. Мальчикъ, добѣжавши до края города, перескочилъ чрезъ канаву и скрылся въ домѣ, давно стоявшемъ безъ жителей. Инспекторъ вмѣстѣ съ кучеромъ началъ производить повальный обыскъ и наконецъ открылъ, что бѣглецъ нашелъ себѣ убѣжище подъ печью.

Когда преступникъ принужденъ былъ оставить подпечью и явиться предъ грознаго судію; то послѣдній послѣдній потребовалъ полуштофъ и тутъ къ величайшей своей досадѣ замѣтилъ, что въ него налитъ напитокъ самый невинный и никому не запрещенный. Впрочемъ все-таки сочтено было за нужное наказать мальчика; за чѣмъ-де онъ безъ всякой причины бѣжалъ отъ отца-начальника? Не лучше ли было бы велемудрому мужу подумать, отчего это мальчики отъ него бѣгаютъ? Но до подобныхъ вопросовъ онъ и не думалъ доходить; впрочемъ если бы они и вошли въ его многоученую голову, то, по всей вѣроятности, рѣшены были бы не въ пользу мальчика.

Здѣсь не только педагоги, но и не-педагоги имѣютъ право сказать: „начальники училищъ, пріобрѣтши даже любовь и уваженіе своихъ учениковъ, отдавая приказанія благоразумныя и объясняя ихъ пользу и необходимость лучшимъ образомъ, всегда ли въ состояніи будутъ этими только способами удержать воспитанниковъ отъ дурныхъ поступковъ? Вѣдь дѣти не ангелы; у нихъ тоже есть если не грѣхи, то грѣшишки, они любятъ и пошалить и полѣниться, а иногда способны на болѣе дурные поступки. Удержатъ ли ихъ отъ всего этого одна любовь и уваженіе, которыя внушаютъ къ себѣ, — и благоразумныя распоряженія, которыя дѣлаютъ начальники? Не часто ли мы видимъ, что воспитанники бываютъ отъявленные шалуны и проказники, хотя дѣйствительно любятъ и уважаютъ своихъ начальниковъ, хотя послѣдніе заслуживаютъ это любовь и уваженіе?

И потому неужели воспитатели не могутъ употреблять никакихъ понудительныхъ и исправительныхъ мѣръ, которыя, какъ извѣстно дѣтямъ очень неправятся, и которыхъ употребленіе не слишкомъ располагаетъ ихъ къ любви и уваженію?“ Вопросы эти мы считаемъ вполнѣ основательными; на нихъ нужно отвѣчать.

Мы полагаемъ, что однимъ поглаживаніемъ по головкѣ, одними конфектами, одними словами: *миленькій*, *душенька*, *не шали*, *тебѣ стыдно*, *мнѣ это непріятно*, *ты мальчикъ умный* и пр. нельзя удержать всѣхъ дѣтей безъ исключенія отъ шалостей. Извините насъ, г.г. защитники прогресса, цивилизаціи и гуманности. Мы вамъ же представимъ свое мнѣніе на усмотрѣніе. Укажите намъ хоть одно государство, которое бы не имѣло уголовныхъ и полицейскихъ законовъ и находило возможность не прилагать ихъ къ своимъ гражданамъ всѣхъ состояній. Есть ли хоть одно общество, изъ кого бы оно ни состояло, изъ буканьеровъ, флибустьеровъ, сѣверо-американскихъ піонеровъ, или изъ самыхъ кроткихъ квакеровъ, меннонитовъ, гернгутеровъ; есть ли, повторимъ, общество, въ которомъ обходятся безъ всякихъ вообще исправительныхъ мѣръ? Не дозволяется ли начальникамъ присутственныхъ мѣстъ, командирамъ полковъ, и всѣмъ вообще отцамъ-командирамъ и начальникамъ сажать людей — чиновныхъ, съ гражданскими правами, съ отличіями — подъ арестъ, посылать не въ очередь на дежурство и пр.? Въ самыхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ голосъ предсѣдателя, молотокъ или колокольчикъ секретаря не

напоминаютъ ли горячимъ членамъ, чтобы они поудержали свои порывы, или чтобы даже заплатили положенный штрафъ? Если же теперь для взрослыхъ совершенно людей, даже самаго мирнаго характера, для чиновниковъ и офицеровъ, для этихъ людей, пользующихся не только гражданскими правами, но и уваженіемъ общества, существуютъ принудительныя мѣры и даже карательные законы; то не слишкомъ ли уже будетъ гуманно предоставить полную автономію ученому безбордому сословію, сидящему за партами и затверживающему уроки? Конечно слѣди за каждымъ мальчикомъ постоянно учитель — швейцарецъ, будь каждый ученикъ Телемакомъ, и воспитатель его имѣй сходство съ мудрымъ Ментором; — тогда съ одною ласкою и любовію, съ благоразуміемъ усердіемъ многое можно сдѣлать. Но представьте на мѣстѣ Ментора — не болѣе, какъ инспектора съ двумя-тремя помощниками безъ жалованья, и число Телемаковъ увеличьте до 200 и даже 500, разбросанныхъ по цѣлому городу; представьте, что эти Телемаки въ домахъ родительскихъ видятъ не очень назыдательные примѣры, перенимаютъ множество дурныхъ привычекъ другъ отъ друга и особенно отъ сверстниковъ — нешкольниковъ; тогда поймете, что однихъ уваженія любви и благоразумія будетъ недостаточно для управленія училищемъ. Нѣтъ, этими только качествами не остановить всѣхъ дѣтскихъ шалостей. Нерѣдко воспитателю нужно бываетъ прибѣгать къ серьезному взгляду, къ строгому выговору, иногда понадобится поставить мальчика въ уголъ, не пустить въ праздникъ къ тетенкѣ и проч.

Обратимся теперь къ вамъ, гг. любители, бурсацкой системы воспитанія, гонители западныхъ идей. Осмѣливаемся вамъ сказать, что даже при употребленіи дозволенныхъ припудительныхъ и исправительныхъ мѣръ, вы обязаны и можете не только благоразумно отдавать приказанія, но и пріобрѣтать любовь и уваженіе своихъ питомцевъ. Первое очевидно и безъ доказательствъ; поговоримъ о послѣднемъ. Слишкомъ мало есть родителей, которые бы такъ, или иначе не наказывали дѣтей за ихъ шалости; и между тѣмъ, не смотря на то, дѣти любятъ ихъ и даже ласкаются къ нимъ иногда прежде, нежели обсохнутъ глаза отъ слезъ, появившихся отъ наказанія или выговора. Далѣе сколько есть учениковъ, сохраняющихъ до гробовой доски любовь и уваженіе къ воспитателямъ, которые нисколько не отличались своею снисходительностію къ нимъ? И напротивъ сколько есть учениковъ, которые тоже до гробовой доски не могутъ безъ негодованія вспоминать о педагогахъ, хотя послѣднихъ никакъ нельзя упрекнуть въ строгости? Значитъ любовь и уваженіе дѣтей къ воспитателямъ могутъ развиваться независимо отъ исправительныхъ мѣръ. — Достигнуть этого вамъ гг. воспитатели, очень нетрудно. Прежде всего прибѣгайте къ исправительнымъ и принудительнымъ мѣрамъ, когда разумныя и моральныя убѣжденія не останавливаютъ лѣности, шаловливости, и другихъ болѣе важныхъ проступковъ. При этомъ всегда соблюдайте самую строгую справедливость, не браните одного за то, за что другаго гладите по головкѣ, или

кормите конфектами. Прибѣгайте къ строгимъ мѣрамъ, когда они дѣйствительно нужны, а не для того, чтобы *потѣшиться* и *поразвлечься*, чтобы на комъ нибудь выразить свое неудовольствіе. Если такъ станете вести себя, то ваши питомцы конечно не будутъ любить наказаній; — этого отъ нихъ и не требуйте; но за то и къ вамъ не станутъ питать ненависти, видя, что причина наказаній скрывается не въ васъ, не въ вашей вспыльчивости, придирчивости, безалаберности, а въ ихъ невнимательности, шаловливости и проч. Чувство справедливости и имъ извѣстно, правосудіе и они уважаютъ.

Мы не сказали еще о томъ, на что едвали не болѣе всего надобно обращать вниманія въ разсматриваемомъ случаѣ. Г.г. воспитали! когда необходимость заставляетъ васъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, Бога ради, не подражайте тѣмъ изваших собратій, которые чѣмъ то особенно стараются показать свою ласковость и привѣтливость, которые, гладя мальчика по головкѣ, трепля по щечкѣ, легонко ударяя по плечу, съ сладенькою улыбкою говорятъ: *ты, миленькій, останься нынѣ безъ обѣда, попостись; — это дѣло полезное и даже душеспасительное; — ложись душенька, не плачь; большой бѣды въ тобой не будетъ.* Не подражайте одному извѣстному намъ эконому, только не учебнаго заведенія, который наказываемому служителю говаривалъ слѣдующую рѣчь: „*считай ты себя счастливымъ, что есть начальникъ, который накажетъ тебя; безъ этого хуже было бы; помолись Богу и ложись.*“ При продолжительной операціи молиться принимались раза по-три и болѣе. Поступать такъ чуть ли не

значитъ кощунствовать. Выговоры и наказанія должны быть производимы серьёзно, безъ причудъ, безъ ханжества; улыбаться, или ораторствовать, когда кто нибудь плачетъ, безчеловѣчно. По съ другой стороны только при употребленіи принудительныхъ и исправительныхъ мѣръ можете быть серьёзными, строгими и взыскательными. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ будьте настоящимъ отцомъ ввѣренныхъ вамъ дѣтей, оказывайте къ нимъ ласку и любовь. Пусть они поймутъ, что вы являетесь для нихъ взыскательнымъ судьею, строгимъ начальникомъ только въ случаѣ ихъ неисправностей, преслѣдуете не ихъ самихъ, а одинѣ шалости. Тогда собственная, такъ сказать, польза заставитъ ихъ ничего не дѣлать непріятнаго вамъ. Еще позвольте высказать послѣдній совѣтъ: „наказывайте воспитанниковъ только во время наказанія, а не во весь тотъ срокъ, пока они состоятъ подъ вашимъ надзоромъ или по крайней мѣрѣ бываютъ предъ вашими взорами.“ Что это за мудреный совѣтъ? — вы спросите. Развѣ есть начальники, которые постоянно наказываютъ, своихъ подчиненныхъ? — Есть, отвѣчаемъ. Развѣ нѣтъ начальниковъ, которые всегда держатъ себя на недоступной высотѣ и оттуда никогда не ниспосылаютъ подчиненнымъ ни ласковой улыбки, ни привѣтливаго слова? Призвалиль они виновнаго; пришелъ ли за какою либо нуждою совершенно невинный? Обращеніе для всѣхъ одинаковое; — тотъ же суровый тонъ, таже юпитеровская громоносная рѣчь, тѣже привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: *дурака*, *мерзавца*, *негодяй*, *убирайся*, *зазнался* и гр. Неужели

жить подъ начальствомъ такого педагога не есть постоянное для мальчика наказаніе даже безъ карцера, голоднаго стола и розогъ? Наказанія, которому подвергаются за проступокъ, легко избѣгнуть; — стоитъ только ничего дурнаго не дѣлать. По чѣмъ можно смягчить систематически-суровый и угрюмый взглядъ, методически-гордое обращеніе? Правъ или виноватъ ученикъ, не расчитывай на ласку, или привѣтливость. Не наказаніе ли въ самомъ дѣлѣ такая жизнь? Наконецъ нынѣ часто пишутъ о томъ, какія наказанія надобно дозволить или запретить въ училищахъ. По нашему мнѣнію нужно позаботиться не объ этомъ, а о томъ, чтобы начальники были люди умные, благодные, честные, и чтобы они не могли дѣлать злоупотребленій; тогда и безъ предписаній наказанія будутъ употребляться самымъ благоразумнымъ образомъ, и даже мало-по-малу совсѣмъ выведутся. А если по прежнему начальство будетъ ввѣряться людямъ похожимъ на татарскихъ баскаковъ, на дружинниковъ старинныхъ князей, на старостъ и прикащиковъ, тогда никакія предписанія и постановленія не принесутъ пользы? мальчики по прежнему будутъ состоять подъ гнетомъ.

Отдѣленіе второе.

Объ училищномъ смиреніи.

Въ кодексѣ училищныхъ добродѣтелей, въ школьной Шкѣ на ряду съ безусловнымъ повиновеніемъ предъ начальствотъ стоитъ еще то качество,

которое выражается словами: *смиреніе*, *кротость*, *скромность* и пр. Вооружаться противъ этихъ качествъ вовсе не слѣдуетъ, особенно, если вздумаютъ замѣнить ихъ въ дѣтяхъ другими, которыя считаются противуположными имъ именно *высокомудріемъ*, *тщеславіемъ*, *гордостію*, *нахальствомъ*, *заносчивостію* и пр. Намъ не нравятся тщеславныя, гордыя и пр. даже тѣ лица, которымъ или ихъ таланты, или общественное положеніе какъ будто даже даютъ право ставить себя выше другихъ и не очень быть разборчивыми въ обращеніи съ ними. Чтожъ сказать теперь о мальчикѣ, который будетъ обнаруживать такія качества? Не слѣдуетъ ли при воспитаніи употреблять благоразумныя мѣры, которыя бы останавливали развитіе ихъ? Но школьное смиреніе, кротость, скромность и пр. вовсе не похожи на то душевное свойство, за которое Спаситель въ нагорной проповѣди обѣщаетъ наслѣдіе земли: *блажени кротцы; яко тіи наслѣдятъ землю.* Настоящее смиреніе состоитъ въ томъ настроеніи души, при которомъ человѣкъ, понимая свое достоинство, не превозносится имъ предъ прочими людьми, не презираетъ ихъ; имѣя въ какомъ бы то ни было отношеніи вліяніе на своихъ ближнихъ, не тяготитъ ихъ своею важностію; нисколько себя не унижая, умѣетъ быть почтительнымъ къ высшимъ, ласковымъ и снисходительнымъ къ низшимъ, и не заносчивымъ предъ равными. Давать такое настроеніе дѣтямъ вещь нелегкая; и школа не любитъ принимать на себя труда развивать его. Школьные мудрецы прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ, по своему обыкновенію къ болѣе, по

ихъ мнѣнію, простымъ *казеннымъ* средствамъ. Они учатъ смиренію, кротости, скромности, пріучая своихъ питомцевъ исполнять тѣ, такъ сказать, внѣшніе пріемы, тѣ обряды, которые считаются отличительными признаками этихъ качествъ. Воспитанникъ признается кроткимъ, смирнымъ, скромнымъ, если онъ имѣетъ всегда наклоненную впередъ голову, опущенные внизъ глаза при разговорѣ не дерзаетъ поднять ихъ на *пресвѣтлое лицо* начальника и развѣ какъ либо осмѣливается уставить ихъ на его грудь; если говоритъ *умильнымъ голоскомъ*, сопровождая его въ приличныхъ мѣстахъ *сладенькою улыбкою*, а въ извѣстныхъ случаяхъ заставляетъ языкъ свой и вовсе *прилипать къ гортани;* если избѣгаетъ самыхъ невинныхъ дѣтскихъ забавъ, даже необходимыхъ для его здоровья; если . . . . . но всѣхъ этихъ *если* не перечислишь; учившіеся въ школахъ большей частію знаютъ ихъ. Пріученный къ подобнаго рода гимнастикѣ считается обыкновенно пе́рломъ смиренія, образцомъ скромности, составляетъ радость и утѣшеніе своихъ воспитателей. Пересчитать всѣ средства, которыя употребляются въ школахъ для пріученія къ этимъ *гимнастико-смиреннымъ упражненіямъ* — недостанетъ времени. Тутъ главное вниманіе обращено на отприцательную сторону, т. е. заботятся о томъ, чтобы убить гордыню въ душѣ; въ чемъ бы она ни проявлялась. Вотъ одинъ изъ способовъ научить смиренію, употреблявшійся рѣшительно въ нынѣшнее столѣтіе, въ очень недавнее время. Одинъ учитель духовнаго училища Я—кой губерніи если видѣлъ, что мальчикъ, хорошо прочитавши урокъ, показывалъ какое либо

на своемъ лицѣ самодовольствіе, — за это только одно наказывалъ его розгами замѣчая ученику, что въ немъ развивается гордость. Въ тѣ классы, когда мальчики занимаемы были переводомъ съ русскаго языка на латинскій, употреблялся другой пріемъ для обученія смиренію. Мальчикъ, подавшій ментору свою тетрадку съ переводомъ, долженъ былъ оставаться на своемъ мѣстѣ и, зная характеръ своего учителя, сидѣлъ по всѣмъ правиламъ смиренія. Г—нъ учитель не всегда конечно, но и нерѣдко, не замѣчая ничего противнаго внѣшнимъ признакамъ кротости, подходилъ къ исправному мальчику, большею частію изъ лучшихъ учениковъ и, потрепавши по плечу, говорилъ ему: *ступай-ка вонъ туда*, т. е. въ то мѣсто, гдѣ происходили школьныя расправы, и гдѣ всегда готовы были два экзекутора и четыре — какъ бы сказать — *держателя.* Дисциплина была такова, что мальчикъ, не смотря на сознаніе полной своей невинности, не думалъ не только сопротивляться, но и спрашивать: за что его хотятъ наказывать, поспѣшно выходитъ съ твоего мѣста. Двое изъ подоспѣвшихъ держателей тотчасъ брали его за руки, вели въ торжественной процессіи къ лобному мѣсту, гдѣ другіе два изъ держателей помогали имъ осужденнаго расположить надлежащимъ образомъ; и когда всѣ церемоніи, предшествующія самому процессу экзекуціи, были исполнены, экзекуторы съ двухъ сторонъ начинали свое дѣло и, по школьному выраженію, выдали большее или меньшее количество *самыхъ горячихъ блиновъ.* Когда наказанный возвращался на мѣсто, то въ утѣшеніе свое получалъ из-

вѣстіе, что посредствомъ нисколько не заслуженнаго наказанія стараются въ немъ предупредить развитіе гордости; тутъ иногда какъ бы въ награду за все получалось слѣдующее утѣшеніе: *теперь я вижу, что ты мальчикъ смирный; учись, другъ мой, и не гордись.* Конечно приведенный нами примѣръ показываетъ крайность, даже какое то помѣшательство, но и другіе способы учить смиренію не очень разборчивы.

Изъ сказаннаго нами очевидно, что школьное смиреніе лучше назвать *смиренничаньемъ*, *смиренностію;* и восхищаться имъ въ нравственномъ отношеніи вовсе нѣтъ надобности; смиренничанье напротивъ оскорбляетъ, унижаетъ нравственность. Не смотря на нѣкоторыхъ суровыхъ моралистовъ и ригористовъ, мы думаемъ, что человѣкъ по своей природѣ не долженъ быть чѣмъ бы то ни было чистымъ орудіемъ, безотвѣтнымъ колесомъ машины, инструментомъ, издающимъ звуки только отъ прикосновенія къ нему сторонняго тѣла, даже домашнимъ животнымъ, состоящимъ подъ управленіемъ хозяина. Рано ли или поздно онъ непремѣнно долженъ быть, если не хозяиномъ или отцомъ, то господиномъ своихъ мыслей и поступковъ; даже рабу въ этомъ отказать нельзя. И потому разумно-нравственное воспитаніе дѣтей должно состоять въ томъ, чтобы постепенно ихъ приготовить къ будущей самостоятельности, научить ихъ управлять своими мыслями и желаніями, показать, въ какомъ случаѣ ихъ воля можетъ быть для нихъ закономъ и когда она должна сообразоваться съ волею другаго. Но могутъ ли пріучить къ такой разумной самостоятельности безотчетное смиреніе

вмѣстѣ съ безусловнымъ повиновеніемъ и благоговѣніемъ къ начальству? Здѣсь большею частію ученики попадаютъ въ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ разрядовъ. 1) Пріученный безусловно повиноваться другимъ, безотчетно благоговѣть предъ всѣми, кто выше его или имѣетъ какое либо на него вліяніе, воспитанникъ останется мальчикомъ и послѣ 20 лѣтъ безъ своей воли, съ готовностію итти за всякимъ, кто съумѣетъ овладѣть имъ. Хорошо, если его руководители люди умные и честные; но этого почти никогда не бываетъ; взрослыя дѣти обыкновенно дѣлаются орудіемъ людей неблагонамѣренныхъ, которые изъ ихъ безхарактерности извлекаютъ свою пользу. Всякій дерзкій, безсовѣстный и нахальный человѣкъ всегда, какъ говорится *заберетъ себя въ руки* такихъ вѣчныхъ школьниковъ. Къ числу ихъ-то относятся мужья, состоящіе подъ башмакомъ своихъ женъ, начальники, управляемые интриганами, подчиненные — слѣпыя орудія своихъ начальниковъ и прочіе безхарактерные идіоты. 2) Другіе, не видя возможности вывернуться изъ подъ школьной ферулы, по видимому, подчиняются всему, но между тѣмъ, удерживаютъ и затаиваютъ въ себѣ сколько нибудь самостоятельности въ искаженномъ большею частію видѣ. Они очень похожи, если не на львовъ и тигровъ въ клѣткахъ, то на волковъ въ западнѣ; необходимость заставила ихъ присмирѣть, даже ласкаться къ тѣмъ, кто ихъ кормитъ и бьетъ палкою. Но стоитъ только этимъ звѣрямъ вырваться изъ своихъ клѣтокъ или западни, тогда они вновь обнаруживаютъ всѣ звѣрскія привычки,

которыя молчать заставила нужда. Къ подобнымъ питомцамъ принадлежатъ тѣ, которые особенно нравятся многимъ начальникамъ. Въ училищѣ бываютъ *тише воды, ниже травы;* какъ ими не восхищаться, какъ не порекомендовать ихъ на какое-либо мѣсто? Глядишь, чрезъ нѣсколько времени новый начальникъ съ негодованіемъ спрашиваетъ прежняго: *кого это вы мнѣ отрекомендовали? Да хуже его придумать ничего нельзя.* Рекомендовавшій впрочемъ всегда почти сваливаетъ вину на развратный міръ, который въ прекраснѣйшихъ воспитанникахъ въ нѣсколько лѣтъ, а иногда и мѣсяцевъ заглушаетъ всѣ добрыя сѣмена, посѣянныя при воспитаніи. Но случается и на оборотъ, что человѣкъ безнравственный по школьной мѣркѣ, поступивши въ другое учебное заведеніе или на должность, дѣлается удивительно-хорошимъ человѣкомъ. Мы знаемъ профессора высшаго учебнаго заведенія, который, по мнѣнію начальства одной семинаріи, считался погибшимъ и долженъ былъ перейти въ свѣтское училище, гдѣ никакъ не могли понять, почему семинарское начальство находило его дурнымъ. Въ этомъ случаѣ велемудрые начальники говорятъ: *„вотъ-таки наши увѣщанія наконецъ подѣйствовали. Смотри, какой прекрасный сталъ человѣкъ!“* А сдѣлайся этотъ прекрасный человѣкъ вновь ихъ подчиненнымъ, они, вѣроятно, болѣе года держать на службѣ его не станутъ. 3) Наконецъ едвали не бо́льшая часть отъ постояннаго дисциплинированія или лучше дрессировки по правиламъ мнимой нравственности, привыкаютъ разыгрывать всякую роль, которую отъ нихъ потребуютъ. Принуж-

денные долгое время исполнять приказанія, которыхъ не понимали или не одобряли, оказывать по-наружности уваженіе и людямъ и начальникамъ, которыхъ въ глубинѣ души презирали и ненавидѣли, разыгрывать по всѣмъ правиламъ школьной нѣжки смиренниковъ и скромниковъ, владѣя богатымъ запасомъ внѣшнихъ *казенныхъ* признаковъ, которыми принято выражать смиреннічанье и преданность, многіе ученики до того свыкаются съ притворствомъ и лицемѣріемъ, что не отстаютъ отъ нихъ даже и тамъ, гдѣ имъ они вовсе не нужны; оба эти недостатка обращаются, такъ сказать, въ природу ихъ.

Впрочемъ, чтобы усовершить воспитанниковъ въ этомъ отношеніи еще болѣе, даже заинтересовать ихъ, *въ училищахъ духовнаго вѣдомства* въ недавнія времена, а можетъ быть, и нынѣ принято за правило награждать учениковъ за особенныя добродѣтели, преимущественно же за смиреніе, благочестіе, послушаніе и проч. Средства для этого двухъ родовъ: *непріодическія и періодическія.* Къ первымъ относятся: поглаживаніе по головкѣ, ласковая улыбка отца-начальника, нѣсколько похвальныхъ *словесъ* для примѣра другимъ негодямъ-ученикамъ и пр. Къ періодическимъ же средствамъ особенно принадлежатъ ежемѣсячныя вѣдомости инспектора о поведеніи учениковъ. Въ этой вѣдомости не пишется просто, хорошо ли или дурно кто изъ учениковъ ведетъ себя; но инспекторъ обязанъ найти нѣсколько добродѣтелей и приписать ихъ какимъ либо счастливцамъ. Въ выборѣ добродѣтелей не соблюдается безпристрастіе;

обыкновенно предпочитаются всѣмъ прочимъ *смиреніе, кротость, послушаніе* (безъ означенія даже кому), *благочестіе, мягкосердечіе;* этимъ только почти качествамъ дается привилегія быть представляемыми въ училищное Правленіе. Но въ выборѣ учениковъ соблюдается большое безпристрастіе. Обыкновенно выставляются отличившимися преимущественно ученики перваго разряда; и въ самомъ дѣлѣ могутъ ли быть добродѣтельными ученики втораго разряда? Потомъ между перворазрядными соблюдаютъ также довольно строгую очередь. Къ ряду нѣсколько мѣсяцевъ никто не смѣетъ отличаться; въ сентябрѣ скромность, благочестіе, мягкосердечіе достаются однимъ; въ октябрѣ этихъ качествъ у сентябрскихъ отличныхъ учениковъ уже не оказывается, а мѣсто ихъ занимаютъ другіе новые ученики и т. д. Такимъ образомъ нравственность въ каждомъ ученикѣ какъ будто появляется періодически; потомъ изчезаетъ; пробывши нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы *подъ паромъ*, вновь выходитъ на свѣтъ. Притомъ отличившихся разными добродѣтелями на каждый мѣсяцъ приходится почти всегда поровну; напр. человѣка по три на классъ; вѣроятно природа отпускаетъ извѣстный только запасъ добродѣтелей на каждое училище, который можно раздѣлить между немногими лицами. Чтобы придать болѣе торжественности акту обнародыванія ученическихъ добродѣтелей, въ началѣ мѣсяца всѣхъ учениковъ собираютъ въ залу и тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ засѣданій парижкой академіи при раздачѣ монтіоновскихъ премій. Отличившихся скромниковъ, сми-

ренниковъ и пр. вызываютъ, хвалятъ, выставляютъ въ примѣръ другимъ. Затѣмъ при составленіи общихъ списковъ всѣ эти мѣсячныя рекомендаціи отбираются и частенько отличавшіеся скромностію бываютъ повышаемы противъ нескромныхъ.

Какъ угодно, г. г. читатели, но мы рѣшительно противъ училищныхъ наградъ за добродѣтели. По нашему мнѣнію, поощрять добродѣтель наградами значитъ унижать ее; добродѣтель должна быть безкорыстною, выше всѣхъ разсчетовъ, а раздачи наградъ, надежда ихъ получить непремѣнно заведетъ въ душу разсчетъ. Далѣе во многихъ случаяхъ кромѣ Сердцевѣдца никто не можетъ знать, дѣйствительно ли извѣстный поступокъ можетъ быть названъ добродѣтелію; напр. какъ человѣку узнать, что его собратъ истинно набоженъ и благочестивъ, а не прикидывается только ханжою изъ какихъ либо разсчетовъ? Какъ начальникъ узнаетъ, что извѣстный мальчикъ не смиренникъ, а дѣйствительно смирный человѣкъ? Внѣшніе признаки, по которымъ училищные начальники судятъ о добродѣтеляхъ ученическихъ, слишкомъ обманчивы; можно сдѣлать ежедневно по 200 земныхъ поклоновъ предъ иконами, можно цѣлые дни не говорить ни съ кѣмъ ни слова, и между тѣмъ вовсе не быть набожнымъ и смирнымъ человѣкомъ. По съ другой стороны, какое обширное поле для плутовъ и лицемѣровъ? Если взрослые изъ за выгодъ готовы бываютъ принимать чуть ли не всѣ возможныя роли, то и дѣти немного отстаютъ отъ нихъ. Кому изъ нихъ не захочется быть отличнымъ, напр. по благочестію и кротости?

дѣлаться дѣйствительно кроткимъ и благочестивымъ нелегко; — почему не попробовать внѣшними признаками заставить предполагать въ себѣ эти качества? Способы, употребляемые въ такихъ случаяхъ, разнообразятся по характеру дѣйствующихъ лицъ, требуемыхъ добродѣтелей и начальническихъ взглядовъ. Желая показать свою наклонность къ занятіямъ божественнымъ, душеспасительнымъ предметами, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упуская случая удовлетворять своимъ настоящимъ наклонностямъ, иные догадливые ученики, какъ мы уже выше говорили, во время своихъ занятій, читая романы и имъ подобныя безбожныя книги, между тѣмъ имѣютъ близъ себя раскрытыми или библію, или четьи-минеи, или другія книги нравственнаго содержанія. Входитъ начальникъ, читатель опускаетъ романъ подъ столъ, а глаза устремляетъ на книгу набожнаго содержанія. Другіе, конечно только избранные, аскетическое свое направленіе стараются подтвердить болѣе меткими чертами. Мы помнимъ одного воспитанника академіи, который на своей постелѣ имѣлъ нѣсколько толстыхъ березовыхъ полѣньевъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, класть ихъ подъ голову во время сна вмѣсто подушекъ, которыя будто бы были очень мягки и нѣжили голову. Начальникъ, узнавши о такомъ подвижничествѣ, самъ пожелалъ убѣдиться въ этомъ, пришелъ къ молодому аскету, разумѣется, днемъ, убѣдился въ существованіи инструментовъ для подвижничества, похвалилъ аскета и совѣтовалъ ему продолжать свои подвиги. Съ тѣхъ поръ никто и ничто не могло поколебать мнѣніе начальника о свя-

тости молодаго подвижника, который впрочемъ спалъ подобно прочимъ на подушкахъ. При окончаніи курса начальникъ потребовалъ внести его въ первый разрядъ; на всѣ возраженія наставниковъ былъ одинъ отвѣтъ: *онъ святой человѣкъ, не намъ судить его.* Святой человѣкъ кончилъ курсъ очень высоко, получилъ въ лучшемъ заведеніи не только наставническое, но и начальническое мѣсто; продолжалъ разыгрывать двѣ роли; но наконецъ, какъ говорится, *оборвался*, и отставленъ отъ всѣхъ училищныхъ должностей. Въ отставкѣ мы его знали и находили человѣкомъ довольно хорошимъ; потому что онъ пересталъ раздваиваться. Позвольте разсказать еще случай. Одинъ тоже воспитанникъ другой академіи, ставя подвижническія занятія выше ученыхъ, нисколько не касался лекцій; но при безгласности наставниковъ занималъ довольно высокое мѣсто въ спискѣ. Наступилъ окончательный экзаменъ; воспитанникъ вызванъ былъ отвѣчать, но въ это время въ сосѣдней церкви ударили въ колоколъ къ обѣднѣ; воспитанникъ поклонился и ушелъ изъ залы, сказавши напередъ, что онъ, привыкши каждый день бывать у литургіи, не хочетъ и нынѣ упустить ея. Предсѣдательствовавшій на экзаменѣ ревизоръ и вмѣстѣ высшій начальникъ былъ пораженъ такимъ оригинальнымъ отвѣтомъ, и невелѣлъ болѣе развлекать вниманіе воспитанника школьными дрязгами. Воспитанникъ тоже кончилъ курсъ высоко, получилъ очень хорошее мѣсто и едва ли не продолжаетъ своихъ занятій до нынѣ. Примите къ свѣдѣнію, что подобное разыгрываніе ролей продолжается иногда 10 и даже 15 лѣтъ.

Какая сильная воля, и сколько было бы добра, если бы она получила дѣльное направленіе? Впрочемъ роли иногда разыгрываются такъ не искусно, что незнаешь, чему болѣе удивляться, безстыдству ли актеровъ, или недогадливости начальниковъ? Но послѣдствія бываютъ очень дурныя и притомъ для товарищей комедіантовъ и фигурантовъ. Многіе съ благородною душою и открытымъ характеромъ, видя все нравственное комедіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе къ нему начальства, часто впадаютъ въ противуположную сторону. Имъ кажется постыднымъ стоять въ одной категоріи съ лицемѣрами и какъ бы на зло они стараются отличиться отъ нихъ. Мы помнимъ одного прекраснаго человѣка, который пересталъ молиться Богу. И когда мы его спросили, почему онъ, будучи прежде весьма набожнымъ человѣкомъ, не ищетъ болѣе отрады и утѣшенія въ молитвѣ, то получили въ отвѣтъ: „*что? развѣ мнѣ смѣшать себя съ* N. N. *и заставить думать, что и я тоже комедіянтъ.*“ Относительно самыхъ фигурантовъ нечего и говорить. Практикуясь лѣтъ по десяти и даже по пятнадцати, они такъ свыкаются съ принятою на себя ролею, такъ глубоко проникнуты бываютъ притворствомъ и лицемѣріемъ, что убѣждаютъ въ мнимыхъ своихъ добродѣтеляхъ не только сторонихъ лицъ, но нерѣдко самыхъ себя. Это верхъ лицемѣрія! Это притворство даже артистическое! Хорошо, если бы ихъ вліяніе ограничивалось только семействомъ; къ несчастію они умѣютъ далеко уйти, или получаютъ должности, гдѣ особенно нужна бываетъ истинная, нелицемѣрная нравствен-

ность. Чего же ожидать отъ подчиненныхъ ихъ? Есть русская пословица: *каковъ попъ, таковъ и приходъ.* Эхъ, добрые начальники учебныхъ заведеній, не учите своихъ питомцевъ лицемѣрію! По нашему мнѣнію, открытый порокъ лучше лицемѣрной добродѣтели, тотъ самъ себя унижаетъ, а эта возбуждаетъ недовѣріе къ истинной нравственности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ общихъ способахъ, посредствомъ которыхъ стараются развить и укрѣпить нравственность въ ученикахъ.

Приведенные нами въ предъидущей главѣ примѣры и высказанныя замѣчанія показываютъ, что въ училищахъ, по крайней мѣрѣ во многихъ, не слишкомъ заботятся о развитіи тѣхъ качествъ, которыя мы по своей теоріи считаемъ нужными для нравственности учениковъ. Съ другой стороны нельзя одобрить и тѣхъ распоряженій, посредствомъ которыхъ обучаютъ повиновенію, смиренію и пр.; даже сами начальники едва ли ихъ признаютъ вполнѣ удовлетворительными. Дѣйствительно, при лучшемъ успѣхѣ, каждое изъ этихъ распоряженій можетъ научить только одной какой либо добродѣтели. А, посмотря въ любую школу, вы увидите, какъ много добродѣтелей, къ которымъ пріучать, — и какъ много пороковъ, отъ которыхъ отучать нужно молодое поколѣніе. На этомъ или другомъ основаніи во мно-

гихъ училищахъ есть особые *общіе*, такъ сказать, способы, при помощи которыхъ надѣются развить не одно какое либо изъ нравственныхъ качествъ, а или всѣ, или значительную часть ихъ. Способы эти мы хотимъ раздѣлить на *положительные и отрицательные;* первые, по мнѣнію начальниковъ, прямо ведутъ учениковъ въ нравственности, а послѣдніе устраняютъ тѣ препятствія, которыя противудѣйствуютъ ей. Позвольте поговорить и посудить объ этихъ способахъ.

Отдѣленіе первое.

О положительныхъ способахъ развивать и укрѣплять нравственность въ ученикахъ.

Между многими учеными моралистами господствовало и господствуетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ сдѣлаться нравственнымъ посредствомъ школьнаго ученія почти также какъ онъ дѣлается знатокомъ ариѳметики, выучивши правила сложенія, вычитанія и пр., знатокомъ латинскаго языка, затверживая грамматику со всѣми правилами этимологіи и синтаксиса и проч. Для достиженія это *благой цѣли*, по мнѣнію моралистовъ-систематиковъ, должно имѣть подъ рукою печатанное или письменное руководство, называемое впрочемъ различными именами: *нравственною философіею*, *наукою*, *ученіемъ объ обязанностяхъ*, *дѣятельнымъ ученіемъ* и пр. Это дѣятельное ученіе большею частію сначала угощаетъ отвлеченными изслѣдованіями природы человѣческой, признавая ее способною или неспособною къ нравственности, а

больше всего приписывая ей то и другое качество, потомъ трактуетъ о сущности нравственности, нравственнаго закона, о правѣ и обязанности вообще, пособіяхъ и препятствіяхъ для нравственности и пр.; — въ этой части въ недавнее даже время встрѣчались такія страницы, которыя по возвышенности слога, по отвлеченности понятій, по обилію учепозвучащихъ словъ, а иногда по пустотѣ содержанія напоминали не Шеллинга и Окена, но Велланскаго. Такимъ образомъ первая обязанность воспитанниковъ, приучаемыхъ къ нравственности, — притомъ едва ли не самая трудная состояла въ томъ, чтобы какъ нибудь добиться смысла въ теоретико-нравственныхъ положеніяхъ. Послѣ того нравственныя обязанности раздѣлялись на три, большею частію, разряда, т. е. на *обязанности къ Богу, ближнему и себѣ самому;* — для ясности вѣроятно, каждый разрядъ еще — на отдѣлы и подъ — отдѣлы, потомъ каждая обязанность объяснялись, ученѣйшимъ образомъ; общее объ ней понятіе, предѣлы ея, доказательства ея необходимости и пользы, множество цитатъ въ подтвержденіе этихъ доказательствъ — цитать, заучиваемыхъ слово въ слово и пр. и пр.; — все должно было быть изложено и затверженно учениками. Когда такой *курсусъ* преподается воспитанникамъ, т. е. ими заучится, тогда воспитатели увѣрены, что основанія самой чистой нравственности не только посѣяны, но и вкоренены, даже чуть ли не *врублены*, не *вбиты*, *подобно сваямъ* въ души питомцевъ. Для того, чтобы *эти сѣмена возрастились въ плодовитое дерево*, воспитанникамъ совѣтуется читать одни книги мораль-

наго содержанія, въ которыхъ точно также, какъ и въ курсусѣ повторяются тѣже самыя доказательства, но съ обильною примѣсью чувствованій, патетическихъ выраженій, знаковъ восклицанія и удивленія. У католиковъ даже воспрещается мірянину, да и отчасти духовнымъ лицамъ читать Священное Писаніе для нравственной цѣли, какъ будто бы нагорная проповѣдь Спасителя или Его послѣдняя предсмертная бесѣда съ Апостолами не можетъ произвести такого нравственнаго вліянія, какъ напр. монотонныя размышленія Зайлера или Арндта. Если послѣ этого остается негодяемъ, то уже все зло приписываютъ *тлѣтворному дыханію развратнаго свѣта*, либеральнымъ идеамъ общества и даже испорченности человѣческой природы.

Что сказать объ этой методѣ? Мы согласны, что, заучивши на память правила сложенія, можно, — но и то при практитѣ, — составить сумму изъ слагаемыхъ чиселъ, что, затвердивши измѣненіе по падежамъ слова: *ренна* или *вода* можно по этимъ образчикамъ просклонять mensa или *бѣда*. Но неужели человѣческая душа, послѣ того какъ въ ея памяти помѣстятся нравственныя правила со всѣми доказательствами ихъ пользы и необходимости, всегда уже будетъ дѣйствовать по нимъ и, такъ сказать, *склонять и спрягать по этимъ формамъ свои поступки?* Доставитъ ли это заучиваніе ту возвышенность и самостоятельность, то благородство души, которыя такъ необходимы для нравственности человѣческой? Кто захочетъ себѣ присвоить лучшее умѣнье учить нравственности, какъ не Богочеловѣкъ? Системати-

чески ли, по школьному ли Онъ проповѣдывалъ Свое небесное ученіе? Приводилъ ли Онъ множество доказательствъ въ подтвержденіе необходимости какой либо обязанности? Не было ли при Немъ цѣлаго класса людей, которые знали весь тогдашній законъ, почивали даже въ немъ? Нравственные ли они были люди? Не на нихъ ли особенно падали обличительныя слова Спасителя? Не они ли довели Его до смерти крестной? Нѣтъ, господа, *нравственность не есть ни ариѳметика, ни латинская грамматика, ни словарь Кронеберга, или Татищева; заучиваніемъ, затверживаніемъ всѣхъ наукъ не сдѣлаете никого нравственнымъ человѣкомъ!*

Мы даже позволяемъ себѣ думать, что не всегда конечно, а въ извѣстныхъ случаяхъ такое заучиваніе едва ли не вредитъ самой нравственности. Не сердитесь на насъ, г.г. моралисты, а выслушайте и судите! Отдавая честь мыслямъ заключающимся въ наукѣ, надобно впрочемъ сказать, что этой наукѣ *слишкомъ рѣдко*, да еще: *слишкомъ рѣдко* придается занимательность или логическою связью и послѣдовательностію мыслей, или новостію и оригинальностію какихъ либо фактовъ, или увлекательнымъ слогомъ. Необходимость говорить объ истинахъ извѣстныхъ всякому съ самаго дѣтства, подбирать доказательства на эти истины, частое повтореніе одного и тогоже не могутъ сдѣлать науку увлекательною и занимательною. Присоединимъ теперь обязанность ученика заучивать множество цитатъ, изложенныхъ не всегда удобопонятнымъ языкомъ, — и вы согласитесь, что школьное занятіе наукою очень трудно, и даже, извините,

скучно для воспитаника. Мы помнимъ свои подвиги по этой части; при очень хорошей памяти, мы рѣдко могли поутру прочесть то, что было не только заучено, но и понято ввечеру. Прибавьте къ этому, что преподаванію нѣмки развѣ только Грановскій и Кудрявцевъ могли сообщить занимательность, если бы впрочемъ имъ дозволено было слѣдовать другой методѣ, а не той, которой до сихъ поръ держатся. Послѣ этого не удивляйтесь, что ученики едвали тяготятся и скучаютъ какою либо наукою болѣе, нежели нѣмкою. А что ни говорите, затрудненія и скука, испытываемыя при заучиваніи науки, оставляютъ въ воспитанникѣ непріятное впечатлѣніе, относящееся къ ней самой и къ содержанію ея. Вѣдь и воспитаннику нельзя запретить въ своихъ чувствованіяхъ руководствоваться впечатлѣніями. Теперь предоставляемъ судить каждому, хорошо ли пробуждать и поддерживать непріятное чувство въ чьей бы то ни было душѣ относительно нравственныхъ обязанностей? А если еще безтолковый учитель накажетъ ученика за то, что послѣдній плохо доказалъ, почему надобно уважать напр. его — г. учителя, — право едва ли ученикъ и послѣ розогъ будетъ находить нужнымъ уважать наставника. Далѣе есть психологическое наблюденіе, что предметы нашей душевной дѣятельности теряютъ настоящее свое значеніе, если они изъ области той способности, къ которой принадлежатъ, переходятъ въ вѣдомство другой напр. не потеряютъ ли своей цѣны произведенія фантазіи, если ихъ подчинить холодному разсудку, или съ другой стороны — логическія умозаключенія, если они передадутся фан-

тазіи для повѣрки? Но нравственность существенно не подлежитъ нашему вѣдѣнію; правила ея ощущаются и принимаются преимущественно нашимъ сердцемъ, а не разсудкомъ. И потому вовсе не нормальный порядокъ развивать нравственное чувство заучиваніемъ и затверживаніемъ наукъ. Въ этомъ случаѣ у воспитанника очень можетъ появиться мысль: *что нужно доказывать, и доказывается скучно, въ томъ можно сомнѣваться.* Потомъ онъ, выучивши ариѳметику, или грамматику, считаетъ свои обязанности исполненными по отношенію къ этимъ предметамъ. Почему же ему не вообразить, что онъ уже сдѣлался очень нравственнымъ человѣкомъ, когда выучилъ цѣлую науку? Почему не считать себя достойнымъ высшаго бала по поведенію за этотъ трудъ? Но крайней мѣрѣ замѣчено, что люди, прекрасно пишущіе трактаты о нравственности, не всегда отличаются сію. Сенека—лучшій писатель римскій по этой части — былъ ужасный взяточникъ и умѣлъ воспитать своими наставленіями Нерона. Самъ великій Цицеронъ, такъ красно описавшій всѣ добродѣтели, нажилъ тоже очень порядочное состояніе и притомъ не очень честными средствами. Этого мало; даже тѣ люди, которые въ школахъ не изучали наукъ, очень не любятъ наученскаго, такъ сказать, изложенія нравственныхъ обязанностей. Мы предлагаемъ вамъ сдѣлать опытъ. Напишите вы по всѣмъ правиламъ краснорѣчія, пожалуй словесности, пожалуй реторики — небольшой даже трактатецъ, листа въ полтора письма нечастаго, хоть напр. о милосердіи; начните, какъ и слѣдуетъ, приступомъ, выведите

предложеніе, подтвердите его тремя доказательствами, приисйте къ нему заключеніе съ обращеніемъ къ своимъ слушателямъ. Попробуйте прочитать его предъ публикою. Послѣ попотчуйте разика два-три такими же трактатцами о подобныхъ предметахъ; повѣрьте, или никто къ вамъ не пойдетъ, или если придутъ за чѣмъ либо другимъ, но увидавши, что вы раскладываете свой трактатецъ, убѣгутъ, схвативши *въ охабку кушакъ и шапку.* Можетъ быть, даже съ вами и случалось что либо подобное; можетъ быть и вы сами не разъ бѣгали отъ такихъ трактатцевъ? Очень возможно; чего не случается въ этой жизни? Заключимъ: *человѣка сдѣлать нравственнымъ посредствомъ заучиванія нравственности нельзя, а возбудить къ ней отвращеніе можно!*

Другой положительный способъ, посредствомъ котораго считаютъ возможнымъ сдѣлать воспитанниковъ нравственными существами, состоитъ въ томъ, чтобы пріучать ихъ къ молитвѣ и къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, преимущественно же *заставлять*, какъ можно чаще и продолжительнѣе, присутствовать при богослуженіи. Противъ этого съ перваго раза кажется даже страннымъ, что либо возражать. Молитва такъ свойственна человѣческой природѣ, такъ необходима для насъ, что отвергать ее во многихъ случаяхъ было бы даже безчеловѣчіемъ. Посмотрите на человѣка несчастнаго; бѣда за бѣдою совершенно растроили его состояніе и изгурили здоровье; друзья его оставили; завистники и недруги преслѣдуютъ; получить пособіе ему неоткуда. Не утѣшительно ли для него будетъ въ этихъ крайнихъ

обстоятельствахъ обратиться съ умиленнымъ сердцемъ къ Тому, Кто заботится о полевыхъ цвѣтахъ и птицахъ небесныхъ, кто не даетъ безъ причины падать ни одному волосу съ нашей головы? Сколько несчастныхъ, которые, излившіи свои скорбныя чувства предъ невидимымъ защитникомъ бѣдствующихъ, укрѣпляются душою, вновь вступаютъ въ борьбу съ своими несчастіями и выходятъ нерѣдко побѣдителями? Развѣ не безчеловѣчно — отнять у человѣка и это право? А потомъ, если дурныя наши обстоятельства вдругъ улучшились; если мы получили неожиданную помощь въ то время, какъ наше положеніе казалось вполнѣ безнадежнымъ; если чья-то невидимая и незнаемая нами рука насъ видимымъ образомъ сохраняетъ, ведетъ къ добру, истинѣ и счастію; то станемъ ли въ такихъ случаяхъ на основаніи логики разсчитывать, кому этимъ мы обязаны и кого должны благодарить? Не порываемся ли мы совершенно невольно и, какъ сказать, инстинктивно излить свою благорадность предъ Тѣмъ, котораго считать общимъ всѣхъ людей Отцомъ научили насъ религія и сердце? Не останавливайте этихъ порывовъ; они набожнымъ и благочестивымъ людямъ, можетъ быть, еще болѣе доставляютъ небеснаго удовольствія, нежели молитва, къ которой прибѣгаемъ въ несчастіяхъ своихъ. Наконецъ величіе природы, громадные размѣры, въ которыхъ оно выражается, открываемыя повсюду премудрость и всемогущество Бога, слѣды промысла въ исторіи человѣка, развѣ тоже не пробуждаютъ въ возвышенныхъ душахъ благоговѣнія къ Промыслителю и не при-

нуждаютъ почти невольно выразить это благовѣніе въ торжественной пѣсни, въ молитвѣ самой возвышенной? Да молитву справедливо называютъ бесѣдою души съ богомъ, отрадою для несчастныхъ, потребностію людей благородныхъ. Безчеловѣчно, повторимъ, было бы отнимать ее у людей.

Изъ нашего понятія о молитвѣ равно какъ изъ понятія о Всевѣденіи, Величіи и Правосудіи Бога легко можно видѣть, что молитва въ томъ только случаѣ бываетъ достойна и того, кто молится, если она служитъ искреннымъ выраженіемъ сердечныхъ чувствованій, не прикрыта лицемѣріемъ и ханжествомъ, не довершается механически, по принужденію, изъ тщеславія, по приказанію, изъ желанія кому либо угодить, или заслужить награду и благоволеніе. Молитва перестаетъ быть молитвою и дѣлается богохульствомъ, если мы произносимъ слова ея, какъ произноситъ какой либо гратулянтъ рѣчь или стихи предъ своимъ патрономъ - милостивцемъ; если мы устами повторяемъ ее, а умомъ и сердцемъ далеко отстоимъ отъ Господа; если она обращается для насъ въ заданный урокъ, въ механическую работу, въ необходимую церемонію. *О! въ такомъ случаѣ лучше не молиться, — не богохульствовать!!!*

Но житейскія нужды, домашнія хлопоты, разсѣянность и другія обстоятельства не всегда позволяютъ намъ сосредоточивать свои мысли на Творцѣ, давать душѣ своей молитвенное настроеніе. Ужели же должно теперь ждать и не молиться, подобно нѣкоторымъ сектантамъ, до тѣхъ поръ, пока не почувствуемъ въ себѣ, такъ сказать, молитвеннаго вдох-

новенія? Еще у людей простыхъ иногда даже, какъ говорятъ, недостаетъ словъ, чтобы ими выразить свои чувствованія. Неужели и имъ тоже ждать, пока особое вдохновеніе не научитъ ихъ молиться? Боже сохрани насъ отъ подобныхъ мыслей. Молись; *старайся* молиться какъ можно чаще. Если ты не знаешь, о чемъ и какъ молиться, то послѣдуй совѣту, который выразилъ одинъ изъ нашихъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и архипастырей въ своемъ словѣ о молитвѣ; — *молись*, по совѣту архипастыря, *о томъ чтобы Богъ научилъ тебя молиться*. Если домашныя заботы тебѣ не позволяютъ уединяться, ступай въ храмъ, тамъ тебѣ никто не помѣшаетъ молиться. Съ этой-то стороны мы и хочемъ смотрѣть на исполненіе церковныхъ обрядовъ, на посѣщеніе храмовъ Божіихъ во время богослуженія.

Едва ли кто скажетъ, что одно простое присутствіе въ храмѣ, одно исполненіе какого либо обряда, само по себѣ — и полезно и нужно для человѣка, что и въ этомъ случаѣ надобно допустить теорію схоластиковъ объ opus operatum, по которой какъ бы ни былъ исполненъ религіозный обрядъ, онъ уже полезенъ исполнившему или тому, для кого исполняется. Присутствіе къ храмѣ душеспасительно и назидательно тѣмъ толко, что оно можетъ настроивать душу къ молитвенному расположенію; здѣсь все къ этому располагаетъ; торжественное служеніе, великолѣпныя одежды священно служителей, сладкозвучное пѣніе, внѣшнее убранство, изображенія св. угодниковъ, содержаніе читаемыхъ молитвъ, псалмопѣній и отрывковъ изъ Священнаго Писанія, — все это на-

помнитъ человѣку, что онъ находится въ домѣ Божіемъ, на мѣстѣ святомъ, въ присутствіи, такъ сказать, Самого Бога; все неволнымъ образомъ располагаетъ душу къ молитвѣ. Тоже самое должно сказать и о всѣхъ вообще религіозныхъ обрядахъ; ихъ истинное назначеніе возбуждать и поддерживать въ насъ благоговѣніе, удивленіе и благодарность къ Творцу. И потому не странно ли, не грѣшно ли, не преступно ли даже пріучать молодыхъ людей смотрѣть на присутствіе при богослуженіи, какъ на барщину, какъ опять на урокъ какой либо? Не дико ли поступаютъ тѣ воспитатели, которые такъ ведутъ дѣло, что богослуженіе прискучиваетъ воспитанникамъ, утомляетъ ихъ до послѣдней крайности, отнимаетъ у нихъ возможность исполнять другія также необходимыя обязанности? Высказанныя мысли показываютъ, что мы и молитву и богослуженіе считаемъ вполнѣ необходимыми для христіанина; убѣждены, что и при воспитаніи надобно обращать дѣятельное вниманіе на эти предметы; заподозривать насъ въ неуваженіи къ этимъ христіанскимъ дѣйствіямъ невозможно. Мы только по крайнему своему разумѣнію выставили на видъ, чѣмъ можно или усилить или ослабить благодѣтельное ихъ вліяніе. Посмотримъ теперь, какъ этотъ способъ — дѣлать людей нравственными — прилагается къ воспитанію, конечно не во всѣхъ, но также и не въ немногихъ училищахъ. Нѣтъ ли здѣсь чего похожаго на opus operatum, или еще чего нибудь хуже того? *Нѣтъ ли и здѣсь казенныхъ пріемовъ?*

Во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ введены

общія молитвы для воспитанниковъ утромъ и вечеромъ. предъ началомъ и по окончаніи класса и ужина. И прекрасно; малютки также, какъ и взрослый человѣкъ, должны благодарить Бога за Его благодѣянія, просить Его о ниспосланіи Своей благодати, такъ необходимой для умственнаго и нравственнаго образованія и выразить къ Нему полную преданность и покорность. Церковь наша на всѣ эти случаи имѣетъ особыя молитвы. Еще прекраснѣе! Но простите насъ, люди благочестивые; всѣ такія молитвы не должны быть продолжительны и утомительны особенно для молодыхъ людей. Да и одобренныя Церковію молитвы предъ началомъ и окончаніемъ классовъ, обѣда и ужина не только своею выразительностію, но и краткостію соотвѣтствуютъ такой потребности. Молитвы утреннія и вечернія довольно обширны, онѣ вполнѣ приспособлены къ монастырской жизни. Здѣсь благочестивые иноки, отрекшіеся отъ міра съ его соблазнами и удовольствіями, вполнѣ посвятившіе себя молитвѣ, имѣютъ, такъ сказать, нужду въ продолжительномъ собесѣдованіи съ Богомъ; имъ даже было бы тягостно и непріятно, если бы они въ началѣ и въ концѣ дня принуждены были выразить свое благоговѣніе къ Творцу и попросить Его о прощеніи прегрѣшеній въ такихъ же краткихъ словахъ какъ предъ обѣдомъ и послѣ него. Но еще просимъ прощенія, если скажемъ, что заставлять учениковъ прочитывать ежедневно всѣ утреннія и вечернія молитвы нѣтъ надобности. Если ихъ читать скороговоркою какъ читаютъ дьячки, то благодѣтельное ихъ вліяніе пропадетъ; это

будетъ только opus operatum. А если читать внятно, съ выраженіемъ смысла каждой мысли и даже каждаго слова, какъ и слѣдуетъ поступать при чтеніи молитвъ, то для учениковъ это будетъ, повѣрьте, уже не молитва, а работа. И потому не лучшели прочесть одну или двѣ молитвы, во внятно и съ чувствомъ? Не оставятъ ли онѣ въ душѣ гораздо болѣе слѣдовъ, нежели всѣ прочитанныя скорогоркой или съ утомленіемъ для дѣтей?

Между мѣмъ есть къ сожалѣнію начальники, которые не только такъ или иначе ежедневно заставлютъ читать для учениковъ всѣ утреннія и вечернія молитвы, но еще болѣе растягиваютъ время нужное на это; точно какъ будто бы нарочно стараются возбудить къ молитвѣ болѣе, нежели холодность. Мы опишемъ такую сцену. Вотъ раздался звонокъ на молитву, отворились двери въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ; потянулись ученики, какъ невольники на работу длинными веренцами или въ церковь, или въ залу; приходятъ, устроиваются и даже выстраиваются въ рядъ; но молитвы нѣтъ. Еще начальникъ не пришелъ, а у учениковъ между тѣмъ урокъ еще не повторенъ. Является начальникъ, — но молитва не начинается, онъ вынимаетъ списокъ и дѣлаетъ перекличку учениковъ, желая узнать, всѣ ли они пришли на молитву, человѣкъ 150—200 перекликать не легко. Перекличка кончилась; но молитва и тутъ еще не начинается; ждутъ другаго болѣе высшаго начальника, а ученики все-таки не успѣли повторить урока. Является высшій начальникъ, выслушиваетъ отъ низшаго начальника

рапортъ о томъ, что всѣ ученики въ собраніи. Вотъ тутъ уже принимаются за молитву. Повѣрьте, мы знаемъ вѣрно, что такимъ образомъ молитвы утреннія и вечернія продолжаются до часу, а между тѣмъ прочитываются скороговоркою. Повѣрьте, что многіе ученики, забравшись въ средину товарищей, присаживаются на полъ, и, взявши тетрадку, читаютъ свои уроки, а прочіе которымъ нельзя это дѣлать, стоятъ; но молятся ли? — Судите сами, вѣдь и у нихъ урокъ не повторенъ. Прибавьте къ этому, что зимою комната не топлена, что ученики прибѣгаютъ въ легкой одеждѣ, что тутъ же иногда достаются щелкушки и подзатыльники, *отмърванія на фуражки, выдаются румяны для щекъ*, — что? молитва это? молитва, какъ возношеніе души къ Богу, какъ собесѣдованіе съ Нимъ? И послѣ этого неужели удивитесь, что ученики, которыхъ такъ *заставляли* молиться, не будутъ людьми набожными, не станутъ въ молитвѣ искать убѣжденія и отрады, когда, по распоряженію велемудрыхъ ихъ начальниковъ, она въ теченіе многихъ лѣтъ была тягостію и мученіемъ ихъ? *Прости имъ Господи ихъ невольныя сопрьженія! Не они, а начальники виноваты!*

Но позвольте, г.г. читатели, мы раскажемъ вамъ еще болѣе странныя вещи. Узнайте и подивитесь, что есть начальники училищъ, которые молитву въ буквальномъ смыслѣ обращаютъ въ наказаніе, — именно въ наказаніе! Воспитанникъ сдѣлалъ шалость, или не выучилъ урока; начальникъ — человѣкъ, разумѣется, кроткій, — настоящій отецъ приказываетъ мальчику сдѣлать *въ наказаніе за свой просту-*

поклъ 20, 30, 50, 100, 150 и болѣе земныхъ поклоновъ предъ иконою. Во время молитвы добровольной, проистекающей изъ внутреннихъ потребностей души, выражать свои благоговѣйныя чувствованія земными поклонами очень естественно; человѣкъ, чувствуя свою грѣховность, свое ничтожество предъ творцемъ, какъ-то по необходимости преклоняется предъ Нимъ и распростертый проситъ о своемъ помилованіи. Но обращать это, можетъ быть, самое высокое выраженіе человѣческой преданности Богу и надежды на Его милосердіе, — обращать повторимъ, въ наказаніе; — мы рѣшительно затрудняемся, какъ назвать подобный поступокъ. Внуши мальчику, что онъ согрѣшилъ предъ Богомъ, что онъ долженъ выпросить у Него молитвою прощеніе въ своемъ грѣхѣ; только предоставь это исполнить ему или келейно, или въ Церкви, не какъ наказаніе, а какъ невольное послѣдствіе раскаянія. По прямо сказать: *положи* 20, *или* 100 *поклоновъ* при всѣхъ за одинъ разъ, не значитъ ли это профанировать самыми святыми чувствами, убивать ихъ и на будущее время? Наказаніе для мальчика всегда остается наказаніемъ, — всегда возбуждаетъ въ немъ непріяное чувство и воспоминаніе; онъ еще можетъ не навидѣть отца, или учителя, которые справедливо наказали его, но розги никогда не полюбитъ; она всегда въ немъ возбуждаетъ страхъ и отвращеніе. Благоразумно ли теперь земные поклоны ставить наравнѣ съ розгами? Мы истинно не знаемъ, что думать о такихъ начальникахъ. Если бы они желали возбудить отвращеніе къ молитвѣ; то поступокъ ихъ былъ бы понятенъ; сред-

ство, ими выбранное, очень вѣрно. Но это дѣлаютъ люди желающіе выставить себя набожными. Право, ихъ не понимаемъ! А знаете ли еще, г.г. читатели, что это наказаніе налагается иногда на взрослыхъ и исполняется не дома, а въ храмѣ — предъ людьми на которыхъ наказываемый долженъ имѣть вліяніе. Но..... это къ училищамъ не относится, лучше посмотримъ, какъ во многихъ училищахъ пріучаютъ учениковъ смотрѣть на богослуженіе.

Во всѣхъ училищахъ воспитанники, живущіе въ казенномъ домѣ, приводятся въ храмъ и стоятъ тамъ подъ надзоромъ своихъ начальниковъ. Но относительно учениковъ, живущихъ у городскихъ обывателей, распоряженія различны; въ свѣтскихъ училищахъ большею частію надзора за посѣщеніемъ храмовъ такими учениками начальство не принимаетъ на себя. Но въ духовныхъ училищахъ начальники вездѣ стараются подчинить учениковъ себѣ и въ этомъ отношеніи. Для достиженія такой цѣли въ нѣкоторыхъ низшихъ училищахъ и семинаріяхъ ученики раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ и каждому отдѣлу приказывается ходить въ ближайшую по мѣстности церковь, гдѣ за ними надзираютъ или особые изъ учениковъ же старшіе, или помощники инспектора и учители, или даже мѣстные священники. Подобный способъ хорошъ тѣмъ, что ученики большею частію живутъ близъ той Церкви, въ которую имъ нужно ходить; затѣмъ могутъ составлять небольшіе хоры и не только пріучаться къ пѣнію и чтенію, но и прихожанъ избавлять отъ монотоннаго пѣнія дьячка и волонтеровъ-мѣщанъ. Но многіе начальники учи-

лищъ и семинарій довѣряютъ только личному своему надзору и потому приказываютъ ученикамъ, съ цѣлаго города, къ каждой праздничной службѣ собираться въ одну церковь, или лучше первоначально въ классы, гдѣ старшіе сдѣлаютъ перекличку своимъ подчиненнымъ - товарищамъ, составятъ письменный (рѣдко словесный) рапортъ объ отсутствующихъ и представятъ его къ инспектору. Этотъ изъ усердія самъ иногда обойдетъ классы и сдѣлаетъ перекличку. Послѣ, особенно предъ литургіею всѣхъ соберутъ въ одну залу, гдѣ они или выслушиваютъ проповѣдь ученика, которую имъ опять повторятъ въ церкви, или пропоютъ *символъ вѣры, молитву Господню, Царю небесный* и пр. общимъ хоромъ, а иногда и просто просидятъ, а больше простоятъ. Само собою разумѣется, всѣ подобныя церемоніи нельзя окончить скоро. На основаніи такого соображенія ученикамъ приказывается собираться до богослуженія непремѣнно за часъ, или еще ранѣе; потому что за часъ начинаются уже переклички, и пишутся рапорты. Но ученики, которые не всегда могутъ имѣть подъ рукою часы и живутъ иногда не близко отъ училищнаго дома, должны выходить изъ своей квартиры не только еще за полчаса, но даже за часъ. Вотъ такимъ образомъ у мальчика полтора и даже два часа времени утрачено еще до начала всенощной или литургіи. Присоединимъ къ этому, что ученики должны нерѣдко версту и болѣе итти чуть не по колѣно въ грязи, подъ проливнымъ дождемъ, или въ сильную мятель, имѣть пріятную надежду и возвращаться послѣ богослуженія при стольже благопріятныхъ об-

стоятельствахъ съ присовокупленіемъ темноты въ зимнее ночное время, а главное провести болѣе часу очень нерѣдко въ холодныхъ неотопленныхъ комнатахъ, не сидѣть, а стоять. Что? Всѣ эти, такъ сказать, предварительныя обстоятельства сильно ли располагаютъ ученика къ благоговѣнію? Но вотъ наконецъ предъ благовѣстомъ или во время него отправляются попарно въ церковь. Впрочемъ, чтобы ученики, вѣроятно по ошибкѣ, не свернули съ большой дороги на боковыя, или на дворъ, или въ садъ или въ улицу и пр. вездѣ, такъ сказать, на распутіяхъ разставляются часовые, которые недогадливымъ молодцамъ указываютъ, куда надобно итти, и само начальство имѣетъ большею частію высшій надзоръ, т. е. смотритъ въ какое либо окно верхняго этажа на всю процессію. Смотря на такія процессіи, мы какъ-то невольно переносились мыслію..... какъ бы выразиться поделикатнѣе? — на зоологическія помѣщичьи дворы, въ которые впускаются овцы для прогулокъ. Когда ихъ опять нужно загнать въ общую штабъ-квартиру; то оставляется открытою только дверь въ нее, а прочіе всѣ проходы или затворены или заняты часовыми. На овецъ вдругъ вскрикиваютъ; онѣ бросаются со всѣхъ ногъ и, видя занятыми всѣ входы и выходы, живо вбѣгаютъ въ свою штабъ-квартиру.—Пришли, не овцы, а ученики въ храмъ. Не думайте, чтобы и тутъ тотчасъ душа ихъ могла предаться благоговѣйнымъ чувствованіямъ. Особенную ролю въ такихъ случаяхъ играетъ главный начальникъ; въ духовныхъ училищахъ ему, какъ человѣку набожному, непремѣнно хочется

слышать всю всенощную и литургію; но какъ начальнику, надобно же соблюсти приличную важность и торжественность, — нельзя же тотчасъ притти въ церковь. И вотъ ученики, измученные еще прежде и холодомъ и грязью и стояньемъ, — еще стоятъ и ждутъ; это жданье длится не менѣе четверти часа и восходитъ за полчаса, и даже до часа, когда особенно самому начальнику захочется совершать литургію.

Наконецъ божественная литургія началась; удивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — говоримъ въ нѣкоторыхъ, — а не во многихъ — и здѣсь опять какъ будто хлопочутъ о томъ, чтобы и она не производила должнаго впечатлѣнія на будущихъ служителей Церкви. Для нихъ отдѣляется въ храмѣ какой либо уголокъ перегородкою, и за нее-то ихъ устанавливаютъ иногда даже слишкомъ тѣсно. Для чего? — спросите; чтобы не уходили изъ церкви и чтобы побольше оставалось мѣста для почетныхъ посѣтителей. Неужели полагаете, что подобное распоряженіе не ложится иногда свинцомъ на душу благороднаго мальчика? Вѣдь онъ очень легко догадается, какой унизительный взглядъ имѣетъ на него начальство. Но въ другихъ мѣстахъ дѣлаются еще большія странности. Не читали ль вы въ одной изъ книжекъ Русской Бесѣды за 1859 годъ статьи, въ которой г. Бицынъ описываетъ свою жизнь въ какомъ-то институтѣ? Припомните, какъ онъ, въ первый разъ, пришедши въ церковь, увидѣлъ только одинъ потолокъ, слышалъ откуда-то доходившее до него чтеніе и пѣніе, и никакъ не хотѣлъ вѣ-

рить, чтобы онъ стоялъ въ божественномъ храмѣ пока, по совѣту своего сосѣда, вставши на колѣни, не увидѣлъ иконостаса. Но это было въ свѣтскомъ училищѣ. Не странно ли, что и въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ учениковъ ставятъ не только на хоры, — а на что-то очень близкое къ чердаку и съ нимъ весьма схожее. Въ такомъ большомъ чуланѣ, отстоящемъ отъ церковнаго пола аршинъ на 10-ть, вышиною аршина три съ небольшимъ устанавливается до 300—400 человѣкъ. Можете судить, какая иногда бываетъ духота при многочисленномъ стеченіи народа въ настоящей церкви? Но попечительное начальство устроиваетъ въ окнахъ чердака форточки и большею частію предоставляетъ самимъ ученикамъ выбирать для простуды одинъ изъ двухъ способовъ: или, открывши форточки, позволить наружному холодному воздуху прямо дѣйствовать на головы учениковъ и производить насморки, головныя боли и пр., или, не открывая форточекъ, пропотѣть до седьмаго пота и послѣ, вышедши изъ церкви, простудиться уже всѣмъ тѣломъ; иногда впрочемъ начальство предоставляетъ это личному усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ первые два и даже три ряда учениковъ видятъ и алтарь и служащаго священника, если только не препятствуетъ тому люстра; прочіе же ученики, можетъ быть, болѣе трехъ четвертей могутъ смотрѣть на верхнія иконы иконостаса, если онъ высокъ, и только слушаютъ богослуженіе. Но ученики, не видящіе, а только слышащіе, народъ изобрѣтательный; если нѣтъ сзади всевидящаго ока въ образѣ инспектора, или помощника его; то они раз-

дѣляются на группы; иные присаживаются на полъ, толкуютъ объ удобствѣ своего положенія и объ отеческой добротѣ своихъ начальниковъ; приносятъ тетради, учатъ лекціи, читаютъ книги, даже романы; — *вѣдь на чердакъ, хотя и церковномъ, все позволяется дѣлать.* Но если стоитъ сзади инспекторъ; то волею или неволею стой смирно, хотя бы отъ сквознаго вѣтра простуда явнымъ образомъ поселялась въ головѣ; иначе, пожалуй, тутъ же *отмѣряютъ матеріи на фуражку, — вѣдь на чердакѣ все можно дѣлать!* Наконецъ оканчивается богослуженіе, но ученики не скоро еще выберутся изъ церкви; имъ нужно подождать, пока ихъ начальникъ съ приличною важностію и торжественностію будетъ имъ предшествовать. Но такое величественное событіе не вдругъ совершается. Начальнику, если онъ самъ совершалъ литургію, нужно разоблачиться, выслушать молитвы послѣ причастія, по выходѣ изъ алтаря благословить желающихъ принять благословеніе, а иногда вступить въ назидательную бесѣду съ своими знакомыми; но все таки дѣло оканчивается тѣмъ, что ученики возвращаются на свои квартиры иногда часовъ черезъ пять послѣ своего выхода изъ нихъ. *Вотъ какъ у насъ каленными способами пріучаютъ молодое поколѣніе къ молитвѣ!* Пусть католики и особенно протестанты представятъ намъ примѣръ, чтобы ихъ воспитанники употребили четыре или пять часовъ времени на присутствіе при богослуженіи — конечно со всѣми проходами, перекличками и откликами, ожиданіемъ и провожаніемъ начальника и притомъ въ чердачномъ уединеніи. Да!

Едвали у нихъ найдется что нибудь похожее на это; даже и Русь православная немного представитъ подобныхъ примѣровъ. Тѣмъ за то болѣе чести изобрѣтательности нѣкоторыхъ начальниковъ;—значитъ идеи ихъ собственныя, а не краденыя. Къ сожалѣнію только немногіе ученики плохо умѣютъ оцѣнивать столь оригинальныя распоряженія; не смотря на аргусовъ, стерегущихъ всѣ пути для фланговыхъ движеній, они успѣваютъ какъ нибудь увернуться и вмѣсто храма отправиться на свою квартиру, или даже просто гдѣ либо въ кухнѣ, въ саду, на дворѣ, даже на настоящемъ чердакѣ провести время Да еще, негодяи, какія высказываютъ мысли? *Мы де и безъ того уже прежде начала службы устали, да и во время служенія ничего не увидимъ, да и сразу и простудимся.* — Негодяи дѣйствительно; ихъ только и надобно держать на чердакахъ, да въ загородкахъ; кажется даже не лишнее было бы дѣло привязывать или вести такъ, какъ водятъ *нѣкіихъ* джентлменовъ въ восточныя страны чрезъ Казань и Тобольскъ; а можетъ быть, будетъ что либо похожее и на это.

Но позвольте еще разсказать случай; онъ такъ оригиналенъ, что умолчать о немъ никакъ не слѣдуетъ; онъ вмѣстѣ покажетъ, до чего можетъ дойти произволъ начальническій, ничемъ не удерживаемый и ложно понимаемая ревность. Одинъ Епархіальный начальникъ указами изъ консисторіи предписалъ, чтобы священно-церковно-служители заставляли малолѣтныхъ своихъ дѣтей заучивать на память нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ молитвъ, напр. молитву Господню,

Трисвятое и пр. Но начальникъ мѣстной семинаріи нашелъ нужнымъ, безъ всякаго впрочемъ приказанія, а по собственной догадливости утрировать это распоряженіе. Онъ по всѣмъ училищамъ ему подчиненнымъ разослалъ предписанія съ строгимъ приказомъ, чтобы ученики въ училищахъ выучивали на память всѣ безъ исключенія утреннія и вечернія молитвы, большое и малое повечеріе, тропари и кондаки главныхъ праздниковъ, акаѳисты Спасителю и Пречистой Богородицѣ, болѣе 10 псалмовъ, которые замѣчательны или пророчествами, въ нихъ заключающимися, или выражаютъ раскаяніе грѣшника и пр. пр. Мы имѣли терпѣніе изъ всего, такъ сказать, составить одну сумму, и нашли, что эта новая наука рѣшительно по объему болѣе каждаго изъ преподаваемыхъ предметовъ въ училищѣ; она составила бы книгу гораздо толще часослова. Чтобы оцѣнить такой поступокъ начальника семинаріи, сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія: 1. новые предметы вводить въ духовно-учебныя заведенія имѣетъ право только одинъ Святѣйшій Синодъ, притомъ съ Высочайшаго соизволенія. 2. Православная Церковь строго запрещаетъ читать на память продолжительныя молитвы, самые священники обязываются непремѣнно произносить ихъ во время богослуженія по служебнику. 3. При посвященіи въ священно-церковно-служительскія должности, даже въ іеродіаконы, іеромонахи, игумены, архимандриты и епископы не требуется ни отъ кого знанія на память перечисленныхъ нами молитвъ и псалмовъ. 4. Всѣ молитвы написаны на славянскомъ языкѣ, не вездѣ понятномъ для дѣтей; тропари и

кондаки трудно понимать и взрослому человѣку, а псалмы, особенно пророческіе, даже при герменевтическомъ истолкованіи, не всегда вразумительны. Здѣсь особенно нужно обратить вниманіе на акаѳисты Спасителю и Пресвятой Дѣвѣ. Въ нихъ, преимущественно въ стихахъ, называемыхъ *икосами*, выражены благодѣянія, которыя Спаситель и Пресвятая Дѣва оказывали и оказываютъ человѣку, но выражены въ привѣтствіяхъ къ нимъ. Благочестивыя души, читая, или слушая эти привѣтствія, точно бываютъ поражены величіемъ благодѣяній. Но все это написано, скрыть нельзя, на славянскомъ языкѣ не очень понятномъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: „Іисусе, цвѣте благовонный, облагоухай мя. Іисусе, теплото любимая, огрѣй мя: Іисусе, храмѣ предвѣчный, покрый мя. Іисусе одежде свѣтлая, украси мя. Іисусе, камене драгій, просвѣти мя. Іисусѣ, свѣте святый, облистай мя..... Іисусе, научи мя непотребнаго: Іисусе, освѣти мя темнаго. Іисусе, очисти мя сквернаго; Іисусе, возведи мя блуднаго..... Іисусе, высшихъ создателю. Іисусе, нижнихъ искупителю: Іисусе, преисподнихъ потребителю: Іисусе, всея твари украсителю: Іисусе души моея утѣшителю: Іисусе, сердца моего просвѣтителю..... Іисусе, слово необыменный: Іисусе, слово несоглядаемый. Іисусе, сило непостижимая: Іисусе, мудросте недомыслимая: Іисусе, божество неописанное: Іисусе, господство неисчетное; Іисусе, царство необѣдимое: Іисусе, владычество безконечное. — Радуйся, высото неудобосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима.....

Радуйся мосте, преводяй сущихъ отъ земли на небо. Радуйся ангеловъ многословущее чудо..... Радуйся ниво, растящая гобзованіе щедротъ..... Радуйся звѣзде незаходимыя мати: радуйся заре таинственнаго дне..... Радуйся тимѣнія изимающая дѣлъ..... Радуйся цвѣте нетлѣнія: радуйся вѣнче воздержанія..... Радуйся древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи: радуйся древо благосѣнолиственное, имже покрываются мнози..... Радуйся, колеснице пресвятая сущаго на херувимѣхъ: радуйся селеніе преславное сущаго на серафимѣхъ. Радуйся, противная въ тожде собравшая..... Радуйся любомудрыя не мудрыя являющая: радуйся хитрословесныя безсловесныя обличающая..... Радуйся аѳинейскія плетѣнія растерзающая: радуйся мытарскія мрежи исполняющая..... Радуйся начальнице мысленнаго назданія..... Радуйся, тлителя смысловъ упражнающая..... Радуйся чертоже безсѣменнаго уневѣщенія..... Радуйся добрая младопитательница дѣвамъ: радуйся невѣсто красительнице душъ нашихъ..... Радуйся купели животворящая образъ..... Радуйся бане, омывающая совѣсть: радуйся чаше черплющая радость. Радуйся, обоняніе Христова благоуханія.“ 5. Послѣ этого понятно, что мальчики принуждены заучивать и молитвы и псалмы и акаѳисты, не понимая ихъ, по крайней мѣрѣ на половину, иногда и болѣе; а слѣдовательно и читать и удерживать въ памяти механически, безъ участія сердечнаго, безъ разумнаго пониманія. Наконецъ 6., учителямъ строго предписывалось взыски-

вать съ учениковъ, если они не станутъ учиться новой наукѣ. И вотъ теперь мальчикъ является въ классъ (для этого преимущественно назначенъ былъ часъ предъ обѣднею въ воскресенье), и если онъ незнаетъ заданныхъ молитвъ или икоса, то..... г.г. читатели, ставятъ его на колѣни, а иногда сѣкутъ розгами. Посудите, Бога ради, безпристрастно о такомъ распоряженіи отца-начальника. Зачѣмъ онъ заставилъ учить мальчиковъ то, чего самъ незналъ, что не обязанъ знать ни священникъ, ни архимандритъ, ни епископъ, что превышаетъ силы и пониманія учениковъ, не рекомендуется церковію, можетъ зависѣть отъ однаго Святѣйшаго Синода? Почему онъ не подумалъ, что механически заученныя молитвы, вовсе непонятыя, не производятъ никакого хорошаго впечатлѣнія, а только оставятъ непріятное чувство отъ труда заучивать ихъ и отъ наказанія за невыучиваніе ихъ? Мы рѣшительно не постигаемъ здѣсь ничего. А между тѣмъ распоряженіе вошло въ силу, въ законъ; начальника давно уже нѣтъ въ прежнемъ мѣстѣ, а мальчики мучатся (мы хотѣли сказать учатся); можетъ быть, даже нашлись и найдутся подражатели; и вотъ фантазія больной головы сдѣлается обязательствомъ для десятковъ и даже сотенъ тысячъ людей!

Послѣ всего что мы сказали о томъ, какъ пріучаютъ въ училищахъ къ молитвѣ и богослуженію, понятно, отчего иногда изъ нихъ выходятъ люди не очень набожные. Начальники училищъ все обыкновенно сваливаютъ на мірской развратъ, на *тлетворное дыханіе свѣта*. Но неужели и безъ этого мни-

маго разврата и дыханія мальчикъ, который въ теченіе 10—15 л. каждое утро и каждый вечеръ долженъ былъ стоять иногда по часу въ ожиданіи того, когда позволятъ ему помолиться, — на котораго молитва налагалась, какъ наказаніе, въ видѣ поклоновъ земныхъ; — который часа полтора ожидалъ въ холодномъ классѣ позволенія итти въ церковь, ждалъ еще въ безмолвіи полчаса и болѣе начальника и вмѣстѣ съ тѣмъ начала службы, поставленъ былъ гдѣ либо за загородкою, или на чердакѣ, не видя даже священника и алтаря; — который привыкъ по неволѣ бѣгать отъ церкви изъ опасенія простудиться; котораго много разъ сѣкли за невыучиваніе непонятныхъ ему икосовъ, тропарей и кондаковъ; — которому механическое заучиваніе молитвъ еще съ дѣтства наскучило; неужели можно ожидать, чтобы этотъ мальчикъ сдѣлался набожнымъ человѣкомъ? Мы удивляемся не тому, что изъ духовныхъ училищъ выходятъ иногда люди не набожные, а тому, какимъ образомъ, при всѣхъ описанныхъ нами *порядкахъ* еще сколько нибудь выходитъ набожныхъ людей. *Господи! Господи! благоговью я предъ Твоею благостію и милосердіемъ! Ты въ человѣкѣ вообще и особенно въ русскомъ народѣ столько посѣялъ благоговѣнія къ Себѣ, что ихъ не могутъ истребить и заглушить даже нелѣпѣйшія распоряженія училищныхъ начальниковъ. Продли, Господи, Свою благость и милосердіе къ русскому народу, и въ особенности..... къ его бѣлому духовенству!*

Отдѣленіе второе.

Объ отрицательныхъ способахъ развивать и укрѣплять нравственность въ ученикахъ.

Мы уже неоднократно замѣчали, что многіе начальники учебныхъ заведеній приписываютъ неудачи свои нравственному воспитанію ввѣренныхъ имъ питомцевъ не собственному неблагоразумію, не нелѣпости своихъ распоряженій, а вліянію общества, или, по выраженію набожныхъ людей, *тлетворенному дыханію развращеннаго свѣта;* и потому всячески стараются предохранить учениковъ отъ этого вліянія и воспитывать ихъ такъ, какъ будто бы они жили не на землѣ и послѣ должны будутъ жить не между людьми. Съ этою *благонамѣренною* цѣлію нѣкоторые начальники заботятся о томъ чтобы питомцы, какъ можно рѣже, видѣли субъекты, такъ называемой прекрасной половины рода человѣческаго, и такимъ образомъ пріучаютъ ихъ къ мысли, что всѣ эти субъекты, не исключая, разумѣется, матерей и сестеръ воспитанниковъ, принадлежатъ къ самымъ опаснымъ ихъ врагамъ, а сближеніе съ ними заразительнѣе чумы и гибельнѣе холеры. Мы присутствовали нѣкогда при разрѣшеніи необыкновенно важныхъ вопросовъ по этой части; требовалось постановить: можно ли въ церковь одного училища впускать особъ женскаго пола, или запретить имъ входъ, слѣдуя примѣру правовѣрныхъ мусульманъ? Также надобно ли было позволить, чтобы прачки сами раз-

носили вымытое бѣлье по комнатамъ воспитанниковъ, или эту важную и вмѣстѣ соблазнительную операцію слѣдовало поручить мужеской прислугѣ? Вопросы были необыкновенно важны и трудны; поэтому неудивительно, что при рѣшеніи ихъ составились двѣ партіи. Послѣ продолжительныхъ преній, отчасти напоминавшихъ собою парламентскія засѣданія, наконецъ рѣшено было дозволить и женскому полу стоять въ церкви. Поводомъ къ столь *либеральному* рѣшенію послужили два обстоятельства; — во первыхъ семейства наставниковъ училищныхъ; *мудрые члены* правленія нашли страннымъ дозволить мужьямъ и сыновьямъ ихъ входить въ училищную церковь, а женъ и дочерей лишить подобной милости. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что по замѣчанію занимавшаго должность церковнаго старосты нельзя было надѣяться на покрытіе необходимыхъ расходовъ по церкви, если женщинамъ запретить входъ въ нее. Но относительно втораго пункта всѣ возраженія начальникомъ заведенія были отвергнуты и рѣшено было прачекъ допускать только до подвальнаго этажа; а оттуда уже бѣлье разносить мужескою прислугою, чѣмъ послѣдняя нерѣдко и пользовалась для пріобрѣтенія или обмѣна нѣкоторыхъ вещей къ убытку воспитанниковъ.

Затѣмъ учениковъ, живущихъ въ самомъ заведеніи воспитываютъ вовсе не такъ, какъ это дѣлается въ семействѣ. или въ благоустроенныхъ училищахъ и какъ притомъ требуетъ здоровье. Кому неизвѣстно, что игры дѣтямъ непремѣнно нужны, что ихъ организмъ слѣдуетъ укрѣплять тѣлодвиженіями, что изъ

нихъ нѣтъ надобности дѣлать какихъ либо *увальней или мышковъ*, но нужно пріучать къ ловкости, развязности, приличной и благородной осанкѣ, поступи, даже къ умѣнью сдѣлать вѣжливый, несмѣшный поклонъ. Съ этою цѣлію педагогика и простой здравый смыслъ настоятельно требуютъ посредствомъ различныхъ игръ, танцевъ, гимнастики и пр. развивать тѣлесныя силы и дѣлать дѣтей ловкими. Но были, а, можетъ быть, есть и теперь училища, гдѣ даже всякія игры запрещаются, развѣ только разрѣшается какая либо павлиная прогулка заученнымъ шагомъ и строемъ въ урочныя минуты. Во многихъ заведеніяхъ изъ снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ, или изъ уваженія къ печатнымъ правиламъ педагогики и дістики дозволяются игры; но при выборѣ ихъ руководствуются преданіями старины, народными, т. е. деревенскими обычаями, а вовсе не правилами воспитанія, принятыми въ благородныхъ сословіяхъ. На этомъ основаніи танцы считаются вещію, если не безбожною, то вполнѣ безнравственною, а игра *въ градки, чижикъ, въ бабки, въ чехарду, въ горѣлки, въ лапту, въ столбы* и пр. допускаются и даже поощряются. Мы при всемъ уваженіи къ мудрымъ и даже велемудрымъ начальникамъ *ученныхъ* училищъ никакъ не поймемъ, на какомъ основаніи въ чехардѣ, горѣлкахъ, бабкахъ, градкахъ и пр. предполагается больше нравственнаго значенія, нежели въ танцахъ? Почему правильныя и приличныя движенія послѣднихъ, принятыя образованными и высшими классами, заклеймены въ глазахъ многихъ начальниковъ училищъ печатію без-

нравственности, а прыжки, кувырканья, возня и пр. не опасны для благонравія? Бога ради, разрѣшите эти вопросы. А между тѣмъ мы знаемъ, съ какимъ ожесточеніемъ, чуть не съ инквизиторскимъ фанатизмомъ преслѣдовались (не преслѣдуются ли и теперь?) танцы. Конечно уже давно въ одномъ училищѣ въ одно и тоже время одинъ воспитанникъ возвратился въ нетрезвомъ видѣ и отъ воодушевленія надѣлалъ множество безчинствъ, а другой осмѣлился пойти на вечеръ въ хорошемъ домѣ, гдѣ присутствовали и сами начальники его, — *при нихъ же осмѣлился танцовать* и затѣмъ возвратился въ училище совершенно трезвымъ и въ свое время. Увѣряемъ, что поступокъ перваго былъ сначала наказанъ, но скоро забытъ, а преступленіе втораго попрепятствовало занять ему при окончаніи курса то по списку мѣсто, которое онъ заслуживалъ своими успѣхами и поведеніемъ.

Далѣе, были начальники, которые считаютъ необходимымъ рѣшительно запрещать ввѣреннымъ ихъ управленію воспитанникамъ выходить изъ училищнаго дома, и готовы, если только можно, не выпускать ихъ по нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. — Надъ училищами, въ которыхъ дѣлаются подобныя распоряженія, намъ такъ и хотѣлось бы написать: *сюда есть входъ, а выхода нѣтъ.* Или, ближе къ современности, подобныя училища прилично бы назвать смирительными домами или исправительными тюрьмами, изъ которыхъ люди, посаженные туда за преступленія, не имѣютъ права въ продолженіе извѣстнаго срока выходить. По такими сравненіями

мы не хочемъ обижать почтенныхъ начальниковъ. И потому такія заведенія уподобляемъ теплицамъ и оранжереямъ. Конечно чайное, апельсинное и др. деревья нельзя въ Петербургѣ посадить на открытомъ воздухѣ; оранжереи ботаническаго сада на аптекарскомъ островѣ для нихъ прекрасное мѣсто. Но и здѣсь, какъ извѣстно, въ хорошіе лѣтніе дни оранжереи открываютъ совершенно, а многія тропическія растѣнія выносятъ изъ нихъ. Не смѣшно ли было бы, если бы въ эти оранжереи посадили нашу березу или ель съ тѣмъ, чтобы, подержавши тамъ нѣсколько лѣтъ, высадить ихъ опять на открытый воздухъ? Какъ бы эти деревья, которыя такъ намъ нравятся въ лѣсахъ своей стройностію, были изуродованы въ оранжереяхъ? И потомъ, когда ихъ высадили бы на открытый воздухъ не засохли ли бы въ первую зиму? Г.г. начальники, не выпускающіе никуда своихъ воспитанниковъ, помните, что они туземныя, а не тропическія растенія, что имъ нельзя вѣкъ оставаться въ вашихъ оранжереяхъ и что рано ли или поздно нужно будетъ имъ самимъ бороться со всѣми бурями и непогодами? Смотрите, какъ бы они отъ излишней отеческой вашей заботливости не засохли въ первую же зиму!

Къ счастію подобные начальники и были и находятся въ небольшомъ количествѣ, духъ времени не позволяетъ обращать училища въ исправительныя заведенія или въ теплицы. И потому самые суровые ригористы находятъ нужнымъ снисходить къ общественному мнѣнію и позволять воспитанникамъ въ извѣстные дни выходить изъ училища, впрочемъ, вы-

ражаясь юридическимъ языкомъ, *со всѣми отягчающими обстоятельствами.* Въ этомъ случаѣ прежде всего стараются дать замѣтить воспитанникамъ, что ихъ нравственность въ глазахъ начальства будетъ разсматриваться обратно пропорціонально количеству выходовъ изъ училищнаго дома и даже иногда квадрату ихъ; т. е. вообще самый нравственный воспитанникъ будетъ тотъ, который никогда не оставляетъ училищнаго дома, а затѣмъ чѣмъ чаще кто выходитъ, тѣмъ считается безнравственнѣе, хотя бы всегда возвращался въ самомъ исправномъ видѣ и въ положенный срокъ. Если подобныя намеки не производятъ дѣйствія; то, какъ должно полагать на основаніи теоріи вѣроятностей, разсчитывается, чрезъ сколько времени воспитанники имѣютъ нужду выходить изъ училища, или какая ихъ часть можетъ быть выпускаема. Въ слѣдствіе такихъ расчетовъ объявляется, чтобы каждый никакъ не смѣлъ выходить иначе какъ разъ въ мѣсяцъ или два и пр., или чтобы въ праздничный день отлучалось не болѣе половины, трети, четверти и т. д. воспитанниковъ. Тяготясь подобными распоряженіями, ученики въ нѣкоторыхъ училищахъ рѣшаются отыскивать особыя дороги для своего выхода, и не имѣя возможности входить и выходить чрезъ ворота, лазятъ чрезъ ограды и т. п. Попечительное начальство и противъ этого зла беретъ рѣшительныя мѣры. Оно даже въ лѣтнее самое жаркое время позволяетъ ученикамъ подышать только часъ или полтора свѣжимъ воздухомъ и потомъ обязываетъ ихъ непремѣнно сидѣть въ комнатахъ, не смотря на не-

сносный жаръ, спертый воздухъ, тѣсноту и пр. Почему же для нравственнаго улучшенія не перенести этихъ мелкихъ непріятностей и не разстроивать своего здоровья? *Блага душевныя всегда надобно предпочитать удобствамъ тѣлеснымъ.* Воспитанники впрочемъ изобрѣтательны, вылѣзаютъ изъ комнатъ въ *окна, если только высота ихъ отъ земли не болѣе* двухъ саженей. Почему же узнику не рѣшиться сдѣлать salto (скачка) хотя бы даже и mortale. *Не пускай природы въ дверь, она найдетъ себѣ дорогу въ окно.* Эти путешествія впрочемъ совершаются большею частію ночью, когда начальники, послѣ дневныхъ заботъ, успокоиваются сномъ праведниковъ; а воспитанники, оставивши подъ своимъ одѣяломъ какое либо подобіе человѣческой фигуры изъ шинели, тулупа и т. п. отправляются на просторѣ размыкать свое горе.

Въ не очень давнее время въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ думали воспрепятствовать выходу воспитанниковъ, по крайней мѣрѣ зимою, очень оригинальнымъ образомъ; имъ не было выдаваемо никакой теплой одежды, ни фуражки, ни шинели, ни тулупа, ни чуйки, ни даже шпуна, давались какой либо сертукъ, холодная шляпа, да въ добавокъ фланелевыя куртки. Хорошо, если у кого была собственная шинель; онъ прикрытый ею, могъ куда либо отправиться и подышать свѣжимъ воздухомъ. Но что было дѣлать тому, кто не имѣлъ или не могъ выпросить у товарища шинели? Итти въ одномъ сертукѣ, хотя бы онъ былъ сшитъ чуть не изъ солдатскаго сукна, въ 30° мороза неудобно; надѣть курт-

ку и сертукъ — конечно значило нѣсколько защитить себя отъ холода; но, пришедши въ домъ, надобно было сидѣть въ обоихъ платьяхъ при 15° или 17° тепла, напиться чаю и непремѣнно вспотѣть, а потомъ итти въ заведеніе, можетъ быть, верстъ пять и болѣе. По неволѣ станешь сидѣть дома. При подобныхъ обстоятельствахъ даже не было иному возможности подышать свѣжимъ воздухомъ на училищномъ дворѣ; сиди въ комнатѣ и развѣ чрезъ форточку пользуйся благорастворѐніемъ наружнаго воздуха. Мы, давно живя въ полномъ уединеніи, не беремся рѣшить: нѣтъ ли и нынѣ такого рода заведеній; но что они были и очень недавно, за это ручаемся, потому что сами нѣсколько лѣтъ находились именно въ такомъ положеніи.

Но достигается ли чрезъ подобныя распоряжѐнія хоть какая либо цѣль? Бываютъ ли сидни-воспитанники благонравнѣе тѣхъ, которые отлучаются изъ училищнаго дома? Послѣдніе очень хорошо помнятъ, что начальники считаютъ ихъ людьми подозрительными, не очень благонравными, — знаютъ, что въ слѣдствіе этого при возвращѐніи въ заведеніе обращено будетъ все вниманіе на то, въ своемъ ли они пришли видѣ, и потому естественно стараются не обременять себя тѣми жадностями, которыя у головы отнимаютъ разсудокъ, а у ногъ — способность двигаться. Между тѣмъ первые убѣждены въ высокомъ мнѣніи начальниковъ о своемъ благонравіи, знаютъ, что за ними, какъ домосѣдами, какъ людьми степенными, солидными не станутъ зорко смотрѣть. Такъ почему же не сдѣлать небольшой складчины?

Почему не уговорить кого либо изъ служителей сходить въ ближайшее *злое*, только ужъ не учебное заведеніе, не принести оттуда живительной влаги, не отправиться въ подвалъ, на чердакъ, въ садовую бесѣдку, въ какое либо другое захолустье и тамъ поживѣе не оживить себя *цѣлебнымъ бальзамомъ?* Тутъ вдругъ достигаются двѣ цѣли: въ городъ не ходили и значитъ удержали за собою репутацію благонравныхъ воспитанниковъ; а съ другой стороны запаслись гораздо большимъ весельемъ, нежели ихъ неблагонравные товарищи, гдѣ нибудь выпившіе двѣ чашки чаю съ двумя копѣечными сухариками. Разсчетъ вѣрный! Такіе молодцы, пріучившись, такъ сказать, подъ надзоромъ своихъ начальниковъ къ бахусовымъ наслажденіямъ, послѣ, освободившись изъ подъ опеки, уже открыто предаются имъ. Тогда-то прежніе ихъ начальники со вздохомъ восклицаютъ: *Вотъ что значитъ оставлять людей безъ надзора; у насъ были прекрасные ученики; бывало не только не вкушали ничего запрещеннаго, даже не выходили никуда, а теперь, посмотрите, что изъ нихъ сдѣлалось?* И въ слѣдствіе того отдаются новыя, строжайшія подтвержденія, чтобы воспитанники выпускаемы были изъ заведенія какъ можно рѣже. Приказаніе самое логическое!

Добрые и усердные начальники считаютъ обязанностію слѣдить за своими питомцами и внѣ учебнаго заведенія, если ихъ нельзя въ немъ удерживать. Разумѣется, во всѣ мелочи имъ входить нѣтъ возможности, и потому обращаютъ вниманіе на то, что, по ихъ мнѣнію, составляетъ существенное; имѣнно

на то, къ кому ходятъ воспитанники... Когда по этому безошибочному признаку нужно бываетъ составить сужденіе о нравственности учениковъ, то берется въ расчетъ пословица: *всякъ сверчокъ, знай свой шестокъ.* Именно, по мнѣнію велемудрыхъ начальниковъ, воспитанники никакъ не должны ходить къ лицамъ, которые принадлежатъ къ не одному и тому же сословію съ ними; такимъ образомъ купеческій сынъ ходи только къ купцамъ или мѣщанамъ, семинаристъ къ лицамъ духовнаго званія, солдатскій сынъ къ солдатамъ или крестьянамъ. Но погибшимъ считается ученикъ, обнаружившій притязаніе вступить въ квартиру, которой хозяинъ принадлежитъ къ лицамъ другаго сословія, особенно болѣе высокаго; напр. нельзя ждать ничего хорошаго отъ мѣщанскаго сына, если онъ ходитъ къ купцамъ и чиновникамъ; — отъ семинариста если онъ заглядываетъ въ какіе либо дворянскія дома. Въ старинное, не очень впрочемъ давнее время, принимались для этого весьма вѣрныя мѣры преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда училище не имѣло форменной одежды. Воспитанникамъ шита была одежда такого покроя или изъ такихъ матеріаловъ, что въ ней точно нельзя уже было появиться въ хорошій домъ, а иногда даже и на улицѣ. Вы, старые жители Петербурга, не припомните ли, какъ лѣтъ за 25—30 тому назадъ по Невскому проспекту хаживали молодые люди въ сѣрыхъ сюртукахъ, спитыхъ до самыхъ пятъ, чуть чуть не въ коровьей шляпѣ, хаживали впрочемъ съ увѣренностію въ личномъ своемъ достоинствѣ. Вы, можетъ быть, задавали себѣ вопросъ: что это за странныя существа? — по пріе-

мамъ, по выраженію лица люди умные, ученые, мыслящіе, немного застѣнчивые только, а по платью что-то въ родѣ бѣднаго мѣщанина, купившаго себѣ сюртучишко на Толкучемъ рынкѣ. Напрасно смѣялись вы надъ ними; это было люди точно умные и ученые, но только облеченные въ сюртуки допотопнаго покроя; многіе изъ нихъ теперь принадлежатъ къ особамъ четвертаго и выше класса. Послѣ цвѣтъ сукна на ихъ преемникахъ по учебному заведенію измѣнился, длинополость немного уменьшилась; но все ихъ счесть за людей, принадлежащихъ къ порядочному обществу, не было возможности. Лѣтъ за 20 назадъ двое въ такихъ уже укороченныхъ сюртукахъ шли по Невскому проспекту между знаменскою церковію и Невскимъ монастыремъ, съ сознаніемъ своей учености и личнаго достоинства. Ихъ на узкомъ тротуарѣ догнали два казака, изъ которыхъ одинъ, не желая измѣнить прямолинейнаго направленія, могучими своими руками взялъ обоихъ ученыхъ за плеча и раздвинувъ ихъ на стороны, прочистилъ себѣ дорогу проговоривши: *посторонитесь, господа мѣщане.* Но съ нѣсколькими изъ ихъ предшественниковъ, ходившихъ еще въ сѣрѣйшихъ и длиннѣйшихъ сюртукахъ, чуть было не случилось настоящей бѣды. Они въ какой-то лѣтній высокоторжественый день отправились на Елагинъ островъ, гдѣ было тогда гулянье. Полиція, замѣтивши эту группу, странно одѣтую, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя въ лицахъ самоувѣренность и смѣлость, сочла ихъ за мошенниковъ. Одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ подошелъ къ нимъ и, осмотрѣвши съ голови до ногъ, сказалъ самымъ строгимъ образомъ:

Эй, смотрите, не шалить, иначе запорю. Воля ваша, а въ такомъ платьѣ и самъ не пойдешь въ хорошій домъ, да едва ли будешь и принять въ немъ. Кто же это были молодые люди? — Студенты С. Петербургской духовной академіи.

Ненависть нѣкоторыхъ начальниковъ къ хорошему платью обнаруживается и тогда, если воспитанники, живущіе даже на частныхъ квартирахъ, шьютъ одежду на деньги своихъ отцевъ, и въ этомъ случаѣ всякое укорачиваніе сюртука, всякое подражаніе модѣ считается признакомъ безнравственности. Появится ли новаго покроя фуражка, сапоги, сюртукъ и пр.; Боже сохрани воспитанника, если такія вещи на немъ будутъ замѣчены! Мы знавали одного инспектора семинаріи, который, увидавши кисточку на фуражкѣ, непремѣнно своею рукою отрывалъ ее, и потомъ, давши порядочную таску воспитаннику, отпускалъ его. Пальто обыкновенное, пальто-сакъ, пальто-грекъ, визитка особенно своими карманами напереди приводили съ ужасъ и негодованіе начальниковъ; на нихъ были воздвигаемы самыя ожесточенныя гоненія; и только всемогущее время помирило училищное начальство съ такою одеждою. Но нынѣшнія пальто, шитыя по образцу форменныхъ, со сборами назади и съ претяжкою, пока еще не получили гражданскихъ правъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ. Что же остается дѣлать воспитанникамъ? Вѣкъ сидѣть въ училищѣ или квартирѣ надоѣстъ; измѣрять своими шагами главныя и побочныя улицы города наконецъ прискучитъ тѣмъ болѣе, что какой либо проказникъ мѣщанскій сынишко,

узнавши молодца по платью, встрѣтитъ и проводитъ не очень пріятнымъ для слуха прозвищемъ; въ хорошіе дома нельзя итти. Что жо дѣлать? Почему не отправиться къ какому либо лавочнику, гулякѣ-приказному, отставному унтеръ-офицеру, дьячку и пр.? Эти люди безъ претензій, не побрезгуютъ никакимъ сертукомъ, а иногда даже за честь сочтутъ утостить *по своему, по русски* ученаго человѣка и притомъ русскимъ же напиткомъ? Почему съ этими обязательными джентлменами не пойти въ трактиръ, харчевню и пр.? Почему даже и однимъ воспитанникамъ не посѣтить этихъ почтенныхъ заведеній, гдѣ играетъ такъ хорошо органъ, такіе услужливые половые, такой вѣжливый буфетчикъ и даже самъ хозяинъ такой привѣтливый? Между тѣмъ имѣй воспитанникъ доступъ въ хорошіе дома, онъ бы въ нихъ бывалъ, и прежде всего научился держать себя хорошо и прилично; затѣмъ образованный человѣкъ, конечно, приметъ его привѣтливо, но никогда уже не напоитъ пьянымъ; онъ знаетъ, что воспитанникъ долженъ возвратиться трезвымъ въ училище. Въ былое время намъ приходилось много разъ разбирать поступки воспитанниковъ, возвратившихся на веселѣ, или присутствовать при такихъ разборкахъ. Никогда не случалось, чтобы воспитанникъ, посѣщающій хорошія и благородныя семейства, возвращался въ нетрезвомъ видѣ; напротивъ всѣ бахусовы поклонники удовлетворяли своимъ протребностямъ у дьячковъ, мѣщанъ, приказныхъ, или просто въ погребахъ; былъ даже случай, что одинъ въ послѣднемъ и *животъ свой положилъ*. И не смотря на это, все-таки реко-

мендуютъ держаться пословицы! *Знай сверчокъ свой шестокъ*, и любятъ облекать воспитанниковъ въ хламиды допотопнаго покроя! Мы, право никакъ не поймемъ, *почему* въ длинноломъ-старомодномъ сертукѣ можно лучше соблюсти свою нравственность, нежели въ платьѣ, сшитомъ даже по послѣдней модѣ? *Почему* знакомство съ образованными людьми, съ благородными сословіями считается опаснымъ для нравственности? *Почему* намѣренно или ненамѣренно берутся такія мѣры, чтобы молодой человѣкъ вынужденъ былъ искать себѣ друзей и знакомыхъ въ промотавшихся мѣщанахъ, сапожникахъ, половыхъ, солдатахъ, приказныхъ и пр.? Бога ради, разрѣшите наши вопросы; а мы рѣшительно не находимъ на нихъ отвѣта. Развѣ одно только можно предполагать, не опасаются ли добрые и усердные начальники, что ихъ питомцы изъ обращенія съ благородными людьми поймутъ нелѣпость обращенія воспитателей своихъ. Можетъ быть и правда. Здѣсь кстати сказать о нововведеніи, которое угрожаетъ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній.

Каждый изъ описанныхъ нами способовъ, посредствомъ которыхъ человѣколюбивые начальники стараются предохранить ввѣренное имъ юношество отъ облазновъ міра, или по крайней мѣрѣ отъ свѣтскаго общества, — каждый изъ этихъ способовъ, какъ мы уже видѣли, не остается безъ вреднаго вліянія на воспитанниковъ. Какія же должны произойти послѣдствія, если всѣ эти способы или большая часть ихъ соединятся вмѣстѣ при воспитаніи? Не будемъ безусловно противъ нихъ вооружаться и ду-

мать, что имъ нигдѣ уже нѣтъ мѣста, мы откровенно сознаемся, что безъ нихъ нѣтъ возможности обойтись въ нѣкоторыя училищахъ. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что у католиковъ духовенство все безъ изключенія осуждено на безбрачную жизнь. Чтобы удовлетворить такой потребности въ католическихъ обществахъ, особенно тамъ, гдѣ католичество или управляетъ государствомъ, или вполнѣ независитъ отъ него, тамъ бѣдность или ложно понимаемое благочестіе внушаютъ родителямъ мысль предназначать своихъ дѣтей еще въ дѣтствѣ, а иногда даже прежде рожденія къ духовному званію, т. е. къ безбрачной жизни. А духовенство, имѣя нужду въ преемникахъ себѣ, эту мысль поддерживаетъ самымъ усерднымъ образомъ. И вотъ несчастные малютки въ дѣтскомъ возрастѣ отдѣляются отъ родителей и въ какомъ либо монастырѣ воспитываются для будущаго ихъ званія. Но природа и въ католическихъ обществахъ слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же законамъ; и тамъ человѣкъ рождается для семейной жизни; и тамъ она ничѣмъ не отмѣчаетъ тѣхъ, которые бы съ самаго младенчества показывали свою способность вести жизнь безбрачную. По этому начальники духовно-учебныхъ католическихъ заведеній, зная, можетъ быть, по собственному опыту, всю трудность бороться съ законами природы, естественно стараются ослабить, пріостановить ихъ дѣйствіе въ своихъ питомцахъ. Удается ли это? — очень сомнительно..... Происшествія, подобныя исторіи, случившейся въ 1847 г. въ Тулузѣ съ братомъ Леотадомъ, повторяются втихомолку и въ другихъ мѣстахъ. Но по

крайней мѣрѣ можно извинить католическое духовенство, если оно, опасаясь подобныхъ исторій, старается предовратить ихъ разными распоряженіями. Съ этою цѣлію обыкновенно воспитанниковъ совершенно изолируютъ отъ всего немонастырскаго свѣта, не впускаютъ въ училище не только женщинъ, но даже и мущинъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, не выпускаютъ воспитанниковъ изъ заведенія, или позволяютъ выходить въ какихъ либо экстренныхъ случаяхъ, одѣваютъ ихъ въ то платье, которое присвоется будущему ихъ званію и пр. и пр. Нельзя не сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ вездѣ почти, католическое духовенство показываетъ умѣнье слѣдовать принятой системѣ, развивать ее до крайнихъ предѣловъ; такъ и видно, что оно наслѣдовало и сохранило это умѣнье отъ тѣхъ докторовъ *непобѣдимыхъ, божественныхъ* (doctores invincibiles, divini), которые въ средніе вѣка развили и утвердили схоластику. Но подобная система воспитанія нужна ли въ нашемъ отечествѣ? Обязываютъ ли законы гражданскіе и постановленія церковныя воспитывать какихъ бы то ни было дѣтей къ безбрачной жизни? Нѣтъ, скажемъ прямо. Наши гражданскіе законы и постановленія нашей православной церкви, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никому не даютъ власти осуждать дѣтей на безбрачную жизнь; у насъ только тотъ можетъ поступить въ иночество, кто по зрѣломъ обсужденіи своего положенія, найдетъ себя къ тому способнымъ, и, какъ мы выше сказали, имѣетъ 25 или 30 лѣтъ отъ роду. И святѣйшій синодъ ни за что не разрѣшитъ постриженія, если

въ справкѣ о постригаемомъ не сказано, что онъ достигъ узаконенныхъ лѣтъ. Не правда ли, что рѣшительно ни одно государство не имѣетъ столь мудрыхъ законовъ касательно поступленія въ иночество? Послѣ этого естественно спросить: есть ли необходимость у насъ воспитывать лица православнаго вѣроисповѣданія по вышеизложенной монастырско-католической теоріи? Скажемъ прямѣе: нужно ли безусловно допустить въ какое либо училище хоть одинъ изъ перечисленныхъ нами способовъ изолированнаго воспитанія?

Мы вовсе не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые думаютъ, что долженъ быть дозволенъ во всякое время не только выходъ изъ училищнаго зданія воспитанникамъ, но и входъ туда постороннимъ лицамъ; тотъ и другой случай должны быть непремѣнно подчинены ограниченіямъ и правиламъ. Но съ другой стороны неблагоразумно содержать такъ воспитанниковъ, чтобы они только и видѣли суровыя лица своихъ начальниковъ и педагоговъ, или изможденныя физіономіи инвалидовъ-служителей. — Не слѣдуетъ, конечно, позволять дѣтямъ предаваться играмъ, когда имъ вздумается и притомъ какъ угодно; но никакъ не видимъ причины, почему они должны только сидѣть, лежать, стоять или ходить мѣрнымъ шагомъ, почему имъ каждый день не порѣзвиться для укрѣпленія здоровья, и потомъ почему горѣлки, чехарду, лапту и пр. ставить выше танцевъ и гимнастическихъ упражненій? — Согласны, что не слѣдуетъ учениковъ пріучать къ щегольству, но, право не слѣдуетъ такъ одѣвать, чтобы частный

приставъ или полицмейстеръ на гуляньѣ счелъ ихъ за мошенниковъ. Не надобно позволять имъ ходить къ кому только захотятъ, но зачѣмъ же такъ распоряжаться, чтобы имъ приходилось бывать не въ хорошемъ благородномъ обществѣ, а въ компаніи съ мѣщанами и отставными солдатами? Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, вѣроятно, развѣ немногіе съ нами не согласятся, если только дѣло касается до такъ называемыхъ свѣтскихъ, народныхъ и военныхъ училищъ. Но мы встрѣтимся съ сильными противниками, когда подобныя мысли захочемъ прилагать къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Вотъ почему мы здѣсь находимъ нужнымъ высказать нѣсколько замѣчаній касательно и этого предмета.

Наше бѣлое духовенство обязано слѣдить за нравственною и религіозною жизнію человѣка, исправлять посредствомъ убѣжденія нравственные недостатки общества, опровергать ложныя религіозныя мнѣнія, бороться съ суевѣріемъ и предразсудками. Для исполненія этихъ обязанностей ему непремѣнно нужно быть знакомымъ съ общественнымъ состояніемъ, если не хочетъ оно разыгрывать иногда роль ламанчскаго героя. Но человѣкъ, отдѣленный отъ общества, не узнаетъ его. Однѣ психологическія и даже теологическія теоріи въ этомъ случаѣ не помогутъ; каждое поколѣніе вырабатываетъ, можно сказать, свою собственную теорію. Изъ современныхъ книгъ также трудно понять общество, какъ по самой лучшей ландшафтной картинѣ замѣтить всѣ подробности данной мѣстности. Образцовыя сочиненія прежнихъ великихъ писателей церкви существеннымъ об-

разомъ касаются тогдашнихъ временъ; руководствоваться ими одними при назиданіи людей нынѣ тоже бы значило, что при рѣшеніи какого либо государственнаго дѣла въ Англійскомъ Парламентѣ читать рѣчи Цицерона и Демосѳена. Но человѣкъ, который лѣтъ 10 или 15 не выпускается изъ училищнаго зданія, или только понемногу ознакомливается съ характеромъ общества не узнаетъ его на столько, чтобы имъ руководствоваться. И потому, мудрые воспитатели, не лучше ли будетъ, если подъ вашимъ руководствомъ воспитанники узнаютъ общество, которое имъ надобно со временемъ наставлять на путь истины? Далѣе, наше бѣлое духовенство по самой своей должности и по гражданскимъ отношеніямъ обязано бывать не только въ семейномъ кругу, но и въ собраніяхъ. Ему, конечно, нѣтъ нужды принимать участіе во всѣхъ такъ называемыхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, напр. танцахъ, карточной игрѣ и пр. Но, по нашему мнѣнію, кажется, нужно стараться всячески о томъ, чтобы ни одно духовное лицо, не исключая попомаря, не возбуждало смѣха своими неловкими пріемами не нарушало общепринятыхъ приличій. Но люди, которые въ теченіи всего воспитанія своего не видывали хорошаго общества, небывали въ порядочнымъ приличіямъ, гдѣ научатся необходимымъ приличіямъ? При первомъ вступленіи въ свѣтъ, при первомъ обѣдѣ у зажиточнаго человѣка не могутъ ли случиться съ ними такіе промахи, которые сдѣлаютъ ихъ самихъ смѣшными навсегда? Г.г. обучавшіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ! Не встрѣчали ли вы между своими товарищами такихъ, которые салфетку употребляютъ

вмѣсто носоваго платка и не придумаютъ, какимъ образомъ обѣдать съ вилкою, ножемъ и тарелкою? Мы знали одного изъ *таковыхъ;* пришедши въ первазъ въ столовую одной изъ духовныхъ академій, гдѣ надобно было обѣдать на тарелкахъ, услыхавши, что нужно свою порцію говядины разрѣзать самому, онъ заворотилъ скатерть и на столовой доскѣ изрѣзалъ кусокъ говядины, придерживая его не вилкою, а лѣвою рукою; потомъ приставилъ тарелку подъ столъ и уже правою рукою сдвинулъ въ нее нарѣзанные куски. Этотъ человѣкъ — не поступи въ академію — могъ быть бы священникомъ, и по всей вѣроятности также сталъ бы кушать. Вы скажете, стоитъ такою мелочью заниматься? Напрасно такъ думаете. Представьте, что молодой священникъ, приглашенный на первый разъ къ помѣщику, чиновнику и даже купцу, сдѣлалъ подобный промахъ. Неужели бы онъ не показался смѣшнымъ и даже очень на долгое время? Да и самъ, понявши свою неловкость, сколько времени сталъ бы краснѣть предъ хозяевами и другими свидѣтелями своей неловкости? Какъ угодно, а лучше было бы, если бы онъ прежде, обучаясь еще въ семинаріи, познакомился съ свѣтскими приличіями. А сколько бываетъ такихъ смѣшныхъ произшествій? Какъ часто истинно умный человѣкъ отъ подобныхъ мелочей теряетъ надолго свою репутацію? Наконецъ въ разсматриваемомъ случаѣ главнымъ образомъ нужно обращать вниманіе на то, что наше бѣлое духовенство не осуждено подобно католическому на безбрачную жизнь; ему, какъ извѣстно, даже поставлено въ непремѣнную обязанность вести

жизнь семейную, такъ что посвященію въ священники и діаконы всегда предшествуетъ бракосочетаніе. Послѣ этаго не странно ли будетъ подчинять монастырскимъ правиламъ тѣхъ именно людей, которыхъ самый законъ и гражданскій и церковный обязываетъ вести жизнь брачную? *Благоразумно ли* тѣхъ, которые по будущимъ своимъ семейнымъ и должностнымъ обязанностямъ станутъ находиться въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ со всѣми классами людей, *благоразумно ли* въ дѣтствѣ *отдѣлять* ихъ, какъ говорятъ, *отъ міра китайскою стѣною*, или позволять смотрѣть на него сквозь узкое окно, или изучать его среди дьячковъ и отставныхъ солдатъ? *Благоразумно ли* запрещать дѣтскія игры и разныя благородныя развлеченія и забавы тѣмъ, которые послѣ сами должны будутъ воспитывать своихъ дѣтей? Что, если они, состарѣвшись подъ школьнымъ ригоризмомъ въ 20 лѣтъ будутъ слѣдовать той же самой методѣ при воспитаніи своихъ дѣтей и посовѣтуютъ ее употреблять своимъ прихожанамъ? Вѣдь даже смѣшно уже было бы каждый домъ обратить въ маленькій монастырь. *Благоразумно ли*, если не словами, то по крайней мѣрѣ распоряженіями внушать мысль, что прекрасная половина рода человѣческаго принадлежитъ къ самымъ опаснымъ врагамъ нашимъ, что мы должны избѣгать ея, какъ гибельной заразы, если бы даже она представляется въ образѣ прачекъ? *Благоразумно ли* внушать такія мысли тѣмъ воспитанникамъ, которые непремѣнно должны чрезъ нѣсколько времени въ этой же половинѣ избрать себѣ помощницу и друга на цѣлую жизнь, дѣлить съ этимъ страшнымъ суще-

ствомъ свои горе и радость, искать въ этомъ заклятомъ врагѣ утѣшенья? Далѣе, какимъ образомъ подобныхъ воспитанниковъ сблизить съ будущими ихъ помощницами? Старинная пословица: *поживется-слюбится*, устарѣла и одобряется только или отцами-деспотами, или людьми-ненавистниками брачной жизни. И здравый смыслъ, и законъ гражданскій, и постановленія церкви допускаютъ бракъ только при обоюдномъ согласіи бракосочетающихся. Но для этаго, разумѣется, нужно, чтобы они ознакомились между собою, понравились другъ другу, даже полюбили одинъ изъ другаго. Но возьмите человѣка, воспитавшагося въ тѣхъ мизогеническихъ понятіяхъ, о которыхъ выше мы говорили. Привыкши смотрѣть на женщинъ и дѣвицъ, какъ на существа враждебныя его полу, или по крайней мѣрѣ не привыкши вовсе обращаться съ ними, въ состояніи ли онъ при первыхъ свиданіяхъ съ своею *суженою* произвести на нее благопріятное впечатлѣніе, когда онъ, краснѣя, заикаясь, съ уродливыми ужимками, а иногда и съ *ухарскими* ухватками, или едва произнесетъ нѣсколько несвязныхъ словъ, или наговоритъ *цѣлый коробъ* пошлостей и глупостей? Полюбитъ ли и суженая это мѣшковатое или разманистое существо? Вы скажете опять: *поживется-слюбится;* но не лучше ли, чтобы ихъ первое самое знакомство началось подъ болѣе благопріятными признаками для взаимной любви? Нѣтъ, г.г. ригористы, аскетики, зилоты и всѣ сонмы ваши, какъ угодно вамъ, но воспитывайте людей, предназначенныхъ непремѣнно къ супружской жизни, не по монастырскимъ правиламъ. Если это противо-

рѣшить вашимъ убѣжденіямъ, если не находите въ себѣ нужной для того опытности, то уступите воспитаніе другимъ.

Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ недостатки нравственнаго воспитанія зависятъ много отъ недостатка средствъ имѣть нравственный надзоръ за учениками. Представьте себѣ, что въ училищѣ находится не 100, не 200, а даже 400 и 500 человѣкъ. Если бы даже всѣ они жили въ одномъ домѣ, то и тогда для надзора за ними на каждые 100 человѣкъ нужно было бы три или четыре надзирателя. Но изъ нихъ живетъ въ училищѣ всегда гораздо менѣе половины, иногда даже четвертая или пятая часть; а прочіе размѣщаются по всѣмъ, не улицамъ, а захолустьямъ города, по которымъ въ грязное время нѣтъ ни прохода, ни проѣзда. И за всѣмъ этимъ людомъ поручался, а можетъ быть, и теперь поручается оффиціально надзоръ только одному лицу, которое притомъ обременено другими должностями, и получаетъ самое ничтожное жалованье. Помощникамъ же инспектора назначаются еще меньшіе оклады, а большею частію предоставляется честь служить безкорыстно, какъ мы уже видѣли. Такимъ образомъ главное лицо, поставленное для нравственнаго надзора, чуть ли не одно должно слѣдить за всѣми учениками и представлять ежемѣсячно нѣчто въ родѣ кондуитныхъ списковъ. Но входить въ нравственный характеръ ученика, наблюдать за его поступками, проникать въ чувствованія и побужденія, которыми онъ руководствуется въ своей дѣятельности, — все это слишкомъ трудно и требуетъ много времени.

Поэтому нужно непремѣнно для краткости найти *казенные критеріумы*, посредствомъ которыхъ съ перваго взгляда можно уже видѣть, на какомъ градусѣ стоитъ нравственность ученика. Кромѣ того начальникъ тоже долженъ разбирать взаимныя ссоры учениковъ, жалобы сторонннхъ лицъ на нихъ, разыскивать шалости и пр. И эти занятія не легки. Дѣти не хуже взрослыхъ людей умѣютъ надѣвать въ нужныхъ случаяхъ личину, доказывать мнимую свою невинность и обвинять всегдашнихъ или временныхъ своихъ недруговъ. Изобрѣтательность ихъ во всѣхъ этихъ случаяхъ бываетъ такъ велика, что даже проницательному и опытному человѣку слишкомъ много времени и труда нужно для разобранія той путаницы, которою они прикрываютъ свои шалости. По этому для облегченія своего училищные начальники и здѣсь изобрѣтаютъ особенные, *казенные критеріумы*, которые даютъ имъ возможность тотчасъ видѣть, кто изъ поссорившихся подчиненныхъ правъ, или виноватъ. Въ томъ и другомъ случаѣ почтенные педагоги показываютъ удивительную изобрѣтательность. При оцѣнкѣ нравственности или безнравственности учениковъ большею частію берется во вниманіе тотъ уголъ, подъ которымъ наклоняется ихъ туловище для выраженія преданности къ своему начальнику. Далѣе, какъ мы уже выше замѣтили, принимается въ расчетъ покрой одежды, ея длина, форма фуражки и пр.: повторять все это здѣсь нѣтъ надобности. Лучше обратимся къ тѣмъ *казеннымъ критеріумамъ*, которые отличаютъ праваго отъ виноватаго. Тутъ начальники нерѣдко разногласятъ между собою. По мнѣ-

нію однихъ правымъ нужно почитать того ученика, который первый явится съ жалобою; потому что онъ никакъ не осмѣлился бы явиться предъ полицемѣрнаго судію; чувство виновности, особенно же убѣжденіе въ проницательности начальника непремѣнно удержали бы его отъ такого поступка. По этому другой ученикъ, можетъ быть, порядочно избитый своимъ соперникомъ еще наказывается за то, что по своей скромности и робости не хотѣлъ жаловаться. Есть впрочемъ и противный взглядъ; за виновнаго считается тотъ, кто первый жалуется; этого мнѣнія особенно держатся тѣ начальники, которые хотятъ отучить учениковъ отъ обыкновенія ябляться къ нимъ съ жалобами другъ на друга. Разсчетъ весьма основательный; дѣйствительно не достанетъ охоты итти съ жалобою и получить еще таску или что нибудь другое; лучше закончить дѣло мировою. Другіе начальники еще болѣе упрощиваютъ методу разбирательства; послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми хотятъ показать желаніе узнать истину, они одинаково наказываютъ истца и отвѣтчика. Болѣе проницательные не хотятъ ограничиваться этими, такъ сказать, внѣшними критеріумами; они стараются проникнуть въ самую душу тяжущихся, но за выраженіе души принимаютъ топъ голоса. По мнѣнію однихъ твердый и смѣлый голосъ служитъ яснымъ доказательствомъ невинности; тогда какъ робко и тихо произносимыя слова прямо указываютъ виновнаго. Между тѣмъ почтенные *сіи судіи* должны бы знать, что первое часто происходитъ отъ большаго запаса дерзости и безсовѣстности, а второе отъ страха,

который дѣти чувствуютъ, являясь предъ лице начальника. Мы вовсе не думаемъ, чтобы дѣйствительно можно проникать непосредственно въ душу человѣческую и въ ней отыскивать признаки лжи или истины; всегда и вездѣ надобно объ этомъ заключать по нѣкоторымъ внѣшнымъ признакамъ. Но дурная сторона описанныхъ нами критеріумовъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ нихъ избирается однажды навсегда и прилагается рѣшительно ко всѣмъ случаямъ; тогда какъ внѣшніе признаки существеннымъ образомъ видоизмѣняются по характеру каждаго человѣка. Кромѣ того велемудрые начальники держашіеся описанной системы, должны помнить, что она главнымъ образомъ выгодна лицемѣрамъ и плутамъ. Имъ пріятно воспользоваться легкимъ случаемъ попасть въ число нравственныхъ людей, или прикрыть свою безнравственность, обвинить своего соперника и пр. Напротивъ благородные характеры стыдятся унижать себя подобнымъ обезьянствомъ, и желаютъ лучше прослыть людьми ненадежными, нежели *попасть въ одну категорію съ пролазами и фиглярами нравственности.*

Училищные начальники, не разсчитывая на дѣятельность своихъ помощниковъ, не надѣясь также, по всей вѣроятности, и на непогрѣшимость казенныхъ критеріумовъ, не видя никакой возможности лично слѣдить за всѣми учениками, а можетъ быть, болѣе слѣдуя издавна принятому обычаю, такъ метко описанному въ Бурсакѣ Нарѣжнаго, устроиваютъ особую административную іерархію, окружаютъ себя, такъ сказать, цѣлымъ штатомъ особенныхъ чиновни-

ковъ въ родѣ англійскихъ констеблей или французскихъ полицейскихъ коммисаровъ; именно старшихъ на каждой квартирѣ, старшихъ надъ нѣсколькими квартирами, старшихъ или цензоровъ въ классѣ, старшихъ въ училищныхъ комнатахъ, всюду старшихъ; снабжаютъ ихъ инструкціями, обѣщаніями своего начальническаго благоволенія въ случаѣ исправности, и угрожаютъ всесильнымъ своимъ гнѣвомъ въ случаѣ потворства подчиненнымъ. Вотъ эти-то всѣ люди — настоящіе блюстители отчасти ученаго, по преимущественно нравственнаго училичнаго порядка! Въ нихъ сосредоточивается полицейская, административная, а иногда и судебная части. Разумѣется, для успѣшнаго исполненія высокихъ своихъ обязанностей они получаютъ отъ благоразумнаго начальства много правъ и преимуществъ. Классическіе цензоры кричатъ, что̀ есть силы *тише*, въ низшихъ классахъ лично расправляются съ буянами, а всѣ вообще записываютъ непокорныхъ въ записку, подаютъ ее учителю или инспектору и горе тѣмъ, которые помѣщены въ ней! Старшіе надъ квартирами, старшіе въ училищномъ зданіи слѣдятъ зорко за своими подчиненными, за всѣми ихъ занятіями, даже, наклонностями и характеромъ и ежемѣсячно подаютъ инспектору кондуитные списки, отъ которыхъ большею частію зависитъ репутація учениковъ; а главное дѣло, одного подчиненнаго могутъ выставлять какъ образецъ нравственности, а другаго описывать и въ словесныхъ рапортахъ и въ кондуитныхъ спискахъ какъ погибшаго человѣка. Гдѣ же инспектору самому входить во всѣ подробности? Да и не унизится ли

авторитетъ власти вообще и собственная его личность, когда онъ покажетъ недовѣріе къ избранному имъ же самимъ чиновнику?

Чтобы судить о достоинствѣ этой училищной администраціи, этой иногда десятилѣтней полиціи, мы хочемъ обратиться къ вамъ г.г. взрослые начальники и взрослые подчиненные. Всѣ вы, разумѣется люди образованные, умные, нравственные, понимающіе достоинство человѣка и отношеніе его къ своимъ собратамъ. Но вы, гг. начальники не соблазняетесь ли когда выказать свое величіе предъ подчиненными, свое надъ ними превосходство или гордымъ взглядомъ, или повелительнымъ жестомъ, или грознымъ молчаніемъ, или еще болѣе грознымъ *распеканьемъ*? Кому вы отдадите преимущество? Тому ли, кто умѣетъ съ подобострастіемъ преклоняться предъ вами, польстить вашему самолюбію красненькимъ словцомъ, а еще болѣе который попроситъ васъ осчастливить его жилище своимъ высокимъ посѣщеніемъ и въ благодарность за такую милость доставитъ вамъ случай насладиться всѣмъ, что удовлетворяетъ самый прихоцливый вкусъ? Или тому, который хотя и честный человѣкъ, но смотритъ какимъ-то Катономъ, не учился ни гимнастикѣ поклоновъ, ни реторикѣ комплиментовъ, и потомъ въ добавокъ не можетъ, а иногда, вольнодумецъ, и не хочетъ пригласить хорошаго повара, чтобы доставить вамъ возможность пріятно провести время послѣ служебныхъ трудовъ? Мы полагаемъ, что первато вы предпочтете послѣднему, и въ представленіи къ чинамъ, и въ послужномъ спискѣ, — вездѣ; и справедливо. Еще поз-

вольте предложить вопросъ. Не окажете ли особеннаго благоволенія тому, кто никогда не потребуетъ взятыхъ вами у него взаймы денегъ, и даже готовъ вновь снабдить васъ ими, только съ почтительнѣйшею просьбою помочь ему въ *нѣкоемъ дѣлишкѣ*, рѣшеніе котораго отъ васъ зависитъ? Почему его не предпочесть тому эгоисту, который по непростительной гордости указываетъ на одни только свои какія-то права и достоинства? — Да и вы, г.г. подчиненные, всегда ли удерживаете свое человѣческое достоинство? Не готовы ли вы польстить своему начальнику, поподличать и согнуться предъ нимъ, когда даже вамъ въ томъ нѣтъ никакой пользы? Не тратите ли большихъ суммъ, даже не занимаете ли ихъ у другихъ, чтобы имѣть счастіе принять у себя достойнымъ образомъ какого либо почтеннаго человѣка? Эхъ, взрослые г.г. начальники и подчиненные, мы знаемъ, что все это бываетъ, даже слишкомъ часто. И потому не браните школьныхъ администраторовъ, школьныхъ полицейскихъ чиновниковъ, что они не хуже васъ, — взрослыхъ людей — умѣютъ и поважничать, и пораспечь, и снисходительно улыбнуться льстивому словцу и пр. Это тѣмъ болѣе имъ простительно, что высшее ихъ начальство не всегда деликатно съ ними обращается. Провинись не только авдиторъ, но и самъ классическій старшій и даже квартирный, — глядишь — и онъ тоже съ поникшею главою медленнымъ шагомъ отправляется на лобное мѣсто; и ему тамъ нѣсколько его товарищей и даже подчиненныхъ помогаютъ освободить себя отъ излишней одежды и оставаться неподвижнымъ

въ распростертомъ положеніи; — и ему то же приходится кушать *березовый чай;* а жалованья онъ не получаетъ никакого. Почему же не позаботиться и самому о вознагражденіи себя за труды и непріятности? Сначала онъ довольствуется кусочкомъ булки, дужкою калача, пирожкомъ, конфеточкою, потомъ съ развитіемъ возраста и въ слѣдствіе прогресса переходитъ къ чаю и другимъ жидкостямъ. Подчиненные во всякое время готовы угостить своего начальника и притомъ польстить ему. При такомъ положеніи дѣлъ оффиціальные начальники все таки не узнаютъ настоящаго положенія училища. Исключая немногихъ случаевъ, которыхъ скрыть нѣтъ возможности или надобности, обо всемъ прочемъ умалчивается; а многое, смотря по расчетамъ, даже искажается. Вѣдь и въ школьныхъ администраторахъ дѣйствуютъ свои страсти, или лучше страстишки; и между ими есть тоже непримиримые враги, неразлучные друзья, заклятые соперники, завистливые и тщеславные временщики. Почемуже иногда не услужить другу, или не отомстить врагу? Вотъ напр. нѣсколько старшихъ магнатовъ; каждому изъ нихъ хочется занять въ спискѣ и въ благоволеніи начальника первое мѣсто; почему же не очернить немного главныхъ своихъ соперниковъ? Вотъ еще какой-то выскочка — даже не старшій, забылся и началъ отличаться своими успѣхами предъ наставниками, которые, не понимая нравственности, пожалуй, его запишутъ даже выше старшихъ. Почемуже послѣднимъ не слѣдовать закону самосохраненія и вмѣстѣ съ тѣмъ не унизить кичливости вы-

скочки? Почему не донести и не доносить почаще инспектору о разныхъ дѣйствительныхъ, а больше мнимыхъ проступкахъ, которые выставлять его въ дурномъ видѣ? Мы чуть не по опыту знаемъ, что въ духовныхъ академіяхъ ведутся иногда подобныя интриги искуснѣе, нежели при иномъ германскомъ дворѣ.

Замѣчая недостаточность или недобросовѣстность явной полиціи, начальники училищъ заводятъ тайную полицію, избирая въ составъ ея такихъ учениковъ иногда въ 10—15 лѣтъ, которые, по ихъ замѣчанію, способные быть переносчиками; и этимъ *маленькимъ Фуше* поручаютъ доносить обо всемъ, что дѣлается или говорится между ищъ товарищами. Иногдаже, встрѣчая слишкомъ щекотливую совѣсть, стараются усыпить ее наградами, обѣщаніемъ своего начальническаго благоволенія, или заставить молчать страхомъ наказанія; тутъ не только глупостей, но даже мерзостей не перечтешь. Издавна уже замѣчено, что шпіоны не нравятся никому; въ военное время ихъ держатъ по неодходимости и платятъ имъ хорошее жалованія, но по окончаніи его, пренебрегаютъ ими. Впрочемъ въ взрослыхъ людяхъ замѣчается еще большая снисходительность къ низкимъ поступкамъ своихъ собратій. Къ этому отчасти побуждаетъ привычка видѣть множество такихъ поступковъ, которые, такъ сказать, притупляютъ нравственное отвращеніе отъ нихъ. Кромѣ того собственное сознаніе внушаетъ многимъ не быть слишкомъ строгими къ другимъ. Корыстолюбіе, честолюбіе, даже простое желаніе заслужить улыбку какого либо

богатаго милостивца, или чиновнаго отца—покровителя очень часто заставляютъ людей въ знакъ своей преданности дѣлать большіе или меньшія низости и нашептывать своему патрону о разныхъ житейскихъ приключеніяхъ, которыя касаются его подчиненныхъ, особенно же враговъ и соперниковъ. Совѣсть, запятнанная подобными поступками, не можетъ не дѣлать владѣльца своего снисходительнымъ къ другимъ. Но если за всѣмъ тѣмъ шпіонство и между взрослыми людьми въ пренебреженіи; то какое мнѣніе о немъ должны имѣть дѣти, которыхъ нравственное чувство не убито еще житейскими расчетами, не ослаблено собственными низостями? Послѣдствіемъ всего этаго въ училищахъ бываетъ какая-то непреодолимая вражда, какое-то глубокое отвращеніе отъ товарищей, заклейменныхъ названіемъ шпіона. Между тѣмъ и послѣдніе отъ разныхъ обстоятельствъ сами себя дѣлаютъ еще болѣе виновными. Непріятности и даже обиды отъ товарищей возбуждаютъ въ нихъ ожесточеніе и чувство мщенія. Сверхъ того они получаютъ постоянное одобреніе своихъ начальниковъ за всякій доносъ; имъ становится понятнымъ, что всѣ милости послѣднихъ зависятъ отъ того только, если они станутъ, какъ можно болѣе, доставлять свѣдѣній о проступкахъ и шалостяхъ своихъ товарищей; а безъ этого все благоволеніе можетъ окончиться. Какъ же не рѣшиться иногда пораскрасить свои разсказы довольно занимательными прибавленіями? Почему иногда даже не придумать какихъ либо небывалыхъ происшествій, если не съ чѣмъ явиться къ своему начальнику? Отъ этого послѣдній получаетъ извѣ-

стія ложныя, и дѣйствуя слишкомъ довѣрчиво къ своимъ тайнымъ полицейскимъ агентамъ, поступаетъ несправедливо съ тѣми, на кого сдѣланъ доносъ; подобныя обстоятельства еще болѣе усиливаютъ взаимную вражду между учениками. Далѣе нельзя же не награждать чѣмъ либо своихъ тайныхъ чиновниковъ; особенныхъ суммъ, какія бываютъ въ распоряженіи настоящихъ полицій, на этотъ предметъ въ училищахъ не назначается; своихъ денегъ тратить начальнику не хочется. Поэтому всѣ награды обыкновенно сосредоточиваются въ томъ, что шпіону приписываются успѣхи и познанія, которыхъ онъ не имѣетъ, а увидавши, что и безъ нихъ его высоко пишутъ въ спискахъ, онъ не заботится о пріобрѣтеніи ихъ; такимъ образомъ по выходѣ изъ училища онъ не только въ нравственномъ, но и въ умственномъ отношеніи стоитъ на самой низшей степени.

Всѣ тайныя и явныя полиціи дѣлаютъ училище не училищемъ нравственности, а какою то фабрикою, въ которой приготовляются съ сознаніемъ, или безъ сознанія, но только приготовляются *отличные субъекты для многихъ пороковъ*, господствующихъ въ обществѣ. Въ нихъ подъ руководствомъ мудрыхъ начальниковъ постепенно, но практически образуются чиновники-взяточники, умѣющіе выставлять черное бѣлымъ, а бѣлое черпымъ, шпіоны, сплетники, льстецы, человѣкоугодники и пр. и пр.; и все это дѣлается едва литолько не потому, что не хотятъ измѣнять прадѣдовскихъ обычаевъ, или жалѣютъ 200 цѣлковыхъ на жалованье нѣсколькимъ лицамъ, которыя бы остановили раз-

витіе дурныхъ качествъ можетъ быть въ 1000 воспитанникахъ. Мы никакъ не забудемъ одного старика, нигдѣ необучавшагося, но въ высшей степени честнаго и правдиваго; онъ отъ души ненавидѣлъ и ученость и ученыхъ, доказывая, что между послѣдними гораздо болѣе низкихъ льстецовъ, угодниковъ, взяточниковъ и пр., нежели между людьми, воспитывавшимися въ домѣ своихъ родителей. Старикъ былъ неправъ; онъ судилъ о просвѣщеніи по училищамъ, только ему извѣстнымъ. Но нельзя не сознаться, что опровергнуть практическія доказательства любимой его темы часто не было возможности.

ГЛАВАЯ ПЯТАЯ.

О нравственно-экономическихъ и экономическо-нравственныхъ распоряженіяхъ въ духовныхъ училищахъ.

Относительно описанныхъ нами сейчасъ недостатковъ нравственнаго училищнаго воспитанія начальники могутъ оправдывать себя тѣмъ, что они какъ бы вынуждены къ этому неудовлетворительнымъ устройствомъ инспекторской части. Лучше, по ихъ мнѣнію, хоть чтобы вовсе никто не надзиралъ надъ учениками, лучше окружать себя шпіонами и узнавать о поведеніи подчиненныхъ чрезъ нихъ нежели, вовсе не имѣть никакихъ свѣдѣній о томъ; лучше вовсе не выпускать учениковъ изъ училищнаго дома

и препятствовать имъ знакомиться съ порядочными людьми, нежели, открыть возможность бывать вездѣ и участвовать въ забавахъ общества и пр. Не станемъ спорить объ истинѣ этихъ мудрыхъ изрѣченій; но и зоилы утверждаютъ, что будтобы много есть недостатковъ нравственнаго училищнаго воспитанія, къ подержанію которыхъ никакая уже нужда не побуждала и не побуждаетъ начальниковъ. Что же касается лично до насъ, то мы рѣшаемся поговорить и объ этомъ съ свойственнымъ намъ безпристрастіемъ стараясь, гдѣ можно, разсматривать вещи съ точки зрѣнія самихъ начальниковъ. Впрочемъ прежде, нежели войдемъ въ подробности столь щекотливаго предмета, находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о заглавіи этой главы; оно для многихъ можетъ показатся страннымъ, объяснимъ его. Изъ замѣчаній нашихъ объ ученой части вы уже знаете, что нѣкоторые начальники училища не только нравственность ставятъ выше всѣхъ ученыхъ занятій, но и стараются послѣднія такъ устроивать, чтобы первая преобладала и развивалась даже тамъ, гдѣ, повидимому, трудно отыскивать сй мѣсто. Такимъ образомъ при обученіи латинскаго и греческаго языковъ заставляютъ собственно для нравственности читать не классическихъ авторовъ, зараженныхъ языческими суемудріями, но писателей четвертаго вѣка, даже нѣмецкихъ и русскихъ латинистовъ; равнымъ образомъ, пріучая молодое поколѣніе укладывать свои мысли въ періоды, хріи, силлогизмы и пр. дають предложенія не свѣтскія, ему понятныя, а высоконравственныя, часто слишкомъ трудныя для понима-

нія. По есть начальники училищъ притомъ едва ли не по всѣмъ вѣдомствамъ, которые съ сознаніемъ или безъ сознанія стремятся къ нравственнымъ цѣлямъ даже и при экономическихъ распоряженіяхъ, такъ чтобы воспитанники въ мукѣ, крупѣ, дровахъ вездѣ и во всемъ встрѣчали нравственные уроки. Какъ же подобныхъ распоряженій не назвать *нравственно-экономическими* или *экономически-нравственными?* На эти-то распоряженія зоилы особенно нападаютъ. Одного опасаемся, какъ бы щекотливые, честные и въ высшей степени добродѣтельные начальники нынѣшнихъ учебныхъ заведеній не обидѣлись нашими словами, не сочли ихъ за личность. По этому осмѣливаемся напомнить, что мы въ этой части рѣшились смѣшать старыя и новыя времена, а если что нибудь возьмемъ изъ современности, то этого не скажемъ никому. И такъ, г.г. нынѣшніе начальники училищъ, не обижайтесь нашими словами, а отнесите ихъ къ давноминувшимъ временамъ; посмотрите, или лучше вообразите, какъ ваши предшественники управляли училищами съ патріархальною простотою, хвалить же, или осуждать ихъ, слѣдовать ихъ примѣру или своимъ собственнымъ правиламъ предоставляемъ самимъ вамъ.

Отдѣленіе первое.

О хозяйственныхъ, ученыхъ и другихъ занятіяхъ учениковъ въ пользу своихъ воспитателей.

Почтенная сѣдая или пыльная (издали сѣдые и покрытые пылью волосы трудно различить между

собою) старина любила, какъ мы уже выше замѣтили, видѣть въ начальникахъ отцовъ или помѣщиковъ, а подчиненныхъ считать семействомъ или крестьянами. Такимъ образомъ и начальники училищъ могли и даже должны были усвоить себѣ который либо одинъ изъ этихъ взглядовъ. Но не смѣшно ли было бы все училище изъ 100, 200 и даже 500 человѣкъ считать своимъ семействомъ? Какъ можно такъ думать? вѣдь и у покойнаго Персидскаго Шаха Магмеда-Али было только, кажется, 80 сыновей. Поэтому начальники училищъ *обязаны уже были* смотрѣть на себя, какъ на маленькихъ помѣщиковъ; — на училище, какъ на вотчину, отъ которой имъ надобно поживиться и нажиться, — на учениковъ, какъ на оброчныхъ крестьянъ, или какъ на домашнюю прислугу, а слѣдовательно (заключеніе самое логическое) и обращаться съ ними, какъ позволяли обычаи поступать помѣщику съ своими крестьянами, — разумѣется, съ нѣкоторыми примѣненіями къ обстоятельствамъ. Тутъ даже была и филантропическая, гигіеническая цѣль. Ученики со временемъ должны были сдѣлаться хозяевами, даже работниками; зачѣмъ же ихъ не пріучить къ работамъ, полезнымъ между тѣмъ отцамъ начальникамъ? Одни умственныя занятія могли слишкомъ разстроить нервную систему и оставить въ недѣятельности мускульную; — почемужке для здоровья не занимать учениковъ физическими трудами? Вотъ и гимнастика!

Въ каждомъ классѣ низшихъ духовныхъ училищъ на каждый день назначалось по одному

или по два ученика, называвшихся *дневальными;* обязанности ихъ были многочисленны; они должны были вымести классъ добытымъ гдѣ либо вѣникомъ (въ видахъ казеннаго интереса метелъ и щетокъ не выдавалось), или своимъ кушакомъ, или платьемъ; нарубить дровъ и истопить классъ, если гдѣ соблюдался обрядъ топленія печей, приготовить достаточное количество розогъ подъ личною своею отвѣтственностію за ихъ добрыя качества, прилагать ихъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ церемоній, къ неисправнымъ своимъ товарищамъ. Во многихъ впрочемъ училищахъ, да едвали не во всѣхъ, на экстренные случаи назначались особые экзекуторы, — ребята здоровые съ крѣпкою рукою и волею. Дневальный также долженъ былъ стоять у двери, смотрѣть чтобы она была приворена и ученики не смѣли выходить безъ разрѣшенія наставника. Вы, нынѣшніе защитники прогресса и гуманности, не сердитесь за подобныя распоряженія. Казенной прислугѣ назначались, какъ увидимъ, другія болѣе почетныя занятія; — потомъ не самому же учителю открыто или подъ полою приносить въ классъ розги, не оставлять же двери растворенною по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; мы напр. помнимъ, какъ начальство въ томъ классѣ, гдѣ мы учились не приняло въ теченіи года никакихъ мѣръ къ усмиренію двери, которая всегда отворялась; наконецъ нельзя же имѣть надзора за входомъ и выходомъ учениковъ. Значитъ учрежденіе дневальныхъ вещь истинно полезная, современная и соблюдавшая казенный интересъ.

Дневальные, посвятивши день общественной службѣ (она вездѣ ставится выше частныхъ интересовъ), въ слѣдующіе дни уже были посвящаемы въ тайны домохозяйства. Явившись съ самаго утра въ квартиру старшаго учителя, иногда даже простоявши у запертыхъ воротъ часа полтора на вѣтру, подъ дождемъ или снѣгомъ, входили прямо въ кухню; и здѣсь мудрая учительша или почтенная кухарка приказывали имъ нарубить и принести дровъ, сходить съ ведромъ или ушатомъ за водою, поставить самоваръ, сбѣгать на рынокъ и пр. и пр. и пр. На слѣдующій день дневальные дежурили у другаго учителя; послѣ уже изъ всѣхъ классовъ у начальника училища; здѣсь такимъ образомъ собиралось человѣкъ шесть и даже осемь, точно также, какъ въ квартирѣ полковаго командира ординарцы являются отъ всѣхъ ротъ. Небольшая разница состояла въ томъ, что въ замѣтно было однообразной одежды; тутъ стояли вмѣстѣ, и нагольный тулупъ, и синяя домашняго сукна, сибирка и чекмень, и затрапезный халатъ; а обувь состояла изъ сапоговъ, лаптей, или лѣтомъ считалась не нужною. Занятія у начальника были тѣже, что и у наставниковъ, только въ большихъ размѣрахъ. Но въ томъ по крайней мѣрѣ мѣстѣ, гдѣ мы дневали, всѣ дневальные должны были ночевать у почтеннаго отца смотрителя. Съ какою цѣлію это дѣлалось, мы и тогда и теперь ни очень понимаемъ; одно развѣ есть правдоподобное объясненіе. Дневальные обязаны были спать или въ передней, или въ сѣняхъ лѣтомъ, или по особому благоволенію и выбору кухарки — на печи въ кухнѣ, ни кроватей, ни постелей —

ничего не было. По этому не хотѣли ли насъ отучить отъ глупой привычки во время сна подъ грѣшное свое тѣло стлать постелю, а подъ голову класть подушки? *Кулакъ подъ голову, да полъ подъ туловище, — вотъ настоящее ложе для грѣшнаго тѣла!* Вы, пыпѣшніе нѣжонки, знакомые, можетъ быть, даже съ тѣми революціонными идеями, которыя называются Errungenschaften 1789 или 1848 года, начисте, чего добраго, бранить почтенныхъ училищныхъ начальниковъ, насъ же тогдашнихъ мальчиковъ, а теперешнихъ стариковъ называть несчастными. За брань начальниковъ мы не вступаемся; браните сколько угодно; они сами умѣли бы и съумѣютъ защитить себя; но несчастными насъ не считайте. Мы, бывало, ждемъ не дождемся не очереди, а счастія быть дневальными. Развѣ несчастіе дня четыре и даже пять не учить уроковъ, не ходить въ классъ, или стоять тамъ только въ качествѣ полицейскаго, не бояться ни экзекутора, ни его орудій? Да это было истинное счастіе, завидное положеніе, даже что-то почетное!

Но описанныя нами занятія принадлежали къ разряду ординарныхъ; между тѣмъ у начальниковъ и у учителей встрѣчались въ году экстренныя потребности; а слѣдовательно и ученикамъ предстояли экстренныя занятія. Напр. выпалъ снѣгъ, и почтеннымъ педагогамъ нѣтъ возможности пройти по двору иначе, какъ только по колѣна въ снѣгу; кому-же расчистить его, даже снести и свести куда нибудь въ другое мѣсто, какъ не ученикамъ? Наступила весенняя оттепель, и весь дворъ оказался подъ

грязью и навозомъ, кому же все собрать это въ кучу и также перетаскать въ другое мѣсто, какъ не ученикамъ? *Природа* по выраженію поэтовъ *развернулась и готова принять въ свои недра сѣмена, которыя послѣ принесутъ обильные плоды* а попросту говоря, наступило время сажать огурцы, капусту, рѣдьку, свекловицу и пр.; — кто же долженъ это сдѣлать у почтенныхъ начальниковъ и наставниковъ? вѣдь не самимъ же имъ работать, не нанимать же какого либо мужика! Неужели не призвать учениковъ и выучить ихъ какъ нужно копать гряды, поливать огурцы и капусту и пр.? Со временемъ они сдѣлавшись хозяевами, воспользуются этими практическими наставленіями. А осенью почему же ихъ не заставить выкапывать картофель, свеклу и рѣдьку, рубить капусту; одного только не понимаемъ, отчего насъ не учили никогда собирать съ грядъ огурцы. Не догадаетесь ли вы, г.г. читатели? А вотъ еще отецъ-начальникъ купилъ себѣ плоть сосновыхъ или березовыхъ дровъ; вѣдь ихъ нужно же вытащить изъ воды и скласть на берегу для просушки. Тутъ, кажется, и говорить нечего, что кромѣ учениковъ никого заставлять не нужно работать. Гидропатія конечно, какъ систематическая метода леченія, началась съ Присница. Но мудрые начальники училищъ издавна уже понимали цѣлебную силу воды. Зачѣмъ же имъ было упускать случай, гдѣ ученики часа три, четыре даже, по самую шею должны были пробыть въ присницевомъ лекарствѣ безъ всякой притомъ платы за леченье? Прекрасное средство для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ! Послѣ, когда дрова просохнутъ,

почему не заставить учениковъ прогулятся между домомъ начальника и берегомъ рѣки, гдѣ дрова сложены, когда разстояніе между мѣстами не болѣе полуверсты? Вѣдь прогулки кто не одобритъ, особенно для людей ученыхъ? По чтобы эта прогулка не наскучила, почему не сказать ученикамъ, чтобы они такъ, ради шутки, играючи, брали по одной или по двѣ плахи и доносили до квартиры почтеннаго начальника? Прогулка останется все таки прогулкою, а дрова съ берега рѣки перенесутся на дворъ начальника безъ всякихъ расходовъ. Вѣдь прекрасно! Кстати тутъ же сказать, какъ любили тогда ученики своихъ начальниковъ. Мы помнимъ одного такого старца. Драгоцѣнное его здоровье по совѣту медика требовало ежедневнаго лѣтомъ купанья въ ваннѣ; вѣдь нельзя же почтенному человѣку вмѣстѣ съ нами купаться на какой либо Окѣ, Волгѣ и пр. У него конечно была и лошадь и даже колодезь на дворѣ; но едва бывало раздается приказъ: *мальчики воды въ ванну*, какъ сейчасъ опрометью бѣгутъ не на рѣку, гдѣ вода испорчена купающимися плебеями, а въ одинъ родникъ саженей за 200—300 и оттуда ведрами живо наносятъ воды для любимаго начальника. Что? найдется ли нынѣ начальникъ, который бы такъ былъ увѣренъ въ любви своихъ воспитанниковъ, что рѣшился бы приказать имъ наносить воды для своей ванны изъ-за 200—300 саженей? Вѣдь никто не рѣшится. Впрочемъ за послѣднее не ручаемся; потому что и нынѣ есть рѣшительные люди.

Но вотъ занятіе (работою его никакъ нельзя назвать), при которомъ начальники вдругъ достигали трехъ

цѣлей доставляли ученикамъ возможность насладиться свѣжимъ лѣснымъ или луговымъ воздухомъ, заняться практическими изслѣдованіями по части ботаники и принести *посильную лепту* на пользу страждущаго человѣчества. Извольте видѣть, въ каждомъ почти городѣ есть что-то въ родѣ аптеки и кто-то въ родѣ медика; далѣе тоже въ каждомъ городѣ есть и больные: наконецъ благопопечительная природа вездѣ противъ болѣзней человѣческихъ производитъ также и нужныя лекарства. На основаніи такихъ глубокихъ соображеній начальники нѣкоторыхъ или лучше нѣкіихъ училищъ въ послѣобѣденные особенно классы съ пасхи до каникулъ посылали учениковъ для собиранія въ окрестностяхъ города цѣлительныхъ травъ, кореньевъ и пр., напр. медуники, буквицы, петрова креста, лапушнаго корня, даже крапивныхъ сѣмянъ, березовыхъ и сосновыхъ почекъ и пр. Все это относилось къ медику или аптекарю, какъ спеціалистамъ, которые съумѣютъ сдѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе. Прекрасно; и больные съ лекарствами, и ученики освѣжились благорастворенным воздухомъ; и медикъ лечитъ даромъ отца-начальника; и аптекарь безъ денегъ отпускаетъ послѣднему лекарства. Учениковъ же больныхъ не пріучали слишкомъ къ лекарствамъ, зная, что юная ихъ натура сама въ себѣ обязана находить цѣлебную силу противъ всѣхъ болѣзней. Конечно при собираніи цѣлебныхъ травъ и корней не обходилось иногда безъ непріятностей; то нужно было по поясъ въ болотѣ рвать трефоліумъ: то невѣжливый дождь промачивалъ молодыхъ ботаниковъ до костей; то еще болѣе невѣжливые мужики чуть

не дубьемъ прогоняли ученое молодое поколѣніе, потому будто бы, что оно притаптываютъ траву на лугахъ; то надобно было итти не только за 5, но даже за 10 верстъ и потомъ опять назадъ возвращаться съ разбитыми ногами. Но были еще чувствительнѣйшія непріятности. Надзоръ большею частію въ такія ботаническія экскурсіи поручался старшему, который для приданія важности своей особѣ окружалъ себя чѣмъ-то въ родѣ штаба изъ любимыхъ товарищей; этому-то старшему и нужно было отдавать ботаническія пріобрѣтенія. Между учениками нѣкоторые не хотѣли или не успѣвали набрать столько травъ и кореньевъ, сколько было приказано. Что же? Развѣ надобно потакать такимъ лѣнтямъ? И вотъ раздаются голоса изъ штаба, расположившагося гдѣ либо на полянѣ; ботанисты сходятся на призывный кличъ и сталпливаются кучками. Въ это время догадливѣйшіе изъ штаба вырѣзываютъ съ ближайшихъ березъ вѣтви пожиже, очищаютъ ихъ отъ листьевъ, связываютъ въ пучки, которыми предъ глазами собравшихся ботанистовъ разсѣкаютъ воздухъ. Начинается перекличка; вызванный кладетъ свои ботаническія пріобрѣтенія и отходитъ цѣлъ и невредимъ, если количество ихъ удовлетворительно; въ противномъ случаѣ *по манію* старшаго штабскіе пучками вырѣзанныхъ вѣтвей научаютъ, какъ надобно заниматься ботаникою. Впрочемъ это не очень часто случалось, да притомъ ученикамъ не за что было сердиться; въ классѣ, можетъ быть, ихъ больше бы пересѣкли, притомъ въ душной комнатѣ, на жестокомъ полу, увядшими вѣтвями. Почему же не до-

ставить имъ случая испытать эту операцію подъ открытымъ небомъ, на пушистомъ дерновомъ лугу, при помощи самыхъ свѣжихъ вѣтвей? Въ эти экскурсіи иногда отправлялись сами начальники съ семействами и знакомыми, гуляли по лѣсу, купали чай подъ навѣсомъ какой либо ели или сосны, позволяли себѣ и другія наслажденія, слушали пѣсенниковъ и пр. Отъ старости или дневныхъ трудовъ предъ возвращеніемъ въ городъ многіе какъ-то поослабѣвали; по этому взрослые ученики удостоивались чести поддерживать ихъ до самой квартиры. Эти экскурсіи были настоящимъ праздникомъ для учениковъ; сборъ травъ не очень строго осматривался; а главное на слѣдующій день ученики увольнялись отъ уроковъ, можетъ быть потому, что иногда возвращались часу въ 12-мъ ночи. Другіе праздничные дни бывали, когда лекарь или аптекарь, получивши огромный запасъ буквицы и т. п., давалъ человѣкъ на 100 четвертакъ и даже полтинникъ; тогда покупались калачи и каждый получивъ кусокъ одного изъ нихъ, былъ въ восторгѣ отъ такой милости.

Всѣ описанныя нами хозяйственныя и ученыя работы преимущественно были поручаемы ученикамъ низшихъ училищъ. Но естественно спросить; было ли что либо подобное въ среднихъ заведеніяхъ хотя одного вѣдомства, и еще: продолжается ли нынѣ старинный обычай? Вопросы, какъ видите, очень деликатнаго качества, поэтому мы хочемъ напередъ свои отвѣты обезопасить отъ нареканія. Нынѣшнее поколѣніе т. е. западнаго человѣчества, гордится тѣмъ, что изучаетъ и изучило многое множество законовъ

природы и особенно командуетъ ими, какъ какой либо капитанъ своею ротою; изъ православныхъ русаковъ нѣмногіе дерзаютъ на такія гордыя притязанія. Но за то мы опять русскіе, особенно во времена, предшествовавшія нашимъ, не только уважали законы природы, но даже благоговѣли предъ ними; дѣйствовать противъ нихъ мы ни за что не рѣшились бы и не рѣшаемся. Такъ неужели можно думать, чтобы добрые и высокопочтенные начальники хоть бы напр. духовныхъ училищъ, не всѣ конечно, —гдѣ нѣтъ исключеній?) — дерзнули пренебречь тѣмъ *закономъ постепенности*, о которомъ мы уже не разъ говорили? На основаніи этого закона, примѣненнаго къ учащемуся человѣчеству, если учениковъ до 15 лѣтъ заставлялй для начальниковъ сажать капусту, рыть гряды, рубить дрова и пр., то неужели надобно ихъ потомъ вдругъ уволить отъ всѣхъ обязательствъ помогать своимъ наставникамъ и начальникамъ въ житейскомъ быту? Да и чѣмъ счастливы только педагоги низшихъ училищъ? Почему начальникамъ среднихъ и даже высшихъ училищъ, напр. семинарій, отказать въ правѣ требовать услугъ отъ своихъ подчиненныхъ? Нужно только нѣсколько измѣнить формы, въ которыхъ проявляется услужливость благодарныхъ питомцевъ. Послѣ этого можно-ли думать, чтобы всѣ мудрые начальники училищъ старинныхъ, а можетъ быть, и нынѣшнихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, оказались бунтовщиками противъ законовъ природы, не стали соблюдать особенно закона постепенности? Нѣтъ, мы на такую клевету никакъ не рѣшимся. И вотъ теперь, какъ нарочно,

пришло намъ на память происшествіе въ подтвержденіе нашей мысли. У одного нашего высокаго начальника нужно было въ дому разломать допотопное некрасивое крыльцо, величиною въ порядочный домъ, крыльцо и еще какое-то строеніе тоже допотопное сломали; мусоръ и кирпичи смѣшались; нужно было ихъ раздѣлить другъ отъ друга; первый переносить въ садъ на дорожки; а послѣдніе сложить въ прямоугольные параллелопипеды. Работа была многосложная и требовала знакомства съ геометрическими фигурами (ведь о параллелопипедахъ говоритъ геометрія); поручить ее грубымъ каменьщикамъ или поденьщикамъ никакъ не слѣдовало. Начальникъ главный, начальники не главные сейчасъ догадались, какъ поступить; въ одинъ день все ученое молодое сословіе съ 9 до 20 и болѣе лѣтъ гурьбою сотъ въ семь или осемь человѣкъ явилось предъ кучею кирпича и мусора; тутъ были и грамматики, и историки, и риторы, поэты, философы и пр.; все соединилось въ общемъ усердіи. Кучи уменьшались, параллелопипеды росли, какъ грибы изъ земли, дорожки засыпались щебнемъ, работа кипѣла; и чрезъ нѣсколько дней дворъ сталъ чистъ, садъ убранъ, кирпичь для новыхъ работъ готовъ. Въ томъ же мѣстѣ начальники были любителями рыбнаго стола; но рыба, пойманная мужиками, осквернённая прикосновеніемъ ихъ грязныхъ рукъ, не нравилась, вѣроятно, ихъ высокопрепочтенствамъ. И вотъ, бывало, молодое ученое поколѣніе въ числѣ 100 и болѣе человѣкъ отправляется съ огромнымъ неводомъ, не рѣдко и съ самими начальниками, избираетъ озеро, протягиваетъ неводъ

чрезъ него и принимается за труды. Ловля бывала чудесная; иногда налавливали пудовъ до пяти; тогда добрые начальники отдѣляли своимъ подчиненнымъ даже фунтовъ 10 и 20 мелкой рыбы, которой сами не изволили кушать. Конечно луга окрестные немного притаптывались, грубые мужики, увидавши издали собраніе, первоначально бѣжали съ какими-то злыми намѣреніями и крикомъ; но подбѣжавши поближе и замѣтивши, что рыбаки не простые люди, а ученые, даже подъ начальствомъ ученыхъ же начальниковъ, мужики были поражаемы величіемъ сцены, и останавливались гдѣ либо подальше отъ собранія. Видите, даже грубый, неотесанный мужикъ не могъ защитить себя отъ удивленія. Много бы можно было прибавить еще примѣровъ, но и приведенныхъ достаточно для убѣжденія, что начальники не однихъ низшихъ училищъ въ недавнія даже времена соблюдали строго законъ постепенности; о примѣненіи его иногда къ совершенно взрослымъ воспитанникамъ скажемъ еще ниже.

Соблюдается ли въ нынѣшнихъ училищахъ законъ постепенности? Къ сожалѣнію во многихъ вовсе забытъ; начальники ихъ, пропитанные идеями иноземными, перестали смотрѣть на своихъ воспитанниковъ съ патріархальной или феодальной точки зрѣнія; обременяютъ ихъ голову только разными науками, но къ хозяйству практически вовсе не пріучаютъ. Къ счастію ревнители старины еще не перевелись у насъ (да и когда они переведутся?); *и теперь есть училища, которыхъ начальники строго соблюдаютъ законъ постепенности.* Вотъ недавно два

нашихъ молодыхъ родственника въ 12 лѣтъ возвратились съ запачканными въ землѣ руками.—Что это такое вы дѣлали? спросили мы съ неудовольствіемъ. —Лапушные корни рыли, дѣденька, отвѣчали они, кажется, тоже безъ удовольствія.—За чѣмъ это? спросили мы. Развѣ торговать хочете? — Нѣтъ, отвѣчали плутишки, нахмуривъ брови; намъ велѣно отъ отца смотрителя нарыть, нанизать и насушить ихъ по фунту. — Да зачѣмъ это? мы еще спросили. — А мы почему знаемъ, мы нарыли, станемъ рѣзать, низать (пожалуйте намъ нитокъ), да сушить. Далѣе нынѣ именно что-то рано убѣжалъ одинъ изъ этихъ же внуковъ въ классъ.—Зачѣмъ ты рано нынѣ ушелъ? спросили мы его по возвращеніи.— Да какъ же? обидѣвшись, отвѣчалъ намъ внукъ, я нынѣ дневальный, надобно было подмести классъ.—Да, какъ угодно, а мудрый законъ постепенности еще соблюдается; еще есть ревнители старины; вѣрно еще не скоро переведутся.

Другіе впрочемъ начальники стараются старыя преданія облечь въ новыя формы, которыя, по ихъ мнѣнію, ближе къ совершенности. Заставить учениковъ работать гдѣ либо на дворѣ, въ саду, на улицѣ и пр. значитъ обратить на нихъ общее вниманіе; пожалуй увидитъ жандармскій штабъ-офицеръ, который вовсе отсталъ отъ старыхъ преданій. Догадливые начальники распоряжаются иначе. Имъ нужно что нибудь написать, переписать, выписать и пр., а ученикамъ ихъ также необходимо выучиться писать хорошимъ почеркомъ. И вотъ, преимущественно, разумѣется, на основаніи послѣдней причины, начальникъ отдаетъ тетрадки, тетради, даже тетрадищи, также

книжонки, книги и книжицы; а ученики пишутъ, списываютъ, выписываютъ. Многіе начальники, отдавая матеріалъ для письма, даже спрашиваютъ: *а что сколько тебѣ надобно за листъ?* и не дождавшись отвѣта, говорятъ: *ну, хорошо, сочтемся.* Когда же принесутся переписанные листы, то начальникъ или забудетъ о расчетѣ по причинѣ множества дѣлъ, или не выйдетъ по тому же самому обстоятельству, или и выйдетъ, поблагодарить (замѣтьте начальникъ благодарить ученика!) и опять скажетъ: *сочтемся еще.* Но мы знаемъ случай, гдѣ начальникъ одной изъ академій старыя преданія облекъ въ такія современныя формы, что сквозь послѣднія даже трудно разглядѣть первыя. Начальникъ истинный артистъ въ этомъ отношеніи любилъ только занимать воспитанниковъ ученою работою. Прямо этой работы не не опишемъ, а объяснимъ примѣромъ, относящимся отчасти къ Индіи. Положимъ, что въ ваши руки попалось болѣе 100 книгъ in folio съ индѣйскою или лучше санскритскою мудростію, и вамъ бы захотѣлось не болѣе, какъ мѣсяца въ два или три, составить статьи о браминской философіи, юриспруденціи, теологіи и пр., содержащихся въ этихъ книгахъ. Вы, вѣроятно, бы ужаснулись предъ громадностію этого труда. Но нашъ начальникъ обдѣлалъ бы его, кажется, очень легко для своей особы; онъ роздалъ бы по книгѣ каждому изъ воспитанниковъ и приказалъ бы читать ихъ и имѣть предъ собою столько тетрадей, сколько должно быть разнообразныхъ статей по части индейской мудрости. Въ тетрадяхъ были бы особы, отдѣлы, напр. по юриспруденціи, о законахъ

уголовныхъ, семейныхъ, наслѣдственныхъ. Въ каждый изъ этихъ листовъ воспитанникъ, читавъ книгу, вписывалъ бы тѣ мысли, которыя обратили на себя его вниманіе. Послѣ этой предварительной черной работы, лучшимъ воспитанникамъ нашъ начальникъ поручилъ бы по собраннымъ листикамъ составить отдѣлы наукъ, напр. одному о законахъ гражданскихъ и пр. Затѣмъ уже или отличнымъ воспитанникамъ или даже наставникамъ отдана была бы для пересмотра каждая наука особо. Наконецъ послѣ окончательной передѣлки все было бы чисто переписано, разумѣется, воспитанниками, представлено начальнику; протиталъ ли бы онъ или нѣтъ, объ этомъ знала бы его совѣсть; но уже непремѣнно отдалъ бы въ печать и издалъ, какъ свое произведеніе. Не удивилась ли бы вся Европа, Америка и даже Индія, когда бы узнали, что изданы такимъ-то брамінскія философія, юриспруденція, теологія и пр., извлеченныя болѣе, нежели изъ 100 книгъ съ цитатами, съ указаніями на страницы? Рѣшительно все бы удивилось; вѣдь въ какихъ либо три мѣсяца одному человѣку даже прочитать 100 книгъ нѣтъ никакой возможности. Вотъ въ какихъ формахъ проявляется идея о практическомъ примѣненіи закона постепенности въ новѣйшихъ училищахъ!

Но теософическая мудрость Индѣйцевъ принадлежитъ все-таки существеннымъ образомъ востоку, а не Европѣ, не нашему любезному отечеству, по крайней мѣрѣ не въ немъ получила свое начало, а перенесена и переносится издали. Съ другой стороны нынѣшній реальный вѣкъ не слишкомъ расположенъ

къ теологіи даже индѣйской. Руководствуясь по всей вѣроятности *сими и оными* соображеніями и желая итти вровень съ вѣкомъ, нѣкоторые мудрые начальники любятъ занимать своихъ питомцевъ сообразно съ потребностями настоящаго времени. Напр. положимъ, что почтеннѣйшему начальству пришла мысль составить статистическое, историческое, агрономическое описаніе всѣхъ селъ и церквей въ цѣлой какой либо епархіи. Сами посудите, не ѣздить же почтеннѣйшей особѣ по всѣмъ селамъ? Не рыться же ей во всѣхъ церковныхъ бумагахъ? Не ниспускаться же въ подземныя архива консисторскаго? Можно сдѣлать дѣло иначе, безъ обремененія для себя, а главное дѣло съ пользою для учениковъ. И вотъ отдается приказъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ семинаріи, чтобы каждый ученикъ описалъ свое село и церковь во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; и такимъ образомъ въ нѣсколько дней въ кабинетъ начальника поступаетъ вся статистика, исторія, археологія и пр. цѣлой епархіи. Его милости остается только иное выпустить, другое поприбавить, особенно по части благочестивыхъ изрѣченій, патріотическихъ возгласовъ, тонкихъ намековъ на нечестіе современниковъ и непростительное равнодушіе къ древностямъ и пр.; смотришь — живо является археологическое, статистическое, агрономическое описаніе по частямъ или въ цѣломъ *сей епархіи*.

Добрые и обязательные начальники *нѣкіихъ* училищъ умѣютъ доставлять не только воспитанникамъ случаи услужить ихъ высокостепеннымъ особамъ какими либо своими трудами. Былъ въ одной

а.....іи ректоромъ ученѣйшій мужъ, про котораго шла молва, что онъ все знаетъ, всѣ естественныя и физическія науки, всѣ возможныя исторіи и языки, все, все безъ исключенія, а главное онъ за все брался безъ всякой остановки. Вообразите, что однажды требовалось рѣшить, можноли дозволить ввезти въ наше любезное отечество одну опасную книгу, извѣстную подъ названіемъ библіи на италіанскомъ языкѣ? Рѣшеніе этого вопроса предоставлено было то а.....и, которой начальникомъ былъ ученѣйшій мужъ; къ несчастію ни онъ, и ни одинъ изъ его подчиненныхъ не зналъ италіанскаго языка. Но изъ желанія поддержать честь училища почтеннѣйшій начальникъ принялъ на себя трудъ разсмотрѣть италіанскую библію, разсказалъ всѣмъ, что рѣшился выучиться италіанскому языку; въ три дня изъ введенія къ ней, написаннаго на французскомъ языкѣ, узналъ, что она переведена не съ *вулгаты* и не съ текста семидесяти толковниковъ, а прямо съ еврейскаго текста. И на этомъ основаніи на четвертый день представлено мнѣніе, что такую безбожную книгу, какъ библія на италіанскомъ языкѣ, переведенная съ еврейскаго текста, не слѣдуетъ впускать въ Россію; разумѣется мнѣніе ученѣйшаго мужа было принято, и наше любезное отечество спасено было отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, которыя бы повлекло за собою появленіе этой книги. Но извините, что мы забыли цѣль своего разсказа и нѣсколько удалились отъ предмета, впрочемъ своимъ эпизодомъ показали вамъ г.г. читатели, что за геніально-изобрѣтательный человѣкъ былъ нашъ почтеннѣйшій начальникъ. *Сей*

то ученѣйшій мужъ могъ ли, разумѣется, отказаться отъ разсмотрѣнія книгъ по физикѣ и соприкосновеннымъ съ нею наукамъ? Какъ не блеснуть своими всесторонними свѣдѣніями предъ высшими властями? Въ то время вышла въ свѣтъ какая-то книга по физикѣ, едвали не метеорологія Кемтца, переведенная Спасскимъ. Высшее начальство думало поручить разсмотрѣть ее какому либо профессору физики. Но ученѣйшій мужъ отклонилъ это распоряженіе и взялъ все на отвѣтственность своей собственной особы. Вмѣстѣ съ этимъ, вѣроятно, желая узнать, понимаетъ ли дѣло свое подчиненный ему профессоръ физики, онъ поручилъ ему прочитать книгу и предоставить письменное свое мнѣніе о ней. Профессоръ принадлежалъ къ тѣмъ простякамъ, которые ни за какое дѣло не берутся шутя, написалъ подробную рецензію и представилъ на усмотрѣніе. Его В—ія начальникъ *изволили* кивнуть головою ученому труженику, даже сквозь зубы пропустили нѣсколько словъ и .... какъ бы вамъ сказать? ... рецензію профессора поручили письмоводителю переписать, разумѣется, какъ собственное произведеніе его начальническаго пера; этимъ, по всей вѣроятности, *они* думали освѣтить или освятить труды профессора. Удачный опытъ поощрилъ Его В—ія къ дальнѣйшимъ подвигамъ; профессору было поручаемо и послѣ разсмотрѣніе разныхъ книгъ. Наконецъ и этотъ простякъ понялъ, что онъ трудится для другаго и и потому рѣшился написать ужъ такую рецензію, которая бы даже самымъ неопытнымъ людямъ показала, что ее составляли не какой либо аматёръ или

фанфаротъ, а спеціалистъ науки. Начальникъ понялъ ловушку, поручилъ было профессору сократить рецензію; но упрямецъ отказался отъ этого; и почтенный начальникъ принужденъ былъ представить рецензію, какъ произведеніе своего подчиненнаго. Но въ наказаніе за упрямство и злыя намѣренія профессора не сталъ болѣе поручать ему ничего; и лишилъ его своего начальническаго благоволенія.

Отдѣленіе второе.

О взаимной благодарности между воспитателями и отцами дѣтей, воспитывающихся въ училищахъ.

Если вы, г. читатель, человѣкъ семейный; то, конечно, съ нами согласитесь, что за образованіе какъ нравственное, такъ и ученое должны быть благодарными не только воспитываемыя дѣти, но, можетъ быть, еще болѣе ихъ отцы. Въ самомъ дѣлѣ не наслажденіе ли, не блаженство ли для родителей, когда ихъ дѣти, какіе либо деревенскіе пентюхи, возвращаются къ нимъ преисполненными, даже переполненными ученостію и нравственностію? И какъ за такія благодѣянія отцамъ не быть благодарными къ учителямъ, и особенно къ начальникамъ? Но изъ иѳики извѣстно, что благодарность, какъ и всякая другая добродѣтель, тогда только имѣетъ право присвоить себѣ это титло, когда выразится какимъ либо внѣшнимъ дѣйствіямъ; вѣдь душевнаго нашего расположенія, внутреннихъ чувствъ не разсмотритъ

самъ Эренбергъ лучшими микроскопами Плесля, Шика, Амичи, Мерца, Кельнера и пр. Съ другой стороны также нѣтъ внушаетъ, что изъ уваженія къ нравственности всякій, особенно почетный человѣкъ, обязанъ напоминать всякому, особенно недогадливому объ исполненіи нравственныхъ обязанностей; даже упрямыхъ грѣшниковъ должно ставить въ такое положеніе, чтобы они невольно были благодарными. Вотъ отчего нынѣшній образованный вѣкъ пересталъ называть взятки *взятками*, а даетъ имъ названіе: *благодарности!* Начальники низшихъ духовныхъ училищъ давно это понимали и точно ставили отцовъ своихъ питомцевъ въ такое положеніе, что имъ нельзя было быть неблагодарными. Дѣло начиналось а, можетъ быть, и начинается нынѣ даже съ самой отдачи мальчика въ училище. Нельзяже его принять просто, наглядно, безъ всякихъ церемоній и обрядовъ. Но деревенскіе и даже городскіе жители никакъ не умѣютъ вовремя привести и надлежащимъ образомъ приготовить дѣтей въ училище. Какъ бы почтенный смотритель училища ни былъ милостивъ и снисходителенъ, мальчикъ всегда окажется слишкомъ торопливымъ или медленнымъ читакою и пр., и пр. Отецъ, увидавши столько недостатковъ въ своимъ сынѣ, разумѣется, будетъ упрашивать смотрителя, и по добротѣ души послѣдняго всегда упроситъ его принять сына, и за это снисхожденіе, не можетъ не выразить своей благодарности какимъ либо бумажнымъ или серебрянымъ доказательствомъ, но никакъ не мѣдянымъ. Если же отецъ человѣкъ почетный, то смотритель самъ тоже почетный съумѣетъ

почтить его чаемъ или чѣмъ либо другимъ. Облагодѣтельствованный и вмѣстѣ обласканный папенька не можетъ же быть нечуствительнымъ къ такому вниманію и тоже поблагодарить. Но многіе папеньки, особенно сельскіе по необразованности своей никакъ не умѣютъ понять различіе между взяткою и благодарностію; поэтому, приведя своихъ дѣтей къ смотрителю для пріема въ училище, не только не находятъ нужнымъ, но даже отказываются благодарить, когда имъ напомнятъ объ этомъ. Упрямцы иногда осмѣливаются говорить, что мы привозимъ дѣтей учиться на основаніи изданнаго при покойномъ Императорѣ Александрѣ I^мт^ указа, которымъ всѣ священно и церковно-служители обязываются отдавать своихъ сыновей въ училище. Впрочемъ и начальники находчивы въ такихъ случаяхъ; мы, какъ старый человѣкъ, хочемъ и примѣръ представить изъ старыхъ временъ. Одинъ смотритель, котораго мы имѣли честь знать, въ этомъ случаѣ обыкновенно говаривалъ: „какъ, да развѣ мы это считаешь взякою? Вѣдь всѣ деньги, которыя я требую, пойдутъ такъ или иначе на твоего же сына. Знаешь ли, сколько на него испишется бумаги и истратится чернилъ и перьевъ, пока онъ станетъ учиться? Вотъ я теперь отрапортую объ его пріемѣ моему начальству, которое доноситъ о томъ своему; потомъ надобно будетъ твоего сына писать въ спискахъ, пересылать ихъ по почтѣ и пр. Да развѣ это стоитъ пяти или десяти рублей? Чудный ты человѣкъ! — не понимаешь столь простой вещи.“ И вразумленный папенька развязываетъ кошелекъ и платитъ требуемую сумму.

Успѣхи отъ этихъ практическихъ уроковъ оказываются очень благодѣтельными; большая часть отцовъ нынѣ уже знаютъ, чѣмъ начинается пріемъ дѣтей въ училище и благодарность свою предпосылаютъ самому благодѣянію. Вотъ что значитъ умная настойчивость! Особенно же въ училищахъ, помѣщенныхъ въ губернскихъ городахъ, благодѣтельность начальниковъ имѣетъ много случаевъ обнаруживаться. Въ этихъ городахъ у большей части отцовъ бываетъ или братъ, или сватъ, или сынъ и племянникъ и пр.; которые могутъ имѣть надзоръ за новымъ рекрутомъ по ученой части. Такимъ образомъ чуть не съ цѣлой губерніи отцы готовы привозить своихъ дѣтей въ столицу ея. Нельзя же этого безусловно позволить всякому; иначе нужно закрыть всѣ училища въ уѣздныхъ городахъ. Тутъ уже предоставляется проницательности смотрителя угадывать, кого именно изъ отдаленныхъ уѣздовъ принимать въ губернское училище; и, разумѣется, отцы принятыхъ дѣтокъ не могутъ оставаться равнодушными къ оказанному для нихъ предпочтенію. Только въ это дѣло некстати вмѣшивается иногда правленіе семинарское; Богъ знаетъ для чего, оно предписываетъ смотрителю принимать въ свое училище изъ одного или двухъ уѣздовъ, и пріемъ прочихъ мальчиковъ предоставляетъ себѣ. Вотъ какъ иногда высшее начальство притѣсняетъ подчиненныхъ! Мы слыхали жалобы не одного смотрителя на такія распоряженія Пр-ній скихъ. Впрочемъ, смотрители, кажется, не лишены бываютъ благодарности, можетъ быть, не такъ полновѣсной, но все таки благодарности. Вѣдь

знаютъ, что смотритель будетъ начальникомъ ихъ дѣтей и не захотятъ быть злодѣями послѣднихъ.

Но самое воспитаніе и обученіе мальчиковъ безъ всякаго сомнѣнія труднѣе, нежели пріемъ ихъ въ училище. Но этому отцы не должны забывать благодарности и въ дальнѣйшія времена, притомъ не къ однимъ начальникамъ, но и къ учителямъ. Благодарность эта выражается многоразличными способами и въ разное время. Нерѣдко произведенія растительнаго и животнаго царствъ, такъ обильныя въ деревняхъ, служатъ проявленіемъ ея; четверть муки, осмина гречневыхъ крупъ, пара поросятъ, индѣйка, гусь, даже возъ сѣна или дровъ и пр. все — все можетъ быть принимаемо и принимается, какъ доказательство благодарности. Опасаясь слишкомъ большимъ избыткомъ сельскихъ произведеній обременить почтенныхъ начальниковъ и учителей, догадливые папеньки снабжаютъ ихъ предметами городской промышленности, напр. сахаромъ, чаемъ и пр. Иногда-же незная, какъ угодить вкусу благодѣтелей, предоставляютъ самимъ имъ покупать что нужно, и потому жертвуютъ, по благому своему усмотренію, рублями и т. д. Все это совершается въ благоустроенныхъ училищахъ по окончаніи или въ началѣ третей года, когда папеньки за дѣтками или съ дѣтками являются въ городѣ. Но есть экстраординарный случай, при которомъ всѣ папеньки особенно любятъ выражать преданность и благодарность къ начальникамъ своихъ милыхъ птенцовъ; случай этотъ на школьномъ языкѣ извѣстенъ подъ названіемъ *перевода изъ класа въ классъ*. Вѣдь обстоятельства

такъ могутъ устроиваться, что рѣдкаго ученика нельзя оставить въ томъ же классѣ, или не перевести въ другой и чрезъ то избавить отца отъ содержанія своего дѣтища лишнихъ два года. Какъ же теперь не поблагодарить добрыхъ и почтенныхъ начальниковъ и наставниковъ, если они не то, что переведутъ, а чуть не перенесутъ кого либо въ другой классъ. Истинные благодѣтели! При переходѣ же изъ низшихъ училищъ въ семинаріи еще болѣе нужна благодарность потому что нынѣ, какъ выше сказано, въ послѣднія переводится только опредѣленное количество воспитанниковъ. Тутъ за одну честь получить дозволеніе свозить сына изъ уѣзднаго города въ губернскій и представить его предъ взоры еще болѣе ученыхъ начальниковъ — къ какой благодарности не прибѣгнешь? И точно, не вездѣ конечно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отцы умѣютъ оцѣнивать оказанныя имъ съ дѣтьми благодѣянія. Русскій человѣкъ всегда отличался благодарностію; только недальновидные начальники, или находящіеся подъ вліяніемъ идей иностранныхъ, не умѣютъ пользоваться ею; объ этомъ впрочемъ мы говорили уже.

Но начальники училищъ тоже люди благодарные; они понимаютъ, что *долгъ платежомъ красенъ* и находятъ необыкновенно оригинальные способы выражать свою благодарность. Извините, если мы не станемъ описывать всѣхъ формъ; въ которыхъ проявлялось и проявляется начальническое благоснисхожденіе къ отцамъ учениковъ; такое дѣло потребовало бы слишкомъ много времени; мы для примѣра укажемъ на одну, которая употреблялась из-

вѣстнымъ намъ высокопочтеннымъ смотрителемъ. Многіе отцы учениковъ по излишней ли скромности или изъ опасенія обезпокоить особу отца-начальника своимъ визитомъ каждый разъ, какъ пріѣзжали въ городъ, не являлись къ нему для того, чтобы узнать объ успѣхахъ и благонравіи своихъ дѣтокъ. Квартира почтеннаго начальника была близъ рынка, по которому онъ и самъ любилъ прогуливаться для наблюденій; поэтому неудивительно, что многіе изъ скромныхъ и робкихъ папенекъ попадались ему. „Какъ, восклицалъ добрѣйшій начальникъ при такихъ встрѣчахъ, ты здѣсь, а еще у меня не былъ, не спросилъ, хорошо ли живетъ и учится твой сынокъ; пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ, да кстати мы отдохнешь и напьешься чайку у меня.“ Отказаться не было возможности; приходили, садились, наконецъ являлся и самоваръ. Начальникъ, какъ вдовецъ, любилъ самъ распоряжаться чаепригтовленіемъ, бралъ чайницу и сахарницу, въ которыхъ большею частію оказывалось и чаю и сахару почти только на этотъ разъ. Выкушавши по нѣскольлу чашекъ, принимались за полуштофъ съ кизлярскою водкою или за бутылку съ ромомъ; и тутъ всегда оказывалось, какъ выражался почтенный смотритель, *на исходѣ израилевѣ;* но съ свойственною ему тонкою деликатностію прибавлялъ: „охъ! чаекъ, сахарокъ, или водочка всѣ вышли; ну, да на теперешній разъ какъ нибудь достанетъ.“ Зная, что гостю нужно еще походить по рынку, отецъ-начальникъ долго его не удерживалъ, но при разставаньѣе непремѣнно обязывалъ пожаловать къ нему вечеромъ, — замѣтьте *непремѣнно.* Само

собою, какъ не воспользоваться такимъ радушіемъ? Но и гости съ своей стороны бывали тоже не безъ догадливости; они уже видѣли, что чай, или сахаръ, или водочка, или даже все было *на исходѣ израиля;* опасаясь поставить гостепріимнаго хозяина въ затрудненіе, являлись уже къ нему не съ одною своею особою, а или съ фунтомъ чайку, или съ бутылочкою ромку; разумѣется, тутъ же происходила и проба принесенныхъ вещей. Несмотря на это натріальхальное гостепріимство, деревенскіе жители оставались застѣнчивыми и робкими; бывало, завидѣвши отца-смотрителя, укрывались, подобно своимъ дѣтямъ, гдѣ либо за возомъ, угломъ и т. п. Что дѣлать? образованность и свѣтскость не скоро еще разольются во всѣ закоулки нашего отечества.

Добрѣйшіе начальники, особенно духовныхъ училищъ не хотѣли оставаться въ долгу и у учениковъ. Во время практическихъ занятій по сельскому и домашнему хозяйству въ домахъ и огородахъ своихъ патроновъ мальчики безъ препятствія могли вытаскивать изъ колодезей цѣлыми бадьями воду, не только пить ее, но даже обливать ею свои головы; при продолжительныхъ же работахъ ползовались иногда квасомъ, даже получали по куску хлѣба и пр. Впрочемъ все это не болѣе, какъ частности; между тѣмъ существуетъ издавна и доселѣ сохраняется особая форма для выраженія начальническаго благоволенія къ ученикамъ, форма, о которой училища прочихъ вѣдомствъ и понятія не имѣютъ; чего добраго, она скоро будетъ оставлена вездѣ по причинѣ распространяющагося неуваженія къ старинымъ школь-

нымъ преданіямъ. Вотъ почему мы и хочемъ описать ее съ нѣкоторою подробностію.

Вы, г.г. читатели, знаете, что мѣсяцъ Май принято считать самымъ лучшимъ временемъ въ году; не даромъ же его называютъ *благодатнымъ*, а воздухъ, которымъ тогда дышемъ, *благовоннымъ, ароматнымъ, бальзамическимъ*. Какъ же теперь добрѣйшимъ начальникамъ духовныхъ училищъ не позаботиться о томъ, чтобы воспитанники наслаждались этимъ благорастворенным воздухомъ не въ душныхъ классахъ, не за таблицею умноженія, не за формаціями глаголовъ латинскихъ и греческихъ, даже не за хріями; — а подъ открытымъ небомъ, на чистомъ дворѣ, на зеленомъ лугу, или въ тѣнистой рощѣ. Въ надеждѣ на эту доброту лучшіе ученики въ сопровожденіи пѣвчихъ часу въ осьмомъ утра являются въ извѣстные дни Мая мѣсяца въ сѣни, переднюю, а иногда и предъ окна квартиры своего начальника и общимъ хоромъ начинаютъ пѣть: reverendissime pater, nostrarum musarum Rector carissime, rogamus a te recreationem (т. е. *достоуважаемѣйшій отецъ, дражайшій ректоръ нашихъ музъ, просимъ у тебя рекреаціи*, спрѣчь отдохновенія). Начальники большею частію бываютъ меломанами; по этому имъ нельзя отказать себѣ въ удовольствіи выслушать не одинъ разъ: reverendissime; а ученики, сообразуясь со вкусомъ патроновъ и опасаясь наскучить монотонностію, распѣваютъ свое пѣснопѣніе разнообразнѣйшимъ образомъ; стоя вблизи, вы услыхали бы и allegro и andante piano; crescendo и даже forte-piano. Наконецъ двери или окно отверзаются; до-

брѣйшій начальникъ даетъ рекреацію; благодарные ученики поютъ: *многая-льта.* Но этотъ финалъ не всегда оканчивается, особенно въ низшихъ училищахъ такъ, какъ слѣдовало бы. Ученики, заслышавъ его, большею частію бѣгутъ, хватаютъ свои фурашки, книжонки, вырываются изъ классовъ, разсыпаются по улицамъ съ шумомъ и крикомъ: *рекреація, рекреація;* незнакомые съ училищнымъ бытомъ горожане въ удивленіи останавливаются, не понимая причины этого веселія; но давнишніе обыватели города говорятъ; *ну, семинаристамъ дана рекреація.*

Занятія учениковъ во время рекреаціи очень разнообразны. Молодое поколѣніе, особенно низшихъ училищъ, прибѣжавши въ квартиры, принимается тотчасъ за *бабки или шашки.* Это привеллигированная игра для рекреяціонныхъ дней; — мальчики, скинувъ сапоги, халаты и пр.; оставаясь въ однихъ рубахахъ (нѣкоторые для праздника надѣваютъ ситцевыя), съ упоеніемъ и восторгомъ предаются игрѣ. Да и какъ не восхищаться? Рядъ бабокъ состоитъ иногда изъ 40—50 паръ; тутъ за разъ можно *сшибить* (техническое слово игры) паръ двадцать болѣе; взрослые ученики, пренебрегая ребяческими забавами, беруть колоду картъ, садятся за столъ и съ папиросами, сигарами, чубуками во рту играютъ въ горку, въ три листика, даже иногда въ преферансъ по копѣйкѣ, грошу и пр. Еще болѣе взрослые, такъ сказать, училищные магнаты, собираютъ складчину и, какъ люди солидные, отправляются въ луга, рощи и пр., взявши съ собою всѣ необходимыя для веселія снадобья, а иногда помѣщаются въ какомъ либо заве-

деніи, гдѣ играютъ органы и прислуживаютъ половые; — домосѣды же все приказываютъ приносить въ квартиры. Въ этотъ день посѣщеній инспектора опасаться нечего; *пьи, пей и веселися.* Но въ благоустроенныхъ училищахъ, гдѣ господствуетъ централизація, отдается приказъ, чтобы всѣ ученики проводили время въ одномъ мѣстѣ. Для этого избираются или училищный дворъ, или какая нибудь загородная роща. Въ послѣднемъ случаѣ, особенно въ прежнія времена, само начальство, сопровождаемое наставниками, ихъ даже супругами, а иногда и знакомыми, считало нужнымъ принять отеческое участіе въ забавахъ своихъ питомцевъ. Тутъ покупались калачи, грѣчушники, пироги, баранки и пр., то просто раздавались, то были бросаемы ученикамъ, чтобы видѣть и полюбоваться, какъ они другъ друга давятъ изъ за булокъ, орѣховъ и пр. Верхъ удовольствія состоялъ въ томъ, когда начальникъ или аматёръ-гость, договорившись напередъ съ пирожникомъ или другимъ разносчикомъ, вдругъ какъ будто неожиданно приказывалъ *учинить нападеніе* и расхитить все, что ни окажется на лоткѣ; очевидно, что въ этомъ случаѣ давка и упоеніе доходили до высочайшей степени; начальники и ученики были въ восторгѣ. Но почтеннымъ особамъ не вѣкъ же любоваться забавами дѣтей; предоставивъ послѣднимъ самимъ изобрѣтать свои наслажденія, они гдѣ либо подъ вѣтвистою березою или сосною усаживались и услаждали свой вкусъ разными разностями. Веселіе иногда продолжалось до ночи; взрослые ученики и здѣсь также, какъ при ботаническихъ экскурсіяхъ,

удостоивались чести поддерживать почтеннѣйшихъ людей при возвращеніи въ городѣ. Нынѣ впрочемъ децентрализація беретъ перевѣсъ и въ училищахъ, начальники и наставники или вовсе не принимаютъ участія въ рекреаціяхъ, или, собравшись гдѣ либо одни, проводятъ время; а жаль, — одинъ изъ уроковъ для жизни у учениковъ пропадаетъ. Но за всѣмъ тѣмъ рекреаціи и нынѣ проводятся съ истиннымъ удовольствіемъ. По утру въ слѣдующій день у однихъ учениковъ болятъ ноги и руки отъ бѣготни и игры въ бабки; у другихъ отчего-то голова тяжеловата; да и сами педагоги какъ-то не всегда съ охотою принимаются за свои обязанности.

Училищное начальство, увлекаемое душевною добротою, въ старыя времена не ограничивало рекреаціи однимъ или двумя днями. По неписаннымъ тогдашнимъ постановленіямъ, по неизданнымъ еще законамъ *рекреаціи должно давать* 1, 5, 10, 15, 20, 25, 30 и 31 чиселъ Мая, — не менѣе осьми. Прибавьте къ этому 4—5 дней воскресныхъ, далѣе праздники святаго Николая, Вознесенія Господня, Сошествія Духа и пр.; такимъ образомъ въ цѣлую половину мѣсяца Мая не бываетъ классовъ. Ну, какъ же Май не назвать благодатнымъ? И какъ за одинъ такой мѣсяцъ не поработать ученикамъ цѣлый годъ для отца начальника? Къ искреннему сожалѣнію и нашему, и вашему вѣроятно, рекреаціи начинаютъ выходить изъ употребленія, или теряютъ свой античный характеръ. Соблазнительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Петербургскаго духовная академія. Она, хотя во время своего пятидеся-

тилѣтняго юбилея и провозгласила, что нисколько не измѣняетъ старины, не увлекается новизнами, — между тѣмъ до сихъ поръ еще не имѣла ни одной рекреаціи, — и послѣ этого смѣетъ еще называться любительницею старины?! Начальники семинарій — воспитанники академій, особенно Петербургской даютъ развѣ двѣ-три рекреаціи, да и то въ такой день, который можно считать и праздничнымъ и непраздничнымъ, напр. въ день Преполовенія; и очень рѣдко принимаютъ участіе въ рекреаціонномъ времяпрепровожденіи, даже запрещаютъ пѣть: reverendissime pater и пр. Въ низшихъ духовныхъ училищахъ рекреаціи почти вездѣ еще процвѣтаютъ; поберегите хоть вы этотъ старинный обычай; на академіи и даже семинаріи надѣяться нельзя.

Въ заключеніи этого отдѣленія мы хочемъ сказать нѣсколько словъ о распоряженіяхъ начальниковъ духовныхъ училищъ на счетъ праздничныхъ дней. Вы конечно знаете, что у насъ само правительство опредѣляетъ, въ какіе дни увольняются присутственныя мѣста отъ присутствія, а училища отъ ученія, и что новыхъ праздниковъ, кромѣ тѣхъ, которые указаны правительствомъ, ни для присутственныхъ мѣстъ, ни для училищъ никто вводить не смѣетъ. Но захотятъ ли начальники духовныхъ училищъ отказаться отъ самораспорядительности? Развѣ свѣтское правительство лучше умѣетъ понимать, какіе дни нужно считать праздничными, нежели они — люди духовные? Только не беремся рѣшить, чѣмъ они руководствуются при увеличеніи числа праздничныхъ дней для своихъ учениковъ? Желаютъ ли

этимъ показать свою набожность, или думаютъ заявить свое уваженіе къ собственнымъ и другимъ высшимъ особамъ, или наконецъ стараются доставить ученикамъ побольше дней для отдохновенія, для посѣщенія трактировъ и ресторацій, для занятій по части *пересыпки изъ пустаго въ порожнее?* Но отчего бы ни происходили ихъ распоряженія, только почтеннѣйшіе и высокопочтеннѣйшіе начальники всѣхъ вообще духовныхъ училищъ не довольствуются такъ называемыми табельными днями. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не уволить учениковъ отъ классовъ во дни тезоименитствъ Его Высокопреподобія отца ректора и Его Преосвященства епархіальнаго начальника? Какъ не собрать ихъ въ одну церковь, не отслужить торжественнѣйшимъ образомъ литургіи и молебствія о здравіи и спасеніи высокоуважаемыхъ начальниковъ? Далѣе зачѣмъ слѣдовать примѣру свѣтскихъ училищъ, гдѣ оканчиваются и начинаются классы въ тѣ именно дни, которые назначены для этого уставами? Почему бы напр. послѣ Пасхи не позволить ученикамъ погулять всю Ѳомину недѣлю? Вѣдь отцы ихъ довольно собрали деньжонокъ за молебны; почему часть ихъ не удѣлить содержателямъ трактировъ и ресторацій городскихъ? Почему также предъ Святками не распустить учениковъ не 23 а 20 и даже 18 Декабря? Пускай тоже свою голову, отуманенную ученостію, освѣжатъ сколько нибудь. Спасибо вамъ благодѣтели! Увеличивайте по больше число праздниковъ, отпускайте учениковъ въ домы родительскіе пораньше, не начинайте слишкомъ скоро

классовъ? — ученики вамъ будутъ очень благодарны, но трактирщики еще благодарнѣе.

Отдѣленіе третье.

О нравственно-экономическихъ распоряженіяхъ касательно найма прислуги, освѣщенія и отопленія комнатъ.

Но на людскую благодарность разсчитывать не всегда благоразумно; попадѣвшись на нее, можно остаться, если не безъ куска хлѣба, то безъ роскошнаго обѣда, комфортабельной квартиры и красивой модной одежды. Начальники ..... къ училищъ, какъ люди ученые, издавна понимали это и потому старались обезпечивать себя нѣкоторыми другими способами; разумѣется всячески заботясь и въ этомъ случаѣ не упускать изъ вида нравственности (чужой или своей, до этого никому нѣтъ дѣла). Правительство имѣетъ обыкновеніе въ каждое училище ассигновать извѣстную сумму на жалованье и содержаніе низшихъ служителей, которые бы подметали полъ, отапливали комнаты, готовили купанье казеннымъ воспитанникамъ. Къ чему такая роскошь, даже, осмѣливаемся, сказать, мотовство? Да развѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ сами ученики не могутъ вымести классы и комнаты и даже отопить, если только это сочтено будетъ нужнымъ? Готовить щи и кашу конечно имъ нѣсколько неудобно; но развѣ наносить воды на кухню или въ умывальню недостанетъ у

нихъ силъ? Къ чему же множество служителей? И точно нѣкоторые начальники, конечно въ видахъ казеннаго интереса и изъ желанья пріучить воспитанниковъ къ хозяйству, такъ и распоряжаются. Ну а деньги, которыя ассигнуется на прислугу? Вѣроятно, отчисляются къ остаткамъ? спросите вы. Чудный вы народъ! Какъ это можно? Напишика подобный остатокъ въ отчетѣ, да еще объясни, отчего произошла эта экономія; знаете ли, что изъ этого выйдетъ? Отчетъ поступитъ на ревизію въ контроль; какой либо контролеръ тотчасъ доложитъ директору, что вотъ-де Ваше Превосходительство въ такомъ-то училищѣ служители не занимаются, а ихъ обязанности исполняются учениками *безмездно?* Да тутъ такой поднимется шумъ, назначится, чего добраго, ревизія! Надобно по совѣсти сказать, что у петербургскихъ контролеровъ и директоровъ совсѣмъ другія идеи на счетъ управленія учениками, нежели у почтенныхъ начальниковъ училищъ. Послѣ этого *зачѣмъ показывать картины слѣпымъ и читать поученія глухимъ?* Деньги вносятся въ расходныя книги, въ полученіи ихъ расписывается служитель, разумѣется не умѣющій писать. Въ этой маленькой поддѣлкѣ виноваты не начальники, а контролеры и директоры, которые требуютъ непремѣнно росписокъ получателей денегъ. Притомъ казна, назначающая безъ нужды служителей на тѣ занятія, которыя могутъ быть исполнены учениками, не догадывается назначить кого нибудь собственно на услуженіе г.г. начальникамъ всѣхъ хоть напр.....хъ училищъ. Непростительный недосмотръ! Развѣ начальнику самому чистить сапоги,

отапливать комнаты и пр. Или развѣ имѣть наемную прислугу, когда всякому прапорщику, корнету и даже, кажется, фельдфебелю дается деньщикъ? „Почему же бы, скажете вы, начальству не представить объ этомъ недостаткѣ?“ Что вы? Да опять относительнаго этого предмета тѣже контролеры, директоры съ прибавкою столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленія и всѣ вообще чиновники, кромѣ развѣ экзекутора и казначея, поднимутъ такой шумъ, что *избави Богъ отъ него лихаго татарина.* Начальники духовныхъ училищъ люди мирные и кроткіе, никогда не доходятъ до этого, а употребляютъ простенькое средство, но очень вѣрное. Или прямо нанятыхъ для училища служителей берутъ къ себѣ въ лакеи, кучера, истопники и пр. Или поступаютъ нѣсколько иначе. Въ училища, особенно среднія и высшія, назначается до 20 даже до 40 и болѣе человѣкъ, напр. съ жалованьемъ хоть по 4 рубля въ мѣсяцъ. Что стоитъ каждаго изъ нихъ нанять по 3 рубл.? тогда на оставшіяся деньги можно еще пригласить 5 или 10 человѣкъ и уже съ жалованіемъ по 4 руб. А во избѣжаніе придирокъ безпокойныхъ петербургскихъ контролеровъ писать, что прислуги только 20 или 40, а не 25 или 50 человѣкъ, и каждый изъ нихъ получаетъ не по три, а по четыре рубля. Прекрасно! казенныхъ денегъ въ излишествѣ не истратится; недогадливость казны молча исправлена; *контролеры сидятъ съ носомъ* (ха! ха! ха!); а начальники имѣютъ ненанятую прислугу. Мы знаемъ начальника семинаріи, у котораго такимъ образомъ всего даже пять человѣкъ прислуги.

Но не скриваемъ печальной истины; есть, да именно есть, или были люди, разумѣется ихъ нужно назвать неблагонамѣренными, которые разрушаютъ и разрушали благоразумныя распоряженія отцовъ начальниковъ по части училищной прислуги; впрочемъ эти неблагонамѣренныя особы принадлежатъ къ такъ называемымъ непрогрессистамъ; одинъ изъ нихъ случайно сдѣлался членомъ а—аго правленія; въ это время почтеннѣйшій отецъ экономъ подалъ записку краткую и ясную о выдачѣ жалованья служителямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не желая обремѣнять правленіе мелочными подробностями, онъ не назвалъ ни одного служителя по имени; не сказалъ, кто изъ нихъ состоитъ при какой должности и какое получаетъ жалованье, а, извините за выраженіе, *гуртомъ* означилъ только все жалованье, которое слѣдовало выдать. Придирчивый случайный членъ правленія, на основаніи будтобы устава училищнаго, попросилъ отца эконома прописать всѣ вышеозначенныя подробности. Добрый и откровенный отецъ экономъ съ полною искренностію исполнилъ желаніе новаго члена. И вотъ тутъ явилось въ запискѣ, что есть служители и у отца ректора и у отца инспектора и у самого отца эконома, что всѣ они, какъ и слѣдуетъ, получаютъ жалованье изъ казны и что кромѣ того жалованье служителямъ отца ректора и инспектора назначено больше, нежели другимъ. Вѣдь, кажется, все резонно; — что же вышло? Правленіе положило выдать по запискѣ отца эконома жалованье поименованнымъ въ ней лицамъ. Но неблагонамѣренный членъ, представляя журналъ мѣстному архіе-

епископу на утвержденіе, сказалъ, что будтобы по уставу не назначено казенныхъ служителей ни эконому, ни инспектору, ни даже самому отцу ректору, Преосвященный счелъ нужнымъ руководствоваться уставомъ и положилъ резолюцію, чтобы правленіе въ назначеніе жалованья руководствовалось безпристрастіемъ и не назначало служителей на тѣ мѣста, на которыя они по штату не положены. Разумѣется, такая резолюція *опрокинула вверхъ дномъ* всѣ экономическія распоряженія начальства по части служителей. Почтеннѣйшему отцу ректору, не менѣе почтеннѣйшему отцу инспектору и почтенному отцу эконому пришлось нанимать на свой счетъ служителей. Слѣдовало бы здѣсь разсказать о томъ, какъ другой непрогрессистъ, занимавшій должность эконома, самъ собою, не прикрываясь резолюціями архіерейскими принудилъ почтеннѣйшихъ отцовъ ректора и инспектора самимъ расплачиваться съ своею прислугою. Ну хорошо ли это? На что же онъ и экономъ, какъ не на то, чтобы облегчать труды высокихъ своихъ сочленовъ и даже начальниковъ? Что смотрѣть на уставъ? Держись лучше преданій, нанимай на казенный счетъ прислугу для ихъ В—ій, а тамъ уже самъ придумывай какимъ образомъ дать законный видъ своимъ распоряженіямъ; на это онъ и экономъ.

Казна тоже разточительна не на однихъ служителей; она назначаетъ суммы на освѣщеніе и отопленіе училищныхъ домовъ, смѣшивая все въ одной статьѣ подъ названіемъ: содержаніе дома, или даже прямо ассигнуя на упомянутые предметы. И въ

этомъ случаѣ нѣкоторые почтенные начальники духовныхъ училищъ выдерживаютъ свою бережливость и свой кроткій характеръ. Можно ли имъ людямъ темнымъ и мало-извѣстнымъ выставлять, что ассигнованіе суммъ на эти предметы должно быть весьма ограничено. Можно ли соблюденныя ихъ экономіею деньги показывать въ остаткѣ къ объясненіемъ, что мы-де не отапливали комнатъ и не давали по полгоду вовсе свѣчъ? Контролеры и директоры петербургскіе и это могутъ какъ нибудь понять иначе. Поэтому почтенные начальники дѣйствуютъ здѣсь съ тою же ловкостію, которою мы любовались при расходованіе суммъ на прислугу. Касательно освѣщенія показываютъ даже роскошь, сколько намъ извѣстно, рѣшительно нѣтъ ни одного напр. заведенія которое бы въ зимнее и въ большую часть осенняго, отчасти и весенняго времени совершенно не освѣщалось и притомъ не лучиною или масломъ конопляпымъ въ почникѣ, а свѣчами, но за то многіе умѣютъ расходъ на этотъ предметъ сократить самымъ лучшимъ образомъ. Прежде всего послѣ Пасхи, хотя бы она была даже 22 Марта, — свѣчъ ученикамъ уже не выдается по весьма многимъ основательнымъ причинамъ. Они пусть встаютъ для уроковъ ранѣе утромъ, и пользуясь краснымъ весеннимъ воздухомъ, подкрѣпляютъ свое здоровье, далѣе не коптятъ комнатъ чадомъ, не дышатъ углекислотою, наконецъ соблюдаютъ казенный интересъ. Сколько причинъ и самыхъ благонамѣренныхъ! А кромѣ того православный Русскій народъ, по преданіямъ святой старины, утверждаетъ что послѣ Благовѣщенія за-

жигать огонь въ домахъ — великій грѣхъ. Но и въ зимнее время освѣщеніемъ распоряжаются очень умно. Зачѣмъ ламповое освѣщеніе? освѣтительный блескъ его слишкомъ вредень для глазъ. Пожалуй, еще иной скажетъ, что нужно газовое освѣщеніе. Нѣтъ лучше всего употреблять слѣдовало бы лучину; но на это изъ снисходительности къ предразсудкамъ общества не рѣшаются. Сальныя свѣчи — вотъ употребительнѣйшій матеріалъ для освѣщенія ученическихъ комнатъ. Въ духовныхъ академіяхъ даютъ по одной даже четвериковой свѣчѣ на трехъ или четырехъ человѣкъ; это уже не позволительная роскошь! Развѣ такіе моты — начальники не читали помѣщенной когда-то въ Библіотекѣ для Чтенія статьи, въ которой досужій Англичанинъ доказалъ, что свѣта отъ одной свѣчи достанетъ на 135,056,540,800 т. е. болѣе нежели 135 тысячъ милліоновъ паръ глазъ. (Библіотека для Ч. т. 28—смѣсь стр. 46). Такъ зачѣмъ же давать свѣчу и притомъ четвериковую на 3 или 4 человѣка? Бережливые начальники другихъ съ училищъ иначе поступаютъ. Мы знаемъ одного изъ таковыхъ. Управляя уѣзднымъ .....мъ училищемъ около 30 лѣтъ, онъ болѣе одной свѣчи притомъ шестериковой (осмерикукъ сожалѣнію начальника купцы не продаютъ) на комнату не выдастъ ни за что; такъ и слѣдуетъ; вѣдь въ комнатѣ у него живетъ только по 20 и 30 человѣкъ, — много менѣе 135 тысячъ милліоновъ.

Касательно отопленія комнатъ существуютъ между начальниками хоть напр. духовныхъ училищъ очень разнообразныя мнѣнія. Въ академіяхъ рѣши-

тельное мотовство господствуетъ въ этомъ отношеніи. Не только жилыя комнаты и спальни, но и классы отапливаются. Мы помнимъ изумленіе и свое и своихъ товарищей, поступившихъ въ одну изъ духовныхъ академій, и увидавшихъ возможность сидѣть въ зимнее время въ классѣ въ томъ же легкомъ платьѣ, которое надѣвали въ комнатахъ. Для многихъ изъ насъ это было такая новость, съ которою мы вовсе на встрѣчались; обучаясь въ семинаріяхъ мы зимою въ классахъ надѣвали теплые съ шерстяными чулками сапоги и тулупы и за всѣмъ дрожали иногда отъ холода. По къ чести начальниковъ семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ многіе изъ нихъ имѣютъ здравые идеи объ отапливаніи. Въ этимъ случаѣ, кажется, они руководствуются отчасти классическою древностію. Извѣстно, что древніе Греки, живя даже въ жаркомъ климатѣ, такъ умѣли пріучить себя къ холоду, что могли сражаться на льду, стоя босыми ногами. Такъ не гораздоли болѣе нужно стараться у насъ объ этомъ? Можно ли человѣку не простудиться, когда онъ привыкнетъ зимою къ 15 или 17 градусовъ тепла въ комнатахъ, и потомъ долженъ выходить на 30° холода? Не лучше ли позаботится о томъ, чтобы сблизить эти двѣ крайности? И такъ какъ атмосферы земной нельзя нагрѣть даже казенными дровами; то, естественно, нѣтъ надобности отапливать комнатъ. Этими-то мудрыми соображеніями и желаніемъ соблюсти казенный интересъ руководствуются еще болѣе мудрые начальники семинарій и уѣздныхъ училищъ. На кухню и хлѣбную они отпускаютъ дровъ, сколько находитъ нуж-

ныля поваръ и хлѣбникъ; они не скупы. Комнаты, гдѣ живутъ и спятъ ученики, также ..... дѣлать нечего ..... отапливаются кое-какъ; знаете, нужно вездѣ соблюдать законъ постепенности. Но за тѣмъ нужны же комнаты, гдѣ бы ученики еще ближе находились къ температурѣ наружнаго зимняго воздуха, нежели въ комнатахъ. Естественнѣе всего для этого избрать классы, какъ мѣста, въ которыхъ ученики должны всему учиться, не однимъ наукамъ, но и холоду, голоду, (да извините, для обученія голоду есть другая комната) и пр. Это тѣмъ удобнѣе что каждый изъ учениковъ можетъ, если имѣетъ, надѣть тулупъ, шинель, теплые сапоги и чулки; — одна голова и лицо останутся открытыми; по головутото именно и нужно держать, по русской пословицѣ, въ холодѣ. Примѣненіе этого правила на самомъ дѣлѣ не можетъ быть одинаковымъ вездѣ, мѣстныя условія училища бываютъ разнообразны; нельзя съ ними сообразоваться. Такимъ образомъ, когда одно училище (К—ое въ ...ой г—ніи) сгорѣло и почтенный отецъ смотритель получилъ деньги на наемъ квартиры для классовъ до постройки новаго зданія; то онъ призываетъ къ себѣ учителей, объявляетъ имъ, что одинъ классъ будетъ находиться у него въ домѣ и совѣтуетъ имъ найти въ своихъ квартирахъ помѣщеніе для прочихъ классовъ. Учители сначала были озадачены этимъ предложеніемъ и рѣшились ждать, какъ исполнитъ обѣщаніе почтенный ихъ начальникъ. Попослѣдній принадлежалъ къ находчивымъ людямъ. Въ его домѣ находился сарай, который и и былъ превращенъ въ ученую залу болѣе, нежели

на годъ. Разумѣется, и прочіе учители не замедлили воспользоваться примѣромъ; и вотъ въ какомъ-либо городкѣ Россійской Имперіи на берегу Оки или Волги науки преподовались, если не подъ открытымъ небомъ, какъ въ древней Греціи, то по крайней мѣрѣ на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ. Выгодъ тутъ было множество; *во первыхъ* отапливать классы было не нужно, или лучше не возможно; *во вторыхъ* сумма на наемъ помѣщеній не тратилась; *въ третьихъ* впрочемъ не возвращалась и въ казну; *въ четвертыхъ* ученики имѣли возможность приучить не одну уже голову, но и все тѣло къ холоду. Этотъ впрочемъ случай, очевидно, экстраординарный, не вездѣ же училища горятъ; и потому надобно иначе распоряжатся отапливаніемъ классовъ. Большею частію ихъ совершенно не отапливаютъ, мѣра, какъ видите рѣшительная и приложимая ко всѣмъ мѣстностямъ. Изъ этого общаго правила, разумѣется, нужно исключить тотъ классъ, гдѣ сами начальники изволятъ читать лекціи. На это есть очень основательная причина. Имъ, какъ начальникамъ, часто приходится принимать у себя сторонныхъ людей, изъ снисхожденія къ послѣднымъ нужно держать комнаты топлены. Послѣ этого, естественно, и самимъ почтеннымъ начальственнымъ особамъ привыкнуть къ теплу по необходимости, и потому для соблюденія драгоцѣннѣйшаго здравія благодѣтельныхъ начальниковъ нужно отапливать тѣ классы, гдѣ они обязаны сидѣть часъ или полтора. Разсужденіе вполнѣ логическое.

„Ну, а наставники? и они тоже надобно полагать, привыкли къ теплу въ своихъ квартирахъ; имъ

какъ же сидѣть, да еще учить въ неотопленныхъ классахъ?“ можетъ быть вы спросите. Эхъ господа! вѣчно вы съ возраженіями. Такъ знайте же, что въ уставѣ для духовныхъ училищъ есть мудрый пунктъ, въ которомъ сказано, что наставники обязаны подавать собою ученикамъ примѣръ нравственности. Вотъ они и покажи въ классѣ повиновенія распоряженіямъ начальства; на что и лучше? Но къ сожалѣнію между ними, особенно въ семинаріяхъ, есть люди истинно неблагонамѣренные и едвали не безнравственные. Вообразите, иной осмѣливается говорить въ глаза начальнику и кричать по городу, что ихъ съ учениками морятъ холодомъ. Другіе сберегая будто свою голову, обвязываютъ ее на манеръ чалмоносцевъ большими платками, забывая, что они принадлежатъ не къ мусульманскому, а къ православному вѣроисповѣданію. Иные—слава Богу—очень не многіе даже надѣваютъ въ классѣ, гдѣ стоитъ святая икона, теплую фуражку. Это уже не дерзость, а что-то въ родѣ профанаціи. Былъ даже случай, истинно соблазнительный. Къ одному изъ такихъ наставниковъ вошелъ въ классъ самъ начальникъ вмѣстѣ съ своею тростью. Вольнодумецъ-наставникъ тотчасъ снялъ фуражку, исполнилъ всѣ обряды, соблюдаемые при встрѣчахъ съ начальниками, и потомъ опять надѣлъ свою фуражку. Начальникъ не могъ, да и не долженъ былъ сносить этого, иначе чего можно было ожидать отъ учениковъ? и они пожалуй станутъ надѣвать свои шапки. „— *Что это значитъ, милостивый государь?* воскликнулъ начальникъ въ справедливомъ негодованіи. — *Что это вы*

дѣлаете! — *Читаю лекціи*, отвѣчалъ наставникъ. — *Не о томъ дѣло*, продолжалъ начальникъ, *что у васъ на головѣ?* — *Теплая фуражка.* — *„Для чего это вы надѣли ее?* — *„Потому что въ классѣ холодно, а у меня голова больная*, отвѣчалъ вольнодумецъ. Дѣло, разумѣется, могло кончиться соблазнительно, но начальникъ не захотѣлъ производить скандалъ и ушелъ, — даже и не отставилъ наставника отъ должности. Какая кротость! Другой наставникъ — лѣнтяй должно быть — не сталъ ходить въ классъ, и на запросъ правленія, почему онъ это дѣлаетъ, дерзко отвѣчалъ: — потому что въ неотопленыхъ классахъ онъ по слабости здоровья сидѣть не можетъ. Безсовѣстный! Мужчина было здоровенный! Тутъ дѣло приняло оборотъ нехорошій. Начальство начальника провѣдало о такомъ событіи и потребовало объясненія. Но кое-какъ дѣло уладили.

Послѣ этого не утѣшительно ли слышать, какъ учители низшихъ училищъ оказываются умнѣе господъ магистровъ и кандидатовъ. Они, если уже нѣтъ возможности сидѣтъ отъ холода въ классѣ, уходятъ куда либо потеплѣе, а ученики между тѣмъ или сбѣгаютъ погрѣться въ отопливаемыя комнаты, или погрѣютъ себя гимнастическими упражненіями, извѣстными подъ названіемъ *кулачныхъ боевъ*. Вѣдь дѣло обходится безъ грубости. Иногда же нагрѣваютъ учениковъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ и другимъ способомъ. Изъ физики извѣстно, что повторяющіеся удары двухъ тѣлъ одного объ другое возбуждаютъ въ нихъ значительное количество теплотвора; напр. посредствомъ удара молоткомъ можно

даже довести олово до плавленіе; только въ такихъ случаяхъ лучше всего, чтобы одно тѣло оставалось совершенно *неподвижнымъ* и было только *ударяемымъ*, а другое *подвижнымъ и ударяющимъ*. На основаніи этого-то наблюденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исправленія учениковъ, послѣдніе, по распоряженію *благихъ* наставниковъ, отсылаются въ одно мѣсто класса, которое называется *лобнымъ*, гдѣ одни изъ товарищей стараются удержать нагрѣваемый субъектъ въ неподвижнымъ положеніи, а другой или даже два другихъ, посредствомъ *нѣкіихъ* гибкихъ и тоненькихъ матеріальныхъ веществъ стараются возбудить теплотворъ въ нѣкоторой части тѣла, которая, разумѣется, напередъ освобождается отъ всякой прикрывавшей ее одежды; очень скоро теплотворъ распространяется по всему тѣлу удерживаямаго субъекта. Но и производители опыта, употребляя усилія, одни, чтобы удержать нагрѣваемое существо, а другіе — чтобы тѣснѣе и быстрѣе сближать нагрѣвающія тѣла съ нагрѣваемымъ, — также порядочно нагрѣваются. Если подобные физически опыты производить только надъ четвертою частію учениковъ, и перемѣнять при каждомъ опытѣ всѣ дѣйствующія лица, то цѣлый классъ нагрѣется; у умныхъ учителей для этого нужно только произвести опытъ надъ шестою или седьмою частію учениковъ. Нынѣ уже, вѣроятно, нѣтъ наставниковъ, а въ старину бывали, которые даже сами, нагрѣвая учениковъ, нагрѣвались описаннымъ выше способомъ. Для этого, пришедши въ классъ, поскорѣе узнавали другихъ виновныхъ и тотчасъ нагрѣвали ихъ и себя. Былъ даже одинъ,

а, можетъ быть и не одинъ, который прямо, помоливши, разумѣется, Богу, вызывалъ перваго попавшагося на глаза ученика и нагрѣвалъ его и себя. Послѣ этого, давши ученику нѣсколько времени поприбраться, заставлялъ его читать урокъ; и если онъ плохо прочитывалъ, то учитель съ самодовольствіемъ говорилъ: „я вѣдь узналъ по глазамъ, что ты не знаешь урока.“ А если ученикъ, не смотря ни на что, прочитывалъ урокъ, то ему говаривали: *ну, дѣлать нечего, ошибся я, когда нужно будетъ тебя высѣчь* (т. е. погрѣть); *то напомни мнѣ о нынѣшнемъ днѣ; я тебя прощу.*“ Какъ это милостиво!

Отдѣленіе четвертое.

Объ экономическо-нравственныхъ распоряженіяхъ суммами, назначаемыми казною на содержаніе учениковъ.

Нельзя не замѣтить, что въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ начальники духовныхъ училищъ не имѣютъ возможности вполнѣ обнаружить свои геніальныя способности по части политической экономіи; суммы, назначаемыя на отопленіе, освѣщеніе, ремонтныя поправки, прислугу и проч. такъ ничтожны, что единственный почти способъ попользоваться ими состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не отапливать, не освѣщать комнатъ, не нанимать прислуги и проч. По этому начальники считаютъ величайшимъ счастіемъ

для себя, если казна предоставляетъ ихъ отеческой заботливости оказывать пособіе бѣднымъ ученикамъ. Пособія эти бываютъ двухъ родовъ или 1) назначается каждому изъ бѣдныхъ учениковъ особая сумма, которая выдается ему въ извѣстные сроки и расходуется имъ же самимъ по усмотрѣнію; это, такъ сказать, своего рода стипендія, или 2) сумма остается у начальника училища, который уже озабочивается кормить, одѣвать, обувать и снабжать другими потребностями учениковъ, живущихъ въ казенномъ зданіи. Первый способъ былъ въ недавнія времена очень распространенъ въ низшихъ духовныхъ училищахъ за недостаткомъ казеннаго помѣщенія для учениковъ и, надобно сказать къ чести начальниковъ, конечно не всѣхъ, былъ прилагаемъ къ дѣлу весьма оригинальнымъ образомъ. Мы помнимъ одного сѣдовласаго, немножко раскосаго старика; что за добрѣйшій былъ человѣкъ? Самимъ ученикамъ онъ даже не позволялъ подавать просьбы о выдачѣ денежныхъ пособій; зачѣмъ ихъ затруднять подобнымъ хлопотами? Добрый начальникъ секретнымъ образомъ, чтобы никто незналъ о его добрыхъ дѣлахъ, самъ, не сказавши мальчикамъ, испрашивалъ имъ у высшаго начальства пособіе и по тому же побужденію ни за что не сказывалъ о полученіи этого пособія; такъ что ученики вовсе даже не догадывались, какъ отецъ благодѣтель заботится о нихъ. Только въ концѣ трети или года онъ обыкновенно призывалъ къ себѣ облагодѣтельствованныхъ учениковъ и милостиво спрашивалъ: поѣдутъ ли они на каникулы домой? Получившій утвердительный отвѣтъ, онъ вновь вопро-

шалъ: „а что, душенька, есть денжонки, чтобы доѣхать до дома?“—„Какія же у меня деньги, отвѣчалъ мальчикъ?“—„Знаю, другъ мой, знаю, ты бѣденъ, — вотъ возьмика себѣ малую толику.“ И почтенный начальникъ давалъ ему иногда четвертакъ, иногда полтинникъ, — даже цѣлковый и синенькую; — послѣднее впрочемъ случалось только въ то время, когда ученики переходили въ семинарію. Мальчикъ изумлялся добротѣ и ласковости отца смотрителя; а послѣдній говаривалъ какъ бы стороною: „да, душенька, я съ тебя денегъ не потребую; Боже меня сохрани; ты человѣкъ бѣдный; но вотъ для порядка, для памяти напиши въ этомъ мѣстѣ (здѣсь указывалось мѣстечко въ расходной книгѣ), что ты получилъ деньги; — пиши просто: оныя деньги получилъ и пр.“ Мальчикъ разумѣется, расписывался; тѣмъ часто и дѣло и оканчивалось; тогда контроль еще не требовалъ, чтобы расписка въ полученіи денетъ состояла изъ словъ, написанныхъ, какъ говорятъ нынѣ *прописью*, довольствовались иногда только словами: *оныя деньги*. Злые языки и тогда утверждали, что повыше словъ: *оныя деньги* была написана сумма гораздо больше той, которую ученикъ получалъ, а нѣкоторые, разумѣется, буяны и неблагодарные осмѣливались даже говорить, что тутъ написано не полтинникъ, а пятнадцать или тридцать и пр. рубл., такъ по этому они и не хотятъ писать: *оныя деньги*. Тогда почтенный сѣдовласый — онъ же и раскосой — старецъ, покачавши головою, посмотрѣвши въ книгу, говорилъ: *правда, другъ мой, правда,* спрашивалъ назадъ деньги у ученика и, получивши ихъ, давалъ ему

ему такой подзатыльникъ, что тотъ вылеталъ иногда за дверь. И дѣломъ; еще сталъ разсуждать о добромъ дѣлѣ! Ужъ если мудрая русская пословица запрещаетъ *даровому коню смотрѣть въ зубы;* то какъ смѣетъ ученикъ, получающій полтинникъ или цѣлковый заглянуть въ расходную книгу и читать, что въ ней написано? Но подобные случаи бывали очень рѣдки; ученики находили лучшимъ получать хоть что нибудь, нежели ничего съ придачею подзатыльника. Употребляется ли нынѣ это пособіе? право незнаемъ, что сказать. Нынѣ запрещены *оныя деньги* въ расходныхъ книгахъ; надобно писать прописью или складомъ; да и какая-то существуетъ *гласная безгласность* или *безгласная гласность*; сразу поднимутъ Богъ знаетъ, какой шумъ. Но между тѣмъ мы очень хорошо знаемъ, что одинъ мальчикъ вмѣсто 20 руб. серебр. получилъ въ годъ только 15 руб. а, какъ говорятъ, росписка была въ 20 руб. вѣроятно, плутъ мальчикъ, взявши деньги, не сказалъ о томъ своему опекуну.

Но описанныя нами операціи не всегда безопасны; если не сами мальчики, то ихъ отцы, опекуны и даже сторонніе придирчивые люди сразу могутъ надѣлать хлопотъ производящимъ эти операціи; сразу могутъ доказать документально, что деньги не всѣ выданы, что росписки подложны и пр. То ли дѣло, когда почтенные и добрые начальники училищъ сами уже завѣдываютъ расходомъ суммъ, назначеннымъ на содержаніе учениковъ, помѣстивши послѣднихъ въ училищномъ домѣ? Брать съ учениковъ росписки въ томъ, что они хорошо обѣдали или ужинали, что

для этаго употреблены начальникомъ свѣжіе припасы и въ достаточномъ количествѣ, нѣтъ надобности; контроль этого не требуетъ. Впрочемъ предусмотрительные начальники нѣкоторыхъ семинарій и въ этомъ отношеніи обезпечиваютъ себя; у нихъ старшій ежедневно расписывается, что пища была прекрасная, что ученики довольны до самаго нельзя и сердечно благодарятъ начальство за его попеченіе о нихъ. Ну, а если бы какой либо старшій вздумалъ выразить неудовольствіе, то съ нимъ управиться легко; мы знаемъ, что одинъ такой буянъ принужденъ былъ спасаться изъ семинаріи въ свѣтское училище. Далѣе добрые купцы распишутся въ чемъ угодно, возьмите у нихъ на рубль, они, нисколько не раздумывая подпишутся *сто одинъ рубль получилъ* и пр. Вотъ почему и въ старину любили, да и нынѣ тоже любятъ помѣщать бѣдныхъ учениковъ въ самомъ училищномъ домѣ и здѣсь уже завѣдывать всѣмъ ихъ хозяйствомъ. Нельзя не удивляться искусству, которое почтенные и высокопочтенные начальники обнаруживаютъ въ этомъ случаѣ. Окладъ на содержаніе ученика такъ малъ, что самая экономная маменька пришла бы въ затрудненіе, какимъ образомъ на такую сумму одѣть, обуть, прокормить сына въ теченіи года. Возьмите напр. вы 20 руб. серебр. и ухитритесь на эту сумму содержать мальчика въ теченіе года! А между тѣмъ у почтенныхъ и высокопочтенныхъ начальниковъ при этой малости даже бываютъ *остаточки*, уэкономливаются суммы на непредвиденные случаи, на экстренные расходы. Эхъ вы, г.г. финансовые правители Англіи, Франціи, особливо Австріи и пр.! Вы никакъ

не можете свести концы съ концами въ управленіи финансами своего отечества! Обратитесь къ нашимъ начальникамъ училищъ; спросите у нихъ совѣта или лучше сдѣлайте ихъ министрами финансовъ. У нихъ по всѣмъ статьямъ бюджета будетъ столько сбережено, а финансы въ нѣсколько лѣтъ такъ разстроятся, да извините, мы хотѣли сказать, поправятся, что и вы сами не возьметесь больше за ихъ управленіе. Не безъ причины одинъ отставной чиновникъ въ какой то комедіи Загоскина съ восторгомъ говоритъ: *позвольте мнѣ кормить на казенный счетъ воробья; я прокормлю лошадь.* Вотъ почему мы хочемъ войти въ подробности касательно искусства, съ которымъ управляется экономическая часть въ *нѣкіихъ* училищахъ вообще; пусть современники и потомство изъ нашего описанія узнаютъ, до какой степени совершенства доведено это искусство.

Не очень давно въ одномъ изъ германскихъ городовъ какой-то кажется докторъ Стой завелъ въ своемъ домѣ пансіонъ или училище и старается такъ имъ управлять во всѣхъ отношеніяхъ, какъ будто бы всѣ пансіонеры были его собственными дѣтьми; даже училище свое назвалъ *семьею.* И наши журналы хвалили это заведеніе; но они объ одномъ ничего не сказали, именно о томъ, что у насъ на святой Руси съ незапамятныхъ временъ начальники *нѣкіихъ училищъ* смотрятъ на ввѣренныхъ ихъ отеческому надзору питомцевъ, именно какъ на свою семью, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи; такъ что расходы на содержаніе учениковъ и самихъ начальниковъ съ семействами, если есть они, не раздѣ-

ляются между собою и вносятся въ общую расходную шнуровую книгу подъ однимъ названіемъ. Да, именно такъ. Мы очень хорошо знали препочтеннаго начальника, у котораго въ училищѣ находилось до 25—30 казенно-коштныхъ воспитанниковъ. Будучи самъ развлеченъ служебными многосторонними занятіями, онъ всю экономію училища поручилъ своей не менѣе его почтеннѣйшей супругѣ. Принявши на себя столь благотворительную обязанность, она съ согласія своего супруга не захотѣла хранить съѣстные припасы въ училищныхъ кладовыхъ, а соблюдала въ своемъ домѣ, въ своихъ кладовой и чуланахъ, ключи отъ которыхъ всегда держала при себѣ. Чегоже лучше желать? Въ училищѣ и прислуга и ученики могли бы тратить всё безъ нужды и даже расхищать; а въ ея квартирѣ подобное посягательство сдѣлать не было никакой возможности; она сама смотрѣла за всѣмъ, какъ за своимъ добромъ. Утромъ, умывшись, помолившись Богу, она отправлялась въ кладовые чуланы, у которыхъ дожидались уже ее дежурные ученики и ея кухарка и, придерживаясь самыхъ строгихъ правилъ экономіи, разумѣется, имѣя въ виду казенный интересъ, выдавала мальчикамъ крупу, муку, масло и пр. съ назидательнымъ наставленіемъ, чтобы они были воздержнѣе въ пищѣ; отъ этихъ правилъ впрочемъ позволяла себѣ дѣлать нѣкоторыя отступленія при выдачѣ припасовъ своей кухаркѣ и даже не прибавляла никакихъ наставленій. Семейныя отношенія между начальникомъ и учениками были такъ тѣсны, что даже купцы не могли знать всегда для кого что̀ берется,

для учениковъ или для почтеннаго начальника; развѣ только по добротѣ запасовъ можно было догадываться, чьему желудку они назначались; а въ кладовыхъ чуланахъ рѣшительно всё стояло вмѣстѣ, къ ряду, безъ всякихъ надписей. Что это развѣ не семья?

Описанная метода управлять экономіею возможна только тамъ, гдѣ казенно-коштныхъ воспитанниковъ немного; а ихъ иногда доходитъ до 100—150 и болѣе. Какая же тутъ семья? Впрочемъ и здѣсь начальники по своей проницательности умѣли и умѣютъ найти способы поставить себя въ семейныя отношенія съ воспитанниками. Тутъ уже нельзя держать запасы въ своихъ кладовыхъ, потому что и начальники сами живутъ большею частію въ казенныхъ домахъ; тутъ уже нельзя поручить женѣ выдачу припасовъ, потому что иногда ея нѣтъ, да еще часто назначены по штату экономы и пр. Вотъ почему здѣсь ни самъ начальникъ ни его супруга (если имѣется) не выдаютъ лично припасовъ воспитанникамъ; этимъ дѣломъ завѣдываетъ экономъ или комисаръ. Но зато поваръ или кухарка начальника рѣшительно каждый день идутъ въ кладовую и получаютъ всѣ припасы, нужные для стола *Его Милости; или Его Пречестности;* такимъ образомъ начальники ежедневно имѣютъ возможность знать собственнымъ вкусомъ, хороши ли въ кладовой съѣстные припасы? Но съ свойственною имъ осторожностію начальники не хотятъ довѣрять себѣ однимъ; поэтому поваръ беретъ запасы изъ той же кладовой для домочадцевъ и для всей прислуги начальнической. И этимъ неограничивается осмотрительность. Съ

разрѣшенія, а иногда и безъ разрѣшенія начальника, только изъ подражанія ему точно такимъ же образомъ повѣряютъ доброту съѣстныхъ припасовъ инспекторъ, экономъ, секретарь съ своими семействами. Если кто либо изъ нихъ живетъ внѣ училищнаго дома, то въ избѣжаніе ежедневныхъ хлопотъ отпускается ему потребное количество припасовъ въ извѣстные сроки. Метода эта распространяется не на одну пищу. Ученикамъ напр. нужно сшить суконные сертуки. Вѣдь надобно же re ipsa, de facto, т. е. на самомъ дѣлѣ убѣдиться, что сукно точно хорошо. И вотъ почтенный начальникъ въ тоже самое время шьетъ себѣ обновы, конечно употребляя на это не всегда матеріалъ, купленный для учениковъ, а кое что другое. Но въ этомъ бѣды нѣтъ, вѣдь, есть ли у купца въ лавкѣ хорошее сукно или нанка? Какъ просто потомъ съ купцомъ расчитываются. Положимъ, что учениковъ всѣхъ 150 человѣкъ; на каждаго изъ нихъ круглымъ числомъ пошло бы по 2 арш. сукна, ну велика ли важность прибавить на каждаго по полуаршинчику, и чрезъ это получится экономія 75 аршинъ; вмѣсто этихъ-то 75-ти ар. изъ лавки купца и берутся разныя шелковы, бумажныя, суконныя матеріи для почтеннѣйшихъ начальниковъ и секретарей. Если же имъ по чему либо не хочется шить обновокъ въ то время; то догадливый купецъ вручаетъ имъ деньги за уэкономленные полуаршинчики, которыя уже и тратятся по усмотрѣнію самими начальниками.

Высокопочтенные начальники даже поручаютъ, такъ сказать, надзоръ за казенными припасами без-

словеснымъ тварямъ, которыя, разумѣется, не имѣютъ никакихъ интересовъ и побужденій скрывать истину. Вамъ г.г. читатели, конечно, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ училищахъ для черныхъ работъ позволяется имѣть одну лошадь, а между тѣмъ для начальниковъ часто не назначается ни одной даже клячи, и предоставляется имъ или ходить по городу пѣшкомъ, или нанимать извощиковъ, или обзавестись своими конями. Мы удивляемся подобному недосмотру. Ну, хорошо ли ставить начальниковъ, особенно особъ духовнаго званія въ такую крайность и изъ трехъ непріятностей выбирать одну? Не лучше ли прямо дать казенныхъ лошадей, экипажи, и содержаніе на все это? Но догадливые начальники умѣютъ поправлять недосмотры высшихъ властей. Они достаютъ таки лошадокъ и экипажи, не тратя на покупку ихъ ничего изъ своего кармана, содержатъ первыхъ и починиваютъ послѣдніе на счетъ училищныхъ суммъ, но такъ секретно, что въ этомъ уличить ихъ нельзя отчетами и документами. Какъ же это дѣлается? спросите вы. Если вы извольте, мы откроемъ вамъ тайну.

Выше было сказано, что всѣ почти безъ исключенія отцы ректоры семинарій имѣютъ въ своемъ управленіи монастыри. Да будетъ также вамъ извѣстно, что въ каждомъ монастырѣ есть экипажи и лошади для отца настоятеля; этихъ-то лошадокъ и и эти-то экипажи отцы ректоры приказываютъ помѣщать въ семинарскія конюшни и сараи; смѣшно же было бы ихъ держать въ монастырѣ, когда начальникъ самъ живетъ въ семинаріи. Но гдѣ же дол-

жно держать фуражъ для лошадей? Семинарскія кладовыя назначены для храненія семинарскихъ же запасовъ; положи въ нихъ монастырскій овесъ и сѣно, не соблюдена была бы буква закона и смѣшались бы двѣ различныя экономіи; новыхъ кладовыхъ устроивать не позволятъ. Притомъ зачѣмъ же одинъ монастырь будетъ держать лошадей и починивать экипажи, когда его настоятель есть вмѣстѣ начальникъ семинаріи? Вѣдь монастырь все таки святая обитель, а ни одной семинаріи до сихъ поръ еще никто не называлъ святою. Зачѣмъ же первую обременять излишними расходами, особенно когда всѣ остатки отъ доходовъ раздѣляются между святою братіею и еще болѣе святымъ настоятелемъ? Наконецъ начальнику семинаріи надобно же знать, хорошо ли сѣно или овесъ, покупаемые для казенной лошади; не подмѣниваютъ ли ихъ экономъ или кучеръ? И вотъ на основаніи всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ монастырскіе кони пользуются *семинарскимъ* овсомъ и сѣномъ, экипажи починиваются на *семинарскія* суммы, кучеръ получаетъ жалованье отъ *семинарскаго* эконома и вмѣстѣ съ прочими служителями ѣстъ *семинарскій* хлѣбъ. Но за то начальники, выѣзжая на лошадяхъ, всякій разъ могутъ по ихъ дородности судить, хороши ли овесъ и сѣно. Очень резонно. Да и вообще не согласитесь ли вы съ нами, что удивляться вычерченному доктору Стою намъ нѣтъ надобности, что семейныя отношенія между начальниками и учениками у насъ существуютъ издавна, т. е. въ пользованіи казенными съѣстными запасами. Правда злые языки говорятъ, что для начальниковъ

въ кладовыхъ имѣются особые и масло, и крупа, и пшено, и пр. Мы даже слыхали, какъ въ одной семинаріи пеклось три сорта хлѣбовъ; одинъ N. 1. для начальниковъ, другой N. 3. для ежедневнаго употребленія учениковъ, а еще N. 2. для учениковъ же, но на экстренные случаи. По мало ли что говорятъ злые языки? Притомъ чтожъ дурнаго, если начальство ставитъ себя нѣсколько повыше своихъ подчиненныхъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ вы потребуете, чтобы начальникъ иногда съ Анною и Владиміромъ на шеѣ кушалъ тоже, что ѣстъ какой либо бурсакъ сапкюлотъ въ засаленномъ халатѣ, босоногій сынъ какого либо писца, дьячка иль мѣщанина? Смѣшно было бы ваше требованіе и даже неблагоразумно! И потомъ, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. въ праздники, при посѣщеніяхъ училища какимъ либо постороннимъ лицемъ не класть на столы учениковъ хлѣба подъ N. 2. а въ другіе времена не употреблять N. 3? Не всѣ же дни надобно считать одинаковыми между собою; не даромъ же существуютъ праздники! . . .

Многіе начальники духовныхъ училищъ не довольствуются тѣмъ только, чтобы посредствомъ экономическихъ распоряженій поставить себя въ самыя тѣсныя семейныя отношенія съ учениками; они кромѣ того въ этомъ случаѣ стараются достигать высокихъ нравственныхъ и аскетическихъ цѣлей, помогаютъ развитію умственныхъ способностей и пріучаютъ своихъ милыхъ питомцевъ ко многимъ непріятностямъ, имѣющимъ встрѣтиться въ жизни. Вамъ кажется удивительнымъ подобное сочетаніе столь раз-

народныхъ предметовъ; не удивляйтесь; мудрые и благонамѣренные начальники на все способны. Мы вамъ объяснимъ это. Давнымъ давно ученые и не ученые психологи раздѣляются на спиритуалистовъ и матеріалистовъ; первые доказываютъ, что душа и тѣло человѣческія не только не имѣютъ никакого сходства между собою, но и составляютъ непримиримыя двѣ крайности, могутъ назваться двумя противоположными полюсами и потому находятся въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ; такъ что, помогая тѣлу, вы этимъ непремѣнно вредите душѣ, а разстроивая тѣло, вы тѣмъ самымъ *облегчаете узы, которыми душа привязана къ нему.* Матеріалисты же напротивъ..... впрочемъ объ нихъ не стоитъ говорить, они держатся между прочимъ мнѣнія какого-то язычника, который сказалъ: mens sana in corpore sano (здравый умъ бываетъ въ здравомъ тѣлѣ); и потому обязываютъ каждаго человѣка упитывать свою враждебную плоть, вовсѣ не подозрѣвая, что они этимъ помогаютъ только Ариману одерживать побѣду надъ Ормуздомъ. Далѣе всякому извѣстно, что satur venter non studet libenter (сытое брюхо къ ученію глухо); что всякое умственное занятіе легче утромъ, нежели послѣ сытнаго обѣда; въ послѣднемъ случаѣ мы только и способны или предаватся въ объятія Морфея, или дѣлать кейфъ, а не заниматся логикою и сочинять примѣры словъ и мыслей. Все это, разумѣется, вполнѣ извѣстно почтеннѣйшимъ и высокопочтеннѣйшимъ, препочтеннѣйшимъ и высокопрепочтеннѣйшимъ начальникамъ.....хъ училищъ. Итакъ, какъ къ кругу ихъ дѣятельности

относится нравственное воспитаніе ввѣренныхъ ихъ отеческому попеченію дѣтей; то они и принимаютъ мѣры къ тому, чтобы въ послѣднихъ плоть уже не имѣла возможности воевать на духъ и чтобы брюхо никогда не было ученію глухо. Мѣры избираются очень вѣрныя и дѣйствительныя. Извѣстно, что приправы къ пищѣ болѣе всего раздражаютъ нашъ вкусъ и, располагая его къ многоѣденію, утучняютъ грѣшное наше тѣло. Послѣ этого, разумѣется, начальникамъ естественно отдать приказъ, чтобы пища воспитанниковъ была безъ всякихъ приправъ и состояла изъ самыхъ простыхъ естественныхъ произведеній. Хлѣбъ, вода (даже квасъ не нуженъ), кислая капуста, пожалуй въ крайности гречневая крупа съ примѣсью нѣсколькихъ атомовъ масла, кусочикъ говядины, — больше этого ничего не нужно. Нѣкоторыя благонамѣренные и благопопечительные начальники сокращаютъ даже и этотъ списокъ. Мы знаемъ одного начальника уѣзднаго .....го училища, который занимаетъ средину между почтенными и высокопочтенными; онъ въ рождественскій или филиповъ постъ кормилъ учениковъ только капустою, хлѣбомъ чернымъ и квасомъ; ученики впрочемъ вмѣсто послѣдняго употребляли воду; и точно у нихъ уже плоть не воевала противъ духа; имъ къ концу поста даже какъ-то стало трудно кушать и хлѣбъ; потому что на губахъ появились волдыри, какъ знакъ побѣды, одержанной духомъ надъ плотію. Пораженіе послѣдней было такъ блистательно, что нѣкоторые ученики были перенесены въ качествѣ раненыхъ въ больницу, да наконецъ и начальникъ поторопился

поскорѣе распустить все училище, иначе побѣда духа могла сдѣлаться чрезчуръ блистательною.

По и самою простою пищею можно неумѣренно воспользоватся; можно и кислой капусты съѣсть фунтовъ пять. Естественно, что благопопечительные начальники обязаны брать дѣятельныя мѣры противъ многоѣденія. Намъ тоже извѣстно одно .....ое училище, гдѣ ученикамъ вѣсомъ дается или давали хлѣбъ; и потому каждый въ столовую идетъ съ своею порціею; сцена умилительная! ни крошекъ, ни кусочковъ, ничего не остается, только иногда крысы обижаютъ учениковъ, утаскивая въ свои норы казенный хлѣбъ; но и чрезъ это ученики научаются благоразумной осторожности, бережливости, даже и самостоятельности если угодно, и самораспорядительности.

Вѣроятно, чтобы развить эти же самыя душевныя качества, столь нужныя для нравственной дѣятельности, употребляется еще другая мѣра. Вы конечно знаете, какъ часто малыя дѣти ломаютъ ложки, особенно деревянныя. Сколько же ихъ переломалось бы въ училищѣ, въ которомъ на казенномъ содержаніи бываетъ до 200 человѣкъ? Попробуйте сосчитать. Предусмотрительные начальники многихъ духовныхъ училищъ, даже семинарій берутъ рѣшительныя и простыя мѣры противъ этого зла. Они обязываютъ каждаго ученика имѣть собственную ложку которую, какъ *свою кормилицу*, онъ же самъ долженъ и беречь, и мыть, и носить и, главное дѣло, покупать. Какъ умно и просто! этимъ все достигается; и казенный интересъ соблюдается; и ученики обучаются осторожности, бережливости, самораспоряди-

тельности и пр. Правда злые языки разсказываютъ много смѣшныхъ анекдотовъ, происходящихъ отъ описаннаго нами распоряженія; и за уваженія къ исторической истинѣ мы не хочемъ умолчать и объ этомъ. Ученики такъ любятъ *кормилиц* своихъ, что часто носятъ ихъ въ карманахъ сертуковъ и жилетовъ; и такимъ образомъ являются съ ними не только въ классъ, но и на экзамены. Отъ этого обыкновенія дѣйствительно бываютъ иногда забавныя сцены. Вотъ напр. дѣтина лѣтъ 20-ти и поболѣе въ суконномъ сюртукѣ на публичномъ экзаменѣ отвѣчаетъ предъ публикою, положимъ, изъ психологіи о соединеніи души съ тѣломъ, или изъ догматики о воплощеніи Сына Божія. Дѣло, разумѣется, нелегкое; естественно покажется поту на ученомъ челѣ; еще естественнѣе отереть потъ платкомъ. Но ложка, лежа иногда вмѣстѣ съ платкомъ, не хочетъ отставать отъ него и къ величайшей потѣхѣ публики, къ досадѣ начальства, къ немалому *конфузу* ученика вылетаетъ на средину пола; — не скроемъ, бываютъ подобныя происшествія. Иногда же неблагонамѣренные товарищи злодѣйски подшучиваютъ надъ *ложконосцами*, измѣнически вытаскивая *кормилицу* изъ кармана. Обкраденный владѣлецъ ея, не подозрѣвая нисколько похищенія своей собственности, весело входитъ въ столовую, опускаетъ руку то въ тотъ, въ другой карманъ, но все тщетно; *кормилицы* нѣтъ! Между тѣмъ товарищи начали свои занятія около миски: обкраденному бѣжать на базаръ поздно; да иногда и денегъ нѣтъ; приходится довольствоваться однимъ хлѣбомъ. Наконецъ иной семинаристъ, при-

выкши лѣтъ десять и болѣе всегда имѣть свою ложку не можетъ вдругъ отстать отъ своей привычки, даже поступивши въ академію. Эти высшія учебныя заведенія, какъ мы выше замѣтили, говоря объ рекреаціяхъ, отличаются наклонностію къ новизнѣ. Въ ихъ столовыхъ столы накрыты яковлевскими скатертями; для каждаго студента стоитъ особый приборъ изъ салфетки, тарелки, ножа, вилки и даже серебряной ложки (ужасное мотовство!) Тутъ-то иногда новый студентъ не успѣвшій еще забыть семинарскихъ обычаевъ, по окончаніи обѣда укладываетъ ложку въ свой карманъ; и когда ему доложатъ, что въ академіяхъ не уносятъ серебряныхъ ложекъ; то въ какое замѣшательство онъ приходитъ? Положимъ, что всѣ описанныя нами сцены немножко смѣшны; что же за бѣда? Посмѣйтесь, но не вините семинарскаго и училищнаго начальства; оно, сколько намъ извѣстно, рѣшительно никогда не приказываетъ ученикамъ брать съ собою ложки въ классъ и на экзамены, похищать ихъ изъ кармановъ, или уносить изъ академической столовой; во всемъ этомъ ученики виновны сами. Соблюдая казенный интересъ въ хлѣбѣ и ложкахъ, начальники должны также заботиться объ умѣренномъ употребленіи щей, каши, кашицы и пр. Способы для достиженія этой цѣли очень просты и всѣмъ извѣстны; если на четырехъ человѣкъ налить 40 ложекъ щей, то уже на каждаго достанется никакъ не болѣе 10 ложекъ, изъ 40 не только 80, даже 42 ложки сдѣлать нельзя; если на 10 человѣкъ дать 20 кусочковъ говядины, то при ровномъ раздѣлѣ никому изъ первыхъ не достанется болѣе двухъ по-

слѣднихъ. Больше ничего не нужно говорить; все ясно!

Почтенные начальники нѣкоторыхъ духовныхъ училищъ помнили и помнятъ, что всякое училище должно быть также предуготовительною школою для частной жизни, что въ немъ воспитанники должны ознакомиться съ тѣми непріятностями, съ которыми нельзя въ послѣдствіи не встрѣтиться. Но кому неизвѣстно, что едва ли не всякому, даже богачу случается бывать голоднымъ, или сидѣть за обѣдомъ, дурно приготовленнымъ и кушать блюда, составленныя изъ дурныхъ, испортившихся запасовъ? Непріятны, очень непріятны подобныя обстоятельства; но не будутъ ли они гораздо непріятнѣе, если намъ на опытѣ сдѣлаются извѣстными уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда природа наша не любитъ никакихъ нововведеній? Не лучше ли еще съ дѣтства пріучить людей къ подобнымъ непріятностямъ? Тогда, встрѣчаясь съ ними въ жизни, мы кланяемся имъ только, какъ старымъ своимъ знакомымъ. Истинно-догадливые начальники, имѣя въ виду, разумѣется, эту цѣль, знакомятъ учениковъ съ непріятностями по части желудка. Разнообразіе способовъ, употребляемыхъ для этого, изумительно. Напр. зачѣмъ просѣвать сквозь рѣшето муку, назначаемую для хлѣбовъ? Для отдѣленія отрубей! скажете. Вотъ еще, что придумали! вѣдь отруби, какъ доказала органическая химія, заключаютъ въ себѣ очень много питательныхъ частей. Зачѣмъ же ихъ отдавать курамъ и свиньямъ? Пусть кушаетъ молодое поколѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучается употреблять хлѣбъ не очень вкусный,

но не самый худшій. Даже кажется, почему бы не подбавлять, изрѣдка по крайней мѣрѣ, мякинки, песочку и пр., чтобы послѣ не приходить въ ужасъ, когда хлѣбъ хруститъ на зубахъ или заключаетъ въ себѣ обломки колосьевъ, или когда въ голодные годы придется смѣшивать съ мукою лебеду, шелуху и пр. Только въ описываемой нами методѣ хлѣбопеченія бываютъ непредвидѣнныя обстоятельстеа. Знаете, что одно изъ животныхъ-сѣренькаго цвѣта любитъ жить въ кладовыхъ съ припасами и даже устраивать для себя и для своего семейства жилище въ куляхъ съ мукою. Сквозь рѣшето, конечно, эти животныя не прошли бы, но съ непросѣянною мукою нерѣдко попадались даже и въ квашню. Что дѣлать? Обстоятельство непредвидѣнное, скоромились воспитанники отъ этого и въ великій постъ. Но иногда муку даже трудновато просѣвать сквозь рѣшето; изъ сыпучаго тѣла она часто, на основаніи химическихъ и физическихъ законовъ, обращается въ комкообразныя тѣла. Ну, какъ ихъ просѣешь, когда даже нужно бываетъ разбивать обухомъ? Но и тутъ мука нерѣдко скоромитъ воспитанниковъ. Она, находясь въ учебномъ заведеніи, ознакомливается съ химіею и не только развиваетъ въ себѣ процессъ броженія, но и служитъ соединеніемъ растительнаго и животнаго царствъ. Мелкія животныя, принадлежащія къ разряду безчленныхъ (immembres) попадаются въ разломленномъ хлѣбѣ при такомъ научномъ направленіи муки. Подобныя вещи случаются и со щами; — капуста, которой достоинство именно и зависитъ отъ броженія, продолжаетъ иногда слишкомъ долго и усерд-

но этотъ процессъ тоже доставляетъ возможность внутри себя образоваться не только наливочнымъ животнымъ, но и тѣмъ, которыя можно видѣть невооруженнымъ глазомъ. Иногда даже и почтеннѣйшіе поставщики доставляютъ такую говядину и солонину, что и безъ капусты во щахъ бываютъ кое-какія малыя животныя. Но всего описать нельзя. Присоедините сюда прогорклое масло, проквашенную крупу, протухлую говядину и пр.; вы поймете, что воспитанника казеннокоштнаго не изумитъ въ послѣдствіи никакой дурной столъ.

Мы это знаемъ по личному своему опыту; чего намъ до 25 лѣтъ не случалось кушать? Притомъ иногда съ какими еще сюрпризами? Мы уже были въ высшемъ учебномъ заведеніи; — зачѣмъ его называть? Наши любезные товарищи сейчасъ догадаются о немъ. Вдругъ намъ *вольнщаютъ*, что высокопочтеннѣйшій нашъ начальникъ въ день Преображенія Господня рѣшился угостить насъ рыбою, которая была посолена для употребленія Его Милости. Зная гастрономическій вкусъ начальника, мы были въ восторгѣ и, грѣшные люди, даже объ обѣдѣ думали за обѣднею. Но за то, какъ мы были наказаны! Звонокъ къ столу пробилъ; мы бросились въ столовую; но тутъ-то мы фактически ознакомились съ отталкивающею силою газовъ. Наша лакомая рыба, начавши свое химическое разложеніе еще за нѣсколько дней, и даже недѣль, съ такою силою продолжала въ кухнѣ и столовой свои химическія занятія, что мы почти всѣ опрометью убѣжали изъ послѣдней. Одинъ шутникъ товарищъ, бывшій во

время этого обѣда вресть за 30, увѣрялъ, что онъ въ тотъ часъ слышалъ запахъ отъ нашей рыбы даже тамъ. И *по-дѣломъ* намъ; не занимайся во время обѣдни обѣдомъ, не предавайся чревоугодію, а главное дѣло пріучайся къ гастрономическимъ непріятностямъ въ жизни. Кстати сказать, для порядка въ этотъ памятный день по расходнымъ книгамъ рыба значилась не подаренною, а купленною у мѣщ — на М—гина. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему вводить статью о подаркахъ? Пустъ все покупается; — больше однообразія.

Какія же бываютъ послѣдствія всѣхъ такихъ распоряженій? Вы знаете латинскую сентенцію: improbus labor omnia vincit (неутомленный трудъ все побѣждаетъ). Поэтому не за чѣмъ удивлятся, что намѣренія начальниковъ настойчивыхъ, неуклонно *шествующихъ* къ предположенной цѣли, увѣнчиваются успѣхомъ. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ всѣ описанныя нами распоряженія приводятся въ исполненіе, взглянувши на воспитанниковъ, вы тотчасъ догадаетесь, что ихъ плоть не можетъ удачно воевать съ духомъ, что ихъ брюхо рѣдко было къ ученію глухо. На ихъ щекахъ или, пожалуй, *лапитахъ*, вы уже не замѣтите того румянца, который такъ ярко отсвѣчивается на лицахъ мясниковъ и другихъ людей, преданныхъ чревоугодію; блѣдный цвѣтъ лица, впалые глаза и щеки показываютъ ясно, что ученики вели нерѣдко подвижническую и постническую жизнь и другіе болѣзненные припадки въ желудкѣ напоминаютъ имъ часто, что они существа бренныя, что имъ постоянно надобно помышлять о послѣднемъ часѣ. Больница въ нѣкоторыя эпохи года, напр. въ

Декабрѣ, Мартѣ, Іюнѣ какъ-то особенно привлекаетъ къ себѣ много пацієнтовъ. А воспитанники тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ описанныя нами мѣры приводились въ дѣйствіе съ должною энергіею, и по выходѣ изъ школы надолго, а иногда и на всегда чуствуютъ въ себѣ послѣдствія училищной гастрономіи. Но за то какъ бы дурно ихъ послѣ ни кормили, въ какомъ бы бѣдственномъ положеніи они ни находились, это для нихъ не будетъ новостію, они уже знакомы съ нею. А что это стоитъ?

Въ описанной нами борьбѣ между плотію и духомъ учениковъ къ одной изъ воинствующихъ сторонъ недавно присоединились въ духовныхъ училищахъ два сильныхъ вспомогаельныхъ корпуса, которыхъ дѣятельное участіе совершенно измѣнитъ ходъ войны и доставитъ рѣшительный перевѣсъ, но — должно сказать къ искреннему сожалѣнію аскетиковъ — не духу, а плоти.

Одинъ изъ этихъ корпусовъ называется *гласностію.* Еще въ самомъ началѣ своей статьи мы замѣтили, что въ журналахъ помѣщается довольно много неблагопріятныхъ отзывовъ о духовныхъ училищахъ. Иные изъ нихъ прямо относятся къ описываемой нами борьбѣ и вооружаются противъ экономически-нравственныхъ идей. Конечно тѣ, которые писали эти отзывы, какъ будто чѣмъ-то пріудерживаются, не всегда ясно выражаются, даже иногда какъ будто говорятъ, Богъ знаетъ, о какихъ училищахъ, называя ихъ *захолустьями*, *закоулками*, *темными мѣстами*, *допотопными заведеніями* и пр. Но вмѣсто того вымѣряютъ разстояніе училища отъ ка-

кого либо извѣстнаго города таки хорошо, что самый недогадливый сей-часъ поймет о какомъ либо событіи, которое, въ послѣдніе годы только и было въ одномъ извѣстномъ городѣ; или такъ опишутъ наружность училищнаго зданія, физіогноміи и пріемы начальниковъ, ихъ поговорки и изрѣченія, что послѣдній мѣщанинъ въ цѣломъ городѣ знаетъ, о комъ идетъ дѣло. Такимъ образомъ статьи, не смотря на умышленную или вынужденную скрытность достигаютъ цѣли даже едвали не вѣрнѣе, нежели когда было бы сказано, къ кому надобно ихъ отнести. Въ послѣднемъ случаѣ одно училище и приняло бы извѣстную статью на свой счетъ; а теперь иногда къ цѣлымъ десяткамъ ее прилагаютъ. Въ прошедшемъ 1859 году бывши въ одномъ городѣ мы стали разсказывать своему знакомому, что о распоряженіяхъ начальника нашей семинаріи напечатано насмѣшливая статья въ такомъ-то журналѣ. А знакомый нашъ началъ увѣрять и, кажется, основательно, что она относится къ почтеннѣйшему начальнику ихъ семинаріи. По всей вѣроятности мы тоже самое услыхали бы не въ одномъ изъ прочихъ губернскихъ городовъ, если бы тамъ побывали и пораспросили. Кромѣ того иногда описанія такъ ясны и осязательны, что иному начальнику нѣтъ возможности не принять ихъ на свой счетъ; *не въ бровь, а прямо въ глазъ.* Послѣ этого никто уже не удивится, что гласность, воюя противъ экономически-нравственныхъ идей, ставитъ въ большое затрудненіе защитниковъ ихъ и даже заставляетъ отказываться отъ нихъ. Намъ извѣстно училище, гдѣ въ слѣдствіе разговорившейся въ какомъ-то жур-

налѣ гласности начали мыть полы, отапливать столовую и классы, улучшили пищу, даже завели казенныя ложки и пр. Ну, какъ послѣ этого не назвать гласность вспомогательнымъ корпусомъ плоти противъ духа? Но начальники и воины этого корпуса дѣйствуютъ, такъ сказать, дипломатически, нравственнымъ образомъ, не развязываютъ своихъ кошельковъ, не вынимаютъ оттуда кредитныхъ билетовъ, не покупаютъ на нихъ муки и крупы и пр., словомъ дѣйствуютъ чуть ли не также, какъ Австрія помогаетъ теперь бурбонскому неаполитанскому правительству. Дипломатія ея, можетъ быть и много хлопочала, но Францискъ II не удержался въ Гаэтѣ. Такимъ образомъ гласность еще не такъ страшна была бы для защитниковъ экономически-нравственныхъ идей.

Второй вспомогательный корпусъ дѣйствуетъ иначе. Правда, онъ состоитъ изъ лицъ мирныхъ качествъ, нисколько невоинственныхъ; но между тѣмъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ ихъ надобно причислить *къ партіи дѣйствія* и даже можно сравнить съ волонтерами Гарибальди. И если имъ дозволено будетъ еще нѣсколько лѣтъ продолжать свои подвиги, то ученики духовныхъ училищъ совершенно забудутъ всѣ уроки, посредствомъ которыхъ они или ихъ предшественники были пріучаемы къ холоду, голоду и другимъ лишеніямъ въ жизни, и плоть въ нихъ рѣшительно восторжествуетъ надъ духомъ, точно такъ какъ теперь одержало верхъ дѣло независимости италіанской. Позвольте разсказать объ этомъ вспомогательномъ корпусѣ.

Въ 1859 году дозволено приглашать дворянъ

и купцевъ быть *почетными блюстителями* духовныхъ училищъ. Права и обязанности ихъ немногосложны. Они должны жертвовать единовременно и ежегодно извѣстную сумму на училище. Дѣло доброе, въ рукахъ почтеннѣйшихъ начальниковъ новыя суммы были бы употреблены полезнѣйшимъ для духа образомъ; на нихъ можно бы написать богатыя иконы, устроить великолѣпное облаченіе и пр. Но къ несчастію предоставлено право самимъ блюстителямъ опредѣлять тѣ предметы училищной экономіи, на которые можно тратить жертвуемыя ими суммы; вотъ почему блюстители могутъ слѣдить за всею вообще экономіею училища и въ слѣдствіе своихъ наблюденій показывать, что они желали бы улучшить; въ этомъ-то и состоитъ бѣда. Ну какъ можетъ хоть бы напр. купецъ узнать потребности даже экономическія духовнаго юношества? Почему бы попеченіе объ этомъ не возложить на само начальство? По своему положенію мы еще не могли собрать достаточное количество свѣдѣній о г.г. блюстителяхъ, но сдѣлавшіеся намъ извѣстными факты уже показываютъ, что новые чиновники въ духовныхъ училищахъ приняли сторону не духа, а плоти. Иные, увидавши, что для учениковъ казенокоштныхъ покупается въ умѣренномъ количествѣ говядина и притомъ такого качества, чтобы плоть не одержали побѣды надъ духомъ, говорятъ, иные отъ себя прибавляютъ къ каждому обѣду по 10—20 ф.; и притомъ не посылаютъ для этого денегъ къ отцамъ-начальникамъ, которые умѣли бы благоразумно распорядиться ими, а покупаютъ сами говядину — извѣстную на языкѣ

чревоугодниковъ подъ названіемъ хорошей; разумѣется, мальчики наѣдятся такой говядины *до нельзя* и уничтожатъ свою плоть. Другіе находятъ нужнымъ отапливать классы и для этого опять сами покупаютъ дрова и смотрятъ за ихъ употребленіемъ; — гдѣже теперь ученикамъ пріучиться къ холоду? Вѣдь не въ спальняхъ же; да и ихъ блюститель станетъ отапливать.

Но блюститель одного изъ низшихъ духовныхъ училищъ успѣлъ уже присвоить себѣ права, которыя, по буквальному смыслу закона, не предоставлены ему; онъ *дерзнулъ* разсматривать и даже ограничивать распоряженія высокопочтеннѣйшаго начальника и подвергать нареканію полезнѣйшую его дѣятельность. Сначала опишемъ оба дѣйствующія лица. Блюститель принадлежитъ къ купеческому сословію, но Богъ знаетъ какимъ образомъ, и для чего не только выучился читать и подписывать свое имя, но даже занимается литературою; выписываетъ новые журналы; словомъ сказать, вовсе не похожъ на нашихъ старинныхъ православныхъ купцовъ. Другое дѣло высокопочтеннѣйшій начальникъ, служитъ уже болѣе 30 лѣтъ, пріобрѣлъ огромную опытность по части экономіи. Въ доказательство послѣдней нашей мысли мы укажемъ на слѣдующее обстоятельство. При размѣнѣ билетовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія на новые пятипроцентные билеты у почтеннаго начальника оказался капиталецъ, превышающій всѣ тѣ доходы, которые онъ могъ получить отъ двухъ своихъ должностей. Какоесъ нужно было умѣнье, чтобы уэкономить больше денегъ, нежели сколько получилъ? Заговорились мы,

извините; продолжимъ же описаніе начальника; — фигуру онъ имѣетъ сановитую, невольно внушаетъ къ себѣ уваженіе, прекрасно разсуждаетъ о человѣколюбіи, смиренно о душевныхъ и тѣлесныхъ благахъ и пр. Этотъ-то почтенный начальникъ, при поступленіи новаго блюстителя, думалъ вразумить его, посовѣтовавши, для избѣжанія хлопотъ и противоположныхъ взглядовъ, только жертвовать сумму, а расходы ея предоставить его начальнической отеческой заботливости. Но блюститель возразилъ: „зачемъ васъ обременять излишними хлопотами? Притомъ у васъ, можетъ быть, и пища и одежда и даже отопленіе все хорошо, зачѣмъ же на нихъ тратить деньги? Позвольте мнѣ самому присмотрѣться ко всему; если я все найду хорошимъ, тогда куплю ученикамъ книги." Вотъ смотрите, его ли дѣло ученая часть! зналъ бы одну экономію! Почтенный начальникъ долженъ былъ уступить. Блюститель ходилъ въ училище, присматриваясь ко всему, распрашивалъ о томъ, сколько по отчетамъ и на самомъ дѣлѣ выходитъ запасовъ на пищу учениковъ и пр. и пр. Вскорѣ оказались вредныя послѣдствія этой его дѣятельности; мы съ должнымъ уваженіемъ къ начальнику опишемъ непріятности, надѣланныя ему блюстителемъ. 1. Ежегодно съ незапамятныхъ временъ на учениковъ по отчетамъ и кладовымъ записямъ выходило, примѣрно сказать, по 4 пуда муки и по одному поду говядины. Зачѣмъ сомнѣваться въ этомъ фактѣ, подтвержденномъ многолѣтними оффиціальными наблюденіями? Но блюститель въ одинъ день присылаетъ на обѣдъ и ужинъ воспитанникамъ всѣ

свои запасы и притомъ въ меньшемъ количествѣ (настоящій купецъ-скупецъ), нежели сколько по кладовымъ записямъ ихъ выходило; велѣлъ ими только кормить цѣлый день учениковъ. Почтеннѣйшій начальникъ понялъ этотъ макіавелевскій поступокъ, далъ знать инспектору, чтобы онъ приказалъ ученикамъ ѣсть, какъ можно больше, ѣсть постоянно, истребить всѣ запасы, присланные блюстителемъ и постараться, чтобы ихъ даже не достало. Но почтенный начальникъ не подозрѣвалъ, что измѣна и недоброжелательство гнѣздились въ его собственномъ лагерѣ. Инспекторъ — самъ по себѣ жизни необыкновенно трезвой и истинно аскетической — между тѣмъ издавна доказывалъ, что учениковъ, по его словамъ, нѣтъ надобности пріучать къ холоду и голоду, что казенныхъ денегъ не нужно оставлять даже на экзаменскіе обѣды и пр. Поэтому онъ и не взялъ такихъ мѣръ, которыя бы пристыдили блюстителя. Ученики, хотя по ихъ словамъ никогда такъ хорошо не обѣдали и не ужинали, не съѣли всего, чего имъ прислалъ блюститель. Такимъ образомъ по разсчету послѣдняго оказывалось, что у начальника будтобы ежедневно прежде расходилось болѣе надлежащаго цѣлымъ пудомъ муки и десятью фунтами говядины. Судите же, сколько въ теченіе года его отеческая заботливость могла собрать денжонокъ на непредвидѣнные расходы! 2. Блюститель какъ-то узналъ, что нѣкоторые казеннокоштные ученики за неимѣніемъ сапоговъ не ходятъ въ классъ; это было въ великій постъ въ самомъ концѣ Марта. Не станемъ умалчивать, что по контракту сапожникъ долженъ былъ доставить обувь въ теченіе этого

мѣсяца. Ну что же? пусть не ходятъ; ученая часть не подлежитъ вѣдѣнію блюстителя; завѣдывать ею долженъ исключительно ученѣйшій начальникъ. Между тѣмъ блюститель пошелъ къ сапожнику и спросилъ, почему онъ не доставляетъ сапоговъ. Сапожникъ отзывался тѣмъ, что онъ получилъ отсрочку отъ отца смотрителя. Послѣдній на это имѣлъ множество причинъ. Въ Мартѣ и Апрѣлѣ отъ грязи сапоги очень скоро изнашиваются; какъ же ему не поберечь до благодатнаго Мая казенной ученической обуви? Кромѣ того къ Пасхѣ мальчики уѣхали бы домой и сами съумѣли бы добыть сапоги. А потомъ по возвращеніи изъ дома зачѣмъ имъ обувь въ Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ? Бѣгаютъ и босоногіе. А тамъ наступили бы каникулы, молодежь домой убѣжала бы и безъ сапоговъ. Смотрите же, цѣлыхъ полгода казенная обувь осталась бы не тронутою. Но блюститель пошелъ къ ректору семинаріи; послѣдній не только не поддержалъ начальника, но даже *намылилъ* ему — заслуженному человѣку — *голову*. Вотъ надѣйтесь на защиту своихъ начальниковъ! 3. Блюститель захотѣлъ посмотрѣть дрова, заготовленныя начальникомъ для училища. Дрова разумѣется, хорошія, но и тутъ пришла же охота вывѣрить ихъ; такъ и видно, что привыкъ у себя въ лавкѣ вѣсить и мѣрить. По этому измѣренію двора оказались въ меньшемъ количествѣ, нежели сколько по разходной книгѣ куплено ихъ. Что же за бѣда? Отецъ смотритель въ этомъ случаѣ могъ ошибиться, или частическу дровъ взять къ себѣ для обслѣдованія достоинства ихъ въ своемъ домѣ, или уэкономить деньжонки на

непредвидѣнные расходы. Мало ли бываетъ секретныхъ вещей вездѣ, не только въ училищѣ? Но и тутъ опять подняли крикъ, опять почтеннѣйшаго начальника заставили прибавить не достающее количествъ дровъ. 4. Вредныя послѣдствія отъ такого униженія высокопочтеннѣйшаго начальника быстро оказались. Въ прежнее время поставщики разныхъ запасовъ, матеріаловъ и пр. безъ всякой остановки отдѣляли по 5% и 10% и даже болѣе высокопочтеннѣйшему начальнику за его труды и хлопоты; все шло мирно. Но узнавши, что ихъ братъ-купецъ играетъ роль въ училищѣ, они стали отказываться отдать процентики Его Высоко — бл . . . . . ію. Почтеннѣйшій начальникъ, разумѣется, удержалъ ихъ деньги. Но нахальные поставщики сказали о томъ блюстителю; и — зачѣмъ скрывать печальное обстоятелство? опять авторитетъ начальника унизился. Событія эти слѣдовали другъ за другомъ очень быстро. Ректоръ семинаріи, какъ мы выше сказали, не вступился за своего подчиненнаго. Этого мало, приказалъ завѣдывать всею экономическою частію инспектору, одному старику учителю и еще блюстителю; даже выдавать деньги поставщикамъ поручилъ имъ же. Не видите ли, любезнѣйшіе читатели, какъ появленіе въ училищѣ сторонняго лица можетъ измѣнить заведенный истари порядокъ, какъ уже признанные авторитеты падаютъ? И потому не въ блюстителяхъ ли явился сильный вспомогательный корпусъ на помощь плоти въ войнѣ ея съ духомъ? Кстати уже прибавить здѣсь, какъ одинъ (а можетъ быть и не одинъ) смотритель ловко устранилъ появ-

леніе блюстителя въ своемъ училищѣ. По своей проницательности предвидя, что отъ сторонних лицъ нельзя ожидать ничего добраго для училища, онъ формальнымъ образомъ своимъ отношеніемъ къ предводителю дворянства и градскому головѣ увѣдомилъ ихъ объ открытіи должности блюстителя въ духовныхъ училищахъ и присовокупилъ, чтобы они объявили о томъ всему дворянству и купечеству. Самъ же не только не счелъ нужнымъ пригласить кого либо изъ дворянства и купечества къ занатію должности блюстителя, но даже не сдѣлалъ визита ни предводителю, ни градскому головѣ. Послѣдніе, а вмѣстѣ съ ними дворяне и купцы обидѣлись; новая должность осталась вакантною, о чемъ отецъ смотритель и отрапортовалъ съ удовольствіемъ по надлежещему.

Къ величайшему удовольствію любителей аскетики лица обоихъ вспомогательныхъ корпусовъ до сихъ поръ еще не сблизились, не заключили между собою никакого договора, и *не подали*, какъ выражаются любители пышнаго слова, *руку помощи другъ другу*. Какой бы богатый матеріалъ блюстители духовныхъ училищъ могли поставить журналистамъ, описавши всѣ свои подвиги въ борьбѣ съ экономически-нравственными идеями? А гласность сколько бы помѣстила въ печати извѣстій о тѣхъ побѣдахъ, которыя при помощи блюстителей плоть учениковъ духовныхъ училищъ одерживаетъ надъ духомъ? Впрочемъ о послѣдствіяхъ такого союза догадаться не трудно. Мы въ описываемой нами войнѣ гласность сравнивали съ дипломатіею, блюстителей же

имѣемъ право сравнить съ банкирами и капиталистами. А вы, государственные люди, очень хорошо знаете, что можетъ сдѣлать искусный и настойчивый дипломатъ, поддерживаемый кошельками банкировъ и капиталистовъ и еще опирающійся на общественное мнѣніе. При этомъ условіи онъ будетъ гораздо сильнѣе, нежели когда бы въ его распоряженіи былъ милліонъ штыковъ. А кстати сказать, нельзя ли въ самомъ дѣлѣ вамъ, г.г. лица принадлежащія къ обоимъ вспомогательнымъ корпусамъ, заключить между собою союзъ, однимъ сообщать свои наблюденія, а другимъ обнародовать ихъ? По крайней мѣрѣ вещь была бы любопытная и новая. Попробуйте!

Отдѣленіе пятое.

О мѣрахъ, посредствомъ которыхъ удерживаютъ воспитанниковъ училищъ отъ наклонности къ чревоугодію.

Къ сожалѣнію мудрыя экономически-нравственныя распоряженія начальниковъ училищъ встрѣчаютъ враговъ не въ одной гласности, не въ однихъ блюстителяхъ. Они не очень нравятся публикѣ и особенно воспитанникамъ. Къ этому располагаютъ распоряженія нѣкоторыхъ начальниковъ, не читавшихъ, вѣроятно, ни одной аскетики и потому принимающихъ на себя обязанность только и думать о томъ, чтобы подчиненные имъ воспитанники *валялись*, по русской пословицѣ, *какъ сыръ въ маслѣ*. Да именно есть и

такіе отступники отъ аскетическихъ правилъ, даже между духовными лицами. Мы знали одного начальника духовной академіи, который, пришедшій въ первый разъ въ столовую, разбранилъ экономa и на другой же день прибавилъ новое кушанье; и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ улучшилъ столъ, что воспитанники большіе, разумѣется, сластолюбцы, были въ восторгѣ отъ него. За тѣмъ и публика сбиваетъ съ толку воспитанниковъ; иной почтенный даже человѣкъ, слыша, что въ столовой ихъ учатъ практической аскетикѣ, приходитъ въ негодованіе, принимается кричать, что это будто бы грабежъ, разбой, безсовѣстность. Воспитанники, разумѣется, глупы, вѣрятъ подобнымъ людямъ, да и собственная ихъ испорченная природа является въ этомъ случаѣ на помощь. И вотъ между учениками начинаются ропотъ, жалобы, заговоры, даже бунты. Бунты эти впрочемъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которыми такъ богата исторія Франціи съ 1789 по 1852 годъ. Школьные обѣденные и ужинные бунты состоятъ или въ томъ, что ученики рѣшаются не ходить за обѣдъ и ужинъ, или сидѣть въ столовой, не касаясь ни одного кушанья, или производятъ шарканье ногами, или поднимаютъ стукотню ложками, ножами и вилками. Былъ случай, не скрываемъ этаго, что даже тарелки и куски пирога въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи устремились на экономa и инспектора съ бо́льшею даже скоростію, нежели съ какою тѣла падаютъ на поверхность земную. Но это, можетъ быть, произошло отъ того, что въ то время, по какимъ-то неисповѣдимымъ, не замѣченнымъ астрономами, пер-

турбаціямъ въ земномъ шарѣ сила тяжести перемѣстилась изъ центра его въ личность эконома и инспектора.

Почтенное начальство впрочемъ не оставляетъ безъ вниманія этихъ проявленій карбонаризма и принимаетъ приличныя мѣры къ предупрежденію или уничтоженію ихъ. Мѣры эти можно раздѣлить *на общія*, свойственныя всѣмъ училищамъ, *и частныя*, употребляемыя, смотря потому, въ низшихъ или высшихъ училищахъ обнаружилось возмущеніе. Общія мѣры главнымъ образомъ состоятъ въ назидательныхъ наставленіяхъ и трогательныхъ поученіяхъ. Посредствомъ нихъ внушается благовременно и безвременно воспитанникамъ, что казна-де не обязана ихъ кормить и одѣвать, что у нея есть много людей болѣе полезныхъ, нежели какіе либо молокососы поповскія или даже дьячковскія бездомныя дѣти. Отсюда естественно выводится основательное заключеніе, что они — казеннокоштные ученики — должны быть благодарны за всякій кусокъ хлѣба, даже изъ слеглой муки, — за каждую ложку каши, даже изъ затхлой крупы, — за каждый кусокъ говядины или солонины, хотя бы уже въ немъ начиналось химическое броженіе; — за все, рѣшительно за все, даже и за то, чего нѣтъ никакой возможности ѣсть. Незнаемъ почему, но только почтенные начальники никогда не доказываютъ, что *казна приказываетъ* давать такого сорту пищу; вѣроятно это дѣлается съ тѣмъ, чтобы дѣтей не знакомить еще со всѣми тайнами администраціи. Но эти прекрасныя поученія по загрубѣлости воспитанниковъ не всегда дѣйствуютъ

на ихъ черствыя сердца. Необходимость заставляетъ начальниковъ прибѣгать къ другимъ болѣе энергическимъ и дѣйствительнымъ мѣрамъ — уже частнымъ. Въ низшихъ училищахъ большею частію употребляется одно средство, заимствованное у Грековъ, какъ классическаго народа; вы уже знаете, что всѣ почти начальники училищъ принадлежатъ къ любителямъ классиковъ. Извѣстно, что Спартанцы по нѣскольку разъ въ годъ производили публично смотръ своимъ полувзрослымъ дѣтямъ, заставляя ихъ снимать съ себя всю одежду. Если оказывалось, что кто либо изъ дѣтей имѣлъ слишкомъ много жирныхъ и мясистыхъ частей и тѣмъ показывалъ слишкомъ большую заботливость о чревоугодіи и объѣденіи; то изъ него посредствомъ приготовленныхъ пучковъ розогъ дѣлали отличное кровопусканіе и такимъ образомъ пріучали къ умѣренности. Тоже самое средство употребляется и въ низшихъ училищахъ въ случаѣ объѣденныхъ бунтовъ. Вѣдь объѣденные бунтовщики — явные чревоугодники и если не отличаются дородностію, то по крайней мѣрѣ желаютъ имѣть ее; почему же не уничтожить этого желанія спартанскимъ способомъ, аппробованнымъ уже классическою древностію? Но начальники сообразно съ духомъ времени допускаютъ нѣкоторыя измѣненія. Зачѣмъ всю одежду снимать съ учениковъ? Достаточно, если только нѣкоторая часть тѣла будетъ видима. Далѣе исправительныя мѣры не всегда тотчасъ слѣдуютъ за преступленіемъ; а чаще выжидается какой либо случай, напр. незнаніе урока. И тутъ-то уже, какъ будто за незнаніе урока, но бунтовщику дѣла-

ется иногда такое кровопусканіе, которое могло бы имѣть мѣсто и на спартанской площади. Ученики тотчасъ поймутъ въ чемъ дѣло и въ другой разъ не осмѣлятся бунтовать. Но добрые начальники въ случаѣ малыхъ преступленій или *бунтишковъ* довольствуются дать преступникамъ болѣе или мѣнѣе сильныя потасовки за волосы, подзатыльники, заученія и т. п.

Въ такъ называемыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣры дѣлаются болѣе сложными. Конечно употребляется и спартанскій способъ, но въ замысловатомъ видѣ. Такъ напр. въ одной семинаріи зачинщиками и почти единственными дѣятелями бунта были самые старшіе воспитанники, — молодцы лѣтъ подъ — и за двадцать. Приложить къ нимъ въ массѣ и публично спартанскій способъ было опасно; они рѣшились бы оказать и тутъ сопротивленіе власти; а роты или батальона съ примкнутыми штыками къ ружьямъ добыть нельзя было. Оставить преступленіе безъ наказанія не слѣдовало, иначе бунты стали бы и послѣ повторятся. Начальникъ былъ тонкій политикъ. Онъ показалъ видъ, что какъ будто и забылъ о происшествіи. Въ одинъ *прекрасный часъ* онъ приглашаетъ къ себѣ лучшаго ученика въ кабинетъ, гдѣ уже стояло шесть молодцоватыхъ служителей съ нужными препаратами для экзекуціи; преступникъ тотчасъ понялъ, что спастись отъ нея нѣтъ никакой возможности. Но начальникъ захотѣлъ дѣйствовать морально, доказавъ, что всякое преступленіе должно быть наказано; иначе оскорблены будутъ божеское и человѣческое правосудіе; что ему преступнику лучше принять отеческое ко-

лейное наказаніе, нежели быть исключеннымъ изъ училища съ дурнымъ аттестатомъ; что онъ начальникъ дѣлаетъ это снисхожденіе единственно изъ любви и вниманія къ нему; и что главное вѣдь стоятъ шесть человѣкъ, готовыхъ исполнить всякое приказаніе. Тронутый и убѣжденный преступникъ — дѣлать было нечего — повалился на полъ и, удерживаемый въ горизонтальномъ неподвижномъ положеніи четырьмя служителями, отъ остальныхъ двухъ получилъ увѣщаніе, слѣды котораго долго, очень долго не изгладились. По окончаніи экзекуціи прощенному преступнику и прислугѣ сказано было, чтобы они объ этомъ никому не говорили ничего. Точно такимъ же образомъ по одиначкѣ были приглашаемы и прочіе преступники въ кабинетъ начальника и получили достойное наказаніе. Разумѣется, дѣло не осталось въ секретѣ, и о бунтахъ ученики перестали думать. Въ другой .... іи казусъ былъ слишкомъ соблазнительный. Вообразите, пожалуйста, что одинъ воспитанникъ, ловя что-то въ чашѣ со щами или квасомъ, вытащилъ не какой либо кусочикъ четвероногаго, а цѣлое животное — именно то, которое мы уже выше сказали, любитъ лакомиться одними и тѣми же припасами съ человѣкомъ. Ну, что же за бѣда? Развѣ за всѣмъ можно усмотрѣть? Развѣ у самой лучшей хозяйки и чадолюбивой матери не попадаютъ въ горшокъ и оттуда въ чашку со щами мухи, тараканы и пр.? Что же за важность, если попалось нѣчто болѣе этихъ насѣкомыхъ? Но воспитанникъ былъ, какъ должно полагать, отъявленный негодяй, схвативши за хвостикъ животное, онъ

всталъ и во всеуслышаніе воскликнулъ: *смотрите-ка, братцы, что я нашелъ во щахъ!* Ребятишки были чистые глупцы, закричали, зашумѣли и разбѣжались изъ столовой; съ иными даже сдѣлалась рвота; потомъ молва объ этомъ распространилась по городу, по губерніи, и даже дошла до насъ — смиренныхъ людей. Скандалъ былъ огромный; но инспекторъ былъ человѣкъ тоже рѣшительный; онъ понималъ, что наказаніе должно быть примѣрнымъ. Прежде всего бунтовщику при товарищахъ была дана такая таска, что онъ не досчитался половины волосъ; потомъ на другой день сдѣлано было такое спартанское увѣщаніе, что увѣщатели должны были смѣняться одинъ за другимъ, а наконецъ при окончаніи года негодяй былъ вовсе исключенъ изъ училища; — и резонно, — какъ можно держать подобныхъ людей въ благоустроенномъ заведеніи?

Скажемъ также нѣчто о мѣрахъ, употреблявшихся при обѣденныхъ бунтахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь, разумѣется, спартанскій способъ убѣжденія невозможенъ; но начальники тутъ-то и показали свою изобрѣтательность. Въ одной .....ой.....іи за обѣдомъ подавалось три блюда, между которыми второе мѣсто занимало жаркое или лучше говядина въ соусѣ; тогда какъ по уставу полагалось двѣ перемѣны. Но воспитанники-чревоугодники не обращали вниманія на такое снисхожденіе начальства къ нимъ и постоянно жаловались то на то, то на другое. Начальникъ, выведенный изъ терпѣнія подобною докучливостію и назойливостію, придумалъ превосходную мѣру для пресѣченія

зла. Какъ скоро доходила до него какая либо жалоба отъ всѣхъ вообще воспитанниковъ, или обнаружено было неудовольствіе на пищу, хотя однимъ изъ нихъ, то начальникъ тотчасъ приказывалъ, по тогдашнему выраженію воспитанниковъ, *уничтожить жаркое* на недѣлю или болѣе и оставлялъ чревоугодниковъ съ двумя перемѣнами по уставу. Наконецъ воспитанники смекнули дѣло и сочли за лучшее довольствоваться тремя блюдами, хотя-бы и дурными, нежели двумя-нисколько не лучшими. Разсчетъ вѣрный, а начальникъ между тѣмъ былъ уже совершенно спокоенъ. Другой начальникъ въ томъ же самомъ заведеніи — человѣкъ необыкновенно деликатный — всегда оказывалъ истинно-отеческое вниманіе въ гастрономическимъ нуждамъ воспитанниковъ. Онъ чуть не ежедневно приказывалъ, чтобы дежурный старшій докладывалъ ему лично, хороша ли была пища. Если старшій называлъ ее хорошею, то милостивая улыбка награждала его за такой рапортъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ иногда, какъ бы мимоходомъ, прибавлялось: *да, я знаю — тамъ все хорошо; ступай, мой другъ, съ Богомъ, спасибо тебѣ.* Но если старшій жаловался на дурную пищу, то сцена измѣнялась. Почтеннѣйшій, нѣтъ извините, высокопочтеннѣйшій, даже высокопрепочтеннѣйшій начальникъ большею частію отправлялся на диванъ; укладывалъ свою особу на подушкахъ самымъ комфортабельнымъ образомъ и подзывалъ къ себѣ своего любимца кота Ваську настоящей сибирской породы: „*Ну, что ты говоришь? пища дурна?*“ страшивалъ его (т. е. старшаго, а не кота) отецъ-начальникъ. — *Такъ точно*

Ваше высокопрепочтеніе. — „*А чѣмъ она плоха?* — *тѣмъ-то и тѣмъ-то;* за причинами никогда остановки не было. Начальникъ, выслушавши все прибавлялъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: *врешь, пищу нельзя назвать дурною.* — *Помилуйте,* возражалъ старшій, *какъ нельзя назвать дурною? выслушайте, Бога ради,* и тутъ вновь начиналась іереміада. Но начальникъ опять повторялъ прежнее свое изрѣченіе. Старшій совершенно сбивался съ толку. — „*Ну что же ты стоишь и молчишь,* спрашивалъ начальникъ?“ — *Да, помилуйте что мнѣ говорить? я все уже сказалъ.*“ — „*Экой ты* ..... Да развѣ пища дурна? она скверная; — ее ѣсть, я думаю, нельзя; вотъ какъ то поваръ Ванька далъ вашъ супъ Васькѣ (котораго начальникъ въ тоже время поглаживалъ); и Васька зафыркалъ и отошелъ отъ супа; но между тѣмъ не сталъ кричать и жаловаться. Ступай, не умѣешь толкомъ рапортовать; небось, товарищи просили тебя всю правду сказать; да и я желаю ее знать; а ты вмѣсто превосходной степени употребляешь только положительную. Ступай, я скажу эконому.“ Старшій уходилъ, пища оставалась таже; но воспитанники наконецъ перестали жаловаться на нее; развѣ иной проказникъ заводилъ рѣчь для того только, чтобы полюбоваться описанною нами сценою. Но извините за многословіе; мы еще разскажемъ третій случай. Начальникъ былъ истинно добрый и простой человѣкъ, всегда ровный, спокойный, *вполнѣ,* по выраженію китайцевъ, *утвердившійся на срединѣ;* живи онъ съ Рафаелемъ, тотъ непремѣнно его внесъ бы въ свои набожныя картины. Начальникъ ненавидѣлъ чревоу-

годіе и приходилъ въ ужасъ отъ того, что воспитанники, не смотря на всѣ его прекрасныя убѣжденія и опроверженія, продолжали жаловаться на дурную пищу. Высокопрепочтеннѣйшій начальникъ рѣшился наконецъ поразить и убѣдить ихъ оригинальныхъ образомъ. Вы знаете, что однажды въ римскомъ циркѣ выпущенный на сцену африканскій левъ не захотѣлъ полакомиться рабомъ Андрокломъ, потому что послѣдній когда-то въ Африкѣ вынулъ изъ лапы льва занозу и потомъ залечилъ рану. Суровые Римляне, умѣвшіе кричать только: panem et circenses — хлѣба и зрѣлищъ, были тронуты такимъ благороднымъ поступкомъ льва и въ противность законовъ цирка испросили у цезаря жизнь и льву и рабу. Начальникъ, вѣроятно, зналъ этотъ анекдотъ и рѣшился попробовать, не подѣйствуетъ ли на грубыхъ воспитанниковъ хоть примѣръ животныхъ? У него была прекрасная кошечка — *Машка*, вѣжливая, умная, услужливая и за всѣ эти качества получавшая отъ всѣхъ лакомые кусочки. Такимъ образомъ вкусъ ея былъ самый тонкій и деликатный кошачій вкусъ. Одинъ изъ воспитанниковъ дерзнулъ принести даже тарелку съ дурнымъ будто супомъ къ начальнику и просилъ его самаго убѣдиться въ томъ, какъ ихъ дурно кормитъ экономъ. Начальникъ скрылъ свою досаду на воспитанника, самъ не сталъ пробовать кушанье по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, но велѣлъ тарелку поставить на полъ. Тогда, подозвавши и поласкавши кошечку — Машку, поднесъ ее къ тарелкѣ и просилъ ее жестомъ отвѣдать кушанье. Догадливое животное поняло мысль своего добраго

барина, нагнувшись въ тарелку, начало съ аппетитомъ кушать супъ. Тутъ начальникъ не сталъ много распространяться; онъ, указавъ воспитаннику на кушающее животное сказалъ: „*ну, что же вы говорите, что пить нельзя? Вѣдь вотъ она пьетъ.*“ Сконфуженный воспитанникъ рѣшительно не нашелся, что либо сказать, поклонился и ушелъ. Цѣль была достигнута, съ тѣхъ поръ жалобы прекратились.

Отдѣленіе шестое.

О разрѣшеніи недоумѣній касательно экономически-нравственныхъ и нравственно-экономическихъ распоряженій по училищамъ.

Многосложное и даже очень затѣйливое хозяйственное управленіе училищами, основанное на экономически-нравственныхъ идеяхъ, не можетъ не возбудить многихъ недоумѣній, которыхъ объясненіе съ перваго раза можетъ показаться затруднительнымъ. Вотъ напр. можно было бы полагать, что при строжайшей экономіи на содержаніе учениковъ должно бы выходить очень мало съѣстныхъ припасовъ; между тѣмъ отчеты показываютъ иногда противное даже въ такихъ размѣрахъ, что по неволѣ усомнишься, есть ли возможность скушать все, что по отчетамъ скушано воспитанниками? Вы, конечно, уже знаете, что въ мѣсяцъ на мальчика пуда ржаной муки очень достаточно, и въ годъ, значитъ, болѣе 12, ну пожалуй 15, никакъ не надобно. Вообра-

зите же, что въ одной семинаріи слишкомъ недавно истрачивалось въ годъ, или лучше только въ девять учебныхъ мѣсяцевъ по 20—24 пуда ржаной муки на каждаго воспитанника; возьмемъ среднее число 22 пуда; вѣдь это придется на мѣсяцъ чуть не по $2^1/_2$ пуда, а печенаго хлѣба до $3^1/_2$ пуда; на день фунта по 4—5. Далѣе еще мальчику, даже и взрослому человѣку довольно бы, кажется, на сертукъ $2^1/_2$, ну уже на самый длиннополый 3 ар. Вообразите же, что въ той же семинаріи ушло на одинъ сертукъ безъ брюкъ и жилета чуть не по пяти аршинъ сукна. Предполагать недобросовѣстность въ этомъ дѣлѣ нѣтъ возможности. Контроль это замѣтилъ и даже назначена была ревизія, въ слѣдствіе которой два главныхъ начальники получили награду и повышеніе. Значитъ все дѣло добросовѣстно; а *между тѣмъ 22 пуда муки на человѣка въ 9 мѣсяцевъ и 5 аршинъ сукна на одинъ сертукъ безъ брюкъ и жилета!!!* Вотъ еще случай, — тоже въ *нѣкоемъ* училищѣ одна лошадь съѣдала въ годъ по 700—800 пудовъ сѣна, кромѣ 30 кулей овса; а въ другомъ на смазку концевъ оси колодезнаго колеса израсходовано болѣе 10 пудовъ или 400 фунтовъ дегтю. Объясните, Бога ради, какъ при строжайшей экономіи дѣлаются подобныя вещи? Конечно лошадь могла притоптать много сѣна; но какъ вы въ желудокъ разумнаго и малотѣтняго существа вобьете въ 9 мѣсяцевъ чуть не 30 пудовъ печенаго хлѣба? Если вы любезный читатель, дѣйствительно не умѣете разрѣшить этихъ вопросовъ, то мы охотно поможемъ вашей недогадливости. Вы, вѣроятно, слыхали, что въ *нѣкіихъ*

училищахъ бываетъ немало экстраординарныхъ расходовъ, которые по мнѣнію достопочтеннѣйшихъ начальниковъ, нѣтъ нужды или возможности вносить въ расходную книгу. Какъ напр. вы поставите въ отчетъ, что по случаю пріѣзда ревизора истрачено 200—300 руб. и притомъ на столько-то бутылокъ мадеры, хереса, рома и пр. на *поднесеніе* знаменитому гостю посильней благодарности? Какъ скажете, что употреблено 100—150 руб. на закуску или обѣдъ во время публичнаго экзамена? Какъ напишете, что куплено овса и сѣна для двухъ и болѣе лошадей, которыя въ училищной описи не значатся? Какъ внести въ расходъ жалованье кучеру и прислугѣ ихъ Милостей-начальниковъ и пр. О Господи, да сколько такихъ расходовъ и *расходцевъ*, которыхъ нѣтъ возможности и надобности выставлять на глаза петербургскихъ контролеровъ. Они большею частію прикрываются двоякимъ образомъ. Экономы и начальники съ простыми и невинными душами прямо все пишутъ, такимъ образомъ для одной рабочей казенной лошади достаточно было бы 200—250 пудовъ сѣна, но если въ учебномъ заведеніи кромѣ того на казенномъ фуражѣ содержались двѣ-три ложади Его В—ія, то разумѣется на всѣхъ этихъ лошадей въ годъ выйдетъ до 800 пудовъ. Вѣдь воля ваша, а воровства тутъ нѣтъ, сѣно дѣйствительно куплено экономомъ и съѣдено лошадьми. А между тѣмъ какой либо петербургскій контролеръ, ничего не понимая, незнакомый ни съ секретными распоряженіями училищнаго начальства, ни съ экономическими-нравственными идеями и видя только, что

по отчетамъ значится одна лошадь, кричитъ по цѣлому городу: смотритека въ.....ой С—іи вышло 800 пудовъ сѣна въ годъ. Смыслишь ты, г. контролеръ! Другіе болѣе тонкіе и аккуратные начальники, не желая волновать кровь въ контролерахъ, деньги, употребляемыя на секретные расходы, приказываютъ эконому или письмоводителю, или секретарю отнести къ другимъ статьямъ училищной экономіи. Итакъ какъ для учениковъ преимущественно покупается ржаная мука; то она и отвѣчай за все. И вотъ отъ этого иногда вдругъ на каждаго ученика налагается обязанность съѣсть въ 9 мѣсяцевъ 20—24 пуда ржаной муки. Иногдаже, особенно предъ пріѣздами ревизоровъ или при заключеніи годичныхъ счетовъ экономъ, незная куда дѣвать десятки рублей, вдругъ увлекается какою либо неожиданною идеею, и пишетъ, что на смазку оси колодезнаго колеса употреблено 10 пудовъ дегтю. Въ В—ой семинаріи, давненько конечно, въ подобной пассіи экономъ написалъ, что куплено метелъ на 30, кажется, рублей асс. Пріѣхавшій ревизоръ почемуто обратилъ вниманіе на этотъ расходъ и узнавши, что въ то время метла стоила $^1/_2$ коп. удивился, куда ушли цѣлыя 6000 метелъ въ теченіе одного года, болѣе 16 метелъ каждый день.

Обратимся теперь къ другому недоумѣнію. Многіе конечно, узнавши о строгой училищной экономіи, станутъ думать, что въ училищахъ должны быть ежегодно большіе остатки денегъ. Конечно такое заключеніе справедливо относительно нѣкоторыхъ заведеній, напр. въ одной изъ духовныхъ академій умѣ-

ли остаточныя суммы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ возвысить до сотенъ тысячъ рублей. Но подобныя событія очень рѣдки; большею частію изъ приличія бываютъ не остатки, а *остаточки* только; а вообще чуть не всегда приходъ равенъ съ расходомъ. Отчего бы это происходило? спросите вы. Не удивляйтесь, дѣло объясняется самымъ естественнымъ образомъ, мы уже выше сказали нѣсколько замѣчаній объ этомъ предметѣ. Вообразите, что станутъ показываться ежегодные денежные остатки. Не будетъ ли это явнымъ упрекомъ казнѣ, что она назначаетъ безъ нужды на содержаніе учениковъ слишкомъ огромныя суммы? Вѣдь такой поступокъ не деликатенъ. Или высшее начальство, видя что каждый годъ бываютъ остатки, не дойдетъ ли до мысли уменьшить назначаемые оклады? Какая же польза для училища? А потому не лучшели приберегать остаточныя суммы на непредвиденные расходы. Но такія деньги нельзя держать за училищною печатью въ кладовомъ сундукѣ казеннаго казнохранилища. Извѣстно, что по законамъ Русской Имперіи деньги, лежащія въ казенныхъ сундукахъ, должны быть ни въ большемъ ни въ меньшемъ количествѣ противъ того, что значится по приходорасходнымъ книгамъ, по выемнымъ тетрадямъ, — по журналамъ и пр. и пр., будь хоть копѣйка или въ избыткѣ или въ недочетѣ, — отвѣчай члены за небрежность. Зная этотъ законъ, начальники училищъ уэкономленныя деньги переводятъ изъ казеннаго сундука въ свои карманы, отсылаютъ въ опекунскіе совѣты, приказы общественнаго призрѣнія, отдаютъ почтеннѣйшимъ него-

ціантамъ изъ небольшихъ процентовъ (10%, 25% и побольше) не ради выгодъ, а изъ патріотическаго желанія поддержать національную промышленность и торговлю; покупаютъ себѣ домики, дачи, даже имѣнія, устроиваютъ свои семейства, семейства своихъ родныхъ, *выдаютъ въ замужество племянницъ, награждаютъ племянниковъ*, откладываютъ копѣйку на черный день, устроиваютъ свой собственный бытъ, какъ слѣдуетъ важнымъ особамъ, отдѣляютъ частичку на пріемъ ревизоровъ, на угощеніе почтеннѣйшихъ посѣтителей и пр. и пр.

„Какъ? вы закричите, пожалуй; такъ въ этомъ состоятъ непредвидѣнные расходы? Такъ-то тратятся суммы на пользу училищъ? Это воровство! Это расхищеніе казенной собственности! Это ....." Постойте, постойте, не горячитесь, дѣло объяснится иначе и притомъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Позвольте спросить васъ: долженъ ли начальникъ училища заботиться о томъ, чтобы публика во время экзаменовъ получила хорошее понятіе объ училищѣ? А неужели незнаете, что русскую, особенно почтеннѣйшую публику привлекаютъ на экзамены не отвѣты учениковъ, а надежда убѣдиться, что начальникъ умѣетъ угощать посѣтителей, по русски, хлѣбомъ солью со всѣми необходимыми при этомъ аттрибутами? Развѣ приглашаемые не говорятъ иногда приглашающему: *а что будетъ закуска или обѣдъ?* Такъ неужели начальникъ свои деньги на это долженъ тратить, честь училища должна поддерживаться училищными же деньгами. А ревизоры? Развѣ ихъ не пускать въ свою квартиру, или пустивши,

предложить имъ получать изъ трактира обѣдъ и ужинъ, или угощать у себя квасомъ съ лукомъ, да лукомъ съ квасомъ? Вѣдь имъ даютъ только прогонныя деньги, чѣмъ же имъ жить? И какое впечатлѣніе производили бы отвѣты учениковъ на голоднаго, недовольнаго ревизора? Нѣтъ г.г. читатели, угощайте, угощайте ревизоровъ, не жалѣйте, разумѣется, казенныхъ денегъ на этотъ предмѣтъ, они своимъ отзывомъ поднимутъ репутацію училища на нѣсколько степеней. А потомъ, какъ вы полагаете? Хорошо ли училище будетъ управляться, если начальникъ боленъ, вѣчно озабоченъ домашними недостатками. постоянно обезпокоивается кредиторами? Какое тутъ управленіе? И потому самое благосостояніе училища не требуетъ ли того, чтобы начальникъ его благоденствовалъ, процвѣталъ здравіемъ тѣлеснымъ, наслаждался спокойствіемъ душевнымъ, жилъ комфортабельно и презентабельно и пр.? Такъ зачѣмъ же кричать, если онъ при недостаткѣ жалованья, а иногда даже и при избыткѣ употребляетъ остатки училищной экономіи на улучшеніе собственнаго быта? Вѣдь съ этимъ неразрывно соединено благосостояніе училища.

Впрочемъ признаемся вамъ, г.г. читатели, намъ и самимъ не очень нравятся тѣ изъ училищныхъ начальниковъ, которые откладываютъ казенные копѣйки и рубли на черный день; вѣдь они могутъ быть уволены отъ должности, умереть и пр. Что же? Куда пойдутъ отложенныя деньги? Конечно уже не на пользу училища, а достанутся какому либо племяннику. Намъ нравятся именно тѣ начальники, кото-

рые уэкономленные остатки тратятъ въ тотъ же самый или въ ближайшій годъ; тутъ уже тѣсно и ясно расходы соединены съ пользою для училища. Ахъ, нельзя не вспомнить при этомъ случай объ одномъ извѣстномъ намъ начальникѣ. Что за милый былъ человѣкъ? Какъ онъ умѣлъ распорядиться своими собственными суммами? Конечно вы съ нами не станете спорить, что начальнику училища, особенно высшаго, не слѣдуетъ жить какимъ либо отшельникомъ, затворникомъ въ родѣ траппистовъ; — что ему непремѣнно нужно для пользы же училища ѣздить къ почтеннѣйшимъ жителямъ города и, главное, принимать ихъ у себя, а принимая устроивать дѣло такъ, чтобы имъ не было скучно, чтобы они съ удовольствіемъ всегда вспоминали о хлѣбосольствѣ хозяина. При такомъ условіи любовь и уваженіе къ начальнику распространится и на училище, а значитъ, *должно быть уже значитъ*, — подвинется впередъ самое образованіе; доказывать это не нужно; ясно и безъ доказательствъ. Нашъ начальникъ превосходно понималъ свое положеніе. Городъ былъ большой, но онъ зналъ, кого принять къ себѣ, кого и какъ угостить. Большихъ и малыхъ компаній онъ не любилъ; не меньше пяти и не больше десяти человѣкъ, — вотъ его любимыя числа, — настоящій римлянинъ временъ цезарей. Сначала угощеніе шло обыкновеннымъ порядкомъ; чайку, кофейку, варенъицевъ и т. п. подавали въ родѣ прелюдіи. Затѣмъ ставили какъ будто въ видѣ заключенія подносъ съ высокими бокалами, одною или и нѣсколькими бутылками Клико, притомъ всегда въ меньшемъ количествѣ противъ чи-

сла гостей. Но это былъ не конецъ, а только начало. Высокіе бокалы—рюмки наливались, опоражнивались; бутылки очищались, собесѣдники развеселялись; хозяинъ зорко слѣдилъ за ними. И когда по его мнѣнію, (а онъ въ этихъ случаяхъ никогда не ошибался), наступала благопріятная минута, начальникъ звалъ своего, положимъ, Ивана, и говорилъ; *Ванька неси побольше подушекъ, матрацовъ и зови эконома.* Небывалые гости оставались въ недоумѣніи касательно этого распоряженія, но бывалые приходили въ восторгъ отъ него. Ванька подстилалъ ковры, приносилъ подушки и матрацы, клалъ ихъ на ковры въ видѣ полукружія, оставляя въ срединѣ пустое мѣсто, на которое ставился подносъ съ одними только не бокалами-рюмками, а стаканами и безъ бутылокъ. Тогда начальникъ приглашалъ гостей *возлечь* по римскому обычаю на матрацахъ и подушкахъ; бывалые съ хохотомъ и радостію слѣдовали приглашенію, а небывалые, помявшись, тоже не смѣли противиться. Являлся и экономъ. „А! здравствуй, говорилъ ему начальникъ; знаю, что ты ужасный плутъ и умѣешь деньги наживать, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты добрый и услужливый человѣкъ, прощаю тебя, но для мировой неси ящикъ шампанскаго, да смотри хорошаго, а не какого либо силлери—живѣе.“ Чрезъ нѣсколько минутъ ящикъ являлся и его тотчасъ открывали. Но начальникъ сказалъ уже, что экономъ плутъ и мошенникъ; надобно быть осмотрительнымъ; сразу подсунетъ вмѣсто шампанскаго бутылку донскаго. На вкусъ собесѣдниковъ полагаться тоже по обстоятельствамъ нельзя было; требовалось найти простый

и слишкомъ ясный признакъ доброты шампанскаго. Начальникъ показалъ въ этомъ случаѣ геніальную изобрѣтательность. Онъ поручалъ самому эконому или его довѣренному лицу откупоривать бутылки на полу; если пробка долетала до потолка (потолокъ отстоялъ отъ полу не болѣе двухъ саженей), то бутылка съ крикомъ: *браво, брависсимо* одобрялась и удостоивалась чести быть разлитою по стаканамъ. А если пробка не достигала, хотя бы на дюймъ до потолка, то бутылка отставлялась въ сторону, это уже убытокъ эконома, и *подломъ*, — не плутуй, а доставляй начальнику настоящаго шампанскаго. Бутылки вынимались одна за другой; иногда являлся новый ящикъ; гости не только возлежали, но уже и лежали, а нѣкоторые даже ложились. Но въ заключеніе всего почти всегда дѣло оканчивалось тѣмъ, что развѣ какой либо здоровякъ еще могъ какъ нибудь при помощи прислуги дойти до экипажа и отправиться домой, а прочіе и самъ хозяинъ успокоивались на полѣ битвы, — среди трофеевъ.

Кстати уже позвольте еще разсказать очень тоже занимательное происшествіе у того же начальника; онъ имѣлъ пріятеля начальника другаго училища; для избѣжанія сбивчивости назовемъ нашего начальника *первымъ*, а пріятеля его *вторымъ*. Къ послѣднему однажды пришелъ общій ихъ знакомый, хозяинъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго, выпили по бокалу, но вдвоемъ какъ-то не весело даже шампанское пить. Первый начальникъ жилъ недалеко отъ втораго; поэтому и рѣшились отправиться къ нему, разумѣется оставлять бутылку не зачѣмъ; ее опять закупорили, и хозяинъ положивъ

къ себѣ въ карманъ, карманъ былъ очень вмѣстителенъ. Пришли къ первому начальнику, но къ сожалѣнію тамъ сидѣлъ человѣкъ, не посвященный еще во всѣ училищныя тайны, а между тѣмъ человѣкъ съ вѣсомъ. Дѣлать нечего, усѣлись и занялись самыми благоприличными разговорами. Только, не смотря на все это благоприличіе, шампанское въ карманѣ втораго начальника нагрѣвалось, упругость углекислаго газа увеличивалась, и наконецъ пробка, не будучи въ состояніи сопротивляться ей, съ шумомъ вылетѣла. Этотъ звукъ для начальника перваго и его гостя показался необъяснимымъ, но вскорѣ шампанское не удерживаемое пробкою, рѣшилось посмотрѣть на честную компанію и появилось на полу гостиной. Тутъ принуждены были всё объяснить, дѣлать нечего, надобно было отпраздновать прилично такое событіе; а какъ праздновали, мы уже описали.

Что г.г. читатели? Какъ вы находите эти сцены? Мы въ восторгѣ отъ нихъ. А если вы, не смотря на наши основательныя доказательства, еще не согласны съ нами, то мы хочемъ вамъ указать на поэтическую, драматичестую, чуть не эпическую сторону описанныхъ нами сценъ. Ну положимъ, что деньги употребленныя на шампанское, были бы израсходованы на содержаніе воспитанниковъ; чтоже бы вышло? Дюжина шампанскаго стоила тогда 120 рублей ассигнаціями, положите для простоты счета, что и воспитанниковъ тоже было въ заведеніи 120 человѣкъ, раздѣлите на 10 обѣдовъ и ужиновъ 120 руб., вѣдь на обѣдъ и ужинъ для каждаго воспитанника прибавится только по 10 копѣекъ ассигнаціями

въ день. Куда какъ велико улучшеніе стола на 10 копѣекъ асс.; цѣлыхъ полфунта говядины. Да если бы и вышло что либо путное, ну чтоже такое? Пришли бы 120 человѣкъ въ столовую, засѣли, начали ѣсть, поѣли и послѣ разошлись, какъ будто бы дѣломъ занялись. Ничего ни пиитическаго, ни драматическаго, ни эстетическаго, ни даже гастрономическаго; не болѣе какъ процессъ ѣденія. Но посмотрите, сколько поэзіи въ описанныхъ нами сценахъ? Развѣ не поэзія видѣть, какъ человѣкъ 5—9 людей почтенныхъ, иногда сѣдовласыхъ, украшенныхъ знаками отличія возлежатъ подобно древнимъ Римлянамъ на коврахъ, подушкахъ и матрацахъ въ тихомъ ожиданіи имѣющаго пожаловать къ нимъ эконома съ ящикомъ и ящика съ шампанскимъ? Развѣ не драматическая сцена, когда всѣ эти 5—9 человѣкъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за откупориваніемъ бутылокъ, за путешествіемъ пробокъ отъ пола до потолка и потомъ увидавши, какъ они ударяются о послѣдній, съ восторгомъ протягиваютъ свои стаканы къ бутылкѣ и вкушаютъ наливаемую жидкость съ тѣмъ же наслажденіемъ, съ какимъ старинные владѣльцы Олимпа вкушали нектаръ, разносимый Гебою? А развѣ мало идиллическаго въ той сценѣ, когда, изнемогши отъ продолжительныхъ подвиговъ по бутылочной части, почтенные собесѣдники мало по малу преклоняютъ свои ученыя головы на подушки и предаются въ объятія Морфея? А въ какомъ водевилѣ вы видѣли, что бутылка шампанскаго откупоривалась въ карманѣ актера? Нѣтъ, какъ вамъ угодно, а мы ни за что не промѣняемъ этихъ пиитиче-

сбихъ сценъ на простой процессъ ѣденія 120 человѣкъ. И если бы въ насъ была хоть какая либо способность по драматической части; то мы непремѣнно изъ описанныхъ сценъ составили бы нѣсколько піесъ и увѣрены, что во время ихъ представленія въ Александринскомъ театрѣ не оставалось бы ни одного праздиаго мѣста. А нарядивши актеровъ въ нѣкоторыя костюмы, мы бы подорвали самую италіанскую оперу; рѣшительно тогда всѣ бы побѣжали въ Александринскій театръ; и дирекція по неволѣ бы принуждена была давать русскія піэсы на Большемъ театрѣ. Да мы въ этомъ увѣрены.

Притомъ, что за милый былъ человѣкъ нашъ начальникъ, душа — а не человѣкъ, отецъ — а не начальникъ. Мы конечно и сами сго знали, но въ настоящемъ случаѣ не хочемъ опираться на свой авторитетъ, а приведемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство одно изъ лицъ, вполнѣ сго знавшихъ, именно одного изъ экономовъ, съ нимъ служившихъ. Вѣдь, кажется за что экономамъ любить нашего начальника? Изволь покупать ящики съ шампанскимъ и не получать на это отъ начальника денегъ мы и забыли сказать, что разсчетовъ по этой части и по другимъ многимъ не существовало между начальникомъ и экономомъ, присутствовать при ихъ откупоркѣ, слышать не очень лестныя слова: плутъ, мошенникъ, воръ и пр. Кажется, было за что не любить. А между тѣмъ раскаеваемся въ своемъ прегрѣшеніи, однажды мы зазвали къ себѣ одного изъ этихъ экономовъ, когда уже онъ былъ въ отставкѣ, — поставили бутылку ромку и подливали сго въ чашку своего гостя. За-

мѣтивши, какъ онъ мало по малу разговорился, мы завели рѣчь о бывшемъ его начальникѣ и желая поразшевелить воспоминанія рѣшились ругать начальника и особенно хвалить одного изъ преемниковъ, съ которымъ отставленный экономъ не могъ ужиться. Надобно было видѣть вспышку почтеннаго гостя. „Какъ, вскричалъ онъ, ты ругаешь моего начальника и хвалишь теперешняго своего? Ну нѣтъ, любезный, не смыслишь ты толку въ людяхъ. Да, гдѣ найти лучше бывшаго моего отца и благодѣтеля? Что это былъ за человѣкъ? не человѣкъ, а душа сама, не начальникъ, а благодѣтель; я во вѣки вѣковъ его незабуду.“ „Да какъ же вы справлялись съ деньгами, спросили мы скромно?“ — „Какъ? отвѣчалъ онъ намъ, и ты теперь такойже глупецъ, какимъ я былъ съ начала службы; разскажу тебѣ; такъ и быть. Какъто я, растративши уже не одну сотню рублей на разные расходы, которые нельзя было вносить въ расходныя книги, рѣшился объясниться съ начальникомъ и сказалъ ему довольно смѣло, что у меня больше денегъ нѣтъ на эти расходы. Что же ты думаешь? разсердился онъ? Ну нѣтъ, онъ, по твоему выраженію, захохоталъ гомерическимъ смѣхомъ. — *Денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ!* повторялъ онъ, помирая со смѣху. Ну, экономъ! *денегъ нѣтъ!* а я думалъ, ты парень умный; дѣлать нечего; надобно тебя поучить уму разуму. Есть у тебя знакомый кровельщикъ? спросилъ онъ меня. Какъ не быть, отвѣчалъ я. Такъ вотъ что скажи ему, чтобы онъ прислалъ человѣкъ десять рабочихъ со молотками и другими инструментами. Пусть они дней

пять стучать и никому не даютъ покоя, особенно если посильнѣе и подольше постучать надъ комнатами инспектора и секретаря. Ну понимаешь! А? — А потомъ и подай записку, что по случаю внезапно открывшейся течи ты хозяйственнымъ образомъ поторопился исправить крышу и потому просишь о выдачѣ денегъ кровельщику за работу, а также кущу какому либо за гвозди, проволоку, желѣзо и пр. и пр. Понялъ? — Я поклонился, продолжалъ нашъ собесѣдникъ. — Да, смотри съ подобными глупостями ко мнѣ не ходи, сказалъ начальникъ мнѣ въ слѣдъ. Вотъ у насъ дѣла и пошли, говорилъ намъ собесѣдникъ, да жалко, что скоро онъ былъ переведенъ на другое мѣсто.“ Убѣдитесь же и вы, недовѣрчивый читатель, полюбите и вы нашего начальника и благодѣтеля; умѣлъ пожить и другимъ услужить.

ГЛАВАЯ ШЕСТАЯ.

Разговоръ между авторомъ и его пріятелемъ Иваномъ Ивановичемъ о нравственномъ воспитаніи въ училищахъ.

Много, можетъ быть, даже очень много мы говорили о нравственномъ воспитаніи дѣтей, преимущественно въ духовныхъ училищахъ. Въ высказанныхъ замѣчаніяхъ по этому случаю можно различить двѣ неодинаковыя методы. Говоря о различныхъ,

употребляемыхъ въ школахъ, способахъ дѣлать учениковъ нравственными существами, мы большею частію прямо высказывали ихъ недостатки и вмѣстѣ съ тѣмъ по мѣстамъ не скрывали того гибельнаго вліянія, которое они имѣютъ на учениковъ. Но когда дошли до экономическо-нравственныхъ и нравственно-экономическихъ идей, то мы измѣнили свою методу. Вмѣсто того, чтобы открыто высказать всѣ гибельныя послѣдствія, отъ нихъ происходящія, мы какъ будто бы явились защитниками ихъ. Но проницательный читатель, вѣрно, не станетъ насъ обвинять въ этой мнимой защитѣ; онъ легко припомнитъ, какъ не рѣдко сквозь шуточный нашъ разсказъ невольно прорывалось негодованіе противъ изобрѣтателей и дѣйствителъныхъ защитниковъ тѣхъ идей. Мы не принадлежимъ къ *экономически-нравственнымъ людямъ;* а намъ только хотѣлось, такъ сказать, войти въ духъ приверженца экономически нравственныхъ идей и разсмотрѣть ихъ съ его же точки зрѣнія съ тѣмъ, чтобы дикость и нелѣпость ихъ яснѣе видны были. Незнаемъ, успѣли ли мы въ этомъ, или нѣтъ; но очевидно, что прямаго, открытаго отзыва о нихъ въ статьѣ нашей еще не было. Если присоединить, что, придерживаясь первой методы, мы высказывали не болѣе, какъ отрывочныя замѣчанія о результатахъ начальническихъ распоряженій по училищамъ; то очевидно, что во второй части нашей статьи не достаетъ общаго взгляда на нравственное школьное воспитаніе, общей картины всѣхъ его послѣдствій. Но при изложеніи этого взгляда нельзя не встрѣтиться съ возраженіями противъ него. Чтобы рельефнѣе вы-

ставить какъ возраженія, такъ и отвѣты на нихъ, мы рѣшились изложить свои замѣчанія въ разговорной формѣ и воспользовались для этого нашимъ любезнымъ пріятелемъ Иваномъ Ивановичемъ. Зная, что онъ въ извѣстное время къ намъ пожалуетъ, мы положили предъ собою свои тетради, и, когда онъ вошелъ, показали видъ, что его не замѣчаемъ, продолжали читать тетради не просто, а какъ будто съ величайшимъ самодовольствіемъ, выражая его улыбками, жестами и другими тѣлодвиженіями. Пріятель долго наблюдалъ за нами, наконецъ не выдержалъ, и, засмѣявшись, сказалъ: Никита Мартыновичъ, что съ тобою сдѣлалось?

— „Ахъ! Иванъ Ивановичъ, мы отвѣчали, какъ будто сконфузившись; когда это ты пришелъ? Я и не замѣтилъ тебя.

— „Да, уже давненько, дорогой пріятель. Ты, кажется, былъ на седьмомъ небѣ; мнѣ не хотѣлось тебя оттуда низводить въ *сію юдоль плача и скорби*.

— „Полно тебѣ шутить, прервали мы его; я съ этого дивана не сходилъ; куда намъ подниматься на седьмое небо? И на землѣ едва держимся.

— „А чтоже это ты читаешь? спросилъ онъ насъ.

— „Да все еще не окончилъ своей статьи, отрывокъ изъ которой я тебѣ уже читалъ, и какъ помнится, не совсѣмъ поладилъ съ тобою. Но за то совѣтовъ твоихъ я не забылъ.

— „Неужели? онъ сказалъ. Это было бы очень любопытно: твоя натура не слишкомъ податлива на мои совѣты. Не хочешь ли мнѣ прочитать свои тетради?

— „Отчего же не прочитать? отвѣчали мы; только многонько ихъ; достанетъ ли у тебя времени и терпѣнія?

—„ Ничего, читай, сказалъ Иванъ Ивановичъ; устанемъ — отдохнемъ; надоѣстъ — и вовсе бросимъ.

Разумѣется, съ нашей стороны отказа не было. Свои замѣчанія о смиреніи, повиновеніи, положительныхъ и отрицательныхъ способахъ дѣлать учениковъ нравственными, мы читали безъ всякой перемѣны и высказывали тономъ голоса то сочувствіе, которое мы дѣйствительно имѣли къ своимъ мыслямъ. Здѣсь мы не надѣялись встрѣтить возраженій, и точно Иванъ Ивановичъ слушалъ спокойно, только по временамъ дѣлалъ небольшія прибавленія. „Такъ, такъ! говорилъ онъ между прочимъ, добродѣтели нельзя выучить точно такъ, какъ выучиваютъ Ариѳметикѣ чрезъ затверживаніе правилъ; — нельзя насильственно вбить въ человѣка ни благочестія, ни уваженія къ начальникамъ, ни смиренія точно также, какъ вбиваютъ гвозди въ дерево. Правда, правда, любезный другъ.“ Наконецъ, дочитавшись до нравственно-экономическихъ распоряженій, мы, чтобы *расшевелить*, *раззадорить* своего любезнаго друга, измѣнили свою тактику; интонацію, мимикою, всѣмъ мы старались показать полное какъ будто сочувствіе къ нимъ, стали разыгрывать роль самаго жаркаго ихъ приверженца; для этого выпускали тѣ замѣчанія, въ которыхъ прорывалось наше негодованіе, прибавляли нѣкоторыя мысли въ защиту начальниковъ училищъ. Дѣло удалось, какъ нельзя быть

лучше. Вскорѣ мы замѣтили, что нашъ любезный гость началъ барабанить пальцами, повертываться на креслахъ, даже вскакивать съ нихъ и обнаруживать всѣ признаки, которыми онъ выражаетъ уже не одно свое несогласіе, а даже неудовольствіе. Но мы, какъ будто ничего не замѣчая, продолжали и наконецъ кончили свое чтеніе. Ну, что? спросили мы своего пріятеля. Вѣдь, истинные отцы, а не начальники! Нельзя ихъ не полюбить и не уважить!

— „Постой, постой, остановилъ насъ не очень вѣжливо нашъ гость. Что ты свой панегирикъ писалъ серьёзно, или въ насмѣшку?

— „Какъ въ насмѣшку? мы сказали. Чему же тутъ смѣяться? Да и какъ смѣяться? Да и кто позволитъ смѣяться? Что ты, Иванъ Ивановичь; я не понимаю, почему ты не восхищаешься безпримѣрною *благонамѣренностію* и отеческою заботливостію добрѣйшихъ начальниковъ.

— „Такъ это ты писалъ по убѣжденію? сказалъ пріятель. Позволь же поздороваться съ тобою; я еще вѣдь не здоровался; но позволь поздороваться по персидскому этикету: ну, что въ исправности ли твой мозгъ, любезнѣйшій пріятель? Да, въ исправности ли онъ? Какъ и ты восхищаешься подобнымъ управленіемъ, подобными мерзостями?

— „Что ты, что ты? мы остановили его; да развѣ можно такъ отзываться о высоконравственныхъ людяхъ и предметахъ?

— „А давно ли, сказалъ нашъ пріятель, казнократство, взяточничество, безчеловѣчіе попали въ число высоконравственныхъ предметовъ? Впрочемъ,

когда уже сорвалось съ языка, надобно разсуждать съ тобою основательно, а не вопросами. Чтобы намъ, по выраженію нѣмцевъ и французовъ имѣть *одну общую точку отправленія* (Ausgangspunct, point de depart) при сужденіи о *добродѣтельничаніи* вашихъ почтеннѣйшихъ, препочтеннѣйшихъ, высокопочтеннѣйшихъ и высокопрепочтеннѣйшихъ начальниковъ, и о вліяніи *сего добродѣтельничанія* на воспитанниковъ, я буду держаться съ вами однихъ и тѣхъ же началъ касательно нравственнаго воспитанія. Кажется, *вы сами изволили сказать*, что 1) нравственность дѣтей зависитъ существеннымъ образомъ отъ развитія въ нихъ твердости и самостоятельности характера, возвышенности и благородства души, и 2) примѣръ воспитателей дѣйствуетъ на впечатлительныя дѣтскія души сильнѣе всѣхъ заучиваній нравственныхъ сентенцій, всѣхъ доказательствъ пользы добродѣтели и вреда пороковъ, хотя бы сентенціи основаны были на безчисленныхъ цитатахъ изъ самыхъ уважаемѣйшихъ книгъ. Кажется это ваши мысли. Займемся сначала самостоятельностію и твердостію характера и положимъ, что описанные тобою способы развивать и укрѣплять ихъ находятъ полное приложеніе въ какихъ либо училищахъ. Ужъ вѣрно и ты не станешь спорить, что не много останется самостоятельности и независимости характера въ томъ человѣкѣ, который былъ пріучаемъ къ самому безусловному и безотчетному повиновенію, — который въ теченіи десяти и болѣе лѣтъ только что и слышалъ: *такъ ты смѣешь разсуждать? твое дѣло слушаться, исполнять приказанія начальства;* — который былъ на-

казываемъ за всякое проявленіе самостоятетьности; словомъ изъ котораго старались сдѣлать машину. Если тебѣ мои слова покажутся недоказательными, то разсмотримъ жизнь ученика подробнѣе. Вотъ мальчикъ, хоть напр. сынъ какого либо духовнаго лица, очень часто запуганный, униженный еще въ домѣ отца своего, нерѣдко игравшій роль попрошайки, бывавшій многократно свидѣтелемъ униженія своихъ родителей предъ бородатыми прихожанами, предъ властями и начальниками, бывавшій тоже очевидцемъ, какъ его папаша прижималъ прихожанина, выжималъ изъ него лишнюю гривну; — этотъ мальчикъ является въ училище; здѣсь авдиторы, цензоры, учителя и начальники продолжаютъ развивать его самостоятельность щелкушками, подзатыльниками, пощечинами, потасовками, розгами, взятками, притѣсненіями, несправедливостями, безотчетнымъ произволомъ, чуть не деспотизмомъ. Переходитъ мальчикъ, положимъ, въ семинарію; формы конечно измѣняются, но духъ тотъ же остается. Подзатыльники и розги мало-по-малу забываются, но вѣчно гордое обращеніе, постоянно-презрительныя улыбки, всегдашній суровый взглядъ, отсутствіе ласки и привѣтливости, необходимость прислуживаться и выслуживаться, притворяться и разыгрывать роли то смиренника, то анахорета и пр. не поправятъ домашняго и училищнаго воспитанія. Поступилъ онъ еще повыше, въ академію напр. Тутъ конечно говорятъ: *вы и господинъ*, сильныя исправительныя мѣры не въ употребленіи; но нравственный гнетъ не прекращается, даже еще сильнѣе бываетъ опасеніе нескромнымъ словомъ, самостоятель-

нымъ поступкомъ, независимымъ характеромъ потерять плоды пятнадцатилѣтнихъ трудовъ все это не пріучитъ ходить прямо, не сгибать своей спины, всегда удерживать чувство человѣческаго достоинства. Какъ полагаешь, любезный другъ, при такомъ положеніи удержишь ли самостоятельный и независимый характеръ?

— „Отчего и не удержать? сказали мы. Какъ будто воспитанники перечисленныхъ тобою училищъ не умѣютъ показать себя при случаѣ стойкими и рѣшительными?

— „Очень умѣютъ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, только выбираютъ способы для этого довольно оригинальные; напр. собираются гдѣ либо съ одной комнатѣ ночью, подписываютъ просьбу объ удаленіи того или другаго начальника или объ увольненіи всѣхъ ихъ изъ заведенія. Случается, что они встрѣчаютъ и провожаютъ своихъ начальниковъ шиканьемъ и топаньемъ. Не припомнишь ли, что иногда вслѣдъ за почтеннѣйшими особами отправлялись тарелки, или влетали въ ихъ кабинеты камни, брошенные вѣроятно невидимою рукою? Вотъ тебѣ образчикъ самостоятельности!

— „Охота тебѣ, замѣтили мы своему пріятелю, заниматься ребяческими проказами. Самостоятельность и твердость надобно искать не въ школьникахъ, а въ комъ либо повыше.

— „Поищемъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ и самому хочется посмотрѣть, чѣмъ дѣлается нашъ мальчикъ. Положимъ, что онъ не школьникъ, а начальникъ хоть, напр. сдѣланъ инспек-

торомъ средняго учебнаго заведенія. Конечно, положеніе его измѣняется; у него уже есть подчиненные, онъ можетъ ими командовать точно также, какъ до сихъ поръ имъ командовали; онъ ознакомился съ удовольствіемъ, которое испытываетъ невольникъ, получившій надзоръ надъ другими невольниками, или солдатъ, сдѣлавшійся вдругъ ротнымъ командиромъ. Но съ другой стороны надъ нимъ есть начальники, которые дѣйствуютъ относительно него по тѣмъ же самымъ правиламъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ воспитывался. Эти начальники своими рекомендаціями могутъ отодвинуть его назадъ, или помочь ему еще подвинуться впередъ и достигнуть той должности тѣмъ болѣе привлекательной, что чрезъ нее онъ надѣется вполнѣ быть независимымъ и что наслажденіе власти уже имъ испробовано. Какъ осмѣлиться развернуться и распрямиться предъ своими начальниками? Ну, а если имъ не понравишься, если они по этому наложатъ на него свою тяжелую руку? Нѣтъ, лучше кланяйся и сгибайся по прежнему и показывай свою самостоятельность на своихъ подчиненныхъ. Но вотъ онъ занялъ должность еще повыше, сдѣлался напр. главнымъ начальникомъ училища. Разумѣется, число подчиненныхъ возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе на нихъ; въ отличіяхъ, въ почетѣ уже нѣтъ недостатка; высшая должность, о которой онъ продолжаетъ мечтать, почти предъ нимъ; остается сдѣлать только шагъ. Но и опасеніе встрѣтить препятствіе при этомъ шагѣ становится еще мучительнѣе. Ужъ лучше умереть въ аравійской пустыни, нежели, посмотрѣвши съ какой либо

горы на обѣтованную землю, возвратиться въ туже пустыню. Такимъ образомъ опять съ подчиненными дѣлай, что̀ хочешь, но предъ высшими не забывайся, выслуживайся, забудь пока о самостоятельности. Наконецъ сдѣланъ еще шагъ; должность, о которой всегда мечтали, получена; вблизи по крайней мѣрѣ нѣтъ начальниковъ; кажется, пора уже распрямиться. И точно *распрямляется;* подчиненные объ этомъ узнаютъ слишкомъ скоро. По распрямившемуся уже 40 и даже 50 лѣтъ; перевоспитать себя и передѣлать поздно; нужно остаться съ тѣми качествами, которыя успѣлъ пріобрѣсти. Командовать подчиненными мы уже пріучились; да это дѣло и не мудреное, если только поступать также, какъ съ нами до сихъ поръ поступали. За то привычки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, утвердившіяся сорокалѣтнею практикою, неистребимы. Если нѣтъ начальниковъ, которымъ надобно кланяться, то почему же не выслуживаться предъ вліятельными лицами другихъ сословій? Почему не услуживать, не дѣлать угодное имъ? Вѣдь, *мы уже такъ привыкли къ услужливости!* Если нѣтъ начальниковъ, отъ которыхъ можно бы получать приказанія, то почему же добровольно не поставить себя подъ команду избраннаго временщика, услужливаго подчиненнаго. Командовать *мы сами* не пріучились, а иногда и не умѣемъ. А избранный *нами* временщикъ такъ вѣжливъ, такъ услужливъ, такъ послушенъ, что *мы* и не замѣчаемъ его команды; онъ такъ устроиваетъ все, что, по видимому, не онъ *нами*, а *мы* имъ командуемъ. И вотъ бывшій нашъ мальчикъ сдѣлавшійся уже чуть не магнатомъ, оста-

ется тѣмъ же почти мальчикомъ, никакъ не можетъ существовать безъ чьего либо надзора. Смиреніе, повиновеніе, безхарактерность, отсутствіе самостоятельности вмѣстѣ съ нимъ отправятся въ могилу. Но бѣда этимъ не ограничивается.

— „Помилуй Иванъ Ивановичь, и то уже много ты наговорилъ бѣдъ; кажется, прибавлять нечего; мы остановили словоохотливаго своего пріятеля.

— „Нѣтъ, извини, онъ намъ отвѣчалъ; есть еще бѣды. Описанныя нами обстоятельства не только искажаютъ, уродуютъ характеръ каждаго воспитанника отдѣльно, но можно сказать убиваютъ цѣлое сословіе, которое составится изъ подобныхъ изуродованныхъ питомцевъ, отдаютъ его на жертву другимъ и даже наконецъ самихъ распорядителей низводятъ съ высоты ихъ величія. Высшихъ начальниковъ которые тамъ хлопочутъ водворить въ училищахъ и затѣмъ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ, въ цѣломъ даже сословіи, безусловное повиновеніе, безпредѣльную преданность къ ихъ особамъ, безграничное смиреніе, убиваютъ въ нихъ всякой порывъ къ самостоятельности, — такихъ, повторяю, начальниковъ мнѣ такъ и хочется сравнить съ завистливымъ, гордымъ и себялюбивымъ главнокомандующимъ. Въ мирное время, желая быть полнымъ, безотчетнымъ властелиномъ подчиненной ему арміи, не терпя никакого противорѣчія, онъ мало-помалу заставитъ оставить военную службу, или перейти на другія мѣста, или въ оставку всѣхъ лучшихъ не только генераловъ, но и полковниковъ, даже оберъ-офицеровъ; оставшихся же затѣмъ своихъ подчиненныхъ отъ послѣднаго солдата до начальника штаба

пріучитъ исполнять безпрекословно свою волю, не услышитъ уже ничего, кромѣ: *слушаю-съ*, *здравія желаю*, *ради стараться* и пр.; все предъ нимъ будетъ вытянуто, выровнено даже подровнено, все станетъ молчать. Но вотъ наступило военное время, — его послушные генералы оказываются только машинами, которыя надобно постоянно приводить въ движеніе; ни находчивости, ни изобрѣтательности, ни самораспорядительности, ни благородной гордости нигдѣ онъ не встрѣчаетъ. Непріятель двигается постоянно впередъ, истребляетъ отрядъ за отрядомъ, дивизію за дивизіей, корпусъ за корпусомъ, наконецъ и самъ главнокомандующій, разбитый на голову, попадается въ плѣнъ, и отпущенный поселяется гдѣ либо въ глуши. Что любезный Никита Мартыновичъ? Не знаете ли примѣра въ исторіи нѣкоторыхъ сословій, когда моя торія о главнокомандующемъ вполнѣ оправдалась. Но зачѣмъ намъ трогать Европу и нашу Православную Русь? Не помнитель, какъ намъ кто-то давно разсказывалъ, что въ одномъ магометанскомъ государствѣ ученѣйшій муфтій во всѣхъ училищахъ софтъ ввелъ туже систему повиновенія, смиренія и пр., которою ты описалъ? При настойчивомъ своемъ характерѣ, при геніальномъ умѣ, при вліяніи, которое онъ обнаруживалъ на своихъ подчиненныхъ съ согласія султановъ, визирей, онъ точно довелъ всѣхъ улемовъ, муль, кадіевъ и пр. до того, что они сдѣлались послушнѣйшими его рабами, распростирались предъ нимъ, цѣловали края его одежды. Но вотъ одинъ не визирь, не паша, а простой эфенди, лихой наѣздникъ ворвался во владѣнія муфтія, на-

чалъ командовать улемами, кадіями и пр. Муфтій сначала даже не обратилъ вниманія на эфендія; впрочемъ, вскорѣ замѣтивъ опасность, рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу. По ефендію помогали нѣкоторые паши, визири, особенно многіе улемы, муллы и кадіи, которымъ давно не нравилась теорія послушанія и смиренія. Муфтій одинъ бороться не могъ, обратился къ своимъ подчиненнымъ не съ приказомъ, а съ приглашеніемъ остановить успѣхи эфендія, который уже за свои подвиги сдѣлался пашою. И тутъ-то ученѣйшій муфтій узналъ, что въ военное время не выиграешь битвы съ людьми, въ которыхъ убита всякая самостоятельность; старался было позадобрить пашей, визирей и пр.; но все кончилось тѣмъ, что изъ столицы, положимъ изъ Константинополя, онъ долженъ былъ уѣхать читать алкоранъ, и молить Аллаха о прощеніи своихъ грѣховъ въ отдаленный городъ, напр. хоть въ Дамаскъ, или Багдадъ, тоже бывшіе когда-то столицами. Что, Никита Мартыновичъ, вѣдь Муфтій промахнулся?

— „Послушай, Иванъ Ивановичъ, куда это ты заѣхалъ? мы съ тобой въ Европейской Россіи, говоримъ объ ея училищахъ, а ты примѣры отыскиваешь у Персидскаго Залива; чего добраго, не отправишься ли въ Новую Голландію, или въ Антарктическія страны. Далеконько ты другъ, уѣхалъ.

— „Ну, не очень далеко; вѣдь Россія къ Югу граничитъ съ Турціею, а Багдадъ Турецкій городъ.

— „Спорить съ тобою, начали мы опять, мнѣ не хочется. Положимъ даже, что самостоятельность, независимость характера нѣсколько страдаютъ въ

училищахъ; но зачѣмъ тебѣ не вспомнить, сколько другихъ качествъ благопріятныхъ для нравственности ученики выносятъ изъ школы? Пересчитай-ка.

— „Изволь, Никита Мартыновичъ, почему не посчитать? *Выносятъ* дѣйствительно много всякой всячины. *Выносятъ* напр. казенные способы выражать свое раболѣпство предъ начальниками, свое смиренничанье, свое безпредѣльное уваженіе ко всему, что выше ихъ, свою невыносимую спѣсь предъ всѣмъ, уваженіе ко всему, что имъ подчинено, или отъ нихъ зависитъ. *Выносятъ* множество *казенныхъ* признаковъ, которыми можно распознать каждую добродѣтель и порокъ и мастерски имъ пользуются, чтобы прослыть нравственными людьми. *Ознакамливаются* со множествомъ *казенныхъ* добродѣтелей и съ искусствомъ придавать имъ лоскъ дѣйствительно добрыхъ дѣлъ. *Выносятъ* и чуть ли *не вывозятъ* множество нравственныхъ сентенцій, цитатъ въ подтвержденіе пользы добрыхъ и вреда порочныхъ дѣлъ, хотя сами не очень охотно прилагаютъ ихъ къ своему сердцу, но умѣютъ блеснуть знаніемъ ихъ предъ другими. *Выносятъ* также холодность къ божественной службѣ и къ молитвамъ, которыя для нихъ, по премудрымъ распоряженіямъ начальниковъ служили часто наказаніемъ. Видя свѣтъ чрезъ училищныя окна, или знакомясь съ нимъ у оставныхъ приказныхъ, солдатъ, мѣщанъ, дьячковъ, въ трактирахъ и пр., или показываясь ему — міру въ своихъ хламидахъ, и будучи принимаемы за подозрительныхъ людей, *выносятъ* превратныя понятія объ обществѣ, о своихъ къ нему отношеніяхъ. *Охъ! много, много*

всякой всячины выносять! Но я объ этомъ распространяться не стану; ты самъ все описалъ подробно и выставилъ гибельныя послѣдствія всѣхъ этихъ выносимыхъ качествъ; въ этомъ случаѣ я съ тобою согласенъ.

— „Наслу ты сознался, перебили его мы, что мой взглядъ на нравственное воспитаніе не лишенъ основаній.

— „Да, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ; но свое согласіе я отдаю тебѣ только до твоихъ разглагольствованій о нравственно-экономическихъ идеяхъ. Нѣтъ, уже я съ тобою ни на что не соглашусь.

— „Погоди, Иванъ Ивановичъ, можетъ быть къ концу и согласишься; и впрочемъ, чѣмъ онъ заслужилъ твое неблаговеніе?

— „Чѣмъ? да чуть ли не всѣмъ своимъ соборомъ. Прежде всего позволь тебя спросить, въ какой Нвикѣ сказано, что не только начальникъ, но и вообще, кто бы то ни былъ, обязанъ или имѣетъ право пользоваться трудами людей и особенно чужихъ дѣтей въ свою собственную пользу, прикрывая это какими-то долотопными возгласами о благодѣтельномъ вліяніи подобной барщины на нравственность работающихъ, и ни чѣмъ ихъ за то не вознаграждая, кромѣ оплеухъ, подзатыльниковъ, а иногда и кое-чего болѣе чувствительнаго? Въ какомъ разрядѣ помѣстить эту высокую обязанность? Въ числѣ ли обязанностей къ ближнимъ, или къ самому себѣ и пр.?

— „Какое странное у тебя мнѣніе, замѣтили мы ему. А впрочемъ развѣ не знаешь, что мы обя-

заны помогать другъ другу, быть благодарными за благодѣянія и послушными предъ своими начальниками? Что же дурнаго, если мальчишки въ чемъ либо и помогаютъ своимъ добрѣйшимъ начальникамъ?

— „Такъ, такъ, любезный Никита Мартыновичъ; приведенныя вами правила только говорятъ, что каждый добровольно, самъ по себѣ, безъ принужденія можетъ и обязанъ помогать и услуживать другому, а не то чтобы этотъ другой имѣлъ право насильно заставлять перваго быть благодарнымъ и услужливымъ. А между тѣмъ, если ваши Нѣмки молчатъ въ такомъ казусномъ случаѣ; то гражданскіе законы выражаются очень ясно. Не угодно ли вамъ припомнить, что помѣщикъ купивши крестьянъ на свои деньги, давши имъ землю для усадьбы и посѣва, имѣя право продать крестьянина, и отослать по собственному усмотрѣнію въ Сибирь на поселеніе, даже этотъ помѣщикъ по своду законовъ ограниченъ въ своихъ правахъ? Только плантаторы южныхъ сѣверо-американскихъ Штатовъ руководствуются чистымъ произволомъ въ назначеніи работъ неграмъ, но и они кормятъ и содержатъ ихъ. Скажите же мнѣ, г. панегиристъ, на основаніи какой Нѣмки, или какихъ статей свода законовъ начальники училищъ, хотя бы и духовныхъ, составляли, положимъ, если и не заставляютъ, полоть огурцы, рубить капусту, вытаскивать плахи изъ воды, даже дѣлать ботаническія экскурсіи, даже выписывать изъ множества книгъ сентенціи и изъ нихъ составлять трактаты объ индѣйской мудрости, которые начальникъ издастъ

подъ своимъ именемъ? Гдѣ эти Ивики и эти статьи? — Чтоже молчите? И чтобы сказало наше правительство, если бы оно формально узнало о подобной кабальной? Не найдете ли вы примѣровъ въ своей памяти, что военные начальники, даже знаменитые генералы, употреблявшіе солдатъ на собственныя работы, за такія злоупотребленія властью платились эполетами, чинами и всѣми правами? Почему же ваши хотя бы и высокопрепочтеннѣйшіе начальники, оказываются даже добродѣтельными, заставляя работать на себя учениковъ-мальчиковъ, людей свободнаго состоянія, отданныхъ имъ для изученія латинскаго языка, географіи закона божія и пр.?

— „Ну, да что ты горячишься? не утерпѣли мы. Э! великое дѣло, что мальчики что либо сдѣлаютъ на огородѣ, или въ домѣ начальника! Вѣдь, отъ этого земля съ своей оси не сверится и организмъ государственный не растроится. А судя по тону, которымъ ты ихъ произносишь, я боюсь, не угрожаетъ ли намъ въ самомъ дѣлѣ какой либо геологическій или политическій переворотъ?

— „Конечно, ни сколько не смущаясь нашими основательными словами, сказалъ Иванъ Ивановичъ; — земля не сойдетъ съ своей оси, но мальчикъ свои кабальные часы могъ бы употребить или на отдыхъ или на повтореніе уроковъ. Что же касается до государственнаго организма, онъ крѣпокъ и не разстроится отъ распоряженій какого либо начальника вышеградскаго училища; но позвольте спросить: какія понятія будутъ имѣть ученики объ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными? И сами въ

свою очередь, сдѣлавшись начальниками, не станутъ ли, даже не будутъ ли имѣть нѣкотораго права распоряжаться подчиненными точно также, какъ распоряжались ими? Не пріучатся ли еще въ училищѣ къ той мысли, что начальникъ все можетъ требовать отъ своего подчиненнаго, что ему присвоется, по русской пословицѣ, *загребать жаръ чужими руками*, и выѣзжать на плечахъ другихъ людей? Не училища ли, не начальники ли многихъ изъ нихъ виноваты въ томъ, что у насъ такъ много расплодилось подчиненныхъ, которые готовы сдѣлать для начальника все т. е. всякую низость и несправедливость; — и начальниковъ, которые въ подчиненныхъ своихъ видятъ только какія-то машины, отданныя въ ихъ безотчетное распоряженіе? Нѣтъ, Никита Мартыновичъ, свободный человѣкъ долженъ быть свободнымъ, а не рабомъ, хотя бы ему было даже 5, 10, 15 лѣтъ; *крѣпостное право должно быть уничтожено и въ училищахъ*, чѣмъ бы оно ни проявлялось, рубкою ли дровъ, перепискою ли чего либо или составленіемъ статей даже нравственнаго содержанія для начальника. Начальникъ получаетъ жалованье, отличія, чины и пр. не для того, чтобы подчиненные ему ученики были работниками его даже на одинъ часъ, а чтобы онъ самъ — сама Его Милость, само Его Препочтенство, сама его Пречестность, постоянно заботились о пользѣ учениковъ. Можетъ быть, этого и нѣтъ въ Уставахъ, но по моему мнѣнію, слѣдовало бы внести въ нихъ или лучше написать на стѣнахъ каждаго училища. — что вы, г. панегиристъ, скажете на мой панегирикъ, не совсѣмъ-то похожій на

вашъ, хотя онъ основанъ на однихъ и тѣхъ же фактахъ и принципахъ?

— „Да, что же ты, Иванъ Ивановичъ, сердишь что ли на меня? Мы съ тобой, кажется давно ведемъ хлѣбъ-соль и говоримъ другъ другу: *ты*; что это ты нынѣ слишкомъ вѣжливъ? мы наконецъ замѣтили своему пріятелю, правду сказать, немного затрудняясь прямо отвѣчать, а между тамъ желая показать ему запальчивость его .....

— „Ну, изволь, изволь, постарому станемъ говорить, словами: *вы* и *вами* я хотѣлъ только почтить почтеннѣйшихъ, добродѣтельнѣйшихъ начальниковъ, которые нашли въ васъ, да, — въ тебѣ такого панегириста. Станемъ говорить по-просту. Нынѣ такъ много толкуютъ о взяткахъ и о казнокрадствѣ; разбирая ихъ причины, кажется, еще никто, или немногіе упоминали, можетъ быть, объ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, отъ которыхъ происходитъ это зло. Посудимъ безпристрастно. Вотъ мальчика собираютъ въ первый разъ вести въ училище. Онъ уже слышитъ, сколько надобно подарить отцу-начальнику и благотворителямъ - учителямъ. Прибывши къ знаменитому начальнику, онъ иногда на основаніи старинной патріархальной простоты бываетъ свидѣтелемъ, какъ отецъ его вынимаетъ рубли и какъ училищная знаменитость принимаетъ ихъ, не краснѣя, даже съ достоинствомъ; съ какимъ-то даже какъ будто благороднымъ негодованіемъ выговариваетъ просителю, если онъ сдѣлалъ малое приношеніе; съ какою-то, какъ будто справедливою настойчивостію требуетъ прибавки, дополненія!!! Потомъ тотъ же мальчикъ

въ теченіи десяти, а иногда болѣе, лѣтъ сколько разъ видалъ, какъ гуси и поросята, индѣйки и крынки масла вмѣстѣ съ нимъ отправлялись въ городъ и были имъ же часто относимы къ почтеннымъ и высокопочтеннымъ воспитателямъ? Сколько пудовъ муки, возовъ сѣна, головъ сахару, фунтовъ чаю и пр. отправлялись въ тѣже бездонные колодцы и оттуда не возвращались? Можетъ быть не одинъ разъ послѣ какой либо шалости или предъ переходомъ изъ одного класса въ другой самъ мальчикъ писалъ къ папашѣ умоляя его поскорѣе пріѣхать или прислать, что̀ подобаетъ для укрощенія гнѣва или для пріобрѣтенія благоволенія начальническаго. А если бы онъ самъ этого не видалъ, то отъ сколькихъ товарищей могъ обо всемъ слышать? Развѣ не помнишь, какъ и мы съ тобой выбало разговаривали о такихъ интересныхъ предметахъ? Послѣ этого неужели ты полагаешь, что мальчикъ цѣлыхъ десять лѣтъ воспитываясь подъ надзоромъ взяточниковъ, слыша и взяткахъ и даже передавая ихъ, не можетъ пріучиться видѣть въ нихъ если не законную, то по крайней мѣрѣ не беззаконную вещь? И по выходѣ изъ училища, сдѣлавшись самъ начальникомъ, развѣ не захочетъ подражать бывшимъ своимъ воспитателямъ, которыхъ онъ, какъ ему внушено, долженъ почитать наравнѣ съ родителями? Далѣе, какія мысли могутъ поселится въ головѣ мальчика, воспитывавшагося подъ надзоромъ твоихъ добродѣтельнѣйшихъ начальниковъ касательно соблюденія казеннаго интереса? Эти благодѣтели молодаго человѣчества пользуются даровою казенною прислугою, берутъ хлѣбъ, крупу, масло

и всѣ вообще съѣстные припасы на содержаніе себя, своихъ и прислуги, даже лошадей, находятъ возможность блистательно угостить во время экзаменовъ всю почтеннѣйшую публику и не только угостить, но и *угобзить* вызокопочтеннѣйшаго ревизора, не тратя ни копѣйки изъ своихъ денегъ, а выжимая все, такъ сказать, изъ ученическихъ желудковъ. А потомъ умѣютъ за всѣми этими расходами еще уэкономить рублики и рублевики, положить ихъ въ свой карманъ, купить на нихъ дачку, одѣть милыхъ своихъ дѣтокъ и, разумѣется, добродѣтельную супругу, или другую какую либо сестру милосердія и пр. и пр. — Вѣдь все это такъ или иначе мальчики знаютъ; помнишь опять, какъ и мы съ тобою — голодные разуждали о такихъ продѣлкахъ! Неужели все это произведетъ благодѣтельное вліяніе на нравственность воспитанниковъ? Не сочтутъ ли и они обязанностію подражать воспитателямъ, какъ скоро въ свою очередь сдѣлаются начальниками надъ людьми или надъ казенными деньгами? Не говори ты мнѣ, что мальчики, испытавшіе страданія отъ лихоимства и казнокрадства, сами уже не захотятъ подвергать тому же кого бы то ни было. Это немногіе дѣлаютъ. А большая часть будетъ поступать также, какъ поступаютъ негры приставники съ своими чернокожими-собратами; или по крайней мѣрѣ безъ казнорадства станутъ переводить въ свои кармамы суммы, назначенныя на содержаніе не ихъ, а на другое нѣчто. Нѣтъ, мой другъ, по моему мнѣнію, лихоимство и казнокрадство начальниковъ училищныхъ несравненно вреднѣе, нежели тѣ же преступленія чиновниковъ.

То именно приготовляетъ и для будущаго поколѣнія взяточниковъ и лихоимцевъ, а послѣднее обираетъ только современниковъ.

— „На счетъ взятотъ ты напрасно обвиняешь училища, возразили мы; взятки давно уже существуютъ; онъ тяготили неправославный и православный людъ, когда объ учености и слуха не было. Ими мы одолжены сѣдой древности.

— „Пожалуй, и я съ тобою отчасти согласенъ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ. Монгольскій, а можетъ быть, и удѣльный періоды намъ въ этомъ отношеніи много услужили. Но училища, облагородивъ людей, могли бы мало-по-малу уничтожать взяточничество, какъ это замѣтно въ западной Европѣ. Между тѣмъ я затрудняюсь приложить подобное замѣчаніе къ нашему отечеству. Училища наши не только учатъ взяточничеству, но почтенные ихъ начальники..... Впрочемъ позволь мнѣ употребить одинъ изъ твоихъ оборотовъ. Почтенные начальники такъ хорошо и практически обучивши своихъ питомцевъ взяточничеству и казнокрадству, знали, что подобныя вещи нельзя выставлять на бѣлый свѣтъ съ полною откровенностію, что ихъ надобно отполировывать, замазывать, закрашивать, что предъ начальствомъ, предъ сторонними людьми нужно блеснуть и филантропіею и отеческою заботливостію, и главное, что надобно во всемъ свести концы съ концами, чтобы какой либо контролёръ не сдѣлалъ прицѣпки. Начальники и въ этомъ щекотливомъ пунктѣ не хотѣли оставить своихъ питомцевъ безъ наставленій.

— „Ну, что это ты говоришь? остановили мы

Ивана Ивановича. Откуда эти мысли у тебя берутся?

— „Откуда? прервалъ насъ неугомонный пріятель. Откуда? изъ дѣяній твоихъ почтеннѣйшихъ начальниковъ, тобою же самимъ описанныхъ. Развѣ не изъ числа ихъ нѣкоторые велятъ приготовлять два или три сорта хлѣба, чтобы одинъ брать себѣ, другой употреблять въ ученической столовой при торжественныхъ случаяхъ, когда надобно товаръ лицемъ показать и не ударить себя въ грязь предъ начальствомъ и посѣтителями; а третій, разумѣется, по хуже и даже никуда негодный для ежедневнаго употребленія — не себѣ, а своимъ милымъ питомцамъ? А не случается ли кое-гдѣ, что на день покрываютъ кровати отличными одѣялами, а на ночь дается ученикамъ засаленное тряпье, что съ 10 часовъ утра до 4 по полудни одѣваютъ воспитанниковъ въ хорошую одежду; а потомъ ее снимаютъ и облекаютъ ихъ чуть не во вретища? Немного прошло еще времени, какъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній воспитанники, наскучивъ и тяготясь перемѣнами *одѣяльныхъ декорацій* въ своихъ спальняхъ, сдѣлали нѣчто положее на поступокъ Александра Македонскаго съ гордіевымъ узломъ. Въ одно утро каждое изъ ночныхъ одѣялъ разорвали на четыре части, уложили все также, какъ складывалось для отнесенія въ гардеробную и потомъ отправились приготовляться къ классамъ. Общее неудовольствіе на перемѣну одѣялъ было такъ велико, что начальство долго не могло отыскать виновныхъ. Наконецъ въ страстную недѣлю предъ самою исповѣдью и святымъ при-

частьемъ начальникъ, поклявшись, что онъ никому ничего не сдѣлаетъ, чуть ли не со слезами на глазахъ убѣдилъ воспитанниковъ *покаяться* въ своемъ грѣхѣ и очистить свою совѣсть, чтобы достойнымъ образомъ приступить къ принятію тѣла и крови Христовыхъ. Виновные воспитанники добровольно сознались, но и тутъ начальникъ вздумалъ дать имъ новый урокъ; раскаявшіеся воспитанники, не смотря на клятвенное обѣщаніе ничего имъ не дѣлать, данное въ страстную недѣлю предъ исповѣдію и св. причастіемъ были исключены изъ училища; пусть-де изъ примѣра начальника научатся, какъ надобно держать данное обѣщаніе и обращаться съ клятвою. Далѣе, сколько найдется начальниковъ, которые бы при посѣщеніи высокихъ особъ не велѣли прибавить къ обѣду воспитанниковъ не только лишній пудъ говядины, но и лишнее блюдо и при нихъ же не сказали, что они всегда кормятъ такъ своихъпитомцевъ. Тутъ мы съ тобой можемъ кое-что припомнить изъ своей жизни. Ты еще не забылъ, что, когда мы съ тобой обучались въ среднемъ учебномъ заведеніи, столы въ нашей столовой никогда ничѣмъ, даже тряпьемъ на покрывались; давался намъ одинъ ножикъ безъ вилки на 14 человѣкъ для разрѣзыванія говядины; болѣе двухъ блюдъ къ обѣду и ужину не готовили даже въ праздники; тарелокъ и салфетокъ мы и не видывали; даже ложки у себя же въ карманахъ хранили. Но хочешь ли вспомнить одинъ день великаго поста 1825 г., когда наше училище удостоилось посѣщенія новаго высшаго начальника, который послѣ сдѣлался знаменитымъ са-

новпкомъ, но и тогда уже извѣстенъ былъ своимъ благочестіемъ и добротою. Не удивились ли мы, когда, взошедши въ столовую, увидѣли, что столы накрыты богатыми бѣлыми, какъ снѣгъ скатертями, взятыми гдѣ-то, для этого дня, что предъ каждымъ изъ насъ находятся тарелка, салфетка, вилка и ножикъ, хотя нечего было разрѣзать. Припомни смѣшныя сцены, тогда происходившія. Сѣвши на своихъ мѣстахъ, мы прежде всего не знали, что дѣлать съ салфетками и нашли за лучшее составить изъ нихъ кучи среди стола. Замѣтивъ это, профессоръ математики сказалъ въ слухъ профессору словесности, сдѣлавшемуся послѣ знаменитымъ ученымъ и литераторомъ: *смотри, Иванъ Николаевичъ, ребята незнаютъ, что дѣлать съ салфетками;* профессоры чуть не въ слухъ засмѣялись. Инспекторъ поздно понялъ, что безъ репетиціи не надобно разыгрывать ни одной піэсы, съ недовольною миною велѣлъ намъ куда либо убрать салфетки; одинъ сунулъ за сюртукъ, другой взялъ, не развертывая въ лѣвую руку, у третьяго она улетѣла подъ столъ; — насмѣшники профессоры помирали со смѣха. Но этотъ смѣхъ чуть не сдѣлался замѣтнымъ даже для высокаго посѣтителя, когда намъ подали жаркое изъ картофеля, и мы, имѣя по вилкѣ предъ собою, начали брать картофелины непосредственно своею пятернею. Опять послѣдовала недовольная мина инспектора, новое приказаніе брать куски вилками, новый поводъ къ смѣху, потому что многіе изъ насъ, взявши кусокъ вилкою, снимали его и уже лѣвою рукою клали въ ротъ. Но за то, что за обѣдъ былъ, — цѣлыхъ четыре

перемѣны! Высокій посѣтитель, изумленный убранствомъ столовой, не только сытнымъ, но и роскошнымъ столомъ, при всей добротѣ своей, кажется, понималъ разыгрываемую комедію, и потому спросилъ: *неужели вы такъ всегда ихъ кормите?* Помнишь ли, какъ нашъ начальникъ, котораго мы звали *тывуномъ* и *растывалою*, составивши изъ тѣла своего наклонную плоскость, сказалъ, что никакихъ особыхъ прибавленій не было сдѣлано, что каждый обѣдъ и ужинъ также роскошно приготовляется, что въ постные дни только стараются разнообразить кушанья, а число ихъ остается неизмѣняемымъ. Какъ намъ тогда хотѣлось сказать посѣтителю: „приди ты завтра къ нашему обѣду, и тогда увидишь, чѣмъ насъ кормятъ; кашица изъ крупы, сваренной въ водѣ, да каша изъ крупы же, только пригорѣвшей отъ стѣнокъ чугуна, — вотъ чѣмъ насъ всегда угощаютъ.“ Неужели, любезнѣйшій другъ, ты станешь говорить, что подобныхъ продѣлокъ нельзя назвать уроками, какъ черное выставлять бѣлымъ? Кажется, можно. А еще не ты ли мнѣ какъ-то говорилъ, что одинъ начальникъ самъ лично объяснялъ ученику-письмоводителю по экономической части, какъ *нѣкіи расходцы разметывать*, по его выраженію, *на другія статьи;* уроки были такъ успѣшны, что въ послѣдствіи начальникъ уже просто говаривалъ: *ну, Цалыпинъ, разбросай какъ нибудь* 300 *р. на разныя разности.* Неужели ты и послѣ этого станешь говорить, что нѣкоторые начальники училищъ не могутъ назваться наставниками по чести не только казнокрадства и взяточничества, но и умѣнья прикрывать ихъ? Боже

мой! И эти люди получаютъ чины, ордена, переводятся на высшія должности, и, что всего страннѣе, сами себя считаютъ не только честными, но чуть не святыми; даже все свое сословіе какимъ-то неприкосновеннымъ. Сохрани Богъ, если сказать при нихъ, что какой либо начальникъ хоть магометанскаго училища въ Бухарѣ взяточникъ. Они изъ себя выйдутъ точно, какъ будто ихъ самихъ обличаютъ. Ну, что любезный другъ и горячій оптимистъ? Какъ тебѣ нравится мой панегирикъ?

— „Извини, Иванъ Ивановичъ, можетъ быть, я немножко оптимистъ, — вѣдь когда-то слушалъ лекціи о цѣлесообразности всѣхъ вещей и существъ; но и тебя нельзя ли назвать пессимистомъ? Опровергать тебя невозможно, — это работа безконечная. Позволь только тебѣ замѣтить односторонность твоего взгляда; ты смотришь на достоуважаемыхъ — и — уважившихся начальниковъ со стороны способностей ихъ учениковъ къ жизни служебной, чиновнической. А не угодно ли тебѣ припомнить, что, можетъ быть, большая часть ихъ вовсе не станетъ занимать общественныхъ должностей; да и чиновники развѣ кромѣ своей служебной, не живутъ еще частною, домашнею жизнію? А ты говоришь, какъ будто всѣ ученики уже будутъ занимать только должности ученыя, гражданскія, духовныя, военныя и пр.

— „Такъ чтожъ? началъ опять Иванъ Ивановичъ. Твои почтеннѣйшіе, препочтеннѣйшіе и даже высокопрепочтеннѣйшіе начальники прекрасно умѣли приготовлять воспитанниковъ къ частной и домашней жизни. Прежде всего, кажется, даже изъ сказаннаго

мною о взяточничествѣ и казнокрадствѣ уже можно заключить, что́ за люди должны были выходить изъ-подъ отеческаго надзора добрѣйшихъ твоихъ начальниковъ? Я никакъ не думаю, чтобы взяточникъ и казнокрадъ на службѣ былъ хорошимъ человѣкомъ въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. Въ качествѣ должностнаго лица посягая на карманъ своего ближняго, обирая своихъ подчиненныхъ, не желая знать различія между своими и казенными деньгами, онъ еще помнитъ, что за всѣ эти дѣянія могутъ отправить его въ уголовную палату, а затѣмъ иногда коекуда подалѣе? Неужели этотъ человѣкъ будетъ и честенъ и безкорыстенъ въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ людьми, гдѣ ему не угрожаетъ ни отставка, ни выговоръ, ни уголовная палата, ни Сибирь? На подобныя чудеса я несогласенъ. Но если ты вѣришь въ чудодѣйственную силу частныхъ сношеній; то позволь посмотрѣть на другія свойства нравственнаго направленія, которое давали своимъ питомцамъ твои начальники. Кажется и тебѣ не очень нравится ихъ система управлять училищемъ, узнавать нравственность подчиненныхъ чрезъ шпіоновъ изъ самихъ же учениковъ? Не говорю уже о тѣхъ несчастныхъ, которые волею или неволею приняли на себя это званіе; извѣстно, что они, привыкши съ дѣтства выслуживаться словцомъ, выигрывать благосклонность начальства униженіемъ репутаціи своихъ товарищей, выдумывать или раскрашивать происшествія, чтобы не явиться къ начальнику ни съ чѣмъ, что всѣ эти люди составляютъ въ обществѣ самый негодный классъ, къ которому чувствуешь омерзѣніе,

что они готовы все продать, даже отца роднаго, только бы выслужиться предъ кѣмъ либо, а иногда только для того, чтобы не отстать отъ той практики, которою занимались въ училищѣ. Посмотримъ на тѣхъ, которые не были шпіонами. Вѣдь, извѣстно и тебѣ, какъ мало взаимнаго довѣрія, искренности и откровенности въ тѣхъ училищахъ, гдѣ начальство имѣетъ свою тайную полицію, какъ воспитанники стараются избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ, или разговариваютъ о пустякахъ; сколько тамъ бываетъ интригъ, ложныхъ доносовъ, подметныхъ писемъ, пасквилей и пр. и пр. и пр.! Припомни-ка, какъ мы съ тобой жили подъ надзоромъ ученаго, знаменитаго . . . . . пожалуй хоть оратора, такъ горячо любившаго шпіонство! Помнишь ли, какъ во время прогулокъ въ нашемъ обширномъ саду каждый изъ насъ старался или показывать свое самоуглубленіе, или разговаривать съ товарищемъ вдвоемъ, но въ тихомолку, поглядывая, не подслушиваетъ ли кто изъ-за куста. Тяжелое было время! А припомни, какъ съ годъ или два тому назадъ въ одной изъ семинарій начальникъ, получивши подметное письмо, составилъ окончательный списокъ на основаніи его? Сколько тогда было между учениками ссоръ, низостей, даже кулачныхъ дуэлей? Неужели ты полагаешь, что происходящій отъ шпіонства недостатокъ довѣрія, отсутствіе искренности, подозрительность, почти необходимость интриговать, прислуживаться, боязнь, какъ не проговориться и притомъ въ возрастѣ, когда душа желаетъ быть открытою ко всему и ко всѣмъ, — неужели описанная мною и тобою система

не отравляетъ души, не оставляетъ впечатленія на ней, даже сказать прямо, не уродуетъ ея? Но, если это, по твоему мнѣнію, ничего не значитъ, то взглянемъ на то, какъ твои начальники своимъ примѣромъ учили трезвой и воздержной жизни. Ты, человѣкъ говорливый, почему-то не очень распространился объ этомъ предметѣ. Почему бы тебѣ не раздѣлить воспитателей на двѣ категоріи — на тѣхъ, которые любятъ, или, пожалуй, любили своею жизнію оправдывать изрѣченія князя Владиміра: *Руси веселіе пити;* — и еще на тѣхъ, которые не хотятъ, или не хотѣли поддерживать почтеннѣйшихъ откупщиковъ.

— „Иванъ Ивановичъ, прервали мы его; ты вовсе забылся. На чемъ хочешь основать такое раздѣленіе? Полно, другъ мой, горячиться; ты лучше всякаго знаешь, что нынѣ большинство наставниковъ люди трезвые. Напр. мы тоже съ тобою когда-то принадлежали къ этому классу; не захочешь ли ты и насъ обоихъ причислить къ бахусовымъ поклонникамъ? А припомни, какъ въ одной изъ академій наставники прямо докладывали ректору — человѣку необыкновенно сильному, — чтобы онъ уволилъ отъ службы своего любимца, который любилъ *веселиться;* и начальникъ принужденъ былъ сдѣлать это. Кажется, твое раздѣленіе не годится.

— „Ну, чтожъ? мы съ тобою и наставники академій причислимся ко второму разряду; я, кажется, допускаю двѣ категоріи; не опасайся; не запишу тебя въ списокъ бахусовыхъ поклонниковъ; да и куда тебѣ съ твоимъ слабымъ здоровьемъ, со впалыми глазами, съ блѣднымъ лицемъ, подвизаться

вмѣстѣ съ ними? Сиди дома, да пей воду. Впрочемъ намъ съ тобою и нашимъ сверстникамъ можно было бы простить, если бы мы и не могли поступить въ числовъ общества трезвости. Могли ль мы съ тобою научиться этой добродѣтели отъ своихъ педагоговъ? Позволь тебѣ разсказать, какъ одинъ мой учитель греческаго языка обучалъ насъ трезвости. Пришедши въ классъ послѣ обѣда, онъ нетвердою поступью, по ломаной линіи добирался кое-какъ до своей каѳедры, состоявшей изъ простаго табурета; не безъ труда и опасности потерять равновѣсіе, усаживался на него; и утомленный продолжительностію своего путешествія старался поскорѣе отуманенную свою голову поддержать обѣими руками, а иногда совершенно склонить ее на столъ. Добрый Морфей скоро успокоивалъ труженике. Проказники-ученики, перемигнувшись, наблюдали самую глубокую тишину; но одинъ вышедши изъ класса, какъ нибудь доволилъ до свѣдѣнія начальника о положеніи своего наставника. Начальникъ, узнавши о такомъ соблазнѣ, являлся въ классъ; ученики, быстро вставши съ мѣстъ, производили большой стукъ своими ногами, пробужденный этимъ непредвидѣннымъ событіемъ, успокоившійся старикъ вскакивалъ съ каѳедры, усматривалъ грознаго своего начальника и окончательно растеривался, но иногда начальнику стоило труда и времени пробудить своего подчиненнаго. Въ другой разъ ученики, давши время наставнику вполнѣ предаться въ объятія Морфея, вдругъ неожиданнымъ сильнымъ стукомъ пробуждали его. Пробужденный, полагая на основаніи прежныхъ примѣровъ, что пришелъ на-

чальникъ, быстро вставалъ и хотя глаза его ничего не могли разсмотрѣть, онъ впрочемъ отвѣшивалъ приличный поклонъ въ ту сторону, откуда по устройству класса долженъ былъ явиться начальникъ, для насъ это было, разумѣется, величайшимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, мы помирали со смѣху. Съ другимъ учителемъ наши предшественники сыграли болѣе злую шутку. Когда онъ, послѣ обѣда пришедши въ классъ заснулъ на своей каѳедрѣ, то они одинъ за другимъ вышли изъ класса и заперли его. Можно себѣ представить положеніе педагога. Время было зимнее; пробужденіе произошло почью въ совершенной темнотѣ; классъ не только былъ запертъ, не отапливался, но находился вдали отъ другихъ зданій; почтенный наставникъ принужденъ былъ провести всю ночь арестантомъ въ своей темницѣ. Впрочемъ иногда дѣла принимали не очень благопріятный оборотъ для проказниковъ-учениковъ. Наставникъ приходилъ очень и очень на веселѣ; но еще имѣлъ столько силы и сознанія, чтобы удерживаться на ногахъ и не забывать своихъ педагогическихъ обязанностей. *Воспламененный жизненною водою*, какъ выражаются Французы, онъ съ особеннымъ рвеніемъ начиналъ исполнять свои обязанности, заставлялъ читать урокъ, вспоминалъ о прежнихъ шалостяхъ, которыя не были еще наказаны. Разумѣется, чрезъ нѣсколько времени оказывалось множество виновныхъ, которые одинъ за другимъ должны были выходить съ своихъ мѣстъ и подвергаться непріятной операціи. Что? каковы практическіе уроки

по части трезвости преподавались твоими любезными педагогами? Скажи по совѣсти.

— „Молчать не буду, Иванъ Ивановичъ, отвѣчали мы, и замѣчу тебѣ, что ты совершенно уклонился отъ предмета. Мы съ тобою начали разсуждать о нынѣшнихъ временахъ, а твои разсказы относятся къ преданіямъ старины глубокой.

— „Нѣтъ, не очень глубокой, возразилъ нашъ антагонистъ; одинъ изъ этихъ учителей умеръ менѣе 15 лѣтъ тому назадъ. Но, осмѣливаюсь тебѣ напомнить твое замѣчаніе, что въ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ духовныхъ, въ послѣднія времена не происходило еще ничего похожаго на геологическій переворотъ, что между наставниками нынѣшнихъ и старинныхъ временъ не замѣчается даже такой разности, какая существуетъ между слонами и мамонтами. И мои примѣры, право, не излишни; не найдется ли въ настоящее время чего либо похожаго, только не въ такихъ грубыхъ формахъ? Конечно, значительное число наставниковъ нынѣ уже нельзя упрекнуть въ той несчастной страсти, о которой мы говоримъ. Но, по совѣсти, развѣ уже вовсе нѣтъ ни одного между ними, кто бы въ промежутокъ между классами не находилъ нужнымъ оживить себя живительнымъ бальзамомъ, отъ кого бы до учениковъ не доходилъ запахъ штофныхъ лавочекъ? Вѣдь, право, есть. А кромѣ того, какъ ты думаешь, благодѣтельно было вліяніе на учениковъ, когда они при возвращеніи съ описанныхъ тобою ботаническихъ экскурсій удостоивались чести поддерживать начальниковъ, которыхъ центръ тяжести почему-то пере-

ходилъ безпрестанно во всѣ стороны. А цѣлые дни, называемые рекреаціями назначенные собственно для того, чтобы одни играли въ шашки и карты, а другіе проводили время за бутылками и штофами, развѣ остаются безъ вліянія на дальнѣйшую жизнь? Могли ли также научиться трезвости и воздержанію воспитанники, состоявшіе подъ вѣдѣніемъ того начальника, который, возлежа по римскому обычаю съ своими пріятелями, приказывалъ эконому приносить ящики шампанскаго, и кричалъ: *браво*, *брависсимо*, когда пробка изъ откупоренной бутылки долетала до потолка? А попойки экзаменскія, а вѣчные пиры и пирушки во время ревизій, а веселость и говорливость ревизоровъ и начальниковъ на экзаменахъ послѣ обѣда и пр. развѣ не пробуждали въ ученикахъ мысли: „ахъ! когда и мы доживемъ до того счастливаго времени, что и намъ можно будетъ быть точно такими веселыми?“ Но многіе воспитанники не хотятъ дожидаться окончанія курса и находятъ возможность повеселиться еще въ училищѣ. Выбираютъ время, когда посѣщенія начальника нельзя ожидать, или мѣсто, куда онъ не можетъ прійти; и запасшись разными снадобьями, веселящими сердце, не предаются ли такимъ оргіямъ и вакханаліямъ, которые могли бы занять почтенное мѣсто въ старинныхъ попойкахъ ландскнехтовъ и гусаровъ бурцовскихъ и давыдовскихъ временъ? *Развѣ не помнишь*, какъ въ одномъ — не высшемъ ли учебномъ заведеніи — цѣлый курсъ, желая отпраздновать свой переходъ въ другой классъ, собрался не полминнику и въ глухую полночь успѣлъ опорожнить такое количество буты-

локъ, бутылей, штофовъ и пр., что *давыдовскіе собутыльники сѣдые* подивились бы удали молодаго поколѣнія? И потомъ *развѣ не помнишь*, какъ молодые весельчаки подняли такую кутерьму, что полиція чуть не рѣшилась перелѣсть чрезъ ограду и освидѣтельствовать этотъ шабашъ вѣдьмъ? А между тѣмъ добрые начальники въ то время спали сномъ праведныхъ и даже поутру, получивши подметное письмо, не хотѣли повѣрить описаннымъ въ немъ сценамъ, *а развѣ еще не помнишь*, какъ чуть ли не вмѣстѣ съ тобою мы отливали трехъ джентльменовъ, которые привезены были изъ нѣкоего мѣста почти безъ дыханія? *Не помнишь ли*, какъ унтеръ-офицеръ счелъ ихъ мертвыми, сказалъ чиновнику, завѣдывавшему полиціею въ училищѣ о томъ, какъ этотъ прибѣжалъ въ попыхахъ къ санямъ? И когда же это было? Вѣдь, въ крещенскій сочельникъ предъ самою обѣднею, когда православный народъ шелъ въ церковь для молитвы. *А не помнишь ли* еще, какъ одинъ изъ воспитанниковъ даже не высшаго, а средняго заведенія положилъ свой животъ въ погребкѣ? Да, да, ты самъ объ этомъ говорилъ. Но это пока происходитъ подъ отеческимъ надзоромъ благопопечительнаго начальства. Чего же ожидать теперь, когда такіе молодцы почувствуютъ наконецъ просторъ, узнаютъ, что у нихъ нѣтъ ни старшихъ, ни гувернеровъ, ни инспекторовъ, что они сами себѣ господа и хозяева? Описывать сцены, происходящія въ этомъ случаѣ, тяжело да и продолжительно, притомъ боюсь *гусей раздразнить;* сразу загагакаютъ: какъ можно распространять подобныя мысли? „Да, какъ ты

смѣешь говорить это? Да кто тебѣ далъ право на это?“

— „Однако, любезный Иванъ Ивановичъ, побаиваешься кое-кого; то-то бы поменѣе горячился и говорилъ поспокойнѣе. Тогда бы не сказалъ ничего лишняго, а главное въ словахъ своихъ не забывалъ бы логики; полушутя сказали мы своему пріятелю.

— „Логики я не забываю, Никита Мартыновичъ, нѣсколько обидѣвшись, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— „Нѣтъ, г. противникъ экономически-нравственныхъ идей, забываешь. Кажется *устанавливая себя на* Standpunct'*ѣ* или *выѣзжая изъ своей точки отправленія*, ты обѣщался послѣ самостоятельности и независимости характера говорить о возвышенности и благородствѣ души, и потомъ уже педейти къ примѣрамъ. А припомника всю свою Филиппику; примѣровъ въ ней много; а о благородствѣ и возвышенности души почти ни слова. Что? скажешь: не забылъ логики?

— „Извини, Никита Мартыновичъ, точно пропустилъ этотъ предметъ, но о немъ много говорить не нужно. Кажется и ты не станешь спорить, что мало остается благородства и возвышенности души въ томъ, кто подобно крѣпостному крестьянину долженъ былъ часто разыгрывать роль чернорабочяго или лакея у своихъ воспитателей, кто принужденъ былъ думать о томъ, какъ бы заслужить улыбку своихъ патроновъ, благоволеніе товарищей-временщиковъ, снисхожденіе авдитора, цензора, даже экзекутора и чуть не всякаго дневальнаго; — кто въ нѣжномъ возрастѣ по неволѣ пускался и запуты-

вался въ интриги, былъ свидѣтелемъ и участникомъ разныхъ, конечно мелкихъ, но все-таки низостей и подлостей? Какъ ему утвердить въ себя разсматриваемыя нами качества, когда его сгибали, да сжимали и прижимали? У кого ему перенять ихъ? Не у начальниковъ ли, которые руководствовались экономически-нравственными идеями? Не у отставныхъ ли солдатъ, подъячихъ и прочей сволочи, съ которою онъ былъ знакомъ? Довольно впрочемъ; дѣло ясно само по себѣ.

— „Судя по твоимъ словамъ, Иванъ Ивановичь, надобно полагать, что изъ училищъ, гдѣ господствуютъ описанные мною принципы, кромѣ негодяевъ не можетъ никого выйти. Такъ мало добраго ты отъ ихъ начальниковъ ожидаешь. А подумавши, поуспокоившись, согласишься со мною, что подъ надзоромъ и этихъ начальниковъ образуются люди, заслуживающіе полное уваженіе, люди съ твердымъ и независимымъ характеромъ, съ благородною и возвышенною душою, люди, которые не запятнаютъ себя низкими и своекорыстными поступками. По этому, зачѣмъ же такъ безпощадно клеймить позоромъ тѣхъ начальниковъ, которые придерживаются экономически-нравственныхъ идей?

— „Возраженіе твое, Никита Мартыновичь, вовсе не измѣняетъ моихъ мыслей. Въ какомъ-то мѣстѣ первой своей части ты самъ сказалъ, что изъ тѣхъ школъ, гдѣ все обученіе основано на механизмѣ, формализмѣ, схоластицизмѣ и педантизмѣ выходятъ много дѣльныхъ людей, но только не въ слѣдствіе механизма, формализма и пр., а не смотря на школь-

ный механизмъ и пр., и тамъ ты указалъ на причины такого явленія. Но и нравственная наша природа устроена одинаково съ умственною. Къ счастію рода человѣческаго люди могутъ быть добрыми, честными, благородными и пр. независимо отъ г.г. воспитателей, даже въ противность ихъ желаній и распоряженій. Благопріятствующихъ этому обстоятельствъ много. *Есть*, по твоему выраженію, желѣзныя натуры, которыхъ ничто не переломитъ; *есть* благородные характеры, которыхъ ничто не перемѣнитъ; *есть* здравый смыслъ, котораго ничто не совратитъ съ прямой дороги; *есть* истинно ангельскія чистыя души, которыхъ невинность сохраняется среди самыхъ грубыхъ пороковъ. *Есть* родители, которые своими наставленіями, примѣромъ своей христіанской жизни, такъ хорошо внушаютъ дѣтямъ и укрѣпляютъ въ нихъ начала нравственности, что ихъ не истребляютъ никакія экономически-нравственныя идеи. *Есть* честные и благонамѣренные воспитатели и наставники, которые для воспитанниковъ служатъ истолкователями и прекрасными примѣрами самой возвышенной нравственности. *Есть* добрые люди, которые не получая ни жалованья, ни отличій, удерживаютъ своими наставленіями, совѣтами и примѣромъ чужихъ дѣтей отъ многихъ шалостей и проступковъ. *Есть* наконецъ Промыслъ, который никакъ не позволитъ, чтобы праведники оскудѣли между людьми, чтобы семя добра, имъ насажденное, истребилось. И потому зачѣмъ удивляться, что многіе воспитанники, находясь подъ начальствомъ защитниковъ нравственно-экономическихъ идей, остаются

нравственными существами, только не отъ вліянія этихъ людей и идей, а несмотря даже на ихъ вліяніе. Но возьми ты училище, гдѣ бы учили *по казеннымъ правиламъ* смиренію, повиновенію, гдѣ бы начальники были самые строгіе приверженцы нравственно-экономическихъ идей, куда бы вліяніе сторонникъ лицъ никакъ не проникало, — скажи по совѣсти, много ли вышло бы нравственныхъ людей изъ такихъ училищъ? Скажи же по совѣсти?

— „Чтоже, Иванъ Ивановичъ? Божественный Промыслъ не оставляетъ и такихъ училищъ; больше этого мы ничего не могли сказать.

— „Вотъ то-то, Божественный Промыслъ! Божественный Промыслъ! Онъ дѣйствительно все можетъ сдѣлать, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Но прибѣгнувъ съ Промыслу, ты съ этимъ самымъ сознался, что въ твой головѣ нѣтъ болѣе мыслей для защиты твоихъ идей и людей. И потому не хочу больше опровергать тебя. Извини меня, Никита Мартыновичъ, не обижайся моими словами, не сердись на меня за мой отзывъ о твоихъ экономически-нравственныхъ идеяхъ. Онѣ при твоемъ чтеніи показались мнѣ противными и даже отвратительными; а ты еще вздумалъ защищать ихъ. Но ты знаешь, какъ слова мои бываютъ жестки, когда я встрѣчаю противорѣчіе своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ или похвалу тѣмъ мнѣніямъ, которыя считаю античеловѣческими! Сдѣлай милость, не сердись и не обижайся.

— „Не только не буду сердиться и обижаться, отвѣчали мы, но хочу поблагодарить тебя отъ души за твой разговоръ.

— „Какъ поблагодарить? вскрикнулъ почти Иванъ Ивановичъ.

— „Да, поблагодарить и попросить у тебя позволенія, весь нашъ разговоръ присоединить къ моей статьѣ, сказали мы.

— „Никита Мартыновичъ, я что-то не понимаю тебя; съ явнымъ недоумѣніемъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— „Прежде всего, любезный другъ, я вовсе не защитникъ экономически-нравственныхъ идей; онѣ мнѣ также противны, какъ и тебѣ. Мнѣ только при чтеніи своей статьи и при нашемъ разговорѣ нужно было выставить себя ихъ приверженцемъ. Съ этою цѣлію я кое-что опускалъ, кое-что прибавлялъ, а главное дѣло, — голосомъ и жестами старался выразить свое сочувствіе къ нимъ; и достигъ своей цѣли. Не вѣришь, такъ вотъ послушай, я прочитаю тебя послѣднее отдѣленіе.

По окончаніи нашего чтенія Иванъ Ивановичъ сказалъ: Это мало похоже на прежнее; такъ дѣйствительно не напишетъ приверженецъ экономически-нравственныхъ идей. Да, зачѣмъ же ты мистифировалъ меня?

Тутъ мы разсказали цѣль, съ которою завели съ нимъ разговоръ о нравственномъ воспитаніи въ училищахъ, о чемъ мы сообщили вамъ, любезный читатель.

— „Ну, да чтожъ бы тебѣ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, прямо мнѣ не предложить своего вопроса?

— „Объ этомъ нечего спрашивать. Вѣдь развѣ незнаешь, что отъ тебя немного услышишь, если не

противорѣчить твоимъ словамъ. А вотъ какъ я тебя *пораструнилъ*, такъ ты мнѣ всю свою душу высказалъ. По этому меня извини, Иванъ Иваповичь, за небольшую хитрость, не обижайся ею, а главное — позволь присоединить къ статьѣ весь нашъ разговоръ.

— „Старику надъ старикомъ не слѣдовало бы подшучивать, Никита Мартыновичь; но обижаться тобою нельзя. Дѣлай, какъ знаешь; прибавляй, что хочешь.

Этимъ разговоръ нашъ и кончился, покончимъ и мы вторую часть своей статьи; еще начего не нужно прибавлять.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О причинахъ, имѣющихъ вліяніе на здоровье воспитанниковъ духовныхъ училищъ.

Нелегко у насъ рѣшиться писать о какихъ бы то ни было общественныхъ недостаткахъ; наша публика, особенно такъ называемая образованная до такой степени щекотлива и чувствительна, что большая часть ея всякій намекъ на какой либо недостатокъ считаетъ чуть не личною обидою. И потому человѣкъ, рѣшившійся говорить объ общественныхъ недостаткахъ, можетъ имѣть пріятное убѣжденіе, что этимъ самымъ наживаетъ себѣ много враговъ. На такое удовольствіе онъ вѣрнѣе еще долженъ разсчитывать, когда захочетъ выставлять недостатки извѣстнаго класса людей — какихъ либо спеціалистовъ, или извѣстнаго сословія. Вѣдь, конечно, нѣтъ ни одного сословія, въ которомъ бы не было и хорошихъ и дурныхъ людей; и потому зачѣмъ бы сердиться, если говорятъ, что въ немъ встрѣчаются

люди, не стоющіе уваженія; вѣдь всякій имѣетъ право утверждать, что онъ хорошій человѣкъ, а не дурной. А между тѣмъ, скажите напр., что есть дурные чиновники, офицеры, священники и особенно А....., Г....., Е....., М..... (мы даже полныхъ словъ не пишемъ); тогда вамъ житья не будетъ на этомъ свѣтѣ; даже, пожалуй, не пустятъ васъ и на тотъ свѣтъ; по крайней мѣрѣ постараются, или пожелаютъ помѣстить васъ туда на цѣлые билліоны лѣтъ, гдѣ никому не захочется пробыть и часу. Что же теперь намъ дѣлать? Какъ говорить, не затронувши чьей либо личности, о томъ, что въ училищахъ, даже духовныхъ разстроивается здоровье воспитанниковъ, и именно частенько отъ г.г. начальниковъ и наставниковъ, и что слѣдовательно нужна какая нибудь реформа въ этомъ отношеніи? Подумавши долгонько, мы рѣшились вотъ на какой планъ. Станемъ главнымъ образомъ указывать на.... такъ сказать, *идеально-нездоровое, идеально-дурное училище*, т. е. разсмотримъ, при какихъ условіяхъ воспитанники могутъ разстроивать свое здоровье отъ причинъ, скрывающихся въ самомъ устройствѣ училища? Вѣдь тутъ, кажется, за личность свою никто не долженъ вступаться. Разумѣется иногда придется указать на что нибудь существующее; но это мы станемъ дѣлать съ надлежащею осмотрительностію. И такъ, г.г. почтеннѣйшіе, препочтеннѣйшіе, высокопочтеннѣйшіе и высокопрепочтеннѣйшіе начальники и наставники, не гнѣвайшесь на насъ; мы говоримъ больше объ *идеально-дурномъ* управленіи, а не *о дѣйствительно-хорошемъ* существующемъ устройствѣ учили-

лищъ; не придирайтесь къ намъ; иначе вы покажете, что принадлежите къ идеально-дурнымъ.

Причины, отъ которыхъ въ училищахъ можетъ разстроиваться здоровье учениковъ, и которыя притомъ существенно зависятъ отъ самой организаціи училищъ, могутъ быть раздѣлены на три рода: 1) *научныя*, 2) *моральныя* и 3) *гигіеническія*. Поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Научныя причины.

Научными мы называемъ тѣ причины, когда здоровье воспитанниковъ разстроивается отъ занятія преподаваемыми имъ предметами. Въ этомъ случаѣ обыкновенно большею частію все сваливаютъ на множество наукъ, входящихъ въ училищную программу. „Посмотрите, говорятъ добрые люди, можно ли мальчику быть здоровымъ, когда ему приходится заниматься десятью или двадцатью различными науками? Въ состояніи ли его нѣжная организація выдержать тѣ усилія, которыя необходимы для того, чтобы усвоить себѣ факты и высокія истины, излагаемыя въ этихъ двадцати наукахъ? Что говоримъ — двадцати, нѣтъ сорока, даже пятидесяти. Тутъ и желѣзное здоровье разстроится.“ Такіе возгласы большею частію слышатся отъ тѣхъ *обскурантистовъ*,

которые не имѣютъ смѣлости прямо обнаружить свою ненависть къ какимъ либо наукамъ, а выставляя себя адвокатами здоровья воспитанниковъ, подъ этимъ благонамѣреннымъ предлогомъ желаютъ вытѣснить изъ училища ненавистныя имъ науки и даже ограничить все обученіе чѣмъ либо въ родѣ букваря или программою допотопныхъ училищъ; а по отношенію къ духовенству готовы принять за аксіому слѣдующее изрѣченіе: *изучивый* (читать) *псалтирь достоинъ священства.* Другіе ревнители состоятъ или изъ людей, не получившихъ научнаго образованія, а между тѣмъ занимающихъ мѣста въ обществѣ съ правомъ голоса; — или изъ лицъ, обучавшихся вовсе не тѣмъ наукамъ, какія нынѣ считаются нужными для образованнаго человѣка. Какъ тѣмъ и другимъ не хлопотать о томъ, чтобы стѣснять и ограничивать кругъ преподаваемыхъ наукъ? Въ самомъ дѣлѣ, не досадно ли, не унизительно ли для нихъ видѣть, что молодое поколѣніе знаетъ многое, о чемъ ихъ сѣдовласая мудрость не слыхала почти ничего? Науки подобнаго рода почему не счесть не только не нужными, но даже еретическими? А вникнувши въ программы всѣхъ училищъ, мы найдемъ, что развѣ только въ нѣкоторыхъ немногіе предметы могли бы быть непреподаваемы и при томъ тѣ, которые вышеупомянутыми ревнителями считаются нужными. Между тѣмъ вполнѣ доказано, что точно здоровье учениковъ часто разстроивается именно отъ занятія науками. Для объясненія этого явленія мы хочемъ описать наше *идеальное училище*, въ которомъ приняты, такъ сказать, мѣры, чтобы

здоровье учениковъ, какъ можно болѣе, разстроивалось.

Если вы, г.г. читатели, имѣете искреннее желаніе устроить такое училище, въ которомъ бы даже при незначительномъ количествѣ наукъ, ученики непремѣнно потеряли здоровье, то мы даримъ вамъ прекрасный совѣтъ. Для этого постарайтесь вы опредѣлить въ свое идеальное училище такихъ наставниковъ, которые къ этому званію вовсе не готовились или не расположены, и которые согласятся поступить въ него только потому, что имъ еще некуда пріютиться. Сдѣлавшись учителями, они, чего добраго, могутъ полюбить новое свое званіе и усердно заняться исполненіемъ его обязанностей. Въ предупрежденіе подобнаго зла назначьте имъ самое ничтожное жалованье, даже въ низшихъ училищахъ поменьше, нежели сколько можетъ получить хорошій плотникъ или столярь, а въ высшихъ сравняйте сколько нибудь съ доходами дьячка. Само собою разумѣется, нужно также позаботиться и томъ, чтобы они не получали никакихъ знаковъ отличія, или какъ можно менѣе, не ознакомливались ни съ какими поощреніями, не имѣли никакой силы въ училищѣ. Не давайте имъ права голоса даже при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой, отнимите у нихъ возможность повышаться въ училищныхъ должностяхъ, пусть каждый навсегда останется тѣмъ, чѣмъ сдѣлался въ началѣ; вручите всю власть одному начальнику и поставьте учителей въ такую отъ него зависимость, чтобы его слово было для нихъ закономъ. Словомъ, постарайтесь устроить все такъ,

чтобы самый недогадливый изъ учителей видѣлъ, какъ жалко и ничтожно его положеніе въ обществѣ, какъ смѣшна его роль даже въ самомъ училищѣ. Повѣрьте, подобные наставники не очень будутъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать уроки удобопонятными для учениковъ, объяснять мѣста затруднительныя, придать имъ занимательность интересными подробностями. Что за охота и за нужда принимать имъ на себя такія хлопоты, за которыя никто не скажетъ даже спасибо. Они будутъ ходить въ классъ, задавать уроки *отсель* и *досель*, наказывать учениковъ, если имъ позволите, прослушивать ихъ и пр. А вы между тѣмъ, непремѣнно требуйте на экзаменѣ, чтобы ученики все читали слово съ слово, буква въ букву; для вѣрности берите въ руки карандашъ и учебникъ и, когда мальчикъ читаетъ, водите карандашомъ по строкамъ, показывая отвѣтчику, что всякое опущенное слово сей-часъ будетъ замѣчено, всякое измѣненіе сей-часъ поправлено. О томъ, понимаютъ ли ученики или нѣтъ читаемое, не зачѣмъ заботиться; только, чтобы читали скороговоркою, безъ остановки, не переводя духа, и строго взыскивайте съ учениковъ и учителей, если это распоряженіе не станетъ исполняться.

Такъ какъ независимо отъ учениковъ и учителей самые учебники могутъ облегчать труды мальчиковъ своею удобопонятностію и ясностію, то вы постарайтесь о томъ, чтобы учебныя руководства были написаны, какъ можно непонятнѣе для дѣтей. Пособій для достиженія *сей* благонамѣренной цѣли очень много; берите истины, совершенно недоступныя

дѣтскому уму, помѣстите мысли, которыхъ ни значенія, ни основанія, ни потребности никакъ не поймешь; перемѣшивайте ихъ такъ, чтобы логической связи нельзя было между ними отыскать; пощите въ языкѣ поболѣе непонятныхъ, неупотребительныхъ словъ и выраженій, а въ случаѣ недостатка ихъ призовите на помощь Грековъ и Римлянъ, даже Славянъ, Нѣмцевъ и Французовъ; при изложеніи науки велите слѣдовать особой конструкціи, придумайте все, чѣмъ можно самые ясные предметы сдѣлать темными, самые простые-непонятными. Пусть ученикъ, сознавши всю неизмѣримую для его разсудка глубину премудрости изучаемой науки, или вовсе не думаетъ понять написаннаго, но просто-на-просто учитъ и затверживаетъ на память; или, если нападетъ на него либеральная мысль понимать все, то пусть же онъ посидитъ надъ отыскиваніемъ смысла въ непонятной мудрости, и потомъ уже съ утомленною головою и съ превратнымъ пониманіемъ предмета приступитъ къ изученію его. Не легко ему достанется то и другое; не только понадобится много поту, но, можетъ быть, и нѣсколько капель крови.

По несчастію для вашей благонамѣренности нѣкоторыя науки напр. физика и пр. такъ занимательны и просты, что при перечисленныхъ нами пособіяхъ все-таки будутъ интересовать мальчика и облегчать изученіе ихъ. Тутъ берите мѣры рѣшительныя. Если есть возможность, то изъ училищной программы исключите все, что можетъ *расшевелить* любознательность, интересовать разсудокъ и чувство; оставьте въ ней какія либо допотопныя науки, ничѣмъ и ни

для кого не интересныя, даже противныя современнымъ требованіямъ. Но духъ времени, какъ знаете, очень силенъ; и вамъ, можетъ быть, трудно будетъ устоять противъ его прикливости и не ввести въ программу чего либо занимательнаго и удобопонятнаго; — вводите, бѣда еще не велика; дѣло можно поправить или испортить все равно. Извольте видѣть; сдѣлавши уступку духу времени, вы раздѣлите предметы на главные и второстепенные; заставляйте заниматься первыми, а послѣдніе предоставьте произволу воспитанниковъ. Но къ первостепеннымъ предметамъ причислите самые скучные, самые незанимательные, даже вовсе безполезные, а если и этого нельзя сдѣлать, то помѣстите въ нихъ, какъ можно болѣе безполезныхъ свѣдѣній. Мы даже, желая услужить вамъ, представимъ свой планъ. Возьмите за главный и даже главнѣйшій предметъ какой либо мертвый языкъ: санскритскій, древне-мексиканскій или латинскій — все равно; велите обучать ему такъ, чтобы и въ десять лѣтъ ученикъ не могъ понимать книги, на немъ написанныя; пусть онъ заучиваетъ одни вокабулы, перечитываетъ грамматики съ начала до конца и отъ конца до начала; пусть избранныя для перевода статьи будутъ вовсе ничѣмъ не интересны и пр. За санскритскимъ или латинскимъ языкомъ велите учить хоть напр. реторикѣ, логикѣ и психологіи и вообще философіи; но постарайтесь о томъ, чтобы при помощи этихъ наукъ ученики вовсе не учились хорошо владѣть отечественнымъ языкомъ или правильно и здраво излагать свои мысли, чтобы не имѣли понятія ни душѣ, ни о

матеріальномъ мірѣ. Для этого пусть реторика будетъ наполнена всѣми тѣми формами которыми люди, начиная отъ Адама или Ноя до нашихъ временъ невыражали своихъ мыслей, всѣ тропы, фигуры, періоды, loci logici, силлогизмы, рѣчи и пр.; прінщите на нихъ побольше примѣровъ, преимущественно по мудренѣе и непонятнѣе прочихъ; обяжите учениковъ писать по этимъ формамъ собственныя произведенія изъ предложеній непонятныхъ, отвлеченныхъ, такъ чтобы они, просидѣвши надъ всѣми родами краснорѣчія цѣлые года, не умѣли описать московскаго Кремля и написать простаго письма со смысломъ. Въ логику и психологію и вообще во все любомудріе внесите весь тотъ хламъ, который мы получили въ наслѣдство отъ софистовъ и схоластиковъ, для блеска не забудьте примѣшать сюда то, чѣмъ заоблачное нѣмецкое любомудріе подарило насъ въ конецъ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, разумѣется не по части идей, а относительно словъ; но ни подъ какимъ видомъ не пропускайте въ любомудрыя книги ни одного понятія, которыя выработаны новѣйшею химіею, физикою, астрономіею, геологіею, физіологіею и пр.; потомъ все — все безъ исключенія, что ни будетъ заключаться въ краснорѣчивыхъ и любомудрыхъ книгахъ, все велите учить слово въ слово, безъ всякаго пропуска, безъ обязанности понимать. Не бойтесь, достанется ученикамъ, не скоро перейдутъ чрезъ эти горы нелѣпостей, не скоро запомнятъ то, чего нельзя или вовсе неслѣдуетъ запомнить.

Можно еще другими способами затруднить изу-

ченіе наукъ. Для примѣра возьмемъ всеобщую исторію; прикажите для каждаго класса написать отдѣльные учебники, примѣняя ихъ какъ будто къ возрасту учениковъ; такимъ образомъ у васъ будутъ исторія *краткая, сокращенная, полупространная, пространная, пространнѣйшая* и пр. Пусть, пожалуй, въ нихъ заключается почти одно и тоже; но въ одномъ переднее поставьте назадъ, а заднее напередъ; однѣ и тѣже событія опишите различными словами; перепутайте ихъ разнообразно въ каждомъ учебникѣ; присоедините различныя нравоученія и умозаключенія; употребите, разумѣется, языкъ темный, выраженія напыщенныя, обороты небывалые и непремѣнно заставьте учить слово въ слово. Тогда и исторія при всей своей простотѣ и ясности будетъ труднѣе ариѳметики Куминскаго, геометріи Гурьева и даже логариѳмическихъ таблицъ Каллета. Однообразіе событій, описанныхъ разнообразно, не только не поможетъ памяти, но рѣшительно собьетъ ее съ толку.

Мы, пожалуй, сообщимъ вамъ другой примѣръ. Повѣрьте, намъ хочется выслужиться предъ вами. Вообразите, что вамъ по какому либо обстоятельству неожиданному и непредвидѣнному и даже не возможному пришлось бы устроить такое училище, въ которомъ бы Гомерова Иліада изучалась со всевозможною подробностію. Въ этомъ случаѣ вы должны вручить воспитанникамъ Иліаду на томъ же языкѣ, на которомъ она была писана и распѣваема въ древнихъ Аѳинахъ, хотя бы ученики вовсе не знали греческаго языка; или, если этого нельзя будетъ по

чему либо сдѣлать, то перевести ее какъ будто на отечественный языкъ, но столько же понятный для современниковъ, какъ понятенъ нынѣшнимъ Персамъ языкъ, которымъ объяснялись ихъ праотцы при Кирѣ и Камбизѣ, или какъ понятенъ латинскій языкъ нынѣшнимъ Италіянцамъ, Французамъ и Испанцамъ. Обяжите, чтобы стихи Гомеровы, особенно тѣ, которые помудренѣе, цитуемы были кстати или некстати вездѣ и заучиваемы непремѣнно слово въ слово безъ опущенія *іоты* или *иты*. За тѣмъ составьте изъ Иліады какъ можно болѣе отдѣльныхъ наукъ, напр. 1) *Гомерову теософію*, т. е. миѳологическія понятія Грековъ объ Олимпѣ, разумѣется, въ системѣ на подобіе тѣхъ, которыми угощала схоластическая философія; 2) *Гомерову исторію*, или изложеніе описанныхъ въ Иліадѣ событій съ примѣненіемъ изъ другихъ писателей, 3) *Гомерову археологію*, или описаніе различныхъ церемоній, обычаевъ и обрядовъ, въ ней воспѣваемыхъ; 4) *Гомерову практическую философію*, или систематическое изложеніе нравственныхъ правилъ, въ ней содержащихся. Но мы долго не кончили бы, если стали бы перечислять всѣ науки, которыя можно основать на Иліадѣ Гомера. Заставьте также изучать всѣ комментаріи на нее, составьте нѣчто въ родѣ *Гомеровой герменевтики* для объясненія непонятныхъ, особенно же понятныхъ мѣстъ, соедините съ изученіемъ ея изученіе Виргиліевой Энеиды въ томъ же самомъ духѣ, заставьте доказывать, что онѣ обѣ составляютъ нѣчто единое, цѣлое, связное или связанное — все равно. О, да вы одною Иліадою разстроите хоть какое угодно здоровье; а глав-

ное, рѣшительно отнимите всякую возможность заниматься другими предметами. Ахъ! да! мы и забыли сказать: всѣ гомеровскія науки изложите или на латинскомъ, пожалуй на санскритскомъ языкѣ; а если уже на отечественномъ, то съ соблюденіемъ всѣхъ, высказанныхъ нами, правилъ о томъ, какъ предметы дѣлать темными.

Но если бы, чего впрочемъ ожидать нельзя, если бы и за всѣмъ этимъ ученики оставались здоровыми, то примите мѣры экстраординарныя. Напр. при изученіи географіи или исторіи велите рисовать ландкарты, т. е. не то, чтобы изучать ту или другую науку, имѣя предъ собою ландкарту, а заставляйте мальчиковъ дома разрисовывать *карточки* всѣми красками и тушью съ безконечными оттѣнками, притомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. При изученіи какого либо языка прикажите имѣть нѣсколько тетрадей съ вокабулами; — одну для того, чтобы держать дома, — другую, чтобы носить въ классъ; — третію, чтобы показать учителю; — четвертую, чтобы представить вамъ, г. начальнику; можно даже число ихъ увеличить и болѣе; да пусть ребятишки переписываютъ ихъ вершковыми буквами, самымъ чистымъ каллиграфическимъ способомъ; — не бойтесь, не скоро управятся съ этой египетскою работою. Точно также при изученіи ариѳметики прикажите, чтобы каждая задача была переписываема со всѣми выкладками и подробностями на особыхъ листахъ дюймовыми или вершковыми буквами. Много, много можно придумать еще кое-чего; напр., если вы сдѣлаетесь Константинопольскимъ муфтіемъ; то мо-

жете заставить мальчиковъ заучить весь алкоранъ на арабскомъ — непремѣнно — языкѣ. Но довольно и сказаннаго.

Какъ вамъ г. читатель кажутся наши совѣты? Поведутъ ли они вѣрнякомъ къ цѣли, для которой мы ихъ давали? Мы съ своей стороны вполнѣ увѣрены въ томъ, что цѣль будетъ достигнута. Вѣдь мальчики, какъ вамъ извѣстно, легко выучиваютъ только то, что имъ нравится, что ихъ чѣмъ либо интересуетъ и пр.; напротивъ, чуть 20% времени нужно прибавить, чтобы затвердить скучную, незанимательную статью. Теперь преподавайте по нашему рецепту латинскій языкъ или логику, или что нибудь другое, ученики немного найдутъ занимательнаго, не весело имъ будетъ ознакомливаться съ одними вокабулами да съ схоластическими терминами и допотопными мыслями. Но когда все это изложится языкомъ непонятнымъ или труднымъ, нисколько не будетъ объяснено учителемъ, а между тѣмъ все надобно заучивать слово въ слово, буква въ букву, — о, тогда потребуется времени, можетъ быть и до 100%. А если еще вы велите изучать науки, какъ мы совѣтовали изучать исторію и гомерову Иліаду; то, повѣрьте, нервная система учениковъ отъ чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ способностей, или просто отъ головоломной пустой работы рѣшительно разстроится. И если въ вашемъ училищѣ будутъ оставаться еще здоровые мальчики; то мы припишемъ это тому, что или ихъ здоровье поддерживается какимъ то чудомъ, или вы изъ отеческой заботливости не очень строго взыскиваете ихъ

неисправности и всѣ почти науки, кромѣ главныхъ, вовсе велите опускать. Безъ этихъ условій, право, самое желѣзное здоровье не выдержитъ бремени, которое на него наложится. Кромѣ того — скажемъ вамъ по секрету — вы вмѣстѣ съ тѣмъ достигнете и другой цѣли. Не принадлежители вы къ тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, которые *считаютъ за благо* держать людей въ блаженномъ невѣдѣніи, въ счастливой старинной простотѣ; которые между тѣмъ не осмѣливаются прямо заявить себя обскурантистами, а желали бы, чтобы по русской пословицѣ *и волки были сыты, и овцы были цѣлы*, чтобы т. е. люди и учились и оставались дураками, только учеными, выдрессированными. Держитесь нашего рецепта. Повѣрьте, что изъ обучавшихся по нашей программѣ не много выйдетъ умныхъ людей. И что всего важнѣе — при первой возможности они бросятъ всѣ книги и тетради и станутъ смотрѣть на нихъ, какъ на самую скучную и тяжелую вещь.

Теперь мы хотимъ обратиться къ вамъ, настоящіе и будущіе преобразователи всѣхъ возможныхъ училищъ. Если скажутъ, что воспитанники преобразуемыхъ вами училищъ разстроиваютъ свое здоровье отъ множества преподаваемыхъ предметовъ; то не слишкомъ вѣрьте этому, а лучше поразвѣдайте кое о какихъ обстоятельствахъ. *Есть ли* учителямъ поводы и побужденія заниматься своею должностію? *Обезпечено ли* ихъ настоящее и будущее положеніе въ обществѣ? *Не принадлежатъ ли* они по своему жалованію, по отличіямъ — неполучаемымъ — къ тѣмъ горемыкамъ, которые считаютъ возможностію

жить только отъ вечера до утра и отъ утра до вечера? *Не преподаются ли* въ училищахъ науки, какъ мы совѣтовали преподавать латинскій языкъ, словесность, любомудріе, исторію, Гомерову Иліаду и пр. *Не написаны ли* учебники такъ, что мальчикъ не добьется въ нихъ смысла или добьется послѣ продолжительной, головоломной работы? *Не заставляютъ ли* его учить и затверживать понятныя и непонятныя ему статьи буквально? *Не обязываютъ ли* его по пяти разъ переписывать одни и тѣже вокабулы, или размазывать по нѣсколько экземпляровъ географическія карточки? Если вы точно желаете улучшить училища; то устраните прежде эти и имъ подобныя препятствія, обезпечьте наставниковъ, перестаньте смотрѣть на нихъ, какъ на илотовъ или паріевъ, возвысьте ихъ званіе, облегчите учениковъ отъ всякаго умственнаго формализма, выгоните изъ училища всякій возвышенный слогъ, всю схоластику, введите во всѣ учебники осязательную ясность и пр. и пр. Повѣрьте, здоровье учениковъ улучшится, какъ нельзя лучше; вы увидите, что имъ даже останется много свободнаго времени, которое они употребятъ на изученіе другихъ полезныхъ предметовъ и притомъ сдѣлаются людьми умными, полюбятъ науки и не станутъ бросать ихъ по выходѣ изъ училища. Развѣ вы только не хотите послѣдняго? Ну, тогда поступайте, какъ знаете, или лучше по нашей программѣ, *воспитанники облупьютъ и еще въ добавокъ разстроятъ здоровье.*

ГЛАВАЯ ВТОРАЯ.

Моральныя причины.

При разсмотрѣніи *моральныхъ* причинъ, имѣющихъ или имѣвшихъ вредное вліяніе на здоровье учениковъ, мы уже не будемъ ссылаться на идеальное училище, а хочемъ описать то, что или сами испытали реальнымъ образомъ, обучаясь въ учебныхъ заведеніяхъ, или узнали отъ другихъ, или что происходило предъ нашими глазами съ нашими любезными товарищами и *однокашниками*. Притомъ для избѣжанія недоумѣній находимъ нужнымъ сказать, что будемъ говорить преимущественно о тѣхъ ученикахъ, которые, поступивъ въ училище, должны были разставаться съ отеческимъ кровомъ, жить гдѣ либо на наемныхъ квартирахъ, или въ училищномъ домѣ на казенномъ содержаніи подъ непосредственнымъ надзоромъ училищнаго начальства.

Немного есть чудовищъ-родителей, которые бы не любили своихъ дѣтей, не ласкали, не приголубливали ихъ, немного также и дѣтей, которыя бы душою и тѣломъ не были привязаны къ виновникамъ своей жизни. И потому нисколько неудивительно, что мальчикъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ разстается съ родительскимъ домомъ, когда ему нужно бываетъ поступить въ училище. Ни новые сапоги, ни новый сертукъ и брюки, ни ситцевая или холстинковая рубаха, ни кулекъ сдобныхъ пышекъ, ни лакомство, — ничто не помогаетъ, маль-

чикъ чувствуетъ начало новой неизвѣстной и нерадостной жизни, чувствуетъ и сознаетъ тѣмъ яснѣе, что ею уже ему давно грозили. Пріѣздъ въ городъ, церемонія пріема въ училище, могутъ быть для него еще не только сносными, но и довольно занимательными; собственно училищная и ученическая жизнь начинается съ того времени, какъ ему нужно явиться въ первый разъ въ классную комнату. Выслушайте, любезный читатель, какъ происходилъ этотъ дебютъ образованія въ наше очень давнее время, и можетъ быть и теперь гдѣ нибудь въ захолустьяхъ происходитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ здѣсь говорить отъ лица одного изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ, любившаго разсказывать свое поступленіе въ училище.

Въ 7-мъ часу утра новый рекрутъ отправлялся въ училище подъ руководствомъ какого либо ветерана ученика, который рекомендовалъ молодаго ученаго будущимъ товарищамъ, говоря: *это новичекъ!* Въ классѣ, разумѣется, было смѣшеніе сертуковъ и сибирокъ изъ нанки, домашняго сукна, затрапезныхъ халатовъ, зипуновъ и охабней, сапоговъ, лаптей и даже *босоногія*, шумъ, гамъ, бѣготня, стукотня. Къ новичку подбѣгали новые его товарищи, осматривали съ ногъ до головы, даже ощупывали, а иногда пощипывали. Осмотрѣвшись немного, онъ замѣчалъ, что не всѣ прыгали и рѣзвились, а видно было нѣсколько отдѣльныхъ группъ, гдѣ одинъ съ робостію и достодолжнымъ уваженіемъ что-то читалъ предъ другимъ, принимавшемъ на себя сановитый видъ, а прочіе окружающіе были только зрителями и свидѣте-

лями; видно было, какъ иные изъ читавшихъ весело уходили, а другіе упрашивали о чемъ-то слушавшаго и уходили съ поникнутою головою, а не рѣдко съ слезинкою на глазахъ; первые принимались рѣзвиться, а вторые начинали читать книжонку или тетрадку. Вы, г. читатель, какъ человѣкъ догадливый, уже поняли, что слушавшій былъ одинъ изъ школьныхъ администраторовъ — *аудиторъ*, а читавшіе — несчастные плебеи, которые должны были прочитывать свои уроки предъ грозными своими судьями однолѣтками. Впрочемъ первое впечатлѣніе не могло быть непріятнымъ, даже нравилось видѣть рѣзвость, смѣхъ, бѣганье и пр. Но вотъ зазвенѣлъ на дворѣ или въ коридорѣ колокольчикъ и сцена совершенно перемѣнилась, шумъ быстро утихаетъ, мѣсто класса, незанятое столами очищается, за то рѣзко раздается повелительный голосъ: *по мѣстамъ*, *тише* и пр.; и минуты въ двѣ, три все успокоилось, какъ бы по какому-то волшебству; всѣ усѣлись за парты, притихли и даже шопотомъ не смѣютъ говорить. Только одна особа съ гордымъ самосознаніемъ своей личной важности торжественно или съ своего мѣста или по срединѣ класса осматривается кругомъ и повторяетъ: *эй вы! полно шумѣть*, *запишу въ записку*, *учителю скажу!* Эта особа г. цензоръ, старшій намѣстникъ и начальниковъ и учителей. Какъ символъ власти, у него частенько въ рукахъ бывалъ конечно не жезлъ или скиптръ, а тонкій прутъ или порядочный пучекъ прутьевъ, которымъ онъ и угощалъ нерѣдко строптивыхъ и непокорныхъ, безъ соблюденія впрочемъ обычныхъ церемоній. Не смотря на безмолвіе,

цензоръ по временамъ покрикивалъ: *эй ты, что тамъ вертишься* или *шепчешь; вотъ я тебя въ записку;* и тотчасъ дѣйствительно писалъ что-то на клочкѣ, а несчастный принималъ послѣ этого не очень веселую физіогномію. Эта сцена новичку уже показывала, что тутъ есть власть грозная, что веселость здѣсь вещь скоропреходящая. Онъ продолжалъ стоять у двери или печки (новички оставались на этихъ мѣстахъ до прибытія учителя, который уже и усаживалъ ихъ *на мѣста)* и ясно понималъ, что бываютъ и грозныя сцены. Къ этому особенно иногда побуждало наблюденіе, что изъ за печки или черной доски выглядывали, а иногда лежали на открытыхъ мѣстахъ очень порядочной длины и толщины пучки розогъ изъ свѣжихъ, такъ сказать, дѣвственныхъ прутьевъ. Но вотъ входитъ мальчикъ въ классъ — это дневальный, ходившій къ учителю съ докладомъ *о пробитіи звонка* и говоритъ старшему: *учитель велѣлъ незнающимъ стоять у двери или у печки.* Старшій, сейчасъ заглянувъ въ *нотату,* вызываетъ на средину преступниковъ, всѣ они не слишкомъ весело смотрятъ, а у нѣкоторыхъ даже слезы на глазахъ. При моемъ поступленіи въ училище, говаривалъ намъ знакомецъ, я въ этомъ случаѣ замѣтилъ особенно одного мальчика, съ нѣжнымъ, красивымъ лицемъ, бѣлокурою головкою, съ деликатными пріемами, одѣтаго въ хорошій сертучекъ и панталоны (замѣтьте, панталоны, мы тогда почти всѣ были *санкюлотами*). Бѣлокурый мальчикъ болѣе другихъ былъ огорченъ, слезы ручьемъ у него текли, онъ даже сошелъ съ указаннаго ему мѣста и, подошедши къ старшему,

сказалъ: *я вѣдь знаю урокъ.* Но начальникъ закричалъ: *что ты не на мѣстѣ? вотъ я тебя!* и записалъ его въ записку, бѣдный чуть не зарыдалъ. Помню и теперь, какъ у меня забилось сердце въ груди, я чувствовалъ и уже понималъ наступающую бѣду для осужденныхъ тѣмъ болѣе, что дневальный счелъ обязанностію пересмотрѣть розги, одною изъ нихъ быстро разсѣкъ воздухъ, какъ бы для убѣжденія, хорошали она? Пока еще не пришелъ учитель, мы вамъ должны напомнить, что санкюлоты-ученики духовныхъ уѣздныхъ училищъ особенно не жаловали учениковъ, хорошо одѣтыхъ, *баричей*, какъ ихъ называли, и съ особеннымъ наслажденіемъ любили сѣчь ихъ розгами, имъ какъ будто любопытно было знать, защищаютъ ли панталоны носившаго ихъ? Едва, бывало, велитъ учитель высѣчь панталониста, какъ тотчасъ на перехватъ подбѣгаютъ къ преступнику человѣкъ пять, быстро его укладываютъ и особенно раздѣваютъ, а лозу береть въ руки самый лучшій экзекуторъ и даже самъ старшій; и будьте увѣрены, что наказываемаго станутъ крѣпко держать въ горизонтальномъ положеніи, ему нельзя будетъ пошевельнуться; а между тѣмъ никому не отпускаютъ такихъ полновѣсныхъ ударовъ, какъ ему. Вотъ почему, поносивши нѣсколько недѣль панталоны, владѣлецъ бросалъ ихъ и дѣлался саклюлотомъ, а лѣтомъ по модѣ надобно было ходить босоногимъ. Извините за отступленіе, оно вамъ лучше всего покажетъ, что за циническій духъ господствовалъ въ недавнее время въ духовныхъ училищахъ. Не излишне сказать, что сами учителя лю-

били наказывать богатыхъ учениковъ, если, разумѣется, отцы не успѣли ихъ задобрить.

Но вотъ наконецъ распахнулись двери, вошелъ давно ожидаемый педагогъ, дневальный бросился затворить дверь; старшій зачиталъ молитву, по окончаніи которой всѣ ученики, особенно стоящіе на срединѣ, отвѣсили Его Б.....ію глубокій поклонъ, а Его Б.....іе даже и кивнуть не изволили. *Нотату подай!* сказалъ учитель старшему, а старшій вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ и записку — *Это что?* — Записка о шумѣвшихъ. — *А, кстати хорошо. Ну чтоже вы незнаете урока?* сказалъ учитель стоявшимъ на срединѣ. — *Не хочетъ ли кто изъ васъ прослушаться у меня?* Для объясненія смысла этого вопроса считаемъ нужнымъ замѣтить, что учитель былъ, какъ видите, человѣкъ безпристрастный, неполагался на авдиторовъ безусловно и предоставлялъ незнающимъ ученикамъ дерзновеніе у него самаго *слушаться*. Одно только условіе было присоединено къ этому, что если ученикъ прочитывалъ урокъ, то или былъ вовсе не наказываемъ, или полегче другихъ потому де, что онъ въ свое время авдитору урока все-таки не прочиталъ; а если ученикъ не прочитывалъ урока, то уже получалъ двойную или тройную порцію. И по дѣломъ, зачѣмъ напрасно безпокоить начальственную особу и пробуждать недовѣріе къ установленнымъ властямъ? Трое, говорилъ нашъ знакомецъ, и въ числѣ ихъ бѣлокурый мальчикъ изъявили желаніе вновь прослушаться, одинъ счастливецъ убрался на мѣсто, но бѣлокурому не повезло счастіе. Затѣмъ вызваны были по запискѣ шумѣвшіе и про-

изнесено грозное: *лозу!* Началась экзекуція, нѣкоторые изъ виновныхъ равнодушно распоясывались, разстегивались и ложились, видно было, что они уже привыкли къ операціи, но во время ея не былъ ни ни одинъ покоенъ, и тѣломъ, и особенно голосомъ каждый давалъ знать, что она ему непріятна. Бѣлокурый и тутъ сдѣлалъ глупость, когда дошла очередь до него, сталъ еще оправдываться и извиняться. „*Простите*, говорилъ онъ, *буду учиться; меня еще никогда не сѣкли.*“ *Ну такъ теперь попробуешь и поумнѣешь*, сказалъ учитель. Но видя, что мальчикъ все еще стоялъ, онъ мигнулъ бывшимъ вблизи ученикамъ, и бѣлокурый, не смотря на сопротивленіе, живо былъ раздѣтъ, положенъ, прижатъ къ полу и надлежащимъ образомъ приготовленъ къ экзекуціи; панталоны и даже инекспрессибли вовсе не послужили ему защитою. Экзекуторъ изъ уваженія къ лежавшему взялъ свѣжую, лучшую лозу и, выбирая ее безъ торопливости, заставилъ бѣднягу, совсѣмъ подготовленнаго, лежать и ждать минуты двѣ. Разумѣется шумачъ, бунтовщикъ и вмѣстѣ незнающій урока наказанъ былъ примѣрно, лоза для другаго уже не годилась. По окончаніи экзекуціи дошла очередь и до меня, продолжалъ разскащикъ. — *Это новичекъ?* — Точно такъ. — *Чей ты сынъ?* — Такого-то, отвѣчалъ я. — *Что же твой отецъ не повидался со мною?* — Незнаю. — *Хорошо, такъ я самъ съ тобою скоро познакомлюсь*, былъ отвѣтъ учителя. Къ слѣдующему дню данъ былъ урокъ, отецъ пріучилъ меня учить со смысломъ, а не зубрить, поэтому я оказался незнающимъ, употребивши слово

свойство вмѣсто *качество*, во второй день, въ примѣрѣ перемѣнилъ слова, поставивъ *пулю* прежде *шеи* и т. п. въ третій день послѣдовало и знакомство съ учителемъ и потомъ долго, долго поддерживалось и съ нимъ, и съ другими учителями, хотя отецъ мой старался и самъ знакомиться съ ними.

Вы, г. читатель, прочитавши нашъ разсказъ, скажете: развѣ всегда происходили подобныя сцены? Никакъ нѣтъ. Декорація измѣнялась, напр. новички бывали только въ началѣ учебнаго года, незнающіе не всегда вызывались на средину до прихода учителя, а вызванные не всегда стояли на своихъ подошвахъ, а иногда и на колѣняхъ; нѣкоторые учителя прослушивали сами всѣхъ безъ исключенія учениковъ, иногда приказывали держать наказываемаго двоимъ, иногда четверымъ, иногда даже позволяли самому лежать, но спокойно; для экзекуціи употреблялось по одному, а иногда и по два человѣка. Помилуйте, разнообразіе было безконечное. Были учителя, даже не любившіе употреблять тѣлесныя наказанія часто, особенно со всѣми подробностями, или наказываніе въ крайнихъ случаяхъ. Но замѣтимъ, что вообщее произволъ и деспотизмъ не только учителей, даже старшихъ и авдиторовъ часто не имѣлъ границъ, по крайней мѣрѣ объ ограниченіи его вовсе не заботился никто, и только добряки добровольно отъ него отказывались. Но грознѣе всего были начальники, надзоръ за преподаваніемъ какъ бы не имъ принадлежалъ, они являлись въ классѣ только для суда и расправы, такъ что почти всегда послѣ ихъ визита пучекъ или два розогъ оказывались негодными

къ употребленію. Былъ очень недавно начальникъ низшаго духовнаго Ар—аго училища, который каждую субботу имѣлъ обыкновеніе осматривать свое училище. Сопровождаемый прислугою съ достаточнымъ запасомъ розогъ, онъ, растворивши дверь класса, спрашивалъ: *нѣтъ ли кого посѣчь?* Получивши отрицательный отвѣтъ, онъ не переступалъ чрезъ порогъ, а уходилъ къ дверямъ слѣдующаго класса, въ противномъ же случаѣ со всею свитою входилъ за тѣмъ тотчасъ начиналась экзекуція. Кромѣ того спѣсь, гордость, грубое обращеніе начальники и чуть не всѣ учители поставляли какъ будто своею обязанностію. Впрочемъ вы, можетъ быть, скажете: развѣ лѣнтяевъ и шалуновъ нельзя и не слѣдовало наказывать? Мы не намѣрены на этотъ вопросъ отвѣчать отрицательно. Домашнее воспитаніе тогдашнихъ учениковъ большею частію до такой степени было грубо, что при поступленіи въ училище на нихъ одни убѣжденія не могли бы подѣйствовать; а главное, начальники и наставники по своему воспитанію и характеру не умѣли даже дѣйствовать на воспитанниковъ моральнымъ образомъ. При такомъ взаимномъ положеніи — тѣхъ и другихъ ученики безъ наказаній немного бы улучшились. Но зачѣмъ во всѣхъ случаяхъ, даже когда мальчикъ заслуживаетъ похвалу, зачѣмъ съ нимъ обращаться и гордо, и грубо, и презрительно? Вотъ за что нужно преимущественно осуждать начальниковъ прежнихъ, а можетъ быть и нынѣшнихъ *нынѣшнихъ* училищъ!

Но мы только до сихъ поръ говорили о низшихъ духовныхъ училищахъ. Какъ дѣла шли въ

среднихъ высшихъ? Нестанемъ скрывать, что и въ среднихъ училищахъ не обходилось безъ тѣлесныхъ наказаній иногда или по мѣстамъ — даже болѣе жестокихъ, нежели въ низшихъ, впрочемъ вообще эта исправительная мѣра въ нихъ не была повсемѣстною. Но вмѣсто того, въ среднихъ, даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было причинъ любить своихъ начальниковъ и отчасти наставниковъ. Спѣсь, гордость, грубость и пр. въ обращеніи едва ли не болѣе были замѣтны въ этихъ училищахъ, нежели въ низшихъ, почтенные педагоги, не имѣя возможности употреблять розги, какъ будто старались доказать, что и безъ того житье учениковъ можно сдѣлать не очень пріятнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы обращаемся къ вамъ, г. читатель, какъ къ безпристрастному судьѣ,— въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ среднихъ *воспитанники* уже начинаютъ сознавать свое личное человѣческое достоинство, узнаютъ, что съ ними не слѣдуетъ обращаться, какъ съ лакеями. И потому *разве весело* имъ за десять саженей снимать фуражку предъ начальникомъ, ходить безъ нее, даже въ холодное время, предъ квартирою или въ коридорѣ дома, гдѣ живетъ ихъ патронъ, дѣлать чуть не земные, а иногда и настоящіе земные поклоны предъ ними и пр.? — *Воспитанники* понимаютъ, что въ оцѣнкѣ ихъ успѣховъ и поведеніи, въ размѣщеніи по мѣстамъ должны быть соблюдаемы строгая справедливость и безпристрастіе, что мѣриломъ всего долженъ быть не произволъ начальника, а личное достоинство каждаго ученика. *И разве легко* видѣть, какъ начальникъ отдаетъ предпоченіе хорошимъ личикамъ

бѣлокуренькимъ головкамъ, папенькинымъ дѣткамъ, билетикамъ Хованскаго, Голохвастова и Халчинскаго, большимъ и небольшимъ подлостямъ, рабской услужливости? — *Воспитанники* по возрасту своему ищутъ взаимной искренности и откровенности, ищутъ людей, которымъ можно довѣрять свои задушевныя мысли и чувствованія. *И развѣ легко* въ то же самое время знать, что они окружены тайными и явными шпіонами, интриганами, которые съумѣютъ и и добрую мысль, и добрый поступокъ выставить въ черномъ видѣ предъ начальникомъ? — *Воспитанники* желали бы, опять по своему возрасту, имѣть развлеченія благородныя, быть въ обществѣ почтенныхъ людей. *И развѣ пріятно* одѣваться въ хламиду, въ которой можно появиться только къ мѣщанину или дьячку? *Или развѣ пріятно* сидѣть чуть не подъ замкомъ, видѣть свѣтъ чрезъ окна и рѣшетку училищнаго дома? А ханжество, а лицемѣріе, а скрытность? *Развѣ легко* къ нимъ пріучиться, — даже и пріучившись *развѣ* не тяготятся ими въ свѣтлые минуты? Нѣтъ, г. читатель, скажемъ вамъ по собственному опыту; — перечисленныя нами здѣсь *развѣ* невыразимо тяжелы; въ свое время мы ихъ переносили съ большимъ трудомъ, нежели съ какимъ въ болѣе молодые годы тѣрпѣли тѣлесныя наказанія. Душевныя пытки и непріятности, право, гораздо тяжелѣе тѣлесныхъ.

Намъ, впрочемъ могутъ сказать, что мы отступили отъ своего предмета. Не взялись ли мы говорить о моральныхъ причинахъ, разстроивающихъ здоровье ученшковъ? А между тѣмъ ведемъ рѣчь

объ обращеніи начальниковъ и наставниковъ старинныхъ а, можетъ быть и нынѣшнихъ училищъ, съ учениками. Нѣтъ, господа, мы помнимъ, за что взялись, и все говорили для того, чтобы видно было, какъ можно моральными причинами разстроить здоровье учениковъ. Знакомы ли вы, г. читатель, съ новѣйшею физіологіею. Если вы принадлежите къ сектѣ, кастѣ, или школѣ защитниковъ тѣхъ педагоговъ, о которыхъ мы говорили, то вы, пожалуй, и не знаете физіологіи; эта школа очень не жалуетъ той науки, которая посредствомъ соединеній и разложеній, при помощи микроскопическихъ, электрическихъ и теплотворныхъ опытовъ разгадываетъ устройство человѣка лучше, нежели вся старинная философія. Но знаете, или незнаете физіологіи, мы рѣшаемся сослаться на нее въ настоящемъ случаѣ. Она принимаетъ за незомнѣнную истину, что въ человѣкѣ нѣтъ ни одного движенія, ни одного желанія, ощущенія, впечатлѣнія, чувствованія, ни одной мысли, словомъ ни одного какъ психическаго, такъ и органическаго явленія, которое не производило бы хоть какой либо перемѣны въ организмѣ, не имѣло бы хоть какого либо вліянія на него. Физіологія, конечно, еще не узнала, какое именно органическое измѣненіе соотвѣтствуетъ всякому явленію, но очевидно, ихъ можно раздѣлить на вредные и безвредные для насъ. Къ первымъ, разумѣется, должно отнести тѣ, которые намъ не нравятся, возбуждаютъ въ насъ боль, отвращеніе, неудовольствіе и пр.; не безъ причины же мы ихъ избѣгаемъ, не безъ причины мы часто при такихъ ощущеніяхъ рвемся, кричимъ, плачемъ и пр.,

право не безъ причины. Да и сами вы, г. читатель, развѣ не испытывали надъ собою, какъ, не говоря уже о матеріальныхъ впечатлѣніяхъ и движеніяхъ, даже психическія причины сильно поправляются или разстраиваютъ организмъ? Вѣрно, и у васъ блѣднѣли щеки, отнимался языкъ, дрожали ноги и руки отъ страха, билось сердце и затруднялось дыханіе отъ томительнаго безпокойства, дѣлались впалыми глаза отъ продолжительной печали. Послѣ этого неужели вы думаете, что природа учениковъ прежнихъ и нынѣшнихъ духовныхъ или другихъ училищъ была крѣпче и нечувствительнѣе вашей? Можно ли думать, чтобы у нихъ не билось сердце, не останавливалось дыханіе, не дрожали руки и ноги, не лились слезы и пр., когда имъ надобно было ожидать по часу наказанія или выносить его? Неужели кровь ихъ сохраняла правильное обращеніе, когда они ежедневно по нѣскольку часовъ чувствовали полную свою зависимость отъ произвола и деспотизма начальника или учителя, видѣли на другихъ, могли постоянно ожидать и для себя опыты этихъ незавидныхъ качествъ? А необходимость принуждать себя къ лицемѣрію и ханжеству, досада на грубое обращеніе, спѣсь педагоговъ, старшихъ и цензоровъ и пр. развѣ не волновали крови, не заставляли ихъ сжимать зубы? Но вы, можетъ быть, съ усмѣшкою скажете: вѣдь не были же вы скелетами тогда; вѣдь и при такихъ педагогахъ вы рѣзвились и бѣгали, смѣялись и радовались.“ Правда, но къ чему нельзя привыкнуть? Вѣдь негры на плантаціяхъ, каторжники на галерахъ, арестанты въ тюремныхъ замкахъ поютъ

удалыя пѣсни. Но посудите, если дѣйствительно ученики ко всему привыкали, то не должны ли были зачерствѣть не однѣ ихъ души, но и тѣла. Сколько нужно было вынести, чтобы наконецъ сдѣлаться равнодушнымъ и даже веселымъ въ ихъ положеніи! Нѣтъ, много напередъ должно было въ ихъ организмѣ произойти химическихъ соединеній и разложеній, механическихъ движеній и пр., которыя разстроивали его.

Теперь естественно спросить: идутъ ли наши замѣчанія къ нынѣшнему времени? Происходятъ ли описанныя нами явленія и въ нынѣшнихъ какихъ либо училищахъ? Разумѣется, въ полномъ объемѣ нашихъ замѣчаній нельзя приложить къ настоящему времени. Тѣлесныя наказанія нынѣ, вѣроятно, не часты, производятся ужъ не по прежнимъ преданіямъ, въ нѣкоторыхъ училищахъ, даже низшихъ, вовсе почти неизвѣстны. Но старыя привычки не скоро оставляются, старинныя преданія не вдругъ забываются. Если въ учебное заведеніе, какъ напр. въ наши университеты, поступаютъ наставниками лица, получившія образованіе въ различныхъ училищахъ, подъ разнообразнымъ вліяніемъ, не въ одномъ и томъ же духѣ, то, какъ выше сказано, и привычки, и преданія скоро еще выходятъ изъ употребленія, различные взгляды на предметы, столкновеніе идей скоро укажутъ, что есть недостаточнаго въ устройствѣ училища; равнымъ образомъ отъ рутины легко отвыкаютъ и тѣ, которые воспитаны подъ руководствомъ такихъ наставниковъ. Но если какія либо училища вполнѣ отдѣлены отъ прочаго грѣшнаго

міра; если они пополняются только тѣми наставниками, которые въ нихъ же воспитывались, если появленіе въ нихъ лица, получившаго воспитаніе подъ другими вліяніями, считается нарушеніемъ привиллегій, святотатственнымъ покушеніемъ на ихъ неприкосновенность; если новая идея встрѣчается съ недовѣріемъ, считается чуть не ересью; если и наставники, и воспитанники, и отцы ихъ составляютъ что-то въ родѣ недоступной никому касты, управляются патриціями, и у которыхъ весь интересъ состоитъ въ томъ, чтобы все оставалось по старому; то тамъ нуженъ толчекъ внѣшній, чтобы появилось какое либо улучшеніе; тамъ долго, долго соблюдаются старые обычаи и преданія. И потому мы, не указывая исключительно ни на что, можемъ сказать, что и нынѣ могутъ еще существовать и даже существуютъ училища, въ которыхъ описанныя нами моральныя причины продожаютъ разстроивать здоровье воспитанниковъ; *есть, есть такія училища!*

И потому преобразователи, желающіе улучшить или предохранить отъ разстройства здоровье учениковъ, прежде всего, кажется, должны задать себѣ вопросъ: *нѣтъ ли и теперь* еще моральныхъ причинъ, которыя медленно но вѣрно разстроиваютъ здоровье воспитанниковъ? *Нѣтъ ли и теперь* въ училищахъ того безотчетнаго произвола и деспотизма, который такъ полновластно господствовалъ въ то время, какъ мы и наши предки учились? *Нѣтъ ли и нынѣ* моральныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ подъ благонамѣреннымъ предлогомъ у учениковъ блѣднѣетъ лицо, дѣлаются впалыми щеки и глаза, спирается въ

груди дыханіе? *Не бываютъ ли и нынѣ* такіе случаи, когда ученикъ по нѣскольку часовъ въ день находится въ полулихорадочномъ состояніи предъ мнимою или дѣйствительною непріятностію, ему угрожающею? *И нынѣ* время, проведенное въ школѣ, нельзя ли гдѣ нибудь считать непрерывнымъ рядомъ опытовъ, какимъ бы образомъ убить въ воспитанникѣ самостоятельность и возвышенность характера, благородство души, какимъ бы образомъ чрезъ поклоны, поклоненія и даже чрезъ колѣнопреклоненія сдѣлать изъ нихъ послушныя машины? Не страдаютъ ли *и нынѣ* ученики, изнемогая предъ грозною необходимостію прибѣгать къ притворству, лицемѣрію, ханжеству? *Нѣтъ ли и нынѣ* мѣсть, гдѣ они не знаютъ-ни ласки, ни привѣта, гдѣ только и видятъ суровые и сухіе взгляды начальниковъ и наставниковъ, гдѣ отъ этого они вѣчно ходятъ съ наклоненною головою, потупленнымъ взоромъ, смотрятъ на все изъ подлобья, со страхомъ и трепетомъ объясняются съ своими педагогами, когда даже бываютъ вполнѣ исправны и прч.? *Нѣтъ ли всего этого?* .... Если нѣтъ, то слава Богу и благодареніе людямъ благороднымъ, которые очистили училища отъ всей этой дряни. А если есть еще, то, Бога ради, примите мѣры къ устраненію всего этого зла, иначе при самомъ прекрасномъ и легкомъ преподаваніи наукъ, при самой лучшей пищѣ воспитанники не будутъ здоровыми. Sic, sapienti sat.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гигіеническія причины.

Подъ этимъ названіемъ мы разумѣемъ тѣ причины, которыя разстраиваютъ здоровье учениковъ не посредствомъ вліянія на ихъ умственныя способности или на моральное состояніе, но чрезъ непосредственно — вредное дѣйствіе на такъ называемую тѣлесную природу. Этихъ причинъ въ духовныхъ училищахъ старинныхъ или нынѣшнихъ, но остающихся вѣрными стариннымъ преданіямъ, очень много. Мы укажемъ на болѣе важныя между ними.

Въ блаженныя времена, когда молодое поколѣніе большую частію училось словесности или лучше реторикѣ по Толмачеву, Рижскому, Бургію, и Лежаю, въ необыкновенномъ уваженіи былъ между прочимъ сравнительный періодъ; по требованію своихъ начальниковъ и наставниковъ молодые риторы старались отыскивать для своихъ предложеній сравненія вездѣ, — на землѣ, на небѣ, даже не забывали преисподней съ сатаною. Въ эти времена однимъ изъ любимыхъ предложеній было: *трудись*, выраженное разнообразно, напр. *трудъ полезенъ, праздность вредна, прилежаніе ведетъ къ счастію и блаженной жизни, а лѣность къ горестямъ и въ сей, и въ будущей жизни* и пр. Не смотря на всю изобрѣтательность учениковъ для составленія сравнительнаго періода на эти предложенія, прибѣгали большею частію къ водѣ и пружинамъ, говоря:

какъ вода стоячая портится, а напротивъ находясь въ движеніи, бываетъ прозрачною; такъ и наше тѣло отъ праздности ослабѣваетъ, отъ дѣятельности укрѣпляется: или! *какъ пружины, оставаясь безъ употребленія, свѣдаются ржавчиною, такъ и человѣка лѣнивый теряетъ свое здоровье.* Сознаемся, что частое и безтолковое употребленіе подобнаго рода сравненій сдѣлало ихъ пошлыми и смѣшными; но между тѣмъ истина, ими объясняемая, осталась непреложною. Помѣстите вы самаго здороваго человѣка въ чистомъ, постоянно освѣжаемомъ домѣ, давайте ему лучшую пищу, удалите отъ него всѣ поводы къ душевнымъ непріятностямъ, но только лишите его права быть движущимся существомъ; — здоровье его скоро разстроится; напротивъ при благоразумныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и слабое здоровье укрѣпляется. Это замѣчаніе особенно прилагается къ дѣтскому возрасту, когда развивающійся организмъ требуетъ живой, разумѣется, не изнурительной дѣятельности; не даромъ же дѣти съ такою неутомимостію любятъ до поту играть и бѣгать; къ этому побуждаетъ ихъ не одна шаловливость, а потребность дать занятіе своимъ силамъ. И потому безумно было бы лишать мальчиковъ возможности игрою или чѣмъ либо упражнять свои тѣлесныя силы; это тоже бы значило, что не давать дереву свободно расти; разумѣется, оно приметъ уродливую форму. Но въ училищахъ особенно нужно брать мѣры, чтобы здоровье не разстроилось отъ недостатка тѣлесныхъ упражненій. Здѣсь дѣти неизбѣжно уже должны въ теченіе сутокъ просидѣть почти на одномъ мѣстѣ до 10 или болѣе часовъ;

надобно же дать имъ возможность распрямить свои члены, расплировать кровь, освѣжить легкія и голову. Въ настоящее время, благодаря просвѣщенію, для этого вводится гимнастика. Она была знакома еще древнимъ народамъ, особенно Персамъ и Грекамъ, но потомъ забыта, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи, даже не въ началѣ его явилась уже въ видѣ науки, первоначально въ Швеціи, а оттуда распространилась по другимъ европейскимъ государствамъ. Въ нашемъ отечествѣ военно-учебныя заведенія, по видимому, всего менѣе имѣли нужды въ ней; учебно-военныя экзерциціи и безъ того упражняли тѣлесныя силы воспитанниковъ. Но просвѣщенное начальство военно-учебныхъ заведеній, кажется, прежде всѣхъ ввело у себя гимнастику и зато нельзя не любоваться здоровымъ видомъ и ловкостію кадетовъ. Нынѣ же въ очень многихъ училищахъ введены гимпастическія упражненія. Но сколько еще есть училищъ, гдѣ объ введеніи ихъ и не думаютъ, гдѣ даже слово гимнастика между учениками неизвѣстно, да и сами педагоги не имѣютъ о ней понятія? Сколько есть начальниковъ, которые гимнастическія упражненія чуть ли не считаютъ занятіемъ если не безнравственнымъ, то не благоприличнымъ? И въ самомъ дѣлѣ, ну какъ это можно благовоспитанному, особенно духовному юношѣ размахивать руками, откидывать въ сторону ногу, лазить по веревкамъ и шестамъ, прыгать чрезъ барры аршина въ два? Это ужасно соблазнительно и безнравственно! Пусть лучше ученики останутся нездоровыми, нежели поддерживаютъ свое здоровье

подобными неблагопристойными занятіями! Впрочемъ, Богъ съ вами, г.г. начальники! Пожалуй, и не вводите гимнастики. Позвольте только дѣтямъ въ день разъ или два заняться своею, ими изобрѣтаемою, гимнастикою; вѣдь, право, посидѣвши въ сутки часовъ десять и болѣе, они имѣютъ нужду не въ простомъ движеніи, т. е. не въ простомъ перенесеніи своего тѣла изъ одного мѣста въ другое, а въ живыхъ играхъ. Но повѣрьте, г. читатель, были, да и нынѣ есть начальники .....хъ училищъ, которые въ этой просьбѣ отказываютъ. Зачѣмъ, по ихъ мнѣнію пріучать дѣтей къ шалостямъ? Не лучше ли ихъ заставлять еще съ дѣтства привыкать къ солидности, важности и даже неподвижности? Не лучше ли употреблять драгоцѣнное время на ученіе, размышленіе, на самоуглубленіе, на поучительныя бесѣды и пр. А если уже и позволятъ играть, то подъ условіемъ не кричать, вести себя прилично, именно быть чуть не въ такомъ же положеніи, въ какомъ сочиняется хрія, или рогатый силлогизмъ. И въ этомъ случаѣ не играющіе воспитанники, разумѣется, принадлежатъ къ нравственнымъ, а играющіе къ шалунамъ. Смѣшно сказать, что иные начальники простираютъ свой ригоризмъ до послѣдней степени, запрещая или всѣми способами затрудная прогулку. Мы уже замѣтили выше, что въ нѣкоторыхъ училищахъ воспитанниковъ или вовсе не выпускаютъ изъ дома, или съ безконечными церемоніями на самое малое время и чрезъ большіе сроки, даже въ саду самаго заведенія не всегда разрѣшаютъ прохаживатся; иногда же выпускаютъ на прогулки,

такъ сказать, in corpore, en masse, — цѣлымъ отрядомъ, подъ чьею нибудь командою. Смѣшно смотрѣть, какъ воспитанники по два въ рядъ медленно, вяло двигаются по улицамъ города, точно какъ будто идутъ на барщину. Ну, какую пользу принесетъ подобная прогулка? Подышать чистымъ воздухомъ можетъ ученикъ и на дворѣ своего училища. Не удивляйтесь же вы, г.г. начальники, не любящіе гимнастики, препятствующіе дѣтямъ играть и прогуливаться, — не удивляйтесь, если у нихъ появятся завалы, геморой, порча и застой крови и пр. и пр. За-то конечно, вы утѣшите себя тѣмъ, что употреблены вами всѣ способы сдѣлать ихъ нравственными людьми, а можетъ быть нравственными и физическими калеками.

Но на гимнастику, игру и прогулки требуется время; кромѣ того, для первой нужны лѣстницы, веревки, шесты и пр., а отъ послѣднихъ рвется платье и изнашиваются сапоги. Тутъ еще начальники могутъ извинить себя желаніемъ соблюсти драгоцѣнное время и казенный интересъ. Но вотъ чего мы не понимаемъ? Почему многіе начальники даже духовныхъ училищъ не любятъ быть щедрыми на счетъ чистаго воздуха? Кажется, Творецъ далъ его намъ очень много, — вѣдь болѣе 300,000 билліоновъ пудовъ; кромѣ того принялъ прекрасныя мѣры для поправленія его отъ той порчи, которая происходитъ въ немъ отъ насъ — разумыхъ существъ, отъ неразумныхъ животныхъ и отъ разныхъ химическихъ процессовъ. Право, бы скупиться не зачѣмъ! А между тѣмъ про иныхъ начальниковъ чуть ли не

придется сказать, что они отнимаютъ у воспитанниковъ возможность пользоваться чистымъ воздухомъ. Вы, жители Петербурга и Москвы, и вы, провинціалы, посѣщавшіе гимназіи, кадетскіе корпуса и нѣкоторыя другія училища, вы привыкли видѣть въ нихъ просторные корридоры, свѣтлые и чистые классы, спальни и пр., вы даже, пожалуй, готовы сознаться, что въ вашихъ квартирахъ воздухъ менѣе чистъ, нежели въ упомянутыхъ училищахъ. Но позвольте васъ познакомить съ воздухомъ, которымъ мы въ былое время дышали, а, можетъ быть, и нынѣ еще дышатъ въ иныхъ (какихъ? .....охъ! приходится повторять одно слово) училищахъ. Представьте себѣ комнату саженей шесть длиною и три шириною, не выше $1^1/_2$ сажени, иногда со сводами Помѣстите въ нее 30—40 человѣкъ съ кроватями, со столами и скамейками для занятій, со шкафами для платья, съ комодами, а иногда съ сундуками; не забывайте также одной или двухъ печей. Представьте, что они 30—40 человѣкъ здѣсь спятъ, занимаются цѣлые сутки, оставляютъ только комнаты уходя въ классъ или къ богослуженію, что они бѣлье носятъ по нѣскольку недѣль, а носки, чулки, онучки даже по четыре и болѣе мѣсяцевъ, что форточки въ этомъ логовищѣ или вовсе не извѣстны, или устроиваются такъ, что зимою ихъ открыть нельзя. Представьте еще, что комната освѣщается сальными гадкими свѣчами, что ученики въ печкѣ частенько жарятъ и засушиваютъ хлѣбъ, что они на ногахъ со двора приносятъ множество грязи. Добавьте еще, что эти комнаты, конечно не всегда и не вездѣ, а не рѣдко

бываютъ сыры, съ плѣсенью на стѣнахъ, что въ нихъ достигалъ зловонный запахъ отъ отхожихъ мѣстъ. Сообразивъ все это, не повторите ли вы словъ г. Погодина въ отзывѣ его о духовныхъ училищахъ (Русск. Вѣстн. Nr. 9. 1859 г.), что никакая химія не разложитъ этого воздуха; а мы прибавимъ, что его вовсе нельзя уже опредѣлять газомъ, состоящимъ изъ четырехъ частей азота и одной части кислорода; лучше его надобно назвать смѣшеніемъ сѣрнистаго водорода, углекислоты, отвратительныхъ испареній и потомъ уже кислорода съ азотомъ. Доброе наше начальство, желая, вѣроятно, услаждать насъ разнообразіемъ, принимало мѣры, чтобы въ классахъ былъ нѣсколько другой воздухъ. Сидѣло насъ иногда человѣкъ по 100, даже по 200 въ одной комнатѣ; впрочемъ отчасти сидѣло, а больше стояло и лежало на полу за партами; значитъ, своимъ дыханіемъ и испареніемъ воздухъ мы портили болѣе, нежели въ комнатахъ; сернистый водородъ съ амміакомъ входилъ изъ коридора. Вотъ въ такихъ то комнатахъ мы сидѣли, спали и учились, — и ..... *остались живы!* Нѣтъ ли и нынѣ подобныхъ логовищъ, мы хотѣли сказать, училищъ? ..... Отчего и не быть? Вѣдь преданія не вдругъ забываются; вѣдь трещины въ стѣнахъ классовъ не задѣлываются, какъ пишетъ г. Погодинъ, болѣе нежели по 10 лѣтъ. И въ такихъ комнатахъ живутъ? Отчего не жить, когда негдѣ жить, а еще лучше, когда не знаютъ, что можно лучше жить? Ну, а здоровье каково у воспитанниковъ? Послѣ поговоримъ.

Начальники училищъ; будучи скупы относительно чистаго и здороваго воздуха, который даромъ отпускается природою, не могли быть тароватыми, когда дѣло касалось чистоты комнатъ, бѣлья и пр., на поддержаніе которой требовались и хлопоты, и даже излишнія деньги. Подробности въ этомъ отношеніи непріятны и возмутительны; воспитывавшіеся въ благоустроенныхъ училищахъ рѣшительно не могутъ составить понятія о той неопрятности, которая господствуетъ въ *нѣкоторыхъ школахъ — бурсахъ*. Послушайте насъ, мы станемъ описывать почти только то, что сами испытали или слышали отъ людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣріе. Дворы многихъ ..... хъ училищъ средныхъ и особенно низшихъ не отличались, да и едва ли и теперь слишкомъ отличаются чистотою; во время же дождей по нимъ было часто столько же грязи сколько на невымощенной улицѣ. Очень понятно, что мальчики съ такихъ дворовъ вносили и вносятъ на сапогахъ порядочное количество грязи въ коридоры и сѣни, въ которыхъ нѣтъ никакихъ половиковъ, щетокъ и желѣзныхъ полосокъ для обтиранія ногъ. Такимъ образомъ въ грязное время коридоры и сѣни столько же почти были чисты, какъ и дворы. При входѣ въ комнаты изъ коридоровъ и сѣней опять также не любили класть половики; поэтому для грязи и пыли остававшихся на ногахъ (а её оставалось очень еще много) былъ свободный доступъ въ комнаты. Такъ какъ вмѣстѣ живали по 30 -40 человѣкъ; то можете судить, какой огромный запасъ грязи и пыли вносился въ комнаты; и если бы полы мылись ежедневно; то ихъ и

тогда нельзя было бы назвать чистыми. Но о мытьѣ половъ въ наше время слишкомъ мало заботились; этотъ процессъ совершался въ какихъ либо особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, напр. предъ пріѣздомъ ревизора, высшаго начальника или какого либо слишкомъ замѣчательнаго посѣтителя; за тѣмъ проходили цѣлые годы, и мытье комнатъ считалось вещію ненужною. Но станемъ брать грѣхъ на свою душу, утверждая, что не имѣли обыкновенія мести комнаты; нѣтъ, ихъ выметали даже ежедневно, но придерживаясь національной методѣ. Щетокъ волосяныхъ не знали, посыпать полъ мокрыми опилками и тереть ими, объ этомъ даже и не слыхивали; служитель бралъ въ руки метлу и вспрыснувши полъ водою, а иногда же и безъ этого, начиналъ помахивать метлою, какъ можно поскорѣе; отчего сухая пыль поднималась столбомъ по всей комнатѣ, а смоченная укладывалась плотно на поверхности пола. Но и такому очищенію подвергались мѣста видныя; что же касается до кроватей, то подъ ними все оставалось большею частію неприкосновеннымъ. Въ комнатахъ бывало по 30 и болѣе кроватей, подъ каждою изъ нихъ стоялъ сундучекъ, валялись старые сапоги, чулки, опучки и пр. Можно представить, сколько пыли набиралось тамъ въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ. Для сохраненія этой драгоцѣнности, для прикрытія ея отъ непрошенныхъ и незваныхъ посѣтителей, начальство находило нужнымъ на концы и по бокамъ кроватей надѣвать такіе чехлы, которые бы, достигая до самого пола, вмѣстѣ съ опущенными одѣялами покрывали все, что

ни было собираемо подъ кроватью. Поднявшаяся отъ метлы пыль осаживалася опять на одѣяла, печки, шкафы и пр., такъ что на полѣдникъ иногда собирался слой толщиною въ палецъ и болѣе. Стоило только лѣтомъ при открытыхъ окнахъ ворваться вѣтру въ комнату, тогда вся эта дрянь съ печекъ и шкафовъ слетала и покрывала столы, постели и пр. Былъ очень смѣшной случай. Въ одно училище должна была пріѣхать знаменитость. Чтобы удивить ее чистотою и опрятностію, полы были вымыты, стѣны обѣлены, изъ подъ кроватей соръ выметенъ, словомъ, взяты были экстраординарныя мѣры, самъ главный начальникъ слѣдилъ за всѣмъ. Вотъ наступилъ роковой день; знаменитость должна явиться въ полдень. Главный начальникъ заведенія въ 11 часовъ утра осмотрѣлъ комнаты, нашелъ все въ блестящемъ видѣ; только воздухъ ему показался тяжеловатымъ; поэтому онъ и приказалъ открыть ставни, а ученикамъ уйти въ классы, чтобы они тлетворнымъ своимъ дыханіемъ не испортили благорастворенаго воздуха. Но эта излишняя предосторожность все погубила. Налетѣвшій неожиданно вихрь безсовѣстно ворвался въ комнату и живо съ шкафовъ и печекъ сбросилъ на столы, постели и полы всю бывшую тамъ пыль, которую позабыли смести. Эта безовѣстная продѣлка была произведена вихремъ не задолго до пріѣзда знаменитости и даже осталась не замѣченною начальствомъ, стоявшемъ въ коридорѣ. Знаменитость явилась; ей отрапортовали, что все прекрасно, — и судите объ удивленіи ея и объ ужасѣ начальниковъ, когда они вошли въ комнаты, и увидѣли цѣлые слои

пыли на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Знаменитость вышла изъ себя, начальство сконфузилось и незнало, чему приписать происшедшій безпорядокъ; развѣ не само оно видѣло почти сейчасъ все въ чистотѣ? Чуть-чуть не приписало все дьявольскому навожденію.

Не менѣе интересныя явленія происходили и на полахъ комнатъ. Они тѣмъ замѣчательнѣе, что имѣютъ замѣтное сходство съ нѣкоторыми явленіями, объясняемыми въ физической географіи и даже геологіи. Грязь постепенно наслаиваясь и будучи утоптываема ученическими ногами, мало по малу или составляла порядочные бугорки, или равновѣрно укладывалась по всему полу; бугорки, разумѣется, въ маломъ видѣ представляютъ что-то въ родѣ *сталагмитовъ*, а наслойки по всему полу нѣчто въ родѣ *геологическихъ пластовъ*. Сходство тѣмъ болѣе правдоподобное, что комнатные сталагмиты и пласты изъ грязи пріобрѣтаютъ чуть не каменную крѣпость; не только ученическая нога своимъ каблукомъ не сшибетъ сталагмита, но и желѣзный заступъ не всегда въ состояніи счистить его. Далѣе, наслойка комнатной формаціи такъ крѣпко соединяется, такъ сказать, *съ первозданнымъ пластомъ*, т. е. поломъ, что отдѣлить ее часто почти невозможно. Мы въ дѣтствѣ были свидѣтелями такого событія. Въ одинъ изъ губернскихъ городовъ пріѣхалъ зимою новый высшій начальникъ, и захотѣлъ осмотрѣть среднее и низшее духовныя училища, помѣщавшіяся съ одномъ домѣ, но по добротѣ своей сказалъ о томъ недѣли за двѣ. Началось метенье, мытье и даже скобленіе половъ, сопровождавшіяся бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Наконецъ дѣло

дошло до столовой; по историческимъ преданіямъ полъ въ ней не былъ мытъ до 10 лѣтъ; наросты въ родѣ сталагмитовъ и пластовъ покрывали его повсюду. Принялись мыть; самый горячій кипятокъ не могъ размягчить отвердѣвшую грязь; взялись за заступы; тоже нисколько не помогло. Рѣшились было поручить плотникамъ соскоблить рубанками, но и тутъ встрѣтилось вовсе неожиданное препятствіе. Дѣйствительно, послѣ многихъ усилій дошли до досокъ, но оказалось, что онѣ сами, по крайней мѣрѣ сверху, пропитались грязью, такъ что подъ соскобленною щепою доска опять была черна. Далѣе операцію продолжать нерѣшились, вѣроятно полагая, что доски насквозь пропитались грязью. Но изобрѣтательность эконома спасла начальство. Не смотря на мѣсяцъ Февраль или Мартъ, достали самаго лучшаго желтаго песку и усыпали имъ весь полъ столовой. Наконецъ высокій посѣтитель пріѣхалъ; пришедши въ столовую, онъ первоначально какъ будто изумился, встрѣтивъ арену или аллею внутри дома. въ столовой даже. По ему тотчасъ объяснили, что служители проливаютъ квасъ и щи, и потому начальство для предохраненія половъ отъ влажности, въ видахъ, разумѣется, соблюденія казеннаго интереса, усыпаетъ ихъ пескомъ. Посѣтитель повѣрилъ и даже похвалилъ новаго рода полъ.

Половыя доски, шкафы и печки, вѣроятно не жаловались на разстройство своего здоровья отъ пыли. Посмотримъ, не могло ли здоровье воспитанниковъ терпѣть чего либо отъ *свирѣпствовавшей* въ прежнихъ духовныхъ училищахъ чистоты и опрят-

ности? Всякому, конечно извѣстно, что пыль любитъ подниматся и въ воздухъ; поэтому послѣдній въ классахъ и комнатахъ былъ почти всегда полонъ ею немного менѣе того, какъ и воздухъ приносимый *самумомъ и шамсиномъ.* Какъ угодно, а дышать такимъ воздухомъ едва ли было здорово; оно, конечно, *ничего,* какъ говорятъ; *проходило;* но за всѣмъ тѣмъ, множество мелкой пыли вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхалось въ легкіе и, какъ хотите, не могло дѣйствовать на нихъ благодѣтельно. Но послѣдствія отъ этого невидимы и медленны; и если обнаруживаются кашлемъ, чиханіемъ и даже туберкулами, то всѣ эти явленія можно приписать простудѣ и многочисленности занятій. Укажемъ лучше на то, чего нельзя не ощущать. Пыль, садившаяся на одѣяла, подушки и платье учениковъ, разумѣется, переходила на ихъ бѣлье и тѣло. Вредныя послѣдствія этого могли бы еще уничтожиться, если бы воспитанники часто ходили въ баню и надѣвали тамъ чистое бѣлье. Говорятъ, что нынѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ перемѣняютъ бѣлье на воспитанникахъ по два и по три раза въ недѣлю; есть даже училища, гдѣ будто бы это дѣлается каждый день. Ну, къ чему такая роскошь? Нѣтъ, начальники нашихъ училищъ не любили дѣлать этого. Знаете ли, любезные читатели, что въ банѣ иногда мы небывали по три и по четыре недѣли, да и пришедши въ нее, не находили то холодной, то горячей воды, а иногда той и другой. При такомъ положеніи вымывались мы, разумѣется, прекрасно. Послѣ этого поймете, что за бѣлье бывало на воспитанникахъ тѣмъ болѣе, что часто

спали они на войлокахъ или на матрацахъ не покрытыхъ простынею, и притомъ по два нерѣдко человѣка на одной кровати. Видалили вы рубахи на чумакахъ? Если видѣли, то можете имѣть понятіе о томъ, какъ бѣло бывало бѣлье на воспитанникахъ.

Но воспитанники на этотъ недостатокъ жаловаться бы еще не стали, если бы съ тѣмъ вмѣстѣ не было соединено другое, уже слишкомъ *чувствительное* обстоятельство. Изъ естественной исторіи вы, конечно, знаете, что между насѣкомыми есть три рода, особенно благосклонные къ неопрятному и грязному человѣчеству; русскими ихъ названіями мы не хочемъ оскорблять вашего слуха. По латыни они извѣстны подъ именемъ culex, pediculus, pulex. Извините, что мы съ вами хочемъ поговорить объ нихъ; конечно и глядѣть на нихъ непріятно; но послушайте насъ. Вы, прочитавши наши замѣчанія, узнаете, какъ мы живали, и какъ нынѣ живутъ дѣти, которыхъ иные дѣлаются особами 4, даже 3 и 2 классовъ. Этихъ насѣкомыхъ такъ много было около учениковъ, что ихъ считали какъ бы арміею и называли culex *артиллеріею,* pediculus — *пѣхотою,* а pulex — *кавалеріею.* Отъ артиллеріи не всегда были свободны даже высшія заведенія. Г.г. студенты, будущіе кандидаты, магистры и доктора, по нѣсколько разъ въ годъ должны были поставить самоваръ лично и приготовленнымъ кипяткомъ обливать всѣ щели въ кроватныхъ доскахъ, всѣ углы въ кроватяхъ, чтобы уничтожить артиллеристовъ, отъ которыхъ не было возможности спать. Много, очень много есть еще живыхъ людей, которые этимъ зани-

мались, а теперь, пожалуй, станутъ сердиться, зачѣмъ мы раскрываемъ подобные секреты. Сколько же теперь бывало и есть артиллеристовъ въ кроватяхъ среднихъ и низшихъ училищъ? — можете сами судить по тому, что̀ мы сказали о магистрахъ и докторахъ. Пѣхота, любящая прививаться въ волосахъ на головѣ, не могши тамъ умѣститься въ воспитанникахъ среднихъ и особенно низшихъ училищъ, помѣщалась уже во всѣхъ складкахъ и швахъ бѣлья, платья, но особенно въ тулупахъ. Поэтому отцы и матери тотчасъ топили баню, какъ скоро пріѣзжали изъ училища къ нимъ дѣти, перемѣняли на нихъ бѣлье, отмывали грязь съ ихъ тѣла, и безъ исключенія *выжаривали* все платье въ банномъ жару. Этимъ только способомъ можно было спастись отъ пѣхоты. Но едва ли не всего грознѣе и многочисленнѣе, особенно лѣтомъ, была кавалерія. Въ доказательство нашихъ словъ разскажемъ два анекдота, бывшихъ не очень давно. Въ одной изъ семинарій, при отъѣздѣ учениковъ на каникулы, постели ихъ были сносимы въ общую залу. Однажды въ 1827 году экономъ приходитъ къ двумъ щеголямъ наставникамъ и разсказываетъ, что онъ въ залѣ, гдѣ лежали ученическія постели; нашелъ необыкновенное чудо, и просилъ щеголей отправится съ нимъ для освидѣтельствованія чуда. Щеголи въ бѣлыхъ брюкахъ и жилетахъ захотѣли полюбоваться на *чудо-чудное*. Пришли; экономъ водилъ ихъ по залу то туда, то сюда, нагибался, но не могъ отыскать чуда. Наконецъ, остановившись, захохоталъ и сказалъ: *посмотрите на себя*. Тутъ только замѣтили

г.г. ученые, что ихъ панталоны, а отчасти жилеты сдѣлались черными. Дѣло состояло въ томъ, что кавалерія, принесенная въ ученическихъ постеляхъ, не находя въ нихъ продовольствія, рѣшилась отправиться фуражировать по всему залу, и когда злой экономъ ввелъ щеголей, то она, сдѣлавши *маршъ-маршъ*, покрыла бѣлые ихъ панталоны и жилеты. Въ томъ же самомъ залѣ на мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, кавалерія расположилась бивуаками въ такомъ количествѣ, что наблюдателю издали полъ представлялся лоснящеюся поверхностію. Но нашимъ ученымъ и экопому было ни до наблюденій; они поскорѣе отправились на рѣку, и тамъ перемѣнивши все бѣлье и платье, кое-какъ освободились отъ грозной кавалеріи. Въ другомъ случаѣ нужно было осмотрѣть постройки, произведенныя въ одномъ изъ низшихъ духовныхъ училищъ. Ревизоромъ назначено было лице почетное; начальныхъ училища давалъ ему знать намеками, что въ то время (именно въ каникулы) неудобно осматривать работы и что лучше или отложить осморъ до послѣ-каникулярнаго времени или повѣрить добросовѣстности строительнаго комитета. Почетная особа любила точность и добросовѣстность, поѣхала и начала осматривать зданіе. Очередь дошла до спаленъ; начальникъ хотѣлъ было чрезъ нихъ провести ревизора побыстрѣе, но послѣдній позамѣшкался. Когда кончилась ревизія или, кажется, ввремя ея, ревизоръ замѣтилъ, что ему недостаетъ силъ оставаться спокойнымъ. Несчастіе его,очевидно, произошло отъ того, что кавалерія по отъѣздѣ учениковъ, не находя на кроватяхъ никакихъ суб-

ектовъ, отправилась для мародерства на полѣ и, забывъ уваженіе къ ревизору, облѣпила его. Къ счастію въ училищѣ была готова баня; тамъ погибла вся кавалерія, дерзнувшая сдѣлать набѣгъ на почетную особу. Наконецъ вы, г. читатель, вѣроятно спросите, почему начальство не принимаетъ мѣръ къ истребленію *пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи?* Почему?! Разныя на то есть причины. Одни можетъ быть, не вполнѣ знаютъ о непріятностяхъ, испытываемыхъ учениками отъ всѣхъ этихъ родовъ *насѣкомыхъ воинствъ;* другіе притворяются незнающими. Но иногда уже нельзя незнать, даже нельзя притвориться незнающимъ; съ другой же стороны нельзя и сознаться, что многое множество этихъ воинствъ въ волосахъ и бѣльѣ мальчиковъ не дѣлаетъ чести отеческой заботливости начальства. Но этому *непремѣнно нужно придумать*, какимъ бы образомъ оправдаться въ глазахъ, если не публики, то учениковъ. Мы знаемъ вѣрнѣйшимъ образомъ, что одинъ начальникъ и вмѣстѣ профессоръ богословія не постыдился въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ оптимизму и къ цѣлообразности. Онъ серьёзно доказывалъ что pulex, culex и pediculus весьма полезныя существа; — онѣ де высасываютъ дурную только кровь изъ ученическихъ тѣлъ и слѣдовательно предовращаютъ болѣзни, которыя бы отъ нее должны развиваться въ организмѣ. Повѣрьте, что это дѣйствительно было говорено на лекціи.

Можно ли приложить сдѣланныя нами замѣчанія на счетъ чистоты и опрятности къ нынѣшнимъ хоть бы напр. духовнымъ училищамъ, т. е. къ *нѣкоторымъ?*

Можно, говоримъ съ искреннимъ сожалѣніемъ о воспитанникахъ и глукокимъ негодованіемъ на виновныхъ; можно приложить не къ нѣкоторымъ, но къ многимъ. Артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи *и нынѣ*, особенно въ нѣкоторыхъ училищахъ, также много какъ и прежде; *и нынѣ* нужно отцамъ вымыть въ банѣ своихъ дѣтей, прибывшихъ изъ училища, чтобы самимъ не подвергнуться нападенію этого воинства, особенно же пѣхоты. *И нынѣ* есть училища, гдѣ бани не бываетъ по три недѣли и болѣе. *И нынѣ* на печкахъ, шкафахъ, подъ кроватями, подъ партами въ классахъ можно найти очень большое количество пыли. *И нынѣ* моютъ полы кое гдѣ въ особыхъ экстренныхъ скучаяхъ. *И нынѣ* ..... но довольно и сказаннаго. Если вы намъ не вѣрите, то скажите, почему, какъ пишетъ Г. Погодинъ въ N 9 Русскаго Вѣстника за 1859 годъ, начальникъ одного изъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ прямо отказалъ желавшему осмотрѣть его училище, увѣряя, что ему оно не понравится? При чистотѣ и опрятности, мы полагаемъ, не зачѣмъ было бы говорить, что не понравится; разумѣется, это училище не одно въ русскомъ царствѣ. И такъ *есть, есть, есть* къ стыду и нынѣ училища, въ которыхъ *свирѣпствуетъ* описанная нами чистота и опрятность со всѣми ея послѣдствіями. Имѣющія власть подумайте объ этомъ; вѣдь въ такихъ училищахъ учатся тоже люди, созданные Богомъ не для борьбы съ *артиллеріею, пѣхотою и кавалеріею;* право, подумайте и не сердитесь за высказанную нами правду. Вы или не знаете ея, или позабыли.

Отвратительная неопрятность, въ которой при-

нуждены жить ученики, бываетъ причиною еще болѣе отвратительныхъ, накожныхъ болѣзней, извѣстныхъ (извините, что мы ихъ станемъ называть настоящими именами) подъ именемъ *чесотки*, *шолудей*, *коросты* и пр. Вы, воспитавшіеся въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и пр., вы къ вашему счастію не знаете этихъ отвратительныхъ болѣзней. Но въ нѣкоторыхъ, даже сдвали не во всѣхъ духовныхъ училищахъ, онѣ такъ обыкновенны, что чуть не всѣ ученики ими бываютъ заражены. Отъ казеннокоштныхъ учениковъ онѣ переходятъ къ живущимъ на квартирахъ, потомъ отъ братцевъ къ сестрицамъ, отъ дѣтей къ отцамъ и матерямъ, отъ мальчиковъ и дѣвочекъ къ ихъ пріятелямъ и подругамъ; и такимъ образомъ эта проказа вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ и цивилизаціею, благодаря попечительному училищному начальству, распространяется и внѣ училищъ, внѣ даже тѣхъ городовъ, гдѣ они существуютъ. Не думайте, чтобъ этимъ болѣзнямъ подвергались только въ низшихъ училищахъ; нѣтъ, ими заражены среднія училища; были примѣры, что онѣ проникали и въ высшія заведенія. Мы знали не одного магистрата и кандидата, которые вылечены были отъ накожныхъ болѣзней уже въ академіяхъ. Вѣроятно, и теперь даже документами можно подтвердить, что изъ поступившихъ въ 1829 году въ Главный Педагогическій Институтъ воспитанниковъ послѣ сдѣланнаго медицинскаго осмотра многіе немедленно были помѣщены въ отдѣльной больницѣ для излеченія ихъ отъ чесотки. А припомните, что туда поступили молодцы въ 20 и болѣе лѣтъ изъ

семинарій. Объ излеченіи этихъ болѣзней въ среднихъ и низшихъ училищахъ даже почти не думаютъ. Что за нужда, что тѣло въ коростѣ? Была бы душа чиста, разсуждаютъ набожные начальники. Не думайте, чтобы мы говорили о прошедшихъ временахъ; нѣтъ, мы увѣряемъ, что, если бы и нынѣ сдѣлать медицинскій обзоръ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ иномъ духовномъ училищѣ, особенно около и послѣ Пасхи, то по крайней мѣрѣ половина оказалась бы съ накожными болѣзнями. Да и вы, г. читатель, не будете ли когда нибудь на экзаменѣ? Если замѣтите, что мальчики стараются кисти своихъ рукъ прятать въ рукава и показываютъ вамъ только кончики пальцевъ; то заставьте ихъ заворотить обшлагъ рукава; тогда вы сами увидите, почему имъ не хотѣлось показывать своихъ рукъ. Дѣти такъ привыкли къ накожнымъ болѣзнямъ, что шутя ихъ называютъ *бисеромъ, жемчугомъ* и пр. Но довольно, довольно; слишкомъ отвратительно даже говорить объ этомъ. А за тѣмъ, каково имѣть эти болѣзни иногда десять и болѣе лѣтъ, потомъ передать ихъ даже дѣтямъ своимъ; или подвергнуться болѣе серьёзной болѣзни, когда онѣ отъ глупаго леченія скроются внутрь организма!

Но не одни накожныя болѣзни пріобрѣтаются въ училищахъ, а множество другихъ и притомъ рѣшительно только отъ дурнаго управленія. Мы пишемъ не училищную патологію и потому пересчитывать всѣ эти болѣзни не намѣрены; но укажемъ только на три главнѣйшія обстоятельства, которыя къ нимъ располагаютъ.

1) Давно уже господствуетъ убѣжденіе, что ученый народъ скоро теряетъ зрѣніе; даже очки какъ будто сдѣлались знакомъ отличія ученаго человѣка. Причиною того обыкновенно выставляютъ чтеніе книгъ; мы не отвергаемъ этого вполнѣ; точно отъ неблагоразумнаго напряженія при чтеніи можно разстроить свое зрѣніе. Но зачѣмъ же быть несправедливыми? Почему не сказать о заслугахъ, которые оказываютъ въ этомъ отношеніи почтенные, препочтенные, высокопочтенные и высокопрепочтенные начальники училищъ? Попробуйте, г. читатель, собрать къ себѣ компанію въ 15 и даже въ 10 человѣкъ, разумѣется, ночью; посадите ихъ за одинъ столъ съ одною сальною свѣчею, даже четвериковою и сами тоже съ ними сядьте въ наиболѣе отдаленномъ разстояніи отъ нее, примитесь всѣ вмѣстѣ или читать, или писать, хоть часика два. Надѣемся, что ваши глаза скоро напомнятъ вамъ о необходимости поставить еще нѣсколько свѣчь на столѣ, а пріятели ваши, кромѣ двухъ или четырехъ человѣкъ, сидящихъ у самой свѣчи, даже откажутся читать и писать. Если этотъ опытъ сочтете неудовлетворительнымъ, то начните читать книги, особенно съ мелкою печатью утромъ и вечеромъ, когда начинаетъ темнѣть. Увѣряемъ васъ, что чрезъ нѣсколько недѣль, или мѣсяцевъ, вамъ нужно будетъ посовѣтоваться съ окулистомъ о томъ, какъ поправить разстроенное ваше зрѣніе. Какже послѣ этого не разстроиваться зрѣнію учениковъ, когда въ нѣкоторыхъ .....хъ училищахъ выдается пятериковая и даже шестериковая свѣча не на 10, а на 20 человѣкъ? Уменьшите это

число вдвое, и тогда съ какимъ напряженіемъ ученику, сидящему вдали отъ свѣчки, нужно вематриваться, чтобы разобрать даже крупную печать и письмо? Какъ не разстроить зрѣнія, когда и эти свѣчи даются на извѣстный срокъ, зажигаются при совершенной уже темнотѣ, когда послѣ Благовѣщенія или Пасхи выдача свѣчъ прекращается, а уроки между тѣмъ продолжаются, и потому мальчикъ и вечеромъ, и утромъ при самомъ слабомъ, замирающемъ или начинающемъ дневномъ свѣтѣ долженъ разбирать свой урокъ? Прибавьте, что это продолжается не недѣли и мѣсяцы, а годы, годы цѣлые, даже болѣе десяти лѣтъ; и тогда, полагаемъ, согласитесь, что, если бы у учениковъ было даже орлиное зрѣніе, то и оно наконецъ разстроилось бы. Какъ бы почтеннымъ начальникамъ не понять, что слово просвѣщеніе на русскомъ языкѣ происходитъ отъ свѣта и потому *желающихъ просвѣтиться не слѣдуетъ держать во тмѣ.* Мы увѣрены, что въ нѣкоторыхъ училищахъ близорукость и слабость зрѣнія существеннымъ образомъ происходитъ отъ недостаточнаго освѣщенія комнатъ. *Да проститъ васъ Богъ, гг. просвѣтители, которые посредствомъ мрака думаете распространить просвѣщеніе и отнимаете вмѣсто того зрѣніе!*

2) Нашъ организмъ, какъ извѣстно изъ физіологіи, постоянно измѣняется и посредствомъ различныхъ процессовъ, напр. дыханія, накожнаго испаренія и пр. выдѣляетъ части, которыя не находитъ для себя нужными. Для поддержанія этихъ измѣненій, для восполненія постоянно убывающихъ частицъ, мы при-

нимаемъ въ себя пищу. Теперь понятно, почему недостаточная и дурная пища обнаруживаетъ вредное вліяніе на наше здоровье. Въ первомъ случаѣ организмъ, не вознаграждая теряемыхъ имъ частицъ, истощается, и, по меткому выраженію, *гаснетъ подобно лампѣ, въ которую забыли подбавить масла.* Во второмъ же случаѣ организмъ изъ дурной пищи принужденъ, такъ сказать, принимать въ себя вредныя частицы и, усвоивъ ихъ, разстроиваться. Можно доказать физіологически, что всякій глотокъ дурнаго питья, всякій кусокъ испортившейся пищи непремѣнно оставятъ вредныя послѣдствія въ нашемъ тѣлѣ. Что же теперь должно сказать о тѣхъ несчастныхъ ученикахъ, которые въ нѣкоторыхъ училищахъ, притомъ въ теченіе 10-ти и болѣе лѣтъ, или не получаютъ достаточной для ихъ питанія пищи, или кормятся хлѣбомъ изъ затхлой муки, тухлою говядиною, кашею изъ проквасившейся гречневой крупы и пр.? Неужели ихъ здоровье останется неразстроеннымъ, когда они въ теченіе пяти или шести недѣль какого либо поста питаются квасомъ съ лукомъ, да лукомъ съ квасомъ, отъ котораго, по русской поговоркѣ, *рветъ глаза,* и когда отъ этого на губахъ появляются струпья? Неужели эти струпья, спазмы въ желудкѣ, колотье и пр. нужно считать признаками нормальнаго состоянія организма? Обстоятества нашей жизни сблизили насъ со многими лицами обучавшимися на казенномъ содержаніи въ .....хъ училищахъ. Сколько между ними мы встрѣчали людей, которые въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, при степенной жизни страдаютъ завалами, разстройствомъ желудка и пр.?

И всѣмъ этимъ они одолжены, по ихъ собственному сознанію, благопопечительному начальству, которое ихъ подчивало дурною пищею! Не похожи ли эти начальники на тюремщиковъ, которые изъ скуднаго содержанія узниковъ отдѣляютъ половину себѣ, а другую предоставляютъ несчастнымъ, но и въ этомъ случаѣ предлагая вмѣсто свѣжихъ, испорченные запасы? Не похожи ли они на отравителей, которые конечно не мышьякомъ и сулемою, не синильною кислотою или стрихниномъ отравляютъ своихъ подчиненныхъ, но зато *мирными*, такъ сказать, *невинными* средствами разстроиваютъ здоровье ихъ? Мы по крайней мѣрѣ большой разницы между тѣми и другими не видимъ.

3) Какъ ни сильно столовая разстроиваетъ здоровье учениковъ нѣкоторыхъ училищъ, но едвали она не должна уступить первенство неотопленнымъ во время холода классамъ, отъ столовой страдаютъ только казеннокоштные, а въ классахъ мерзнутъ всѣ вообще ученики и даже несчастные наставники, кромѣ начальниковъ, которые свои классы приказываютъ отапливать. Въ этомъ случаѣ, вы, г.г. читатели вѣроятно не станете съ нами спорить, если обратите вниманіе на то, что 1) и въ тѣхъ городахъ русской имперіи, гдѣ начальники хоть бы напр. духовныхъ училищъ запрещаютъ отапливать классическія комнаты, бываютъ морозы въ 20 и даже въ 30 градусовъ; 2) русскій морозъ не смягчаетъ своей суровости ни предъ кѣмъ, а одинаково сжимаетъ ученую и неученую, богатую и бѣдную братію; 3) одежда ученаго сословія, поучающагося мудрости въ неотопленныхъ

классахъ, не только не теплѣе одежды другихъ людей, но даже похолоднѣе и 4) организмъ наставниковъ и учениковъ духовныхъ училищъ также чувствителенъ къ холоду, какъ и вамъ. Теперь мы попросимъ васъ сдѣлать надъ собою очень немудреный опытъ. Попробуйте при температурѣ немного пониже, даже немного повыше точки замерзанія съ открытою головою часа три, четыре постоять или посидѣть на одномъ мѣстѣ на открытомъ воздухѣ. Надѣетесь ли не простудиться? Мы по крайней мѣрѣ за себя никакъ не ручаемся. Послѣ этого неужели вы станете доказывать, что ученики сохраняютъ здоровье въ классахъ, которые природа нагрѣваетъ только въ лѣтнее время солнечною теплотою? Они ежедневно должны сидѣть шесть часовъ безъ фуфайки, скромно, часто въ очень легкой одеждѣ, оставаясь даже иногда санкюлотами (sans culottes). Если въ такихъ классахъ замерзаютъ чернила, если пальцы не разгибаются, чтобы написать что нибудь, то какъ же не сдѣлаться больнымъ, проведя въ нихъ 10—15 лѣтъ? Не забывайте еще нѣкоторыхъ частностей, напр. въ иномъ классѣ благопопечительное начальство не вставить разбившагося стекла въ теченіе цѣлой зимы, не задѣлаетъ, какъ пишетъ Г. Погодинъ, сквозной трещины въ стѣнѣ въ нѣсколько лѣтъ, не позаботится о томъ, чтобы двери плотно притворялись. Молодость конечно способна многое переносить или оставлять безъ вниманія, за всѣмъ тѣмъ насморкъ, кашель, простудныя лихорадки, ревматизмъ въ ногахъ, боль въ головѣ достаются чуть не всѣмъ ученикамъ вмѣстѣ съ сообщаемою имъ ученостію. А послѣднія

двѣ болѣзни нерѣдко остаются на цѣлую жизнь, намъ случалось говаривать съ добродушными стариками, которые, обучавшись нѣкогда въ неотапливаемыхъ классахъ, говаривали: „вотъ, никакъ не поймешь, отъ чего у насъ болятъ ноги и голова еще съ молодости, вѣдь мы были не нѣжонки.“ Добряки и на старости лѣтъ не понимали, кому и чему они одолжены своими болѣзнями!

Но самое гибельное вліяніе на учениковъ обнаруживаютъ такъ называемыя оттепели. Вы, какъ знатокъ физики, знаете глупую привычку деревянныхъ и каменныхъ стѣнъ не охотно разставаться съ своею температурою и въ случаѣ оттепели быть холоднѣе атмосфернаго воздуха. Придерживаясь экономически-нравственныхъ идей, можно, пожалуй, сказать, что начальство училищное нисколько не виновато въ этомъ упрямствѣ стѣнъ; но за всѣмъ тѣмъ ученики, приходя въ классныя комнаты, находятъ внутреннія стѣны ихъ покрытыми порядочнымъ слоемъ инея. Чрезъ нѣсколько времени отъ ученическаго теплотвора температура классовъ поднимается выше точки замерзанія, иней начинаетъ таять, съ потолка капаютъ капли; по стѣнамъ вода стекаетъ различными струями, которыя для того вѣроятно, чтобы потѣшить учениковъ, соединяясь, расходясь и пересѣкаясь между собою, рисуютъ чуть не настоящіе іероглифы, а наконецъ составляютъ на полу дѣйствительныя лужи. Судите что за воздухъ, которымъ дѣти дышатъ въ этихъ классахъ? Тутъ и ихъ природа часто не выдерживаетъ; появляются иногда между ними очень серьёзныя болѣзни въ родѣ

повальныхъ. Отеческая заботливостъ добраго начальства и тутъ изобрѣтательна; тотчасъ приглашается докторъ; составляется медицинское свидѣтельство о томъ, что между учениками появилась заразительная болѣзнь отъ дурной погоды. Вскорѣ высшее начальство получаетъ извѣстіе, что въ училищѣ N. ученики распущены по домамъ; а иногда и вовсе не донесутъ; къ чему тревожить начальниковъ непріятными извѣстіями? Ученики въ восторгѣ и — проказники — стараются увеличить число больныхъ своею догадливостію, прикидываясь больными. Доктору нельзя же всѣхъ осмотрѣть; онъ даже иногда и ни на кого не посмотритъ; его дѣло написать медицинское свидѣтельство. А начальники нерѣдко имѣютъ въ такихъ событіяхъ свои выгоды, когда подъ ихъ надзоромъ живетъ значительное количество учениковъ на казенномъ содержаніи; Богъ съ ними — съ хлѣба долой! Подобныя происшествія не измѣняютъ системы; на слѣдующій годъ опять классы не отапливаются, опять со стѣнъ льется вода, опять простуды; различіе состоитъ въ томъ, что повальныя болѣзни появляются не каждый годъ.

Здѣсь поневолѣ мы останавливаемся и хочемъ высказать свое мнѣніе о томъ, какъ странно люди судятъ о своихъ собратіяхъ. Вы конечно слыхали, что аѳинскій Ареопагъ осудилъ на смерть мальчика, выколовшаго глаза птичкѣ. Конечно, тутъ уже поступлено слишкомъ строго. Но если бы я, вашъ покорнѣйшій слуга, намѣренно выкололъ глаза какому либо человѣку, то конечно меня стали бы судить въ уголовной палатѣ за причиненное увѣчье, и справед-

либо бы поступили. Но скажите почему бы не судить въ той же палатѣ вмѣстѣ со мною тѣхъ начальниковъ, которые на 10—30 учениковъ даютъ одну шестириковую свѣчу? Вѣдь отъ этого лишаются, конечно не вдругъ, но лишаются зрѣнія на вѣрное много, много людей. Почему бы по крайней мѣрѣ не отставить ихъ отъ службы? Или уже нельзя ли ихъ хоть не награждать за такіе человѣколюбивые подвиги знаками отличія и титулами? Далѣе, если бы я по немногу подсыпалъ нѣсколько дней мышьяку или сулемы кому либо въ пищу, и если бы онъ незамѣтно разстроилъ свое здоровье и наконецъ отъ этого умеръ, то въ какое бы негодованіе пришли всѣ, узнавши о такомъ злодѣяніи? Какъ бы благодарили уголовную палату, когда бы она, лишивъ меня всѣхъ правъ состоянія, отправила въ Сибирь? Не спорю, общественное мнѣніе было бы право въ этомъ случаѣ. Но почему же бы вмѣстѣ со мною для компаніи не послать туда же и всѣхъ начальниковъ, которые по корыстолюбію дурно кормятъ своихъ воспитанниковъ и разстроиваютъ ихъ здоровье точно также, какъ и ядомъ, только помедленнѣе? Почему, по крайней мѣрѣ не отставить ихъ, не лишить ихъ права на награды и отличія? — Потомъ, если бы я зашедшаго ко мнѣ въ зимнее время странника помѣстилъ не въ теплой комнатѣ, а въ какой либо конюшнѣ или амбарѣ; то не стали ли бы вы называть меня жестокосердымъ, даже нехристемъ? Ахъ! зачѣмъ же иногда чуть не святыми считаются тѣ начальники, которые морятъ холодомъ учениковъ въ классахъ, а деньги, назначенныя на отопку, пря-

чутъ въ свои карманы? Вѣдь прямо они не милостивѣе насъ? — Если на улицѣ закричатъ: *воръ, держите вора*, то не броситесь ли на него со всѣхъ сторонъ, не постараетесь ли, поймавши, поскорѣе проводить его въ полицію? И потомъ, когда докажется, что онъ укралъ болѣе нежели на 30 рублей со взломомъ; то выставятъ его у позорнаго столба, отстегаютъ плетьми, если онъ, разумѣется, мужикъ, и пошлютъ за уральскій хребетъ. Чѣмъ же лучше этого вора, доведеннаго до преступленія иногда нуждою, чѣмъ лучше тотъ начальникъ, который крадетъ сумму назначенную на содержаніе училища и учениковъ и чрезъ то медленно убиваетъ послѣднихъ? Почему бы всѣхъ такихъ начальниковъ не собрать и не послать хотя бы на Амуръ подъ надзоръ тѣхъ честныхъ солдатъ, которые отправлены туда на поселеніе? Почему ты, общественное мнѣніе, даже иногда чуть не благоговѣешь предъ этими ворами? Наконецъ, если бы я теперь вздумалъ написать панегирикъ какому либо отравителю, убійцѣ или вору, если бы высказалъ, что его надобно наградить знаками отличія, чинами и степенями; если бы даже просто поклонился ему низко, величалъ бы его, какъ благодѣтеля; то какой бы шумъ поднялся? Какъ бы ты, общественное мнѣніе, возопило: *смотрите, кого онъ хвалитъ, кому кланяется?* А взгляните вы г.г. люди, на себя, не кланяетесь ли вы тоже ворамъ и отвратителямъ, только чиновнымъ и высокопочтеннымъ, не лобзаете ли ихъ десницъ, не *воскуряете* ли предъ ними *ѳиміамы* лести, не подличаете ли? *Общественное мнѣніе!* Разъясни ты намъ эти странности. Или лучше *проснись*,

пробудись, пора тебѣ высказать правду и заклеймить позоромъ тѣхъ, которые злоупотребляютъ царскою казною и довѣріемъ общества. Но едва ли ты скоро на это рѣшишься. Мы скажемъ болѣе. Не закричишь ли ты вмѣстѣ съ начальниками, которыхъ дѣянія мы обличаемъ: „какъ онъ смѣетъ говорить про людей достопочтенныхъ и пр.“ Очень возможно и даже вѣроятно, что *ты по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ даже не прочитаешь этого въ Россіи, на святой Руси намъ не позволятъ высказать правду о беззаконныхъ дѣлахъ людей, считающихся святыми.*

Узнавши о тѣхъ способахъ, посредствомъ которыхъ добрые и почтенные начальники разстроиваютъ здоровье своихъ питомцевъ, вы, г. читатель, не полюбопытствуете ли узнать и о томъ, какія мѣры принимаютъ тѣ же особы къ поправленію разстроеннаго уже здоровья учениковъ. Послѣдніе, изволите видѣть, нерѣдко заболѣваютъ и очень опасно, отчасти по общему закону всего человѣчества, а преимущественно отъ мѣстныхъ училищныхъ причинъ. Кажется, нельзя бы ожидать, чтобы въ этомъ отношеніи происходили злоупотребленія. Заставить здороваго человѣка голодать, лишать его чистаго воздуха, не отапливать для него комнатъ еще какъ будто можно; — онъ здоровъ, выдержитъ, да и самъ достанетъ пищи, подышетъ свѣжимъ воздухомъ внѣ комнатъ, и можетъ тамъ, побѣгавши, поработавши, нагрѣться. Но подвергнуть всему этому больнаго, лежащаго безъ движенія, съ разстроеннымъ желудкомъ, съ одышкою, кашлемъ, болью въ головѣ, оставить его безъ вспомо-

женія, *ужъ, кажется безусловно,* и совѣсть, и Евангеліе, и общественное мнѣніе, и даже Алкоранъ противъ этого вооружаются. Между тѣмъ, это встрѣчалось и встрѣчается въ училищахъ и даже духовныхъ. По документамъ все идетъ хорошо, больницы почти вездѣ; при нихъ штатный врачъ съ жалованіемъ или безъ онаго, особые служители, даже иногда фельдшеръ, еженедѣльныя вѣдомости о больныхъ въ врачебную управу или другія мѣста, аптекарская книга, ежегодные отчеты — ну, кажется, все есть, не поддѣнете. И дѣйствительно, во многихъ училищахъ за больными воспитанниками смотрятъ точно такъ, какъ можетъ заботиться одна мать. Но . . .охъ эти *но, но, но* . . . . . бѣда съ ними; сколько есть духовныхъ училищъ, гдѣ съ больными поступаютъ точно также, какъ и съ здоровыми? Въ этомъ случаѣ, на видъ выставляется болѣе всего казенный интересъ и цѣлебная сила природы. „Ну, къ чему, говорятъ велемудрые мужи, тратить напрасно деньги на лекарства? Наши крестьяне незнаютъ аптекъ, а между тѣмъ какое у нихъ богатырское здоровье, и не доживаютъ ли они до 100 и болѣе лѣтъ. Природа есть лучшій на свѣтѣ медикъ, организмъ нашъ такъ премудро устроенъ, что онъ въ себѣ самомъ находитъ средства къ своему поправленію, молодыхъ же людей лечить чуть не тоже значитъ, что отравливать. Какъ можно ихъ нѣжную природу знакомить съ латинскаго кухнею?“ И на основаніи *сихъ* премудрыхъ изреченій лекарь получаетъ строжайшія наставленія о сбереженіи казеннаго интереса; ему остается или отказаться отъ мѣста, или, получая жалованье,

надѣясь на награды и чины, предоставить самое леченье преимущественно природѣ. Пожалуй, откажись, найдется на мѣсто другой поумнѣе. Съ упрямыми же эскулапами расчетъ короткій, — отставка, мы помнимъ одного предобраго и преусерднаго медика О. П. В., который принужденъ былъ подать въ отставку именно за то, что не жалѣлъ казны на лекарства. Впрочемъ отъ простыхъ лекарствъ, особенно въ крайнихъ случаяхъ не прочь добрѣйшіе начальники; сюда относятся преимущественно рвотное, слабительное всѣхъ сортовъ, кровопусканіе, банки и даже піявки, особенно, если ихъ какой либо цирюльникъ доставляетъ даромъ, мушки, горчицы и пр. Между тѣмъ, болѣзни идутъ своимъ чередомъ; дѣйствительно благодѣтельная природа спасаетъ многихъ; но зато не отправляются ли многіе при такой методѣ въ елисейскія поля? Или не выходятъ ли изъ училища съ разстроеннымъ здоровьемъ? Мы были однажды свидѣтелемъ достойной сожалѣнія сцены. Пришедши съ своимъ пріятелемъ къ одному общему знакомому, мы застали у него женщину, которая со слезами и рыданіями о чемъ-то просила его, душевная скорбь такъ ясно выражалась на лицѣ и въ глазахъ ея, что не было возможности не принять участія. По нашему желанію знакомый разсказалъ намъ, что бѣдная мать сейчасъ пришла изъ .....ской больницы, гдѣ у нея сынъ въ горячкѣ и, не получая никакого пособія навѣрнякъ приближается къ смерти. Замѣтивъ наше участіе, несчастная мать бросилась намъ въ ноги, говоря: *отцы родные, помогите мнѣ бѣдной сиротѣ; Вася мой у меня одна надежда;*

умри онѣ, я въ старости умру безъ пріюта.“ Мы были тронуты до глубины души; у моего пріятеля слезы полились ручьемъ. Къ счастію бѣдной женщины, онъ имѣлъ небольшую извѣстность и порядочный чинъ, взялъ бумагу и написалъ къ доктору, чтобы онъ обратилъ вниманіе на мальчика; а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ, что деньги на лекарства онъ дастъ свои. Письмо подѣйствовало, мальчикъ выздоровѣлъ, даже денегъ за лекарства не потребовали. Добрая женщина чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась съ благодарностію къ нашему пріятелю вмѣстѣ съ своимъ Васею, плакала отъ радости, кланялась и не находила словъ выразить свою благодарность. *А сколько такихъ матерей плачутъ, но не находятъ заступниковъ?*

Нежелая ознакомливать больныхъ воспитанниковъ съ латинскою кухнею, начальники училищъ должны бы заботиться о томъ, чтобы русская кухня доставляла каждому больному пищу, которая бы не только не разстроивала, но и поправляла его. Многія болѣзни вылечиваются одною, хорошо приспособленною пищею. Въ Петербургской Духовной Академіи былъ медикомъ Беневоленскій, умный и дѣльный человѣкъ. Многіе изъ его академическихъ паціентовъ, вѣроятно, еще не забыли, какъ часто онъ вмѣсто всякаго лекарства оставлялъ больнаго на нѣсколько дней въ больницѣ, и вылечивалъ его одною пищею. Въ Венской же медицинской школѣ, какъ мы нѣкогда читали, даже трудно-больные въ лазаретахъ часто пользуются одною пищею, приспособленною къ болѣзни, и этимъ способомъ выздоравливаютъ. И потому не странно ли услышать, что нѣ-

которые начальники ..... училищъ, преимущественно непозволяющіе медику выписывать лекарства изъ аптеки, слишкомъ мало заботятся и о пищѣ для больныхъ. Главнымъ камнемъ претыканія въ этомъ случаѣ служатъ посты. Кому неизвѣстно, что во многихъ болѣзняхъ постную пищу употреблять никакъ нельзя и что бульонъ изъ говядины или телятины, супъ изъ курицы, молочная каша и пр. въ недѣлю или двѣ возвратятъ больному здоровье скорѣе, чѣмъ всѣ лекарства. Но между училищными начальниками есть *ревнители закона, есть книжники и чуть ли не фарисеи, по мнѣнію которыхъ больной ученикъ пусть лучше умретъ, или пролежитъ лишній мѣсяцъ, нежели оскоромится.* Какъ можно позволить, чтобы молодой человѣкъ сотворилъ такой нечестивый поступокъ? Для себя, для своихъ родныхъ они иногда еще готовы забыть *букву закона,* но учениковъ ни за что не введутъ въ искушеніе. Другіе начальники, а больше тѣже самые, вовсе не находятъ нужнымъ приготовлять различную пищу для больныхъ и здоровыхъ. Вѣдь послѣдніе, пользуясь ею, остаются здоровыми; почему же и первымъ не употреблять ея для своего здоровья? Мы тоже знаемъ, что въ одной духовной академіи подъ управленіемъ ученѣйшаго мужа почти всѣ больные пользовались пищею изъ столовой. Низкопоклонный медикъ лебединымъ голоскомъ и съ сладкою улыбкою доказывалъ воспитанникамъ, что горохъ, кислая капуста, гречневая каша и прочіе кушанья, однозначительныя съ измедченнымъ булыжникомъ, составляютъ отличное лекарство для больныхъ по своей питатель-

ности. Но съ другой стороны не можемъ не сказать, что въ одной семинаріи честный медикъ, не имѣя возможности пересилить ригоризмъ начальническій, приказывалъ на своей кухнѣ приготовлять пищу для нѣкоторыхъ больныхъ. И судите о снисхожденіи начальниковъ-ригористовъ, которые не запрещали медику тратить деньги свои на скоромный супъ для больныхъ! Слышали мы также, что въ больницѣ другой семинаріи лежалъ ученикъ, страдавшій водяною болѣзнію. Эту болѣзнь, какъ извѣстно, вылечиваютъ, заставляя больнаго ничего не ѣсть и не пить, кромѣ молока. Разумѣется, въ такомъ случаѣ нужно много молока. Какъ не позаботиться о казенномъ интересѣ? Но прямо отказать неприлично. Поэтому начальство семинаріи воспользовалось постомъ и не давало молока больному. Пусть де умираетъ, не оскоромясь, нежели живетъ, оскоромившись. Къ счастію благородный докторъ велѣлъ покупать молоко на свой счетъ; начальство семинарское не помѣшало этому; и больной выздоровѣлъ.

Не менѣе, если не болѣе, хорошей пищи для больнаго нуженъ свѣжій воздухъ, опрятная комната и чистое бѣлье. Въ одномъ изъ сороковыхъ годовъ гвардейскій солдатъ, въ которомъ мы принимали участіе, сдѣлался боленъ и помѣщенъ былъ въ госпиталь близъ Смольнаго монастыря. Мы рѣшились навѣстить его, и когда спросили почтеннаго воина, какъ онъ себя чувствуетъ, то онъ съ какимъ то воодушевленіемъ, чуть не съ восторгомъ сказалъ: „хорошо, хорошо. Да и какъ, Ваше В—іе, не быть хорошо? Посмотритека, вѣдь это царскія палаты; а постель, а

простыни и наволочки? да мнѣ никогда не удастся полежать на такихъ вещахъ. А какъ здѣсь легко дышать-то? Такъ, кажется, весь воздухъ и втянулъ бы въ себя; въ казармахъ у насъ и то хуже. Спасибо Батюшкѣ Государю, что онъ объ насъ такъ заботится." Почтенный воинъ говорилъ это со слезами. Не будемъ несправедливы, утверждая, что больницы во всѣхъ училищахъ устроены недостаточно, даже духовныя училища имѣютъ въ этомъ отношеніи прекрасные образцы. Не вѣрящіе нашимъ словамъ пусть пойдутъ въ отличное зданіе С. Петербургской Семинаріи и полюбуются тамошнею больницею; чистота воздуха, опрятность въ комнатахъ, бѣлизна бѣлья — все какъ нельзя лучше. Но этого наблюденія нельзя приложить еще ко многимъ духовнымъ заведеніямъ.

Вы, любезный читатель, конечно съ негодованіемъ на начальниковъ, сожалѣніемъ къ ученикамъ читали наше описаніе нечистоты, *свирѣпствующей* въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ. Но повѣрьте, что въ нѣкоторыхъ училищныхъ больницахъ неопрятность еще бываетъ хуже, нежели въ комнатахъ. Причины отъ которыхъ въ послѣднихъ портится воздухъ, грязнится полъ и расположается воинство насѣкомыхъ, остаются тѣже и въ больницахъ; только здѣсь встрѣчаются новыя обстоятельства, которыя тамъ неизвѣстны, именно: невозможность нѣкоторымъ больнымъ выходить изъ комнаты даже для обыкновенныхъ нуждъ, особая какъ бы атмосфера, окружающая сильно больныхъ, напр. горячкою, чахоткою, разнообразный запахъ лекарствъ и пр., всѣ эти, такъ сказать, экстраординарныя при-

чины вмѣстѣ съ ординарными производятъ то, что воздухъ дѣлается не просто дурнымъ но даже вреднымъ, пожалуй, заразительнымъ. За тѣмъ, каждый больной приходитъ въ своемъ бѣльѣ, не снимавшемся иногда двѣ и болѣе недѣли со всею своею пѣхотою; конница и особенно артиллерія сопровождаютъ его въ меньшемъ количествѣ, но наконецъ устроившись въ больничныхъ комнатахъ, какъ въ какомъ либо военномъ поселеніи, располагаются въ отвратительно-большомъ количествѣ. Послѣ этого не удивляйтесь, что, какъ намъ извѣстно, возвращающихся изъ больницы учениковъ нужно прямо вымыть и платье ихъ выжарить въ банѣ, если хотятъ, чтобы прибывшая съ ними пѣхота не поселилась въ квартирѣ. Далѣе, не удивляйтесь также и тому, что къ концу зимы въ иной больницѣ лихорадки, легкія простуды и пр. обращаются въ тифозныя горячки. У одного порядочнаго человѣка поступилъ мальчикъ-родственникъ въ больницу одной семинаріи „я пришелъ къ нему, разсказывалъ порядочный человѣкъ. Еще въ сѣняхъ меня поразилъ какой то особый запахъ, который въ передней сдѣлался ощутительнѣе, и потомъ, постоянно становясь хуже и хуже, въ комнатѣ трудно-больныхъ не знаю уже во что обратился; имъ не только трудно было, даже не хотѣлось дышать. Бѣлье было грязно на больныхъ, пѣхота открыто въ качествѣ разъѣздныхъ патрулей разгуливала по одѣяламъ; я болѣе четверти часа не могъ просидѣть; голова начала кружиться и дыханіе спираться. Послѣ обратился я къ доктору и когда онъ помогъ нѣсколько мальчику, то извѣстилъ меня, чтобы взяли его изъ больницы, *иначе*, велѣлъ

онъ сказать, *пожалуй, къ нему пристанетъ тифъ.*“ И это больница, и это лечебница, и этакъ помогаютъ страждущему человѣчеству!? Вы скажете, что такихъ больницъ мало. Еще бы хорошо, когда бы ихъ много было! Возмутительно, если бы одна такая больница находилась въ цѣлой Русской Имперіи! Безчеловѣчно было бы, если бы въ какой либо больницѣ даже третья или четвертая часть описанныхъ нами недостатковъ существовала. Но такихъ больницъ..... не одна; а къ нимъ изъ нихъ можно приложить чуть не все, сказанное нами здѣсь.

Всѣ описанныя нами явленія въ училищахъ извѣстны очень многимъ, и между тѣмъ обыкновенно говорятъ: „что жъ за бѣда? Конечно, нечисто, неопрятно, воздухъ удушливъ и пр. Да вѣдь воспитавшіеся такимъ образомъ не всѣ умираютъ; вѣдь сколько изъ нихъ цвѣтетъ здоровьемъ и живетъ до глубокой старости, до внуковъ и правнуковъ. Значитъ, нечистота, неопрятность не есть еще уголовное преступленіе; съ нею уживается же здоровье.“ Въ отвѣтъ на это мы всегда просили г.г. защитниковъ продѣлокъ училищныхъ начальниковъ посмотрѣть въ Петербургѣ квартиры, которыя близъ Сѣнной площади занимаются каменьщиками, цекотурами, плотниками, мостовщиками и пр., а въ Москвѣ сосѣдніе дома съ Толкучимъ рынкомъ, въ которыхъ помѣщаются промышленники всѣхъ сортовъ, наживающіеся такъ или иначе отъ этого почетнаго рынка. Знаете ли, что тутъ и тамъ вы найдете во многихъ комнатахъ ночью спящихъ людей въ нѣсколько слоевъ; одни лежатъ на полу, другіе на палатяхъ,

на лавкахъ, затѣмъ на нарахъ въ различномъ разстояніи отъ полу. Въ комнатѣ, гдѣ, по видимому, трудно помѣстить десять человѣкъ, располагаются на ночь тридцать, даже пятьдесять. О провѣтриваніи никто и недумаетъ, развѣ отворяютъ двери и окна, но и тутъ изъ коридоровъ или со двора втекаетъ воздухъ вовсе не благорастворенный. Спросите священниковъ ближайшихъ къ этимъ мѣстамъ церквей, напр. Спасосѣнновской; чего имъ стоитъ пробыть минутъ десять въ этихъ комнатахъ для предсмертнаго напутствія какого либо Ванюхи или Митюхи? Согласитесь ли вы пожить сколько нибудь времени въ этихъ гнѣздилищахъ или помѣстить туда своихъ дѣтей, родственниковъ или какихъ нибудь протеже? Я думаю, вы придете въ ужасъ и негодованіе отъ подобнаго предложенія. А между тѣмъ не забывайте, что многіе изъ жильцевъ этихъ гнѣздилищъ съ полнымъ лицемъ, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ живутъ и работаютъ, до 70 и 80 лѣтъ. Имъ помогаютъ разныя обстоятельства; они цѣлый день остаются на чистомъ воздухѣ, заняты необременительными работами, потомъ на зиму уходятъ въ свои дома и пр.; и такимъ образомъ уничтожаютъ вредное вліяніе ночей, проведенныхъ въ логовищахъ близъ Сѣнной площади или Ильинки. И ученикамъ помогаютъ тоже разныя обстоятельства; то они поживутъ у своихъ отцевъ и родственниковъ; то побѣгаютъ на открытомъ воздухѣ; то найдутъ пособіе въ своей молодости и пр.; и потому, не смотря на всѣ распоряженія начальниковъ, разстроивающія ихъ здоровье, живутъ и даже нерѣдко здравствуютъ.

Но оправдывать этимъ г.г. начальниковъ, право, не-слѣдуетъ. Спасосѣнковскіе и Ильинковскіе жильцы, большею частію добровольно рѣшаются на это житье, даже побуждаются къ тому нѣкоторыми выгодами; по крайней мѣрѣ правительство на помѣщеніе ихъ не отпускаетъ никакихъ суммъ; ни хозяева или содержатели этихъ квартиръ не получаютъ ни жалованья, ни чиновъ, ни орденовъ, ни другихъ знаковъ отличія. А объ начальникахъ училищъ этого, какъ вы знаете, сказать нельзя. Въ настоящее время городское начальство С. Петербурга и другихъ городовъ неумолимо преслѣдуетъ злоупотребленія, которыя позволяютъ себѣ дѣлать содержатели мастерскихъ относительно своихъ мастеровыхъ, штрафуетъ булочниковъ, портныхъ, сапожниковъ, даже содержательницъ модныхъ магазиновъ за то, что ихъ ученики или ученицы спятъ въ грязныхъ чуланахъ, рѣдко ходятъ въ баню, подвержены суровому обращенію и проч. Неужели общественное мнѣніе не вооружится противъ тѣхъ начальниковъ училищъ, которые содержатъ своихъ учениковъ въ отвратительной нечистотѣ и неопрятности? Вѣдь эти ученики предназначаются быть не сапожниками, не портными, но медиками, чиновниками, священниками и проч.; отцы ихъ принадлежатъ къ свободнымъ сословіямъ. Почему бы о такихъ начальникахъ не печатать какъ о хозяевахъ-сапожникахъ, булочникахъ? Чудно ты, повторимъ еще, общественное мнѣніе! Ты и на насъ, пожалуй, за эту статью закричишь: *въ Сибирь его — злодѣя. Какъ онъ смѣлъ неуважительно отзываться*

о почтеннѣйшихъ, препочтеннѣйшихъ и высокопочтеннѣйшихъ начальникахъ училищъ?

Болѣе, по видимому, имѣетъ вѣсу то возраженіе, что начальники училищъ лишены средствъ хорошо содержать своихъ воспитанниковъ. Въ самомъ дѣлѣ намъ вполнѣ извѣстно, что почти во всѣхъ низшихъ духовныхъ училищахъ вовсе не полагается никакой суммы на больницу, а въ семинаріяхъ съ училищемъ назначается напр. 200 рубл. на 700 - 800 человѣкъ; точно такіе есть изумительно малые оклады на содержаніе дома, на пищу и одежду учениковъ; съ этимъ мы вполнѣ согласны. Но за всѣмъ тѣмъ продолжаемъ обвинять начальниковъ училищъ за то, что они морятъ учениковъ и холодомъ и голодомъ, содержатъ ихъ въ отвратительной непріятности. Повѣрьте господа, есть возможность содержать учениковъ не дурно и при ассигнуемыхъ суммахъ, только употреблять ихъ надобно не на себя, а на учениковъ. Мы хотимъ обратиться съ нѣсколькими вопросами и замѣчаніями къ вамъ, г.г. начальники среднихъ, ... заведеній. *Вы*, какъ намъ вполнѣ извѣстно, *получаете не дурное жалованье*, такъ что съ доходами отъ м .....ря, при казенной квартирѣ и отопленіи, одними деньгами вамъ честнымъ образомъ достается до 1000, а иногда до 1500 и даже 2000 рублей. Неужели для васъ, особенно, когда вы не имѣете семейства, ни даже жены, недостаточно и 1000 рубл.? *Такъ зачѣмъ же* вы и сами пользуетесь и позволяете своему помощнику, и эконому, и секретарю пользоваться казенными припасами? Вы этимъ способомъ по крайней мѣрѣ заѣдаете уче-

ническихъ денегъ до 200 рубл. (мы очень умѣренно, какъ видите, считаемъ). И если въ вашемъ училищѣ находится семь классовъ, то не только достанетъ 200 рубл. на отопленіе ихъ, но и останется: и между тѣмъ вы не разоритесь, а ученики и учителя не станутъ мерзнуть отъ холода. — *Вы жалуетесь* на недостаточность штатныхъ суммъ? Но какимъ образомъ вы находите возможнымъ изъ этихъ же суммъ выдавать жалованье прислугѣ своей и ближайшихъ вашихъ помощниковъ; у васъ, г. начальникъ, ее бываетъ до 4 и 5 человѣкъ, у вашего инспектора два, у эконома и секретаря по одному; всего 8—9 человѣкъ; мы число это сократимъ до 5—6 человѣкъ. Всѣ они кромѣ жалованья кормятся казеннымъ столомъ. Какъ ни разсчитывайте; а на жалованье и на пищу каждаго изъ нихъ выйдетъ ежегодно до 50 рубл.; на 5—6 человѣкъ 250—300 рубл. А если вы еще содержите на казенный счетъ tacite modo, *въ тихомолку* парочку лошадокъ, на которыхъ изволите разъѣзжать, то на овесъ и сѣно для нихъ и другія разныя разности истрачивается еще 100—150 рубл.; вотъ вамъ всего 400 рубл. по крайней мѣрѣ. Что? Эти 400 рублей, употребленные на содержаніе воспитанниковъ, которыхъ число простирается до 140 человѣкъ, неужели не улучшили бы ихъ пищи? Вѣдь, въ примосковныхъ губерніяхъ содержаніе напр. семинариста одною пищею обходится въ годъ отцу начальнику не болѣе 13—14 рубл.; въ этой суммѣ 3 рубл. играли бы важную роль. — *Еще у васъ въ квартирѣ* стѣны обиты красивыми шпалерами, полъ отдѣланъ подъ паркетъ, мебель краснаго или орѣхо-

ваго дерева, тутъ найдете и кресла и стулья, и столъ и диваны, и кушетки — все есть. Позвольте узнать, на свой счетъ вы все это устроили? Мы слышали, что нѣтъ. Не говоримъ, что вамъ на свой счетъ надобно отдѣлывать казенную квартиру; но отдѣлайте её не такъ богато, омеблируйте на свой счетъ, о за тѣмъ оставшіяся казенныя деньжонки можно былобы употребить хоть на улучшеніе воздуха въ больницѣ. — *Вотъ къ вамъ* недавно пріѣзжалъ ревизоръ; прекрасно вы его приняли. И обѣдъ, и ужинъ, и вина, и чай — все было какъ нельзя лучше; ревизоръ остался очень доволенъ, обѣдавшіе съ нимъ тоже. Скажите, Бога ради, на свой счетъ вы его угощали? Употребленные на его пріемъ и проводы по слухамъ до 250 рубл., а можетъ быть и поболѣе, не взяли ль вы тоже изъ ученическихъ суммъ? За что тутъ страдаютъ ученики? Вы, въ слѣдствіе ревизіи получили благодарность, и можетъ быть орденъ, или высшую должность, а ученикамъ развѣ досталось по нѣсколько подзатыльниковъ. Такъ не вамъ ли самимъ нужно было тратить свои деньги на пріемъ ревизора, а 250 рубл. употребить на больничное бѣлье? *Еще вы каждый годъ* послѣ публичнаго экзамена зазываете къ себѣ почетныхъ посѣтителей и людей вліятельныхъ, угощаете ихъ закускою, обѣдомъ даже. Посѣтители и вліятельные люди очень довольны, благодарятъ васъ за угощеніе. Но опять скажите по совѣсти: на какія деньги вы устроиваете такія закуски? Эхъ, милостивые государи, отцы и благодѣтели, вѣдь посѣтители должны бы благодарить за угощеніе не васъ, а уче-

никовъ. Нѣтъ, господа начальники, суммы, назначенныя на разныя статьи экономіи не всегда, правда, богаты, но онѣ вовсе не такъ и недостаточны, какъ вы проповѣдуете. Нанимайте на свой счетъ прислугу, содержите и её и себя на свои деньги, велите тоже дѣлать своимъ ближайшимъ помощникамъ, пожалуй, держите своихъ лошадей въ училищныхъ конюшняхъ, но покупайте сѣно и овесъ на свой счетъ или на счетъ того м.....ря, которому онѣ принадлежатъ. Угощайте, пожалуй, и ревизоровъ, и почетныхъ посѣтителей, и вліятельныхъ людей, угощайте, какъ угодно, но не трогайте для этого суммъ, назначаемыхъ на содержаніе учениковъ. Тогда останется столько денегъ, что ученики не будутъ въ классахъ дрожать отъ холода и получать ревматизмы, изъ столовой не станутъ выходить съ пустымъ желудкомъ, или ѣсть тамъ тухлую говядину, прогорклую кашу и пр., въ комнатахъ не будутъ жить въ отвратительной нечистотѣ, а въ больницахъ-дышать зловредными міазмами. Да не стыдно ли вамъ? Вы сами называете оклады на учениковъ недостаточными. Зачѣмъ же часть ихъ тратите на собственныя нужды? *Не значитъ ли это у нищаго отнимать кусокъ хлѣба?*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О способахъ улучшить духовно-учебныя заведенія.

Основательно излагать и оцѣнивать мысли объ улучшеніи какихъ бы то ни было училищъ тогда только можно, когда ясно высказана цѣль, которую нужно имѣть при воспитаніи учениковъ, въ нихъ обучающихся; при такомъ условіи у насъ будетъ *критеріумъ* для того, чтобы обсудить предполагаемыя улучшенія. На этомъ основаніи мы здѣсь прежде всего находимъ нужнымъ сказать о томъ, чѣмъ должны быть духовно-учебныя заведенія, кто и чему въ нихъ долженъ обучаться; тогда легко увидимъ, на что слѣдуетъ обратить главное вниманіе при улучшеніи ихъ. Затѣмъ уже сдѣлаемъ замѣчанія касательно нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Но желая сократить свою статью, и безъ того уже слишкомъ обширную, станемъ преимущественно заниматься ученою частію. Что же касается до нрав-

ственной, экономической и гигіенической частей, то совершенно не отказываясь говорить объ нихъ, мы предоставляемъ другимъ судить въ какой степени можно приложить къ духовнымъ училищамъ все, сказанное во второй и третьей частяхъ*) нашей статьи. Кромѣ того считаемъ нужнымъ сказать, что въ этой части мы нашли для себя полезнымъ руководствоваться помѣщенною въ февральской книжкѣ 1861 года Православнаго Обозрѣнія статьею Бѣлавина: *по вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ.* Просимъ г.г. читателей приложить и къ ней сдѣланное нами примѣчаніе относительно преподаванія логики и реторики въ духовныхъ семинаріяхъ. А предъ редакціею Православнаго Обозрѣнія и г. Бѣлавинымъ извиняемся въ томъ, что мы воспользовались многими ихъ мыслями. Прочитавши впрочемъ всю нашу статью, они увидятъ сами, что въ ней многое намъ самимъ принадлежитъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О томъ, нужно ли воспитанниковъ духовноучебныхъ заведеній обучать свѣтскимъ наукамъ, или слѣдуетъ ограничить образованіе ихъ одними богословскими?

Число наукъ въ настоящее время до такой степени размножилось, что изученіе ихъ для одного

*) Выше было кратко замѣчено, что изъ этихъ частей, исключая двухъ открывковъ, мы по разнымъ причинамъ, не нашли возможнымъ помѣстить здѣсь свои замѣчанія.

человѣка, если не совершенно невозможно, то необыкновенно трудно; ни геніальныя способности, ни самая продолжительная жизнь, ни самое неутомимое прилежаніе, — ничто, кажется, нынѣ не поможетъ заслужить, какъ говаривали въ средніе вѣка, названія doctor universalis. По этой причинѣ ни въ одномъ училищѣ, ни въ одномъ факультетѣ университета не преподаются всѣ науки, а только большее, или меньшее количество ихъ. Но издавна науки раздѣляются на два разряда; одинъ изъ нихъ можно назвать *общечеловѣческими*, т. е. необходимыми для всякаго образованнаго человѣка, такъ что *не знать ихъ ему стыдно*. Онѣ входятъ въ программы тѣхъ учебныхъ заведеній, которыхъ воспитанники не предназначаются исключительно къ какому нибудь извѣстному званію или сословію, а должны принадлежать ко всѣмъ слоямъ общества; таковы напр. гимназіи. Другія же науки называются *спеціальными* и преподаются въ тѣхъ учебныхъ заведеніямъ, которыхъ воспитанники приготовляются къ какому нибудь извѣстному роду службы, или занятій; сюда относятся науки юридическія, медицинскія и проч. Самыя училища, въ которыхъ занимаются исключительно этими науками, называютъ обыкновенно *спеціальными*.

Касательно спеціальныхъ училищъ существуютъ два мнѣнія. Одни полагаютъ, что въ нихъ должно изучать только тѣ науки, въ которыхъ воспитанники встрѣтятъ нужду при исполненіи будущихъ обязанностей своего званія; такъ напр. въ военныхъ заведеніяхъ ничего не нужно преподавать, кромѣ наукъ, относящихся къ военному ремеслу. Напротивъ

другіе думаютъ, что всякому спеціалисту нельзя обойтись безъ тѣхъ наукъ, которыя мы назвали общечеловѣческими и что даже нѣтъ возможности быть хорошимъ спеціалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, не сдѣлавшись образованнымъ человѣкомъ. Отсюда естественно вытекаютъ два вопроса по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ: 1) должно ли ихъ считать спеціальными училищами и 2) если должно, то надобно ли заботиться о томъ, чтобы воспитанники, въ нихъ обучающіеся, были не только хорошими спеціалистами по своей части, но вмѣстѣ и образованными людьми въ благородномъ значеніи этихъ словъ?

Издавна уже принято считать духовно-учебныя заведенія спеціальными. По этому мнѣнію, въ нихъ должны приготовляться исключительно тѣ лица, которыя со временемъ займутъ различныя мѣста въ нашей православной іерархіи, т. е. будутъ причетниками, дьяконами, священниками, начальниками училищъ духовныхъ, епархій и проч. Такъ какъ всѣ эти званія различаются между собою своими обязанностями; то естественно раждается вопросъ: кого надобно имѣть въ виду при воспитаніи учениковъ въ духовныхъ училищахъ? Вѣдь, разумѣется, нельзя же устроить отдѣльныя школы для воспитанія причетниковъ, дьяконовъ, священниковъ, архимандритовъ, ректоровъ и проч. Причетникъ такъ мало имѣетъ вліянія на церковь, что имъ можетъ быть, какъ это на самомъ дѣлѣ бываетъ, всякій почти ученикъ духовныхъ училищъ, который, оказавшись неспособнымъ къ продолженію наукъ, выходитъ изъ училища

при хорошемъ поведеніи. Дьяконы считаются помощниками священниковъ и нерѣдко поступаютъ на ихъ мѣста; по этому должны воспитываться одинаково съ священниками. Наконецъ епископы, архимадриты и проч. первоначально обязаны быть іереями или іереями-монахами (іеромонахами); слѣдовательно для нихъ нужно воспитаніе священническое. Такимъ образомъ спеціальное назначеніе духовныхъ училищъ должно состоять въ приготовленіи достойныхъ лицъ для священническаго сана. Эта мысль выражена и въ уставѣ духовныхъ училищъ.

Разрѣшивши первый, предложенный нами вопросъ, обратимся ко второму, который теперь уже можно изложить въ слѣдующей формѣ: слѣдуетъ ли дѣтей, предназначенныхъ для занятія священническихъ мѣстъ, воспитывать такъ, чтобы они знали однѣ богословскія науки, или надобно допустить, что священникъ долженъ быть не только хорошимъ богословомъ, но вмѣстѣ и образованнымъ человѣкомъ? Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, можетъ назваться существеннымъ при разсмотрѣніи мѣръ къ улучшенію духовныхъ училищъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять, что для священника, кромѣ богословскихъ наукъ, ничего болѣе не нужно; то духовнымъ училищамъ предстоитъ радикальная перемѣна; изъ программы ихъ должно исключить все, что относится къ такъ называемымъ свѣтскимъ, или человѣческимъ, наукамъ. А если священнику нужны всѣ науки, которыхъ стыдно незнать образованному человѣку; то надобно принять мѣры, чтобы ихъ дѣйствительно знали воспитанники духовныхъ училищъ. Вотъ по-

чему мы рѣшились разсмотрѣть предложенный вопросъ съ надлежащею подробностію; извините, если она покажется слишкомъ мелочною и утомительною; намъ хочется ясно изложить свои мысли касательно столь спорнаго предмета.

Между духовными и даже свѣтскими лицами есть много людей, которые на словахъ и на дѣлѣ готовы ограничить ученую часть духовно-учебныхъ заведеній только одними богословскими предметами. „Къ чему, говорятъ они, вносится въ программу этихъ училищъ такое множество свѣтскихъ наукъ? Вѣдь главная обязанность священниковъ состоитъ только въ томъ, чтобы они совершали таинства и обряды православной церкви, учили прихожанъ молится Богу и искреннюю свою набожностію, добродѣтельною жизнію, простымъ характеромъ, послушаніемъ властямъ и проч. располагали и поощряли народъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ и гражданскихъ постановленій. Зачѣмъ же теперь готовящемуся въ священники, особенно въ дьяконы и причетники толковать въ классѣ о Ромулѣ и Ремѣ, о консулахъ и трибунахъ Вѣчнаго Города, о Кимврахъ и Тевтонахъ, о Мидійскомъ, Ассирійскомъ и Вавилонскомъ царствахъ; о Гуннахъ и Готѳахъ, о Шарлеманѣ, Вильгельмѣ Завоевателѣ, Густавѣ Адольфѣ, Фридрихѣ Великомъ и проч.? Прихожанину все это не нужно. Для чего семинаристамъ сообщаются свѣдѣнія объ электричествѣ, магнетизмѣ, свѣтѣ, теплотворѣ, даже о тяготѣніи, особенно же о коренныхъ и степенныхъ количествахъ, ньютоновой биномѣ, логариѳмахъ, параллелограммахъ, параллелопипедахъ,

пирамидахъ, конусахъ и проч.?“ Этого мало; многіе заходятъ еще далѣе, считая свѣтскія науки не только безполезными, но и вредными какъ для духовенства, такъ и для прочихъ сословій. По ихъ мнѣнію, медицина располагаетъ къ матеріализму, физика любитъ объяснять все естественными силами, а математика побуждаетъ на всё требованіе доказательства, тогда какъ все нужно принимать на вѣру и приписывать Промыслу Божію; сельское хозяйство развиваетъ корыстолюбіе и барышничество, естественная исторія, особенно зоологія въ разрядъ животныхъ осмѣливается вносить и человѣка; всеобщая исторія подводитъ подъ одинъ уровень всѣ народы и очень мало обращаетъ вниманія на избранный народъ Божій; „и потому, прибавляютъ защитники исключительно-богословскаго направленія въ духовныхъ училищахъ: не лучше ли въ нихъ ничего не преподавать, кромѣ богословскихъ наукъ? Не лучше ли вмѣсто всѣхъ исторій, физику, математику, ознакомить воспитанниковъ съ тѣмъ, что имъ существенно необходимо при исполненіи обязанностей будущаго званія? Пусть прежде всего мальчикъ учится славянской грамотѣ, пусть учитъ и повторяетъ краткіе и пространные катихизисы, краткую и пространную священную исторію, повторяетъ почаще и заучиваетъ молитвы, стихиры, тропари и проч. Пусть въ болѣе зрѣломъ возрастѣ преподадутся ему всѣ части православнаго богословія, церковная исторія, церковное краснорѣчіе, литургика, священная археологія. Пусть духовные воспитанники читаютъ только Св. Писаніе, объясненія на него, творенія

отцовъ церкви всѣхъ вѣковъ, нашихъ отечественныхъ духовныхъ и нравственныхъ писателей, четьи минеи и проч. Пусть чистой ихъ души не касается ни одна свѣтская мысль, не попадаетъ въ ихъ руки ни одна свѣтская книга. Пусть такимъ образомъ они совершенно будутъ чужды всего, что называется свѣтскимъ образованіемъ и входитъ въ составъ человѣческихъ наукъ! Развѣ немного ариѳметики для веденія церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, развѣ немного реторики для пріученія ума выражать свои мысли въ стеченныхъ періодахъ, правильныхъ хріяхъ, патетическихъ тропахъ и фигурахъ и строгихъ силлогизмахъ“ Вѣдь такихъ и подобныхъ имъ мнѣній ни пересчитать, ни тѣмъ болѣе опровергнуть недостанетъ времени. Лучше, кажется, поосновательнѣе разсмотрѣть отношеніе православнаго богословія къ свѣтскимъ наукамъ, и вникнуть въ существо обязанностей священниковъ; не найдемъ ли въ этомъ случаѣ настоятельныхъ причинъ, которыя требуютъ, чтобы они были знакомы не съ одними богословскими науками?

Между всѣми науками есть своего рода неотразимая солидарность, такъ что, занимаясь одною какою либо наукою, мы не будемъ не только образованными людьми, но даже знатоками ея; это происходитъ отъ того, что для образованности, для основательнаго знанія какой либо науки нужно участіе всѣхъ способностей человѣка. А между тѣмъ каждая наука, обогащая насъ познаніями и способствуя вообще нашему просвѣщенію, большею частію развиваетъ преимущественно предъ другими ту или другую, такъ сказать, сторону нашей души. Напр. за-

нятіе математическими науками пріучаетъ къ логическому и основательному изложенію мыслей; естественныя и физическія науки показываютъ, какъ, пользуясь наведеніемъ и аналогіею, по отдѣльнымъ, какъ будто разбросаннымъ явленіямъ доходить до общихъ законовъ, разрѣшать даже и міровыя задачи; изящная литература развиваетъ эстетическое чувство; богословіе удовлетворяетъ нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ духа. Послѣ этого понятно, отчего люди, занимающіеся одною какою либо наукою, имѣютъ односторонній взглядъ на предметы, бываютъ не рѣдко жалкими, или смѣшными педантами, что, говоря математически, образованность и умъ человѣка пропорціональны количеству наукъ, которыя онъ изучилъ. По этимъ причинамъ, хотя богословіе заключаетъ въ себѣ истины Божественныя, возвѣщенныя небесными посланниками; но за всѣмъ тѣмъ оно, какъ наука, подлежитъ одинаковымъ условіямъ съ прочими науками; образованіе богослововъ и священниковъ развивается по тѣмъ же психологическимъ законамъ, отъ которыхъ зависитъ образованіе прочихъ людей, а если образованіе священниковъ ограничить однѣми богословскими науками, то послѣдствія будутъ невыгодны для нихъ самихъ; и они получатъ образованіе односторонее, а слѣдовательно недостаточное для исполненія даже принятыхъ ими на себя обязанностей.

Чтобы прояснить эту нашу мысль, мы попросимъ г. читателя припомнить сказанное нами въ 3мъ отдѣленіи 9й главы 1й части о томъ, какъ люди вообще пріобрѣтаютъ и развиваютъ свои познанія. Такъ замѣчено, что въ этомъ случаѣ мы преимуще-

ственно слѣдуемъ тремъ методамъ — первый методъ пользуется наведеніемъ и аналогіею и употребляется особенно въ физическихъ и естественныхъ наукахъ, — другой, математическій методъ, принятый во всѣхъ наукахъ математическихъ, наконецъ третій — *положительный*, или *догматическій* методъ, принявши извѣстныя какія либо мнѣнія за неопровержимыя истины, съ ними только и сравниваетъ всѣ новые факты, явленія, предположенія, теоріи и проч. признаетъ истинными только то, что не противорѣчитъ принятой системѣ, или отвергаетъ что почему либо не согласно съ нею. Этому методу слѣдуютъ богословы. Не споримъ, что, пользуясь каждымъ изъ этихъ методовъ, можно быть умнымъ человѣкомъ и судить здраво о предметахъ, но съ другой стороны нельзя отвергать того, что первые два методы несравненно лучше нежели послѣдній пріучаютъ къ самостоятельности въ мысляхъ, къ сужденіямъ независимымъ отъ какихъ либо авторитетовъ или предвзятыхъ мнѣній, лучше развиваютъ наше мышленіе, ничѣмъ его не стѣсняя. Держась положительнаго или догматическаго метода, мы пріобрѣтаемъ навыкъ укладывать свои мысли въ опредѣленныя рамки, облекать ихъ въ извѣстныя формы или, выражаясь иносказательно, — одно позжать, другое порасширить, то укоротить, а это порастянуть, можемъ сдѣлаться ловкими діалектиками, тонкими схоластиками, даже иногда софистами и резонерами, но вовсе не самостоятельными мыслителями. Конечно если бы всѣ занятія богослововъ состояли только въ подборѣ разныхъ изреченій на данную тему, въ приведеніи ихъ

въ логическій какой либо порядокъ, въ умѣньѣ новыя факты и явленія подводить подъ принятыя истины, то они не чувствовали бы нужды въ другихъ методахъ. Но и богослову нерѣдко нужно думать самостоятельно, не по данной мѣркѣ, не по принятымъ формамъ. Это особенно встрѣчается не только въ полемическихъ сочиненіяхъ и разговорахъ, но и при обсуживаніи новыхъ открытій по наукамъ. Въ такихъ-то случаяхъ богословы, державшіеся исключительно одного догматическаго метода, бываютъ уже не въ состояніи бороться съ своими противниками и защищать свои убѣжденія; поэтому прибѣгаютъ къ тѣмъ теоріямъ и объясненіямъ, образчики которыхъ мы представили въ 3 отд. 9 главы 1й части; — теряютъ способность или охоту понимать очевидныя явленія, которыя противорѣчатъ ихъ убѣжденіямъ; кажутся странными какими-то существами для всѣхъ прочихъ мыслящихъ людей, а иногда и сами отказываются отъ прежнихъ своихъ вѣрованій. Въ подтвержденіе своихъ мыслей мы хочемъ указать на нашихъ раскольниковъ. Ихъ *наболыніе* и старшины въ своемъ родѣ ученые богословы, они не только прочитали всѣ книги, на которыхъ думаютъ основывать свои вѣрованія, но большею частію знаютъ ихъ на память и въ своихъ спорахъ и разговорахъ обнаруживаютъ удивительную начитанность, оборотливость и діалектическую тонкость. Но можно ли этихъ доморощеныхъ богослововъ назвать умными, учеными, образованными людьми, знатоками даже ихъ сектаторскаго богословія? Не зная никакихъ другихъ наукъ, считая ихъ даже навожденіемъ дья-

вола, ограничивая кругъ своихъ умственныхъ занятій только книгами, большею частію мистическаго содержанія, написанными славянскимъ, не очень понятнымъ языкомъ, они составили свой собственный міръ идей и сдѣлались неспособными ничего не понимать, что не принадлежитъ къ этому міру; ни ясность изложенія, ни основательность мыслей, ни увлекательное краснорѣчіе, ничто ихъ не разувѣритъ въ заблужденіяхъ, не поколеблетъ составленныхъ ими для себя вѣрованій. Убѣждать ихъ едва ли не напрасный трудъ; сначала слѣдовало бы научить мыслить, — какъ размышляютъ въ другихъ наукахъ. *Неужели хорошо кому бы то ни было доводить себя до такого состоянія?*

Взаимная солидарность наукъ не ограничивается только вліяніемъ ихъ на развитіе нашихъ душевныхъ способностей; она еще яснѣе обнаруживается въ той тѣсной связи, которою соединены между собою всѣ отрасли нашего вѣдѣнія, такъ что нѣтъ ни одной изъ нихъ, которой бы предметы для своего поясненія и доказательства не нуждались въ другихъ отрасляхъ. Эта истина для занимающихся такъ называемыми свѣтскими, человѣческими науками до такой степени очевидна, что въ ней едва ли кто сомнѣвается. Другое дѣло богословы нашего отечества. Между ими, какъ мы сказали выше, есть еще очень немалое количество людей, по мнѣнію которыхъ православное богословіе не нуждается ни въ какихъ человѣческихъ наукахъ. Полагая, что только имъ однимъ предоставлена честь заниматься божественными, возвышенными предметами, отъ которыхъ за-

виситъ счастіе въ этой и блаженство въ будущей жизни, эти люди считаютъ для себя, если не грѣхомъ и срамомъ, то дѣломъ унизительнымъ и въ высшей степени безполезнымъ пуститься въ сферу свѣтскихъ наукъ и здѣсь не искать уже, а даже предполагать что либо полезное для своей науки. Такая гордость и высокомѣріе слишкомъ неосновательны, показываютъ близорукую недогадливость и тупоумное ослѣпленіе. Въ подтвержденіе своего мнѣнія мы обращаемся къ вамъ же, г.г. богословы. Вѣдь вы принимаете на себя обязанность сообщить намъ основательныя свѣдѣнія о Богѣ, о Его свойствахъ, о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми Промыслъ обнаруживаетъ свое вліяніе на человѣка, объ обязанностяхъ, которыя на насъ лежатъ по отношенію къ Богу и т. п. Говоря о всѣхъ такихъ предметахъ, вы свои сужденія основываете преимущественно на Св. Писаніи, исторіи еврейскаго народа и христіанства. Исключительная ваша привязанность къ богословію и презрѣніе къ прочимъ наукамъ были бы если не справедливы; то по крайней мѣрѣ извинительны, когда бы для пріобрѣтенія богословскихъ познаній не было никакихъ другихъ источниковъ кромѣ тѣхъ, которые вы принимаете за достовѣрные. Но позвольте вамъ доложить, что свѣтскія, человѣческія науки занимаются объясненіемъ явленій, происходящихъ въ матеріальномъ мірѣ и событій, изъ которыхъ составляется исторія человѣчества. А потомъ позвольте спросить, какъ надобно смотрѣть на матеріальный міръ вообще и на человѣческій родъ въ частности? Если допустить, что во вселенной существуютъ два противо-

положныхъ между собою начала, — начало добра и начало зла — нѣчто въ родѣ Ормузда и Аримана; если Аримана признать творцемъ и промыслителемъ міра и человѣчества, а на Ормузда возложить только обязанность освобождать избранныхъ людей отъ власти Аримана; то, пожалуй, при такихъ условіяхъ вамъ, погруженнымъ въ созерцаніе однихъ дѣяній Ормузда не зачѣмъ уже было бы заниматься продѣлками Аримана. Но вѣдь и вы, г.г. богословы вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, на которомъ основываете свои мнѣнія, утверждаете, что все, безъ исключенія, начиная отъ огромнѣйшихъ небесныхъ тѣлъ до незамѣтной пылинки, сотворено и поддерживается тѣмъ же самымъ Верховнымъ существомъ, котораго свойства и дѣйствія объясняются въ богословіяхъ, что во всѣхъ явленіяхъ матеріальнаго міра и въ фактахъ исторіи человѣчества ясно усматриваются Божественныя премудрость, благость, всемогущество и пр. и что слѣдовательно если не всѣ, то очень значительное количество предметовъ, входящихъ въ составъ богословія, по вашему же мнѣнію, на основаніи вашихъ же принциповъ объясняются явленіями, происходящими въ матеріальномъ мірѣ и въ человѣческомъ родѣ. И потому не странно ли видѣть, что вы же сами, г.г. богословы, считаете не нужными для себя всѣ свѣтскія науки, въ которыхъ излагаются явленія матеріальнаго міра и человѣческаго рода? Что сказали бы вы о какомъ либо ученомъ, который, рѣшившись изложить свой взглядъ на вселенную, на ея отношеніе къ Творцу, на развитіе человѣчества и пр. между тѣмъ рѣшительно не захотѣлъ бы заняться исторіею

еврейскаго народа и христіянства? Не назвалиль бы вы его невѣрующимъ, даже безбожникомъ? Не сказали бы вы: „да какъ же можетъ онъ основательно разсуждать о мірѣ, о Творцѣ его, о судьбахъ человѣческаго рода, когда не знаетъ исторіи тѣхъ именно обществъ, въ которыхъ преимущественно обнаруживается Божественное Промышленіе, когда онъ не имѣетъ понятія о той системѣ мірозданія и богопознанія, которую надобно ставить выше прочихъ системъ?“ Не споримъ; — ваше замѣчаніе было бы справедливо. Но съ другой стороны и ученый, услышавши вашъ отзывъ о его трудѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнавши презрѣніе, питаемое вами ко всѣмъ наукамъ, кромѣ богословскихъ, не имѣлъ ли право еще съ большею, нежели вы, справедливостію сказать: „какъ же и богословы хотятъ убѣдить всѣхъ, что они сообщаютъ самыя основательныя, самыя полныя и подробныя свѣдѣнія о Божествѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, когда не хотятъ ничѣмъ заниматься кромѣ еврейскаго народа и христіанской церкви, когда утверждаютъ всѣ свои положенія только на одной Библіи и тѣхъ сочиненіяхъ, которыя такъ или иначе ее проясняютъ и изъ нее заимствуютъ свои начала и даже подробности, когда безъ вниманія оставляютъ безпредѣльное по своей огромности количество фактовъ и явленій, въ которыхъ обнаруживается дѣятельность Божества?“ Кромѣ того ученый могъ бы еще прибавить: „меня еще можно извинить; я не держусь того взгляда на еврейскій народъ и христіанскую церковь, которую усвоили себѣ богословы. Но они самиже говорятъ, что міръ

есть твореніе Божіе, что въ немъ проявляются премудрость, благость, величіе и всемогущество Бога, а между тѣмъ не хотятъ ни сами заниматься явленіями, въ немъ происходящими, ни ознакомиться съ спеціальными науками, говорящими о нихъ. Еврейскій народъ и даже христіанство составляютъ не слишкомъ огромную часть даже человѣческаго рода; факты къ нимъ относящіеся, конечно, очень замѣчательны, но они равняются, можетъ быть только сотой части фактовъ, касающихся всего человѣчества. Что же такое они будутъ, если ихъ сравнивать по числу съ явленіями, происходящими на всемъ земномъ шарѣ, въ цѣлой солнечной системѣ, во всѣхъ безчисленныхъ небесныхъ тѣлахъ? Мнѣ еще, прибавитъ ученый, можно простить, когда я, занявшись безпредѣльною природою, безконечнымъ множествомъ фактовъ и явленій, замѣчаемыхъ въ безчисленныхъ тѣлахъ, упустилъ изъ вида еврейскій народъ и христіанство. Но хорошо ли поступаете и вы, г.г. богословы, занимаясь только этими двумя предметами, и пренебрегая всею вселенною? На чьей сторонѣ большинство? На моей, или на вашей?“ — И мы съ своей стороны не только согласимся съ этими упреками ученаго, но и готовы еще прибавить: „Г.г. богословы, презирающіе всѣ свѣтскія науки! вѣдь міръ — есть Твореніе Божіе, а не произведеніе Аримана; вѣдь въ явленіяхъ его, въ законахъ, управляющихъ ими, обнаруживаются тѣже высочайшія свойства Божество, о которыхъ вы говорите; — вѣдь изучать матеріальный міръ и судьбы всего вообще рода человѣческаго тоже значитъ, что изучать дѣйствія Промысла. Ска-

жите ради Бога, именемъ котораго прикрываете своего научное направленіе, почему вы считаете прочія науки чуть не дѣломъ князя тьмы, всѣхъ ученыхъ кромѣ васъ, чуть не клевретами его?“ Какъ хотите, а въ вашихъ словахъ и поступкахъ нѣтъ послѣдовательности. *Или допустите что міръ есть произведеніе Аримана; и тогда уже не занимайтесь имъ; или если признаете его твореніемъ Божіимъ; то или познайтесь сами, или познакомтесь съ прочими науками.*

Можетъ быть многіе изъ васъ скажутъ; „мы міръ признаемъ твореніемъ Божіимъ, согласны, что при помощи другихъ наукъ можно также найти много доказательствъ въ пользу истинъ, нами защищаемыхъ. Но всѣ эти доказательства ничтожны и мелки въ сравненіи съ тѣми, которыя заимствуются изъ откровенія. Смѣшно же строить домъ изъ хвороста, когда есть въ распоряженіи прекрасныя деревья и камни, защищаться отъ враговъ соломенкою, когда есть въ рукахъ хорошая сабля, или револьверъ.“ Напрасно такъ будете говорить. Доказательства, которыя можете заимствовать изъ другихъ наукъ, кромѣ богословія, вовсе не такъ маловажны, какъ вы ихъ предетавляете. *Вы удивляетесь всемогуществу Іеговы*, который раздвинулъ воды Чермнаго моря, чтобы провести Евреевъ по дну его, питалъ ихъ сорокъ лѣтъ въ безводныхъ пустыняхъ Аравіи, источалъ воду изъ каменныхъ массъ, разрушилъ стѣны Іерихона, помогъ побѣдить Хананеянъ, остановилъ солнце и пр. и пр. Но не ужели вы не замѣтите того же Всемогущества въ тѣхъ дѣя-

телях природы, которыя выдвинули на семиверстную высоту хотъ напр. цѣлый Андскій хребетъ отъ мыса Горна до Панамскаго перешейка? Если вы этотъ, и ему подобные факты признаете не удовлетворительными, то обратите вниманіе на всю землю, на солнечную систему, на всѣ небесныя тѣла, взлянните на нихъ, какъ прилично богослову-астроному. Неужели поддерживать въ небесныхъ пространствахъ земной шаръ, котораго вѣсъ простирается до $^1/_3$ квинтиліона (315175 квадриліоновъ) пудовъ, сообщить ему движеніе менѣе требуетъ всемогущества, нежели хоть напр. разрушить стѣны Іерихона? А когда узнаете, что солнце по массѣ своей превосходитъ землю въ 355000 разъ, что оно само держится, движется и вмѣстѣ съ собою увлекаетъ всѣ планеты и неизчисленное еще множество кометъ; то неужели Существо, которое всю солнечную систему поддерживаетъ и сообщаетъ ей движеніе, покажется вамъ менѣе всемогущимъ, нежели когда оно раздвинетъ воды Іордана, или Чермнаго моря? Ну, а если еще узнаете, что̀ въ небесныхъ пространствахъ находится неподвижныхъ звѣздъ болѣе, нежели сколько получится песчинокъ, когда вы изотрете въ мелкій порошокъ египетскія пирамиды, что каждая изъ неподвижныхъ звѣздъ въ милліоны разъ болѣе земли, и что все это держится Верховнымъ Существомъ; — неужели вы въ этихъ фактахъ увидите менѣе всемогущества, нежели даже въ томъ, чтобы остановить солнце? Подумайте! *Вы удивляетесь премудрости и благости Творца*, который сохраняетъ чистоту вашей нравственной и религіозной жизни, успоко-

васть ваши страсти, защищаетъ васъ отъ искушеній діавола, отъ соблазновъ міра, отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, поддерживаетъ вашу вѣру, словомъ ведетъ васъ тайными неисповѣдимыми путями въ царство благодати, къ вѣчному спасенію. Удивляйтесь; мы вамъ не препятствуемъ. Не неужели вы неудивитесь тойже благости и томуже всемогуществу, разсмотрѣвши устройство организма человѣческаго? Неужели не удивитесь, узнавши, что въ этомъ организмѣ находится множество артерій и венъ, которыя до такой степени утончаются, что ихъ нѣтъ возможности замѣтить глазами и между тѣмъ по всѣмъ нимъ происходитъ правильное кровообращеніе, и чрезъ это поддерживается питаніе всего тѣла; что въ томъ же тѣлѣ изъ головнаго и изъ спиннаго мозга выходитъ новое множество нитей, называемыхъ нервами, посредствомъ которыхъ до нашего мыслящаго начала доходятъ всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра и передаются приказы во всѣ части тѣла; что кромѣ того въ немъ распространено множество такъ называемыхъ лимфатическихъ сосудовъ, что наши легкія состоятъ изъ милліоновъ ячеекъ и въ каждой изъ нихъ есть вѣтки артерій и венъ; — неужели, повторимъ, вы не станете удивляться премудрости того существа, которое всѣмъ этимъ милліонамъ артерій, венъ, нервовъ, лимфатическихъ сосудовъ, ячеекъ легочныхъ и проч. дало такое устройство, что смотря на постоянное измѣненіе всѣхъ частей нашего тѣла, они дѣйствуютъ согласно между собою цѣлые десятки лѣтъ? Неужели тутъ менѣе премудрости, нежели въ частныхъ слу-

чаяхъ вашей религіозной и нравственной жизни? Неужели, кстати, тоже не подивитесь не одной уже премудрости, а вмѣстѣ и благости Творца, который такъ устроилъ наши нервы, что при посредствѣ ихъ мы способны ознакомливаться со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, узнавать истинное, восхищаться прекраснымъ въ природѣ, быть способными къ различнаго рода благороднымъ наслажденіямъ? *Вы удивляетесь премудрости и всемогуществу распоряженій Божественныхъ*, которыя постоянно подготовляли появленіе Спасителя и располагали людей къ принятію Его небеснаго ученія, — распоряженій истинно — изумительныхъ нельзя не благоговѣть предъ Распорядителемъ. Но неужели вы замѣтите мало премудрости, когда, разсмотрѣвши всѣ геологическія эпохи, убѣдитесь, съ какою изумительною постепенностію издавна издали все подготовлялось къ нынѣшней эпохѣ, къ обусловленію нынѣшней жизни животныхъ и особенно человѣка; какой неистощимый на цѣлые милліоны лѣтъ запасъ средствъ къ поддержанію его жизни находится на поверхности и внутри земнаго шара? Неужели тоже не увидите премудрости, когда разсмотрите отдѣльно и въ связи метеорологическія явленія, т. е. вѣтры, дожди, измѣненія температуры и проч. узнаете, что не смотря на видимую ихъ безпорядочность, на безчисленное множество причинъ, отъ которыхъ они зависятъ, они всѣ подчинены неизмѣняемымъ законамъ; что напр. воздухъ, поднявшись вверхъ въ тропическихъ странахъ и запасшись тамъ водяными парами и теплотвором, стекаетъ оттуда съ умѣренные климаты, постоянно

тратить свои запасы, нагрѣвать и орошать такимъ образомъ всю поверхность земли, что потомъ, растративши тепло и водяные пары, опять возвращается къ экватору, чтобы смягчить зной, здѣсь господствующій, опять подняться вверхъ, являться въ видѣ то пасатныхъ, то періодическихъ и перемѣнныхъ вѣтровъ, быть причиною то постоянныхъ, то періодическихъ и проч. дождей, оставлять запасы воды въ видѣ ледниковъ на горахъ, способствовать къ происхожденію и поддержанію рѣкъ на поверхности и внутри земли, имѣть посредственное или непосредственное вліяніе на морскія теченія, ... на температуру чуть ли не всей земли? Неужели, повторимъ, во всемъ этомъ вы не увидите Премудрости Распорядителя? — *Посмотрите!!* Намъ не хочется заставлять Васъ еще перенестись въ звѣздныя пространства, разсмотрѣть законы, управляющіе ихъ движеніемъ. А если вы сами не полѣнитесь, то разсмотрите ихъ, разсмотрите все въ религіозной точки зрѣнія; да вы тутъ столько найдете доказательствъ премудрости и величія Творца, что сами удивитесь своей находкѣ.

Впрочемъ богословы не только могутъ находить въ предметахъ, разсматриваемыхъ свѣтскими науками новыя доказательства для своихъ истинъ, но часто не въ состояніи бываютъ сами понять, или по крайней мѣрѣ другимъ убѣдительно доказать эти истины, не прибѣгая къ презираемымъ ими свѣтскимъ наукамъ. *Священнику и богослову надобно* имѣть основательное убѣжденіе въ томъ, что народъ еврейскій былъ дѣйствительно избраннымъ народомъ Бо-

жішмъ, что церковь христіанская во всѣ времена состояла подъ особымъ покровительствомъ Промысла. Но для этого убѣжденія не нужно ли тоже основательно знать, что прочіе народы, что прочіе вѣроисповѣданія не имѣютъ столь ясныхъ слѣдовъ покровительства Божественнаго, какъ народъ Израильскій и христіанство? А какъ это можно узнать, не занимавшись исторіею? Не знающаго ея не собьетъ ли съ толка первый, кто въ шутку, или намѣренно станетъ доказывать примѣрами, что въ исторіи прочихъ народовъ можно также найти множество ясныхъ доказательствъ Божественнаго промысла? — *Священнику и богослову надобно*, и самому знать и другимъ доказывать, что чудеса Спасителя, Апостоловъ и проч. дѣйствительно не могутъ быть произведены обыкновенными естественными силами. Если онъ совершенно незнакомъ съ физикою; то первый, не профессоръ, а даже шарлатанъ физики не поставитъ ли его въ тупикъ, шутя, или намѣренно толкуя ему о гальванизмѣ и магнетизмѣ, объ электрическихъ токахъ, пробуждающихъ жизненность въ трупахъ и проч.? Не лучше ли будетъ, если знакомство съ физикою дастъ возможность священнику убѣдить даже профессора, что такъ называемыя силы природы рѣшительно недостаточны для произведенія чудесъ Спасителя и Апостоловъ и проч.? — *Священнику и богослову должно* знать и доказывать, что міръ есть твореніе Божіе и притомъ прекраснѣйшее твореніе, а не случайный результатъ еще болѣе случайнаго столкновенія атомовъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго; все имѣетъ цѣль; все происходитъ по премудрымъ и не-

измѣняемымъ законамъ и проч. Но какъ угодно, а въ этомъ случаѣ ограничиться общими словами въ родѣ слѣдующихъ: *все прекрасно въ мірѣ; все происходитъ въ порядкѣ; все направлено къ премудрымъ цѣлямъ и проч.* вовсе недостаточно; старинныя звучныя слова: субстанціальность, цѣлесообразность, законъ причинности, понятіе о случаѣ, судьбѣ, связи динаммической и проч. вышли уже изъ моды. Не гораздо ли лучше для этого узнать метеорологію, физическую географію и астрономію? Не гораздо ли лучше при помощи физики и химіи опытнымъ образомъ познакомиться съ свойствами матеріи и ими же опровергать самобытность міра, самопроисхожденіе матеріи?

Необходимость свѣтскихъ наукъ для богослова и священника очевидна не только изъ тѣсной связи между ими и богословіемъ, но едва ли не болѣе еще изъ того вліянія, которое онѣ имѣютъ на религіозное настроеніе образованныхъ и даже необразованныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ напрасно думаютъ, что нравственно-религіозная жизнь народа, исповѣдывающаго какую бы то ни было религію, зависитъ только отъ догматовъ, исторіи и нравственнаго ученія послѣдней; на эту жизнь обнаруживаютъ, конечно, медленное и постепенное, но сильное и неотразимо вліяніе идеи, вновь вырабатываемыя человѣческимъ умомъ. Будутъ ли онѣ политическія, нравственныя, религіозныя; но во всякомъ случаѣ или выражаютъ потребности общества, или развиваются изъ историческихъ условій его и никогда не бываютъ случайными, въ нихъ проявляется жизнь человѣчества.

Теперь спросимъ, должно ли духовенство слѣдить за ними? Должно ли оно развитіе ихъ предоставить прочимъ сословіямъ, а само, какъ у насъ обыкновенно выражаются, заниматься исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей? Пренебрегать идеями опасно не только для духовенства, но и для самаго могущественнаго правительства; не безъ причины же говорятъ, что идеи управляютъ человѣческими обществами. Зарождаясь часто въ глуши ученаго кабинета, онѣ робко высказываются какимъ либо труженикомъ, человѣкомъ иногда вовсе неизвѣстнымъ, высказываются только людямъ ближайшимъ къ нему. Потомъ этими и другими лицами развиваются, обогащаются новыми опытами и наблюденіями, новѣйшими фактами, упрощиваются, усвояются постепенно большимъ и большимъ числомъ, дѣлаются популярными и наконецъ становятся достояніемъ всего общества. Это именно растительная пыль или зерно, которыя, упавши на плодотворную почву, разростаются въ огромные кедры и боабабы. Это иногда лавины, которыя, на верху горы начинаясь небольшимъ комкомъ снѣга, скатываясь оттуда, увеличиваются и наконецъ въ своемъ движеніи уничтожаютъ всѣ останавливающія ихъ препятствія. Различіе состоитъ только въ томъ, что развитіе растительнаго зерна, или составленіе лавины еще можно остановить; но идеи неистребимы. Ни громы Ватикана, ни политика Австріи, Баваріи или Карла V, ни военныя способности Валленштейновъ и Тилли, ни костры и тюрьмы инквизиціи, ни эшафоты герцога Альбы, ни фанатизмъ народныхъ массъ, ни даже

ловкость іезуитовъ, ничто не остановило идей, развившихся реформацію и потомъ съ нею вмѣстѣ развивавшихся, точно также, какъ не остановитъ и не останавливало никакихъ другихъ идей. Чтоже? И послѣ этого надобно говорить, что духовенство вовсе не обязано заниматься такими идеями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣми науками, изъ которыхъ онѣ вырабатываются? Священникъ называетъ себя пастыремъ душъ человѣческихъ, а идеи — это нашъ насущный хлѣбъ; неужели же пастырь не обязанъ знать тѣ пастбища, на которыхъ его паства можетъ насыщать, или отравливать себя? Нѣтъ; духовенство въ этомъ отношеніи не должно отставать отъ своего вѣка. Его никто не обязываетъ принимать за непреложныя истины всѣ новыя идеи; изъ нихъ многія оказываются иногда несправедливыми; но духовенство должно же знать, что волнуетъ общественное мнѣніе, что составляетъ предметъ занятій ученаго сословія, знать для того, чтобы принимать мѣры или къ распространенію новыхъ идей, когда онѣ истинны, или къ опроверженію ихъ, когда онѣ ложны. Это гораздо естественнѣе и лучше, нежели въ гордомъ невѣжествѣ, въ тупомъ ослѣпленіи повторять: *все это вздоръ, кипеніе ума, разстройство головъ, ухищреніе нечистой силы.*

Въ подтвержденіе нашихъ словъ о могуществѣ идей мы хотимъ указать на современное событіе. Еще въ 1860 году было на югѣ Европы правительство, которое поддерживалось могущественнѣйшими союзниками, имѣло болѣе девяти милліоновъ подданныхъ, располагало войскомъ въ 150 тысячъ и фло-

томъ съ тысячью пушекъ, опиралось на преданную себѣ полицію и администрацію, успѣло изгнать изъ отечества, сослать на галеры, или заключить въ тюрьмы всѣхъ своихъ замѣчательныхъ противниковъ. Увѣренное въ своей силѣ, оно хотѣло управлять своими подданными по той системѣ, которая *была въ модѣ когда-то* и не обращало вовсе вниманія на современныя требованія. И вотъ является противникъ этого могущественнаго правительства, — человѣкъ безъ подданныхъ, безъ денегъ, безъ войска, безъ флота, безъ союзниковъ, по крайней мѣрѣ явныхъ, между правительствами; человѣкъ, который для поддержанія своей жизни былъ шкиперомъ купеческаго корабля, даже торговалъ мыломъ или полотномъ. Этотъ-то, чуть не бездомный человѣкъ *во имя одной идеи* собираетъ отрядъ въ нѣсколько сотъ волонтеровъ, высаживается въ Сицилію, оберегаемую сильнымъ флотомъ и защищаемую еще болѣе сильнымъ войскомъ, въ нѣсколько недѣль завоевываетъ ее, точно какъ будто какимъ-то волшебствомъ. Потомъ переѣзжаетъ на неаполитанскій берегъ, гдѣ правительство приняло всѣ мѣры противъ него, и за всѣмъ тѣмъ еще чрезъ нѣсколько недѣль неаполитанскій король спѣшитъ съ оставшимися приверженцами спастись изъ своей столицы, а въ нее съ другой стороны въ вагонѣ желѣзной дороги въѣзжаетъ одинъ не только безъ войска, даже безъ свиты — одинъ Гарибальди, принимается съ такимъ восторгомъ, котораго ни разу на было во все время царствованія неаполитанскихъ Бурбоновъ, объявляетъ себя безъ всякихъ противорѣчій диктаторомъ и начинаетъ распоряжаться всѣми

средствами королевства съ ничѣмъ неограниченною властію. Неужели въ этомъ почти баснословномъ событіи не увидите вы, какъ могущественны тѣ люди, которые дѣйствуютъ во имя современной идеи и какъ быстро падаютъ даже сильнѣйшія правительства, которыя не обращали вниманія на эту идею.

Разсказанный нами сейчасъ примѣръ, какъ касающійся политики, можетъ показаться непреложимымъ къ духовенству. Поэтому мы представимъ другой примѣръ, который имѣетъ прямое отношеніе къ религіи. Въ смѣжности съ владѣніями того же правительства, о которомъ мы сейчасъ говорили, есть область съ особаго рода правительствомъ, котораго представители имѣли безпримѣрное въ исторіи мо могущество. Въ давнія, очень давнія времена будучи простыми епископами Рима, они умѣли заставить даже варварскихъ королей уважать себя, отважно вступили въ борьбу съ константинопольскими императорами, освободили себя и помогли Риму освободиться отъ власти и вліянія ихъ. Потомъ, прикрывшись божественностію происхожденія своей власти, они смѣло назвали себя преемниками одного изъ верховныхъ Апостоловъ, намѣстниками Спасителя, чуть не представителями самого Бога на землѣ, успѣли убѣдить въ этомъ неземномъ, нечеловѣческомъ своемъ величіи огромное большинство Христіанъ и стали распоряжаться не только вѣчнымъ ихъ спасеніемъ, но и временнымъ благосостояніемъ. Мирили и ссорили народы съ народами, королей съ королями и королей съ народами, своими буллами заставляли трепетать

могущественныхъ правителей, низводили ихъ съ престоловъ, возводили на нихъ и требовали къ себѣ на судъ, собирали войска не десятками, а сотнями тысячъ, даже милліонами, посылали ихъ изъ Европы въ Азію, оковали совѣсть, подчинили себя разсудокъ жителей большей части европейскихъ государствъ и едва — едва не осуществили идеалъ, къ которому стремились, быть дѣйствительными владыками по крайней мѣрѣ католическаго міра. Что теперь эта за власть? Ближайшіе, непосредственные подданные ея подчинились сами собою другому правительству, остальные удерживаются только иностранными штыками, безъ которыхъ бывшій такъ долго и столь могущественнымъ Папа принужденъ будетъ искать убѣжища гдѣ либо за границею своихъ владѣній. Самая духовная власть его разрушается, на буллы его не обращаютъ вниманія, надъ проклятіями смѣются, благословеніями нисколько не дорожатъ. Что же подорвало прежнее безпримѣрное могущество Папъ? Очень не важное, видимому, обстоятельство. Папы и ихъ кардиналы забыли, или не хотѣли знать, что люди не любятъ стоять, постоянно идутъ впередъ, обогащаются новыми свѣденіями, ознакамливаются съ новыми потребностями, пріобрѣтаютъ новыя убѣжденія, вырабатываютъ новыя идеи, стараются подчинить имъ свою жизнь. А Папы и Кардиналы только и думали и говорили о старинѣ, о своей прежней власти, дѣйствовали по старинѣ, хотѣли остановить потокъ человѣческихъ мыслей и требованій. Люди смотрѣли, ждали, скучали, терпѣли; наскучили ждать и стали руководствоваться собствен-

нымъ своимъ разсудкомъ. Какъ кстати при этомъ случаѣ обратиться къ духовенству, разумѣется, католическому и къ Папѣ съ слѣдующими словами: *Святые отцы! поторопитесь помириться съ людьми, съ ихъ идеями и требованіями, теперь вы еще не далеко отъ нихъ отстали. Увидавши ваше обращеніе, люди сами помогутъ вамъ сблизиться съ собою и даже, можетъ быть, поставятъ васъ въ главѣ своего движенія. Ну, а если вы станете оставаться при прежней своей системѣ, то люди болѣе и болѣе будутъ отъ васъ удаляться, вы останетесь назади въ такой дали, что ихъ никогда уже не догоните, а между тѣмъ они свыкнутъ и сами устроятъ свою іерархію.*“

Извините что мы заговорились о могуществѣ идей, можетъ быть далеко увлеклись ими и нѣсколько удалились отъ предмета. Обратимся къ нашему времени и спросимъ: есть ли нынѣ новыя современныя идеи, которыя бы имѣли отношеніе къ религіи и потому заслуживали вниманія нашего духовенства? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только тотъ, кто не слѣдитъ и даже не хочетъ слѣдить за современнымъ состояніемъ наукъ. *Можно ли думать*, что нѣтъ такихъ идей, когда астрономы при помощи телескоповъ неопровержимо доказали, что количество небесныхъ тѣлъ въ полномъ смыслѣ неисчислимо, что вселенная занимаетъ такое пространство, предъ которомъ единицы изъ билліоновъ верстъ оказываются ничтожными, что масса всѣхъ небесныхъ тѣлъ огромностію своею превышаетъ всѣ наши понятія о величинахъ и что на всемъ этомъ неизмѣ-

римомъ пространствѣ, между всѣми этими безчисленными тѣлами господствуетъ единство законовъ, усматривается тѣсная связь, взаимное отношеніе? *Можно ли думать*, — когда геологи по пластамъ земнаго шара, по органическимъ остаткамъ въ нихъ погребеннымъ, на основаніи нынѣ же происходящихъ явленій гордо присвоиваютъ себѣ возможность писать исторію земли съ достовѣрностію, которыя будто бы выше достовѣрности исторіи ассирійскихъ вавилонскихъ и мидійскихъ государствъ? *можно ли думать;* — когда физіологія, при помощи физики и химіи, утверждаетъ, что ею открыты такія доказательства тѣсной связу между организмомъ и мыслящимъ началомъ, о которыхъ и не мечтали авторы старинныхъ трактатовъ de commercio animae et corporis? *Можно ли думать*, — когда историки, воспользовавшись китайскими лѣтописями и преданіями, религіозными книгами Индійцевъ, египетскими іероглифами, открытіями, сдѣланными въ пильскихъ пирамидахъ, въ развалинахъ Ѳивъ и Ниневіи, въ могилахъ сѣверной, въ заросшихъ лѣсами развалинахъ древнѣйшихъ городовъ южной Америки, нашли много фактовъ относящихся къ исторіи рода человѣчества, о которыхъ не писали и даже не мечтали ни Иродотъ, ни Берозъ, ни Санхоніатонъ? *Можно ли*, повторимъ, послѣ этого *думать*, что отъ этихъ открытій не появилось множество новыхъ мыслей объ устройствѣ вселенной и земли въ частности, о взаимномъ отношеніи матеріальнаго и духовнаго міра, о судьбахъ рода человѣческаго? Нѣтъ, новѣйшее время слишкомъ богато новыми идеями, гораздо болѣе бо-

гато нежели какое либо изъ предшествовавшихъ столѣтій; мы живемъ въ эпоху движенія и даже волненія; въ эпоху страшной борьбы на жизнь и смерть между старыми и новыми идеями. Какъ же не знать послѣднихъ тѣмъ лицамъ, которые обязаны по своему званію управлять нашею нравственною и религіозною жизнію? Вѣдь для васъ же, святые отцы, будетъ унизительно, когда православные христіане въ дѣлахъ вѣры станутъ обращаться не къ вамъ, а къ профессорамъ физики, физіологіи, астрономіи, или исторіи, не просить же ихъ разрѣшить его религіозныя недоумѣнія только посредствомъ физическихъ или физіологическихъ опытовъ, астрономическихъ наблюденій, историческихъ доводовъ.

Спросимъ теперь, знакомо ли наше духовенство съ этими новостями, даже воспитано ли оно такъ, чтобы могло понимать ихъ? Кто хочетъ рѣшить этотъ вопросъ, пусть припомнитъ все, сказанное нами о томъ, какъ преподаются свѣтскія науки въ духовныхъ училищахъ. А между тѣмъ вырабатываемыя науками идеи двухъ родовъ; или по крайней мѣрѣ, имъ можно дать двоякое направленіе. Ихъ прилагаютъ и очень успѣшно къ подтвержденію и объясненію религіозныхъ истинъ. Но съ другой стороны ими же пользуются для опроверженія тѣхъ же самихъ истинъ. Вотъ напр. въ настоящее время Германія наводнена множествомъ книгъ съ космогоническими теоріями о земномъ шарѣ; тамъ же распространено уже новое ученіе матеріализма. Эти теоріи и этотъ матеріализмъ рѣзко отличаются отъ подобныхъ имъ старинныхъ системъ, основывавшихся

на однихъ почти теоретическихъ построеніяхъ. Нѣтъ, нынѣшніе космогонисты и матеріалисты говорятъ, что они свои доказательства берутъ изъ наблюденій, изъ фактовъ, изъ опытовъ, производимыхъ въ физическихъ кабинетахъ, анатомическихъ театрахъ и химическихъ лабораторіяхъ. Надъ этими космогоніями и матеріализмомъ нельзя просто острить и смѣяться; ихъ надобно разрушать ихъ же собственнымъ оружіемъ. Напрасно себя многіе утѣшаютъ тѣмъ, что идеи, распространяемыя новѣйшимъ матеріализмомъ и космогоническими теоріями, надолго останутся неизвѣстными въ нашемъ отечествѣ. Неправда, идеи не останавливаются ни таможенными заставами, ни пикетами и наѣздами Кроатовъ или Пандуровъ, ни цензурами, ни индексами; онѣ какъ будто бы находятся въ атмосферѣ земной, распространяются и переносятся во всѣ части земнаго шара посредствомъ вѣтра, вдыхаются нами вмѣстѣ въ воздухомъ и постепенно, но неизбѣжно усвояются нашимъ, такъ сказать, умственнымъ организмомъ. Для знающихъ одни богословскія, или одинѣ естественныя науки это, можетъ быть, незамѣтно. Но знакомый съ обоими родами наукъ легко замѣтитъ новыя идеи и въ журнальныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ книгахъ. Напрасно также думаютъ, что эти идеи останутся только въ головахъ ученыхъ и профессоровъ. Нѣтъ, сначала дѣйствительно ихъ выскажетъ или профессоръ на каѳедрѣ, или ученый въ статьѣ, потомъ онѣ примутся слушателями и читателями, къ сожалѣнію, большею частію въ искаженномъ видѣ, а затѣмъ перейдутъ къ низшимъ классамъ, не умѣющимъ даже читать.

Кому же бороться теперь съ этими идеями, если произойдетъ столкновеніе между ими и религіозными истинами? Кому, какъ не духовенству? А между тѣмъ спросимъ опять: сколько лицъ въ немъ знакомыхъ съ основаніями, на которыхъ онѣ утверждаются? Запаслось ли оно оружіемъ, чтобы вступить въ борьбу съ тѣми людьми, которые захотятъ воспользоваться новыми идеями, а можетъ быть пользуются для опроверженія религіозныхъ истинъ? Не станемъ отвѣчять прямо на эти вопросы, разрѣшеніе ихъ поищите, г. читатель, въ первой части нашей статьи; тамъ мы ясно высказали, какъ преподаются и оцѣниваются свѣтскія науки въ духовныхъ училищахъ, какъ лица, пропитанныя исключительно богословскимъ настроеніемъ судятъ объ астрономіи и проч. Такіе люди не опровергнутъ матеріалистовъ и космогонистовъ, а едва ли не помогутъ имъ своими дикими опроверженіями. Не станемъ, повторимъ, прямо отвѣчать на вопросы, а сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе. Если духовенство совсѣмъ оставитъ свѣтскія науки, и такимъ образомъ или рѣшительно не будетъ знать новыхъ идей, зараждающихся подъ ихъ вліяніемъ, или станетъ понимать ихъ неправильно; то ..... намъ не хочется писать вторую часть этого періода, а лучше разскажемъ слыханный нами когда-то анекдотъ взятый будтобы изъ англійской исторіи. Когда Карлъ II, послѣдній изъ Стюартовъ, царствовавшихъ въ Англіи, долженъ былъ спасаться изъ отечества и искать пріюта съ своими приверженцами при французскомъ дворѣ, то они всѣ услышали къ удивленію своему вопросы: „что это вы смотрѣли? Развѣ вы

не видали грозившей вамъ опасности? Зачѣмъ вы не только не брали мѣръ къ предотвращенію ея, но еще какъ будто бы сами старались ускорить свое несчастіе?“ А король и придводные его увѣряли, что они вовсе и не подозрѣвали никакой опасности, что положеніе свое считали безопаснымъ. Да! Увѣренность въ своей безопасности не всегда служитъ доказательствомъ ея. Кто хочетъ управлять совѣстію, умомъ и нравственностію людей, пусть не пренебрегаетъ новыми идеями; иначе онѣ, а вмѣстѣ съ ними и люди обгонятъ и оставятъ его назади. Ему мы скажемъ: „смотри, какъ бы тебѣ, или твоимъ преемникамъ не пришлось находиться въ одинаковомъ положеніи со Стюартами. Какъ бы не пришлось когда нибудь сказать не за границею, конечно, а дома: *да мы вовсе и не подозрѣвали никакой опасности отъ новыхъ идей, даже нечего и не знали объ нихъ.*

Далѣе, бѣлое духовенство никакъ не должно думать о своемъ разъединеніи съ прочими сословіями; напротивъ ему даже надобно стараться о сближеніи съ ними. Этимъ мы вовсе не хотимъ выразить того, чтобы духовенство перенимало всѣ обычаи другихъ сословій, усвояло себѣ ихъ предразсудки, заблужденія, недостатки и проч.; мы думаемъ сказать только, что оно никакъ не должно быть *отсталымъ*, не только въ благородныхъ стремленіяхъ, въ возвышенныхъ интересахъ общества, но и въ образованности. Въ самомъ дѣлѣ уваженіе народныхъ массъ и даже образованныхъ классовъ, къ какой бы то ни было религіи, очень много зависитъ отъ уваженія, которое

успѣютъ пріобрѣсти служители ея. Извѣстно, что не у всякаго достанетъ времени и умѣнья изучать догматическую, нравственную и обрядовую части какою нибудь христіанскаго вѣроученія и сличивъ его съ другими, рѣшить, которому изъ нихъ нужно слѣдовать. Священникъ, или лучше довѣріе и уваженіе, имъ пріобрѣтенное, тутъ много значатъ; его слово считается часто авторитетомъ. Если же онъ не пользуется уваженія, то его слова не производятъ дѣйствія не только на сомнѣвающагося, но и на вѣрующаго. По что ни говорите, а кромѣ нравственной жизни, искренняго благочестія и. т. п. для пріобрѣтенія уваженія священнику очень нуженъ образованный умъ, особенно по отношенію къ среднимъ и высшимъ сословіямъ; по крайней мѣрѣ необразованность и отсталость отъ вѣка въ понятіяхъ рѣшительно унижаетъ священника въ глазахъ людей образованныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы отъ своего духовника или приходскаго священника услышите, что движеніе паровыхъ машинъ зависитъ отъ нечистой силы, передача извѣстій посредствомъ электрическихъ телеграговъ происходитъ при помощи услужливыхъ бѣсовъ, что ваша лошадь сдѣлалась больною отъ домоваго, что случающіяся стукотня и различные звуки по ночамъ въ вашей квартирѣ одолжены тоже своимъ происхожденіемъ вліянію разныхъ сортовъ демоновъ и что вамъ *единственно по этому послѣднему обстоятельству* надобно отслужить молебенъ съ водосвятіемъ и окропить весь домъ святою водою; то воля ваша, а при самой лучшей нравственной жизни вашего собесѣдника потеряете уваженіе къ нему, и его увѣщанія

не произведутъ на васъ впечатлѣнія; вамъ такъ и будутъ представляться его демонологическія объясненія по части паровыхъ машинъ, электрическихъ телеграфовъ, акустическихъ явленій въ вашемъ домѣ и проч. Не поколеблется ли въ васъ даже уваженіе къ религіи, къ ея священнымъ книгамъ, когда, будто бы на основаніи ея догматовъ священникъ, и кто либо повыше станетъ доказывать, что земля имѣетъ плошкообразную форму, что солнце и луна не больше той тарелки, изъ которой вы кушаете свой супъ, что первое есть жилище Бога, а второе жилище сатаны, что всѣ тѣла небесныя могутъ навалиться на землю и на ней удержаться; когда также самая особа пригласитъ васъ отправиться въ темную ночь на колокольню съ зажженною свѣчею и посредствомъ наблюденія надъ нею съ балкона приметъ на себя обязанность доказать, что тѣла въ близкомъ разстояніи намъ кажутся одинаковой величины и проч. и проч.? У насъ обыкновенно въ этомъ случай утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ нашемъ отечествѣ немного есть людей способныхъ оцѣнить образованность, или необразованность священника. Напрасное утѣшеніе! Если бы даже къ нашему народу справедливо могла примѣться пословица: *кто ни попъ, тотъ батько*, то и тогда уваженіе или неуваженіе высшихъ и среднихъ классовъ къ духовенству рано или поздно непремѣнно передастся всѣмъ безъ исключенія сословіямъ. Баринъ и барыня отзываются дурно о священникѣ, смѣются надъ его неловкостію, отсталостію и проч.; лакеи и горничныя слышатъ, усвояютъ этотъ взглядъ, передаютъ его своимъ братцамъ и сестрицамъ; тоже также отъ

купца переходитъ мнѣніе о священникѣ къ его прикащикамъ и кліентамъ и скоро усвояется большею частію прихода. Заставьте высшій и средній классъ уважать васъ, тогда и низшіе увлекутся этимъ примѣромъ; только не унижайте себя предъ ними. Да и мужикъ, катъ онъ ни мужикъ, всетаки при одинаковыхъ прочихъ достоинствахъ скорѣе уважитъ умнаго, нежели глупаго священника.

Напрасно также думаютъ, что священнику не слѣдуетъ входить въ разговоры объ ученыхъ предметахъ, о свѣтскихъ наукахъ и проч. занимайся онъ своимъ дѣломъ, наставляй, назидай, научай и проч. и проч. и проч.; зачѣмъ тутъ свѣтскіе разговоры?" -- Опять ошибка и уже очень грубая? Въ чемъ нынѣ состоятъ соціальныя, такъ сказать, отношенія священника къ своимъ прихожанамъ и вообще духовенства къ прочимъ сословіямъ? Конечно, въ низшихъ и частію среднихъ сословіяхъ священникъ считается еще почетнымъ гостемъ; его посѣщенія помнятъ, ими дорожатъ. Но въ высшемъ обществѣ и въ большей части средняго класса, онъ приходитъ въ домъ или по призыву, или по обычаю, *совершаетъ*, какъ говорятъ, *свою требу* и не всегда въ гостинной, не всегда даже присаживается, получаетъ плату и . . . . . больше его нѣтъ въ дому; развѣ когда самъ явится въ качествѣ просителя, или заискивателя протекціи и милости. Но не ищите духовныхъ лицъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, даже въ семейномъ кругу высшаго и средняго класса общества, какъ гостей, почти никогда ихъ не встрѣтишь здѣсь. Скажите пожалуйста отчего это? *Отчего* въ Парижѣ,

Лондонѣ, Вѣнѣ, во всѣхъ городахъ Европы, кромѣ Русской Имперіи, въ самыхъ высшихъ аристократическихъ домахъ духовенство не отстранено отъ участія въ собраніяхъ, принадлежитъ къ числу гостей и даже почетныхъ? *Отчего* въ Петербургѣ, Москвѣ и даже провинціальныхъ городахъ католическій кзёндзъ или патеръ, лютеранскій пасторъ не исключаются изъ общества? *Отчего* наша аристократія охотно принимаетъ запросто тѣхъ же пасторовъ и патеровъ? *Отчего* французскій или итальянскій аббатъ бываетъ любимымъ гостемъ и многихъ нашихъ барынь? *Отчего* только православный священникъ приглашается для однихъ требъ? *Отчего* же, скажите, Бога ради? *Отчего?* . . . , . Бѣдь не отъ гоненій? Не отъ недостатка религіозности? *Отчего* же . . . . . Не станемъ разбирать причинъ этихъ странностей; онѣ извѣстны; а скажемъ только, какъ бы хорошо даже въ религіозномъ отношеніи, если бы наше духовенство не было исключено изъ высшаго и средняго общества. Мы вовсе не думаемъ сказать, чтобы священникъ и тамъ, какъ на церковной каѳедрѣ говорилъ поученія; еще менѣе, чтобы садился за зеленое поле, или участвовалъ въ свѣтскихъ и даже дѣтскихъ забавахъ; но при немъ уже не стали бы хоть изъ вѣжливости осмѣивать духовенство и религіозныя мнѣнія. Далѣе представьте себѣ образованнаго священника, объясняющагося на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, слѣдящаго за движеніемъ литературы, занимающагося современными вопросами наукъ, искусствъ, администраціи и политики; неужели мнѣнія такого человѣка, прикрытаго священнымъ зва-

ніемъ высказанныя безъ фанатизма, съ любовію къ человѣчеству, съ уваженіемъ къ уму, неужели останутся безъ вліянія на собесѣдниковъ? Не произведутъ ли онѣ большаго впечатлѣнія, нежели церковное поученіе? Не случалось ли вамъ говорить о свѣтскихъ предметахъ съ истинно-образованнымъ священникомъ, разсуждающимъ здраво, по-человѣчески? Какое чувствуешь уваженіе къ нему, его сану и его словамъ? И воля ваша, когда вы явитесь на исповѣдь къ подобному священнику, когда вы съ глазу на глазъ предъ лицемъ Бога, съ открытою совѣстію, станете слушать его наставленія. Что? ..... Такое же онъ произведетъ впечатлѣніе на васъ, какъ и священникъ, не доходившій въ вашей квартирѣ далѣе пріемной залы и получавшій только плату за исполненіе требы, или какъ священникъ, который, совѣтовалъ для изгнанія домоваго отслужить молебенъ съ водосвятіемъ? Неужели все равно, и для васъ, г. прохожанинъ, и для васъ, Св. отцы? Нѣтъ, мы обращаемся къ послѣднимъ; поставьте себя своею образованностію не односторонностію, поставьте въ такое положеніе, чтобы мы, прихожане, васъ уважали; чтобы вашими посѣщеніями дорожили; и вы увидите, какъ отъ этого выиграетъ дѣло религіи! *Образованіе*, разумѣется *вмѣстѣ съ нравственностію* или, можадуй *нравственность вмѣстѣ съ образованіемъ, вотъ ваши архимедовъ рычагъ!*

Но оставимъ въ сторонѣ матеріалистовъ, составителей космогоній, средній и высшій классы; положимъ, что нашимъ священникамъ нужно обращаться

съ одними крестьянами и мѣщанами; не нужно ли и въ этомъ отношеніи кое-чего кромѣ богословскихъ наукъ? Вѣрно никто не станетъ отвергать, что и въ головы нѣкоторыхъ изъ простолюдиновъ западаетъ иногда любознательность, что и имъ иногда желательно знать, отчего происходитъ то или другое явленіе природы. Къ кому же имъ въ такихъ случаяхъ обращаться, какъ не въ священнику? Вѣдь гораздо хуже будетъ, если подобные вопросы станутъ разрѣшаться спахарями и начетчиками изъ раскольниковъ. Еще по всей вѣроятности, всякій согласится, что истребленіе въ народѣ предразсудковъ, суевѣрій, ложнаго, пониманія явленій природы всего лучше и свойственнѣе бѣлому духовенству. Не они ли для пользы даже религіи должны позаботиться о душевномъ спокойствіи своихъ прихожанъ, освободить ихъ отъ ужаса, который внушаютъ такъ называемые кровавые или сѣрные дожди, появленіе кометъ, паденіе аэролитовъ и проч., отъ преслѣдованій домовыхъ лѣшихъ, водяниковъ, русалокъ мертвецовъ и проч. Но при исполненіи указанныхъ нами двухъ обязанностей нельзя обойтись безъ астрономіи, физики и отчасти химіи. *Можно ли объяснить безъ физики*, что громъ и молнія происходятъ отъ электричества, а не отъ разъѣздовъ одного изъ святыхъ по облакамъ въ огненной колесницѣ, что облака не разрушаютъ своимъ паденіемъ селъ и деревень, а совершенно одинаковы съ обыкновенными туманами, что роса не падаетъ съ седьмаго неба, не имѣетъ никакихъ цѣлебныхъ чудесныхъ свойствъ, а происходитъ точно также, какъ капли, которыми покрываются стѣнки графина,

поставленнаго съ холодною водою въ теплой комнатѣ, что въ сѣрныхъ и кровавыхъ дождяхъ нѣтъ ни ни одной частицы сѣры или крови и проч.? *Можно ли объяснить безъ физики*, что блудящіе огоньки по кладбищамъ и болотамъ вовсе не души покойниковъ, или раскаленные глаза нечистой силы, что хохотъ мнимаго лѣшаго есть простой отголосокъ какого либо звука, что мнимыя продѣлки домоваго зависятъ часто отъ вѣтра, отъ отраженія какихъ либо звуковъ? *Можно ли безъ астрономіи* и *отчасти физики* успокоить людей, взволнованныхъ появленіемъ кометы, или паденіемъ аэролита? *Можно ли имъ доказать*, что они въ этихъ случаяхъ не должны бояться ни войны, ни моровой язвы, ни голода и проч. Какъ угодно, а для этихъ и подобныхъ обстоятельствъ знаніе указанныхъ нами и другихъ наукъ необходимо священнику; иначе онъ не освободитъ разсудка своихъ прихожанъ отъ вліянія всѣхъ сказокъ и глупостей, не станетъ и самъ въ нихъ вѣрить.

При этомъ говорятъ: „зачѣмъ и освобождать? Почему бы и не вѣрить? Не гораздо ли лучше оставить простой народъ съ этими вѣрованіями, переданными ему отъ предковъ, съ этою его домашнею и притомъ почтенною по своей древности философіею и физикою? Убѣжденный, что его всюду преслѣдуетъ нечистая сила, что ему дома должно бояться домовыхъ, въ лѣсу лѣшихъ, въ водѣ русалокъ и водяниковъ, онъ тѣмъ болѣе съ глубокимъ сознаніемъ своего безсилія почувствуетъ нужду прибѣгать къ Богу, просить Его угодниковъ святыхъ о защитѣ отъ невидимыхъ враговъ. Не поддер-

живаетъ ли это благочестія и набожности? Пусть онъ вѣритъ, что роса имѣетъ небесное происхожденіе, что громъ и дождь чудеснымъ образомъ непосредственно происходятъ отъ Бога и проч.! Пусть онъ боится аэролитовъ; сѣрныхъ и кроварыхъ дождей! Эти вѣрованія, эти убѣжденія придадутъ въ глазахъ его явленіямъ природы характеръ святыни, возбудятъ благоговѣніе къ Творцу и Промыслителю, заставятъ его подумать о своей душѣ, пробудятъ въ немъ раскаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ.“ Подобныя слова можно слышать часто и даже очень часто. Но тѣ, которые произносятъ ихъ и въ добавокъ читаютъ себя истинными христіанами, напрасно не подумаютъ, что они этимъ унижаютъ христіанскую религію и русскій народъ. Какъ? Неужели религія основанная, по ихъ же собственнымъ словамъ, Богочеловѣкомъ и Имъ постоянно поддерживаемая, заключающая въ себѣ самыя возвышенныя нравственныя понятія, обстановленныя, такъ сказать, множествомъ чудесъ и пророчествъ; — неужели эта лучшая изъ всѣхъ религій для своего утвержденія въ русскомъ народѣ имѣетъ нужду въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, въ домовыхъ, лѣшихъ и прочіи ихъ братій? Подумайте, Господа! Вѣдь вы чрезъ это дѣйствительно унижаете и религію и русскій народъ? А святыня? Мы ее уважаемъ и неуваженіе къ ней считаемъ не только преступленіемъ, а безуміемъ. Но, по нашему мнѣнію, неуваженіе это состоитъ или въ пренебреженіи настоящей святыни, или въ присвоеніи ея характера предметамъ вовсе не святымъ. Мы осмѣливаемся думать, что послѣднее неуваженіе гораздо

преступнѣе перваго; то прямо обличаетъ безумца, и подвергаетъ его всеобщему презрѣнію; а это смѣшивая настоящую святыню съ предметами вовсе не святыми, ведетъ по необходимости къ пренебреженію ея. Въ этомъ случаѣ нельзя не вспомнить поступка Діоклитіана, римскаго Императора, которому хотѣлось унизить званіе римскаго гражданства; онъ достигъ этого самымъ простымъ образомъ, давши права римскаго гражданства всѣмъ подданнымъ имперіи. Не такъ ли поступаютъ и наши защитники святыни считая необходимымъ поддерживать ее суевѣрными мнѣніями? Не готовятъ ли они ей, конечно не намѣренно, тойже участи, какая постигла званіе римскаго гражданина при Діоклитіанѣ? Простой крестьянинъ, готовый вѣрить въ святыню росы, грома и проч., узнавши отъ кого либо другаго, кромѣ священника, о естественномъ ихъ происхожденіи, развѣ не можетъ забрать себѣ въ голову и самъ собою и при пособіи другихъ людей, что святость и прочихъ предметовъ, о которыхъ толкуетъ ему священникъ, также сомнительна, какъ святость росы и грома? Нѣтъ, отцы и пастыри Церкви! Не основывайте религіозныхъ убѣжденій на предразсудкахъ и суевѣріяхъ; иначе опирающійся на нихъ также можетъ повредить себѣ, какъ и тотъ, кто по словамъ Спасителя, опирается на слабую тростинку. Христіанская религія имѣетъ очень много доказательствъ своего небеснаго происхожденія, своего превосходства предъ прочими религіями, а русскій народъ, имѣетъ очень много здраваго смысла, чтобы

понимать силу этихъ доказательствъ безъ помощи предразсудковъ и суевѣрій.

Зилоты исключительно богословскаго направленія въ духовныхъ училищахъ въ оправданіе свое любятъ ссылаться на то, что занятіе свѣтскими, особенно естественными и физическими науками располагаетъ къ свободному мышленію о религіозныхъ предметахъ, не только къ деизму, а даже къ матеріализму и атеизму. Въ примѣрахъ, разумѣется, нѣтъ недостатка; нынѣ особенно любятъ указывать на развившійся матеріализмъ въ Германіи, на многихъ геологовъ, которыхъ идеи не согласны съ принятымъ пониманіемъ Моисеева Пятокнижія. Въ отвѣтъ на это мы хотимъ представить нѣсколько своихъ замѣчаній. 1) Прежде всего укажемъ на два уздавна уже извѣстныя сравненія. Изъ всѣхъ металловъ желѣзо есть самое полезное для человѣка, драгоцѣннѣе серебра и золота. А между тѣмъ сколько злоупотребленій и злодѣйствъ дѣлалось и будетъ дѣлаться орудіями, изъ него приготовленными? Огонь еще полезнѣе желѣза, а при всемъ этомъ сколько несчастій отъ него бываетъ? Но не покажется ли не только смѣшнымъ, а даже безумнымъ тотъ человѣкъ, который бы предложилъ и началъ стараться отучить людей отъ приготовленія желѣза и отъ употребленія огня? *О достоинствѣ всякаго предмета нужно судить не по злоупотребленію, которое изъ него дѣлаютъ люди неблагонамѣренные или неосторожные, а по пользѣ, которую извлекаютъ изъ него люди благоразумные*, надобно заботиться объ истребленіи только тѣхъ вещей, отъ которыхъ кромѣ вреда ничего

нельзя получить. По послѣднее замѣчаніе, какъ мы уже прояснили, ни какъ нельзя приложить къ естественнымъ и физическимъ наукамъ по отношенію ихъ къ богословію. 2) Христіанству всего болѣе вредили тѣ ереси, расколы и несогласія, которыя раздирали Церковь чуть не съ самой смерти Спасителя и раздѣляли Его послѣдователей на столь враждебныя общества, что они преслѣдовали, ненавидѣли, и даже ненавидятъ нынѣ и готовы преслѣдовать другъ друга съ большимъ ожесточеніемъ, нежели язычниковъ и магометанъ. Но чѣмъ же еретики и раскольники всѣхъ временъ подтверждали свои заблужденія? Свѣдѣніями ли, заимствованными изъ свѣтскихъ наукъ, и особенно изъ естественныхъ, физическихъ и историческихъ? Какъ угодно, а сколько намъ извѣстно, подобными свѣдѣніями слишкомъ немногіе изъ еретиковъ и раскольниковъ пользовались. Напротивъ, самое огромное большинство утверждало свои мнѣнія на неправильномъ пониманіи св. Писанія, отеческихъ сочиненій и прочихъ источниковъ, откуда заимствуютъ свои доказательства сами богословы. Мы этимъ вовсе не думаемъ унижать эти источники; они не только для христіанства, но и для всего человѣчества, приносили и будутъ приносить огромную пользу; а мы этимъ хотимъ показать зилотамъ, что ихъ возраженія противъ свѣтскихъ наукъ вообще и противъ естественныхъ и физическихъ, въ частности, могутъ быть обращены гораздо съ большею силою противъ св. Писанія. 3) Если небогословы изъ естественныхъ и физическихъ наукъ извлекаютъ иногда возраженія противъ религіозныхъ истинъ, разу-

мѣется, превратно понимая явленія матеріальнаго міра, то вы, г.г. богословы, займитесь сами этими науками, изучите предметы ихъ не какъ Ариманово произведеніе, а какъ твореніе Божіе, дайте физикѣ, геологіи, астрономіи и пр. такое направленіе, которое бы, нисколько не противорѣча опыту, служило не къ оправданію, а къ подтвержденію защищаемыхъ вами истинъ. Это для васъ возможно и нисколько не унизительно тѣмъ болѣе, что вамъ нужно не прокладывать новыя дороги, а слѣдовать примѣру уже многихъ богослововъ, такъ дѣйствовавшихъ. Одинъ достойный уваженія пастырь живущій и теперь въ въ Петербургѣ не унизилъ себя и своихъ катихизическихъ поученій, внесши въ нихъ новѣйшія астрономическія свѣдѣнія. У иностранцевъ такихъ примѣровъ еще больше. Развѣ Букландъ, написавши свой превосходный трактатъ (одинъ изъ бриджватерскихъ трактатовъ) о звѣздномъ мірѣ унизилъ себя и англійское духовенство предъ публикою? Не возвысилъ ли напротивъ? Трактатъ переведенъ едва ли не на всѣ европейскіе языки. Притомъ занятіе Астрономіею и даже Геологіею нисколько не помѣшало Букланду быть однимъ изъ лучшихъ епископовъ Англіи. А Притчардъ тоже англійскій, но не епископъ, а священникъ, развѣ унизилъ свое пастырское званіе, написавши образцовое сочиненіе о расахъ человѣческихъ и посредствомъ зоологіи доказавши единство ихъ происхожденія? Наша духовная литература не внесла ли (молча) въ одно изъ своихъ періодическихъ изданій множество мыслей, заимство-

ванныхъ у Притчарда? А у иностранцевъ оно считается классическимъ.

Предметъ, о которомъ говоримъ, представляется столь важнымъ, что, опасаясь разсмотрѣніе его оставить незаконченнымъ, находимъ нужнымъ сказать еще объ одномъ возраженіи тѣхъ, которые считаютъ человѣческія науки излишними для священника. „Какая въ нихъ можетъ быть нужда, говорятъ они? Посмотрите, какъ многіе отцы церкви, вовсе не принадлежа къ тогдашнимъ ученымъ, изумили міръ не только святостію своей жизни, но и своими образцовыми и даже догматическими сочиненіями? Не служатъ ли они лучшимъ доказательствомъ, что пастырю и архипастырю церкви вовсе нѣтъ никакой надобности въ свѣтскихъ наукахъ.“ Но эти возражатели не припомнятъ ли изъ церковной исторіи, что многіе изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ лицъ церкви были людьми образованными и учеными во всѣхъ отношеніяхъ и что образованность нисколько не помѣшала имъ сдѣлаться свѣтилами церкви, столпами и утвержденіемъ ея? Апостолъ Павелъ принадлежалъ къ ученѣйшимъ Евреямъ; погнушалась ли благодать Божія сдѣлать его *избраннымъ своимъ сосудомъ;* — попрепятствовала ли ему ученость *потрудиться паче всѣхъ* и заслужить названіе *Апостола язычниковъ?* Замѣчательнѣйшими писателями втораго, третьяго и четвертаго вѣка не были ль Александрійскіе отцы церкви, а между тѣмъ исторія говоритъ, что многіе изъ нихъ воспитывались въ тогдашнихъ Александрійскихъ школахъ, обучались тогдашнимъ языческимъ наукамъ. Попрепятствовало ли это об-

стоятельство Клименту написать свои огласительныя поученія, а Оригену изумить самыхъ враговъ множествомъ и глубиною своихъ сочиненій? Аѳины, въ первые четыре вѣка, считались, такъ сказать, любимымъ мѣстомъ наукъ; въ нихъ не менѣе, какъ въ Александрію пріѣзжали изъ всей римской имперіи люди, желавшіе получить высшее, по тогдашнему времени, образованіе, притомъ свѣтское, даже языческое. Посмотрите повнимательнѣе на этихъ людей; не найдете ли между ними самыхъ замѣчательныхъ отцовъ церкви? Развѣ Аѳинагоръ, Василій Великій, Григорій Богословъ не пріѣзжали нарочно въ Аѳины, не провели тамъ по нѣскольку лѣтъ, слушая многихъ тогдашнихъ ученыхъ язычниковъ? Неужели это обстоятельство попрепятствовало имъ занять едвали не первыя мѣста между отцами церкви по своимъ сочиненіямъ, по своей святости, по ревности къ православію? Не думайте, что ученыя свѣденія, пріобрѣтенныя этими великими людьми христіанской религіи, оставались у нихъ въ презрѣніи, или безъ всякаго, такъ сказать, употребленія, чтобы отцы сожалѣли о времени, употребленномъ на ихъ пріобрѣтеніе. Возьмите такъ называемый Шестодневъ Василія Великаго, прочитайте эту, такъ сказать, попытку сблизить первыя главы Пятокнижія Моисеева съ тогдашними свѣдѣніями о природѣ; вы въ этомъ сочиненіи найдете едвали не все, до чего тогда человѣкъ доходилъ своимъ умомъ, разсуждая о матеріальномъ мірѣ. Читая великое твореніе великаго церковнаго писателя, такъ и чувствуешь, что онъ нынѣ непремѣнно бы ознакомился со всѣми свѣдѣніями, излагаемыми въ химіи,

физикѣ, астрономіи, геологіи и прочихъ естественныхъ наукахъ, воспользовался бы ими для подтвержденія или объясненія первыхъ главъ книги Бытія и даже-уже конечно написалъ бы сочиненіе получше, нежели Марсель-де-Серъ, Андрей Вагнеръ и другіе нынѣшніи геологи-богословы, иностранные и русскіе.

А сколько у самыхъ замѣчательныхъ отцовъ церкви можно найдти мѣстъ, въ которыхъ они настойчиво совѣтуютъ священнику заниматься и другими науками, кромѣ богословскихъ? Въ доказательство нашей мысли мы ссылаемся на Святителя Григорія Богослова въ его надгробномъ словѣ Святителю Василію Великому. Слово это напечатано въ 4-й части Твореній св. отцовъ, изданной при московской духовной академіи.

1) 63 и 64 стран. „полагаю что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію нашу благороднѣйшую ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодовитость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, *по худому разумѣнію*, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того мы воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что удобно для жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго, и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ

заключать о Создателѣ, какъ говоритъ божественный Апостолъ, *плѣняюще всякъ разумъ во Христа* (2 Кор. 10, 5). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ нельзя сказать, что которая либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависитъ отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отринули все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и въ глубину погибели. Мы извлекали изъ нихъ полезное для даже самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать учености, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые, а напротивъ того *надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась того мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ.*“

2) Посмотримъ теперь какъ святый Григорій Богословъ говоритъ объ учености Василія Великаго 78—79 стран. „Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Лучше же сказать; въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ-бы занимавшійся этой одной наукой? Такъ изучилъ онъ всѣ, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ-бы не учился ничему другому. Кто сравнится съ нимъ въ *риторствѣ*, дышащемъ силою огня, хотя, правами

не походилъ онъ на риторовъ? Кто подобно ему, притодитъ въ надлежащія правила *грамматику* или языкъ, сводитъ *исторію*, владѣетъ *мѣрами стиха*, даетъ законы *стихотворству?* Кто былъ такъ силенъ въ *философіи*, — въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, то-есть въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями, и называется *діалектикою?* Ибо легче было выйдти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ сіе нужнымъ. Изъ *астрономіи*, *геометріи* и науки объ отношеніи чиселъ изучивъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство, отринулъ онъ все излишнее, какъ безполезное для желающихъ жить благочестиво. И здѣсь можно подивиться какъ избранному болѣе, нежели отринутому, такъ и отринутому болѣе, нежели избранному. *Врачебную науку* — этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія содѣлали для него необходимою и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ, и изучилъ въ немъ не только занимающееся видимымъ и долу-лежащимъ, но и собственно относящееся къ наукѣ и любомудрію.“

Подобныя выписки мы могли бы сдѣлать изъ сочиненій другихъ отцовъ церкви, но не находимъ нужнымъ доказать еще тотъ предметъ, который очень достаточно объясненъ словами Григорія Богослова, а также примѣромъ его, Василія Великаго, Аѳинагора и проч. А лучше хочемъ обратиться къ вамъ, г.г. об-

скурантисты, которые, желая уничтожить или ограничить до послѣдней степени преподаваніе свѣтскихъ предметовъ въ духовныхъ училищахъ, прикрываетесь указаніями на примѣры отцовъ церкви. Позвольте намъ нѣсколько измѣнить ваше возраженіе, разборомъ котораго мы занимаемся. „Исторія намъ говоритъ, что многіе знаменитѣйшіе отцы церкви, напр. Василій Великій, Григорій Богословъ, Аѳинагоръ и проч. ѣздили нарочно въ Аѳины, слушали языческихъ философовъ и съ полнымъ усердіемъ занимались изученіемъ преподаваемыхъ ими наукъ. Далѣе пріобрѣтенную такимъ образомъ ученость они не бросали, не считали вредною, ни къ чему негодною, еретическою, а обильно пользовались ею въ своихъ сочиненіяхъ. Потомъ Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ своему другу Василію Великому къ числу достоинствъ этого Святителя относитъ и то, что онъ зналъ тогдашнія, не свѣтскія уже, а языческія науки. Еще по мнѣнію того же Григорія, всякій, имѣющій умъ признаетъ *Первымъ благомъ* ученость ..... даже внѣшнюю. Наконецъ въ отеческихъ сочиненіяхъ есть много мѣстъ, въ которыхъ прямо совѣтуется пастырямъ и архипастырямъ заниматься не однимъ богословіемъ, а и прочими науками. По этому не должно ли подавать слѣдующій совѣтъ всѣмъ, желающимъ поступить въ духовное званіе: *подражайте вы знаменитѣйшимъ отцамъ церкви, слушайтесь ихъ совѣтовъ, ищите вездѣ свѣдѣній для разъясненія религіозныхъ истинъ, занимайтесь, подобно имъ, всѣми свѣтскими науками.*“ Вѣдь, какъ хотите, а такой совѣтъ справедливѣе и тверже основанъ на сильныхъ

церковныхъ авторитетахъ, нежели ваше, разсмотренное нами возраженіе. Если же вы будете съ нами не согласны, то позвольте прочитать вамъ приведенныя выше слова Григорія Богослова *„не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые, а напротивъ того надобно признать Глупыми и Невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ.“* Не позволите ли вамъ сказать: „вы, не признавая свѣтскихъ наукъ нужными для богослововъ, не думаете ли этимъ самымъ *скрыть какой либо свой недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ?“*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ, должно ли обучаться въ духовныхъ семинаріяхъ только то количество воспитанниковъ, которое нужно для занятія священническихъ, дьяконскихъ и пр. мѣстъ?

Католическое духовенство, будучи обязано по своему званію вести жизнь безбрачную, не оставляетъ по себѣ потомства и потому не озабочивается воспитаніемъ своихъ дѣтей; оно присвоило только себѣ право приготовлять людей, которые были бы способны занимать вакантныя мѣста патеровъ. Съ

этою цѣлію заведены особыя чисто уже спеціальныя духовныя училища, куда лица всѣхъ сословій отдаютъ своихъ дѣтей, осуждая ихъ такимъ образомъ, не извѣстно по какому праву, на безбрачную жизнь. Естественно ожидать, что число воспитанниковъ въ этихъ училищахъ должно быть ограничено и измѣряться количествомъ вакантныхъ мѣстъ. Но наше бѣлое духовенство находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Оно не только не ведетъ безбрачной жизни, но, какъ мы уже замѣтили, обязано вступать въ брачныя связи; — священники и дьяконы по каноническимъ правиламъ, а причетники по обстоятельствамъ своей жизни и по утвердившимся обычаямъ. При такомъ положеніи наше бѣлое духовенство оставляетъ послѣ себя не только преемниковъ, но и потомство. Что же ему теперь дѣлать съ своими дѣтьми, особенно мужескаго пола? Давать ли имъ образованіе научное, или оставлять ихъ въ блаженномъ невѣжествѣ и развѣ выучить грамотѣ, чтобы они могли быть писцами, земскими, прикащиками и пр.? — По существующимъ постановленіямъ научное образованіе запрещено давать лицамъ податнаго состоянія, пока они не уволены изъ него. Кромѣ того всякому отцу, даже дворянину, законъ не запрещаетъ оставлять своихъ дѣтей безъ образованія. И потому для отвѣта на предложенный нами вопросъ надобно рѣшить, 1) слѣдуетъ ли духовенство причислять къ свободнымъ сословіямъ, или нужно отнести, если не лица, изъ которыхъ оно состоитъ, то, по крайней мѣрѣ, часть дѣтей къ податному званію? 2) Желаетъ ли само духовенство давать

вать образованіе своему потомству, или было бы бладодарно, если бы его уволили отъ того?

Конечно, между православнымъ духовенствомъ едва ли найдется много потомковъ тѣхъ *гусей, которые нькогда Римъ спасли;* не встрѣтите почти никого, чья бы генеалогическая таблица начиналась предкомъ бояриномъ при Калитѣ или Грозномъ, какимъ либо мурзою казанскимъ, астраханскимъ или литовскимъ. Нѣтъ, въ нашемъ духовенствѣ течетъ кровь русскаго народа; оно вышло изъ него; само, при множествѣ препятствій завоевало свое значеніе. Но, не смотря на недостатокъ генеалогическихъ таблицъ, духовенство составляетъ почетную часть средняго сословія по своимъ правамъ, образованности и вліянію на народныя массы. Его уравнивать, не только съ помѣщичьимъ и государственнымъ крестьянамъ, но и даже мѣщанамъ не слѣдуетъ. Далѣе, едвали есть въ Россіи какое либо сословіе, которое бы такъ заботилось объ образованіи своихъ дѣтей, какъ духовенство; самое дворянство во всей массѣ не должно ли уступить въ этомъ отношеніи ему? Между дворянами, особенно въ тульской, рязанской, тамбовской, калужской и другихъ губерніяхъ много можно найти такихъ людей, къ которымъ идетъ пословица: *самъ пашетъ, самъ оретъ, самъ оброкъ съ себя беретъ;* большею частію эти *бояре* сами не умѣютъ читать и писать, да и дѣтей ничему не учатъ. Но въ духовенствѣ рѣшительно нѣтъ ни одного безграмотнаго человѣка; около трети его кончило курсъ въ семинаріяхъ и получило научное образованіе. Дѣтей своихъ всякій старается отдать въ училище,

дьячокъ или пономарь, получающій денежнаго дохода 50 р. сер. въ годъ, непремѣнно везетъ своего сына въ училище, содержитъ его до конца семинарскаго курса, не жалѣетъ своей спины и рукъ, работаетъ болѣе всякаго крѣпостнаго человѣка, и уже изнуренный трудами и лишеніями, имѣя впалыя щеки, сгорбленный станъ, подъ старость съ восторгомъ смотритъ на сына, кончившаго курсъ въ семинаріи и сдѣлавшагося священникомъ; это лучшая и, можетъ быть, единственная награда за труды и лишенія его. Мы знали одного изъ причетниковъ, который на свой счетъ или, лучше сказать, на счетъ своей спины, воспиталъ четырехъ сыновей до конца семинарскаго курса и имѣлъ удовольствіе хоть при концѣ жизни всѣхъ ихъ видѣть священниками. *Только чего это мнѣ стоило*, сказалъ старикъ, когда мы стали его поздравлять съ такими дѣтьми, но со слезами прибавилъ: *благодарю Бога за Его милость; я теперь умру спокойно.* Бѣднякъ дѣйствительно не долго наслаждался своимъ счастіемъ; желѣзное его здоровье не выдержало трудовъ; онъ скоро умеръ, хотя дѣти всячески старались успокоить его. Теперь обращаемся ко всѣмъ сословіямъ въ государствѣ: много ли между лицами, ихъ составляющими, найдется такихъ, которые бы всю свою трудовую копѣйку, все здоровье свое, даже самую жизнь тратили единственно на то только, чтобы дать дѣтямъ научное образованіе? А если найдутся такіе люди, то они лучше другихъ поймутъ истинное самоотверженіе, настоящую родительскую любовь и другія высокія качества, которыми наше бѣлое духовенство отличается

по части воспитанія своихъ дѣтей. И что же? Неужели у этого сословія свободнаго, уволеннаго отъ податей, приписаннаго къ среднимъ классамъ общества, надобно отнять возможность жертвовать своими трудами для того, чтобы воспитывать дѣтей какъ образованныхъ людей? Помилосердуйте, господа обскурантисты!

Гдѣ же теперь этимъ дѣтямъ воспитываться? Разумѣется въ духовныхъ училищахъ, вѣроятно отвѣтятъ: Да, это правда, но только, осмѣливаемся сказать, половинная. Дѣйствительно до 1851 года дѣти всѣхъ священно-церковно-служителей, хорошо обучаясь, могли надѣяться кончить курсъ въ семинаріяхъ. Но въ этотъ годъ вышло постановленіе, по которому должно было выпускать изъ семинаріи столько кончившихъ курсъ воспитанниковъ, сколько ихъ признано нужнымъ имѣть для занятія вакантныхъ священническихъ и отчасти дьяконскихъ мѣстъ. Съ этимъ вмѣстѣ положено, чтобы число учениковъ въ среднемъ противъ высшаго, въ низшемъ противъ средняго отдѣленій возрастало не болѣе, какъ только одною пятою частію; напр. если въ высшемъ отдѣленіи положено допустить 100; то должно быть въ среднемъ 120, а въ низшемъ 144 человѣка. Особенно же сдѣлался труднымъ и для большой части, даже при успѣхахъ, невозможнымъ переходъ изъ уѣзднаго училища въ семинарію. Чтобы понять вліяніе этого распоряженія на образованіе духовенства, нужно принять къ свѣдѣнію и, по канцелярскому выраженію, *къ должному въ потребныхъ случаяхъ соображенію* слѣдующее обстоятельство: если по числу

дѣтей судить о благословеніи Божіемъ, то оно вполнѣ почіетъ надъ бѣлымъ русскимъ духовенствомъ. Можно статистически доказать, что число дѣтей мужскаго пола въ этомъ сословіи едвали не вдвое болѣе, нежели сколько нужно молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ при церквахъ. И потому ограничить штатное число воспитанниковъ семинаріи тѣмъ только количествомъ учениковъ, которое единственно удовлетворяло бы потребностямъ церкви, не тоже ли значитъ, что и обязать священно-церковнослужителей давать полное семинарское образованіе только половинѣ своихъ дѣтей, а воспитаніе другой половины ограничить низшими училищами и потомъ приписывать ее къ почетнымъ сословіямъ мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ? Вотъ такимъ образомъ одно изъ свободныхъ образованныхъ сословій государства поставлено въ необходимость часть своего потомства обращать въ податное состояніе.

Но здѣсь могутъ сказать: „духовенству предоставлено право отдавать въ народныя училища, въ гимназіи и пр. тѣхъ дѣтей, которые за штатомъ не попадутъ въ духовныя семинаріи. Изъ-за чего же поэтому и сѣтовать на умомянутое распоряженіе 1851 года.“ Но этимъ утѣшительнымъ совѣтомъ не можетъ воспользоваться цѣлая половина духовенства: извѣстно, что по государственнымъ постановленіямъ дѣти причетниковъ не принимаются въ гимназіи. Далѣе тѣмъ, которые предлагаютъ этотъ совѣтъ, мы скажемъ: *вы не знаете духовнаго званія.* Не смотря на незавидное свое положеніе, на множество нуждъ, еще на бо̀льшое количество непріятностей,

упиженій и проч. и проч., наше бѣлое духовенство, особенно женская половина его имѣетъ сильную привязанность къ своему званію. Сюда, конечно, не нужно причислять тѣхъ столичныхъ *дамъ-попадьей*, которыя бы вспыхнули всѣмъ своимъ негодованіемъ, если бы кто ихъ осмѣлился назвать *матушкою*, а не мадамъ, хоть напр. М—ою, Л—ою, Р—ою и пр., которыя даже стыдятся прогуливаться съ своими бородатыми мужьями не только по Невскому, но даже по Галерной и Литейной; не объ нихъ здѣсь рѣчь. Но духовенство провинціальное, особенно сельское выше своего званія ничего не знаетъ, и любимою мыслію духовныхъ лицъ бываетъ мечта, что дѣти ихъ будутъ со временемъ священниками въ окрестныхъ селахъ, а одинъ изъ нихъ займетъ отцовское мѣсто. Какъ же теперь этихъ людей ставить въ необходимость отдавать своихъ дѣтей не въ духовныя училища, и такимъ образомъ итти противъ задушевныхъ ихъ убѣжденій? Конечно, со временемъ они сами увидятъ, что всѣмъ ихъ дѣтямъ нельзя остаться въ духовномъ званіи, что надобно позволить кому либо изъ нихъ поступить въ другія сословія, но зачѣмъ убивать любимую мечту съ перваго раза? Она никому не вредна; дѣти все-таки поучатся, надобно только учить ихъ получше.

Сверхъ того наше бѣлое духовенство не отличается богатствомъ; кромѣ не многихъ столичныхъ исключеній, большая часть сельскаго духовенства мало имѣетъ избытковъ и остатковъ, да и тѣ окончательно истрачиваетъ при выдачѣ дочерей въ замужство. Отъ этого многіе даже священники, при обиліи

дѣтей, затрудняются содержать ихъ въ училищахъ на свои доходы. Но кому неизвѣстно, что священно-церковно-служители служатъ не одной церкви, а и отечеству, не имѣютъ права отлучаться для заработокъ въ другія мѣста, не могутъ вести торговли и проч.? По этому не слѣдуетъ ли оказывать имъ пособіе при воспитаніи дѣтей? Справедливость этой обязанности давно уже сознана правительствомъ и духовнымъ начальствомъ. Въ духовныхъ училищахъ пользуются казеннымъ пособіемъ не только сироты, но и дѣти тѣхъ отцовъ, которые обременены семействами. Поэтому при ограниченномъ числѣ учениковъ въ семинаріяхъ изъ оставшихся за штатомъ большая часть не въ состояніи будетъ поступить въ свѣтскія заведенія, имъ тамъ нечѣмъ будетъ содержать себя; а духовное начальство уже не даетъ пособія тѣмъ дѣтямъ духовенства, которыя воспитываются въ свѣтскихъ училищахъ. Даже и нѣсколько зажиточнымъ отцамъ содержать дѣтей въ этихъ училищахъ не легко, а иногда и невозможно. Духовное начальство, по вниманію къ бѣдности священно-церковно-служителей, снисходительно смотритъ на одежду учениковъ, надѣты ли тулупы, нанковый халатъ или сибирка изъ домашняго сукна, — оно не взыскиваетъ за это, въ низшихъ училищахъ зимою въ употребленіи валеные теплые сапоги, такъ называемые валенки, а иногда, что грѣха таить, почтенные своимъ древнимъ происхожденіемъ, лапти; — лѣто же ученики для легкости и вовсе не употребляютъ обуви, а иные даже зимою остаются *санкюлотами* (sans culottes). Но въ гимназіяхъ нужны

мундиръ, мундирный сюртукъ, форменное пальто и проч. и проч. Нѣтъ, это будетъ не по карману для тѣхъ, которые въ годъ получаютъ 50, 100 или 150 руб. сер. денежнаго дохода; даже съ 300 руб. не легко обмундировать нѣсколькихъ сыновей въ гимназіи. И потому не правда ли, что отъ опредѣленныхъ штатовъ въ семинаріи почти половина дѣтей бѣлаго духовенства не получитъ воспитанія, свойственнаго среднимъ учебнымъ заведеніямъ?

Но въ этомъ мѣстѣ возразятъ, по видимому съ полною справедливостію и основательностію: „теперь многіе изъ кончившихъ курсъ семинарскаго образованія не могутъ часто найти себѣ приличное въ духовномъ званіи мѣсто, принуждены бываютъ года два, четыре и болѣе вести жизнь бездѣятельную, или наниматься въ домашніе учителя у сельскихъ помѣщиковъ и пр. Если же въ семинаріи дозволить поступать всѣмъ ученикамъ низшихъ духовныхъ училищъ, разумѣется достойнымъ, то иному даже студенту придется жить безъ мѣста 10-ть и болѣе лѣтъ. Не значитъ ли это пріучать къ праздной и бродячей жизни молодыхъ людей, которые могли бы быть полезными обществу? Не безчеловѣчно ли даже будетъ человѣка, учившагося въ школѣ не менѣе 12 лѣтъ, разстроившаго свое здоровье, заставлять въ лучшее время жизни, въ 20—30 лѣтъ или быть въ тягость своимъ родителямъ, не всегда богатымъ, или переходить изъ одного помѣщичьяго дома въ другой съ указкою и азбукою.“ Число подобныхъ вопросовъ можно бы очень увеличить; любители ихъ истощаютъ весь запасъ филантропіи, не

забывая даже политической экономіи, выгодъ государства и не только временной, но и вѣчной жизни; особенную, впрочемъ, ролю играетъ слово бродяжничество. Но и мы съ своей стороны осмѣливаемся также спросить: отчего они не считаютъ бродягами гораздо большаго числа дѣтей дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, почетныхъ гражданъ и пр., изъ которыхъ многіе, не только не кончили курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не рѣдко ни гдѣ вовсе не учившись, проводятъ между тѣмъ жизнь, не состоя на службѣ; — отчего спросимъ, ихъ не считаютъ бродягами и не направляютъ противъ нихъ своихъ филиппикъ? А сколько еще уже не дѣтей, а взрослыхъ людей, которые, *послуживши*, по русской пословицѣ, *безъ года недѣлю* и получивши одинъ или два чина, уже рѣшительно ничего не дѣлаютъ, развѣ только, проживая въ деревняхъ, ѣздятъ со борзыми и гончими за зайцами, или проводятъ жизнь за зеленымъ столомъ и въ гомерическихъ оргіяхъ, расточая деньги добываемыя потомъ и кровію добраго русскаго народа, или занимаются составленіемъ ябедническихъ прошеній и проч. и проч.? Ужъ если полагаютъ нужнымъ, чтобы не было бродягъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи, то не слѣдуетъ ли придумать мѣры противъ умноженія перечисленныхъ нами господъ? Подобное желаніе тѣмъ болѣе справедливо, что учениковъ семинаріи, окончившихъ курсъ но долго не опредѣляющихся къ должностямъ вовсе почти нельзя ни въ чемъ обвинять кромѣ того, что они не скоро находятъ приличное себѣ мѣсто. Вся порча ихъ нравственности едвали не въ томъ только

состоитъ, что они, пожившіе въ качествѣ домашнихъ учителей у помѣщиковъ, перестаютъ быть *увальнями и тюфяками*, перенимаютъ и усвояютъ свѣтскія приличія, говорятъ не съ поникшею головою, не съ потупленными глазами, не сгибаютъ своей спины подъ прямымъ и острымъ угломъ, не дѣлаютъ даже поясныхъ поклоновъ предъ властями, объясняются прилично, но свободно, не застѣнчиво и благородно, такъ что какъ бы по неволѣ къ нимъ приходится обращаться не съ *ты*, а съ *вы*. Но почти нельзя сказать, чтобы кончившіе курсъ семинаріи, впадали въ преступленія, отличались даже разгульною жизнію, кромѣ развѣ перваго и втораго года своей гражданской свободы, когда они, вырвавшись наконецъ изъ подъ лежащаго на нихъ гнета, стараются доказать свою свободу. За что же считать ихъ бродягами? Почему на этомъ основаніи стараться объ уменьшеніи числа учениковъ въ семинаріяхъ.

Притомъ же, установивши штаты для учениковъ семинаріи, достигли ль предполагавшейся при этомъ цѣли, т. е. уменьшили ли число праздно-шатающихся дѣтей бѣлаго духовенства? Вопросъ этотъ можно изложить слѣдующими словами: уменьшили ль семинарскіе штаты вообще число дѣтей священно-церковно-служителей? Или наше почтенное духовенство, не обращая вниманія на штатомъ ограниченное количество учениковъ семинаріи, по прежнему также богато своимъ потомствомъ? Какъ угодно, а уменьшенія нѣтъ. Какія же послѣдствія штатовъ? Очевидно мальчики вмѣсто того, чтобы, обучаясь постепенно въ низшихъ училищахъ и потомъ во всѣхъ

классахъ семинаріи, въ 20 или 22 года, выйти въ свѣтъ людьми достаточно образованными, теперь цѣлыми массами исключаются изъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, уже вовсе не людьми образованными. Нѣкоторые изъ нихъ при помощи денегъ и связей родительскихъ опредѣляются въ писцы низшихъ судебныхъ мѣстъ, къ становымъ приставамъ, окружнымъ начальникамъ и пр., ведутъ жалкое свое существованіе съ 2—3 руб. мѣсячнаго жалованья, пріучаются къ взяткамъ и ябедничеству и служатъ главнымъ, такъ сказать, магазиномъ, откуда выходитъ та часть чиновническаго міра, которую общественное мнѣніе клеймитъ названіемъ *приказныхъ* и *подячихъ*. Другая, гораздо большая часть разстается съ правами свободнаго состоянія и поступаетъ въ мѣщане и государственные крестьяне. Не странно ли встрѣчать подобное явленіе нынѣ — во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія? Не есть ли оно чистый анахронизмъ? Если теперь дана двадцати милліонамъ помѣщичьихъ крестьянъ свобода, то не странно ли встрѣтить распоряженіе, которое очень значительную часть одного изъ свободныхъ сословій обращаетъ въ податное? Если по новому уставу гимназій въ нихъ станутъ обучаться крестьянскія дѣти, то не странно ли видѣть, что входъ въ семинарію затворяется огромному количеству священническихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей? Наконецъ по существующимъ постановленіямъ семинарскія правленія могутъ дозволять обучаться въ семинаріяхъ дѣтямъ изъ всѣхъ свободныхъ сословій. За какія же

преступленія исключены изъ этого только дѣти духовенства?

Къ большему сожалѣнію новые мѣщане и государственные крестьяне считаются самыми дурными въ новомъ своемъ сословіи, такъ что нѣкоторыя градскія и сельскія общества съ неохотою ихъ принимаютъ, а иногда даже совершенно отказываютъ. А между тѣмъ какъ выше было замѣчено, въ числѣ окончившихъ курсъ семинаристовъ, но не получающихъ долго никакой должности, почти вовсе не встрѣчается дурныхъ людей. Самъ тотъ губернаторъ, который въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, представляя отчетъ о ввѣренной ему губерніи доносилъ, что все въ ней благополучно, но только очень много находится семинаристовъ, остающихся безъ мѣстъ, и который этимъ своимъ донесеніемъ между прочимъ подалъ поводъ къ установленію штатовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, — повторимъ: самъ этотъ губернаторъ долженъ былъ прибавить, что отъ семинаристовъ не бываетъ никакихъ безпорядковъ. Почему же бы ихъ не оставить въ покоѣ? Развѣ лучшаго результата достигли, когда по введеніи штатовъ въ семинаріяхъ, вмѣсто умныхъ, скромныхъ, довольно образованныхъ и способныхъ распространять образованіе семинаристовъ, получили почти никуда негодныхъ мѣщанъ и мужиковъ, или настоящихъ приказныхъ? Право у насъ и безъ того мужиковъ очень много, увеличивать число ихъ лицами, происходящими изъ свободныхъ сословій, притомъ лицами, которыя болшею частію дѣлаются самыми дурными мужиками, право, нѣтъ никакой на-

добности. Плохой это прогрессъ для второй половины девятнадцатаго столѣтія.

Но здѣсь намъ могутъ замѣтить: зачѣмъ вы, милостивый государь, уклонились отъ отвѣта на сдѣланный вами же вопросъ: куда дѣвать кончившихъ курсъ учениковъ семинаріи, которые окажутся излишними для духовенства? И безъ того у насъ много расплодилось людей, не платящихъ подушнаго оклада, не несущихъ рекрутской повинности.“ Куда дѣвать? Мѣстъ много. Безпокоиться объ этомъ нѣтъ надобности, слѣдуетъ только позаботиться объ образованіи учениковъ въ семинаріи, о томъ, чтобы они выходили по окончаніи семинарскаго курса людьми образованными, а *не просто семинаристами*. Вѣдь, теперь же часть исключенныхъ изъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища поступаютъ на службу въ уѣздные и земскіе суды, въ магистраты, къ становымъ приставамъ и пр. Неужели устройство и дѣлопроизводство во всѣхъ этихъ мѣстахъ разстроится, когда вмѣсто безграмотныхъ мальчишекъ станутъ служить люди, получившіе полное образованіе въ среднемъ учебномъ заведеніи? Послуживши и послѣ сдѣлавшись столоначальниками, секретарями и пр., можетъ быть и они попривыкнутъ къ взяточничеству, но вовсе уже не будутъ тѣми подъячими, которыхъ у насъ расплодилось такъ много. А званіе домашнихъ учителей развѣ не нуждается въ людяхъ? Развѣ и нынѣ, послѣ крымской кампаніи многіе французскіе солдаты не остались менторами молодыхъ деревенскихъ баричей? Не лучше ли было бы, если бы мѣста этихъ фанфароновъ заняли люди

умные, но русскіе? Даже при теперешнемъ семинарскомъ образованіи какъ оно ни мало приспособлено къ быту дворянскаго сословія, многіе помѣщики въ домашніе учители къ себѣ съ удовольствіемъ принимаютъ кончившихъ курсъ семинаристовъ? Что же было бы, если бы послѣдніе получали удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ образованіе? Вотъ теперь у насъ появилось множество компаній, — развѣ для производства ихъ дѣлъ не нужны образованные люди? А желѣзныя дороги? Сколько на нихъ потребуется даже ученыхъ? Зачѣмъ бы ихъ выписывать изъ за границы? Не лучше ли ихъ дома воспитать? Да что говорить? Право, только нужно позаботиться о воспитаніи семинаристовъ, а мѣста для нихъ будутъ, хотя бы они оканчивали курсъ въ двойномъ — тройномъ числѣ, противъ теперешняго. На подати нечего указывать, — эти люди, истративши въ годъ фунтовъ шесть чаю, да фунтовъ шестьдесятъ сахару, доставятъ казнѣ больше выгоды, нежели взносомъ подушнаго оклада. А рекрутская повинность? Незачѣмъ безпокоиться и объ ней. Если государство сочтетъ нужнымъ, то оно найдетъ возможность въ извѣстной степени распространить ее и на другія сословія. Но, Бога ради, пора перестать лицами, происходящими изъ свободныхъ сословій, увеличивать число дурныхъ мѣщанъ, крестьянъ и приказныхъ.

Позвольте сдѣлать еще одно замѣчаніе о штатахъ для духовныхъ семинарій. Посредствомъ нихъ думали поощрить учениковъ къ болѣе усердному занятію науками. По видимому, въ самомъ дѣлѣ,

какъ бы имъ не соревновать другъ — другу, когда при самыхъ отличныхъ успѣхахъ только извѣстное число изъ нихъ должно быть переведено въ слѣдующій классъ? Но на опытѣ почти вездѣ оказалось совершенно противное, ученики со времени введенія штатовъ стали заниматься едвали не хуже прежняго. Причина этому очень понятна. Изъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища въ семинарію переводится менѣе половины, а иногда только треть учениковъ, не по причинѣ ихъ неуспѣшности, единственно потому, что, на основаніи штатовъ, болѣе принять въ семинарію нельзя. Такимъ образомъ ученики, поступивъ въ высшее отдѣленіе уѣзднаго училища, уже знаютъ, что изъ нихъ только треть, или въ самомъ благопріятномъ случаѣ двѣ пятыхъ будутъ переведены въ семинарію. Послѣ этого убѣжденія естественно, что ученики, занимающіе мѣста около, или ниже половины по спискамъ, не могутъ имѣть никакой надежды на свой дальнѣйшій переходъ. Зачѣмъ же имъ и заниматься? Какъ ни хлопочи они, а все-таки ихъ не переведутъ. Равнымъ образомъ учители и начальники, зная, что объ нихъ будутъ судить только по тѣмъ, которые назначаются къ переводу, ими одними занимаются, а прочими развѣ отъ скуки, для разнообразія. И предполагаемые счастливцы изъ учениковъ, видя, какъ просторно жить низшей половинѣ, тоже мало-по-малу увлекаются ея примѣромъ; они уже зарекомендовали себя, ихъ переведутъ — только чтобы слишкомъ не залѣниться; такимъ образомъ и они часто дѣло дѣлаютъ, *спустя*, какъ говорится, *рукава*. Зло еще можно было бы предовратить, если бы или

начальники семинаріи дѣлали выборъ изъ всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленія училища; или переводные экзамены производимы были наставниками семинаріи, и притомъ всѣмъ ученикамъ,кончившимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. Тогда, можетъ быть, общими усиліями моглибы замѣтить бѣдныхъ тружениковъ, записанныхъ гдѣ либо во второмъ, или третьемъ разрядѣ. Но мы въ 10-й гл. 1-й части уже видѣли, какъ большею частію производятся переводные экзамены, повторять въ другой разъ тоже самое нѣтъ надобности. Кого назначитъ къ переводу или поставитъ повыше въ спискѣ начальникъ училища, тотъ только и можетъ надѣятся поступить въ семинарію, — а прочіе, хотя и успѣшные, — *сиди у моря, да жди погоды;* ни самимъ безъ разрѣшенія начальства явиться на экзаменъ, ни пожаловаться почти вездѣ не возможно. Одинъ изъ начальниковъ семинаріи, слушая, какія злоупотребленія происходятъ отъ подобныхъ распоряженій сказалъ: „о, Господи! (онъ былъ человѣкъ набожный). Развѣ мнѣ самому заниматься всѣми ребятишками? на это есть училищное начальство, а я имѣю общій, высшій надзоръ.“ Этотъ же начальникъ экзаменовалъ учениковъ одного училища въ самомъ городѣ своего мѣстопребыванія, и когда уже штатное число переводимыхъ было закончено, то нѣсколько умныхъ и довольно бойкихъ мальчиковъ просили его поэкзаменовать ихъ, и осмѣлились даже сказать, что они тоже занимались и были гораздо выше у всѣхъ учителей; только при составленіи послѣднихъ общихъ списковъ О—у С—лю почему-то вздумалось понизить ихъ, хотя ему они отвѣчали рѣшительно хо-

рошо. Досталось же этимъ буянамъ, этимъ карбонарамъ въ 14—15 лѣтъ; долго имъ какъ-то не удобно было сидѣть на скамьяхъ, а нѣкоторые, *примѣра ради*, были исключены изъ училища. И дѣло, — еще *дерзнули* сознавать свои достоинства. При такомъ положеніи дѣлъ начальники низшихъ духовныхъ училищъ были бы слишкомъ недогадливы, еслибы въ семинарскихъ штатахъ не видѣли богатаго источника для своихъ доходовъ; только немногіе простаки при выборѣ учениковъ, назначаемыхъ къ переводу въ семинарію, руководствуются полнымъ безпристрастіемъ. Другіе одну половину посылаютъ съ согласія учителей, или на основаніи ихъ списковъ, а остальную послѣ секретныхъ совѣщаній съ папеньками питомцевъ. Большая же часть, предоставивъ развѣ первому пятку ѣхать на экзаменъ безъ всякихъ *инцидентій*, прочимъ ученикамъ объявляетъ прямо, что они въ томъ только случаѣ назначатся къ переводу въ семинарію, когда напередъ внесутъ опредѣленную сумму, для полученія которой отъ отцовъ и отпускаютъ ихъ домой. Но эта часть начальковъ раздѣляется на двѣ партіи. Одни для простоты счета налагаютъ равную контрибуцію на каждаго мальчика, будетъ ли онъ сынъ протоіерея или дьячка. Другіе же, руководствуясь, вѣроятно, идеями о прогрессивномъ налогѣ, принимаютъ во вниманіе состояніе и должность родителей; въ слѣдствіе чего причетникъ вноситъ одинъ x, діаконъ $2\,x$, а священникъ $3\,x$ и даже $4\,x$. Разумѣется такса бываетъ различна, низпускается до 5-ти, но восходитъ до 25 и 30 рублей. Особенно должно пожа-

лѣть о тѣхъ бѣдняках, которыхъ дѣти отсылаются назадъ семинарскими начальствами; потому что истраченныя деньги, разумѣется, не возвращаются.

Даже въ самыхъ семинаріяхъ, гдѣ одна пятая часть учениковъ низшаго и средняго классовъ, не будетъ переведена въ слѣдующій классъ, — распоряженіе 1851 года имѣетъ вредное вліяніе. Если штатъ полонъ, то пятой части учениковъ не за чѣмъ заниматься; ее не переведутъ; а если отъ какихъ либо причинъ, напр. болѣзней и проч. остается число учениковъ почти равное тому, какое нужно для перевода въ слѣдующій классъ, то переведутъ для округленія штатскаго числа такихъ, которые по успѣхамъ не заслуживаютъ этого. Вотъ случай, за вѣрность котораго мы вполнѣ ручаемся: въ 1854 г. житель одного изъ губернскихъ городовъ, имѣющій нѣкоторое значеніе, получилъ письмо отъ своего родственника съ просьбою постараться о переводѣ племянника его изъ низшаго отдѣленія семинаріи въ среднее. Получившій письмо пригласилъ къ себѣ милаго племянничка и, желая знать, за кого ему ходатайствовать, рѣшился напередъ его экзаменовать его. Очень скоро открылось, что претендентъ на среднее отдѣленіе вовсе не имѣетъ свѣдѣній, по русски пишетъ плохо, исторіи не знаетъ, и пр. Не смотря на все уваженіе къ своему родственнику, получившій письмо посовѣстился просить начальника семинаріи о переводѣ милаго племянничка, тѣмъ болѣе, что экзамены были кончены; и мальчикъ по собственному сознанію, отвѣчалъ не очень удачно; но прибавилъ въ свое утѣшеніе, что число его товарищей по раз-

нымъ причинамъ очень уменьшилось и что остальныхъ для полноты штата надобно всѣхъ перевести въ среднее отдѣленіе. Разсчетъ мальчика вполнѣ оправдался; чрезъ нѣсколько дней онъ съ радостію прибѣжалъ къ миимому своему ходатаю и объявилъ себя философомъ (такъ обыкновенно называются, по преданію, ученики средняго отдѣленія семинаріи). Вотъ чисто бездарный человѣкъ переведенъ единственно потому, что надобно было наполнить штатъ, — переведенъ противъ его собственнаго ожиданія; теперь онъ даже кончилъ курсъ въ семинаріи, остался по прежнему бездарнымъ и безъ всякихъ свѣдѣній. Нѣтъ, лучше не стѣснять числа учениковъ въ семинаріи штатами, переводить столько, сколько найдется достойныхъ людей; тогда гораздо больше будетъ и *умныхъ учениковъ* во семинаріяхъ, и *умныхъ священниковъ* въ православной церкви, и *умныхъ людей* въ русскомъ царствѣ.

Нельзя не упомянуть о вредномъ вліяніи, которое начали имѣть семинарскіе штаты на образованность дьяконовъ. До штатовъ почти во всѣхъ епархіахъ дьяконское мѣсто не безъ труда получали ученики, исключенные изъ средняго отдѣленія семинаріи; такъ называемыхъ учениковъ реторики, развѣ всесильная протекція и какія либо обстоятельства возвышали до дьяконскаго сана; а ученики, исключенные изъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ, даже не осмѣливались мечтать о дьяконствѣ. Теперь дѣла пошли иначе. При новыхъ семинарскихъ штатахъ слишкомъ мало учениковъ исключается изъ средняго и низшаго отдѣленій семинаріи. По этому во мно-

гихъ епархіяхъ дьяконскія мѣста начали предоставлять не только ученикамъ реторики, но и мальчикамъ, исключаемымъ изъ низшихъ училищъ. Г.г защитники штатовъ, неужели и это вы найдете полезнымъ для духовенства и для религіи? Не ужели дьяконъ, исключенный изъ уѣзднаго училища, будетъ лучше понимать и исполнять свои обязанности, нежели ученикъ, поучившійся въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ семинаріи?

Разсмотрѣвши все сказанное нами о системѣ воспитанія, введенной въ духовныя семинаріи въ 1851 году касательно числа учениковъ, должно сознаться, что она не достигаетъ своей цѣли, обременительна и унизительна для духовенства, гибельна для значительной части дѣтей его и положительно вредна для государства. Поэтому не лучше ли, оставивъ ее и возстановивъ прежнюю систему, дозволить въ семинаріяхъ обучаться и оканчивать курсъ всѣмъ дѣтямъ бѣлаго духовенства, которыя сами пожелаютъ, а по успѣхамъ и поведенію заслуживаютъ этого. Но въ такомъ случаѣ духовно-учебныя заведенія нужно такъ устроить, чтобы воспитанники ихъ по окончаніи семинарскаго курса не только были способны занять священническія должности, но и не встрѣчали себѣ препятствія въ своемъ образованіи, еслибы за неимѣніемъ вакантныхъ мѣстъ въ духовенствѣ, или по собственному желанію поступали на гражданскую службу и въ высшія свѣтскія училища. Послѣ этого странно было бы утверждать, что въ духовныхъ училищахъ надобно ограничиться преподаваніемъ только богословскихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ

мы доказали въ предыдущей главѣ, даже священнику и дьякону кромѣ нихъ необходимо ознакомиться еще съ обще-человѣческими свѣтскими науками; то, что дѣлать съ однимъ богословіемъ тѣмъ дѣтямъ духовнаго званія, которыя не могутъ оставаться въ немъ? Такимъ образомъ даже въ томъ случаѣ, когда бы духовенству не нужны были обще-человѣческія науки, ихъ слѣдуетъ преподавать въ духовныхъ училищахъ для того, чтобы дѣти духовнаго званія, не имѣющія возможности оставаться въ немъ, могли получить воспитаніе приличное образованнымъ людямъ и чрезъ это присоединиться къ неподатнымъ благороднымъ сословіямъ, а не приписываться въ мѣщане и государственные крестьяне, или дѣлаться подъячими.

•

ГЛАВАЯ ТРЕТІЯ.

О необходимости гимназическаго образованія для дѣтей бѣлаго духовенства.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы доказали, что духовно-учебныя заведенія въ томъ только случаѣ вполнѣ удовлетворятъ современнымъ потребностямъ общества и духовенства, а также избавятъ почти половину дѣтей послѣдняго отъ необходимости дѣлаться подъячими, дурными мѣщанами и мужиками, когда воспитанники ознакомятся не съ однимъ богословіемъ, но и съ тѣми изъ свѣтскихъ наукъ, которыя

считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка. Какія же науки, которыхъ образованному человѣку въ нынѣшнее время *стыдно незнать*, и которыя по этому самому нужны священнику богослову? Входить въ подробныя разсужденія объ этомъ предметѣ мы находимъ неумѣстнымъ и продолжительнымъ, а думаемъ опереться здѣсь на авторитетъ, который нельзя назвать слабымъ. Наши гимназіи не принадлежатъ къ такъ называемымъ спеціальнымъ училищамъ; въ нихъ обучаются лица всѣхъ свободныхъ сословій, не только потомки князей, происходящихъ по прямой линіи отъ Рюриковичей или Ольгердовичей, но и дѣти мѣщанина и крестьянина, которыхъ общества или помѣщики уволили изъ подумнаго оклада. Равнымъ образомъ воспитанники гимназій по окончаніи своего учебнаго курса не обязаны поступать въ одно какое либо сословіе, на извѣстный родъ службы; они приготовляются такъ, что имъ открыта дорога во всѣ учебныя высшыя заведенія и едвали не во всѣ спеціальныя училища. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что гимназическая программа заключаетъ въ себѣ тѣ науки, которыя должны быть извѣстны всякому, кто обнаруживаетъ притязаніе на названіе образованнаго человѣка. Такимъ образомъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, кромѣ спеціальныхъ богословскихъ предметовъ, должно обучать всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ гимназіяхъ, развѣ нужно будетъ сдѣлать немногія измѣненія и то для того только, чтобы кого нибудь не испугать мнимою новизною.

Какимъ же образомъ соединить гимназическую

программу съ обширнымъ преподаваніемъ богословія въ духовныхъ училищахъ? Для этого представляются два способа: а. Или нужно не измѣнять той системы воспитанія, которую начали вводить преимущественно съ 1840 года. По этой системѣ въ духовныхъ училищахъ тоже много преподается свѣтскихъ наукъ, но только вмѣстѣ съ богословскими, такъ что нѣтъ ни одного класса (кромѣ, кажется, высшаго отдѣленія духовныхъ академій), гдѣ бы тѣ и другія науки не были перемѣшаны между собою.*) Такимъ образомъ по нынѣшней системѣ хотятъ духовныхъ воспитанниковъ отъ перваго до послѣдняго класса дѣлать въ одно и тоже время свѣтски-образованными людьми и учеными богословами, — ведутъ по двумъ дорогамъ, которыя впрочемъ можно положить въ очень близкомъ разстояніи между собою и въ параллельномъ направленіи другъ съ другомъ. б. Или воспитаніе въ духовныхъ училищахъ нужно раздѣлить на два періода; въ первомъ обучать дѣтей по гимназической программѣ, не при-

*) Въ классахъ семинарій науки распредѣлены слѣдующимъ образомъ; *въ низшемъ отдѣленіи* преподаются: словесность, всеобщая исторія, алгебра, геометрія, пасхалія, латинскій и греческій языки, катихизисъ Петра Могилы, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, чтеніе историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта; — *въ среднемъ отдѣленіи*: логика, психологія, русская гражданская исторія, естественная исторія, физика, латинскій и греческій языки, библейская исторія, библейская герменевтика, патристика, чтеніе учительныхъ и пророческихъ книгъ В. З. и сельское хозяйство; — *въ высшемъ отдѣленіе:* богословіе догматическое, пастырское, нравственное, обличительное, гомилетика, исторія церкви вообще, исторія русской церки, чтеніе о книгахъ новаго завѣта, ученіе о богослуженіи, каноническое право и медицина народная. Кромѣ того предоставляется произволу воспитанниковъ слушать уроки по французскому нѣмецкому и еврейскому языкамъ.

готовлять ихъ исключительно къ какому либо одному сословію, а стараться сдѣлать изъ нихъ людей образованныхъ, знакомыхъ съ обще-человѣческими науками. По окончаніи этого періода отъ благоусмотрѣнія духовнаго начальства, отъ расположенія и способностей воспитанниковъ будетъ зависѣть кому изъ нихъ должно преподавать богословскіе предметы въ объемѣ необходимомъ для священниковъ и дьяконовъ (о причетникахъ, право, не стоитъ много заботиться, а, пожалуй, и для нихъ можно устроить нѣчто въ родѣ дьячковскаго факультета). Которому изъ этихъ двухъ способовъ надобно отдать предпочтеніе? Мы не принадлежимъ къ числу ненавистниковъ старины, готовыхъ охуждать всякое распоряженіе, потому только, что оно старо; и все передѣлать на новый ладъ. Почему не держаться старины, если она не противорѣчитъ современнымъ требованіямъ? Потому нынѣшней системы воспитанія въ духовныхъ училищахъ мы безусловно не охуждаемъ; но не можемъ не сказать, что второй способъ, по нашему мнѣнію, гораздо лучше перваго. Вотъ причины, которыя заставлаютъ насъ такъ думать!

1. Трудно найти спеціальное училище, въ которомъ бы всѣми преподаваемыми науками занимались ученики съ одинаковымъ усердіемъ. Какъ ни будутъ начальники всесторонне-образованными и безпристрастными; наставники свѣдущими и дѣятельными, воспитанники прилѣжными и покорными; второстепенные предметы всѣ останутся на заднемъ планѣ. Это замѣчаніе особенно нужно приложить къ духовнымъ училищамъ. Ихъ начальники, по крайней мѣрѣ

нѣкоторые, считаютъ, какъ мы выше замѣтили, занятіе свѣтскими науками даже вреднымъ для богослова. Поэтому, если въ духовныхъ училищахъ удержится теперешняя система воспитанія, то воспитанники ихъ никогда не узнаютъ тѣхъ наукъ, которыя считаются необходимыми для образованныхъ людей. Существованіе этихъ наукъ, конечно, можно будетъ подтверждать училищными программами, списками объ успѣхахъ учениковъ, отмѣтками въ аттестатахъ, выдаваемыхъ воспитанникамъ, расходными книгами, въ которыхъ наставники расписываются въ полученіи жалованья — и другими оффиціальными документами; но ученики и начальники также мало вниманія станутъ обращать на свѣтскія науки, какъ и теперь; — *ихъ только будутъ терпѣть.* Но если держаться втораго изъ указанныхъ нами способовъ, то волею или неволею воспитанникъ долженъ будетъ заниматься всѣми науками, составляющими гимназическій курсъ, если бы онъ даже только думалъ о вступленіи въ священники; потому что его не допустятъ до слушанія спеціальныхъ лекцій по богословію прежде, нежели онъ получитъ аттестатъ гимназическій. Даже начальники — злоты исключительно-богословскаго - образованія — не будутъ имѣть благовидныхъ причинъ заставлять мальчиковъ пренебрегать свѣтскими науками.

2. Преподаваніе богословскихъ наукъ весьма много облегчится по слѣдующимъ двумъ причинамъ. а. При теперешней системѣ въ каждый классъ духовныхъ училищъ вносится какъ можно болѣе богословскихъ наукъ, чтобы съ перваго раза уже видно

было, что тутъ учатся не Богъ знаетъ какіе ученики, а тѣ именно, которые готовятся къ занятію іерархическихъ мѣстъ. Отъ этого, какъ мы сказали выше, нѣкоторыя науки или преподаются по два и по три раза, или читаются ученикамъ, которые по своему возрасту еще не способны ихъ понимать. б. Отъ заведеннаго ли порядка, отъ возвышенности ли предметовъ или отъ другихъ причинъ нынѣ многіе учебники по богословскимъ наукамъ, какъ уже замѣчено, не отличаются яснымъ, удобопонятнымъ, современнымъ языкомъ и изложеніемъ; для малыхъ дѣтей учиться по такимъ учебникамъ не только тягостно, даже наказаніе. Но если держаться въ духовныхъ училищахъ втораго изъ предложенныхъ нами способовъ, то не будетъ надобности заставлять учить одно и тоже два -три раза, и затверживать науку, которая по содержанію и слогу недоступна дѣтскому уму. Облегченіе, по нашему мнѣнію, очень значительное, и сверхъ того мальчику богословскіе предметы не будутъ прискучивать; изученіе ихъ не обратится въ пустой формализмъ и механизмъ, какъ это теперь случается.

3. Въ настоящее время въ священники поступаютъ, какъ будтобы по сцѣпленію различнаго рода *роковыхъ необходимостей*. Священникъ, или причетникъ везетъ своего сына въ духовное училище; потому что нѣтъ почти возможности воспитать его въ другихъ мѣстахъ. Начальники и учителя воспитываютъ мальчика такъ, чтобы онъ годенъ былъ только для поступленія въ духовное званіе; и въ этомъ случаѣ не обращаютъ вниманія на то, имѣетъ ли

онъ способности и охоту быть священникомъ или причетникомъ? Мальчикъ выросъ и кончилъ курсъ семинаріи; можетъ быть, ему духовное званіе и не очень нравится, но куда дѣваться, когда онъ такъ воспитанъ и въ такихъ обстоятельствахъ находится, что выгодная служба по другимъ вѣдомствамъ для него почти невозможна? Наконецъ епархіальное начальство должно только изъ воспитанниковъ семинаріи выбирать священно-церковно-служителей. Вѣдь, какъ угодно, а всѣ эти обстоятельства по неволѣ назовешь *стеченіемъ роковыхъ необходимостей*. Не споримъ, что и нынѣ между нашими пастырями есть очень много лицъ достойныхъ полнаго уваженія; но сколько найдется такихъ, которые не заслуживаютъ его, непринадлежали бы къ духовенству при иномъ порядкѣ дѣлъ? Совсѣмъ другое было бы, если бы научное приготовленіе къ духовному званію начиналось послѣ того, какъ молодые люди окончили гимназическій курсъ. Начальство духовное избирало бы только тѣхъ, которые заслуживаютъ эту честь по своимъ способностямъ, поведенію и даже по своему умственному и нравственному настроенію; да и сами воспитанники, какъ люди взрослые и образованные, станутъ перемѣнять сертукъ на подрясникъ и рясу по зрѣломъ обсужденіи того, способны ли они быть священниками или дьяконами. Конечно и при этомъ положеніи дѣлъ не всѣ они будутъ образцовыми пастырями, но уже навѣрное можно сказать, что число недостойныхъ пастырей, равно какъ и тяжебныхъ дѣлъ въ духовныхъ консисторіяхъ весьма уменьшится. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ на-

ихъ единоплеменниковъ въ Австріи предупредили насъ въ этомъ отношеніи; у нихъ священники и дьяконы должны имѣть полное гимназическое образованіе и потомъ уже слушать богословскій курсъ. *Не стыдно ли намъ?*

4. Начальство духовное избавится отъ тягостной обязанности скорбѣть о томъ, что многіе изъ получившихъ полное семинарское воспитаніе бродятъ пять и болѣе лѣтъ по помѣщичьимъ домамъ въ качествѣ домашнихъ учителей, или живутъ у своихъ отцовъ, забывая пріобрѣтенныя свѣдѣнія, и что, не смотря на все это, такихъ людей приходится посвящать въ священники. Если отдѣлить гимназическое воспитаніе отъ богословскаго; то начальство станетъ избирать кандидатовъ на священническія и дьяконскія мѣста, вполнѣ сообразуясь съ количествомъ вакантныхъ мѣстъ; въ такомъ ограниченіи его уже никто не станетъ обвинять. По съ другой стороны бѣлое духовенство не будетъ жаловаться на стѣснительное положеніе, въ которое оно теперь поставлено такъ называемыми штатами семинарій; потому что дѣти его, получивши гимназичное воспитаніе, могутъ поступать на всякую гражданскую службу и во всякое учебное заведеніе. Такимъ образомъ число клязузниковъ-подъячихъ, плохихъ мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ уменьшится; мѣсто ихъ займутъ люди образованные; отъ этой перемѣны, кажется, и государство получитъ пользу, да и честь духовенства перестанетъ страдать.

5. Наше духовенство въ настоящее время составляетъ не только особенное, но отрѣшенное, въ

себѣ самомъ замкнутое сословіе. Дѣти его, конечно, какъ мы уже много разъ замѣчали, вступаютъ въ мѣщане, небольшая часть въ чиновники, медики и на другія ученыя должности; — дочери выдаются въ бо́льшемъ количествѣ за мужиковъ и мѣщанъ, нерѣдко за приказныхъ, рѣже за чиновниковъ, еще рѣже за купцовъ, и то третьей гильдіи и уже слишкомъ рѣдко за дворянъ. Но за то изъ другихъ сословій никто не имѣетъ или возможности, или охоты поступать въ духовное званіе; самые монастыри наполнены преимущественно не доучившимися, исключенными семинаристами и пр.; впрочемъ здѣсь всетаки встрѣчаются лица изъ другихъ сословій, нынѣ между епископами даже есть двое изъ дворянъ. Въ бѣломъ же духовенствѣ мы рѣшительно не знаемъ ни одного примѣра, чтобы какое либо лице его происходило изъ другихъ сословій, только въ рижской епархіи есть священники изъ обращенныхъ въ православіе тамошнихъ крестьянъ. Этого мало; — самыя жены духовныхъ лицъ почти всѣ безъ исключенія изъ духовнаго же сословія; многіе, сдвали даже не всѣ епархіальные начальники только въ крайнихъ, какихъ либо экстренныхъ случаяхъ позволяютъ отступать отъ этого обычая; мы знаемъ не одного профессора семинаріи, который, рѣшившись вступить въ бракъ съ дочерью купца, дворянина и пр., долженъ былъ первоначально оставить духовное званіе. Но, да будетъ извѣстно тѣмъ, *имъ же вѣдати подобаетъ*, что всякое сословіе, въ себѣ самомъ замкнутое, не обновляемое, не освѣжаемое лицами изъ другихъ сословій, слишкомъ легко съ теченіемъ времени мо-

жетъ переродиться если не *въ касту*, то *въ корпорацію*, чуждую по своимъ обычаямъ, интересамъ и мнѣніямъ для прочихъ сословій. У насъ, можетъ быть, еще такого перерожденія нѣтъ, но оно будетъ непремѣнно, если не уничтожатся причины, благопріятствующія тому, *законы, управляющіе природою и человѣческими обществами, не отразимы и для духовнаго званія.* Но если разныя обстоятельства не позволили еще нашему духовенству усвоить себѣ духъ свойственный какимъ либо кастамъ или корпораціямъ, то надъ нимъ давно уже тяготѣетъ другое послѣдствіе изолированнаго его положенія. Извѣстно, что сословіе, которое отдѣлило себя отъ вѣка китайскими стѣнами, мало по малу подвергается колкостямъ, насмѣшкамъ, пренебреженію, нелюбви, зависти, даже ненависти другихъ сословій. Всѣ эти чувства скорѣе и яснѣе обнаруживаются, когда первое не имѣетъ политическаго значенія и не можетъ содѣйствовать улучшенію матеріальнаго быта послѣднихъ. Къ искреннему сожалѣнію должно сказать, что наше духовенство испытываетъ уже невыгоды своей изолированности. Не возражайте намъ, что русскій народъ набоженъ, что онъ благоговѣетъ предъ служителями *алтаря Господня*, что подозрѣвать его въ неуваженіи къ нимъ есть клевета и пр. И мы нисколько не сомнѣваемся въ набожности русскаго народа; согласны что онъ уважаетъ священника, какъ служителя алтаря Господня, какъ совершителя Божественныхъ Таинъ. Но уважаетъ ли русскій народъ священника, особенно дьякона и причетника, какъ согражданъ, какъ общественныя лица? Въ этомъ мы

очень сомнѣваемся. Въ самомъ дѣлѣ объясните намъ, *отчего* не только высшіе, но и средніе классы общества избѣгаютъ семейныхъ связей, и даже дружескихъ отношеній съ бѣлымъ духовенствомъ? *Отчего* священникъ является въ дома только съ требами? *Отчего* туда даже, гдѣ онъ приглашается, какъ совѣтникъ и другъ дома, ни жена, ни дѣти его не впускаются? *Отчего* увидите косые или насмѣшливые взгляды, услышите колкіе сарказмы, когда въ святки, или пасху по петербургскимъ улицамъ проѣзжаютъ мимо васъ кареты, наполненные духовными лицами, или когда эти лица стоятъ гдѣ либо кучкою подъ воротами, въ ожиданіи позволенія войти въ квартиру, можетъ быть купца третьей гильдіи? *Отчего* ненапечатанный еще лексиконъ словъ русскаго народа такъ богатъ злыми поговорками и язвительными прозвищами касательно духовенства? *Отчего* нерѣдко въ деревняхъ толпа народа, поклонившись своему священнику, послѣ въ слѣдъ за нимъ посылаетъ выставляемые языки и другіе жесты, въ которыхъ нельзя видѣть уваженія? *Отчего* семинаристу не всегда удается пройти по городскимъ улицамъ безъ того, чтобы не только мѣщанскіе мальчики, но и взрослые не привѣтствовали его прозвищами? *Отчего*, даже священниковъ въ чужомъ приходѣ, на перевозахъ, у дворниковъ, при встрѣчѣ на дорогѣ честятъ нелестными названіями? Подумайте, господа, о нашихъ вопросахъ; и какъ бы вы на нихъ ни ухищрялись отвѣчать, ваши отвѣты никогда намъ не докажутъ, что духовенство in corpore пользуется уваженіемъ у русскаго народа. Какъ кому угодно, а по

нашему мнѣнію подобное положеніе не только унизительно для духовенства, но вредно для религіи; мы уже замѣчали, что уваженіе къ религіи въ массахъ много зависитъ отъ уваженія къ служителямъ ея.

Такое несчастное положеніе измѣнится, если воспитаніе дѣтей духовенства и поступленіе въ него будетъ происходить по второму способу. а. И нынѣ у многихъ лицъ свѣтскаго сословія появляется желаніе въ зрѣломъ возрастѣ поступать въ духовное званіе; но этому препятствуетъ то, что въ дѣтствѣ трудно замѣтить, къ чему особенно мальчикъ способенъ и наклоненъ; а потомъ способности и наклонности ясно обнаружатся, когда владѣлецъ ихъ получилъ гимназическое образованіе; ему еще учиться въ семинаріи для приготовленія къ священству лѣта и разныя обстоятельства не позволяютъ. Но при предполагаемой нами системѣ препятствіе это уничтожится. Всякій, кончившій курсъ гимназіи, будетъ имѣть право поступать въ училище, въ которомъ преподаются науки богословскія для приготовленія священниковъ; будь только хорошъ, всякій можетъ сдѣлаться священникомъ. Отъ этого вскорѣ между духовенствомъ появится много лицъ, которыя будутъ имѣть родственныя связи въ среднихъ и высшихъ классахъ общества; духовенство перестанетъ быть изолированнымъ сословіемъ. б. Въ настоящее время слишкомъ рѣдко случается, чтобы въ духовныхъ училищахъ обучался и особенно кончилъ полный семинарскій курсъ кто либо изъ свѣтскихъ сословій. Еще менѣе примѣровъ, чтобы дѣти изъ духовнаго

званія, выслушавши полный гимназическій курсъ, обучались послѣ въ семинаріи или академіи; кажется, вовсе нѣтъ такихъ примѣровъ. Этого мало; — во многихъ, едвали даже не во всѣхъ мѣстахъ семинаріи и гимназіи нѣсколько похожи на два враждебныхъ лагеря; въ не очень даже давнее время происходили между воспитанниками тѣхъ и другихъ побоища. Но съ измѣненіемъ нынѣшней системы воспитанія въ духовныхъ училищахъ свѣтскія лица станутъ отдавать своихъ дѣтей въ *духовныя гимназіи* и на оборотъ духовныя лица перестанутъ бояться свѣтскихъ гимназій. По этому еще съ дѣтства между мальчиками обоихъ сословій будетъ завязываться дружба и знакомство, и извѣстно, что школьныя связи остаются на всю жизнь; своихъ товарищей по училищнымъ скамьямъ мы помнимъ и любимъ едва ли не больше, нежели своихъ сослуживцевъ. Вотъ новая точка для сближенія духовнаго званія съ прочими сословіями. с. Справедливо или нѣтъ — спорить не будемъ — а только нынѣ распространено очень неблагопріятное мнѣніе о семинарской образованности; ее считаютъ отсталою, схоластическою, приписываютъ ей свой покрой, который не удобенъ для прочихъ сословій. Это неблагопріяное мнѣніе переносится на духовенство, состоящее изъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ духовныхъ училищахъ. Но съ измѣненіемъ системы семинарскаго воспитанія не только такое мнѣніе уничтожится, но понятіе объ образованности священниковъ возвысится. Они, получивши гимназическое образованіе, не будутъ считаться людьми отсталыми, не современными. Затѣмъ,

въ зрѣломъ возрастѣ, при развитомъ разсудкѣ, выслушавши полный богословскій курсъ, ознакомившись съ нимъ не чрезъ механическое затверживаніе, а при помощи разумнаго пониманія, они для прежнихъ своихъ товарищей по гимназіи должны казаться людьми, получившими уже высшее *факультетское* образованіе. Очевидно, что при описанныхъ нами условіяхъ неблагопріятное мнѣніе о духовенствѣ постепенно уничтожится. Духовныя лица тогда найдутъ сѣбя защитниковъ въ своихъ родственникахъ, въ своихъ школьныхъ товарищахъ; всесторонная ихъ образованность, соединенная съ основательными свѣдѣніями въ богословскихъ наукахъ, не позволитъ даже недоброжелателямъ считать ихъ людьми отсталыми, или съ какимъ-то страннымъ настроеніемъ. Если такое состояніе продолжится нѣсколько десятилѣтій, то духовныя лица могутъ сдѣлаться не только пастырями душъ, но и передовыми людьми въ образованіи. *А развѣ это дурно?*

Но здѣсь намъ могутъ возразить: „и теперь здоровье воспитанниковъ духовныхъ училищъ весьма сильно разстроивается отъ множества преподаваемыхъ имъ наукъ; и теперь имъ надобно обучаться для окончанія семинарскаго курса не менѣе 12 лѣтъ. Что же будетъ, когда для священника понадобится полное гимназическое образованіе и кромѣ того основательное знакомство со всѣми богословскими предметами? Тогда большая часть воспитанниковъ совершенно разстроитъ свое здоровье; а притомъ имъ придется обучаться чуть не до сѣдыхъ волосъ.“ На сіе возраженіе отвѣчать не трудно. Въ третьей

части нашей статьи*) доказано, что здоровье учениковъ разстроивается не отъ мнимаго, небывалаго множества предметовъ, а отъ устройства .... училищъ и отъ разныхъ другихъ причинъ. Вотъ въ чемъ и еще въ кое какихъ обстоятельствахъ, о которыхъ намъ нельзя было говорить, заключается причина дурнаго состоянія здоровья духовныхъ воспитанниковъ. Равнымъ образомъ къ 12 годамъ нынѣшней семинарской образованности не будетъ надобности прибавлять ни одного дня; даже можно сократить этотъ срокъ однимъ или двумя годами. Позвольте доложить, что въ гимназіяхъ нужно обучаться только семь лѣтъ; неужели дѣти духовнаго званія не способны сдѣлать тоже, что дѣлаютъ дѣти изъ другихъ сословій. Но мы спорить не будемъ; прибавимъ имъ еще одинъ годъ. За тѣмъ по окончаніи гимназическаго курса взрослому, образованному человѣку, съ развитыми способностями, съ окрѣпшимъ умомъ въ три года очень легко изучить богословскія науки. Вѣдь и теперь, если въ семинаріи выдѣлить классы, назначенные для преподаванія свѣтскихъ предметовъ, именно: словесности, логики, психологіи, всеобщей и отечественной исторіи, математики, физики, естественной исторіи, медицины, сельскаго хозяйства, языковъ французскаго, нѣмецкаго, латинскаго и греческаго; то на богословскіе предметы не останется половины шести лѣтъ. Повѣрьте, что при разумномъ, толковитомъ преподаваніи науки гимназическаго курса и

---

*) Къ сожалѣнію мы, какъ выше замѣчено, принуждены ее опустить.

богословскаго факультета изучатся воспитанниками даже менѣе, нежели въ 12 лѣтъ безъ всякаго разстройства здоровья. Впрочемъ, если бы изъ уваженія къ тѣмъ лицамъ, которыя дѣтей духовнаго званія считаютъ болѣе тупыми, нежели гимназистовъ, прибавимъ одинъ или два года, то до сѣдыхъ волосъ, даже до 25 лѣтъ, далеко бы еще не доходило; все бы могло оканчиваться при нормальномъ ходѣ дѣлъ около 21—22 года, — именно того времени, ранѣе котораго поступать во священники не слѣдуетъ. А между тѣмъ кандидаты на священническія мѣста не только были бы столь же образованными въ свѣтскихъ наукахъ, какъ лучшіе гимназисты, но и вполнѣ ознакомились съ богословіемъ; были бы не семинаристами, а почти академиками.

Принятію новой системы противорѣчитъ нынѣшнее разробленіе семинарской образованности на двѣ части. Извѣстно, что дѣти духовенства сначала обучаются шесть лѣтъ въ низшихъ училищахъ и, по окончаніи курса здѣсь, выдержавъ экзаменъ, переходятъ въ семинарію. Такимъ образомъ предметы, преподаваемые въ низшихъ духовныхъ училищахъ и въ семинаріяхъ тѣсно соединены между собою; первые служатъ предуготовительною школою для послѣднихъ, и семинарское образованіе опирается на училищномъ. Если воспитаніе духовныхъ лицъ первоначально должно будетъ происходить по гимназической программѣ; то естественно раждается вопросъ: что дѣлать съ низшими духовными училищами? Если ихъ оставить, то нужно будетъ предметы гимназическіе раздѣлить на двѣ части; одни преподавать въ

училищахъ, а другіе — въ семинаріяхъ; — очевидно, такое раздѣленіе повредитъ единству преподаванія тѣмъ болѣе, что между наставниками семинарій и училищъ большое есть различіе. А если училища закрыть, то во многихъ семинаріяхъ будетъ необыкновенное многолюдство. Мы нисколько не затрудняемся отвѣчать на это возраженіе. Связь между училищами и семинаріями такъ тѣсна, что соединеніе ихъ подъ одно управленіе не произведетъ разстройства, не потребуетъ никакихъ перемѣнъ въ ученомъ отношеніи; только вмѣсто трехъ будетъ въ семинаріи шесть классовъ и, разумѣется побольше учителей и воспитанниковъ. Напрасно станутъ говорить, что сосредоточеніе духовнаго образованія въ одномъ губернскомъ городѣ затруднитъ духовенство. Мы уже выше сказали, съ какою охотою нынѣ священно-церковно-служители не жалѣютъ даже подарковъ, чтобы только дѣти ихъ учились въ училищахъ губернскаго города. Другое дѣло многолюдство учениковъ. Въ самомъ дѣлѣ съ 2000 ихъ начальнику не легко управляться. Но почему же въ многолюдныхъ губерніяхъ не устроить двухъ, даже трехъ гимназій-семинарій? Прибавка расходовъ не будетъ слишкомъ значительною; разсмотримъ это.

Лѣтъ за десять въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. тверской, владимірской и пр. считалось всѣхъ воспитанниковъ до 700 даже до 900. И эти многолюдныя семинаріи нисколько не были хуже другихъ малолюдныхъ, (астраханской, петрозаводской, тобольской и пр.) ни по успѣхамъ, ни по нравственности учениковъ; даже были гораздо лучше. Значитъ, на

основаніе уже опыта, въ одной семинаріи можетъ обучаться 700—900 человѣкъ безъ вреда нравственному и умственному образованію. Но по отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1856 годъ всѣхъ учениковъ духовноучебныхъ заведеній простирается до 52,000; по этому понадобится 75—58 семинарій, если каждая будетъ имѣть 700—900 воспитанниковъ. Впрочемъ такое *валовое* раздѣленіе не удобно по мѣстнымъ условіямъ. Примѣнимъ свои замѣчанія къ отдѣльнымъ епархіямъ. Изъ того же отчета видно, что число всѣхъ учениковъ, какъ семинарій, такъ и низшихъ училищъ не превышаетъ 800—900, — въ 24 епархіяхъ (петербурской, псковской, могилевской, полоцкой, литовкой, рижской, олонецкой, архангельской, черниговской, харьковской, екатеринославской, тифлиской, минской, кишеневской, херсонской, симбирской, оренбурской, астраханской, кавказской, тобольской, томской, иркутской и камчатской). Такимъ образомъ въ половинѣ епархій съ закрытіемъ низшихъ училищъ всѣ воспитанники могутъ составлять одну семинарію; не болѣе владимірской въ 1847 году; а въ семнадцати, епархіяхъ все число воспитанниковъ не превыситъ даже 600 человѣкъ. Изъ остальныхъ затѣмъ семинарскихъ вѣдомствъ, только въ тверской, курской, орловской, московской, владимірской, костромской, разанской и тульской губерніяхъ при двухъ семинаріяхъ въ каждой будетъ находиться болѣе, нежели по 800 чел. Отсюда очевидно, что по всему православному вѣдомству понадобится немного болѣе 80 семинарій, изъ которыхъ только въ нѣкоторыхъ будетъ по 800, а болѣе нежели въ 40 число воспи-

танниковъ не превыситъ 500—600. Конечно, при этомъ случаѣ потребуются расходы болѣе, нежели въ 30 семинарій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно упускать изъ вида, что закроется почти 200 низшихъ училищъ; и слѣдовательно прибавка расхода сдѣлается незначительною. Затрудненіе на первый разъ будетъ состоять въ помѣщеніи; но отъ продажи тоже чуть не 200 училищныхъ зданій можно получить не маловажную сумму; кромѣ того въ многолюдныхъ епархіяхъ уѣздныя училища губернскихъ городовъ большею частію имѣютъ столь обширное помѣщеніе, что въ нихъ безъ труда можетъ находиться семинарія, особенно если бѣдные воспитанники станутъ получать денежное вспоможеніе, а не жить въ училищномъ домѣ. Но если бы и была значительная прибавка расходовъ, то сколько будетъ выгодъ? Начальники и наставники семинарій, всѣ безъ исключенія воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній способнѣе управлять училищами и учить дѣтей, нежели семинаристы, которыми наполнены большею частію низшія училища. — Право, стоитъ объ этомъ подумать!

Если научное образованіе дѣтей, предначаемыхъ къ духовному званію, раздѣлить на два періода: *предварительный-гимназическій* и *окончательный-богословскій;* то самъ собою раждается вопросъ: въ чьемъ управленіи состоять училищамъ, въ которыхъ станутъ воспитываться дѣти духовенства! Богословское отдѣленіе безъ всякаго спора должно быть въ вѣдомствѣ духовнаго начальства; подчинить его свѣтскому управленію тоже бы значило, что воспитаніе кадетовъ поручить архимандриту, или протоіерею.

Что же касается до духовныхъ гимназій, то имъ, по видимому, всего лучше состоять подъ вѣдѣніемъ министерства Народнаго Просвѣщенія и подъ ближайшимъ управленіемъ такихъ же директоровъ, какіе нынѣ находятся въ гимназіяхъ; вѣдь предметы ученія въ предполагаемыхъ духовныхъ гимназіяхъ одни и тѣже, какъ во всѣхъ свѣтскихъ нынѣшнихъ гимназіяхъ; почему же имъ всѣмъ не быть въ одномъ вѣдомствѣ? Наши читатели могли замѣтить, что мы непричастны іерархическимъ претензіямъ и тенденціямъ. Но въ этомъ мѣстѣ откроемъ скажемъ, что, еслибы дѣйствительно для воспитанія дѣтей бѣлаго духовенства были устроены училища во всемъ одинаковыя съ гимназіями, что ихъ должно подчинить духовному начальству. Вотъ причины, которыя заставляютъ насъ такъ думать: 1. деньги для содержанія духовныхъ училищъ нынѣ получаются не изъ государственнаго казначейства, а изъ особыхъ источниковъ, которые можно назвать *церковными*. Сюда относятся а. ежегодный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ православныхъ церквахъ, простирающійся болѣе, нежели на 900,000 рубл., и б. проценты съ такъ называемаго *духовно-училищнаго капитала*. Онъ составился, кажется, въ 1808 году изъ суммъ, доставленныхъ православными церквами и потомъ ежегодно увеличивался тѣми остатками свѣчнаго церковнаго дохода, которые не истрачались на содержаніе училищъ; капиталъ этотъ нынѣ состоитъ болѣе, нежели изъ 13 милл. рубл. Распоряжаться всѣми этими суммами — вполнѣ церковными — всего лучше духовному начальству; видѣть ихъ въ рукахъ

свѣтскихъ людей какъ-то странно; притомъ въ послѣднемъ случаѣ онѣ легко могутъ получить другое назначеніе; и наше бѣлое, не богатое духовенство, лишится того пособія, которымъ облегчается воспитаніе его дѣтей. 2. Большинству духовенства не понравится, если его дѣти отъ начала и почти до конца воспитанія будутъ находиться подъ надзоромъ свѣтскихъ людей, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ католическому и протестантскому вѣроисповѣданіямъ. Оскорблять нравственное и религіозное чувство духовенства въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ. Наконецъ 3. выборъ воспитанниковъ, которые по окончаніи гимназическаго курса должны поступить въ богословское отдѣленіе, сдѣлается затруднительнымъ, по крайней мѣрѣ сначала, если духовныя гимназіи будутъ находиться не въ вѣдѣніи духовнаго начальства. Время, можетъ быть, все уладитъ и угладитъ, но всякую реформу первоначально не должно начинать совершеннымъ разрывомъ съ прошедшимъ.

Сюда находимъ нужнымъ присовокупить, что никакъ не слѣдуетъ поручать однимъ и тѣмъ же лицамъ ближайшій начальственный надзоръ, какъ за тою гимназіею, въ которой будутъ воспитываться дѣти бѣлаго духовенства, такъ и за собственно уже богословскимъ отдѣленіемъ, въ которомъ лица, воспитавшіяся въ гимназіяхъ, должны уже исключительно заниматься богословскими и церковными предметами. Въ самомъ дѣлѣ воспитаніе во второмъ должно быть направлено исключительно къ одной спеціальной цѣли, чтобы приготовить достойныхъ пастырей церкви; а обученіе въ первомъ должно быть устроено такъ,

чтобы воспитанники были способны поступить во всѣ слои общества. Какъ же теперь одному и тому же лицу быть руководителемъ дѣтей по двумъ разнохарактернымъ направленіямъ? Ему надобно или, такъ сказать, двоиться, разыгрывать двѣ роли, или увлечься однимъ направленіемъ. Очевидно, то и другое не хорошо.

Какого званія лицамъ слѣдуетъ поручить управленіе тѣми гимназіями, въ которыхъ будутъ воспитываться дѣти духовнаго званія, объ этомъ частному человѣку говорить довольно затруднительно. Но мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. Намъ кажется непонятнымъ, отчего даже теперь считаютъ неспособными къ управленію духовноучебными заведеніями тѣхъ магистровъ и кандидатовъ богословія, которые носятъ фракъ и сертукъ? Вѣдь они тоже изъ духовнаго званія, воспитались въ духовныхъ училищахъ, учились и учатъ не хуже, а даже лучше другихъ. Отчего же къ нимъ такое недовѣріе? Странность эта тѣмъ замѣчательнѣе, что лица, которымъ такъ ясно не довѣряютъ, перемѣнивъ свое платье, тотчасъ же могутъ сдѣлаться начальниками духовныхъ, даже высшихъ училищъ. А сколько въ этихъ жалкихъ и несчастныхъ труженикахъ погребено усердія, знанія и дѣятельности? По этому мы думаемъ, что управленіе духовными гимназіями (если онѣ когда либо установятся) лучше бы всего поручить воспитанникамъ духовныхъ академій, не поступившимъ ни въ священники, ни въ монахи. По своему образованію они нисколько не ниже послѣднихъ, по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ лучше

монашествующихъ лицъ могутъ понимать дѣтскія наклонности, шалости и даже страсти, по гражданскому положенію ближе къ государству. Они большею частію чужды ригоризма, аскетизма, фанатизма, не будутъ считать грѣхомъ заниматься свѣтскими науками и слѣдить за успѣшнымъ ихъ преподаваніемъ, не станутъ увлекаться мистическими теоріями и пр. Почему бы ихъ не сдѣлать начальниками училищъ, въ которыхъ будутъ преподаваться свѣтскія науки дѣтямъ духовнаго званія? *Не ужели и тутъ надобно все подчинить иночествующей братіи?*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О нѣкоторыхъ улучшеніяхъ по ученой, нравственной, экономической и гигіенической частямъ духовно-учебныхъ заведеній.

Доказывая, что воспитаніе дѣтей духовнаго званія, предназначаемыхъ для священническихъ и дьяконскихъ мѣстъ, слѣдуетъ раздѣлить на два періода, начинать его въ одномъ общечеловѣчкомъ, а оканчивать въ другомъ богословскомъ спеціальномъ училищѣ, мы вовсе не думаемъ сказать, что это есть единственный способъ имѣть образованныхъ пастырей церкви; мы его считаемъ только лучшимъ, нежели та система, на основаніи которой въ теперешнихъ духовныхъ училищахъ богословскіе и свѣтскіе пред-

меты смѣшаны во всѣхъ классахъ. Держась послѣдней системы, можно также дать дѣльное и основательное воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ, но разумѣется, напередъ устранивъ тѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ этому. Въ первой части мы подробно говорили, какимъ образомъ сосредоточеніе власти въ рукахъ однихъ начальниковъ, недостаточное жалованье, получаемое наставниками, совершенное почти отсутствіе поощреній для нихъ, ничтожество ихъ въ училищахъ, устарѣлые или неприспособленные къ пониманію дѣтей учебники, взглядъ, усвоенный начальниками на первостепенные и второстепенные предметы, апатія наставниковъ, метода преподаванія вынужденная неотразимыми обстоятельствами, зубреніе уроковъ, экзамены, ревизіи и пр. и пр. и пр.; — какимъ образомъ все это вредитъ научному образованію духовныхъ воспитанниковъ. Повторять вкратцѣ то, о чемъ говорено было обширно, нѣтъ нужды. Но осмѣливаемся сказать, что, пока всѣ перечисленныя неблагопріятныя обстоятельства не будутъ устранены, воспитанники духовно-учебныхъ заведеній не только не сдѣлаются людьми образованными въ благородномъ и свѣтскомъ значеніи слова, но и не пріобрѣтутъ свѣдѣній нужныхъ для того, чтобы имъ быть такими священниками, которые бы удовлетворяли современнымъ требованіямъ и имѣли вліяніе на высшія и среднія сословія. Отказавшись повторять то, что уже было подробно изъяснено, мы впрочемъ находимъ нужнымъ сдѣлать замѣчанія о двухъ обстоятельствахъ, о которыхъ въ

первой части или вовсе не упомянуто, или мало сказано.

1. Не безъ причины въ настоящее время съ такимъ почти ожесточеніемъ стали нападать на бюрократическое управленіе и направленіе присутственныхъ мѣстъ; опытъ давно уже показалъ, а журналы наши въ послѣдніе года слишкомъ хорошо разъяснили, что бюрократія не достигаетъ цѣли даже тамъ, гдѣ, по видимому, дѣлопроизводство и судопроизводство должно состоять изъ письмоводства. Тѣмъ страннѣе и недостаточнѣе управлять училищами во всѣхъ отношеніяхъ при помощи бюрократическаго, канцелярскаго порядка посредствомъ столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленія, секретарей, директоровъ и пр. Въ самомъ дѣлѣ успѣшное преподаваніе наукъ, соотвѣтствующее современному ихъ состоянію, возможно между прочимъ въ томъ случаѣ, когда преподавателямъ извѣстны новыя открытія въ наукахъ, новыя педагогическія идеи, когда учебныя программы и руководства соотвѣтствуютъ потребностямъ времени. Конечно, нѣтъ запрещенія наставникамъ и начальникамъ духовныхъ училищъ слѣдить за всѣмъ этомъ, но они сами собою на какія либо нововведенія не всегда имѣютъ право рѣшиться; для этого часто нужно разрѣшеніе высшаго начальства, предписанія и указы. Если бы даже можно было избѣжать такихъ формальностей; нововведенія ограничивались бы частными случаями, и не дѣлались достояніемъ всѣхъ училищъ. Далѣе наставники, убѣдившіеся, что полезно было бы ввести тѣ или другія улучшенія, могутъ о томъ, конечно по начальству, довести

до свѣдѣнія высшихъ властей. Но при всемъ уваженіи къ уму и распорядительности столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій скажемъ, что они не всегда въ состояніи надлежащимъ образомъ *дѣлать представленіе* о какомъ либо ученомъ нововведеніи, хотя бы напр. о введеніи учебника, за многія десятилѣтій имъ во всемъ архивѣ и въ цѣломъ сводѣ законовъ нельзя будетъ найти ни одной справки, на которой бы можно *построить резолюцію*. Дѣло большею частію или отложится въ длинный ящикъ, пойдетъ со стола на столъ, изъ одной канцеляріи въ другую, или останется вовсе безъ вниманія и сдастся въ архивъ; вѣдь надобно же къ концу года *очистить всѣ дѣла;* иначе директоръ сдѣлаетъ замѣчаніе. Тутъ даже образованные начальники, почти спеціалисты, но обремененные другими занятіями, не всегда бываютъ въ состояніи обсудить дѣло съ современной ученой точки зрѣнія. Къ этихъ и подобныхъ случаяхъ нужны особые люди, настоящіе спеціалисты въ наукахъ, не развлеченные никакими другими болѣе высшими (по табелямъ о рангахъ, или по какимъ либо выгодамъ) должностями, обязанные исключительно слѣдить за современнымъ состояніемъ наукъ и училищныхъ подробностей; при такихъ только людяхъ можно надѣяться, что училища не отстанутъ отъ вѣка.

Обращаясь теперь къ духовноучебнымъ заведеніямъ, найдемъ, что высшій правительственный надзоръ за ними принадлежитъ Св. Синоду. Такъ и должно быть. Кому же смотрѣть за воспитаніемъ будущихъ пастырей церкви, какъ не собору тѣхъ лицъ,

которыя наблюдаютъ за сохраненіемъ чистоты нравственнаго ученія, которыхъ власть по преемству перешла къ нимъ отъ Апостоловъ, Вселенскихъ Соборовъ, Святыхъ Отцовъ и проч. Но каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ въ своемъ управленіи или епархію, или отдѣльное вѣдомство и обременено занятіями по Св. Синоду. Странно же было бы на нихъ возлагать обязанность слѣдить за всѣми перемѣнами въ современномъ научномъ состояніи, или за тѣмъ, не нужно ли такой либо параграфъ учебника исправить и замѣнить новымъ. Имъ прилично имѣть надзоръ за общимъ ходомъ, за православнымъ направленіемъ духовнаго просвѣщенія, а не за частностями той, или другой науки. Далѣе органомъ, такъ сказать, чрезъ который передаются распоряженія Св. Синода въ училища, и отъ послѣднихъ поступаютъ представленія въ первый — служатъ оберъ-прокуроръ и духовноучебное управленіе. Но оберъ-прокурору также невозможно непосредственно входить въ мелочи и частности ученья. Духовно-учебное управленіе устроено, какъ всѣ вообще департаменты министерствъ. Есть, конечно при немъ, кромѣ столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій и пр., общее присутствіе, но оно состоитъ изъ членовъ, которые не принадлежатъ къ ученымъ спеціалистамъ по наукамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ училищахъ, и которые даже не обязываются, а можетъ быть, и не могутъ слѣдить за современными открытіями и примѣненіемъ ихъ къ училищамъ. Такимъ образомъ очень было бы полезно при духовноучебномъ управленіи открыть особый ученый комитетъ, котораго

каждый членъ былъ бы преставителемъ и спеціальнымъ, ученымъ знатокомъ одной вѣтви наукъ, входящихъ въ программы духовныхъ училищъ. Лучше всего они могутъ быть избираемы изъ заслуженныхъ профессоровъ духовныхъ академій, изъ священниковъ протоіереевъ, долгое время бывшихъ законоучителями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; можно также присоединить къ нимъ одного или двухъ ученыхъ, получившихъ образованіе въ свѣтскихъ училищахъ, но большинство должно быть непремѣнно изъ лицъ, которыя по рожденію, образованію или службѣ принадлежатъ къ духовноучилищному вѣдомству. Такой комитетъ, получая наставленія и направленіе отъ Св. Синода, принесъ бы необыкновенную пользу духовнымъ училищамъ. При немъ старые учебники не продолжали бы обременять учениковъ, останавливать или затруднять ихъ успѣхи; новые не передавались бы канцеляріями на *предварительное разсмотрѣніе* тремъ-четыремъ мѣстамъ и лицамъ, или *предварительно разсмотрѣнные* были бы кѣмъ либо *окончательно разсмотрѣны;* при немъ всякая новая идея, всякое открытіе достойныя вниманія не прошли бы незамѣченными для духовныхъ училищъ. Наконецъ члены его могли бы быть самыми лучшими ревизорами духовно-учебныхъ заведеній и съумѣли бы оцѣнить и выставить на видъ высшему начальству ученыхъ тружениковъ и дѣльныхъ педагоговъ, которые теперь остаются часто никому не извѣстными и изнываютъ гдѣ нибудъ въ глуши.

2. Какъ бы начальникъ учебнаго заведенія ни былъ честенъ, благороденъ, ученъ, образованъ, дѣятеленъ и пр., на него одного безъ всякихъ ограни-

ченій полагаться нельзя. Люди, какъ мы уже замѣтили, всегда останутся людьми; у каждаго изъ нихъ есть свои любимыя идеи, наклонности, страсти, предразсудки, слабыя стороны и проч., которыя, не будучи никѣмъ контролируемы и останавливаемы, рано или поздно сдѣлаются вредными. Училищный контроль, долженъ быть двухъ родовъ *сверху и снизу* — контроль правительства и контроль общества, или тѣхъ лицъ, которыхъ дѣти обучаются въ училищѣ. Первый будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы училищное воспитаніе не противорѣчило общимъ постановленіямъ государства, не принимало направленія вреднаго его интересамъ. Второй же будетъ докладывать о мѣстныхъ нуждахъ, о случайныхъ недостаткахъ, которые остаются неизвѣстными высшему правительству, и настаивать на то, чтобы однѣ были удовлетворены, а другіе устранены. Тотъ и другой котроль особенно нуженъ тамъ, гдѣ отцы учениковъ, отдѣльно взятые, не имѣютъ голоса предъ начальниками училища, гдѣ послѣдніе бываютъ или могутъ быть ихъ начальниками, принадлежатъ къ временнымъ гостямъ; гдѣ ученая должность служитъ для нихъ временною квартирою, ступенью для достиженія высшихъ должностей, а не постояннымъ занятіемъ. При такомъ положеніи на мѣстныя нужды, на частныя жалобы вовсе не захотятъ обратить вниманіе. Въ этомъ отношеніи учебныя заведнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, можно сказать, обезпечены. Попечители, инспекторы учебныхъ округовъ и ихъ помощники контролируютъ гимназіи и училища со стороны правительства. Почетные попечители, изби-

раемые дворянствомъ, могутъ, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь доводить до свѣдѣнія начальства о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ. Есть слухи, что дворянству и даже купечеству скоро будетъ предоставлено еще большее вліяніе на гимназіи.

Что же теперь сказать въ этомъ отношеніи о духовноучебныхъ заведеніяхъ? Правительственный и административный надзоръ за ними принадлежитъ каждому епархіальному начальнику и академическому правленію. Но первый обремененъ множествомъ дѣлъ, за исправное и правильное производство которыхъ онъ непосредственно отвѣчаетъ, а послѣднее управляетъ семинаріями большею частію посредствомъ предписаній, пересылаемыхъ по почтѣ. Мѣстное духовенство нисколько не участвуетъ въ училищныхъ дѣлахъ; только для обревизованія годовыхъ экономическихъ отчетовъ, или лучше для повѣрки ихъ съ документами ежегодно назначаются два или три лица духовныхъ; но ихъ участіе ничтожно и нисколько не касается административной, ученой и нравственной частей училища. Поэтому весьма было бы полезно для духовныхъ училищъ, если бы надъ ними имѣли надзоръ лица похожія по своимъ правамъ на попечителей и инспекторовъ учебныхъ округовъ министерства народнаго Просвѣщенія. Не менѣе было бы полезно, если бы мѣстное бѣлое духовенство принимало участіе съ управленіи семинаріями и училищами; отказывать въ этомъ, кажется, не слѣдуетъ. Конечно въ цѣломъ русскомъ царствѣ одно только бѣлое духовенство состоитъ совершенно въ патримоніальныхъ отношеніяхъ къ своимъ начальникамъ.

Всѣ сословія, не исключая, податныхъ, имѣютъ право выбирать своихъ судей, начальниковъ и пр.; а духовныя лица обнаруживаютъ свои избирательныя права едвали не при выборѣ только духовниковъ. Можетъ быть это такъ и должно быть по каноническимъ правиламъ и іерархическимъ обычаямъ. Но училища управляются не каноническими правилами; они, какъ мы выше замѣтили чисто государственныя учрежденія. Почему же бы духовенству — многочисленному и образованному сословію — не позволить имѣть участіе въ управленіи ими? Участіе это можетъ быть допущено двоякимъ образомъ: должно или 1) дозволить духовенству свободно, независимо отъ епархіальныхъ начальниковъ, въ присутствіи прокурора или стряпчаго избирать одного или нѣсколькохъ лицъ, которыя бы вмѣстѣ съ членами правленія семинаріи и съ училищными начальствами могли завѣдывать всѣми частями училищной администраціи или 2) выбирать на извѣстный срокъ также, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, лице въ родѣ почетнаго попечителя, но для участія не въ одной экономической, а во всѣхъ вообще частяхъ. Тогда духовенство имѣло бы представителей, которые бы открывали и исправляли мѣстные недостатки училищъ. Мы осмѣливаемся кромѣ того думать, что въ попечители учебныхъ округовъ, и попечители отдѣльныхъ училищъ слѣдуетъ выбирать свѣтскихъ людей. Епископамъ не позволитъ занимать такія мѣста ихъ санъ; для архимандритовъ эти должности будутъ временными станціями, которыя поведутъ ихъ только къ епископскому сану. Кромѣ того инокамъ, какую бы они должность ни занимали, нельзя не показать своей

приверженности къ иноческимъ уставамъ. Поэтому они, сдѣлавшись попечителями, не въ состояніи будутъ отказаться отъ мысли смотрѣть на училища, какъ на отдѣленіе какого либо монастыря, на учениковъ и наставниковъ, какъ на младшую и старшую братію. Даже въ состояніи ли будутъ снизойти съ высоты своего сана и заняться мелкими, по ихъ мнѣнію, житейскими, свѣтскими, мірскими потребностями и нуждами воспитанниковъ и ихъ отцовъ? Наконецъ протоіереи и священники, по своему смиренному положенію, не въ состояніи будутъ обнаруживать ту самостоятельность и независимость, которыя въ этихъ должностяхъ имъ будутъ нужны. Даже въ томъ случаѣ, если бы духовенству позволено было избирать нѣсколькихъ членовъ въ училищное правленіе; то и въ этихъ должностахъ лица бѣлаго духовенства принуждены будутъ молчать предъ властями, особенно иночествующими, они находятся въ такой грозной зависимости отъ монашествующаго начальства, что у нихъ не достанетъ смѣлости или сказать что нибудь противъ послѣднихъ или настоять, чтобы слова ихъ были приняты во вниманіе. Даже въ этомъ слуцаѣ — особенно въ семинаріяхъ нужно хоть одно свѣтское, независимое отъ епархіальнаго начальства лице. Духовенство въ губерніи или уѣздѣ всегда найдетъ свѣтскихъ людей, которые, по своему благочестію и образованному уму, будутъ полезны для семинарій или училищъ не менѣе, какъ и духовныя лица. Кромѣ того оберъ-прокуроръ Св. Синода — всегда свѣтское лице — почти уже полтораста лѣтъ обнаруживаетъ вліяніе на бѣлое

духовенство и вовсе не ко вреду его. Повторимъ, польза отъ подобныхъ нововведеній несомнѣнна. Лучшимъ доказательствомъ служатъ недавно открытыя должности почетныхъ блюстителей духовныхъ училищъ, но только въ отношеніи къ экономической части. Эти блюстители, будучи большею частію изъ купеческаго сословія, уже показали въ короткое время, какъ полезно вліяніе стороннаго, честнаго лица на училищное управленіе!

О способахъ, посредствомъ которыхъ педагоги содѣйствуютъ, а болѣе препятствуютъ развитію нравственности и разстроиваютъ здоровье учениковъ, мы очень подробно говорили во второй и третьей частяхъ своей статьи. Но выше нами уже замѣчено, что третью часть мы здѣсь вовсе опустили, а изъ второй взяли два отрывка. Дѣлать извлеченіе изъ нихъ также не находимъ возможности. Между тѣмъ думаемъ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній, которыя тамъ были опущены.

1. Давно уже говорятъ, что здоровье и особенно нравственность духовныхъ воспитанниковъ улучшатся, если они перестанутъ жить въ вольнонаемныхъ квартирахъ обществами въ 5—10 человѣкъ. Этой благонамѣренной цѣли думаютъ достигнуть двоякимъ образомъ: а. находятъ нужнымъ выстроить огромные дома, въ которыхъ бы возможно было помѣстить всѣхъ духовныхъ воспитанниковъ и за извѣстную плату тамъ доставлять имъ квартиру, освѣщеніе, отопленіе и пищу. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, всѣмъ должно распоряжаться благопопечительное училищное начальство. б. Позволить своекоштнымъ

ученикамъ по прежнему жить на квартирахъ у городскихъ жителей; но квартиры должны быть огромны, каждая человѣкъ до 40 и даже 100, наниматься начальствомъ и состоять уже подъ его отеческимъ надзоромъ. Здѣсь ученикамъ предоставляется самимъ заниматься экономіею; для руководства въ столь мудреномъ случаѣ, равно какъ и вообще во всей школьной жизни издана книга подъ названіемъ: *истинный другъ духовнаго юношества* съ цѣлыми сотнями пунктовъ, въ которыхъ высказаны всѣ правила, какъ вставать, ложиться, кланяться, сидѣть, сморкаться, чистить сапоги, даже, кажется, отворять двери, поднимать ставни и вмѣстѣ съ тѣмъ исложена теорія и административный порядокъ *общихъ ученическихъ квартиръ;* любопытная книга! Но по нашему мнѣнію, оба эти способа, при пособіи даже *истиннаго друга*, не принесутъ ожидаемой отъ нихъ пользы и встрѣтятъ слишкомъ большія затрудненія. Скажемъ отдѣльно о каждомъ изъ нихъ.

А. Мы вовсе не считаемъ справедливымъ то убѣжденіе, что будто бы успѣхи, нравственность и здоровье бываютъ лучше въ воспитанникахъ казенно-коштныхъ, живущихъ въ училищныхъ домахъ, нежели въ своекоштныхъ ученикахъ, проживающихъ на квартирахъ у городскихъ жителей. Можетъ быть, вы намъ представите нѣсколько примѣровъ въ опроверженіе нашего мнѣнія, но и мы не затруднимся указать на большое число противныхъ примѣровъ, особенно относительно здоровья. Впрочемъ, не желая кого либо оскорблять ссылкою на факты мы разсмотримъ вопросъ съ финансовой точки зрѣнія. Ко-

нечно, если бы нашлись благодѣтели, которые бы на свой счетъ выстроили всѣ дома нужные для духовныхъ воспитанниковъ, то первый по крайней мѣрѣ шагъ не встрѣтилъ бы затрудненія. Но такихъ благодѣтелей не скоро найдешь. По нашему мнѣнію, для помѣщенія 100 воспитанниковъ домъ съ кухней, столовою, кладовыми, ледниками и пр., выстроенный по всѣмъ правиламъ казенныхъ построекъ, будетъ стоить никакъ не менѣе 20,000 руб. По отчетамъ оберъ-прокурора Св. Синода всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ въ духовныхъ училищахъ болѣе 35,000; слѣдовательно постройка домовъ для помѣщенія ихъ не обойдется дешевле *семи милліоновъ рублей серебромъ*. Очень много! не скоро найдешь охотниковъ, которые пожертвуютъ такую сумму? Но положимъ что всѣ дома построены; посмотримъ, сколько нужно будетъ платить каждому мальчику за житье и содержаніе въ нихъ. На подержаніе училищнаго дома въ 20,000 рубл. сер. въ надлежащей чистотѣ и опрятности, на ремонтныя исправленія, на освѣщеніе и отопленіе, на необходимую прислугу понадобится ежегодно никакъ не менѣе 2500 рубл.; далѣе въ семинаріяхъ подмосковныхъ губерній съ своекоштныхъ учениковъ за одну пищу берется почти вездѣ не менѣе 25 рубл.; такимъ образомъ содержаніе мальчика съ квартирою и столомъ въ годъ будетъ 50 рубл. сер. Между тѣмъ намъ вполнѣ извѣстно, что во многихъ изъ тѣхъ же губерній, на тотъ же предметъ ученики, живущіе на вольныхъ квартирахъ, истрачиваютъ не болѣе 30 рубл., а иногда даже менѣе 25 рубл. Откуда же бѣдному духовенству брать на каждаго

мальчика лишнихъ 20—35 рублей; когда оно и теперь большею частію затрудняется содержать своихъ дѣтей въ училищахъ? Присоедините, что на учениковъ же нужно разложить проценты, которой будутъ стоить построенныя зданія; въ такомъ случаѣ на каждаго мальчика еще прибавится 8 или 10 руб., смотря потому четыре или пять процентовъ взыскивать съ него. Нѣтъ! духовенство наше не такъ богато, чтобы такую сумму тратить на квартиру и пищу своихъ дѣтей, да прибавить еще на одежду, обувь, бѣлье, письменныя снадобья и пр. Исключеніемъ изъ это служатъ города, въ которыхъ квартиры очень дороги, напр.: Петербургъ, Москва, Одесса, Рига и др.; тамъ дѣйствительно уже и нынѣ ученики духовныхъ училищъ живутъ въ казенныхъ домахъ.

Б. Такъ называемыя общія квартиры невыгодны и неудобны для учениковъ и отцовъ ихъ. Можетъ быть, *истинный другъ духовнаго юношества* для поддержанія собственнаго достоинства укажетъ и еще краснорѣчиво опишетъ примѣры, гдѣ теорія его, по его же собственнымъ словамъ, блистательно оправдывается. Но и мы также знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попытка приложить ее къ дѣлу не увѣнчалась хотъ какимъ нибудъ успѣхомъ. Мы хорошо знаемъ, вакъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ не очень давно разыгрывалась чуть не комедія касательно общихъ ученическихъ квартиръ. Начальники лично наняли домъ для помѣщенія учениковъ и *насильно помьстили* или лучше *вмьстили* туда нѣсколько ихъ десятковъ. Почтенный хозяинъ

дома, не очень дальній родственникъ ректора, понимая, что онъ имѣетъ дѣло съ высокостепенными, а не съ учениками, только и старался угождать первымъ и вовсе не думалъ о расположеніи послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ необходимымъ пріучить ихъ къ холоду, угару, сырому и удушливому воздуху; не очень также заботился о хорошемъ приготовленіи пищи и пр. Ученики пріучены уже были къ безропотному смиренію, къ безусловному повиновенію, но и они не выдержали, объявивъ въ концѣ третй начальникамъ, что ни за что не согласятся болѣе жить въ общихъ квартирахъ. Начался судъ, разумѣется словесный; по счастію учениковъ докторъ принялъ участіе въ дѣлѣ, сказавши, что они всѣ сдѣлаются больными, если еще поживутъ въ той же квартирѣ. Начальство принуждено было уступить. Послѣ намъ случалось говорить съ учениками, тамъ жившими и съ отцами ихъ; по разсказамъ очень правдоподнымъ будто бы и нравственность тамъ не улучшилась, а едва ли даже чѣмъ либо не поплатились. Только житье было очень веселое для магнатовъ, т. е., для учениковъ высшаго и отчасти средняго отдѣленія. Съ ними вмѣстѣ жило много мальчиковъ изъ низшихъ училищъ; добрые и чадолюбивые папаши пріѣхавши въ городъ, считали обязанностію засвидѣтельствовать свое почтеніе магнатамъ и попросить ихъ имѣть надзоръ за малыми птенцами. А сами посудите, какъ не возвеселиться и не возвеселить другихъ при сей вѣрной оказіи?

Время бросить ту мысль, что будтобы только отцы-начальники могутъ надлежащимъ образомъ заботиться о хорошемъ содержаніи учениковъ, даже

объ ихъ нравственности; право, въ этомъ случаѣ настоящіе отцы дѣтей самые лучшіе судьи и распорядители; дайте имъ только возможность и средство устроить все, какъ слѣдуетъ; вѣдь дѣти дороже для нихъ, нежели для начальниковъ. Мы даже думаемъ, что едва ли не лучше было бы, если бы бѣдные ученики духовныхъ училищъ, особенно семинарій, вмѣсто казеннаго содержанія получали денежныя пособія. Въ самомъ дѣлѣ менѣе 32 руб. сер. неполагается ни въ одной семинаріи на содержаніе ученика. Присоедините сюда расходы на прислугу, отопленіе, освѣщеніе, ремонтныя поправки дома и пр., увидите, что ученикъ обходится казнѣ до 50—55 р. сер. Кромѣ того отецъ или родственники должны прибавить тоже не менѣе 20 руб. на разныя разности, необходимыя при казенномъ содержаніи. По этому ежегодно на казеннокоштнаго ученика истрачивается до 70—75 руб.; между тѣмъ, какъ мы совершенно знаемъ, что хорошее содержаніе ученика пищею, одеждою съ квартирой и пр. не обойдется дороже 50—60 руб. Право, наша мысль едва ли можетъ быть названа невѣрною. Не даромъ же университеты уничтожили казенное содержаніе, а замѣнили его стипендіями. Частные люди какъ то лучше умѣютъ распоряжаться деньгами, нежели чиновники всѣхъ родовъ и покроевъ.

2. Въ послѣднее время появилось не мало людей, которые для исправленія нравственности семинаристовъ, для приготовленія изъ нихъ достойныхъ пастырей церкви находятъ нужнымъ произвести въ устройствѣ духовныхъ училищъ радикальную пере-

мѣну. По ихъ мнѣнію всѣхъ безъ исключенія воспитанниковъ надобно заставить ежедневно бывать у вечерни, утрени и по крайнѣй мѣрѣ у обѣдни, исповѣдываться и пріобщаться или каждый постъ, или еще лучше каждый мѣсяцъ. Былъ уже на разсмотрѣніи проэктъ, по которому въ духовныхъ училищахъ кромѣ начальниковъ и наставниковъ долженъ находиться особый духовникъ. Онъ обязанъ былъ исповѣдывать каждаго ученика, когда ему вздумается. Ему предоставлялось право присутствовать при составленіи списковъ ученическихъ и голосъ его въ этомъ случаѣ нужно было ставить выше голосовъ и наставниковъ; это настоящій римскій трибунъ, котораго неумолимое и грозное veto (не согласенъ) парализировало бы отзывъ всѣхъ педагоговъ; противъ этого veto никто не смѣлъ бы возставать и даже протестовать. Мы уже высказали выше, что русскіе никогда не согласятся быть католиками, не смотря на всѣ брошюры Г—ныхъ, но читая и слушая проэкты, о которыхъ мы сейчасъ говорили, невольно начинаешь думать, не начинается ли обращеніе наше въ католицизмъ, не хотятъ ли наши семинаріи передѣлать въ іезуитскіе коллегіумы. Одумайтесь г.г. Руссо-католики! Мы знаемъ, что ваши проэкти взяты чуть не цѣликомъ изъ уставовъ католическихъ духовныхъ и преимущественно іезуитскихъ школъ. Но напрасно вы забываете, что мы не Итальянцы, не Французы, не Испанцы, что въ насъ течетъ кровь славяно-финская, что наша сѣверная натура не удовлетворяется одною аскетическою созерцательною жизнію, а требуетъ дѣятельности

физической и умственной, что мы не прочь надѣлать много грѣховъ, но вѣчно плакать о нихъ, или разыгрывать роль плачущихъ неспособны, по крайнѣй мѣрѣ такихъ аматёровъ между нами найдется немного. Мы убѣждены, что разъ въ годъ очистить свою совѣсть отъ прегрѣшеній, раскаяться въ нихъ предъ Богомъ, сподобиться за тѣмъ пріобщенія тѣла и крови Господа, и такимъ образомъ войти въ таинственное единеніе со Христомъ — необходимо для каждаго христіанина. Таинства, чрезъ такой періодъ совершаемыя, не теряютъ для насъ своей торжественности и божественности характера. Но заставьте насъ приступать въ годъ къ исповѣди и Св. причастію не 12, и даже 4 раза, тогда они потеряютъ для насъ всякое значеніе, сдѣлаются обыкновенными, даже обременительными обрядами. Вѣдь, прежде же было правило, чтобы всѣ исповѣдывались и пріобщались каждый постъ; но вѣрно почему либо оно оставлено; не возобновляйте того, что оказалось неудобнымъ. Далѣе, мы понимаемъ четвертую заповѣдь Божію и считаемъ обязанностію, чтобы седьмый день посвященъ былъ и то не весь на молитву. Но когда вы заставите насъ ходить каждый день въ церковь, стоять тамъ по нѣскольку часовъ, тогда обвиняйте себя, если мы и въ праздникъ станемъ бѣгать отъ Божественной службы. Мы готовимся быть не пустинниками степей ѳиваидскихъ, не анахоретами горы аѳонской, даже не древними послѣдователями и пордажателями Антонія и Ѳеодосія печерскихъ; намъ нужно будетъ жить въ странѣ, гдѣ только физическій трудъ про-

должительный, а иногда и изнурительный обезпечитъ насъ отъ голода и холода.

При этомъ мы не можемъ не вспомнить здѣсь одного давнишняго своего разговора съ добрымъ старикомъ-инокомъ. Пришедши къ намъ, онъ позавидовалъ нашей жизни, хотя она, какъ выражаются на семинарскомъ слогѣ: *не была украшена цвѣтами радостей*. Полушутя, полусерьёзно мы сказали, что ужъ если завидовать, то нужно завидовать его жизни. „И въ самомъ дѣлѣ, говорили мы, не житье ли вамъ, святымъ отцамъ? Вѣдь только и дѣла, что молиться Богу; все готово, ни о чемъ не нужно хлопотать; ходи въ церковь и молись.“ Старецъ посмотрѣвши на насъ очень серьёзно, сказалъ: „ты или смѣешься надо мной, или не понимаешь дѣла.“ Слова эти насъ немного удивили и потому мы попросили старца сказать поясненіе. Онъ не очень охотно продолжалъ: „ты думаешь, что, вѣрно, легко каждый день бывать за всѣми службами въ церкви. Хорошо тебѣ такъ думать, когда придешь ты въ храмъ чрезъ недѣлю и притомъ совершенно безъ принужденія по доброй волѣ. Если ты же будешь благоговѣйно молиться Богу, то не станешь скучать. Но попробуйка ходить по три раза каждый день *непремѣнно*, повторять молитвы, давно тобою заученныя, даже перетверженныя, стоять въ обществѣ людей, которымъ все это наскучило; тогда узнаешь, что самыя сухія твои занятія несравненно легче моихъ. Знаешь ли, что я иногда цѣлый часъ стараюсь собрать свои мысли, дать имъ благоговѣйное настроеніе, отрѣшиться умомъ отъ земнаго и вознестись въ горнему, употребляю всѣ

возможныя усилія, падаю ницъ, плачу ..... и ..... не смотря на все это, не могу пересилить себя. Представь, что эта борьба бываетъ каждый день по два, по три раза, продолжается нѣсколько лѣтъ; неужели и послѣ этого скажешь, что я не долженъ завидовать тебѣ?“ У старца изъ глазъ брызнули слезы; мы вполнѣ видѣли искренность его словъ. „Г.г. Руссо-католики! Такъ говорилъ намъ старикъ набожный. Что же вы сдѣлаете изъ молодыхъ людей, когда заставите ихъ ходить каждый день къ божественной службѣ? Повѣрьте, что они или станутъ присутствовать при ней и въ послѣдствіи сами совершать ее съ нольнымъ равнодушіемъ и механически, или даже получатъ отвращеніе къ ней. И пламенная Италія не выдержала папскаго ига; неужели вы насъ — сѣверяковъ — хотите воспитывать, какъ какихъ либо траппистовъ?

3. Есть тоже люди, по мнѣнію которыхъ нравственность семинаристовъ исправится и возвысится, если съ нихъ совлекутъ свѣтскую одежду, облекутъ въ подрясники, подпояшутъ ременными поясами, заставятъ отпускать бороду и волоса, словомъ, сдѣлаютъ по внѣшнему виду дьячками, пономарями и послушниками. Что за чудный народъ? Неужели къ платью пришиты бываютъ добродѣтели? Неужели длинные волосы, отпущенная борода, ускорукавный и широкополый подрясникъ заставятъ непремѣнно семинаристовъ быть самыми нравственными существами, истинно-набожными христіанами? Ужъ если въ подрясникѣ и волосахъ скрывается столько нравственной силы; то отчего же дьячки пономари и

и послушники въ глазахъ общества не пользуются уваженіемъ, не слывутъ даже просто хорошими, сносными людьми? Отчего къ нимъ также чуть не всеобщее презрѣніе? А между тѣхъ наши реформаторы напрасно не подумаютъ о томъ, что не только для академика и для ученика семинаріи высшаго и средняго отдѣленій вовсе нѣтъ чести быть сравненнымъ по платью съ причетниками и послушниками, что въ подрясникѣ семинаристамъ и академикамъ уже вполнѣ закроется дорога къ порядочнымъ людямъ, что имъ иногда только и можно будетъ проводить время у дьячковъ, отставныхъ солдатъ и мѣщанъ, — самые мелкіе чиновники постыдятся имѣть съ ними дѣло. Въ тридцатыхъ годахъ носился слухъ, что въ бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ не только сдѣлано было предложеніе надѣть на духовныхъ воспитанниковъ подрясники, но и представлены были рисунки джентльменовъ, облеченныхъ въ *оную хламиду*, съ длинными распущенными волосами, и имѣющихъ *поясъ усмиренъ на чреслахъ своихъ*. Слышно было тогда, что одинъ знаменитый архипастырь, посмотрѣвши на рисунокъ сказалъ составителю проэкта: *помилуйте С. Д., да имъ по улицамъ проходу не будетъ отъ мальчишекъ*. Бога ради, не думайте, чтобы въ подрясникахъ скрывались всѣ качества необходимыя будущимъ пастырямъ; не надѣвайте на нихъ пока той одежды, которая заставитъ мальчиковъ за ними бѣгать.

4. Теперь мы хотимъ сказать не объ какомъ либо предполагаемомъ проэктѣ, а о дѣйствительномъ уже распоряженіи, посредствомъ котораго думаютъ,

вѣроятно, развить религіозное чувство, поддержать и возвысить нравственность учениковъ духовныхъ низшихъ училищъ и семинарій. Отеческая заботливость, обнаруживающаяся въ этомъ распоряженіи, слѣдитъ за дѣтьми уже не въ школѣ, а въ домахъ ихъ родителей, куда они отправляются на каникулярныя времена. По давно уже существующему постановленію, ученики по возвращеніи своемъ изъ домовъ родительскихъ обязаны привозить аттестацію мѣстныхъ священниковъ о томъ, что хорошо вели себя во время отпуска. Узнавши о такомъ постановленіи: иной подумаетъ, что ученики, вѣроятно, очень дурно ведутъ себя и развращаются, живя у своихъ отцовъ; что послѣдніе плохо слѣдятъ за нравственностію своихъ дѣтей, даже не заслуживаютъ довѣрія начальства въ этомъ отношеніи. — Иначе зачѣмъ же установлять контроль за учениками во время отпуска и поручать его не отцамъ, а священникамъ, и, кажется, даже благочиннымъ? Но позвольте намъ высказать онъ этомъ предметѣ свое мнѣніе. Мы вовсе не считаемъ нравственное состояніе учениковъ духовныхъ училищъ вполнѣ удовлетворительнымъ; то и другое имѣетъ нужду въ исправленіи. Мы согласны, что мальчики, какъ это объяснено нами въ первомъ отрывкѣ изъ второй части нашей статьи, видятъ въ домахъ своихъ родителей не всегда назидательные примѣры. За всѣмъ тѣмъ смѣемъ сказать, что нравственность семинаристовъ портится, религіозность ослабляется не у домашняго очага, а въ школѣ, что начальники училищъ никогда столько не заботятся о своихъ подчиненныхъ сколько огромное большинство

отцовъ о своихъ дѣтяхъ, что всѣ члены бѣлаго духовенства, даже дьячокъ съ своею женою слѣдитъ за своимъ сыномъ гораздо лучше, нежели мѣстный священникъ и даже отцы ректоры и инспекторы, что самый распутный сынъ въ отцовскомъ домѣ воздерживается отъ удовлетворенія своимъ наклонностямъ болѣе, нежели въ трактирахъ и квартирахъ губернскаго города. Здѣсь товарищи - гуляки, половые, буфетчики, знакомые приказные и мѣщане подстрекаютъ его *погулять и повеселиться*, а дома взглядъ отца, вздохъ матери, слезы сестры или старушки - бабушки удержатъ отъ глупостей буйную голову скорѣе, нежели всѣ инспекторскія и училищныя мѣры.

А между тѣмъ разматриваемое нами распоряженіе не только не достигаетъ цѣли, но и часто вредно и затруднительно для учениковъ и ихъ отцовъ. Во первыхъ или дѣтямъ священническимъ долженъ писать аттестацію самъ отецъ ихъ, или благочинный живущій иногда за 30 верстъ, такая аттестацій едвали заслуживаетъ довѣріе. Далѣе почти въ каждомъ селѣ священникъ живетъ въ раздорѣ съ своимъ причтомъ; здѣсь по причинѣ близости и столкновенія интересовъ не бываетъ безразличнаго состоянія. Если священникъ въ дружбѣ съ причтомъ, то онъ, даже зная проступки семинаристовъ, не донесетъ начальству; согласіе съ причтомъ ему слишкомъ нужно; — а еще скорѣе скажетъ отцу: „эй, смотри, сынокъ-то твой велъ себя нынѣ не хорошо, — отмѣчу въ билетѣ.“ И догадливый отецъ позоветъ батюшку къ себѣ, и оба вмѣстѣ смоютъ русскою жизненною водою проступки сына, а иногда и ему, кстати, поднесутъ чарочку.

По большею частію между священникомъ и кѣмъ либо-изъ причта всегда есть неудовольствіе и даже тяжебныя дѣла; развѣ рѣдкое село не кормитъ консисторію своими просьбами и жалобами. Въ такомъ случаѣ почему, желая отмстить отцу, не поприжать сына? Пожалуй, мы и не отмѣтимъ, что онъ дурно жилъ, но за то помучимъ его у себя въ передней, заставимъ его покланяться и попросить, выскажемъ ему побольше горькихъ истинъ; пускай и онъ и отецъ *наматываютъ себѣ на усъ!* Ну, а если случилось что либо похожее на полупроступокъ, тогда одними поклонами не отдѣлаешься. За полупроступками же и даже за проступками дѣло не станетъ. Мы не говоримъ, что при шаткости и неопредѣленности общественнаго у насъ мнѣнія, нѣкоторыя даже невинныя забавы можно перетолковать во всѣ возможныя стороны, священникамъ въ этомъ случаѣ помогаетъ еще другое распоряженіе.

Предписано тоже, чтобы ученики въ каникулярное время ходили въ церковь и пѣли на клиросахъ. И это распоряженіе, пожалуй, станутъ объяснять тѣмъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ распорядителями, ученики вѣроятно не бываютъ и не поютъ въ церквахъ. Но если такія свѣдѣнія дѣйствительно доходили до высшаго начальства, то они вполнѣ несправедливы. Ученики семинарій, принужденные, какъ мы сказали во второмъ отрывкѣ изъ второй части, собираться за часъ и болѣе за богослуженія, ждать его начала гдѣ либо въ холодной комнатѣ, ждать еще въ церкви полчаса или часъ пришествія начальника, стоять за всенощною или литургіею два,

три и болѣе часа, притомъ за какою либо перегородкою, или на чердакѣ и пр. и пр., точно бѣгаютъ отъ богослуженія. Но въ селахъ этого почти никогда не бываетъ. Служба церковная совершается безъ утомленія для предстоящихъ; *отецъ и мать не повѣрятъ, даже не поймутъ, чтобы сыну ихъ можно не пойти въ праздникъ въ церковь;* весь приходъ на лѣниваго посѣтителя храма Божьяго станетъ смотрѣть, какъ на отщепенца; ни ему, ни даже отцу его не будетъ никакого почета. По этому почти примѣра нѣтъ, чтобы ученики, дѣти сельскаго духовенства, живя у отцовъ, не ходили къ Божественной службѣ. Далѣе въ церкви они тоже почти всегда стоятъ на клиросѣ и поютъ. Къ этому побуждаютъ собственная ихъ привычка участвовать въ церковномъ пѣніи, пріобрѣтенная съ дѣтства, и настойчивыя требованія отца и матери, общественное мнѣніе прихожанъ, которые въ пасху и святки не дадутъ охотно ни копѣйки тому поповичу, котораго не видятъ на клиросѣ, а наконецъ особаго рода самолюбіе заслужить вниманіе и одобреніе прихожанъ своимъ голосомъ и чрезъ то пріобрѣсти право на полученіе уже не копѣйки, а пятака, и даже гривны. Повторимъ: всѣ дѣти сельскаго духовенства дома безъ всякихъ начальственныхъ распоряженій ходили и ходятъ въ церковь и поютъ на клиросахъ; тутъ не зачѣмъ писать указы о надзорѣ за такимъ хожденіемъ. Между тѣмъ указы эти могутъ имѣть очень непріятныя послѣдствія, когда священникъ не *въ ладу* съ причтомъ. Совершенно по уважительнымъ причинамъ семинаристъ иногда не явится въ

праздникъ къ обѣдни или всенощной, или явившись, не будетъ пѣть. А священникъ съ своей стороны при аттестаціи можетъ также написать, что ученикъ не всегда посѣщалъ церковь и не всегда участвовалъ въ пѣніи. Оправдывайся предъ начальствомъ! По неволѣ опять поклонишься и попросишь.

Наконецъ остается еще сказать объ одномъ распоряженіи, котораго достоинство нельзя выразить приличнымъ прилагательнымъ именемъ, не навлекши на себя подозрѣнія въ неуваженіи къ распорядителямъ. Недавно, даже едвали не въ 1860 году, семинаристы, особенно взрослые, въ селахъ своихъ обязаны были при совершеніи церковныхъ требъ священникомъ для того-де, чтобы они заранѣе пріучались, какъ ихъ исполнять. Мы не понимаемъ этой излишней заботливости, совершать церковныя требы вовсе не мудрено для того, кто умѣетъ читать. Между молодыми и старыми священниками мы въ этомъ отношеніи находили ту только разницу, что послѣдній читаетъ молитвы на память — скороговоркой, не очень понятно для предстоящихъ, а первый по служебнику ясно и понятно. Только совершать крещеніе и литургію нужно поучиться, а этому-то и нельзя учить семинаристовъ. Но на основаніи разсматриваемаго нами распоряженія священникъ можетъ опять притѣснять ученика. Послѣднему иногда нельзя итти на погребеніе, выносъ, крестины и пр., напр. въ лѣтніе каникулы онъ помогаетъ отцу работать въ полѣ; а священникъ пропишетъ, что онъ уклонялся отъ присутствія при исполненіи требъ. Впрочемъ существенный вредъ здѣсь состоитъ не въ этомъ. Из-

вѣстно, что многія церковныя требы совершаются въ домахъ прихожанъ, напр. крестины, молитва для новорожденнаго, такъ называемыя поминки, елеосвященіе, нѣкоторые молебны и пр. Въ такомъ случаѣ обязательный прихожанинъ всегда почти старается *угостить батюшку*. Кромѣ того нѣкоторыя изъ требъ, совершаемыхъ въ селѣ, даже въ церкви, сопровождаются угощеніями, напр. послѣ свадьбы у причта нерѣдко является даровый полуштофчикъ, или штофчикъ. Само собою разумѣется, что и семинаристъ, присутствуя *по неволѣ и по указу* при совершеніи требы, уже *по волѣ и безъ указа* участвуетъ въ угощеніи, знакомится de facto и даже отчасти de jure съ опоражниваніемъ рюмокъ и стакановъ, а если и не знакомится, то пріучается видѣть опрофанированіе священническихъ обязанностей. Затѣмъ тутъ же кстати присутствуетъ при вымогательствѣ причтомъ лишнихъ копѣекъ, или гривенъ у прихожанъ, бываетъ свидѣтелемъ нападеній и придорокъ съ одной, и упрямой защиты кармана съ другой стороны, да и самъ тоже иногда можетъ попрактиковаться въ пріобрѣтеніи какого либо гроша, или пятака. Такимъ образомъ молодой человѣкъ, будущій пастырь ознакомливается съ самою темною и грязною стороною быта сельскаго духовенства. Здѣсь почти всегда неизбѣжно которое либо изъ двухъ послѣдствій. Или молодой человѣкъ почувствуетъ послѣ отвращеніе къ должности священника и по окончаніи курса постарается поступить въ другія сословія. Или привыкнетъ ко всѣмъ несчастнымъ сценамъ жизни сельскаго священника, освоится съ

ними и съ зачерствѣлою душою, съ подавленнымъ сознаніемъ высокаго значенія священническаго сана, съ притупленнымъ чувствомъ будетъ, сдѣлавшись священникомъ, равнодушно выпрашивать прибавочки, притѣснять и прижимать прихожанина, выпивать въ удовольствіе ему рюмочки и стаканчики и пр. и пр., всему этому онъ научится еще напередъ; все это уже для него не будетъ новостію. Скажите, добрые люди, неужели этимъ способомъ семинаристовъ сдѣлать нравственными и религіозными людьми и приготовить изъ нихъ достойныхъ пастырей церкви? Неужели нельзя придумать чего либо получше? Право, можно. У насъ объ этимъ сказано въ опущенной второй части.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О денежныхъ средствахъ необходимыхъ для улучшенія духовно-учебныхъ заведеній.

Самыя основательныя мысли объ улучшеніи училищъ часто уничтожаются словами: *денегъ нѣтъ;* съ деньгами и дурное можно сдѣлать прекраснымъ, а безъ нихъ геніальныя соображенія не принесутъ пользы. Защитники неизмѣняемости духовныхъ училищъ весьма сильно налегаютъ на безденежье. „Хорошо, они говорятъ, было дворянству улучшать и великолѣпно содержать свои благородные пансіоны; стоило только имъ на общемъ съѣздѣ положить собирать съ каждой крестьянской души по десяти копѣекъ, и ежегодно безъ всякаго обремененія (разу-

мѣется для дворянъ) составлялись десятки тысячъ рублей. Но духовенство къ такой простой методѣ прибѣгать не можетъ, а въ своихъ карманахъ большею частію немного находитъ лишнихъ денегъ." И мы вполнѣ согласны, что у духовенства нѣтъ столь простаго способа улучшать свои училища, какое было у дворянства. Но съ другой стороны увѣрены, что есть возможность найти деньги для улучшенія духовныхъ училищъ.

Прежде всего здѣсь нужно замѣтить, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда рѣшились произвести реформу въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, денегъ еще менѣе было, нежели нынѣ. Училища содержались на разныя мѣстныя средства, или получали ничтожное пособіе отъ казны. Но Сперанскій и Ѳеофилактъ нашли же, нисколько не отягощая народъ, источники доходовъ, которые нынѣ доставляютъ ежегодно болѣе 900,000 рубл. и посредствомъ которыхъ составили капиталъ слишкомъ въ 13 милліоновъ рублей. Неужели въ 50 лѣтъ послѣ того не родилось ни одного дѣльнаго, удобопримѣнимаго плана для полученія суммы на улучшеніе духовныхъ училищъ. Не унижайте подобною мыслію русскаго рода человѣческаго; подумайте, пожалуйста, только; способы найдутся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте частному человѣку изложить свое скромное мнѣніе касательно этого предмета. Намъ кажется, что есть очень много источниковъ суммъ для улучшенія духовныхъ училищъ.

1. При всемъ уваженіи къ 900,000 рублей свѣчнаго дохода, отдѣляемаго на содержаніе духов-

ныхъ училищъ, надобно сказать, что эта цифра гораздо ниже той, которая дѣйствительно выручается продажею восковыхъ свѣчъ въ православныхъ церквахъ. Кто не вѣритъ намъ, того мы попросимъ купить въ лавкѣ фунтъ мелкихъ свѣчъ напр. трехкопѣечныхъ и сосчитать ихъ; тогда онъ увидитъ что прихожане, получая ихъ отъ церковнаго старосты, уплачиваютъ почти всегда вдвое болѣе того, чего стоила покупка свѣчъ. Этотъ опытъ, мы, завѣдывая нѣкогда доходами одной небогатой церкви, неоднократно дѣлали. Сюда нужно присоединить, что остающіеся огарки еще болѣе возвышаютъ выручаемый процентъ; и насъ нельзя будетъ упрекнуть въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ должно выручаться даже болѣе 100%; въ этомъ мы убѣдились въ бывшее время въ тойже самой церкви, о которой сейчасъ говорили. По пересмотрѣвши приходорасходныя церковныя книги, можно увидѣть, что развѣ немногіе старосты показываютъ выручки 50%, большая часть понижаетъ до 20%, а нѣкоторые даже до 10%. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать чести причтамъ Казанскаго собора и Спасосѣнновской церкви въ Петербургѣ, изъ этихъ церквей въ сороковыхъ годахъ доставлялось свѣчнаго сбора до 14000 рубл. сер., чуть ли не третья часть суммы, которая получается изъ всей Петербургской губерніи. Вотъ лучшее доказательство, какъ много скрываютъ свѣчной выручки въ прочихъ церквахъ. И потому мы смѣло говоримъ, что весь свѣчной церковный доходъ долженъ состоять не изъ *девяти сотъ тысячъ*, а почти

изъ *двухъ милліоновъ рублей.* Такимъ образомъ одною этою статьею духовныя училища могли бы улучшиться во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть никто не думаетъ, что мы своими словами хотимъ заподозрить добросовѣстность причтовъ и старостъ; деньги, вырученныя продажею свѣчъ, конечно, не всѣ представляются, куда слѣдовало бы, но за всѣмъ тѣмъ онѣ остаются въ церквахъ и причисляются къ кошельковой суммѣ. Причиною же такого перемѣщенія бываетъ въ старостахъ желаніе увеличить капиталы своей церкви, а въ причтахъ тоже желаніе и еще непониманіе того назначенія, которое имѣютъ отсылаемыя суммы.

2. Купцы не имѣютъ права продавать мелкія восковыя свѣчи никому, кромѣ церкви; но этотъ законъ къ ущербу духовноучилищнаго капитала вовсе не соблюдается. Всякій, кому совѣсть позволитъ, можетъ купить въ лавкѣ не цѣлый фунтъ, а даже пятокъ или десятокъ полуторакопѣечныхъ и другихъ свѣчъ, разумѣется, по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели въ церкви. Убѣдиться въ этомъ легко. Потрудитесь вы постоять у лавки свѣчной въ канунѣ Вербнаго воскресенья и въ Страстную недѣлю; тогда увидите, сколько по мелочамъ продается въ ней мелкихъ свѣчъ. Потомъ наблюдайте приходящихъ въ церковь къ утрени Вербнаго воскресенья, Великой субботы и Пасхи, къ всенощному бдѣнію и вечернѣ великой пятницы; и тутъ замѣтьте, сколько народу придетъ въ церковь съ своею свѣчкою. Этимъ особенно отличаются купеческія и мѣщанскія семейства, которыхъ главы и въ благочестивыхъ занятіяхъ не прочь

выручить процентикъ даже при покупкѣ восковой свѣчки. По деревнямъ же, особенно въ великій постъ, развозятъ восковыя свѣчи возами. Если бы подобная контрабанда (мы называемъ ее настоящимъ именемъ) прекратилась, то доходъ церковный отъ продажи свѣчъ весьма бы увеличился.

3. Духовноучебныя заведенія не имѣютъ полнаго обезпеченія въ свѣчномъ доходѣ еще потому, что многія, притомъ очень богатыя церкви, уволены отъ обязанности представлять его въ духовно-учебное управленіе. Сюда принадлежатъ:

А. *Всѣ городскія кладбищенскія церкви.* Трудно понять, почему къ нимъ сдѣлано такое снисхожденіе. Конечно въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ доходы ихъ не большіе, онѣ даже не имѣютъ особыхъ причтовъ; въ нихъ служатъ по временамъ тѣ священники, которыхъ прихожане тутъ погребаются. Но этого уже вовсе нельзя сказать о кладбищахъ большей части губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ, особенно же о столичныхъ. Доходы ихъ разнообразнѣе, нежели въ приходскихъ церквахъ и состоятъ изъ: 1. платы за мѣста для могилъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ разстояніи отъ церкви; 2. денежныхъ вѣчныхъ, или временныхъ вкладовъ, которые дѣлаются для поминовенія умершихъ въ пользу не только причта, но и церкви, 3. изъ кружечнаго и кошельковаго сбора очень значительнаго; извѣстно, что люди, пораженные скорбію о потерѣ своихъ родственниковъ и друзей, усерднѣе вносятъ денежныя пожертвованія въ церковь, нежели въ то время, когда никакое горе ихъ не трогаетъ. Такимъ образомъ очень мно-

гія кладбищенскія церкви, по обилію дѣлаемыхъ въ нихъ приношеній, стоятъ выше приходскихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ кладбища: смоленское, волковское, тентелевское или митрофаніевское въ Петербургѣ, ваганьковское въ Москвѣ и пр. Послѣ этого понятно, что кладбищенскія церкви не оскудѣли бы, если бы и изъ нихъ свѣчной доходъ былъ представляемъ въ духовноучебное управленіе. А между тѣмъ расходъ восковыхъ свѣчъ въ этихъ церквахъ весьма большой. При обыкновенныхъ церковныхъ службахъ православный христіанинъ за недостаткомъ усердія можетъ и не поставить свѣчи къ иконамъ; но погребеніе и такъ называемая большая панихида совершается не иначе, какъ когда всѣ родные покойниковъ и служащіе священники имѣютъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, которыя при отпѣваніи богатыхъ людей раздаются даже всѣмъ безъ исключенія стоящимъ въ храмѣ. Можно теперь судить, какой огромный доходъ получаютъ кладбищенскія церкви отъ продажи свѣчъ. Мы увѣрены, что на такіе доходы однихъ петербургскихъ и московскихъ кладбищъ можно было бы отлично содержать не одну семинарію.

Примѣчаніе. Одинъ нашъ знакомый говорилъ намъ, что въ извѣстной ему епархіи свѣчной доходъ кладбищенскихъ церквей поступаетъ въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія; поэтому совѣтовалъ намъ выпустить свои мысли объ этомъ источникѣ доходовъ. Но мы не послушались своего пріятеля, потому что не нашли доказательствъ, во всѣхъ ли епархіяхъ кладбищенскія церкви своими свѣчными доходами помогаютъ бѣднымъ лицамъ духовенства.

Б. *Всѣ вообще монастыри.* Въ этомъ случаѣ нельзя не обратиться къ древнимъ временамъ. Извѣстно, что у насъ на Руси въ старину монастыри принимали сильное участіе въ образованности нашего отечества. Грамотность и письменность сохранялись въ нихъ въ то время, когда многіе вельможные даже бояре скрѣпляли дѣловыя бумаги только *прикладываніемъ своихъ рукъ, или печати*, потомъ первыя училища устроены были при святыхъ обителяхъ, кіевская академія учреждена въ братскомъ, а славяно-греко латинская въ заиконоспаскомъ монастырѣ, наконецъ указомъ Петра Великаго всѣ вообще монастыри приглашены были къ учрежденію училищъ у себя. Послѣ этого не должно ли показаться не только удивительнымъ, а даже страннымъ, что нынѣ, когда самыя бѣднѣйшія приходскія церкви отдѣляютъ изъ скудныхъ своихъ доходовъ посильную лепту на поддержаніе духовнаго просвѣщенія, святымъ нашимъ обителямъ, долго бывшимъ почти центрами и разсадниками образованности, не позволяютъ принимать участіе въ дѣлѣ, которое такъ тѣсно соединено съ благосостояніемъ отечества, съ процвѣтаніемъ церкви православной? Мы полагаемъ, что такое исключеніе, по всей вѣроятности, даже должно казаться оскорбительнымъ для иночествующихъ лицъ, какъ будто бы ихъ считаютъ не расположенными къ образованности, и не достойными принять участіе въ распространеніи и поддержаніи ея. Это чувство особенно должно быть сильно въ благочестивыхъ и просвѣщенныхъ настоятеляхъ, которые большею частію получили образованіе въ семинаріяхъ и даже

академіяхъ и слишкомъ часто состоятъ начальниками духовноучебныхъ заведеній. Кто посмѣетъ сказать, чтобы они съ сердечною радостію, съ полною готовностію не поспѣшили пожертвовать частію доходовъ на духовное просвѣщеніе, которое такъ высоко ихъ поставило въ обществѣ? Даже простые, нигдѣ не обучавшіеся иноки не откажутся отъ этого. Если бы съ тѣмъ были соединены нѣкоторыя лишенія, то они постараются самымъ дѣломъ доказать, что не на однихъ словахъ отреклись отъ благъ земныхъ, не одними устами дали обѣтъ нищеты и самопожертвованія на все полезное для церкви; *оставаясь даже на одной пищи Св. Антонія*, они съ душевною радостію будутъ представлять, что чрезъ то какой либо сирота, можетъ быть ихъ родственникъ по плоти, найдетъ себѣ кусокъ хлѣба и со временемъ, сдѣлавшись пастыремъ, а можетъ архипастыремъ, будетъ возсылать теплыя молитвы къ Творцу о своихъ благодѣтеляхъ. Но не говоря объ этихъ истинно христіанскихъ чувствованіяхъ, которыя дѣлаютъ честь нашему иночествующему сословію и заставятъ умолкнуть самыхъ упрямыхъ его недоброжелателей; и оно и святыя обители не оскудѣютъ, если свѣчной доходъ будетъ поступать на содержаніе духовныхъ училищъ. Русскій народъ издавна отличается приверженностію къ святымъ обителямъ и ни подъ какимъ видомъ не позволитъ имъ прійти въ упадокъ и запустѣніе, а добрымъ и благочестнымъ инокамъ страдать отъ нищеты и недостатка средствъ къ своему содержанію. Отъ этого и происходитъ, что совершенно бѣдныхъ монастырей очень мало; по крайней мѣрѣ бѣднѣй-

ихъ приходскихъ церквей несравненно болѣе. И если послѣднія не разоряются отъ того, что свѣчные доходы представляютъ въ духовно-учебное управленіе, то неужели пострадаютъ отъ тойже самой причины даже самые бѣдные монастыри? Но сколько найдется святыхъ обителей, при взглядѣ на которыя по неволѣ изумишься благочестивому усердію русскаго народа къ богоугоднымъ учрежденіямъ? Для такихъ обителей цѣлыя тысячи рублей, отдѣленныя на содержаніе и улучшеніе училищъ, останутся не замѣтными; отъ этого не пострадаютъ ни благолѣпіе ихъ храмовъ ни внѣшняя представительность братіи, ни приличное ея содержаніе. Что же касается до расхода восковыхъ свѣчъ въ монастыряхъ, онъ долженъ быть огроменъ. Намъ въ не очень давнее время приходилось имѣть дѣло съ торговцемъ восковыми свѣчами; отъ него мы узнали, что въ одинъ монастырь у него ежегодно берется ихъ до 200 пудовъ. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ мы полагаемъ, что капиталъ на содержаніе училищъ весьма бы увеличился, если бы святымъ нашимъ обителямъ позволено было избытки отъ продажи свѣчъ употреблять на этотъ предметъ. Сколько бы пособія доставили четыре Лавры, монастыри Соловецкій, Иверскій, Воронежскій при гробѣ Св. Митрофанія, Ростовско-Яковлевскій, Саровскій, и проч. Ни одной почти епархіи не найдется, гдѣ бы не было замѣчательнаго по своимъ средствамъ монастыря, таковы напр. въ Тверской Иловская пустынь, въ Рязанской Радовицкій монастырь, въ Московской

Донской, Новоспасскій и проч., въ Новогородской Юрьевьскій и проч.

Здѣсь также можно замѣтить, что есть не монастыри, а часовни, которыя отъ продажи восковыхъ свѣчъ получаютъ огромные доходы. Возьмемъ для примѣра образъ Иверской Божіей Матери въ Москвѣ. Ступайте по Тверской улицѣ, пройдите охотный рядъ и остановитесь близъ такъ называемыхъ Иверскихъ воротъ, сосчитайте, сколько взойдетъ народа въ теченіи дня въ часовню при этихъ воротахъ и посмотрите, что весь этотъ народъ тутъ дѣлаетъ. Всѣ безъ исключенія съ набожностію молятся стоящей тутъ иконѣ Иверской Божіей Матери; не всѣ, конечно, дѣлаютъ приношенія, но самая большая часть или поставитъ свѣчу или положитъ монету, иногда очень крупную, даже бѣлаго цвѣта. Потрудитесь высчитать, сколько такимъ образомъ наберется денегъ не въ день, а въ годъ. Далѣе пожившіи дня два, три въ Москвѣ вы непремѣнно гдѣ либо встрѣтите карету, запряженную четверкой лошадей, при которой форейторъ, кучеръ и лакей всегда безъ шапокъ. Въ этой каретѣ развозятъ по городу образъ Иверской Божіей Матери для того, чтобы служить молебны у тѣхъ благочестивыхъ жителей, которые въ состояніи дѣлать всѣ расходы, сопряженные съ этимъ желаніемъ. Желающихъ такъ много, что всегда за нѣсколько дней надобно заявить о своемъ желаніи, иногда для этого нужна недѣля и болѣе, а въ холерное время мѣсяцъ и болѣе. Сколько такимъ образомъ еще получится суммы? Она должна быть огромная, если справедливы слова Москвичей (а въ этомъ слу-

чаѣ нѣтъ причины имъ не вѣрить), что даже послушники, которые ѣздятъ съ иконою для служенія молебновъ, въ состояніи бываютъ заказывать для себя уху въ 15 рубл. сер. Говорятъ, что изъ этой суммы иногда отдѣляется часть на попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, и еще отпускается ежегодно на содержаніе Перервинскаго духовнаго училища. Но это вѣдь только нѣчто, а куда же идетъ все прочее? Когда по указу Екатерины II отобраны были у монастырей имѣнія, то такое распоряженіе сочли *нѣкія лица* гоненіемъ на церковь, грабежемъ церковной собственности, напли даже мученика, *запечатлѣвшаго яко бы своею жизнію ревность о Господѣ*, приписали ему пророчества, которыя, разумѣется, обязаны были исполниться. Неужели и нынѣ сочтено будетъ святотатствомъ, нечестіемъ, если предложатъ, чтобы доходъ, получаемый въ часовнѣ Иверской Божіей Матери въ Москвѣ, былъ обращенъ въ пользу духовныхъ училищъ? Вѣдь на него могла бы содержаться даже не одна академія. И неужели такое распоряженіе будетъ болѣе вреднымъ, нежели нынѣшній порядокъ, по которому послушникъ въ состояніи заказать уху въ 15 рубл. серебр.?

В. *Всѣ церкви, принадлежащія казеннымъ учебнымъ заведеніемъ, состоящія при больницахъ, полкахъ, высшихъ присутственныхъ мѣстахъ, архіерейскихъ домахъ и проч.* Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ церквей нѣтъ ни кружечнаго, ни копѣлькового сбора; онѣ, очевидно, не обязаны представлять на училища свѣчнаго дохода, когда въ нихъ бываетъ только одинъ расходъ. Но въ большей части и этихъ церквей

есть кружка и люди для сбора денежныхъ подаяній, есть свѣчной ящикъ, близъ котораго всегда стоитъ человѣкъ въ родѣ старосты, или дѣйствительный церковный староста, есть много богомольцевъ, которые берутъ у него свѣчи за туже цѣну, какъ и въ другихъ мѣстахъ; наконецъ, скажемъ, получаются отъ всего этого доходы, которые несравненно выше доходовъ многихъ приходскихъ церквей! Кто не вѣритъ намъ, тотъ пусть пойдетъ въ Почтамтскую церковь, и въ церковь Коммерческаго училища, въ Петербургѣ, въ любую церковь семинарскую, въ такъ называемыя крестовыя и пр.; онъ, простоявши обѣдню, или всенощную въ какой либо праздникъ, непремѣнно убѣдится съ нашихъ словахъ. Почему же всѣ эти церкви не пригласитъ къ участію въ пожертвованіяхъ на духовныя училища. На каждую изъ нихъ почти всегда ассигнуется сумма отъ казны. Странно же видѣть, что онѣ кромѣ того, имѣя доходы отъ продажи восковыхъ свѣчъ, кружечнаго и кошельковаго сбора, уволены отъ тѣхъ расходовъ, которые возложены на приходскія церкви, ничего не получающія отъ казны. · Но въ этомъ отношеніи нельзя не сказать о немногихъ, конечно, полковыхъ церквахъ, къ которымъ приписаны огромные приходы и которыя между тѣмъ, не доставляютъ въ духовно учебное Управленіе свѣчныхъ доходовъ; сюда напр. принадлежатъ *соборы Сергіевскій, Преображенскій, Измайловскій и церковь при Семеновскомъ полку* въ Петербургѣ; къ нимъ причислены цѣлые кварталы съ многолюднымъ народонаселеніемъ, благочестивыми приношеніями котораго содержатся по три причта

при каждой церкви. На эти всѣ и имъ подобные храмы рѣшительно надобно смотрѣть, какъ на обыкновенные приходскіе по отношенію къ свѣчной продажи. Поэтому никакихъ нѣтъ, по нашему мнѣнію, поводовъ уволить ихъ отъ взноса суммъ, выручаемыхъ такою продажею, на содержаніе духовныхъ училищъ.

4. Есть даже возможность оказать духовнымъ училищамъ, конечно, не очень большое, но и не маловажное пособіе, не увеличивая свѣчнаго дохода. По первоначальному *плану, утвержденному покойнымъ* Государемъ *Александромъ Павловичемъ* въ слѣдствіе представленія Св. Синода, вся сумма, выручаемая продажею восковыхъ свѣчъ въ церквахъ, должна быть употребляема *только на одни духовно-учебныя заведенія;* между тѣмъ время и обстоятельства заставили отдѣлить отъ нея значительную часть на другіе расходы. Если бы возвратить ей первоначальное назначеніе, то нѣкоторыя части училищной экономіи могли бы быть исправлены. Напр. по отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1856 г. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ употреблено: а. болѣе *двадцати пяти тысячъ* руб. сер. на награды чиновниковъ, служащихъ въ канцеляріяхъ Синода, Оберъ-Прокурора, духовно-учебнаго и хозяйственнаго Управленій; тогда какъ на награды всѣхъ наставниковъ духовно-училищнаго вѣдомства истрачено немного болѣе *девятнадцати тысячъ.* б. на жалованье тѣмъ же чиновникамъ почти *шестьдесятъ девять тысячъ.* Если бы эту сумму обратить на жалованье всѣмъ наставникамъ семинарій, то каждый изъ нихъ получилъ

бы прибавки болѣе, нежели 130 руб. Подобнымъ образомъ въ томъ же году употреблено на содержаніе церквей и духовенства болѣе *ста тысячъ* руб.

Такимъ образомъ, безпристрастные читатели, не согласитесь ли вы съ нами, что если бы вся выручка отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ была представляема вполнѣ безъ утайки въ духовно-учебное Управленіе; если бы эту обязанность распространить, на всѣ, безъ исключенія, церкви, особенно на кладбищенскія, монастырскія и полковыя приходскія; если бы вся собранная такимъ образомъ сумма употреблялась на одни духовныя училища, а не на награды и жалованье чиновниковъ; то можно было бы не только улучшить духовно-учебныя заведенія, но имѣть еще затѣмъ значительные остатки. По нашему мнѣнію, прибавка суммы въ такомъ случаѣ должна простираться до двухъ милліоновъ рублей серебромъ. Но позвольте указать еще на другіе источники.

5. При богослуженіи въ православныхъ церквахъ употребляется много книгъ, напечатанныхъ такъ называемымъ церковнымъ или славянскимъ шрифтомъ; сюда относятся мѣсячныя минеи, постная тріодь, уставъ, слѣдованная псалтырь, апостолъ, евангеліе, служебники, молитвенники и проч., такъ что весь такъ называемый церковный кругъ стоитъ очень порядочной суммы. По всей вѣроятности среднимъ числомъ всѣ эти книги не могутъ быть употребляемы болѣе 50 лѣтъ. И такъ какъ въ Россіи всѣхъ церквей до 30,000; то ежегодно нужно по крайней

мѣрѣ до 600 экземпляровъ всѣхъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Очевидно мы взяли слишкомъ малое число, его едвали не нужно увеличить вдвое. Затѣмъ сколько книгъ, напечатанныхъ церковнымъ шрифтомъ, покупается частными людьми, напр. молитвенниковъ, требниковъ, псалтирей, часослововъ и пр.? Но по законамъ Русской Имперіи печатаніе какихъ бы то ни было книгъ славянскимъ шрифтомъ дозволено только синодальнымъ типографіямъ, и всѣ остающіеся отъ того избытки находятся въ распоряженіи Св. Синода. Если присоединить къ этому, что въ синодальныхъ типографіяхъ печатается тоже церковнымъ и даже гражданскимъ шрифтомъ, кромѣ богослужебныхъ множество другихъ книгъ, напр. четьи-минеи, переводы твореній Св. Отцевъ и проч.; то очевидно какая огромная сумма можетъ составляться отъ распродажи всѣхъ книгъ, нами перечисленныхъ? И потому вмѣсто того, чтобы оставлять эту сумму на непредвидѣнныя нужды, которыя, можетъ быть, никогда не случатся, или удовлетворяться другими средствами,— не лучше ли всю ее обращать ежегодно на поддержаніе и улучшеніе духовныхъ училищъ? Назначеніе, кажется, благородное и вполнѣ приличное!

6. При совершеніи погребенія возлагается на умершаго такъ называемый вѣнчикъ, и вкладывается въ правую руку его отпустительная молитва. Какъ ни ничтожна сумма, по которой продается то и другое, между тѣмъ на нее содержатся едва ли не всѣ казеннокоштные ученики низшихъ духовныхъ училищъ. Кажется, и ее можно бы увеличить безъ всякаго отягощенія для родственниковъ покойниковъ.

Для этого нужно вѣнчикамъ и отпустительнымъ молитвамъ придать, какъ можно болѣе разнообразную и красивую внѣшнюю форму и за нихъ назначить болѣе значительную цѣну, предоставляя каждому брать то, что онъ находитъ возможнымъ по своимъ средствамъ. Мы очень хорошо помнимъ какъ при погребеніи одного вельможи распорядитель настоятельно требовалъ, чтобы принесли вѣнчикъ и отпустительную молитву лучшей отдѣлки и высшей цѣны и съ неудовольствіемъ узналъ, что лучше тѣхъ, которыя ему показывали, не печатается. Такихъ людей найдется очень много въ русскомъ царствѣ; почему не удовлетворить ихъ желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ не доставить куска хлѣба какому либо бѣдному ученику-сиротѣ? Право, это нисколько не предосудительно!

7. При крещеніи возлагаются на младенцевъ кресты, а при бракосочетаніи надѣваются на одинъ изъ пальцевъ жениха и невѣсты кольца, какъ бы въ доказательство того, что въ первомъ случаѣ крещаемый сдѣлался христіаниномъ, а во второмъ, что бракосочетавшіеся обручены другъ другу. Кресты и кольца обыкновенно покупаются и продаются въ лавкахъ, какъ и всѣ вообще металлическія издѣлія. Но если не позволяютъ никому печатать или литографировать и потомъ продавать въ книжныхъ магазинахъ и другихъ лавкахъ вѣнчики и отпустительныя молитвы; если они приготовляются по распоряженію и подъ непосредственнымъ надзоромъ Св. Синода; то почему не поступить точно такимъ же образомъ относительно крестовъ и колецъ, нужныхъ

при крещеніи и бракосочетаніи? Конечно, погребеніе принадлежитъ къ самымъ торжественнымъ богослужебнымъ дѣйствіямъ и производитъ сильное впечатлѣніе на предстоящихъ; но крещеніе и бракъ въ церковномъ, догматическомъ отношеніи стоятъ выше погребенія; послѣднее есть обрядъ, а тѣ принадлежатъ къ таинствамъ. Конечно смерть есть важнѣйшее событіе въ нашей жизни; чрезъ нее мы вступаемъ въ новый безконечный періодъ нашего существованія, — періодъ, котораго грозная неизвѣстность можетъ тревожить самаго хладнокровнаго человѣка; поэтому справедливо поступаетъ церковь, являясь здѣсь съ утѣшеніемъ и стараясь внѣшнимъ образомъ смягчить грозный переходъ въ могилу. Но развѣ рожденіе есть менѣе важное событіе нашей жизни, нежели смерть? Развѣ на вступленіе въ супружескую жизнь не слѣдуетъ тоже смотрѣть, какъ на важнѣйшее событіе? Послѣ этого вновь осмѣливаемся сказать, почему бы церкви не приготовлять и не раздавать отъ себя крестовъ и колецъ, которые у крещаемыхъ и бракосочетавшихся оставались бы на всю жизнь, какъ знаки совершившихся надъ ними богослужебныхъ дѣйствій? Не возвысилось ли бы въ глазахъ христіанъ самое значеніе этихъ знаковъ? Вѣдь не одно и тоже купить вещь въ купеческой лавкѣ и получить ее изъ церкви. Замѣчаніе наше будетъ еще вѣрнѣе, если кресты и кольца для крещенія и бракосочетанія будутъ имѣть особенную, имъ однимъ усвоенную форму, приличную надпись на себѣ и торжественно освятятся. Тогда они сдѣлаются для христіанъ не простыми, обыкновенными

вещами, а будутъ имъ напоминать въ теченіи всей жизни тѣ таинственныя дѣйствія, по случаю которыхъ къ нимъ перешли. Мысль, нами излагаемую, не должно считать новою, несбыточною, по крайней мѣрѣ относительно крестовъ; они въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по распоряженіямъ мѣстнаго начальства, разсылаются по церквамъ и получаемыя отъ того суммы расходятся на разныя мѣстныя нужды. Но какъ частныя распоряженія, не утвержденныя высшею правительственною властію они не запечатлѣны, такъ сказать, тѣмъ авторитетомъ, который придаетъ вѣнчикамъ и отпустительнымъ молитвамъ. Не надобно также думать, чтобы предлагаемая нами мысль встрѣчена была, какъ непріятное нововведеніе, даже какъ *новшество*. Вѣдь вѣнчики и отпустительныя молитвы тоже не очень давно вошли въ употребленіе; а нынѣ самый бѣдный родственникъ умершаго считаетъ непремѣнною обязанностію взять ихъ для покойника. Тоже самое подтверждается касательно крестовъ тамъ, гдѣ они теперь уже продаются изъ церквей. Сначала крестьяне разспрашивали, что это такое? не всѣ дѣйствительно съ охотою брали; но нынѣ обижаются даже, если по какимъ либо обстоятельствамъ не случится креста въ церкви. „Что же батюшка? говорятъ они; развѣ мой сынъ, или моя дочь обсѣвокъ въ полѣ? зачѣмъ же имъ не даете церковнаго крестика? — вѣдь это не лавочный.“ А между тѣмъ подобное распоряженіе для духовныхъ училищъ было бы немаловажнымъ пособіемъ. Каждый годъ раждается болѣе $2^1/_2$ милліоновъ и вступаетъ въ бракъ до 600 тысячъ лицъ православнаго

исповѣданія. Если положить, что отъ продажи каждаго крестика получится въ остатокъ одна копѣйка, а отъ кольца десять копѣекъ, то составится сумма въ 85 тысячъ рублей. Пренебрегать этою суммою нельзя. Но она на самомъ дѣлѣ будетъ гораздо болѣе, мы взяли ея minimum; до какой степени можетъ дойти ея maximum, опредѣлить теперь невозможно.

Противъ всѣхъ предполагаемыхъ нами источниковъ для улучшенія духовныхъ училищъ могутъ дѣлать особенно два возраженія. А. Чрезъ нихъ увеличится, такъ сказать, налогъ на народныя массы, которыя безъ того платятъ много податей и сборовъ. Но возраженіе это справедливымъ назвать нельзя. Наши предположенія, касательно свѣчныхъ доходовъ нисколько не обременятъ православныхъ христіанъ, которые теперь жертвуютъ въ церкви всѣ вычисленныя суммы, по одному благочестивому усердію безъ всякаго насильственнаго побужденія; мы только желаемъ, чтобы эти суммы получили назначеніе сообразное съ существующими постановленіями о свѣчномъ сборѣ и чтобы эти постановленія распространены были на всѣ церкви и монастыри. Кресты и кольца, конечно прибавятъ новый расходъ для православныхъ христіанъ; но посмотримъ, какъ великъ и обременителенъ онъ. Мы положили его только въ 85,000, увеличимъ до 250,000 рубл. Если эту сумму раздѣлить между 50,000,000 лицъ православнаго вѣроисповѣданія, то на каждаго придется по половинѣ копѣйки. Допустимъ еще, что вся эта ужасная сумма падетъ на взрослыхъ людей мужескаго пола, кото-

рыхъ число ограничимъ четвертою частію народонаселенія, и тогда среднимъ числомъ каждый изъ нихъ долженъ будетъ въ годъ тратить излишекъ въ двѣ копѣйки. Ужасно разорительная и обременительная прибавка къ расходамъ! Легко ли сказать: *двѣ копѣйки не ассигнаціями, а серебромъ?* Даже бравши отдѣльно каждаго воспріемника, или жениха и невѣсту, покупающихъ теперь кресты и кольца, мы должны сознаться, что и для нихъ пожертвованіе нѣсколькихъ копѣекъ, или гривенъ, право, не тяжело. Б. Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что чрезъ отдѣленіе новыхъ суммъ на содержаніе духовныхъ училищъ сдѣлаются бѣдными церкви и монастыри. Скажемъ сначала о церквахъ. По оберъ-прокурорскимъ отчетамъ за 1856 годъ количество доходовъ кружечнаго, копелькового, съ домовъ и проч. въ тѣхъ только церквахъ, которыя вносятъ на духовныя училища болѣе, или менѣе значительную сумму, простирается болѣе, нежели до $3^1/_2$ милліоновъ руб. Слѣдовательно, если эти церкви однѣ только стали бы показывать и представлять свѣчнаго дохода вдвое болѣе, нежели теперь, то и тогда у нихъ ежегодно бы оставалось слишкомъ $2^1/_2$ милліоновъ руб.; сумма очень полновѣсная! Замѣчаніе наше тѣмъ справедливѣе покажется всякому безпристрастному читателю, что, какъ изъ того же отчета видно, сдѣлано пожертвованій на устройство храмовъ, кромѣ перечисленныхъ суммъ еще $1^1/_3$ милліоновъ руб.; и потому всей суммы останется въ распоряженіи церквей до четырехъ милліоновъ рубл. Далѣе по нашимъ предположеніямъ сумму для улучшенія духовныхъ училищъ нужно извлекать

не изъ однихъ приходскихъ церквей, которыя теперь имъ помогаютъ; на нихъ не падетъ и половины того, что ими нынѣ вносится. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ пригласить къ участію въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія монастыри и тѣ изъ церквей, которыя теперь ничего не жертвуютъ на этотъ патріотическій и религіозный предметъ. Но уже не только нельзя, даже смѣшно говорить, что они отъ этого участія разорятся, или даже сколько нибудь замѣтнымъ образомъ пострадаютъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Измайловскій, Преображенскій и Сергіевскій соборы, равно какъ церкви при Семеновскомъ полку, на Смоленскомъ, Волковскомъ и Митрофаніевскомъ кладбищахъ, пожертвовавъ своими свѣчными доходами, не въ состояніи будутъ поддерживать себя? Сличите ихъ доходы съ доходами Знаменской, Покровской, Самсоніевской и другихъ церквей; тогда поймете смѣшную сторону разбираемаго нами возраженія. А монастыри? Вглядите на ихъ ограды, церкви, внутреннее ихъ убранство, великолѣпіе священныхъ сосудовъ и одеждъ и пр.; разсмотрите обстановку жизни настоятелей, братіи и даже послушниковъ; вѣрно, опять согласитесь съ нами, что, жертвуя — бѣднѣйшія изъ нихъ десятками, не бѣдные сотнями, богатые тысячами, а нѣкоторые десятками даже тысячъ рублей, не разорятся, не потеряютъ внѣшняго великолѣпія, а только возвысятся въ общественномъ мнѣніи участіемъ въ поддержаніи духовнаго просвѣщенія. Смѣло и открыто утверждаемъ, что при исполненіи нашихъ предположеній никто и ничто не пострадаетъ, а состояніе духовныхъ училищъ

улучшится, образованность духовенства и его вліяніе въ обществѣ возвысится; вмѣстѣ съ тѣмъ православная религія и государство много, даже очень много выиграютъ.

Впрочемъ мы не приписываемъ себѣ непогрѣшимости; въ нашихъ предположеніяхъ очень возможны ошибки и недостатки. Просимъ въ этомъ извиненія; мы вовсе почти незнакомы ни съ администраціею, ни съ финансами. Но позвольте намъ этимъ самымъ незнаніемъ воспользоваться для подтвержденія нашей любимой мысли. Если такой неопытный, темный и неизвѣстный въ русскомъ царствѣ человѣкъ, какъ мы, нашелъ возможность указать на многіе источники доходовъ для поддержанія и улучшенія духовныхъ училищъ, — источники, которые нельзя же назвать вполнѣ химерическими; то сколько найдется такихъ источниковъ, когда за открытіе ихъ возьмутся люди, высоко поставленные въ духовной іерархіи, люди гораздо болѣе насъ знакомые съ администраціею, финансами, съ потребностями общества; люди, которыхъ набожность, патріотизмъ и филантронія могли развиться и укрѣпиться при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели наши; — сколько, повторимъ, они могутъ найти источниковъ, если пожелаютъ и подумаютъ? *Подумайте — и придумаете; — пожелайте — и найдете;* за это современники назовутъ васъ благодѣтелями, потомство станетъ вспоминать объ васъ съ благодарностію и уваженіемъ; и Творецъ вселенной, отъ Котораго проистекаетъ всякій свѣтъ физическій, нравственный, умственный и духовный, поддержитъ васъ своею

благодатію, ниспошлетъ на васъ свое благословеніе. Завидна ваша участь для того, кто желалъ бы сдѣлать добро, но по своему положенію не можетъ, *даже*, чего добраго, *за это желаніе не дешево поплатится.*

ЭПИЛОГЪ.

Рѣшившись говорить о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, мы прежде всего имѣли въ виду составить подробное и возможно-ясное описаніе настоящаго неудовлетворительнаго положенія ихъ, разъяснить причины, которыя имѣютъ вредное вліяніе на духовное просвѣщеніе, и свои мысли о способахъ улучшить и исправить духовныя училища сдѣлать извѣстными публикѣ и особенно тѣмъ, *имъ же вѣдати подобаетъ*. Мы даже сами думали, а отъ другихъ получали совѣты все свое сочиненіе представить духовноучилищному начальству. Но съ другой стороны, намъ, какъ человѣку пожилому, слишкомъ было извѣстно, что иногда самый добросовѣстный и отчетливый ученый, или литературный трудъ не можетъ появиться въ свѣтъ, или даже въ рукописи быть прочитанъ лицами, высоко поставленными въ обществѣ, отъ препятствій, которыя извѣстны подъ названіемъ *обстоятельствъ, не зависящихъ отъ воли автора*. Такимъ образомъ намъ пришлось, по русской

пословицѣ. *быть между двумя огнями*, или еще по другой уже нерусской поговоркѣ, *находится между Сциллою и Харибдою.* Вздумай быть вполнѣ откровеннымъ и добросовѣстнымъ, — непремѣнно встрѣтишься *съ обстоятельствами, независящими отъ воли автора;* начни усердно заботиться объ устраненіи послѣднихъ, — нужно будетъ проститься съ ясностію, добросовѣстностію и подробностію. Чтобы пройти между обоими огнями, проплыть между Сциллою и Харибдою, мы прибѣгали къ разнымъ средствамъ; — изложивши факты, нерѣдко предоставляли самому читателю догадываться о заключеніи, которое изъ нихъ вытекаетъ; — описавши злоупотребленія, оставляли на волю того же читателя подумать, какъ ихъ исправить; опасаясь слишкомъ раздражить нѣкоторыя личности, объ одномъ умалчивали, другаго касались слегка; — замѣчанія свои высказывали въ видѣ шутки, легкой насмѣшки, показывали снисходительность къ людямъ, извиняли ихъ привычками, принятыми мнѣніями, прикрывались равнодушіемъ, даже чѣмъ-то похожимъ на сочувствіе и пр. и пр. Отъ вліянія всѣхъ перечисленныхъ и неперечисленныхъ причинъ произошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно насъ обвинять въ неясности и неполнотѣ, даже заподозрить въ недобросовѣстности, что не одинъ найдется читатель, который не пойметъ надлежащимъ образомъ настоящаго положенія духовныхъ училищъ, превратно истолкуетъ наши замѣчанія о нихъ, не догадается о причинахъ злоупотребленій и недостатковъ, нынѣ существующихъ и о средствахъ уничтожить и предотвратить ихъ. Можетъ быть, наше

сочиненіе никогда не выйдетъ въ свѣтъ; можетъ быть, немногія, особенно изъ сторонних для насъ лицъ, прочитаютъ его въ рукописи; но за всѣмъ тѣмъ намъ не хочется умирать съ тяжелою мыслію, что насъ будутъ обвинять въ вынужденной неясности, недогадливости и неполнотѣ, что станутъ даже подозрѣвать въ недобросовѣстности. Все сочиненіе передѣлать не позволяютъ намъ ни время, ни здоровье, ни другія обстоятельства. Поэтому мы и рѣшились въ эпилогѣ *ясно высказать* свои мысли касательно слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1. Можно ли считать нынѣшнее состояніе духовныхъ училищъ удовлетворительнымъ? 2. Въ чемъ заключается главная причина, отъ которой зависитъ это состояніе? 3. Въ чемъ должно состоять улучшеніе духовныхъ училищъ? 4. Отъ кого ожидать инціативу этого улучшенія?

I.

Въ основаніе устава всякаго училища, конечно, надобно полагать нѣкоторые принципы имѣющіе отношеніе ко всѣмъ временамъ, народамъ и даже сословіямъ. Но при школьномъ воспитаніи болѣе всего слѣдуетъ брать во вниманіе не *нравы давно минувшихъ лѣтъ, не преданія старины глубокой*, а потребности современнаго общества и даже будущихъ поколѣній; училища должны доставлять передовыхъ людей, которые могли бы быть руководителями своихъ сверстниковъ и даже потомковъ, а не какія либо античныя фигуры, годные для кабинетовъ древнихъ рѣдкостей, не образчики, похожіе на ископаемыя существа; понятіе объ этихъ фигурахъ и образчикахъ мы можемъ легко составить по остаткамъ въ Ниневійскихъ развалинахъ, Египетскихъ пирамидахъ, Геркуланумѣ и Помпеѣ, въ историческихъ памятникахъ, въ пластахъ земнаго шара и проч. и проч. Между тѣмъ не обижайтесь г.г. любители преданій и консерваторы старинныхъ порядковъ осо-

бенно же безпорядковъ если мы скажемъ, что человѣчество, можетъ быть, иногда какъ будто отдыхаетъ, но долго стоять на одномъ мѣстѣ не любитъ; можетъ быть, иногда не торопится подаваться впередъ, и даже нерѣдко оглядывается назадъ, вѣроятно поджидая васъ г.г. консерваторы, но продолжительнаго застоя терпѣть не можетъ. Вотъ почему идеи, которыми оно руководствуется, и потребности, изъ нихъ вытекающія постоянно измѣняются. И потому, если какія либо училища не хотятъ разставаться съ старинными преданіями, если управляются по уставу, давнымъ-давно составленному, или если дѣлаютъ въ немъ перемѣны не въ прогрессивномъ, а въ ретроградномъ значеніи; то смѣло можно сказать, что такія училища не соотвѣтствуютъ современнымъ потребностямъ. По нашему мнѣнію, хвалиться тѣмъ, что мы не двигались впередъ, хотьбы напр. пятьдесятъ лѣтъ значитъ сознаться, что мы отстали отъ вѣка по крайней мѣрѣ на 25 лѣтъ. Посмотримъ съ этой стороны на духовноучебныя заведенія.

Первымъ, по времени, духовнымъ, даже едва ли не первымъ вообще училищемъ во Россіи нужно считать старинную кіевскую академію, основанную, какъ выше сказанно, Митрополитомъ Петромъ Могилою въ Братскомъ монастырѣ. Понятіе о ней можно составить конечно по Исторіи ея изданной П—мъ М—емъ, но гораздо лучше по Бурсаку Нарѣжскаго, по Тарасу Бульбѣ Гоголя и по Пану Халявскому, кажется, Грицно, Основъяненко. Въ исторіи она представлена чѣмъ бы ей слѣдовало быть по мысли основателя и чѣмъ бы желательно ее ви-

дѣть; а въ романахъ описана въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно находилась. Безъ шутки ее можно назвать карикатурою на Римъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ воспитанниковъ, въ ихъ жизни просвѣчивалъ республиканскій Римъ съ консулами, ликторами, плебеями, сенаторами и проч.; всѣ эти днѣпровскіе Римляне, подобно Тибрскимъ, любили заниматься также нашествіями на сосѣдственные, не народы, а огороды и сады, а иногда забывши права римскаго гражданина, вмѣсто того чтобы кричать panem et circenses, ходили по окнамъ домовъ для выпрашиванія милостины, а въ своихъ комнатахъ сами разыгрывали піэсы въ родѣ тѣхъ, какъ Юдиѳъ отрубила голову Олоферну, а иногда тайкомъ отъ начальства и свѣтскія комедіи и трагедіи. Надъ этомъ республиканскимъ Римомъ стоялъ Римъ временъ императоровъ, Римъ деспотическій; не казнившій, конечно, никого смертію, но вмѣсто того щедро награждавшій розгами и плетьми. Кромѣ того въ эти оба Рима было много внесено монастырскаго отъ пребыванія его въ монастырѣ и еще много схоластическаго изъ училищъ западной, особенно католической Европы. Такимъ образомъ *старинную кіевскую академію можно назвать смѣсью каррикатурно-республиканскаго, деспотическаго монастырскаго и схоластическаго элементовъ.*

Духовныя училища, которыя начали появляться въ императорскій періодъ нашей исторіи, долгое время имѣли основателями, начальниками и учителями тѣ лица, которыя воспитывались въ Братской академіи и передали свое направленіе воспитанникамъ.

Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ духовныя училища до 1809 года ничѣмъ не отличались отъ кіевской академіи; и въ нихъ самихъ и въ образцѣ ихъ произошло много перемѣнъ; особенно мало по малу республиканскій элементъ исчезъ, или лучше явился въ новыхъ формахъ, консулы замѣнены цензорами и старшими, ликторы экзекуторами и дневальными и проч.; но прочіе три элемента упорно боролись съ духомъ времени и ни за что не хотѣли оставить училища. Въ 1808 и послѣдующихъ годахъ духовнымъ училищамъ угрожала радикальная перемѣна. За преобразованіе ихъ взялись два геніальныхъ человѣка: Сперанскій, извѣстный государственный мужъ, и Θеофилактъ, умершій экзархомъ Грузіи; послѣднему обстоятельства не позволили обнаружить во всемъ блескѣ свой умъ и свои административныя способности, но онъ едва ли былъ ниже Сперанскаго; его справедливо можно назвать *духовнымъ Ермоловымъ* въ отношеніи къ Грузіи. Эти два замѣчательныхъ человѣка хотѣли дать духовнымъ училищамъ такое устройство, чтобы воспитанники ихъ были не только отличными богословами, благочестивыми пастырями, но и вполнѣ образованными людьми. Программа, по которой обучался первый курсъ Петербургской духовной академіи, заключала въ себѣ не только всѣ тогда извѣстныя богословскія науки, но и философію, эстетику (замѣтьте не реторику, а эстетику въ 1809 году!), физику, естественныя науки, всеобщую и отечественную исторію, математику, даже высшую, классическіе, а также французскій и нѣмецкій языки. Столь обширную программу едва ли нынѣ можно

встрѣтить въ такомъ либо факультетѣ университетовъ. Не нужно забывать, что многіе преподаватели были вызваны изъ за границы. Кажется всякому видно, чего хотѣли Сперанскій и Ѳеофилактъ. На какой бы высокій степени стояло духовное просвѣщеніе, если бы они имъ руководили до своей смерти, или если бы духовными училищами управляли по ихъ идеямъ. По 1812 г. былъ для обоихъ роковымъ годомъ; но ..... но ..... и идеи Сперанскаго и Ѳеофилакта начали мало по малу забываться. Въ уставѣ духовныхъ училищъ, появившемся послѣ окончанія перваго курса Петербургской духовной академіи, опущены были многія предположенія ихъ; напр. наставникамъ семинарій и академій не дано права избирать инспекторовъ и представлять кандидатовъ на ректорскія мѣста; отъ петербургской академіи удалены всѣ не только иностранные, но и свѣтскіе русскіе профессоры; изъ программы духовныхъ училищъ исключены естественныя науки и пр. Потомъ..... Потомъ..... ректорами даже семинарій перестали дѣлать протоіереевъ, поручали эти должности не докторамъ, какъ предполагали Сперанскій и Ѳеофилактъ, не всегда магистрамъ уже и кандидатамъ, а даже лицамъ, не имѣвшимъ академическихъ ученыхъ степеней; нынѣ не только ректорствуютъ, но и инспекторствуютъ, чуть не во всѣхъ семинаріяхъ одни монашествующія лица; профессоры семинарій лишены всякаго участія въ управленіи ими; — вмѣсто философіи предписано быко читать жалкіе учебники Баумейстера и Винклера; вмѣсто эстетики стали преподавать реторику Бургія и Ле-

жая; появилось и утвердилось раздѣленіе предметовъ на первостепенные и второстепенные; послѣдные tacito modo, а французскій и нѣмецкій языки оффиціально предоставлены произволу воспитанниковъ, т. е. ими вовсе перестали заниматься и проч. и проч. Не правду ли мы сказали, что изъ четырехъ элементовъ старинной Кіево-братской академіи три послѣднихъ элемента вполнѣ господствуютъ въ духовныхъ училищахъ, впрочемъ поприкрытые, пораскрашенные кое чѣмъ новѣйшимъ. Такимъ образомъ изъ нашихъ словъ очевидно, что въ духовныя училища современныя потребности не могли войти оффиціальнымъ образомъ: имъ удовлетворяли и удовлетворяютъ non ex officio, sed ad libitum нѣкоторые усердные, и образованные наставники, и потому даже a priori можно уже правдоподобно заключать, что состояніе этихъ училищъ въ высшей степени неудовлетворительно. Послѣ этой, такъ сказать, нашей теоріи, обратимся къ опыту, или лучше припомнимъ то, что было сказано во всѣхъ частяхъ нашей статьи.

Кажется, г.г. читатели, вы если только прочитали всю нашу статью, не станете требовать, да и не ожидаете отъ насъ, чтобы мы состояніе духовныхъ училищъ назвали удовлетворительнымъ. Да и справедливо. *Развѣ можно считать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ наставники при недостаточномъ, а иногда чуть не нищенскомъ жалованьѣ, не получая ни наградъ, ни поощреній, ни ободреній, находясь въ униженіи, не имѣя поводовъ восхищаться своимъ прошедшимъ, быть довольно

ными своимъ настоящимъ и предвидѣть хоть какое либо утѣшеніе въ будущемъ, большею частію механически - по одной формѣ исполняютъ свои педагогическія обязанности, ограничиваютъ свои лекціи словами: *отсель и досель*, не объясняя почти ничего, требуютъ буквальнаго чтенія уроковъ, не только не развиваютъ любознательности дѣтей, а даже часто убиваютъ ее и обращаютъ школьную жизнь въ какую-то пустую церемонію, въ механическую работу, въ невыносимую барщину; — гдѣ въ классѣ приносятъ тарманку; — гдѣ то прочитаютъ вызубренный урокъ, то попоютъ *всемірную славу*, то поиграютъ на принесенномъ инструментѣ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ воспитанники чрезъ десять лѣтъ своего школьнаго образованія на вопросъ: какъ читается пятая заповѣдь отвѣчаютъ правиломъ объ извлеченіи квадратнаго корня; — гдѣ студенты академій не умѣютъ различить заглавіе отъ содержанія параграфа, или понять, что если человѣкъ имѣетъ двѣ главныхъ части, то нельзя доказывать, что въ немъ ихъ три; — гдѣ профессоры академій покорнѣйше просятъ поступившихъ къ нимъ воспитанниковъ забыть всѣ пріобрѣтенныя ими въ семинаріяхъ свѣдѣнія, какъ вредныя при слушаніи академическихъ лекцій, или совѣтуютъ благодарить семинарскихъ наставниковъ за то, что послѣдніе ничего не сообщили имъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ не повредили ихъ образованію; — гдѣ умѣютъ возбудить такую любознательность и расположеніе къ наукамъ, что даже магистры академій не разрѣзаютъ листовъ Христіанскаго Чтенія

по цѣлому году и тѣмъ хвастаются; — гдѣ студенты свои учебныя тетради передаютъ всесожженію, или нарочно напиваются, чтобы изрыгнуть на нихъ свои vomissements; — гдѣ оканчивающіе курсъ семинаріи считаютъ Ахаію и Македонію за имена людей? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ начальническія мѣста раздаются не по способностямъ, даже не по лѣламъ, а единственно по той одеждѣ, которую наставники носятъ, — гдѣ отъ этого надъ престарѣлымъ, опытнымъ и дѣльнымъ наставникамъ дѣлается начальникомъ его ученикъ, или сынъ его ученика; — гдѣ притомъ этотъ молодой начальникъ считаетъ свою педагогическую должность временною станціею, переходомъ къ другой высшей, вождѣленной должности и исполняетъ ее такъ, чтобы не было только повода отставить его; — гдѣ въ наставникахъ сознаніе личнаго достоинства развивается и поддерживается обязанностію скидать за нѣсколько саженей буражку, стоять безъ нея въ сильный вѣтеръ и морозъ, распростираться предъ властями подобно ползающему растенію, или пресмыкающемуся животному? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ учебники остаются безъ измѣненія по полустолѣтію, большею частію написаны слогомъ устарѣлымъ, труднымъ даже для взрослыхъ людей; — гдѣ старый учебникъ, признанный уже негоднымъ, не замѣняется новымъ, одобреннымъ, единственно потому, что нѣсколько экземпляровъ его еще не раскуплены; — гдѣ авторъ новаго не дождется изданія его въ десять лѣтъ; — гдѣ опытные и свѣдующіе наставники ли-

шены возможности составлять учебныя руководства, а едва кончившіе курсъ семинаристы хватаются за ихъ сочиненіе; — гдѣ учебники передаются на предварительное разсмотрѣніе чуть не ученика уѣзднаго училища; — гдѣ выписка ихъ продолжается болѣе года, а иногда соединяется съ какими-то мистическими церемоніями, очень выгодными для кармановъ отцовъ-начальниковъ; — и гдѣ отъ этого дѣти принуждены бываютъ переписывать цѣлые десятка печатныхъ листовъ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ подъ видомъ логики учатъ не основательному мышленію, по схоластикѣ, софистикѣ и резонированію, — а подъ названіемъ словесности пріучаютъ не излагать живымъ русскимъ языкомъ свои мысли и чуствованія въ человѣческихъ формахъ, а писать какія-то хріи, выписывать свои словесныя и ученыя произведенія казенными мыслями и чувствованіями; — гдѣ отъ этого описаніе Московскаго кремля кажется труднѣе доказательства нематеріальности и безсмертія души, а воспоминаніе о родинѣ основывается на законахъ центробѣжной, и центростремительной силы, — гдѣ обучаютъ латинскому языку посредствомъ *калькулюсовъ и трешниковъ;* — гдѣ булочникъ Терешка имѣетъ возможность участвовать съ лингвистическихъ упражненіяхъ вмѣстѣ съ учениками; — гдѣ обученіе географіи состоитъ въ мазаніи карточекъ; — гдѣ для успѣховъ въ классическихъ языкахъ заставляютъ переписывать дюймовыми буквами вокабулы по пяти разъ; — гдѣ для опроверженія русскаго раскола приказываютъ учить на память десятковъ пять наз-

ваній книгъ, ихъ форматы, мѣста и года изданія, или тоже учить на пямять, какъ тексты Св. Писанія безтолковыя мнѣнія раскольниковъ, выраженныя безтолковѣйшимъ языкомъ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ множество привиллегированныхъ особъ; гдѣ лѣнтяй письмоводитель, пьяница пѣвчій, ректорскій племянникъ или келлейникъ звонарь-ученикъ и проч. переводятся изъ класса въ классъ и оканчиваютъ курсъ за свои канцелярскія маранья, за свои распѣванія произведеній Бортнянскаго, за свои трезвоны и раздуванія кадила, за надѣваніе шубъ и калошъ, за разлитіе чая, вытиранье чашекъ; — а бѣдный труженикъ-ученикъ остается въ томъ же классѣ, или исключается за штатомъ изъ училища? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ при публичныхъ испытаніяхъ на поклоны и поклоненія, на принятіе благословеній, на благодарственныя и привѣтственныя *рацеи и вирши*, а иногда и на воспѣваніе разныхъ гимновъ употребляется чуть не столько же времени, сколько и на отвѣты учениковъ приготовленные впрочемъ за нѣсколько дней; — гдѣ при частныхъ испытаніяхъ наставники, дѣлаясь отвѣтственными подсудимыми лицами сквозь пальцы смотрятъ, а часто и прямо соглашаются на всѣ продѣлки, посредствомъ которыхъ молодое поколѣніе обманываетъ пожилыхъ, и иногда и посѣдѣлыхъ экзаминаторовъ; — гдѣ ученики при помощи *складокъ, помарокъ и печатокъ* выбираютъ предъ глазами начальника билеты имъ извѣстные; — гдѣ взятый билетъ опускаютъ въ карманъ, и вмѣсто него

берутъ другой напередъ заготовленный; — гдѣ на билетѣ написано чуть не все содержаніе его. *Развѣ можно считать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ,* — гдѣ на экзаменахъ всѣ отвѣты отцѣниваются только начальниками, изъ которыхъ одинъ ученическую проповѣдь принимаетъ за произведеніе древнаго духовнаго писателя и совѣтуетъ ей подражать, другой соглашается, что дважды два только въ ариѳметикѣ равны четыремъ, а въ алгебрѣ составляютъ шесть, третій допускаетъ, что земля имѣетъ пышкообразную форму, что въ лунѣ есть вены и артеріи, что человѣкъ болѣе 80 лѣтъ жить не можетъ, что всѣ звѣзды, упавшія не землю, могутъ помѣститься на ея поверхности; гдѣ эти многоученые и велемудрые мужья автократически измѣняютъ наставническіе списки, сочиняютъ аттестаты, человѣка, ничѣмъ почти не занимавшагося, отмѣчаютъ чуть не отличнымъ по успѣхамъ во всѣхъ предметахъ только потому, что онъ у ихъ милости записанъ высоко въ спискѣ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ,* гдѣ ревизоры пріѣзжаютъ *для замазыванія дыръ;* — гдѣ ревизоръ и вмѣстѣ высшій начальникъ училища пріѣдетъ на одинъ или на два экзамена и затѣмъ поручитъ ревизуемому начальнику самому все обревизовать и составить отзывы о себѣ, о своихъ пріятеляхъ и непріятеляхъ; — гдѣ ревизоръ и ревизуемый, живя въ одной квартирѣ, стараются только о томъ, какъ бы взаимными вѣжливостями поболѣе помучить другъ друга; — гдѣ они оба на обѣды, вечера и разныя угощенія несравненно больше употребляютъ времени, нежели на

испытаніе учениковъ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ молитва налагается на учениковъ, какъ наказаніе; — гдѣ заставляютъ мальчика заучивать безчисленное множество непонятныхъ молитвъ, икосовъ, кондаковъ, тропарей, акаѳистовъ и пр.; — гдѣ за часъ до службы собираютъ учениковъ, морятъ ихъ холодомъ въ неотопленной залѣ, ставятъ въ церкви гдѣ либо на чердакѣ, откуда не видно даже иконостаса, утомляютъ продолжительною службою до послѣдней степени; — гдѣ ученики — будущіе наши пастыри — получаютъ отвращеніе отъ Божественной службы; бѣгаютъ отъ нее во всѣ закоулки, лучше соглашаются провести время въ подвалѣ, на дворѣ, нежели въ церкви? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ намѣренно, или ненамѣренно,— все равно — учатъ казенному смиренію, послушанію, даже лицемѣрію, убиваютъ всякую самостоятельность характера; — гдѣ изъ мальчика хотятъ сдѣлать не разумно-свободное существо, а безсознательную машину; — гдѣ ученики не рѣдко отъ своихъ педагоговъ получаютъ практическіе уроки по части трезвости, поддерживая ихъ при возвращеніи съ ботаническихъ экскурсій, или по окончаніи дня празднованія рекреацій, смотря на ихъ веселыя лица во время ревизорскихъ послѣобѣденныхъ экзаменовъ, слушая разсказы о встрѣчахъ, угощеніяхъ и проводахъ ревизоровъ? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ нравственность измѣряется разстояніемъ между землею и подоломъ надѣтаго сертука, или оцѣнивается покроемъ фуражки;

— гдѣ принимаются мѣры, чтобы воспитанники или вовсе никуда не выходили, или знакомились только съ дьячками, мѣщанами, половыми, приказными; — гдѣ существуютъ казенные признаки, по которымъ можно отличить виноватаго отъ праваго, нравственнаго отъ безнравственнаго; — гдѣ ханжамъ, лицѣмерамъ и плутамъ открыто обширное поле выказывать небывалыя въ нихъ добродѣтели, а честные и нравственные люди рѣшаются перестать молиться Богу, чтобы ихъ не смѣшали съ подобными фигурантами? *Развѣ можно считать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ ученики назначаемые къ общественной жизни, воспитываются такъ, какъ будто бы имъ придется послѣ жить не между людьми, внѣ человѣческаго общества; гдѣ лицамъ, которымъ даже нельзя неженниться, навязываются мизогеническія понятія; — для мнимаго поддержанія нравственности облекаютъ учениковъ въ такую одежду, что имъ стыдно показаться въ хорошемъ домѣ и даже на улицѣ и кромѣ того угрожаетъ опасность быть принятыми полиціею за подозрительныхъ людей? *Развѣ можно считать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ ни одинъ классъ не отапливается въ самые жестокіе морозы, кромѣ класса въ которомъ изволятъ преподавать лекціи сами начальники; — гдѣ въ такихъ классахъ мерзнутъ чернила, наставники не скидаютъ ни шубъ, ни мѣховыхъ калошъ, обвязываютъ головы платками, и даже надѣваютъ фуражки, а ученики наживаютъ неизлѣчимые ревматизмы, головныя боли; — гдѣ въ столовой они ознакамливаются съ такими гастрономиче-

скими непріятностями, что послѣ ихъ не удивляетъ ни одно самое дурное кушанье; — гдѣ и въ хлѣбѣ и во щахъ попадается столько наливочныхъ и другихъ мелкихъ существъ, что даже въ постные дни воспитанники скоромятся: — гдѣ начавшееся химическое расложеніе говядины и рыби заставляетъ ихъ бѣгать изъ столовой; — гдѣ ученики изъ щей или квасу вытаскиваютъ животныхъ сѣренскаго цвѣта за хвостикъ и потомъ исключаются изъ училища, какъ негодяи, за то, что свою находку показали своимъ товарищамъ, а не скушали ее, или опять не положили во щи и квасъ? *Развѣ можно считать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ отецъ платитъ порядочную сумму за пріемъ въ училище своего сына, хотя онъ привозитъ его на основаніи указовъ; — гдѣ ему доказываютъ, что это не взятка, а законная контрибуція, необходимая на бумагу, чернила, перья и прочіе расходы, которые истратятся на его сына, пока онъ станетъ учиться; — гдѣ тѣже отцы лучше соглашаются просидѣть за возомъ или за угломъ, нежели попасться на глаза отцу начальнику, который *зазоветъ ихъ къ себѣ напиться чайку? Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ ученики сами метутъ классы, дежурятъ дневальными у своихъ наставниковъ и начальниковъ, носятъ для нихъ воду, работаютъ на огородахъ, разбираютъ дровяные плоты, переписываютъ книги и тетради. *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе тѣхъ училищъ*, гдѣ для мнимой нравственности не позволяютъ мальчикамъ поиграть, гдѣ содержатъ ихъ въ отвратительной нечистотѣ,

не задѣливаютъ по десяти лѣтъ трещинъ въ стѣнахъ; — гдѣ полы моются только въ какихъ либо торжественныхъ случаяхъ и покрываются такимъ крѣпкимъ слоемъ грязи, что его не соскребетъ никакой заступъ; — гдѣ накожныя болѣзни называютъ бисеромъ; — гдѣ распложается такое множество мелкихъ насѣкомыхъ, кусающихъ неопрятное человѣчество, что они являются какъ бы цѣлымъ воинствомъ; гдѣ высокопочтенные начальники доказываютъ, что эти отвратительныя существа сотворены для отчищенія ученической крови отъ примѣшавшихся къ ней дурныхъ элементовъ; — гдѣ въ больницѣ запрещаютъ изъ экономіи тратить суммы на лекарства; — гдѣ медики совѣтуютъ поскорѣе брать больныхъ изъ больницы, чтобы къ нимъ не пристала тифозная горячка? *Развѣ можно назвать удовлетворительнымъ состояніе училищъ того сословія*, которое по своимъ обстоятельствамъ только и можетъ отдавать дѣтей въ эти училища, а между тѣмъ въ самой срединѣ ученья поставлена такая застава, чрезъ которую переходитъ не болѣе половины, а иногда одной трети ихъ; — что по этому обстоятельству остальная половина, или даже двѣ трети исключаются изъ училища и наполяютъ собою то сословіе, которое клеймятъ названіемъ подъячихъ; — что ещо затѣмъ огромная часть не доучившихся дѣтей принуждена оставлять свободное сословіе и приписываться къ обществамъ мѣщанъ и государственныхъ крестьямъ?

Извините, добрые читатели, что мы изъ своихъ *развѣ можно* и проч. составители слишкомъ длинную

реторическую фигуру, называемую *единоначатіемъ;* ее еще можно было бы сдѣлать длиннѣе, потому что мы не тронули множества другихъ не менѣе прискорбныхъ *равно можно.* Но наше единоначатіе въ томъ даже объемѣ, въ какомъ мы его предложили весьма хорошо показываетъ дурное состояніе духовныхъ училищъ вообще; называть его удовлетворительнымъ не только не логично, но даже безчеловѣчно, противозаконно — чуть ли не безбожно; если его похвалить, то, кажется, не найдется другихъ училищъ, которыя можно было бы назвать дурными. Мы теперь вспомнили разговоръ, происходившій въ которомъ-то изъ сороковыхъ годахъ между наставниками одной изъ духовныхъ академій; участниками въ разговорѣ было нѣсколько священниковъ и другихъ лицъ, воспитывавшихся въ той же академіи. Разговоръ коснулся исторіи Православной церкви. Одинъ любитель чудесъ предложилъ вопросъ: чѣмъ можно доказать что русская православная церковь состоитъ подъ особеннымъ Божіемъ покровительствомъ? Въ доказательствахъ разумѣется недостатка не было. Между собесѣдниками былъ пожилой профессоръ, человѣкъ вообще говорливый, но который вовсе не принималъ участія въ разговорѣ, а только изрѣдка саркастически улыбался. Когда замѣтили эту странность, то спросили, почему онъ такъ упрямо молчитъ и даже какъ будто посмѣивается. „Я удивляюсь, отвѣчалъ профессоръ, что вы ученые люди, магистры и кандидаты, доказываете старинную истину одними старинными доказательствами, а между тѣмъ не коснулись самаго современнаго доказательства, которое притомъ яснѣе

всего подверждаетъ, что не только православная церковь, но и бѣлое духовенство и всѣ духовныя училища состоятъ подъ особеннымъ Божественнымъ покровительствомъ. Скажите-ка ученые люди: въ чемъ оно состоитъ?“ Опять принялись доказывать, но когда профессоръ упрямо говорилъ, что всѣ приводимыя доказательства не стоютъ ничего въ сравненіи съ доказателствомъ, имъ самымъ изобрѣтеннымъ, то собесѣдники упросили упрямца объяснить открытіе его. „Да, сказалъ профессоръ, духовныя училища, а слѣдовательно бѣлое духовенство, и еще слѣдовательно православная церковь дѣйствительно пользуются особеннымъ покровительствомъ Промысла. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на духовныя училища, въ которыхъ мы имѣли честь воспитываться, а теперь сами другихъ учимъ, вѣдь кажется, въ каждомъ изъ нихъ приняты вѣрныя мѣры для того, чтобы воспитанники были и глупы, и безнравственны, и не набожны, и даже больны. По всѣмъ человѣческимъ расчетамъ слѣдовало бы ожидать, что изъ нихъ никогда не выйдетъ ни одного порядочнаго человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; а между тѣмъ, сколко дѣльныхъ, умныхъ и даже здоровыхъ людей изъ нихъ выходитъ? Какъ вы объясните все это, не допустивши особеннаго участія Божественнаго Промысла въ дѣлѣ духовнаго образованія? По моему мнѣнію, прибавилъ профессоръ мое доказательство нужно внести во всѣ исторіи русской православной церкви, а мнѣ за открытіе его дать демидовскую премію.“ Можетъ быть въ словахъ профессора есть плеоназмъ и иронія; но задняя мысль,

которую онъ хотѣлъ выразить въ своемъ доказательствѣ, вѣрна, т. е. что духовныя училища находятся въ дурномъ положеніи, мы сказали бы даже въ безнадежномъ, если бы не были увѣрены что ихъ можно исправить и улучшить.

II.

Въ своей статьѣ мы нерѣдко касались очень щекотливыхъ предметовъ; но теперь намъ нужно говорить едвали не о самомъ щекотливѣйшемъ пунктѣ, именно отчего главнымъ образомъ зависитъ неудовлетворительное состояніе духовныхъ училищъ? По мѣстамъ мы дѣлали намеки на этотъ пунктъ, но и они обратились въ *обстоятельства, отъ воли автора независящія.* Чтоже теперь должно послѣдовать, когда мы выскажемъ свою мысль прямо, открыто, съ доказательствами. Да! очень щекотливо и даже не безопасно для насъ! мы это знаемъ. Но правда выше и впереди всего. И такъ, по нашему мнѣнію, *главное обстоятельство, отъ котораго зависитъ неудовлетворительное состояніе духовныхъ училищъ, заключается въ томъ, что начальническія мѣста въ семинаріяхъ и академіяхъ исключительно предоставлены монашествующимъ лицамъ, что они для себя находятъ болѣе приличнымъ, выгоднымъ и необходимымъ быть и слыть благочестивыми иноками, нежели хорошими педагогами, что ученое поприще для нихъ вещь второстепенная, побочная, — временная станція, — только средство достигнуть высшихъ степе-*

ней іерархіи, и что они, можетъ быть, по неотразимымъ обстоятельствамъ, находятся вынужденными смотрѣть на училища, какъ на послушниковъ и будущихъ иноковъ, на себя, не какъ на ректоровъ, или на инспекторовъ, а какъ на игуменовъ или архимандритовъ, и этими соображеніями руководствоваться въ управленіи училищами. Вотъ въ чемъ заключается главная причина неудовлетворительнаго положенія духовныхъ училищъ! Высказанная нами мысль вовсе не нова; — ее на словахъ давнымъ давно передаютъ другъ другу всѣ знакомые съ состояніемъ духовно-учебныхъ заведеній. За всѣмъ тѣмъ, появляясь въ печати, она должна непременно себя защитить. И такъ, любезные читатели, послушайте что̀ мы скажемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. И васъ, г.г. прогрессисты, покорнѣйше просимъ не сердиться ни насъ за нашу правду. Между вами есть у насъ знакомые, были даже друзья, не отъ одного изъ васъ мы получили благодѣянія и помнимъ ихъ, не одному изъ васъ и сами дѣлали добро, слыли и слывемъ даже между вами человѣкомъ не глупымъ и честнымъ, служба насъ не интересуетъ, жизнь приближается къ концу, значитъ въ нашемъ отзывѣ о вашихъ отношеніяхъ къ училищамъ нельзя подозрѣвать злонамѣренности, близорукости, зависти и прочихъ дурныхъ качествъ. Повторимъ, мы говоримъ правду по внутреннему убѣжденію. Послушайте же насъ!

1. Сравнивая обѣты поступающаго въ иночество, правила, обычаи, привычки монашеской жизни съ педагогическими обязанностями, которыя возла-

гаются на воспитателей духовнаго юношества, едвали не всякій даже съ перваго раза замѣтитъ, что одному и томуже лицу добросовѣстно и во всемъ объемѣ исполнять тѣ и другія трудно, даже едвали возможно; тутъ или навлечешь на себя подозрѣніе въ холодности и равнодушіи къ монашескимъ обѣтамъ и правиламъ, или станешь воспитывать дѣтей по обычаямъ отшельниковъ Аѳонской горы и степей Ѳиваидскихъ. Такимъ образомъ А. поступающіе въ монашество даютъ обѣщаніе сохранять дѣвство во всей его чистотѣ. Необходимость исполнять этотъ обѣтъ, презрѣніе не только братіи, но и всѣхъ православныхъ христіанъ къ нарушителямъ его, похвалы дѣвству, которыя можно встрѣчать въ Св. Писаніи и которыхъ особенно много въ отеческихъ сочиненіяхъ, желаніе устранить даже поводъ къ мысли о несоблюденіи этой высокой добродѣтели издавна уже были причиною, что строгіе старцы и аскеты съ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ смотрѣли на прекрасную половину рода человѣческаго. Въ католическіе монастыри вовсе запрещенъ входъ женщинамъ; тамъ иному брату цѣлые годы не удается видѣть никого, кромѣ мущинъ. У насъ, конечно, нѣтъ столь рѣшительнаго разъединенія; но у насъ рѣдкій суровый старецъ посмотритъ въ лице женщины; всякій почти настоятель сдѣлаетъ строгое взысканіе съ послушника, который засмотрѣлся хотя бы издали на мимоидущихъ дамъ. Иногда можно услышать нелестныя названія: *евина исчадіе, орудія сатаны, соблазнительницы* и пр. Люди, которые пропитаются подобными идеями, или по своему положенію должны показывать себя ревни-

телями ихъ, по крайней мѣрѣ не противниками, естественно почти по неволѣ сочтутъ обязанностію развивать ихъ и въ ученикахъ, надъ которыми сдѣлаются начальниками; если не убѣжденіе, то опасеніе прослыть человѣкомъ, дѣйствующимъ не по монашески, расположитъ ихъ къ этому. Вотъ отчего въ духовныхъ училищахъ многіе начальники стараются такъ содержать воспитанниковъ, какъ будто бы имъ всѣмъ предстояло поступить въ монашество, внушаютъ если не словами, то распоряженіями ту мысль, что женщина есть самый страшный нашъ врагъ, что ее избѣгать нужно съ бо́льшимъ стараніемъ, нежели чумы и холеры и пр. По вмѣстѣ съ тѣмъ лица нашего бѣлаго духовенства, въ которое поступаютъ воспитанники духовныхъ училищъ, непремѣнно должны вести жизнь брачную. *Неужели и послѣ этого можно сказать, что строгому, суровому и добросовѣстному иноку легко быть воспитателемъ дѣтей, предназначаемыхъ непремѣнно къ супружеской жизни?* Кромѣ того сколько есть шалостей у воспитанниковъ, которыя цѣломудренному и дѣвственному иноку даже не захочется разбирать? А начальникъ ихъ непремѣнно долженъ разобрать. Б) Всякій человѣкъ, поступая въ иночество, отказывается отъ всѣхъ не только соблазновъ, но и удовольствій міра, и какъ бы вполнѣ, по крайней мѣрѣ, повидимому, разрываетъ связь съ нимъ. Всѣ его чины, отличія, привиллегіи, титулы не переходятъ съ нимъ за монастырскій порогъ; гражданскія права по наслѣдствамъ уничтожаются; ни самъ онъ не можетъ получить, ни другимъ передать наслѣдства; самое имя, данное ему при креще-

ніи, замѣняется другимъ; родственныя связи прерываются; онъ, по меткому выраженію, *обручается съ церковію*, если мужчина, или *уподобляется Христу*, если женщина. Чтобы міръ своими соблазнами и удовольствіями не увлекалъ и не развлекалъ набожныхъ иноковъ, въ католическихъ монастыряхъ предписано имъ не выходить за ограду, какъ можно рѣже имѣть сообщеніе съ людьми и пр. У насъ, конечно, такой изолированности не замѣчается; но едвали какой либо благочестивый инокъ рѣшится отозваться благопріятно о мірѣ съ его соблазнами и удовольствіями; рѣдкій не вздохнетъ, услыхавши, что кто либо изъ братіи часто любитъ сближаться съ свѣтомъ; рѣдкій не одобритъ васъ, если вы станете выражать презрѣніе къ сустѣ мірской и изъявите желаніе принять на себя ангельскій чинъ. Если бы кто либо иначе сталъ дѣйствовать и говорить, то его осудятъ и братія и міряне. Послѣ этого вовсе не удивительно, что инокъ и особенно начальникъ иноковъ, сдѣлавшись начальникомъ училища станетъ мальчиковъ отдѣлять отъ міра монастырскими же средствами. Вѣдь если, для сохраненія нравственной чистоты, даже взрослаго человѣка опасно выпускать изъ монастырской ограды; то не слѣдуетъ ли вполнѣ запереть неопытнаго отрока или юношу, чтобы предостеречь ихъ отъ соблазновъ мірскихъ? А если же выпускать, то позволять имъ ходить къ людямъ простымъ душою, не избалованнымъ отъ счастія, не пресытившимся земными благами, т. е. къ чтецамъ, заслуженнымъ воинамъ, бѣднымъ служителямъ Ѳемиды, а не къ ихъ Высокоблагородіямъ, Высокородіямъ, Превосходительствамъ;

послѣднія лица сразу впушатъ превратныя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ міру. Отступить отъ такихъ распоряженій открыто развѣ рѣдкій инокъ-начальникъ посмѣетъ изъ опасенія прослыть въ глазахъ вевнителей куквы закона развратителемъ духовнаго юношества. Но по гражданскимъ и даже церковнымъ отношеніямъ нашему бѣлому духовенству нужно знать свѣтъ и людей, чтобы управлять ихъ совѣстію, какъ мы объ этомъ уже говорили. А теперь скажемъ, что инокъ — начальникъ училища или долженъ отказаться при управленіи имъ отъ монастырскихъ идей и навлечь подозрѣніе въ нежеланіи слѣдовать имъ, — или воспитывать будущихъ нашихъ пастырей такъ, чтобы они имѣли понятіе о своей паствѣ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя можно пріобрѣсти, смотря на міръ изъ училищныхъ оконъ, или понимая его по идеямъ отшельниковъ. *Подумайте — нѣтъ ли какой либо тутъ несообразности?*

2. Трудна для инока борьба съ міромъ; но не легко ему устоять и противъ другаго врага — противъ своей плоти, противъ похотливыхъ ея требованій, противъ страстей и пожеланій, противъ сластолюбивыхъ внушеній. Не безъ причины же помѣщенныя въ четьи-минеяхъ житія святыхъ подвижниковъ такъ часто разсказываютъ, что искуситель рода человѣческаго большею частію вовлекалъ отшельниковъ въ искушеніе чрезъ ихъ плоть. Чтобы предохранить иноковъ отъ столь опаснаго врага, имъ совѣтуется всячески изнурять, ослаблять, даже умерщвлять его; съ этого цѣлію запрещается имъ мясная пища, ограничено употребленіе рыбной, и даже

растительной, налагаются посты и говѣнья. Поэтому то утучненіе плота считается позоромъ для инока, а постническая жизнь со впалыми щеками, съ блѣднымъ лицомъ составляетъ высшую его похвалу. Слова: *онъ питается одними просфорами, или кушаетъ раза три-четыре въ каждую недѣлю великаго поста* придаютъ иноку характеръ святаго въ глазахъ благочестивыхъ людей. Возьмемъ-те теперь начальника иноковъ, сдѣлавшагося начальникомъ духовнаго училища. Если онъ добрый, честный, безкорыстный и благоразумный человѣкъ, то не станетъ хлопотать объ умерщвленіи плоти воспитанниковъ. Но если..... (вѣдь какихъ людей нельзя встрѣчать даже между иноками?) то какъ ему удобно будетъ прикривать свои злоупотребленія по экономической части аскетическими изреченіями? Какъ прилично сказать воспитанникамъ жалующимся на дурную пищу: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ?* Какъ легко предъ взыскательнымъ міряниномъ объяснить свои распоряженія касательно того, чтобы плоть воспитанниковъ не возставала противъ духа? Говори и поступай такъ свѣтскій человѣкъ, его, Богъ знаетъ, чѣмъ бы не назнавали и не сочли. А тутъ чего добраго, въ глазахъ чьихъ либо можно прослыть благонамѣреннымъ, даже благочестивымъ человѣкомъ за такія дѣла, за которыя слѣдовало бы отдать въ уголовную палату? Какъ въ самомъ дѣлѣ, прикрывшись чѣмъ нибудь, безопасно дѣлать злоупотребленія и прикрывать ихъ благоприличными объясненіями!

3. Сохраненіе дѣвства, борьба съ міромъ и плотію требуютъ отъ инока чрезвычайнаго напря-

женія силъ, часто не человѣческихъ усилій. Чтобы поддержать колеблющагося, подкрѣпить ослабѣвающаго, не дать упасть идущему по столь скользкому пути; монашескія правила предписываютъ инокамъ какъ можно чаще обращаться къ Богу съ молитвою и испрашивать у Него небесную помощь. Встань утромъ, читай молитвы по пробужденіи отъ сна, слушай за тѣмъ утреннюю службу; немного отдохнувши, ступай къ литургіи; послѣ подкрѣпи свою изнемогшую плоть скудною пищею въ трапезѣ, но и здѣсь начинай и оканчивай обѣдъ общею молитвою, да и во время утомленія голода внимай одному изъ братій, который читаетъ какое либо назидательное поученіе, — затѣмъ недолго ждать вечерни; отстоявши ее, дома прочитай молитвы на сонъ грядущій. Прибавьте къ этому, что въ святыхъ обителяхъ Божественная служба совершается, по крайней мѣрѣ должна совершаться медленно и торжественно, пѣніе въ нихъ протяжное, чтеніе вовсе не похожее на то, которымъ утопаютъ насъ православныхъ христіанъ дьячки, а внятное, съ чувствомъ, съ разстановками. Присоедините еще обязанность всякаго инока въ своей келліи сдѣлать по уставу не одну сотню земныхъ поклоновъ (для вѣрности счета въ этомъ случаѣ даны такъ называемыя чётки), и тогда поймете, что молитвословіе и божественная служба должны занимать чуть не всю жизнь инока. И вы, любезный читатель, можетъ быть, сами не часто посѣщаете храмъ Божій, не бываете довольны приходскимъ священникомъ, когда онъ продолжительно служитъ литургію (къ утренней и вечерней службѣ, вѣрно, вы не ходите) а между

тѣмъ вы же осудите шпока и особенно начальника иноковъ, если онъ не исполнитъ въ точности монастырскаго устава касательно молитвы и посѣщенія храма Божія. Возмемъте теперь этого начальника, сдѣлавшагося начальникомъ духовнаго училища. Что ему дѣлать, если онъ долженъ бывать въ одномъ храмѣ съ учениками? Вздумай показать снисхожденіе къ нимъ, тогда сразу навлечешь на себя подозрѣніе въ нежеланіи соблюдать монастырскій уставъ, по крайней мѣрѣ потеряешь случай выставить на видъ свою приверженность къ нему. И потому какъ ему не рѣшиться приказать совершать богослуженіе и въ семинарской церкви также продолжительно, читать утреннія и вечернія молитвы въ такомъ же объемѣ, какъ и въ монастыряхъ? А между тѣмъ, не смотря на всю естественность подобныхъ распоряженій, ученики, какъ мы уже видѣли, пріучаются тяготиться богослуженіемъ, бѣгаютъ отъ него чрезъ заборы и каменныя стѣны, сидятъ въ подвалѣ или на чердакѣ и пр. и пр. Что? *неужели и здѣсь вы не увидите несообразности.*

4. Не смотря на продолжительное время, которое всякій инокъ обязанъ истрачивать на богослуженіе и молитвословіе, у него еще останется немало свободныхъ часовъ, проводимыхъ имъ въ келейномъ уединеніи. И эти часы онъ не имѣетъ права употреблять, подобно намъ мірскимъ людямъ, ни какія либо свѣтскія развлеченія, ни разговоры о мелочныхъ житейскихъ предмѣтахъ, ни шумныя собранія, забавныя игры и пр. Инокамъ и тутъ предписывается вести между собою бесѣды душеспасительныя, углу-

бляться во внутренность ихъ души, размышлять о содѣланныхъ прегрѣшеній. И если бы даже молодые, веселые послушники позволили себѣ открыто порѣзвиться, побѣгать; то и имъ было бы сдѣлано строгое внушеніе о неприличіи такого поведенія. Но не у всякаго достанетъ умѣнья и опытности самоуглубляться и ни чѣмъ внѣшнимъ не развлекаться. Какъ пособіе въ этомъ случаѣ предписывается чтеніе душеспасительныхъ и назидательныхъ книгъ, сюда, разумѣется, относятся Св. Писаніе, богослужебныя книги, Творенія святыхъ отцовъ, сочиненія отечественныхъ нашихъ духовныхъ писателей, благочестивыя печатныя размышленія и пр. А съ другой стороны отсюда рѣшительно исключается, вся такъ называемая свѣтская литература, всѣ ученія статьи о предметахъ свѣтскихъ наукъ и пр. Теперь понятно, какимъ образомъ благочестивый инокъ станетъ выражать, письменно, свои мысли, если у него появится расположеніе къ тому, и о чемъ начнетъ писать. Дозволенныя ему для чтенія книги говорятъ только о религіозныхъ предметахъ, написаны языкомъ славянскимъ или полурусскимъ; — мы уже выше замѣтили, что большая часть, даже современныхъ духовныхъ писателей чуждается нынѣшняго литературнаго языка. Такимъ образомъ духъ, содержаніе и слогъ сочиненій иногда будетъ рѣзко отличаться отъ произведеній какого либо свѣтскаго литератора. Теперь опять возьмемъ те инока который или дѣйствительно убѣжденъ въ истинѣ монастырскаго взгляда на свѣтскія развлеченія, на мірскія забавы, литературныя занятія какъ свои такъ и другихъ людей, или по

крайней мѣрѣ сочтетъ нужнымъ показывать, что онъ держится этого взгляда. Какъ ему надобно дѣйствовать, если онъ сдѣлается начальникомъ духовныхъ училищъ? Какъ ему не посовѣтывать мальчикамъ, чтобы и они вели себя скромно и степенно, не играли, не рѣзвились даже для поддержанія здоровья? А еслибы уже по какимъ либо соображеніямъ, или изъ снисхожденія къ возрасту дозволить имъ поразвлечься; то начальникъ, разумѣется, изберетъ тѣ игры которыя его самого услаждали въ дѣтствѣ, т. е. горѣлки, чехарду, градки и пр., но не танцы, или даже гимнастку. – Боже сохрани! ихъ допустить. Относительно распоряженій по части чтенія книгъ мы много говорили въ главѣ о реторикѣ; тамъ же объяснено нами происхожденіе казенныхъ мыслей, казенныхъ чувствованій, тамъ показаны отличительныя свойства семинарскаго слога, все это извѣстно, повторять не за чѣмъ, и все это продолжится до тѣхъ поръ, пока взглядъ на преподаваніе словесности будетъ основываться на монастырскихъ идеяхъ, пока начальники духовныхъ училищъ будутъ находиться въ необходимости даже посредствомъ ученическихъ хрій и энтитемъ выказывать, что они существеннымъ образомъ иноки, а не педагоги. А между тѣмъ мы тоже много уже говорили о томъ, что мальчику, еслибы даже онъ послѣ сдѣлался пастыремъ нашихъ душъ, нужно побѣгать, порѣзвиться, нужно имѣть развязность, ловкость, нужно выражать свои мысли не въ тѣхъ формахъ и не въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ никто не выражаетъ своихъ мыслей, что безъ литературнаго, современнаго

языка поученія священника не произведутъ на насъ православныхъ христіанъ глубокаго впечатленія. *Г. читатель, не найдете ли и здѣсь противорѣчія между иноческими и педагогическими обязанностями инока-начальника? Подумайте, а кстати подумайте и вы отцы начальники!*

5. Нельзя ожидать, чтобы настоящіе иноки, какъ люди *умершіе міру*, и прервавшіе связь съ нимъ, и слишкомъ высоко могли думать о свѣтскихъ — человѣческихъ наукахъ и стали ими заниматься. Въ самомъ дѣлѣ о чемъ говорятъ эти науки? Разумѣется, о явленіяхъ матеріальнаго міра, о событіяхъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ, о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, о вновь вырабатываемыхъ идеяхъ и пр. Но инокъ все время долженъ проводить въ богомысліи, въ оплакиваніи своихъ прегрѣшеній, въ молитвословіи въ занятіяхъ Божественными предметами, въ чтеніи книгъ, говорящихъ объ этихъ же предметахъ, — къ чему ему теперь заниматься матеріальнымъ міромъ? — *Инокъ умеръ міру*, за чѣмъ же ему знать о событіяхъ этого грѣшнаго міра, объ открытіяхъ, которыя интересуютъ его? Инокъ разорвалъ свои связи съ міромъ; а занятіе свѣтскими науками развѣ не можетъ вновь возобновить эту связь? Притомъ свѣтскія науки вполнѣ открываютъ свои тайны только тому, кто продолжительно ими занимается, увлекаютъ того, кто вполнѣ себя имъ посвящаетъ, гдѣже теперь иноку заниматься этими науками, когда болѣе половины свободнаго отъ сна времени ему надобно находиться при богослуженіи, или проводить въ келейной молитвѣ?

Теперь опять возьмемъ-те настоящаго инока-отшельника, или желающаго казаться такимъ. Что дѣлать ему, когда онъ будетъ начальникомъ духовнаго училища? Вѣдь нельзя же свѣтскія, человѣческія науки въ монастырѣ, между братіею считать никуда негодными, а въ семинаріи или академіи между профессорами признавать нужными. Кромѣ того воспитанники духовные предназначаются быть священниками, которыхъ обязанности и санъ имѣютъ очень большое сходство съ обязанностями и званіемъ инока. И потому отчего не доказывать, что свѣтскія науки для нравственной и религіозной жизни вовсе не необходимы. Ну, а если еще *мы сами* не слишкомъ свѣдущи хоть бы напр. въ гражданской исторіи, математикѣ, физикѣ и пр., тогда уже почему не осмѣлиться на болѣе рѣшительный шагъ? Почему не распространять и не поддерживать мнѣнія, что всѣ свѣтскія науки даже слѣдуетъ изгнать изъ духовныхъ училищъ? Если же нельзя этого сдѣлать; то почему не прибѣгнуть къ такимъ благонамѣреннымъ распоряженіямъ, чтобы воспитанники вовсе не занимались, или приготовляли изъ нихъ только что либо для экзамена? А между тѣмъ мы въ первой главѣ четвертой части ясно доказали, какъ всякому, кто готовится быть священникомъ — настоящимъ пастыремъ душъ христіанскихъ, а не исполнителемъ только церковныхъ требъ, — какъ ему нужны свѣтскія науки. Г. *читатель! и изъ этого отдѣла, не увидите ли противорѣчія между иноческими и педагогическими обязанностями инока начальника?*

6. Мы не хотимъ утверждать, что всѣ безъ

исключенія иноки, особенно прогрессисты не любятъ свѣтскихъ наукъ; между ими есть и было много истинно-образованныхъ людей въ обширномъ смыслѣ; намъ извѣстенъ одинъ епископъ, который въ санѣ архимандрита, и даже епископа изучилъ алгебру геометрію и физику. Но не говоря уже о гонителяхъ, и эти даже любители свѣтскихъ наукъ, такъ сказать, имѣютъ сословныя причины не слишкомъ благопріятствовать всестороннему образованію духовнаго юношества, находятъ выгоднымъ и необходимымъ препятствовать ему, имѣя въ виду интересы сословія, къ которому сами принадлежатъ. Обстоятельство это нами до сихъ поръ было умалчиваемо; теперь поговоримъ-те о немъ. Наше духовенство, какъ извѣстно, раздѣляется на *черное*, состоящее изъ иноковъ, и *бѣлое*, къ которому относятся всѣ священно- и церковно-служители. По отчетамъ Оберъ-Прокурора Св. Синода всего чернаго духовенства немного болѣе десяти тысячъ; а бѣлое состоитъ слишкомъ изъ ста тридцати тысячъ, съ своими же семействами почти изъ шести сотъ тысячъ; такъ что на каждое монашествующее лицо насчитывается до 60 человѣкъ, или душъ мужескаго и женскаго пола бѣлаго духовенства. Не смотря на такую огромную разность въ числѣ, вся власть, все вліяніе заключается въ черномъ духовенствѣ; бѣлое духовенство подчинено ему въ обширнѣйшемъ смыслѣ во всѣхъ почти случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ эпархіальные начальники могутъ по своему усмотрѣнію опредѣлять, увольнять, переводить съ одного мѣста на другое всякаго человѣка изъ церковнаго причта. Члены консисторіи, благо-

чинные, даже депутаты имъ же не только утверждаются, но даже избираются. Изъ всѣхъ сословій русскаго царства одно бѣлое духовенство не пользуется никакими избирательными правами. Нынѣ во многихъ эпархіяхъ начало распространяться и отчасти уже утвердилось вліяніе эпархіальной власти даже на семейный бытъ духовенства, нынѣ слишкомъ часто новый не только дьячокъ, или дьяконъ, но и священникъ принужденъ бываетъ избрать подругу своей жизни не по собственному чувству, а по назначенію эпархіальнаго начальника. Если къ этому присоединить, что члены бѣлаго духовенства ни одной почти награды не могутъ получить иначе, какъ по представленію, или съ согласія своего архіерея и что воспитаніе въ духовныхъ училищахъ главнымъ и существеннымъ образомъ зависитъ отъ чернаго духовенства; то будетъ понятна шутка одного не глупаго и не злопамѣреннаго человѣка по случаю освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Когда въ собраніи, гдѣ находился этотъ человѣкъ, съ восторгомъ говорили о царѣ, — освободившемъ болѣе нежели 20 милліоновъ христіанскихъ душъ отъ рабства и прибавляли, что теперь въ Россіи нѣтъ болѣе невольниковъ, всѣ сдѣлались свободными, то нашъ шутникъ сказалъ: „ошибаетесь, Господа; нѣтъ, въ Россіи осталось еще очень многочисленный классъ въ полной крѣпостной зависимости отъ другаго класса.“ Изумленные этими словами собесѣдники спросили, что же это за классъ, котораго рабство еще не уничтожено, — шутникъ уже серьезно отвѣчалъ: *наше бѣлое духовенство.*

Такое положеніе могло бы оставаться незамѣтнымъ и быть сноснымъ въ католическомъ духовенствѣ. Тамъ всякій аббатъ, или патеръ можетъ сдѣлаться епископомъ; всѣ члены іерархіи составляютъ особое государство въ государствѣ (status in statu) управляемое особыми постановленіями, но и тамъ нынѣ многіе изъ низшаго духовенства начинаютъ тяготиться своею зависимостію. Наше же бѣлое духовенство находится въ другомъ положеніи, нежели католическое. Оно по многимъ своимъ гражданскимъ правамъ принадлежитъ чуть ли не ко второму сословію въ государствѣ; по духу нашей церкви и по семейнымъ отношеніямъ тѣсно связано со всѣмъ обществомъ. Какъ же образованнымъ и даже полуобразованнымъ членамъ его иногда не подумать и не сказать: „если всѣ, не только дворяне, купцы, мѣщане, но и крестьяне имѣютъ право избирать себѣ начальниковъ и судей; то за что мы лишены такихъ же правъ? Если нынѣ крѣпостное право уничтожено относительно мужиковъ; то за чтоже мы студенты, кандидаты и магистры, остаемся въ патримоніальныхъ отношеніяхъ къ своимъ властямъ? За что насъ шесть сотъ тысячъ человѣкъ свободныхъ по своимъ гражданскимъ правамъ оставляютъ въ зависимости отъ десяти тысячъ людей, добровольно отказывавшихся отъ этихъ правъ?“ Образованное лицо изъ бѣлаго духовенства въ подтвержденіе такихъ мыслей найдетъ очень хорошія доказательства. Оно напр. скажетъ, что Главные священники управляютъ своими подчиненными не только не хуже, но и гораздо лучше, нежели эпархіальные начальники, что военное и придворное

духовенство, управляемое не епископами, живетъ счастливѣе, нежели епархіальное, что въ древности епископы избирались клиромъ и бывали женатыми. Много, очень много можетъ сказать.

Но иноки, особенно иноки-начальники и иноки-прогрессисты не могутъ оставаться равнодушными къ притязаніямъ подобнаго рода. Они тоже люди, а люди слишкомъ любятъ удерживать за собою и отстаивать пріобрѣтенныя, или захваченныя ими права. Какъ же и нашимъ инокамъ-прогрессистамъ, если не явно то tacito modo, не дѣлать такихъ распоряженій, которыя бы останавливали въ зародышѣ духъ независимости въ бѣломъ духовенствѣ, или по крайней мѣрѣ всячески препятствовали развитію его? Мы находимъ это слишкомъ естественнымъ. Далѣе, образованный человѣкъ, конечно, гораздо лучше необразованнаго исполняетъ всѣ начальническія распоряженія, когда они справедливы, не унижаютъ его человѣческаго достоинства и не оскорбляютъ его гражданскихъ нравъ. Но съ другой стороны нельзя не сознаться, что тотъ же образованный человѣкъ гораздо скорѣе и лучше, нежели необразованный, пойметъ свое униженіе, отыщетъ и защититъ свои права, сильнѣе тяготится несправедливыми и деспотическими поступками съ нимъ и легче умѣетъ освобождаться отъ нихъ. Онъ немногими скромными словами, даже взглядомъ можетъ болѣе сдѣлать, нежели необразованный шумомъ и крикомъ, отчаянною дерзостію и грубыми выходками. За нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ помѣщикъ, разговаривая съ нами объ образованіи крестьянъ, сказалъ: „я касательно этого

предмета, держусь очень простаго правила. Узнавши, что какой либо мой крестьянинъ началъ учить сына грамотности, я приказываю хорошенько высѣчь того и другаго!“ Изумленные этимъ, мы спросили помѣщика о причинѣ такого его поступка. Онъ очень равнодушно отвѣчалъ: „теперь я съ мужикомъ дѣлаю, что хочу; онъ всѣ мои приказанія исполняетъ безъ разсужденій и отговорокъ; если даже я потребую отъ него чего нибудь не по силамъ, или накажу несправедливо, онъ промолчитъ. Но представьте, что онъ начитается книгъ, нахватается разныхъ мыслей, выучится здраво судить и хорошо говорить; какъ съ нимъ тогда управляться? Я его вздумаю наказать за какую либо неисправность; — а онъ, сложивши руки, тихимъ голосомъ скажетъ мнѣ: *баринъ! вѣдь и я человѣкъ; за что вы меня напрасно наказываете? Побойтесь Бога!* Вѣдь какъ хочете, прибавилъ помѣщикъ, а отъ этого опустятся руки.“ Конечно крестьянъ и бывшихъ ихъ помѣщиковъ нельзя во всѣхъ отношеніяхъ сравнивать съ бѣлымъ духовенствомъ и властями его. Но скажите по совѣсти, развѣ можно равнодушно выслушать хоть напр. слѣдующія слова, которыя произнесутся твердымъ и вмѣстѣ скромнымъ голосомъ: „В. П—во! вѣдь я кандидатъ, вѣдъ я магистръ, за чтоже меня тыкать и словомъ и дѣломъ? Вѣдь я студентъ по образованію, пастырь душъ христіянскихъ, за чтоже со мною обращаться хуже, нежели начальники другихъ вѣдомствъ обращаются съ самыми мелкими чиновниками, нежели я обращаюсь съ своими прихожанами? Вѣдь мы русскіе, образованные притомъ

граждане, за что же мы лишены многихъ гражданскихъ правъ, дарованныхъ даже крестьянину?“ Если бы все бѣлое духовенство было всесторонне и отлично образовано, и стало подобнымъ образомъ выражать свои жалобы и просьбы; то по неволѣ пришлось бы ему уступить многія права; — по неволѣ стали бы говорить даже дьячку: *вы*; — по неволѣ священника посадили бы; — по неволѣ бы нужно было сдерживать свою запальчивость и пр. и пр. Кромѣ того и вы, г. читатель, въ такомъ случаѣ болѣе тронетесь жалобами духовныхъ лицъ на ихъ полукрѣпостное состояніе! Тогда ли, какъ они высказываются человѣкомъ съ образованнымъ умомъ, съ деликатными пріемами, благороднымъ тономъ? Или когда станете слушать человѣка съ расущенными, непричесанными волосами, съ растрепанною бородою, говорящаго съ смѣшными ужимками, какимъ-то нерусскимъ языкомъ, поклончиваго до низости и проч.? Не помогли ли бы вы первому и не сказали бы послѣднему: „куда тебѣ думать о независимости? ты только и созданъ для поклоновъ; кланяйся пониже и не жалѣй своей спины.“ Высказанныя нами здѣсь мысли давно извѣстны догадливымъ изъ иноковъ-прогрессистовъ, а недальновидные понимаютъ ихъ инстинктивно. Какъ же имъ всѣмъ вообще не принимать такихъ мѣръ, которыя бы поудерживали порывъ бѣлаго духовенства къ многостороннему образованію? Какъ не стараться держать его въ тойже средѣ, которая почти безусловно подчинила его другому сословію? Какъ не прикрыть маленькаго, а можетъ быть и большаго обскурантизма словами: *евангельская*

простота, мудрость вѣка сего, нужно только искреннее благочестіе; — все суэта и крушеніе духа и пр. и пр.? Да, — вотъ гдѣ нужно искать тайную причину, настоящую arrière-pensée, отчего прогрессисты такъ мало заботятся и такъ мало будутъ заботиться объ улучшеніи образованія въ духовныхъ училищахъ!!!

Да правду ли вы говорите? вамъ, г. читатель, можетъ быть, угодно будетъ спросить насъ. Мы, подобно всѣмъ грѣшнымъ людямъ, можемъ ошибиться, но теперь, по нашему искреннему сознанію, говоримъ правду. Мы даже укажемъ кое на какіе факты. Въ 1830 или 1831 году, хорошо не припомнимъ, наше правительство предлагало духовному начальству, не находитъ ли оно нужнымъ улучшить бытъ бѣлаго духовенства и обѣщало помогать въ такомъ случаѣ изъ государственнаго казначейства. Какой прекрасный случай? Чего бы тогда нельзя было испросить и для духовенство, и для духовныхъ училищъ? А что́ выпросили? *только пятьсотъ тысячъ* рублей ассигнаціями и назначили ихъ въ видѣ пособія нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ причтамъ!!! Другой случай касается двухъ нашихъ архипастырей. Одинъ изъ нихъ, будучи еще ректоромъ академіи, всегда скорбѣлъ о бѣдственномъ положеніи сельскаго духовенства; къ этому побуждало его и то обстоятельство, что отецъ его удаленъ былъ отъ должности, по донесенію палаты государственныхъ имуществъ, за мнимое вымогательство излишней дачи съ прохожанъ. Почтенный отецъ ректоръ скорбь свою часто раздѣлялъ съ своими подчиненными и сослуживцами. Но вотъ въ 184.... онъ сдѣланъ епископомъ. Дней чрезъ де-

сять послѣ хиротоніи въ собраніи членовъ и секретаря Академическаго правленія онъ сказалъ къ величайшему ихъ изумленію: „Вотъ мы часто съ вами разговаривали о томъ, какъ былобы хорошо, если бы духовенство обезпечить жалованьемъ? Но мы ошибались; въ этомъ я убѣдился, побесѣдовавъ вчера съ :..мъ ....мъ. (Здѣсь онъ назвалъ одного изъ знаменитыхъ архипастырей.) Онъ такъ говорилъ мнѣ: теперь священникъ, получая плату за каждую требу, естественно заботится о томъ, чтобы прихожане строго соблюдали обряды Православной Церкви и самъ старается исполнять ихъ какъ можно скорѣе и лучше; — *ему это выгодно.* Но при жалованьѣ, что̀ ему за нужда будетъ много хлопотать объ исполненіи требъ и обрядовъ? Онъ и безъ того обезпеченъ. Зачѣмъ ему изъ за гроша ѣхать за пять верстъ и болѣе? Не правда ли, продолжалъ новый епископъ говорить своимъ слушателямъ, что при нынѣшнемъ порядкѣ благочестіе въ народѣ поддерживается, а при вводимомъ теперь жалованьѣ оно непремѣнно ослабѣетъ? Нѣтъ, лучше всего потрудись и получишь плату; прочитай молитву, отслужи молебенъ, и тебѣ дадутъ награду.“ Впрочемъ одинъ изъ членовъ правленія, разумѣется непрогрессистъ, рѣшился высказать правду. „Да, В. П—во, ваше замѣчаніе справедливо. По систему, которая господствуетъ доселѣ относительно бѣлаго духовенства, надобно бы распространить на другія сословія и лица. Вотъ напр. теперь епархіальные начальники получаютъ постоянное жалованье. Не гораздо ли лучше было бы, если бы имъ назначить и получать отдѣльную плату за рѣшеніе каждаго

дѣла? Въ такомъ случаѣ они съ полнымъ усердіемъ стали бы спѣшить рѣшеніемъ поступающихъ къ нимъ просьбъ; и дѣла въ консисторіи не стали бы оставаться неоконченными цѣлые годы.“ Разумѣется разговоръ болѣе не продолжался.

Вы скажете, что разсказанные нами случаи касаются взгляда не на образованность, а только, особенно послѣдній, на матеріальный бытъ духовенства. Мы съ вами несогласны. Обезпечьте этотъ бытъ, священникъ и безъ семинарскаго Правленія, даже на зло ему найдетъ возможность хорошо воспитывать своего сына, да и самъ пополнитъ свое недостаточное семинарское образованіе. Кромѣ того оба разсказа показываютъ, какъ духовныя власти охотно готовы улучшать состояніе бѣлаго духовенства. А что ни говорите, образованность священниковъ есть первый и самый вѣрный шагъ къ улучшенію ихъ быта. Умный священникъ и самъ съумѣетъ и другихъ расположитъ обезпечитъ себя. Но вотъ случай, относящійся прямо къ образованности. Одинъ, уже теперь покойный епархіальный начальникъ, бывшій ректоромъ академіи, пріобрѣтшій извѣстность своими сочиненіями, любилъ, сдѣлавшись архипастыремъ, доказывать и даже подавалъ, по слухамъ, проэктъ, что академіи совершенно не нужны, и что даже въ семинаріяхъ слѣдовало бы многіе предметы уничтожитъ. *Неужели и въ этомъ вы увидите желаніе улучшить образованіе въ духовныхъ училищъ?*

7) По иноческимъ правиламъ всѣ лица, принадлежащія къ монастырю, начиная съ привратника и послушника до отца казначея, обязаны беспрекослов-

но повиноватся настоятелю. Это повиновеніе должно выражаться не только въ точномъ исполненіи его приказанія, но и въ церемоніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ всякій изъ братіи, являясь къ настоятелю, обязанъ сдѣлать ему земной поклонъ и поцѣловать его руку, также поступаетъ и отходя отъ него; если же встрѣчается съ нимъ гдѣ либо, то обнаруживаетъ свое къ нему уваженіе болѣе, нежели пояснымъ поклономъ; также, подавая что либо настоятелю, всякій, исключая іеромонаховъ, долженъ облобызать его руку. Наконецъ и сами настоятели точно такимъ же образомъ большею частію поступаютъ по отношенію къ высшимъ надъ ними монашескимъ властямъ. Теперь понятно, почему инокъ-настоятель, сдѣлавшись начальникомъ духовнаго училища, не захочетъ отказать себѣ въ желаніи, а можетъ быть и въ удовольствіи, чтобы ученики точно также оказывали ему свое уваженіе, какъ и монастырская братія. Въ самомъ дѣлѣ если сѣдой старецъ іеромонахъ покланяется отцу настоятелю, да и послѣдній также поступаетъ предъ высшими властями; то неужели мальчику можно позволить больше правъ въ этомъ отношеніи. Если наставниковъ нельзя почему либо принудить къ исполненію тѣхъ же церемоній, къ которымъ привыкъ въ монастырѣ начальникъ; то уже никакъ нельзя допустить, чтобы онъ захотѣлъ съ ними раздѣлить вліяніе на училище. Почему и здѣсь своей воли не поставить для всѣхъ закономъ, даже иногда выше закона? Изъ этого источника проистекаютъ тѣ распоряженія, по которымъ не только ученики, но и наставники принуждены бываютъ

исполнять унизительныя церемоніи, — по которымъ, не смотря на существованіе правленій и членовъ, самъ начальникъ всѣмъ хочетъ распоряжаться, — по которымъ, не смотря на наставниковъ, самъ онъ по своему произволу, составляетъ списки учениковъ, переводитъ ихъ изъ одного класса въ другой, сочиняетъ аттестаты и проч. Нѣтъ надобности повторять здѣсь, что такія распоряженія имѣютъ дурное вліяніе, убивая самостоятельность и благородство въ ученикахъ и даже наставникахъ, отнимая у послѣднихъ всякое значеніе въ училищѣ, ослабляя чрезъ это ихъ дѣятельность и проч. Все было сказано. *Не согласитесь ли и вы, г. читатель, что человѣку, привыкшему дѣйствовать по правиламъ, составленнымъ на Авонской горѣ, или въ степяхъ Диваиды, какъ-то странно и трудно управлять даже духовными училищами?*

8) Интересы каждаго сословія всего лучше могутъ соблюдаться и защищаться членами его. И такъ какъ управленіе духовными училищами слишкомъ интересуетъ черное духовенство: то не зачѣмъ удивляться, что утвердилось и долго еще будетъ поддерживаться обыкновеніе всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и академіяхъ поручать иночествующимъ лицамъ. Не только свѣтскій наставникъ, но и священникъ, управляя училищемъ, можетъ ознакомить воспитанниковъ съ мыслями невыгодными для иночества; а въ духовныхъ академіяхъ при начальникахъ-немонахахъ сразу никто не поступитъ въ монашество; никто не выростетъ года на три, никто, надѣвши рясу и клобукъ, не шагнетъ

вдругъ номеровъ чрезъ десять и болѣе въ спискѣ. И вотъ для избѣжаній *этихъ-то опасныхъ послѣдствій*, и вмѣстѣ разумѣется по вниманію къ лицамъ своего званія, всѣ ректоры семинарій и академій — архимандриты, а не протоіереи, всѣ инспекторы — иноки, хотя бы тутъ всего лучше быть человѣку свѣтскому. На этомъ же основаніи едва кончившій курсъ студентъ дѣлается начальникомъ училища, а его сѣдой профессоръ является подчиненнымъ своего ученика. На этомъ же основаніи опытный и заслуженный наставникъ не только не получаетъ никакихъ наградъ и отличій, но даже принужденъ бываетъ оставлять службу или исполнять ее кое-какъ. Много дѣлается на этомъ основаніи въ духовныхъ училищахъ. Но сдвали не отъ этого же самое богословіе преподается и изучается въ нихъ неудовлетворительно. Мы уже выше сказали, что начальники семинарій и академій, а вмѣстѣ съ тѣмъ преподаватели по крайней мѣрѣ догматики слишкомъ заняты многими должностями, считаютъ свои педагогическія обязанности временными и побочными занятіями, и потому не имѣютъ ни времени, ни охоты приготовлять лекціи, такъ какъ слѣдовало бы, попросту задаютъ уроки *отселѣ* и *доселѣ*, прослушиваютъ ихъ и проч. При такомъ преподаваніи успѣхи въ наукѣ даже самой священной не будутъ блистательными.

9. Наконецъ сдѣлаемъ послѣднее замѣчаніе касательно разсматриваемго предмета, именно скажемъ о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для улучшенія духовныхъ училищъ. Мы въ 5[й] главѣ 4[й] части указали на многіе источники, изъ которыхъ можно

заимствовать эти средства. Но здѣсь прибавимъ, что самое богатое, вполнѣ безобидное и нестѣснительное пособіе заключается въ тѣхъ деньгахъ, которыя въ монастыряхъ получаются отъ продажи восковыхъ свѣчъ, кошельковаго сбора, и проч., и которыя кромѣ того или дѣйствительно остаются, или могли бы оставаться за всѣми расходами на приличное украшеніе святой обители и достаточное содержаніе братіи. Суммы эти очень огромны, какъ мы о томъ уже прежде говорили. Но послѣ мы узнали еще многіе факты, сюда относящіеся. Напр. по словамъ, слышанным нами отъ одного набожнаго и почтеннаго человѣка, братія Саровской пустыни говорила ему, что ихъ обитель безъ всякаго оскудѣнія и затрудненія могла бы содержать семинарію и всѣ низшія духовныя училища Тамбовской епархіи. Далѣе въ одной изъ лавръ 10—15 человѣкъ ежедневно заняты печеніемъ просфоръ для приходящихъ богомольцевъ и, не смотря на то, многія изъ горожанокъ сами пекутъ и продаютъ значительное количество просфоръ, и тѣмъ себя содержатъ. Сколько же теперь обитель получитъ дохода отъ однѣхъ просфоръ, подаваемыхъ при совершеніи проскомидіи, если даже каждый богомолецъ прилагаетъ къ ней только по одной копѣйкѣ сер.? Намъ также извѣстно, что настоятели нѣкоторыхъ монастырей получаютъ десятки тысячъ, а доходы нѣкоторыхъ, конечно не многихъ епархіальныхъ начальниковъ, не нужно ли считать сотнями тысячъ рублей, пожалуй хоть ассигнаціями? Конечно они, какъ высокіе сановники, найдутъ приличное имъ употребленіе, но не должно забывать, что

при огромныхъ доходахъ настоятеля много также получаютъ братія и даже послушники. Есть монастыри, гдѣ при готовыхъ квартирѣ, отопленіи и пищѣ іеромонахи имѣютъ по тысячѣ и болѣе рублей денежнаго дохода, даже послушники, исключенные за неуспѣшность ученики низшихъ духовныхъ училищъ, одѣваются и обезпечены лучше, нежели бывшіе ихъ педагоги, а иногда едвали не равняются въ этомъ отношеніи профессорамъ семинарій, а можетъ быть и баккалаврамъ академій. Сверхъ того, разумѣется по слухамъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ обителяхъ изъ ежегодно сберегаемыхъ остатковъ составились едвали не баснословные капиталы. На чтобы лучше употребить и капиталы и доходы, какъ не на духовное просвѣщеніе? Но едва ли это сбудется, пока начальники училищъ выгоды монашествующей братіи будутъ предпочитать интересамъ училищнымъ. Конечно, молодой инспекторъ — іеромонахъ, только что окончившій академическій курсъ, не слишкомъ богатое имѣетъ содержаніе и можетъ быть, не безъ нѣкоторой зависти слышитъ до доходахъ братіи богатаго монастыря. Но онъ знаетъ, что срокъ испытанія его не продолжителенъ, что ему скоро дадутъ какую либо обитель въ управленіе. Почему же благодушно не перенести нѣкоторыхъ кратковременыхъ недостатковъ? Сдѣлавшись ректоромъ, онъ утверждается тотчасъ же, или вскорѣ настоятелемъ какого либо монастыря. Тогда имѣнно было бы ему хлопотать, чтобы избытки монастырскихъ доходовъ употреблялись на улучшеніе училищъ вообще. Можетъ быть, училищное его

жалованье чрезъ это бы удвоилось, но теперешніе доходы отъ монастыря гораздо болѣе предполагаемой еще прибавки. Кромѣ того онъ надѣется быть настоятелемъ болѣе богатаго монастыря. Наконецъ онъ поднимается еще на одну ступень въ церковной іерархіи; ну, тогда онъ уже сталъ выше училищъ; къ чему слишкомъ много заботиться о нихъ, особенно когда денежныя средства нужно взять у того сословія, къ которому самъ принадлежитъ? а иногда изъ той обители, въ которой самъ настоятельствуетъ? Нѣтъ, повторимъ свою мысль, долго ждать, пока по добровольному согласію настоятелей монастырскіе избытки въ суммахъ отчислятся на улучшеніе училищъ. Привиллегированныя лица почти никогда сами собою не отказываются отъ своихъ привиллегій въ пользу другихъ людей. Другое бы дѣло было, если бы начальники духовныхъ училищъ имѣли побужденія училищные интересы ставить выше монастырскихъ. Тогда бы они скоро доказали, что всѣ вообще училища по всѣмъ частямъ требуютъ быстраго улучшенія, что въ противномъ случаѣ угрожаетъ опасность и церкви и отечеству. Мы увѣрены, что они тогда бы и братію и настоятелей монастырскихъ убѣдили въ необходимости отдѣлить часть своихъ доходовъ на пользу духовнаго просвѣщенія.

III.

Неужели духовнымъ училищамъ суждено навсегда оставаться въ томъ незавидномъ положеніи, которое мы такъ подробно описали? Неужели въ управленіи ими долго еще станутъ держаться той системы, которая имѣла столь вредное на нихъ вліяніе? Неужели въ самомъ дѣлѣ нужно ожидать, чтобы Промыслъ какимъ либо чудамъ ихъ преобразовалъ? Мы не станемъ распространяться о томъ, что въ нихъ обучается болѣе 50 тысячъ дѣтей, что болѣе 130 тысячъ семействъ священно-церковныхъ служителей имѣютъ возможность только почти въ нихъ однихъ воспитывать своихъ сыновей, мы хотимъ обратить вниманіе на ту сторону религіозной жизни русскаго народа, о которой еще ничего не сказано въ нашей статьѣ. Образованіе, получаемое въ духовныхъ училищахъ, давно уже считается отсталымъ, мало соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ и несогласно съ господствующими идеями. Далѣе настроеніе, съ которымъ духовные воспитанники оставляютъ школу, не позволяетъ большой части на-

шихъ духовныхъ писателей излагать свои мысли, такъ требуютъ нынѣ господствующія понятіи о литературѣ. При такомъ положеніи неудивительно, что самое огромное большинство ученаго и свѣтски образованнаго общества почти вовсе не обращаетъ вниманія на духовную литературу, или прочитавши нѣкоторыя сочиненія, къ ней относящіяся, отзывается съ презрѣніемъ о ней. Поэтому лица, принадлежащія къ этому обществу, или вовсе не заботятся о религіозныхъ истинахъ, или ознакамливаются съ ними изъ иностранныхъ источниковъ, преимущественно протестантскихъ, отчасти католическихъ, и даже изъ сочиненій матеріалистовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что при совершенно свободной вѣротерпимости многія лица ученаго и свѣтскаго общества остались бы чистыми индеффферентистами, деистами, даже матеріалистами, или перешли бы въ протестанство, а женская половина, чего добраго, бросилась бы въ объятія католицизма и іезуитизма. Съ другой стороны схоластическая, безжизненная форма, въ которой излагаются богословскія науки, механическое заучиваніе уроковъ, тяжелый полуславянскій, полулатинскій слогъ, господствующій въ семинаріяхъ, незнакомство семинаристовъ съ жизнію и обществомъ, неумѣнье и нежеланье сближать съ нею религіозныя истины, и пр. и пр. сдѣлали то, что духовенство по своему школьному настроенію далеко и отъ простаго народа; намъ простолюдинъ скорѣе увлечется наставленіями начетчиковъ изъ раскольниковъ, нежели словами семинарскихъ ученыхъ. Вы назовете наши мысли и клеветою и мечтою и Богъ знаетъ чѣмъ! Напрасно.

не думайте такъ о нихъ. А лучше подумайте, отчего слова: семинарщина, семинарскій слогъ, семинаристъ, кутейникъ и пр. произносятся съ самымъ ѣдкимъ сарказмомъ чуть ли не во всѣхъ слояхъ русскаго общества? Отчего прибѣгаютъ къ этимъ словамъ, когда нужно осмѣять какую либо дурную книгу, указать на неуклюжаго человѣка, или глупаго педанта и пр.? Отчего, несмотря на множество сочиненій противъ раскольническихъ заблужденій, на еще большее множество распоряженій къ обращенію раскольниковъ, число ихъ постоянно увеличивается и считается уже милліонами, можетъ быть, пятками милліоновъ? Нѣтъ, какъ угодно, и духовенство разъединилось и съ высшими и съ низшими классами и притомъ именно отъ школьнаго своего воспитанія. Разъединеніе это не остановится, если причины его не уничтожатся. Неужели же надобно ожидать, пока одна часть общества готова будетъ перейти въ протестантизмъ или католицизмъ, а другая обратится въ расколъ? Не лучше ли серьёзно подумать о преобразованіи духовныхъ училищъ и преобразовать ихъ не по уставу старинной кіево-братской академіи, не по образцу католическихъ-іезуитскихъ заведеній, не по монастырскимъ правиламъ, а примѣнительно къ живымъ потребностямъ русскаго народа, въ духѣ нашего Православія, по которому священникъ не есть отшельникъ, а самый дѣятельный и полезный гражданинъ?

И такъ оставлять духовныя училища въ настоящемъ ихъ положеніи, не заботиться о ихъ преобразованіи и улучшеніи или преобразовывать въ смыслѣ

ретроградномъ, по нашему мѣнію, недобросовѣстно, безчеловѣчно, безбожно, противно интересамъ Православія, *неправославно!!!* Тотъ, кто открыто словомъ и сочиненіями нападаетъ на Православіе, менѣе намъ кажется опаснымъ для него, нежели тѣ, которые препятствуютъ улучшить духовныя училища и сблизить образованіе воспитанниковъ ихъ съ современными потребностями и идеями. Перваго можно опровергать съ большимъ успѣхомъ при помощи Св. Писанія, отеческихъ преданій, здраваго смысла и пр.; а послѣдніе, намѣренно или не намѣренно, своимъ противодѣйствіемъ и обскурантизмомъ отказываютъ, а можетъ быть и намъ самимъ, въ возможности имѣть такихъ духовныхъ пастырей и учителей, которые бы съумѣли руководить людей въ дѣлѣ спасенія и защищать Православіе отъ его враговъ.

Въ чемъ же должно состоять преобразованіе и улучшеніе духовныхъ училищъ? Объяснимъ свою мысль сравненіями. Пусть въ какомъ либо домѣ отъ ветхой кровли дождевая вода льется въ комнаты сквозь потолокъ, портитъ штукатурку на немъ и на стѣнахъ и составляетъ цѣлыя лужи на полу. Хорошо ли бы поступилъ хозяинъ, если бы онъ только замазывалъ потолочины, поправлялъ штукатурку, закрашивалъ пятна, которыя вода дѣластъ на потолкѣ и стѣнахъ, вытиралъ воду на полу, а о починкѣ кровли вовсе не думалъ? Пусть еще въ какомъ либо домѣ отъ худаго фундамента появятся трещины въ стѣнахъ. Хорошо ли бы поступилъ хозяинъ, если бы онъ только задѣлывалъ ихъ, а фундаментъ оставлялъ въ прежнемъ положеніи? Не

лучше ли бы главнымъ образомъ позаботиться объ исправленіи фундамента? Наконецъ пусть какая либо квартира холодна отъ того, что сквозь трещины и окна фундамента наружный воздухъ свободно втекаетъ въ подполье и оттуда сквозь полъ въ комнаты. Хорошо ли поступилъ бы хозяинъ, если бы старался только о томъ, чтобы жарче топить печь, плотнѣе притворять двери, уконопачивать окна, а фундаментъ оставлялъ опять въ прежнемъ положеніи? Задѣлай прежде всего въ немъ трещины, закрой окна, тогда и легкая топка сдѣлаетъ квартиру теплою. Точно такимъ образомъ при административныхъ и училищныхъ реформахъ нужно обращать вниманіе на главную причину существующихъ недостатковъ и злоупотребленій, и прежде всего ихъ устранять; тогда прочія второстепенныя причины со всѣми ихъ послѣдствіями или сами собою уничтожатся, или безъ большаго труда отстранятся. Поэтому при улучшеніи духовныхъ училищъ нужно прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, отъ котораго существеннымъ, главнымъ образомъ зависитъ теперешнее неудовлетворительное состояніе ихъ. Нужно прежде исправить фундаментъ и кровлю, а потомъ уже позадѣлать трещины, позамазать пятна, поправить окна и двери и даже, пожалуй, купить хорошія дрова и отапливать ими комнаты и классы. Но изъ сказаннаго нами во второмъ отдѣлѣ эпилога о томъ обстоятельствѣ, отъ котораго главнымъ образомъ происходитъ большая часть безпорядковъ, недостатковъ и злоупотребленій въ духовныхъ училищахъ, по видимому, можно заключить, что и улучшеніе послѣднихъ

должно начаться съ устраненія тѣхъ лицъ, которыя теперь стоятъ во главѣ управленія ими. Съ такимъ заключеніемъ мы не согласны: *Главная причина неудовлетворительнаго нынѣшняго состоянія семинарскаго образованія*, по нашему мнѣнію, *состоитъ собственно не въ иночествующихъ лицахъ, а въ томъ, что они, сдѣлавшись начальниками духовныхъ училищъ, смотрятъ на нихъ, какъ на монастыри, на наставниковъ и учениковъ, какъ на старшую братію и послушниковъ, стараются воспитанникамъ давать такое направленіе, какъ будто бы имъ всѣмъ нужно быть монахами, сообразуются при управленіи своими подчиненными не съ здравыми педагогическими идеями, а съ монастырскими правилами, и пр. и пр. Вотъ въ чемъ заключается главная причина зла.* И потому если теперешніе и будущіе начальники-иноки найдутъ неудобнымъ отказаться отъ подобнаго взгляда на воспитаніе, тогда имъ, скажемъ откровенно, нужно отказаться и отъ управленія училищами. Вѣдь право не только не благоразумно, а даже смѣшно составлять монастыри изъ 10—20 лѣтнихъ отшельниковъ, людей, которымъ послѣ нельзя нежениться воспитывать въ мизогеническихъ понятіяхъ; — опять людей, которые болѣе всѣхъ должны быть знакомы съ свѣтомъ, держать и учить такъ, какъ будто бы имъ должно было жить внѣ міра и пр.; — право смѣшно. Но продолжительная наша жизнь, наше знакомство въ вами, г.г. прогрессисты, убѣдили насъ, что и вы способны отказаться отъ тѣхъ идей, которыя теперь имѣютъ столь вредное вліяніе на духовныя училища; между вами много есть людей, которые проникнуты

самыми гуманными, самыми здравыми педагогическими идеями, готовы слѣдовать и даже нерѣдко слѣдуютъ имъ въ управленіи училищами. И такъ объявите себя открытыми защитниками и послѣдователями этихъ идей, увлеките своимъ примѣромъ прочихъ вашихъ собратовъ, заставьте ихъ отказаться отъ устарѣвшаго взгляда на духовную образованность; тогда и я темный и неизвѣстный человѣкъ, котораго вы теперь, чего добраго, считаете своимъ врагомъ, скажу: *и вы* можете оставаться въ духовныхъ училищахъ, даже при начальническихъ должностяхъ, разумѣется не одни именно-то только *вы*.

Къ такому поступку располагаетъ насъ то обстоятельство, что для замѣщенія вашихъ ученыхъ должностей, съ перваго по крайней мѣрѣ разу, не скоро можно найти достойныхъ людей. Г.г. члены бѣлаго духовенства, священники и протоіереи! Между вами есть безъ сомнѣнія немало способныхъ педагоговъ, болѣе даже, нежели между иноками. Но надѣетесь ли вы остаться довольными, если всѣ начальническія мѣста съ духовныхъ училищахъ замѣстятся лицами, избранными изъ среды васъ, съ тѣми же правами, которыми пользуются нынѣшніе ректоры и инспекторы. Вы жалуетесь, что многіе изъ нихъ обнаруживаютъ къ обидѣ вашихъ дѣтей особенное вниманіе къ своимъ племянникамъ и братьянъ, пристроиваютъ своихъ племянницъ и сестеръ, позволяютъ своему повару имѣть слишкомъ короткое знакомство съ училищными кладовыми. Мы ихъ не одобряемъ за это. Но позвольте вамъ сказать, что у вашей братіи и ихъ женъ вдвое болѣе племянниковъ и

племянницъ, братцевъ и сестеръ, нежели у иноковъ; любовь къ родственникамъ нисколько не слабѣе, какъ и у нихъ; кромѣ того въ вашихъ семействахъ есть дочери и сыновья. Надѣетесь ли вы, что начальники изъ среды васъ менѣе станутъ заботиться о своихъ близкихъ и дальнихъ родственникахъ? Мы по крайней мѣрѣ увѣрены, что они будутъ имѣть нужду въ деньгахъ болѣе, нежели иноки. У послѣднихъ нѣтъ ни сыновей, ни дочерей, ни женъ, но есть монастыри, которыхъ доходами они пользуются; а вашимъ собратіямъ, иногда съ огромными своими семействами придется довольствоваться только однимъ жалованьемъ. И если бы оно было удвосно, даже утроено, то и тогда едвали бы его достало на мнимыя и дѣйствительныя нужды. Притомъ теперешніе начальники духовныхъ училищъ не часто служатъ на родинѣ; отчего самая большая часть ихъ родныхъ живетъ гдѣ либо въ другихъ губерніяхъ; а вѣдь отъ вашихъ родныхъ, по русскому изреченію, *проходу не будетъ* близъ васъ. И такъ, повторимъ, честнѣе ли будутъ распоряженія по экономической части, больше ли увидите безпристрастія въ оцѣнкѣ успѣховъ ученическихъ при начальникахъ-вашихъ собратахъ, нежели при теперешнихъ инокахъ? Мы слишкомъ въ этомъ сомнѣваемся и не безъ причины. Тѣ изъ васъ, которые теперь занимаютъ должности начальниковъ въ низшихъ училищахъ, кромѣ немногихъ исключеній, не отличаются безкорыстіемъ и безпристрастіемъ; въ этомъ и вы съ нами согласитесь.

Далѣе свѣтскіе наставники въ семейномъ отношеніи подлежатъ тѣмъ же условіямъ, какъ священ-

ники и протоіереи; поэтому у тѣхъ и другихъ одинаковое количество побужденій къ злоупотребленіямъ. Но въ пользу ихъ есть одно обстоятельство. Къ лицамъ, облеченнымъ въ рясы всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, начиная отъ чернаго до пунцоваго, боятся какъ-то прикасаться; — рясою и такъ называемымъ уваженіемъ къ духовному сану прикрываются иногда многіе недостатки и злоупотребленія. Напротивъ съ фрачниками менѣе церемонятся на службѣ. Кромѣ того священнику, уволенному отъ службы, непремѣнно дадутъ приходъ; а свѣтскій наставникъ въ *такихъ казусахъ* можетъ остаться вовсе безъ куска хлѣба. Сознаніе этой опасности и невозможность прикрываться священнымъ званіемъ заставятъ его быть осторожнѣе и исправнѣе, нежели всякое духовное лицо. И такъ, г.г. прогрессисты, вы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ большею пользою можете занимать начальническія мѣста въ училищахъ, нежели полупрогрессисты и непрогрессисты; — только откажитесь отъ монастырски-педагогическихъ теорій по части воспитанія.

Отказавшись отъ этихъ идей, вы должны еще отказаться отъ несправедливо присвоенной вами привиллегіи занимать всѣ начальническія должности въ среднихъ и высшихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ. Покажите вы такъ рѣдко замѣчаемые примѣры, когда само сословіе добровольно лишаетъ себя тѣхъ изъ своихъ правъ и привиллегій, которыя сдѣлались отяготительными для другихъ сословій; подобнымъ самоотверженіемъ вы заслужите уваженіе самыхъ злыхъ вашихъ ненавистниковъ. И потому, если духовныя училища еще будутъ управляться по уставу

Сперанскаго и Θеофилакта, то откажитесь отъ инспекторскихъ мѣстъ и въ семинаріяхъ и въ академіяхъ; тутъ священники и особенно свѣтскіе наставники будутъ гораздо полезнѣе васъ. Потомъ ректорскія мѣста пусть будутъ замѣщаемы достойными лицами, но не одними монашествующими, а священниками и протоіереями, вмѣстѣ съ тѣмъ попробуйте сдѣлать опытъ, опредѣливши ректоромъ семинаріи свѣтскаго профессора, разумѣется, воспитавшагося подъ вашимъ надзоромъ въ духовныхъ училищахъ, — попробуйте; не удастся ли этотъ опытъ?

Всякая реформа и всякое улучшеніе тогда только удаются, когда устранятся причины, побудившія рѣшиться на нихъ; въ противномъ случаѣ злоупотребленія и недостатки или нисколько не ослабнутъ и не умепьшатся, или на время подавленные разовьются послѣ съ большею силою. Поэтому удержится ли теперешняя, или введется новая организація духовныхъ училищъ, нужно непремѣнно исправить тѣ недостатки, которые нами такъ подробно разъяснены во всей нашей статьѣ. Прежде всего, по нашему мнѣнію, не надобно никакими штатами ограничивать число лицъ, обучающихся въ духовныхъ училищахъ (кромѣ спеціально-богословскаго факультета, если онъ установится); пусть обучаются и оканчиваютъ курсъ всѣ дѣти священно-церковно-служителей, исключая тѣхъ, которые по своимъ поведенію и безуспѣшности не заслуживаютъ этого. Далѣе нужно наставниковъ обезпечить хорошимъ жалованьемъ и возвысить ихъ не только надъ рязанскими и костромскими плотниками, фельдшеромъ, поваромъ и исполнителемъ с. пе-

тербургской духовной академіи, дьячками и пр., но даже надъ сельскими священниками; иначе опять между ними могутъ появиться *Мареафоны*. Потомъ слѣдуетъ ограничить деспотизмъ начальниковъ училищъ и возвысить значеніе наставниковъ, допустивъ ихъ къ участію въ распоряженіяхъ по крайней мѣрѣ ученою частію; иначе ученики по прежнему не станутъ ихъ уважать и заниматься ихъ науками; да и сами они не будутъ заботиться о добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей. Еще нужно уничтожить привиллегіи, присвоенныя только однѣмъ наукамъ, проклятіе, наложенное на другія, привиллегіи нѣкоторыхъ учениковъ, — нѣвчихъ и письмоводителей, сдѣлать экзамены не кукольными комедіями, не гимнастическимъ заведеніемъ для поклоновъ; нужно посылать ревизоровъ не для замазыванія, для.... нужно..... но *всѣ эти нужно* здѣсь не зачѣмъ пересчитывать, иначе пришлось бы написать новую часть; о всѣхъ *этихъ нужно* мы уже или говорили, или можно догадаться изъ нашихъ словъ; и *всѣ эти нужно* непремѣнно *нужно* привести въ исполненіе.

Вѣроятно, всѣ люди вообще, привыкши въ дѣтствѣ находиться подъ вліяніемъ другихъ, имѣютъ нужду въ надзорѣ за своими поступками и въ возмужаломъ возрастѣ. Отъ этой привычки или, пожалуй, отъ этого закона не свободно и служащее человѣчество, къ какому бы оно вѣдомству ни принадлежало; контроль надъ нимъ еще болѣе нуженъ, нежели надъ частными лицами. По отношенію къ духовнымъ училищамъ такой контроль, какъ мы сказали въ 4 главѣ 4 части, долженъ быть двоякій: сверху и

снизу. Первый долженъ бы состоять въ назначаемыхъ правительствомъ лицахъ въ родѣ попечителей и инспекторовъ учебныхъ округовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія; — а второй въ почетныхъ попечителяхъ, избираемыхъ бѣлымъ духовенствомъ независимо отъ эпархіальнаго начальства, при прокурорѣ или стряпчемъ, или въ избираемыхъ точно такимъ же образомъ членахъ училищнаго правленія. Мы уже высказали и теперь повторяемъ мысль, что попечители обоихъ родовъ должны быть свѣтскіе, образованные и набожные люди; члены же Правленія могутъ быть изъ бѣлаго духовенства и изъ наставниковъ. Безъ того и другаго контроля духовныя училища, какъ ни улучшайте ихъ, скоро опять дойдутъ до того же положенія, въ какомъ нынѣ находятся, или никогда не выйдутъ изъ него.

IV.

При всякой реформѣ нужна инициатива. При реформѣ духовныхъ училищъ она можетъ быть предложена 1) отъ иночествующаго духовенства, 2) отъ бѣлаго духовенства, 3) отъ общества и 4) отъ литературы. Отъ кого же болѣе всего можно ожидать её?

1. Мы выше замѣтили, что сословные интересы иночествующаго находятся въ антагонизмѣ съ интересами бѣлаго духовенства и съ улучшеніемъ духовныхъ училищъ. Поэтому никакъ нельзя ожидать, чтобы отъ этого сословія началась и приведена была въ исполненіе такая реформа духовныхъ училищъ, которая бы вполнѣ удовлетворила современнымъ потребностямъ общества, бѣлаго духовенства и основана была на нынѣшнихъ идеяхъ о воспитаніи. Мы уже говорили, что между нашими архипастырями истинно-образованые люди, вполнѣ сочувствующіе гуманности, готовые на всѣ пожертвованія; но едвали можно тоже сказать о массѣ иночествующаго сословія. Расположить ее къ уступкамъ можно, если или

большинство ея на нихъ согласится, или нѣсколько авторитетныхъ людей увлекутъ прочихъ за собою. О большинствѣ нечего говорить; его составить нельзя. А авторитетные люди? Кажется ихъ немного. Есть впрочемъ одинъ Архипастырь, котораго авторитетъ признается всѣми почти ужъ цѣлое полустолѣтіе, котораго нравственное вліяніе на все духовенство неоспоримо и неотразимо, котораго умъ способенъ разрѣшить самыя запутанныя задачи, понять самыя глубокія идеи, привести въ исполненіе самые сложные планы, котораго стойкость непобѣдима, готовность служить церкви и отечеству несомнѣнны, котораго могучее слово и всесильный примѣръ можетъ или увлечь всѣхъ за собою, или заставить молчать. *Вотъ этотъ-то Архипастырь могъ бы еще преобразовать и улучшить духовныя училища.* А безъ него?... ..... По слухамъ въ третій разъ уже составляется комитетъ о необходимыхъ преобразованіяхъ по духовноучебному вѣдомству; года три уже собраны мнѣнія епархіальныхъ и семинарскихъ начальниковъ о нуждахъ и недостаткахъ училищныхъ. А духовныя училища все-таки остаются въ прежнемъ своемъ видѣ и надолго еще останутся. А если вѣрить слухамъ, то предполагаемыя улучшенія какъ бы еще болѣе не отодвинули назадъ духовныхъ училищъ. И такъ отсюда инициативы едвали можно ожидать, даже *едвали нужно желать.*

2. Бѣлое наше духовенство такъ издавна уже пріучается къ повиновенію и смиренію, къ безропотному перенесенію своей жалкой участи, итакъ привыкло ко всему этому, что никогда не рѣшится оффиціалнымъ образомъ

въ общемъ прошеніи выразить свои скромныя желанія объ улученіи духовныхъ училищъ. Тихонько и оно жалуется на дурное ихъ состояніе, скорбитъ о томъ, что никто не думаетъ объ ихъ улучшеніи, тихонько — уже шопотомъ даже побраниваетъ тѣхъ, кто бы долженъ этимъ озабочиваться, но выступить открыто противъ злоупотребленій и потребовать устраненія недостатковъ никогда не будетъ имѣть смѣлости. Само петербурское духовенство, всѣ тамошніе магистры-священники и протоіереи скорѣе соглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназію нежели, *общимъ міромъ - соборомъ* ходатайствовать и настаивать объ устраненіи училищныхъ недостатковъ и несправедливостей. А что Святые отцы? Если бы вы всѣ шестьдесять пять тысячъ священниковъ и дьяконовъ изъ всѣхъ епархій единодушно на бумагѣ просили объ этомъ свое высшее начальство; то едвали оно осмѣлилось отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Вѣдь васъ всѣхъ отставить отъ должности нельзя и не за что; — просить объ улучшеніи воспитанія своихъ дѣтей никому не запрещается; противъ такихъ просителей въ XV томѣ свода законовъ не положено никакихъ наказаній. Не уважить покорнѣйшей просьбы шестидесяти пяти тысячъ еще менѣе возможно. А что? не попросить ли вамъ въ самомъ дѣлѣ? Попробуйте; но нѣтъ у васъ, не достанетъ смѣлости.

3. Объ улучшеніи духовныхъ училищъ общество должно бы позаботиться едвали неболѣе, нежели само духовенство. Религія признается за основу гражданскихъ обществъ; православіе помогло намъ освобо-

диться отъ Татаръ, защитило насъ отъ Поляковъ, ободряло и одушевляло насъ въ опасныхъ случаяхъ; русскій народъ считаетъ себя набожнымъ и благочестивымъ народомъ, по преимуществу православнымъ. Какъ же бы послѣ этого не постараться объ улучшеніи духовныхъ училищъ; вѣдь при дурномъ ихъ состояніи наше нравственное и религіозное, а вмѣстѣ съ тѣмъ умственное образованіе или встрѣтитъ сильныя препятствія, или получитъ неправильное направленіе. Но по какимъ-то давнишнимъ несчастнымъ обстоятельствамъ у насъ замѣтно глубокое разъединеніе между духовенствомъ и народомъ. Аристократія съ высоты величія своего въ пренебреженіемъ смотритъ на тѣхъ пастырей, которые именемъ Бога нѣсколько столѣтій учили народъ повиноваться ей. Простой народъ поклонится *батюшкѣ*, поцѣлуетъ его руку, а изъ-за угла готовъ послать ему краснѣнькое словцо; притомъ онъ крѣпко защищаетъ свой карманъ; да и странно ему думать объ улучшеніи духовныхъ училищъ, когда его собственныхъ дѣтей ничему еще не учатъ.

4. Литература, конечно, моглабы открыть публикѣ всѣ недостатки и злоупотребленія, господствующія въ духовныхъ училищахъ и тѣмъ внушить и развить мысль о необходимости улучшенія. Но у нее есть *не зависящія отъ воли автора обстоятельства;* въ слѣдствіе которыхъ она ничего не можетъ сдѣлать.

И такъ, если нельзя ожидать инициативы ни отъ чернаго и бѣлаго духовенства, ни отъ общества, ни отъ литературы; то неужели духовныя училища

должны, какъ мы выше замѣтили, навсегда, или надолго оставатся въ томъ дурномъ положеніи въ какомъ они теперь находятся? Да! мы сказали бы, если бы дѣло происходило въ Англіи, Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и пр. Тамъ нельзя ждать улучшеній какого либо сословія, когда о нихъ молчитъ литература и само сословіе, когда къ нимъ не расположено ближайшее начальство его и общество. Но къ остаетію у насъ въ Россіи есть Власть, Которая стоитъ выше всѣхъ сословій, выше всѣхъ прогрессистовъ, выше общества, и однимъ своимъ словомъ можетъ оживить литературу; — которая одинаково заботится объ интересахъ, какъ высшихъ, такъ и самыхъ низшихъ классовъ людей, не увлекается духомъ партій, предразсудками, сословными идеями; — въ которой угнетенные находятъ защиту; слабые — поддержку, нуждающіеся — помощь. Эта власть издавна постепенно, но вѣрнымъ шагомъ и непреклонною волею улучшаетъ состояніе бѣлаго духовенства, освобождая его отъ того униженнаго и жалкаго положенія, въ которомъ оно находилось въ допетровскія времена. Не она ли въ Св. Синодѣ дала протоіереямъ одинаковый голосъ съ архіепископами и митрополитами? Не она ли въ лицѣ прежнихъ Оберъ-священниковъ и нынѣшнихъ Главныхъ Священниковъ доставила бѣлому духовенству возможность доказать примѣромъ, что члены, избранные изъ него же самого, управляютъ церковными и духовными дѣлами гораздо лучше епархіальныхъ начальниковъ? Не она ли въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія постановила, чтобы всѣ дѣти

священно-церковно-служителей непремѣнно обучались въ училищахъ? Не она ли, какъ мы сказали, въ началѣ тридцатыхъ годовъ сама предлагала высшему духовному начальству указать на нужды духовенства и вызывалась сама отъ себя жертвовать необходимыя для того суммы, и если сдѣлала немного, то потому только, что начальство больше ничего не просило? Не она ли въ началѣ сороковыхъ годовъ тоже сама собою безъ всякаго ходатайства духовнаго начальства рѣшилась обезпечить сельское духовенство постояннымъ жалованьемъ и, не смотря на всѣ финансовыя затрудненія, продолжаетъ приводить свою мысли въ исполненіе? А кромѣ того ты бѣлое духовенство, развѣ не считаешь признакомъ особеннаго довѣрія, расположенія и вниманія къ тебѣ того обстоятельства, что члены Августѣйшаго Семейства получаютъ нынѣ наставленія Православной Вѣры и разрѣшеніе отъ своихъ прегрѣшеній отъ лицъ, избранныхъ изъ среды твоей, а не изъ сословія, надъ тобою властвующаго. Отъ этой то власти ты можешь ожидать и непремѣнно получишь тѣ улучшенія, которыя такъ необходимы не только для образованія твоихъ дѣтей, но и для улучшенія твоего быта. Она уже и теперь сама собою озабочена этимъ. Но почему и тебѣ не вспомнить русской пословицы: *дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ?* Почему же лицамъ изъ которыхъ ты состоишь, не выражать скромныхъ и справедливыхъ своихъ желаній, хотя бы напр. въ слѣдующихъ словахъ: „*Царь-Освободитель!* Когда болѣе половины сельскаго народонаселенія находилось подъ тяжимъ игомъ крѣ-

постнаго права, можетъ быть, и намъ — смиреннымъ его пастырямъ - нужно было оставаться въ патримоніальныхъ отношеніяхъ къ своимъ ближайшимъ властямъ; можетъ быть наставники рабовъ и сами не должны быть слишкомъ знакомы съ самостоятельностію и свободою. Но теперь между твоими подданными нѣтъ рабовъ; — теперь мы, оставаясь при прежнихъ формахъ управленія, годимся ли быть руководителями свободныхъ людей? Не нужно ли намъ даровать тѣже гражданскія права, которыми пользуются всѣ твои подданные? *Царь-Освободитель!* Когда тоже крѣпостное право тяготѣло надъ огромною частію народа, просвѣщеніе, можетъ быть, было неумѣстно для нее, тогда, можетъ быть, недостатки нашего просвѣщенія не очень были замѣтны; кто руководитъ людей, находящихся въ мракѣ, для того ненужно, по крайней мѣрѣ безполезно, орлиное зрѣніе. Но теперь, когда всѣ твои подданные, какъ люди свободные, имѣютъ нужду въ образованности, то не нужно ли нашихъ дѣтей, какъ будущихъ пастырей, такъ воспитывать, чтобы, они способны были руководствовать не рабовъ, а свободныхъ людей. *Царь-Освободитель!* Но прежнимъ условіямъ жизни русскаго народа высшее образованіе было удѣломъ немногихъ людей; новыя современныя идеи входили къ намъ украдкою, распространялись втихомолку и оставались извѣстными кое-кому. Ты измѣнилъ и оживилъ царство свое и въ этомъ отношеніи, въ будущемъ предвидятся еще обширнѣйшія, неизбѣжныя измѣненія. Но если наша школьная, схоластическая, устарѣлая ученость такъ разъединила насъ съ об-

ществомъ, что высшіе классы наклонны стали къ протестантизму, а низшіе къ старообрядчеству, то до какой степени дойдетъ это разъединеніе, если всѣ сословія двинутся впередъ, а мы — ихъ пастыри — или останемся на одномъ мѣстѣ, или даже подадимся назадъ? *Царь-Освободитель!* Если потомки Мономаховичей, Олеговичей, Ольгердовичей, Гедиминовичей, Монгольскихъ Мурзъ, Калмыцкихъ Султановъ, Грузинскихъ Князей и пр. не посмѣли противодѣйствовать тебѣ въ уничтоженіи крѣпостнаго права; то какъ Тебѣ легко поднять насъ, возвысить нашу образованность и измѣнить весь нашъ бытъ? *Скажи только и сдѣлается, прикажи и исполнится.* А мы, всегдашніе твои богомольцы, не только своими молитвами, но и словомъ и дѣломъ станемъ споспѣшествовать исполненію Твоихъ предначертаній. Да и какъ намъ иначе поступить? *У насъ на Тебя одного надежда, Надежда-Православный Царь!*

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера & Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

Nouvelles Publications russes!

chez Franz Wagner à Leipzig.

Ф. П. ФОНТОНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ПИСЬМА.

F. P. FONTON.

SOUVENIRS.

LETTRES HUMORISTIQUES, POLITIQUES ET MILITAIRES

écrites, en 1828 et 1829, du quartier général de l'armée du Danube.

2 volumes. Prix 30 francs.

Nous attirons l'attention de nos lecteurs russes sur cette publication du spirituel diplomate. Les lettres dont elle se compose, bien qu'écrites il y a plus de trente ans, décèlent déjà cette vivacité de conception, cette variété de connaissances, et, qui plus est, cette indépendance d'opinion et ce jugement sur les affaires politiques et militaires qui ont acquis à l'auteur l'influence directe ou indirecte qu'il a exercée par la suite, et nommément pendant la dernière crise orientale et lors des négociations qui ont précédé la paix de Paris.

A côté de notions du plus haut intérêt sur la situation de la Turquie et des peuples chrétiens de la péninsule Balcanienne, notions qui ont en ce moment l'intérêt palpitant de l'actualité, et d'anecdotes piquantes qui caractérisent les hommes et les choses de l'époque, les lettres publiées ont le mérite d'être l'histoire intime de la guerre, et de refléter les opinions et les vœux qui régnaient à cette époque dans l'armée et dans la nation russes.

Pour mettre nos lecteurs à même de juger de l'intérêt de cette publication nous ne pouvons mieux faire que de donner ici un indicateur du contenu des lettres dont elle se compose.

Le premier volume est la description de la campagne Cis-Balcanienne en 1828, à laquelle le jeune souverain de la Russie, dont le caractère et l'énergie attiraient alors l'attention générale, était venu assister en personne, accompagné des représentans de tout l'Europe.

Les Lettres du premier volume conduisent le lecteur de Pétersbourg au quartier général de l'armée et ensuite à travers toutes les péripéties de la guerre jusqu'a Varna et Silistria et de là aux quartiers d'hiver à Jassi. Nous croyons faire plaisir à nos lecteurs en donnant leur nomenclature.

I Pétersbourg. Annonce de la rupture La diplomatie et la guerre La commission des lois. Speranski L'Empereur Alexandre et la question d'Orient. Canning Wellington à Pétersbourg. Le comte Nesselrode, le protocole de St Pétersbourg et le traité du 6. Juillet 1827 Metternich. Le Sultan Mahmud — II. Machiavelli. Le philosophe politique et le politique Italien Sir Alexandre Punget. Son opinion sur les Turcs. Politique de la Russie en Orient. Représentans russes à Constantinople. Koutchoubey, Tomara, Italinsky, Stroganow Les émigrés français à Pétersbourg. La maison de la princesse Schakhowskoy. Les comtes Maistre. Le comte Paul Schouwalow. Les poètes Baratinsky, Pouchkine et Dellwig — III Odessa Welki Luki. Sa célébrité. Le congrès de Vérone. L'Empereur Alexandre et le Grand-Duc Constantin Les postes, les routes. Le comte Worontzow gouverneur de la nouvelle Russie. — IV. La steppe Akermann La Bessarabie La race roumaine Dénominations singulières des peuples de ces contrées. — V. Kischenew. Popularité. Jermolow. La Seconde armée. Le prince Wittgenstein, le général Kisselow. Sentimens des officiers dans l'armée — VI Passage du Pruth Vale strimba, la vallée maudite. Différences des Turcs lors de la paix du Pruth Indications des projets militaires. — VII Camp sous Brailow. Le siège. Plusieurs cuisiniers gâtent la sauce. — VIII. Babadagh. Passage du Danube. Désenchantemens. — IX Idem Galibe Divan conseil des ministres turcs L'Empereur Nicolas et les Neerasowtzys Le cabinet de Vienne constitutionnel en Portugal — X. Kara-su. La Dobrutcha. La marche du quartier général La horde d'or européenne en marche. — XI. Kara-su. Inactivité. Les opérations d'après les jugements de César Machiavelli et Jomini. Inutilité des sièges de Brailow et d'Anapa. — XII. Kara-su. Assaut de Braïlow repoussé L'Europe dans le camp russe. Reddition de la place. — XIII. Kara-su Soeur Anne. Ce que l'on fait au camp en attendant la prise d'Anapa. Mémoire du comte Matusewitch sur l'établissement d'un royaume de Grèce. Des diplomates en général, des diplomates russes en particulier. Le comte Capodistrias non Russe en Grèce mais Grec en Russie. De la nécessité pour une politique russe d'être faite en russe. — XIV. Kasardjik. Beaucoup de bruit à propos d'une échauffourée insignifiante. Le manque d'eau et le vin de champagne frappé. — XV. Kasardjik. Grand bruit à propos d'une affaire d'avant postes Le brave colonel Plaoutine. Le poète Chomiakow. — XVI. Camp sous Schumla. Cette place forte Son importance stratégique Affaire qui n'en est pas une. Bon mot du général Rudzewitch à l'intendant général — XVII Le camp sous Schumla. Disposition des troupes. Le prince Eugène de Wurtemberg. Le général Roth à Silistrie. Le 5. de lanciers. Le général Scheremetieff nommé Scheremet-Pacha par les Turcs. — XVIII Une nuit à Schumla. Allerte nocturne. — XIX Défense des jeux de hasard. Pourquoi on les tolère — XXI. La montagne verte. Affaire brillante La cavalerie turque. Le fusil de munition et les soufflets. — XXI. Ce qu'on ne fait pas sous Schumla. La fièvre, les discussions et les redoutes Le général Dovré et le blocus offensif Départ de l'Empereur. — XXII. Ennuis sous Schumla. Le siège de Varna. Le prince Menschikoff blessé. Le prisonnier turc et les canons de bois. — XXIII. Ce que peut faire une revue d'inspection mal à propos. L'esprit de l'escalier. Comment les Turcs coupent les oreilles. — XXIV. Schumla. Inactivité Préventions européennes. Contradictions. — XXV. Varna. Trajet de Schumla à Varna. Le charretier petit-russien Le jeu de paume entre les Turcs et les matelots russes et les chasseurs

des 13me et 14me regiments. — XXVI. Le vaisseau Paris. La Prusse comme médiatrice. La sourde oreille. La Grèce et le Grand-Duc Constantin. Approche d'Omer Vrioni. — XXVII. Les chasseurs de la garde, le comte Zalouski et le général Woropanow. Victoire de Baclechte. Les généraux Geismar, Grabbe et Tolstoy. — XXVIII. Les Allemands en Russie. Mots de Griboyedow et Jermolow. Le comte Diebitsch et l'ombre de Banco Un trait de courage — XXIX. Ce qu'étaient les grands Visirs. L'Empereur aux tranchées. L'explosion d'une mine. Opinion de Jomini. Affaire du prince Eugène avec Omer Vrioni. — XXX. Chûte de Varna. Son aspect. Départ de l'Empereur. Situation des Grecs et des Bulgares. Leurs espérances et la politique européenne. — XXXI. Kalarasch vis-à-vis de Silistrie. Comment il faut placer les troupes. Mot caractéristique Hiver. Cessation des opérations. — XXXII. Jassi. Description. Un juge. Le Divan. La situation morale. — XXXIII. Jassi. La frégate impératrice Marie. Tempête. — XXXIV. Jassi. Conversations et discussions sur la campagne passée. XXXV. Attitude de l'Autriche. L'Empereur François, le prince Metternich et le comte Kollowrath. — XXXVI. Jassi. Les Grecs à l'armée. — XXXVII. Jassi. Conduite des Polonais à l'égard des Moldaves. Spoliations de Sobieski. Les jésuites en Pologne et en Russie. — XXXVIII. Jassi. Souvenirs. La paix de Bucharest. Le comte Koutousow. L'amiral Tchitchagow. Le comte Capodistrias. Lettres du dernier. — XXXIX. Jassi. Changement dans l'administration en Vallachie. Nomination du général Jeltukhine et pourquoi. L'acteur Zoulkowski à Varsovie. — XL. Jassi. Plans pour la campagne de printemps. — XLI. Changements dans le commandement de l'armée. — XLII. Jassi. les Zigans, les Nègres et les Serfs. — XLIII. Arrivée des nouveaux chefs. Les généraux Diebitsch et Toll — XLIV. Jassi. Préparatifs pour l'entrée en campagne. Projets et préparatifs des Turcs. Ce que les sultans étaient autrefois.

Volume II. Campagne Trans-Balcanienne. I. Préjugés nationaux. Le consul Claudius Pulcher. Opinion du général Toll. Le pestiféré. — II. Tchernowody. Pourquoi ce lac ne peut pas avoir été le lit du Danube. Déluges périodiques. — III. Investissement de Silistrie. Habitude de subordonner les opérations aux convenances de la Cour. Les princes Alexandre et Serge Galitzine. Les quatre grâces. Reyne. — IV. Camp sous Silistrie. L'électricité et le baron Schilling inventeur du télégraphe électrique. Le général Kreutz. Plans du grand Visir. — V. Koutchouc Kaïnardji Marche de Dibietsch sur Schoumla. — VI. Bataille de Koulevtcha. Destruction de l'armée turque. Bobylow chef d'une batterie légère d'artillerie à cheval. — VII. Herschel, les philosophes et la chaleur tropicale. Peste. Dévouement des docteurs. Contraste. Conférence d'Antoine Fonton avec le grand Visir. But de la Russie. Liberté d'action stipulée par les traités de 1811 Leur véritable signification. Traité de Chaumont. Déclaration de Vitry — VIII. Affaires navales. Le prince Metternich. Sa politique en Turquie. Les institutions anglaises. La Prusse et le Zoll-Verein. — IX. Reddition de Silistrie au général Krassowski. Plan de Diebitsch pour le passage des Balkans. Recrudescence de la peste. — X. Erkilch. Armée des Balcans La vue du Bosphore. Reflexions. Istamboul en grec is tin Bolin, ad urbem. Les généraux Rudiger, Roth, Wiliaminow. Retraite de ce dernier. — Aidos. Point de roses sans épines Souffrances des peuples chrétiens. Question morale indépendante de la question politique. Positions de l'armée russe. Motifs Le clergé grec en Turquie. Les sympathies. — XII. Aidos. Motifs des délais survenus dans les opérations. Le grand Visir et le prince Madatoff et Krassowski. Marche sur Sliwno. — XIII. Sliwno. Marche de l'armée. Pyrno ou Teplitz Bénazet et le trente et quarante. Victoire de Sliwno. Le diplomate turc prisonnier. Andrinople sans défense. — XIV. Eski Sarai. Prise d'Andrinople. Dispositions de la population turque. Le courrier français. — XV. Andrinople. Le diplomate et les caractères turcs. La barbe de Mahomed Situation désespérée des Mahométans dans la presqu'île Balcanienne. Résolutions du Cabinet de St. Pétersbourg. Pourquoi des conquêtes sont impossibles pour la Russie. L'Empereur Alexandre et le prince Prosorowski Importance de l'ouverture des détroits Elle ne peut se réaliser que par la division de la Turquie en royaume d'Europe avec Sophie pour capitale et royaume Osman avec Césarie pour capitale. — XVI. Eski Sarai. Nouvelles de St. Péters-

bourg. Hosrew Mirza envoyé persan pour l'assassinat de Griboyedow. La censure en Russie. L'Empereur Nicolas et Pouschkine. Nominations des comtes Pahlen et Orloff comme plénipotentiaires pour la paix. Intervention de la Prusse. Le Baron de Muffling. Inquiétudes au sujet du ministère Polignac en France. Marie Antoinette et Barnave. La bonne foi. Paul Louis Courrier sur les Bourbons. — XVII. Eski Sarai. Les plénipotentiaires turcs. La première conférence. Mourousi, Ipsilanti, Mawrocordato. Etat de décadance de la Turquie. Andrinople. La Mosquée de Sultan Selim. — XVIII. Arrivée des plénipotentiaires russes Pahlen et Orlow. Lettre des ambassadeurs de France et d'Angleterre Guilleminot et Gordon. Hati scherif du Sultan concernant les impôts des Chrétiens. XIX. Eski Sarai. Tergiversations des Turcs. Dernière déclaration. Réponse naive. — XX. Eski Sarai. Les conférences avec les Turcs. Canailles et bêtes. Le comte Orlow. Mahomet et Paléologue. Les Turcs et les Russes. — XXI. Eski Sarai. La paix. Les Koltuc Visirleri. Le diplomate autrichien. Abbibé Scherif la veuve de l'armée du Danube. — XXII. Eski Sarai. Les prophètes. Le comte Diebitsch Sabalkanski et le général Toll. Apathie des Turcs. Misri Effendi. Possibilité de convertir les Musulmans. — XXIII. La paix et le Pacha de Scodra. Comédie politique austriaco-britanique. — XXIV. Défaite du Pacha de Scodra. Le Baron Brunnow, Pitt, Castelreagh. Le comte Orloff attendu à Constantinople. — XXV. Accomplissement des conditions de la paix. La diplomatie russe et les prétentions des sujets russes — XXXI. Retraite des troupes d'Andrinople. Situation des Turcs et des populations chrétiennes. — XXVII. Burgas. Les quartiers d'hiver. Apprehensions, vu l'attitude des Bourbons en France. — XXVIII. Tahi. Les Bulgares et leur position. Les seize points de leurs réclamations. — XXIX. Le général Roth et les métamorphoses. Ghiaur Hassan, brigand institué chef des Bulgares de Rasgrad. — XXX. Pera. Sultan Bayazid. Daoud Pacha et le Ministre de la république polonaise. L'esprit de soumission des Turcs. — XXXI Bujukdéré. Le serpent, le sergent, le platane des Croisés, la Russie et l'Europe dans la question d'Orient. — XXXII. La Mosquée de St. Sophie. Le Ministre de Hollande. Le Ministre Tomara. Les chapelets turcs - Le Sultan Mahmud et Hoszew Pacha après la paix d'Andrinople. Le comte Orloff à Constantinople comme Stackelberg à Varsovie. — XXXIV. Pera. Idées fausses sur l'Empire d'Orient et la possibilité de son rétablissement XXXV. Burgas. Accomplissement par la Turquie des conditions de la paix. Evacuation de la Turquie. L'Hôpital d'Andrinople. — XXXVI. Satunowo. Passage du Danube. De l'établissement d'une société d'assurance contre la famine et de l'impôt progressif. — XXXVII. Tiraspol. Retour en Russie. La question d'Orient pour l'avenir. — XXXVIII. St. Pétersbourg Juin 1830. Inquiétudes inspirées par la situation des affaires en France. — XXXIX. St. Pétersbourg. Révolution de Juillet. Résolutions prises à Pétersbourg. Le prince Metternich. Les vues. Fréderic II. Joseph II. Le progrès à tout prix

ДЕПУТАТЫ

II

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

(les deputés et la commission rédigeante à St. Pétersbourg par rapport à l'émancipation es paysans).

Cet opuscule a été trés demandé et émanant de la plume d'un des auteurs les plus distingués de la Russie, aura toujours un grand intérêt pour les lecteurs.

ПОПРАВКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ

или

ЖЕНИТЬБА МАЮРА.

ЮРІЯ ПРИВАЛОВСКАГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

(Une fortune faite ou le mariage du Major, par George Privalovsky).

Prix: 1 Francs 90 Cents.

Ce poème comique plein de verve et d'allusions piquantes a toujours trouvé de nombreux lecteurs.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

ЮРІЯ ПРИВАЛОВСКАГО.

(Quel malheur d'avoir de l'esprit! par **A. S. Griboïédoff**).

Prix: 3 Frcs. 80 Cts.

Cette célèbre comédie étant une peinture fidèle de la société russe sera toujours une lecture utile et agréable.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

СОВРЕМЕННОМЪ ВОПРОСѢ РОССІИ

КАКЪ МОЖНО УЛУЧШИТЬ И УПРОЧИТЬ

БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ,

живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ.

(Quelques mots sur l'émancipation des paysans russes.)

Prix: 1 Franc.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

или

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА.

(Le Prince Loupovitzky ou l'arrivée au village. Comédie en deux actes et un prologue par C. Acsakoff).

Третье Изданіе.

Prix: 3 Frcs.

Cette comédie peint les travers des nobles russes qui, ne connaissant ni leur patrie ni le peuple, ont la manie de vouloir adapter à la Russie les usages français; les caractères y sont très bien dessinés. Le prince Loupovitsky est le type de ces gentilshommes russes qui, ayant reçu une éducation française, dépensent les revenus de leurs biens en voyages et à Paris et ne connaissent leur patrie que par des descriptions.

К. С. АКСАКОВА

ЗАМѢЧАНІЯ

на новое

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

крестьянъ въ Россіи.

(Remarques sur la nouvelle organisation administrative des paysans russes par C. S. Acsakoff.)

Второе Изданіе.

Prix: 5 Frcs.

Cette critique des nouveaux réglements qui concernent la population rurale de la Russie est l'oeuvre d'un auteur plein d'esprit et très goûté par le public. C'est sans contredit le plus intéressant entre tous les ouvrages qui traitent ce sujet.

КЪ СЕРБАМЪ

(AUX SERBES, ÉPITRE DE MOSCOU.)

Prix: 3 Frcs. 80 Cts.

Ces lettres écrites pour la plupart par le célèbre auteur russe Mr. Chomiakoff et signées par les principaux représentants du parti slave Mrs. Michel Pogodine, Alexandre Kocheleff, Jean Béïaieff, Nicolas Elagine, Juryi (Georges) Samarine, Pierre Bezsonoff, Constantin Aesakoff, Pierre Barteneff, Théodore Tchijoff, Jean Aesakoff sont une proclamation aux Serbes pour les engager à défendre leur nationalité.

КАКОЙ ИСХОДЪ ДЛЯ РОССІИ

ИЗЪ

НЫНѢШНЯГО ЕЯ ПОЛОЖЕНІЯ?

А. КОШЕЛЕВА.

(La Russie, son état de crise et moyen d'en sortir. par A. Kocheleff.)

Prix: 3. Frcs. 80 Cts.

La brochure suivante est une réfutation des reproches faites à l'auteur pour les opinions enuses dans cet ouvrage.

КОНСТИТУЦІЯ, САМОДЕРЖАВІЕ

И

ЗЕМСКАЯ ДУМА.

А. КОШЕЛЕВА.

(Constitution, Autocratie et Représentation nationale par A. Kocheleff.)

Prix: 1 Frcs. 25 Cts.

ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ХОДЪ РАЗВИТІЯ ОБРАЗОВАНІЯ

И

ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ.

ДЕ ГАЛЕТЪ.

(L'histoire de la Civilisation par de Gallet.)

Prix: 10 Frcs.

ОЧЕРКЪ
НАРОДНО-УЧЕБНАГО УСТРОЙСТВА
ВЪ КОРОЛЕВСТВАХЪ
ПРУССКОМЪ И САКСОНСКОМЪ.

СОСТАВИЛЪ

С. А. ТАНѢЕВЪ.

S. A. Tanéeff

Esquisse de l'instruction primaire dans les royaumes de Prusse et de Saxe.

Prix: 7 Frcs. 50 Cts.

Cet ouvrage est le résumé des recherches consciencieuses faites, pendant un long séjour à l'étranger, par l'auteur, fonctionnaire très haut placé, par ordre de S. M. l'Empereur et dans l'intérêt de sa patrie.

Un ouvrage très important, si-dessous indiqué, émanant de la plume d'un auteur aussi savant que célèbre sera publié en quelques mois:

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ
ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ
ВЪ РОССІИ.

(De l'organisation des écoles ecclésiastiques en Russie).

Cet ouvrage contient la critique des écoles, destinées à l'éducation du clergé gréco-russe, c'est-à-dire des écoles primaires, des séminaires et des académies. L'auteur est un auteur célèbre et connait à fond le sujet qu'il [illegible]; gardant l'anonyme, il découvre d'une manière aussi savante que spirituelle les [illegible]ces de l'organisation actuelle de ces écoles, sur lesquelles répose l'avenir du clergé russe, entre dans les plus petits détails, et propose les réformes qui lui [illegible]mblent indispensables. Tout, dans cette oeuvre, respir[illegible] le progrêt et un libéralism[illegible] noble que profondément senti.

Imprimerie de Bär & Hermann à Leipzig.

DE L'ORGANISATION

DES

ÉCOLES ECCLÉSIASTIQUES

EN RUSSIE.

Tome second.

Deuxième Édition.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.
1866.

Imprimerie de Bär & Hermann à Leipzig.

2007081278